

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

2023

ТОМ I

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

2023

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

к 320-летию основания Санкт-Петербурга
Материалы XXIX международной научной
конференции

Санкт-Петербург,
7 апреля 2023 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

РОССИЯ И МИР
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

к 320-летию основания Санкт-Петербурга

Материалы XXIX международной научной конференции

Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.

Том I

Санкт-Петербург

2023

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

P76

P76 **Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга:** матер. XXIX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – 561 с.

ISBN 978-5-7937-2304-6

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXIX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 320-летию основания Санкт-Петербурга, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 7 апреля 2023 года. Рассматриваются разнообразные вопросы отечественной и всемирной истории, философии, культурологии и других гуманитарных дисциплин. Особое внимание уделено освещению истории основания и развития Санкт-Петербурга, петровским реформам и личности императора Петра Великого. Подчеркнуто значение изучения отечественной истории для воспитания студенческой молодежи.

Предназначен для всех интересующихся отечественной и мировой историей, философией и другими гуманитарными науками.

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-2304-6

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ 320-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Демидов Алексей Вячеславович

доктор технических наук, профессор

ректор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Уважаемые участники и гости XXIX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 320-летию основания Санкт-Петербурга, приветствую вас в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна. Прекрасный город, Санкт-Петербург, является колыбелью российской науки и образования, развитие которых с петровских времен являлось важнейшим направлением государственной политики.

Проведение международных конференций историко-философской направленности стало доброй традицией нашего университета. Стремительное ускорение технического прогресса, перемены в политической жизни, экономической и культурной сферах только подчеркивают значение гуманитарного знания как основы воспитания современного человека.

Вопросы, которые поднимаются в рамках нашей научной конференции, имеют широкий горизонт для обсуждения и дискуссий. Основание и развитие Санкт-Петербурга, масштабность гениальной и противоречивой личности Петра Великого, реформирование всех сфер жизни в петровскую эпоху поднимают целый комплекс проблем, многие из которых актуальны и сегодня. Для участвующих в конференции студентов приобщение к исторической науке имеет огромное воспитательное значение.

С удовлетворением следует отметить, что и в наше непростое время удалось сохранить международный характер конференции, тематика которой выходит за рамки национальных границ. В конференции принимают участие представители научных сообществ Китайской народной республики, Социалистической республики Вьетнам, Республики Казахстан, Республики Беларусь. Убежден, что в рамках научных конференций мы имеем уникальную возможность на представительном уровне обсуждать сложнейшие вопросы современности.

В заключение позвольте пожелать всем участникам XXIX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 320-летию основания Санкт-Петербурга, интересных и плодотворных дискуссий.

Абакумова Екатерина Александровна

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Курский государственный университет

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация: В первой четверти XIX века происходят значительные изменения в казачьих войсках. В указанный период идет процесс преобразований в системе управления, организационной структуре и правовом положении казачьих войск. В статье показано непосредственное подчинение центральным высшим правительственным учреждениям, рассматривается развитие местного управления и исполнительные органы войска Донского.

Ключевые слова: войско Донское, атаман, старшина, войсковая канцелярия, станичное управление.

DEVELOPMENT OF INTERNAL MANAGEMENT IN THE DON ARMY AT THE END OF THE XVIII – THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Summary: In the first quarter of the XIX century there were significant changes in the Cossack troops. During this period, there is a process of transformation in the management system, organizational structure and legal status of the Cossack troops. The article shows the direct subordination of the central higher government institutions, examines the development of local government and the executive bodies of the Don army.

Keywords: the Don Army; ataman; foreman; military chancellery; village administration.

История казачества является составной частью нашего общества и государства. Среди многочисленного населения Российской империи казачество занимало особое положение. Формирование казачества как сословия относится к XVIII – первой половине XIX в. в связи с включением казачьих войск в общую систему государственного управления России, с законодательным оформлением прав и обязанностей казаков, их особой социальной функцией в государстве. Еще в XVIII веке внутреннее управление войска всецело находилось в руках атамана и войсковых старшин, бесконтрольно распоряжавшихся войсковыми делами и казной с помощью войсковой канцелярии, подчиненной атаману. Однако в конце XVIII века начинается процесс преобразований во внутреннем управлении войска Донского. В 1775 г. по высочайше утвержденному докладу князя Г.А. Потемкина, для управления гражданскими делами войска было учреждено «войсковое гражданское правительство», состоявшее из атамана и 6 старшин, двух по назначению и четырех выборных на один год. Управление военными

делами продолжало оставаться в руках атамана, но уже находившегося в подчинении князя Г.А. Потемкина [3, с. 53–54; 151]. Войсковому гражданскому правительству принадлежала и судебная власть, но в 1796 г. выносимые приговоры следовало отправлять на утверждение Военной коллегии [4, с. 913]. Однако, в 1797 г. указом императора Павла I на Дону было упразднено войсковое гражданское правительство и восстановлена войсковая канцелярия [8, с. 13]. Помимо этого, в 1798 г. происходит установление соответствий между чинами донских казаков и чинами российской армии. Например, чин войскового старшины приравнивался к майору, есаул к ротмистру, сотник к поручику и хорунжий к корнету [1, с. 18].

Военная служба донских казаков на благо Российской империи имело огромное значение, поэтому правительство стремилось к поддержанию благосостояния войскового населения. В 1792 г. Екатериной II была выдана Жалованная грамота войску Донскому «Об утверждении границ землям, оному войску принадлежащим, по Высочайше утвержденной межевой карте». Данный документ закреплял в вечное владение земли, которые были заняты войском, а также определялись и поземельные права войска Донского. В дальнейшем данная грамота подтверждалась всеми последующими императорами.

В первой половине XIX века становление органов власти и управления на Дону осуществлялось на основе российского законодательства, но в то же время они сохраняли и многочисленные войсковые черты – нормы войскового, станичного и обычного права. В таких условиях в среде чиновников процветала круговая порука, а возрастающий произвол по отношению к рядовой массе казачества оставался безнаказанным.

Однако наиболее важные изменения в порядке управления казачьими войсками произошли в царствование Александра I. Прежде всего, это было связано с общими реформами государственного управления. Правительство стремилось преобразовать местное управление казачьих войск возможно к более близкому устройству общегубернского управления.

К началу царствования Александра I управление казачьими войсками выглядело следующим образом: войсковая канцелярия по военной части оставалась в подчинении Военной коллегии (а затем военного министерства), а по гражданской – в ведомстве правительствующего Сената [5, с. 171–172]. Помимо этого, в войсковую канцелярию назначался прокурор.

В непосредственном подчинении Военной коллегии находилось Донское казачье войско. Количество населения в войске Донском к 1803 г. составило 318829 душ обоего пола [2, с. 79].

Главное местное управление казаков составляли войсковой атаман и войсковая канцелярия. При атамане – для исполнения различных поручений – состояли два войсковых есаула, избиравшихся, как и прежде, войсковым кругом на один год [9, с. 125]. В войсковой канцелярии было учреждено 6 экспедиций:

- 1) криминальная (уголовная) экспедиция;

- 2) гражданская и тяжёлая экспедиция;
- 3) казенная экспедиция;
- 4) экспедиция для межевых дел;
- 5) экспедиция для полиции г. Черкасск;
- 6) сыскное начальство, соответствовавшее земскому суду.

Каждая экспедиция состояла из трех членов, назначавшихся из войсковых чинов и канцелярских служителей [5, с. 172, 268, 330]. Войсковая канцелярия и подчиненные ей экспедиции обязывались вести все делопроизводство на основе законодательства Российской империи. Предполагалось, что эти преобразования смогут ограничить власть войскового атамана и старшин.

Исполнительные органы в войске Донском были представлены шестью сыскными окружными начальствами, которые подчинялись атаману и войсковой канцелярии и состояли из войсковых старшин. Сыскные начальства рассматривали дела, касающиеся полицейских и земских повинностей. Станичное управление составляли станичные атаманы и их помощники или «старшины», которые избирались станичным населением из своей среды. Их обязанности были определены «наставлением станицам» [9, с. 124], т.е. своеобразной инструкцией, утвержденной в 1797 г. войсковым атаманом Василием Орловым и предписаниями войсковой канцелярии, действовавшими через сыскные начальства. В документе подчеркивалось, что «главная задача станичных атаманов – неукоснительно выполнять распоряжения властей» [10, с. 47].

Однако, стоит отметить, что выполнению экспедициями своих функций препятствовали некоторые особенности и традиции войсковой организации власти на Дону. В руках войскового, соответственно и станичных атаманов, сосредоточивалось военное и гражданское управление, а также уголовное делопроизводство. Огромное влияние на их деятельность оказывали органы казачьего самоуправления – войсковой и станичные круги, военный состав казачества, нормы обычного права. Как следствие, все это приводило к крупным злоупотреблениям в войсковом управлении.

Созданная в 1802 г. министерская система в Российской империи была направлена на усиление самодержавной власти, бюрократизацию органов центрального и местного управления. По отношению к войску Донскому правительство стремилось привести его управление в единообразие с прочими условиями Российской империи.

Донское войско в течение всего царствования Александра I оставалось в непосредственном подчинении центральным высшим правительственным учреждениям. Войсковой атаман и войсковая канцелярия являлись главными органами местного самоуправления, как по военной, так и по гражданской части. В 1802 г. войсковая канцелярия была преобразована, состоявшие при ней экспедиции были отменены за исключением полицейской, которая в виде управы благочиния была подчинена войсковому атаману. Помимо этого, согласно постановлению Сената, в войсковой канцелярии должны были

присутствовать два неперемных члена, четыре ассессора, избравшихся на три года, и прокурор [6, с. 54]. В дальнейшем штат войсковой канцелярии был дополнен: казначеем, землемером, архитектором и комиссаром. Помимо этого, войсковая канцелярия была поделена на три экспедиции:

- 1) военная;
- 2) гражданская;
- 3) экономическая.

Как пишет исследователь А.Г. Сизенко: «военная экспедиция занималась составлением списков служивых и отставных казаков, комплектованием полков и откомандированием полков на службу» [8, с. 15]. В ведении гражданской экспедиции находились дела уголовные, тяжбные, следственные, крепостные и земской полиции. Экономическая экспедиция занималась войсковыми сборами, приходом и расходом войсковых сумм, откупам и т.д.

Следует отметить, что военную экспедицию возглавлял войсковой атаман, двумя другими руководили войсковые чиновники, назначаемые и утверждаемые правительством.

В 1815 г. вновь происходят изменения в устройстве управления войском. Гражданская экспедиция войсковой канцелярии упразднена, а для уголовных и тяжбных дел был учрежден департамент суда и расправы на правах палаты гражданского уголовного суда [6, с. 107]. Решения департамента по уголовным делам должны были предоставляться на утверждение войскового атамана, жалобы на решения департамента подлежали рассмотрению Сената.

Помимо этого, А.Г. Сизенко отмечает, что «правительство запретило записывать в казачьи полки лиц, не принадлежавших войску Донскому, а также в 1816 г. запретило донским дворянам и чиновникам покупать и переводить в область войска Донского из центральных и других губерний страны крепостных крестьян» [8, с. 15].

В 1818 г. войсковой атаман А.К. Денисов, ознакомившись с состоянием войска, пришел к выводу, что в войсковом управлении присутствуют недостатки, причину которых он видел в отсутствии точных законодательных постановлений. В связи с этим в войске Донском была учреждена комиссия для создания новых инструкций донским казачьим полкам. Правительство поддержало действия атамана, в высочайшем рескрипте от 10 марта 1819 г. отмечалось следующее: «Начальный приступ ваш к исполнению обязанностей звания войскового атамана делает особую вам честь. Я с удовольствием принимаю и одобряю намерение ваше собрать во едино все узаконения относительно войска Донского, в различные времена, по различным случаям, изданные и в разных частных постановлениях заключающиеся, в рассмотрении в особом комитете, соотнести их с настоящим порядком вещей и представить потом Мне новое войсковое положение» [9, с. 159].

Данный рескрипт указывал на то, что комитет должен был собрать изданные в разное время все узаконения о войске Донском, рассмотреть и

соотнести их с современным порядком вещей того времени. Результатом работы комитета должен был стать проект нового войскового положения.

Следует отметить, что цели и интересы правительства, с одной стороны и войскового атамана и поддержавших его старшин, с другой, не совпадали. Войсковой атаман А.К. Денисов хотел ограничиться заменой старых законов и инструкций новыми, не затрагивая экономических и политических основ существования войска Донского. Правительство, в свою очередь стремилось коренным образом преобразовать сложившуюся систему землевладения и землепользования, органы власти и управления, военную организацию казачества. В состав Донского комитета правительство включило двух человек: от Военного министерства – генерал-адъютанта князя А.И. Чернышева и от Министерства юстиции – статского советника В.И. Болгарского [7, с. 211–212]. Назначение в состав комитета посторонних войску лиц вызвало у А.К. Денисова опасение за неприкосновенность войсковых прав и привилегий.

Однако, острейшая борьба, развернувшаяся между представителями центральной власти, с одной стороны, и войсковыми атаманами (вначале А.К. Денисовым, затем А.В. Иловайским), с другой – затянула работу комитета. К 1824 г. было составлено положение и передано императору Александру I на рассмотрение и Высочайшее утверждение. Составлению проекта предшествовал ряд работ по всестороннему обследованию войска. С этой целью были установлены численность войскового населения и количество войсковых земель. Помимо этого, были собраны издававшиеся в разное время постановления о Донском войске, жалованные грамоты, указы, распоряжения войскового начальства и т.п. Тогда же были предприняты попытки по составлению исторического и статистического описания войска Донского. Однако, последовавшие вскоре события – смерть императора в ноябре 1825 г. в Таганроге, восстание и следствие по делу декабристов отвлекли внимание правительства от преобразований на Дону.

В заключение отметим, что по военной части войско Донское подчинялось Военному министерству, по части внутреннего благоустройства и порядка – Министерству внутренних дел, по части ведения казенных сумм – Министерству финансов, по судебной части – Министерству юстиции и т.п. Расчленение правления между различными министерствами, его бюрократизация ограничивали власть войскового атамана и его приближенных старшин и чиновников, но вместе с тем не устраняли злоупотребления и притеснения по отношению к рядовым казакам.

Частые изменения в организации войскового управления за отсутствием определенных законодательных постановлений не могли принести существенной пользы войску. В большинстве случаев войсковые учреждения пользовались устаревшими и часто противоречивыми обычаями и распоряжениями прежних войсковых атаманов. При таких условиях единственным верным средством для водворения во всех делах войскового управления порядка и законности могло служить только издание полного

положения о войске, которое регламентировало бы все отрасли войскового управления и определяло все права и обязанности всех чинов войска. Такое положение будет принято в 1835 г.

Список литературы:

1. Волков, С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Изд-во Воениздат, 1993. – 367 с.
2. Журналы Комитета министров: Царствование Александра I, 1802–1826 гг. – Т. I. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1888. – 598 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. XX. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1041 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Том XXIII. – Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 974 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. XXVI. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 880 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. XXVII. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1196 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. XXXVI. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 734 с.
8. Сизенко, А.Г. Казаки и казачьи войска царской России. – Ростов н/Д: Изд-во Владис, 2011. – 447 с.
9. Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. – СПб.: Изд-во Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. – 1413 с.
10. Шумов, В.В. Донская станица в старину: краеведческие очерки. – Ростов н/Д: Изд-во «КСС», 2012. – 160 с.

Акимов Юрий Германович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

«НАШ ВЕК ДАЕТ МАЛО ПРИМЕРОВ СТОЛЬ ДОСТОЙНЫХ РАЗУМНОГО ЛЮБОПЫТСТВА»: ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РАБОТЕ АББАТА МИЙО

Аннотация: Рассматривается оценка личности Петра I и его преобразований на страницах Работы К.-Ф.-К. Мийо «Начала древней и современной всеобщей истории» (1773), которая в свое время пользовалась большой популярностью в Европе. Отмечается, что автор в целом объективно оценил значение петровских преобразований, отметив как положительные, так и отрицательные их стороны.

Ключевые слова: Петр I, личность, реформы, К.-Ф.-К. Мийо, «Начала древней и современной всеобщей истории», историография петровской эпохи.

"OUR CENTURY GIVES FEW EXAMPLES SO WORTHY OF INTELLECTUAL CURIOSITY": THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE WORK OF ABBOT MILLAU

Summary: The article deals with the assessment of tsar Peter the Great personality and reforms in the *Éléments d'histoire générale ancienne et moderne* written by Claude-François-Xavier Millot (1773). That book was rather popular in Europe at the end of 18th century. It is noted that the author assessed the significance of Peter's transformations objectively, noting both their positive and negative aspects and consequences.

Keywords: Peter I, Reforms, Personality, Claude-François-Xavier Millot, *Éléments d'histoire générale ancienne et moderne*, historiography of Petrine époque.

Ярчайшая личность Петра Великого, его грандиозные свершения и преобразования традиционно привлекали (и продолжают привлекать) пристальное внимание в самых разных уголках земного шара. Уже в XVIII в. за пределами нашей страны появилось большое количество сочинений самых разных жанров (от сборников анекдотов до серьезных биографических исследований), посвященных знаменитому Преобразователю России. Наиболее известным и популярным среди них, безусловно, был труд Вольтера [1]. Однако эти «специальные работы» были рассчитаны на достаточно ограниченный круг читателей. Существенно бо́льшая читательская аудитория была у «общих работ» (прежде всего франкоязычных) по истории, географии, политике и т.п., где также имелись разделы, посвященные нашей стране и ее первому императору. Некоторые из этих работ, в первую очередь принадлежащие перу известных деятелей эпохи Просвещения (Д. Дидро, Г.-Т.-Ф. Рейналя и др.), уже попадали в поле зрения исследователей [см., например: 2]. В то же время о «рядовых» авторах известно существенно меньше, хотя в свое время их работы могли пользоваться значительной популярностью. Это относится, в

частности, к «Началам древней и современной всеобщей истории» аббата Мийо [6], которые будут рассмотрены в настоящем сообщении.

Клод-Франсуа-Ксавье Мийо (1726–1785) был достаточно яркой и вместе с тем типичной фигурой эпохи просвещения. Выходец из дворянства мантии, в молодости он избрал духовную карьеру. Некоторое время Мийо состоял в ордене иезуитов и преподавал в различных иезуитских коллежах, однако затем покинул Общество Иисуса. В течение пяти лет (1762–1767) он был главным викарием Лионской епархии, а затем провел несколько лет в итальянском герцогстве Парма, где участвовал в создании военной школы для молодых дворян. В последние годы жизни Мийо был наставником единственного сына принца Кондэ – герцога Энгиенского (того самого, который в 1804 г. был расстрелян по приказу Наполеона).

Еще при жизни Мийо получил широкую известность, в первую очередь благодаря своим разнообразным историческим сочинениям. Среди них были общие обзоры (или, как он их сам называл, «начала») истории Франции, Англии, Германии, а также более специальные работы, посвященные средневековым трубадурам, эпохе Людовика XIV и Людовика XV. Однако наиболее популярным из его трудов стали многотомные «Начала древней и современной всеобщей истории», вышедшие в 1772–1783 гг. и вскоре переведенные на многие европейские языки (немецкий, датский, голландский, английский, шведский, итальянский, португальский и испанский).

Признанием научных заслуг Мийо стало его избрание сначала в академии Лиона (1760) и Нанси (1765), а затем и во Французскую Академию (1777). Известно, что в последнем случае Мийо пришлось столкнуться с известным скепсисом со стороны академиков из-за своего духовного звания. Его кандидатуру горячо поддержал знаменитый ученый-энциклопедист д'Аламбер, который якобы сказал своим коллегам: «Не опасайтесь ничего, у него [Мийо] от священника есть только облачение» [Цит. по: 4, р. II]. В то же время Вольтер признал, что у Мийо «по крайней мере, есть заслуга в том, что он писал историю как философ и никогда не вспоминал, что был иезуитом и священником» [Цит. по: 5, р. 448].

Петру I и России его времени посвящена часть пятого тома «Начал древней и современной всеобщей истории». В целом этот раздел носит компилятивный характер. В нем присутствуют заимствования из исторических работ Вольтера о Петре Великом и Карле XII [см.: 3]; также имеются фактические ошибки (например, неправильно указан год смерти Петра). В то же время следует отметить стремление Мийо дать объективную оценку излагаемым им событиям и, что так же немаловажно, показать взаимосвязь исторических процессов, происходивших в разных частях Европы и мира. Так, в параграфе, где говорится о начале царствования Петра I, акцент делается на том, что хотя «державы Севера» (то есть Россия и Швеция) не участвовали в Войне за испанское наследство (о которой Мийо подробно рассказывает), их история не должна игнорироваться не только потому, что она чрезвычайно

интересна, но и потому, что она «неразрывно связана с историей Южной Европы» [6, p. 172].

Говоря о Карле XII и Петре I, Мийо обращает внимание на то, что оба они (и «особенно царь») «прославились своей храбростью и своими предприятиями». При этом он сразу же делает акцент на русском монархе, подчеркивая его уникальность: «Петр Великий, который прозывается Первым, был в некотором роде чудом своего века. Россия или Московия, почти неизвестная до него, благодаря его трудам стала достойной того, чтобы притягивать к себе взгляды; то, что там было осуществлено – удивительно, то, что там осуществится – еще удивительнее...» [6, p. 172].

В духе популярного в то время подхода к оценке допетровской России Мийо подчеркивал, что это было огромное государство, превосходившее все империи древности и современности («Римская империя никогда не была столь протяженной»), однако пребывавшее в состоянии «мрака» и «хаоса». «Без искусств, без торговли, без порядка, без просвещения, без политики необъятность почти пустынной страны образовывала только державу темную и непостоянную, подверженную тысячам бунтов...» [6, p. 173].

Говоря о деятельности Петра Великого, Мийо подчеркивал масштабность его преобразований, «поскольку наш век дает мало примеров столь достойных разумного любопытства». Среди всех реформ, осуществленных царем, он особо отметил те, которые касались судопроизводства и организации управления огромной территорией России. Также Мийо упомянул о создании новой системы образования и общественного призрения. По его словам, «...мануфактуры и фабрики стали процветать. Единообразие мер и весов облегчило торговлю. Путь из Каспийского моря на Балтику через Волгу был проложен успешно и разумно. Были заключены торговые договоры даже с Китаем. Уже насчитывалось более двух сотен иностранных кораблей, которые приходили торговать в Петербург. Сегодня там насчитывается четыреста тысяч душ. В 1702 году это было непроходимое болото...» [6, p. 240–241].

В то же время Мийо далек от идеализации Петра I и существовавших в России порядков. Он смело вступает в полемику с Вольтером, утверждая, что его книга (имеется в виду «История Российской империи при Петре Великом») «...может на первый взгляд заставить [читателя] вообразить, что эта нация сегодня бесконечно более счастлива, чем она была до правления этого царя. Но соответствует ли истина внешнему впечатлению? Петербург, Москва представляют, несомненно, уникальный контраст со старинными нравами. Там видно рождение плодов коммерции, искусств, просвещения; там можно найти приятное общество, женщин, более достойных, чем в остальной империи, внушающих мужчинам больше желания быть приятными и учтивыми. Однако <...> все это сокрушает железный скипетр деспотизма. В руках царя это инструмент, необходимый для исполнения его замыслов, но это также непреодолимое препятствие для продвижения реформ, поскольку поработанный народ всегда темен» [6, p. 246–247].

Тем не менее, общий вывод звучит скорее оптимистично и комплиментарно по отношению к Петру. Мийо особо подчеркивает, что «...этот великий человек заслуживает славы не только за то, что пытался сделать то, что меньший гений посчитал бы невозможным, но и за то, что <...> он подготовлял успех тех монархов, которые покажут себя достойными его заменить» [6, p. 249].

Список литературы:

1. Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / Пер. с фр. С.А. Мезина и А.Е. Кулакова. – СПб.: Нестор-история, 2022.
2. Мезин, С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. – Саратов, 2003.
3. Позднеев, М.М. Круговорот наук в Европе, или ‘Греческий проект’ Петра Великого // PHILOGIA CLASSICA. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 290–307.
4. Constant, L. Le duc d’Enghien d’après les documents authentiques. 2e éd. – Paris : Armand le Chevalier, 1869.
5. Excursion historique et pittoresque en Franche-Comté (suite) // Annales franc-comtoises. Revue religieuse, historique et littéraire. Troisième année. – Tome VI. – Besançon : J. Jacquin, 1866.
6. Millot, C.-F.-X. Eléments d’histoire générale, seconde partie. Histoire moderne. – T. V. – Paris, M.DCC. – LXXIII.

Анжельская Ирина Вадимовна

кандидат социологических наук, доцент

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова МО РФ

«МОРАЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ» АРМИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ И БОЕГОТОВНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования трудов военачальников, военных теоретиков и военных историков XIX - начала XX веков с точки зрения определения ими места и роли духовно-моральных оснований Вооруженных Сил. Значимость темы продиктована актуализацией вопросов национальной безопасности и определения направлений ее повышения. Констатация обусловленности боевой мощи вооруженных сил их духовной составляющей проходит красной нитью через все военно-социологические труды военных социологов. Однако отношение к войне как социальному явлению становится краеугольным камнем в научном обосновании этого феномена специалистов и исследователей военно-социальной отрасли. При всей мультипарадигмальности подходов к исследованию этого вопроса сохраняет свою остроту проблема определения параметров вооруженных сил, обеспечивающих их безоговорочную победу. В трудах известных российских и зарубежных представителей военной социальной науки указанного выше периода значительное место в достижении победы отводится таким понятиям как боевой дух и моральная упругость войск, нравственные силы армии.

Ключевые слова: вооруженные силы, моральные величины армии, морально-нравственные качества военнослужащего, боевой дух войск, нравственные силы армии, история военной социологии.

«MORAL VALUES» OF THE ARMY AS THE MOST IMPORTANT FACTOR OF THE DEFENSE AND READINESS OF THE ARMED FORCES

Summary: The article presents the results of a study of the works of military leaders, military theorists and military historians of the 19th - early 20th centuries in terms of determining the place and role of the spiritual and moral foundations of the Armed Forces. The significance of the topic is dictated by the actualization of national security issues and the determination of directions for its improvement. The statement that the combat power of the armed forces is determined by its spiritual component runs like a red thread through all the military sociological works of military sociologists. However, the attitude towards war as a social phenomenon becomes the cornerstone in the scientific substantiation of this phenomenon by specialists and researchers in the military social sector. Despite the multiparadigm approach to the study of this issue, the problem of determining the parameters of the armed forces that ensure their unconditional victory remains acute. In the works of famous Russian and foreign representatives of the military

social science of the period indicated above, a significant place in achieving victory is given to such concepts as the fighting spirit and moral resilience of the troops, the moral strength of the army.

Keywords: armed forces, moral values of the army, moral qualities of a soldier, fighting spirit of troops, moral forces of the army, history of military sociology.

Обеспечение Вооруженными Силами важнейших потребностей российского общества в защите национальных интересов, реализующихся состоянием национальной безопасности страны, является прямой и главной функцией военной организации государства [1]. Поэтому профессиональная подготовка управленческих кадров вооруженных сил является одной из важных составляющих обеспечения боеготовности и обороноспособности армии. Требования к качеству подготовки рядового и управленческого составов является одним из главных вопросов функционирования военной организации.

В современном социально-гуманитарном знании отношение к определению воинской службы устойчиво склоняется к понятию военная профессия. При этом отмечается активный отклик военной профессии на трансформацию государства и общества, в части касающейся его экономических, политических, технических и технологических изменений.

Например, по мнению В.Г. Ольшевского, военная сфера, объективно обусловлена характером современного противоречивого мира и является порождением общественного разделения труда, сложившегося на предыдущих этапах исторического развития и сохраняющегося сегодня в силу объективной необходимости. И здесь же, что военная сфера как часть общества, аккумулирует в себе совокупность социальных отношений... именно характер общественного устройства и уровень развития социума определяют характер армии [8, с. 119].

В определении же уровня развития социума в данном исследовании в основном будет интересоваться сторона «моральных величин» – духовно-нравственная сторона, раскрывающаяся как в обществе в целом, так и в каждой конкретной личности. Под духовно-нравственной сферой личности понимается область развития личности человека, предусматривающая становление его сознания на основе понимания и приятия своего внутреннего мира – души, духовно-нравственных ценностей, нравственных норм и качеств; развитие нравственных переживаний и чувств; формирование нравственного поведения, обеспечивающее отношение к самому себе, окружающему миру [3, с. 41].

Проблемы социально-нравственного характера военного дела активно освещает военный теоретик и историк Карл фон Клаузевиц, который отмечает обязательность присутствия между противниками враждебных чувств и намерений, обусловленные, по его мнению, чувствами и разумностью общества. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком. Если

войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. При этом, Клаузевиц справедливо отмечает, что для современных обществ могут в равной степени присутствовать аргументы для применения вооруженного насилия, вытекающие из обеих ипостасей как враждебных чувств, так и враждебных намерений, и в конечном счете, зависят исключительно от важности и устойчивости враждующих интересов. [2, с. 8]

Особое место в его работах занимает освещение вопросов морально-нравственных качеств военнослужащих. Как пишет сам Клаузевиц, моральные величины на войне занимают самое важное место. Эти моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее сродство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля – это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил. К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и прочувствовать.

Из стратегически значимых для военного успеха морально-нравственных качеств солдат и офицеров, обозначаемых самим Клаузевицем, основными моральными потенциями, он отмечает таланты полководца, воинскую доблесть армии, дух народа [2, с. 117]. Раскрывая указанные категории, Клаузевиц конкретизирует каждую из них, указывая как природный характер, в случае таланта полководца и народного духа, так и волевой характер, в случае воинской доблести, их происхождения.

Так, воинская доблесть, пишет Клаузевиц, существенно отличается от простой храбрости и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Правда первая, хотя и является естественным свойством человеческой природы, может также воспитаться на войне у каждого бойца армии благодаря привычке и упражнению, то она у него принимает иное направление, чем у других людей. Она утрачивает в нем характер влечения к необузданной деятельности и проявлению силы, присущей ей в отдельной личности, и подчиняется добровольно высшим требованиям: послушанию, порядку, правилу и методу. Духу народа Клаузевиц относит энтузиазм, фанатизм, вера, убеждения, а также храбрость, находчивость, закаленность в трудах и лишениях и воодушевление [2, с. 120].

И, наконец, особую роль в достижении военных побед Клаузевиц отводит смелости. Чем более смелость окрыляет ум и проницательность, пишет он, тем дальше реют они в своем полете, тем всеобъемлющее становится взгляд и тем вернее будет результат; но конечно всегда сохраняет свою силу положение, что чем выше цель, тем значительнее сопряженные с нею опасности. Смелость полководца, по его мнению, обладает теми необходимыми темпераментом и решимостью, подкрепленными гением и интуицией, способными привести войска к победе [2, с. 124].

Особое мнение относительно морально-нравственного состояния армии высказывал в 1913 г. российский генерал от инфантерии, начальник академии Генерального штаба, профессор кафедры истории военного искусства Н.П. Михневич, считая, что «...общеобязательная воинская повинность привлекает в ряды современных армий лучшие элементы народов...» [7, с. 31].

Нравственные качества начальников (командного элемента), как отмечал военачальник, должны соответствовать, а, вернее, даже стоять выше моральных качеств подчиненных, так как от них, кроме физического напряжения, требуется в бою и более высокое умственное – огромное самообладание. Поэтому римляне и говорили: «Лучше стадо баранов, предводимое львом, чем стадо львов, предводимое бараном». При современных, полумилиционных армиях (при коротких сроках службы в мирное время под знаменами) значение командного персонала важнее, чем в прежние времена. Только офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры являются истинными носителями военных традиций, дисциплины и технических военных знаний.

Качества начальников и деятельности штабов при современных больших армиях имеют большое значение; часто придется принимать решение при отсутствии приказаний, на собственную ответственность, исходя из основной задачи, преследуемой свыше.

При современных условиях, когда войны редки, а войска наполовину состоят из запасных, отвыкших от военного дела, со стороны начальников необходимо проявлять наибольшую бдительность в наблюдении за исполнительностью своих подчиненных [7, с. 155].

Духовно-ориентированная сформированная ценностно-нормативная система военнослужащего обеспечивает не только ожидаемые реакции на приказы и принятие управленческих решений, что демонстрирует устойчивые характеристики его как профессионала и что тем самым отражает его внешние отклики на состояние обстановки и ее изменения, но и создает благоприятные условия для внутреннего баланса ценностно-нормативной системы и тем самым обеспечивает стабильность моральных и духовных основ военнослужащего. Как утверждает Т.Б. Сиротина, личности военнослужащего необходим устойчивый духовный выбор мировоззренческой социальной позиции, которая позволит сохранить традиции российского общества и армии, культурную самобытность, защищающую его от ведущейся через мировое информационное пространство корректировки общественного сознания в конкурентных интересах более развитых стран. Это единственное спасение от культурной и информационной агрессии, позволяющее личности видеть и преследовать свои, а не чужие интересы. При этом исследователь указывает на значимость таких морально-нравственных качеств как честность, верность, долг, мужество [9, с. 2].

В любой профессиональной деятельности существуют свои морально-нравственные нормы, определяющие порядок взаимоотношений и взаимодействия. В служебной среде они определяются Уставами,

руководствами, наставлениями, нормативными положениями, указами и сложившимися традициями [5, с. 59].

Как отмечает в своей статье В.А. Стрельников, определенные требования, которым должен отвечать полководец писал А.И. Астафьев еще в середине XIX века: «...звание полководец не может быть уделом посредственности, и он должен быть если не всеобъемлющий гений, то человек с универсальным образованием, с истинно здравым и практическим взглядом на вещи...» [10, с. 124].

Описанию нравственного духа армии посвящает ряд работ российский генерал-адъютант, генерал от инфантерии А.П. Карцов, результатом которого он видел уверенность войск в собственных достоинствах и в превосходстве над противником и ... готовность жертвовать собою для исполнения воинского долга. В числе значимых личностных качеств крупнейший военный теоретик 2-й половины XIX века, генерал-адъютант, генерал от инфантерии М.И. Драгомиров отмечает такие, как чувство долга, возможное спокойствие во всякого рода обстоятельствах, терпение, постоянство, находчивость, привязанность к своему оружию и веру в него [10, с. 127].

Описывая состояние армии на момент освещения военных вопросов российский военный историк и теоретик, военный министр периода 1861-1881 гг. Д.А. Милютин среди прочих трудностей значительное место отводил проблемам нравственного состояния солдат и нижних чинов, указывает на связь между условиями службы солдат и их командиров, отношением к ним со стороны руководства, социальных гарантий. При этом отмечает и вынужденные злоупотребления разного рода чинов в связи со сложным экономическим положением. Милютин пишет: «Одною из самых трудных задач было поднять нравственно положение солдата и в особенности унтер-офицера...Весь порядок военного хозяйства был построен на таких основаниях, что действительная практика расходилась с законом; во всех инстанциях, сверху донизу, главною заботой служащих было - облечь действительность в узаконенные формы, соблюсти внешнюю формальность...» [6, с. 246].

Особое место в военном искусстве отводилось российским военным теоретиком, педагогом и историком, генералом от инфантерии Г.А. Леером духовной стороне человека. В своей работе «Метод военных наук» он называет человека главным орудием войны. В этом деле, пишет Г.А. Леер, большую заслугу оказал генерал-адъютант граф Ридигер, которому принадлежала инициатива всех мер, принятых в означенный промежуток времени, по части распространения между солдатами грамотности, гимнастики, фехтования, стрельбы в цель, упрощение строевых уставов, более осмысленное обучение войск и прочее имелось в виду: усилить в войсках средства к обучению солдат грамоте и развитию их умственных сил [4, с. 27].

Таким образом, успешность Вооруженных Сил, определяемая эффективностью военной организации и победоносностью своего функционирования, обуславливается как показателями материально-

технического и технологического обеспечения, так и полнотой «моральных величин» – морально-нравственного состояния армии, что, в свою очередь, отражает морально-нравственную зрелость и идеологическую оформленность общественного сознания населения страны.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (дата обращения: 29.01.2023).
2. Клаузевиц, К. О войне. – Издательства: Эксмо, Мидгард. – 2007. – 864 с. – URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html> (дата обращения: 25.01.2023).
3. Лаптева, О.И. Духовно-нравственные ценности как детерминанты развития человека. // Развитие территорий. – 2015. - № 3. – С. 38-43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-kak-determinanty-razvitiya-cheloveka/viewer> (дата обращения: 19.02.2023).
4. Леер, Г.А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). – Санкт-Петербург: тип. С.Н. Худекова. – 1894. – 102 с.
5. Мазурин, А.Е. Структура и сущность профессиональных качеств офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации / А.Е. Мазурин, А.Г. Шабанов, Г.В. Чумаров, А.А. Ведерников, В.А. Жаббаров // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 57-61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-suschnost-professionalnyh-kachestv-ofitserov-voysk-natsionalnoy-gvardii-rossiyskoj-federatsii/viewer> (дата обращения: 19.02.2023).
6. Михневич, Н.П. Основы стратегии. – С.-Петербург.: Типография Тренке и Фюсно, Максимилиановский, №13. – 1913. – 365 с.
7. Милютин, Д.А. Воспоминания. 1860-1862. – М.: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. – 559 с.
8. Михневич, Н.П. Основы стратегии. – С.-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, Максимилиановский, №13. – 1913. – 365 с.
9. Ольшевский, В.Г. Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // Вестник военного университета. – 2010. – № 2 (22). – С. 117-122.
10. Сиротина, Т.Б. Методологические подходы к выявлению сущности духовного выбора военнослужащего современной российской армии. // Армия и общество. 2012. – С. 1 - 7.
11. Стрельников, В.А. Отечественные военные ученые и военачальники об устойчивости морального духа артиллеристов в различных видах боя (вторая половина XIX века) // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2020. – № 1 (111). – С. 120 - 127.

Барынина Ольга Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ИЗУЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Аннотация: Художественная культура Византии наиболее ярко отражают характерные черты и особенности этой цивилизации. Синтетический характер византийского искусства нашёл своё прямое отражение в истории его изучения и многообразии методов, которые использовались для его исследования. Статья посвящена анализу состояния изученности византийского искусства. Задача настоящей публикации — обозначить проблемные точки современного византиноведения с учетом, с одной стороны, накопленного наукой о Византии опыта, а с другой стороны в связи с актуальностью междисциплинарных исследований и потенциальными возможностями, заложенными в возможном использовании методик, используемых в современном художественном знании. Колоссальный фактический материал, который накоплен византиноведческими источниковедением, иконографией, археологией, палеографией, сфрагистикой и нумизматикой может и должен быть учтён для понимания того, как развивалась и функционировала художественная система под названием «византийское искусство».

Ключевые слова: византийское искусство, византиноведение, историография Византии, источниковедение Византии.

THE STUDY OF BYZANTINE ART AS A HISTORIOGRAPHIC TASK

Summary: The artistic culture of Byzantium most vividly reflects the characteristic features and peculiarities of this civilization. The synthetic nature of Byzantine art has found its direct reflection in the history of its study and the variety of methods used for its research. The article is devoted to the analysis of the state of study of Byzantine art. The purpose of this publication is to identify the problematic points of modern Byzantine studies, taking into account, on the one hand, the experience accumulated by the science of Byzantium, and on the other hand, in connection with the relevance of interdisciplinary research and the potential opportunities inherent in the possible use of techniques used in modern artistic knowledge. The colossal factual material accumulated by Byzantine source studies, iconography, archeology, paleography, sphragistics and numismatics can and should be taken into account to understand how the artistic system called "Byzantine art" developed and functioned.

Keywords: Byzantine art, Byzantine studies, historiography of Byzantium, source studies of Byzantium.

Одно из самых продуктивных и «потенциально заряженных» направлений, которые составляют богатейший «багаж» византиноведения, представляет собой история византийского искусства.¹ Значение этого наследия для русской культуры осознаны современной наукой.² И тем не менее, в сегодняшнем византиноведческом знании нет чёткого понимания того, как происходило становление художественного византиноведения как части истории изучения искусства и каким образом, в свою очередь, современное состояние искусствознания связано с нашими знаниями о византийском наследии.

Следует сразу оговорить позицию автора: несмотря на то, что византиноведение традиционно принято рассматривать как часть медиевистики³, по нашему глубокому убеждению, эта отрасль знания, будучи теснейшим образом связана с изучением западноевропейского средневековья, изначально возникала и формировалась как самостоятельная и имеющая в своей основе принципиально иные фактические данные. Процесс становления и институализации византиноведения шёл совершенно отличным от развития медиевистики путём. Показательным в этом смысле и с учётом рассматриваемой нами в настоящей публикации темы служит то, что в «классическом» исследовании по истории искусствознания Жермен Базен⁴ (как и во многих последующих обобщающих исследованиях по истории искусствознания) истории «византиноведческого искусствознания» не уделено отдельного или сколь-нибудь значимого внимания.

На настоящий момент медиевистикой (в том конкретном понимании этого раздела изучения средневековой истории, которое было оговорено выше) не только накоплен обширный фактический материал, но и произведена значимая аналитическая и методическая работа – то, чего пока не сделано в отношении византиноведческого «багажа». Так, сегодняшней медиевистикой осознана необходимость «сближения» исторической и искусствоведческой науки⁵.

История искусства как часть историописания имеет не просто многовековую, а более чем двухтысячелетнюю традицию, начиная с Павсания

¹ Зорина А. А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX начала XX веков. Казань: Изд-во Казанск. Университета, 2005; Скотникова Г.В. Византийский художественный мир как зеркало современной гуманитаристики : К проблеме методологического взаимодействия культурологии и искусствоведения / Г.В. Скотникова // Российская культура глазами молодых ученых. Санкт-Петербург : Культ – информ – пресс, 2008. Вып. 19. С. 136–148.

² Скотникова Г.В. Византийский ассист: византийская художественная традиция и русская культура: история и теория / Г.В. Скотникова. Санкт-Петербург : Аргус, 2018.

³ Арутюнян Ю. И. Медиевистика в XXI в.: искусствоведческие аспекты // Вестник СПбГУКИ. № 1 (26) март. 2016. С. 182.

⁴ Базен Ж. История истории искусства: от Вазари до наших дней. М.: Прогресс, 1995.

⁵ Арутян Ю.И. Медиевистика в XXI веке: искусствоведческие аспекты // Вестник СПбГУКИ. № 1 (26). Март. 2016. С. 181–186.

и Плиния Старшего. Рассматривать памятники искусства как «многослойный» источник историческая наука начала еще в позапрошлом веке, в связи с развитием археологии и этнографии. Современная историография, обогащённая методологией прошлого века, полагается на артефакты (в самом широком смысле этого понятия) как на равнозначный письменному памятнику документ эпохи.⁶ Такой «поворот к артефакту» как к «полновластному» историческому источнику, будучи использован прежде всего медиевистикой, в настоящий момент находит применение и по отношению к «византийскому прошлому».⁷

Византиноведческая историография начиналась с изучения прежде всего письменного наследия Византии, с издания и анализа византийских текстов. Изучение и издание письменных источников — это та основа, на которой формировалось современное византиноведение⁸ и та область византиноведческих исследований, которая до сих пор является определяющей эту часть исторической науки.

Несмотря на то, что в настоящей публикации мы не ставим себя целью освятить в полной мере пути формирования науки о византийском искусстве, позволим себе всё же процитировать одного из основоположников «комплексного византиноведения» (чьи труды, на наш взгляд остаются недооценёнными в современно византиноведении) Ф. И. Буслаева. В письме основателю иконографического метода, положившему начало художественного византиноведения, Никодиму Павловичу Кондакову Фёдор Иванович Буслаев писал (кажется, в столь далёком в 1874 году!): «Чтобы постигнуть искусство (хотя бы и византийское, или, лучше сказать — особенно византийское), надо приобрести, так сказать, чувство формы, для чего необходимы условия, которых не было и доселе нет в нашем отечестве... Мои эстетические увлечения ... приняла б за галлюцинацию святоши или, что еще хуже, — за изощрение ханжи»⁹. Мы привели здесь эту цитату, чтобы напомнить о том, какую эволюцию прошло художественное восприятие с третьей четверти позапрошлого столетия, после того как ему «открылось» не только средневековое, византийское, древнерусское и первобытное искусство, но и искусство XX века, искусство, прошедшее через «горнило» двух мировых войн. За это время исторический опыт был накоплен не только человеческим восприятием, но и научным познанием, в частности возникли и прошли испытание многие из искусствоведческих методик, анализ которых

⁶ Произведение искусства как документ эпохи: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф.: в 2х ч. М.: Изд-во НИИ теории и истории изобраз. искусств РАХ: БуксМАрт, 2014.

⁷ Злотникова И. В. Икона как источник историко-искусствоведческого исследования // Произведение искусства как документ эпохи: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф.: в 2х ч. М.: Изд-во НИИ теории и истории изобраз. искусств РАХ: БуксМАрт, 2014.. С. 259-266.

⁸ Острогорский Г. А. История византийских исследований, Часть 1 // Христианское чтение. 2010. № 1(32). С. 122–132; То же. Часть 2 // Христианское чтение № 2, 2012 С.142-151. (Оригинал: Ostrogorsky G. History of The Byzantine State. New Jersey, 1969. P. 12–21).

⁹ Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи теории). М., 1985. С. 66.

применительно к византиноведению тоже ещё ждёт своего самостоятельного исследования. Символически по своей сути характер византийского искусства даёт нам возможность переоценки его роли и места в историческом процессе при современном понимании развития искусства от реализма к абстракции.

За два прошлых века византиноведческая историография обогатилась основополагающими исследованиями по истории искусства Византии, не только сохраняющими свою актуальность, но и служащие основанием для дальнейших выводов с учетом новых открытий. В последние десятилетия русскоязычная историография византийского искусства пополнилась новыми обобщающими изданиями. Прежде всего следуют назвать исследования О. С. Поповой¹⁰ и Г. С. Колпаковой¹¹. Закономерно в неразрывной связи с византийским искусством исследуется и древнерусское искусство¹², причем не только в российском византиноведении.

Наибольшее внимание в византиноведческой историографии, посвящённой художественной культуре, уделялось иконографии памятников, анализу текстов, отражающих художественные практики византийцев¹³, а также проблеме определения признаков византийского стиля¹⁴. Одна из до сих пор актуальных тем изучения византийского искусства — это задача определения характерных стилистических черт искусства разных периодов истории Византии.¹⁵

Безусловно, изучение византийского искусства имеет не только теоретические, но и сугубо практические задачи — задачи сохранения и реставрации памятников, подспорьем для чего служит накопленный византиноведением багаж справочной и вспомогательной литературы. Задача каталогизации, стоящая прежде всего перед крупнейшими собраниями византийского искусства, достаточно успешно решена на сегодняшний день. Каталоги музейных и рукописных собраний — еще один бесценный источник для историков Византийского искусства.

¹⁰ Попова О. С. Пути византийского искусства. М.: Гамма-пресс, 2013.

¹¹ Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М.: Азбука, 2005; Она же. Искусство Византии. Поздний период. М.: Азбука, 2004. 320 с. (Новая история искусства).

¹² Колпакова Г.С. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. М.: Азбука, 2007; Комплексное исследование механизмов адаптации византийского искусства в Древней Руси: монография / [Г. В. Алексеева и др.] ; М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т. Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2013.

¹³ Mango C. The Art of the Byzantine Empire, 312 - 1453. Sources and Documents. Toronto, 1986.

¹⁴ Скотникова Г.В. Художественный стиль Византии как культурологическая проблема / Г.В. Скотникова // Первый Российский культурологический конгресс = The First Russian Congress in Cultural Research : прогр., тезисы докл. Санкт-Петербург : Эйдос, 2006. С. 245–246.

¹⁵ Попова О.С. О стиле византийского искусства VI–VII веков // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. 2013. Т. 8. Октябрь. С. 84-93; Барынина О. А. К вопросу о стиле искусства Македонского ренессанса // Научно-технический потенциал как основа социально-экономического развития: сборник статей Международной научно-практической конференции (28 февраля 2018 г., г. Москва). М.: Импульс, 2018. 461 с. С. 30-34.

Источником бесценной информации для постижения прошлого цивилизации, ставшей прямой наследницей греческой античности¹⁶, остаются издания трудов византиноведческих центров и крупнейших собраний византийского искусства, таких, например, как Эрмитаж.¹⁷ При этом надо учитывать, что музейные собрания – это прежде всего иконы и памятники прикладного искусства, представляющие для историка Византии особую ценность.¹⁸ Памятники же монументального искусства и архитектуры исследуются археологическими центрами и отдельными исследователями¹⁹, а результаты их трудов публикуются зачастую не только сугубо в византиноведческих изданиях, но разрознены по многочисленным специализированным, зачастую малотиражным и, увы, часто малодоступным публикациям. Историк византийского искусства это всегда следует учитывать.

Свою непреходящую актуальность для дальнейшего изучения византийского искусства сохраняет архивное наследие, несмотря на многочисленные публикации последнего времени, посвящённые обзору архивного византиноведческого наследия²⁰

Одна из ключевых тем византиноведческого искусствознания – это тема формирования и эволюции иконографического канона применительно не только, собственно, к иконе, но и к архитектуре, и к храмовому пространству. Несмотря на то, что на сегодняшний день существует богатая библиография, посвящённая этому вопросу, до сих пор в византиноведении нет ясной и чёткой картины того, как менялся канон и чем определялся в разные эпохи и в разных частях византийской ойкумены. Несмотря на то, что богословская составляющая этого вопроса стала той основой, на которой формировалось

¹⁶ Захарова А. В., Мальцева С. В. Византия как христианская античность // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2015. С. 176–18.

¹⁷ Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991; Деллапорта Е. Византийское искусство IV–XV веков // Византия сквозь века: [Каталог выставки]. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 41–53; Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 112: Царьградский сборник : К XXIV Международному конгрессу византинистов. Венеция, Падуа, 22–27 августа 2022 года / Государственный Эрмитаж. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022.

¹⁸ Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков = Monuments of Byzantine applied arts 4th-7th centuries : каталог коллекции / В. Н. Залеская ; Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006; Она же. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV веков [Текст] = Masterpieces of Byzantine applied art. Byzantine ceramics of the 9th-15th centuries : каталог коллекции / В. Н. Залеская ; Гос. Эрмитаж. - Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011; Она же. Памятники византийского художественного металла IX-XV веков. Каталог коллекции. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020.

¹⁹ Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии / Пер. с англ. Э. С. Смирновой; ред.-сост. А. С. Преображенский; предисл. А. И. Комеча. М.: Индрик, 2001. (Перевод изд.: Demus O. Byzantine Mosaic Decoration. Aspects of Monumental Art in Byzantium. London, [1947]).

²⁰ Барынина О.А. Роль архивов в изучении истории искусства Византии // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 856–869; она же. Собрание Пресвященного Порфирия (Успенского) в архиве Российской Академии наук // «Сердце, вместившее Восток»: Материалы церковно-научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) (Москва, 22 сентября 2004). М., 2006. С. 120-126; Медведев И. П. Письма искусствоведов в архиве В. Н. Бенешевича // Византия в контексте мировой истории : Материалы научной конференции, посвящённой памяти А. В. Банк. СПб., 2004. С. 93–99.

изучение византийского искусства (так, Н.В. Покровский «первый в русской науке при изучении византийско-русского и древнехристианского искусства обратил внимание на отношение искусства к учению Церкви и текстам литургии»²¹), она до сих пор продолжает быть «камнем преткновения» при попытках адекватной оценки художественной культуры Византии: Так, в современной искусствоведческой историографии не разграничены византийский изобразительный канон и иконографический канон. По нашему глубокому убеждению, с учётом многогранности и «многосоставности» византийской культуры, недопустимо их соотнесение: историк византийского искусства не может забывать о высочайшем интеллектуальном уровне византийской культуры, о её светской²² и идеологической составляющих, о наличии в ней «периферийных» культур (иногда не столь уж и удалённых от столицы). На наш взгляд, то упрощение или, напротив, многословное усложнение, излишнее теоретизирование и изобретение новой терминологии в отношении византийской художественной культуры не оправданы. Приобретённый византиноведением багаж (не можем не подчеркнуть, что по большей части он русскоязычный) даёт сегодняшнему исследователю возможность обрисовать наглядную картину того, как формировалось и развивалось византийское искусство во всем его многообразии, где меняющаяся во времени идеологическая составляющая²³ (при неизменных характеристиках) определяла не только смысл и форму изображения, но и технологию, где роль художника имела зачастую не меньшее значение, чем в современной культуре²⁴, и где канон далеко не всегда был «фундаментобразующим» явлением, а «программность», о которой много сказано и написано в последние десятилетия, по нашему мнению, слишком преувеличена.

Значимой для историка византийского искусства и достаточно хорошо разработанной областью знания наряду с литургикой выступает и музыкальное наследие Византии: Музыкальная культура может и должна быть рассмотрена историком как часть симфонии художественной культуры Византии.²⁵

Свою значимость в изучении византийской художественной культуры сохраняет вопрос византийского гуманизма²⁶ и византийских ренессансов²⁷.

²¹ Покровский Н.В. Краткий очерк научной деятельности. С.-Петербург. 1909.

²² Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века / [Ин-т археологии АН СССР]. М.: Искусство, 1975.

²³ Медведев И.П. К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии в XIV веке на изобразительное искусство // «Искусство и культура Византии» : Краткие тезисы докладов научной конференции, Ленинград, 6–10 октября 1975г. Л., 1975. С. 31–33.

²⁴ Добрынина Э. Н. Писец Николай как художник: по рукописям начала X в. (ГИМ, Син. греч. 96 и Афины, гр. 2651), происходящим с острова Халки // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999): Сб. статей. М.: Северный паломник, 2005. С. 123–132.

²⁵ Герцман Е. Византийское музыкознание. Л., 1988.

²⁶ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб.: Алетейя, 1997.

²⁷ Барынина О.А. Македонский ренессанс как историческая проблема // Византийское «содружество» : Традиции и смена парадигм : Тезисы докладов XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 13 — 15; Барынина О.А. Македонский

Своего обобщения ожидает также история искусства византийских провинций²⁸

В заключении нам хотелось бы отметить, что настоящее исследование носит характер обзора и ставит своей целью постановку задачи для дальнейших обобщений и выводов на основании накопленного византиноведческой историографией опыта с привлечением данных из многочисленных смежных областей современного научного знания.

Понимание того, как существовала и развивалась византийская ойкумена, как взаимодействовало её «содружество наций» и как она сама взаимодействовала со своими ближними и дальними соседями на всем протяжении её существования, зависит в немалой степени от того, насколько чётко мы будем представлять, как формировалась и функционировала её художественная культура.

Комплексный анализ источников по истории византийского искусства с использованием современных методик междисциплинарных исследований и с привлечением накопленных исторической наукой данных поможет сделать актуальные для сегодняшнего знания выводы и послужить источником для дальнейшего развития как отечественного византиноведения, так и связанных с ним областей исторического знания (прежде всего, конечно, для понимания особенностей формирования древнерусской культуры).

Список литературы:

1. Mango, C. The Art of the Byzantine Empire, 312 - 1453. Sources and Documents. – Toronto, 1986.
2. Арсланов, В.Г. Теория и история искусствознания. – Том 1-4. – 2020.
3. Арутюнян, Ю. И. Медиевистика в XXI в.: искусствоведческие аспекты // Вестник СПбГУКИ. – № 1 (26) март. – 2016. – С. 181–186.
4. Базен, Ж. История истории искусства: от Вазари до наших дней. – М.: Прогресс, 1995.
5. Барынина, О.А. Собрание Преосвященного Порфирия (Успенского) в архиве Российской Академии наук // «Сердце, вместившее Восток»: Материалы церковно-научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) (Москва, 22 сентября 2004). – М., 2006. – С. 120-126.
6. Барынина, О.А. История византийского искусства в материалах Русско-византийской комиссии // Труды Государственного Эрмитажа. – Т. 42. – СПб., 2008. – С. 301 – 304.

ренессанс в современной историографии // Международные научно-практические Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (15-17 ноября 2018 года). В 3х частях. Часть I / Сб. статей. СПб., 2019. С. 68 — 77.

²⁸ Ђурић В. Ј. Византијске фреске у Југославији [= Византијские фрески в Югославии] / В. Джурич. Београд: Југославија, 1974; Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999): Сб. статей. — М.: Северный паломник, 2005. С. 123–132.

7. Барынина, О.А. Македонский ренессанс в современной историографии // Международные научно-практические Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (15-17 ноября 2018 года). В 3-х частях. – Часть I / Сб. статей. – СПб., 2019. – С. 68 — 77.
8. Барынина, О.А. Македонский ренессанс как историческая проблема // Византийское «содружество»: Традиции и смена парадигм: Тезисы докладов XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург, 24-28 сентября 2019 г. – Екатеринбург, 2019. – С. 13 — 15.
9. Барынина, О.А. Роль архивов в изучении истории искусства Византии // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. – М.: Этерна, 2017. С. 856–869.
10. Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999): Сб. статей. — М.: Северный паломник, 2005. — С. 123–132.
11. Византиноведение в Эрмитаже. - Л., 1991.
12. Византия сквозь века: [Каталог выставки]. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017.
13. Герцман, Е. Византийское музыкознание. - Л., 1988.
14. Давыдов, И. П. От иконописи — к иконике (критический анализ эпистемы православной иконологии) // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. – 2012. – Вып. 2 (40). – С. 49–58.
15. Даркевич, В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века / [Ин-т археологии АН СССР]. – М.: Искусство, 1975.
16. Демус, О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии / Пер. с англ. Э. С. Смирновой; ред.-сост. А. С. Преображенский; предисл. А. И. Комеча. М.: Индрик, 2001. (Перевод изд.: Demus O. Byzantine Mosaic Decoration. Aspects of Monumental Art in Byzantium. – London, [1947]).
17. Ђурић, В. Ј. Византијске фреске у Југославији [= Византийские фрески в Югославии] / В. Ђурич. — Београд: Југославија, 1974.
18. Захарова, А. В., Мальцева, С. В. Византия как христианская античность // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2015. С. 176–18.
19. Зорина, А. А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX начала XX веков. - Казань: Изд-во Казанск. Университета, 2005. – 188 с.
20. Колпакова, Г.С. Искусство Византии. Поздний период. - М.: Азбука, 2004. – 320 с. (Новая история искусства).

21. Колпакова, Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. - М.: Азбука, 2005.
22. Колпакова, Г.С. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. - М.: Азбука, 2007.
23. Комплексное исследование механизмов адаптации византийского искусства в Древней Руси: монография / [Г. В. Алексеева и др.]; М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т. - Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2013.
24. Кызласова, И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи теории). - М., 1985.
25. Медведев, И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. - СПб.: Алетейя, 1997.
26. Медведев, И.П. К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии в XIV веке на изобразительное искусство // «Искусство и культура Византии» : Краткие тезисы докладов научной конференции, Ленинград, 6–10 октября 1975г.–Л., 1975.–С. 31–33.
27. Медведев, И. П. Письма искусствоведов в архиве В. Н. Бенешевича // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвящённой памяти А. В. Банк. – СПб., 2004.–С. 93–99.
28. Острогорский Георгий Александрович История византийских исследований, Часть 1 // Христианское чтение. – 2010. – № 1(32). – С. 122–132; то же. Часть 2 // Христианское чтение. – 2012. – № 2. – С.142-151. (Оригинал: Ostrogorsky G. History of The Byzantine State. New Jersey, 1969. P. 12–21).
29. Попова, О. С. Пути византийского искусства. - М.: Гамма-пресс, 2013.
30. Произведение искусства как документ эпохи: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф.: в 2х ч. - М.: Изд-во НИИ теории и истории изобраз. искусств РАХ: БуксМАрт, 2014.
31. Профессор Н.В. Покровский. Краткий очерк научной деятельности. - С.-Петербург.1909.
32. Скотникова, Г.В. Византийский ассист: византийская художественная традиция и русская культура: история и теория / Г.В. Скотникова. - Санкт-Петербург: Аргус, 2018.
33. Скотникова, Г.В. Византийский художественный мир как зеркало современной гуманитаристики: К проблеме методологического взаимодействия культурологии и искусствоведения / Г.В. Скотникова // Российская культура глазами молодых ученых. – Санкт-Петербург: Культ – информ – пресс, 2008. – Вып. 19. – С. 136–148.
34. Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 112: Царьградский сборник: К XXIV Международному конгрессу византинистов. Венеция, Падуя, 22–27 августа 2022 года / Государственный Эрмитаж. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022.

Боева Галина Николаевна

доктор филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ О БЛОКАДНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация: На материале произведений, посвященных ленинградской блокаде, исследуются эстетические затруднения при изображении расчеловечивающего содержания. Приводятся примеры разных типов преодоления материала: логического (Л. Я. Гинзбург, О. М. Фрейденберг, Г. А. Князев), игрового (Т. Вассоевич), эстетического. В связи с последним прослеживаются различные способы создания позиции «внеаходимости» и «эстетического завершения» (М. М. Бахтин), позволяющие достигнуть соответствующие им типы катарсиса – трагического, героического, идиллического, элегического.

Ключевые слова: Ленинградская блокада, русская литература, «эстетическое завершение», катарсис, трагическая, факт, эго-литература.

AESTHETIC REFLECTION ON BLOCKADE TEXTS

Summary: On the material of works dedicated to the Leningrad blockade, aesthetic difficulties in the image of dehumanizing content are investigated. Examples of different types of overcoming material are given: logical (L. Ya. Ginzburg, O. M. Freidenberg, G. A. Knyazev), game (T. Vassoevich), aesthetic. Various ways of creating the position of «extranativity» and «aesthetic completion» (M. M. Bakhtin) are traced, allowing them to achieve the corresponding types of catharsis - tragic, heroic, idyllic, elegiac.

Keywords: Leningrad blockade, Russian literature, «aesthetic completion», catharsis, tragic, fact, ego literature.

Освещение темы Ленинградской блокады в отечественной словесности невозможно исследовать как чисто литературоведческую проблему – разговор возможен только на пересечении разных дискурсов.

Остановимся на особенностях «эстетического завершения» (М. М. Бахтин) разножанровых текстов, осваивающих тему Ленинградской блокады. Вслед за Бахтиным, будем считать, что именно в этом понятии состоит сущность подлинно эстетического события, которое может быть описано с помощью различных «модусов художественности» (Н. Фрай) – трагизм, героика, сатира и др. [7, с. 54 – 77].

Оставляя в стороне идеологический, цензурный фактор замалчивания блокадной темы, остановимся на эстетических способах ее освоения. При таком подходе очевидно, что послевоенные цензурные гонения на отдельных авторов,

«неправильно» изображавших блокадные события, касаются не только фактов, но и способа их подачи и тональности произведений. Из библиотек тогда изъяли немало книг о блокаде («Говорит Ленинград» О. Берггольц, «Суровый берег» И. Кратта, «На своих плечах» Е. Полонской, «Живые, пойте о нас!» В. Азарова и А. Зиначева, «Это было в Ленинграде» А. Чаковского и др.). «Кладбищенская поэзия» категорически не вписывалась в оптимистическую эстетику соцреализма с ее пафосом героизма.

Разумеется, большая часть художественных и художественно-документальных текстов о ленинградской блокаде, написанных в то время, вписывается в соцреалистическую парадигму, положительный герой которой – человек, не знающий боли и страданий или претерпевающий их ради сверхличной, героической в своей основе цели. Если говорить о типе «эстетического завершения», то это героизм. (Позже, в 80-е гг., Д. С. Лихачев предпочтет назвать ленинградцев не героями, а мучениками.)

То, что нельзя было изображать в фикциональных текстах о блокаде в парадигме соцреализма, со временем станет возможным в эго-документах, которые помогли преодолеть «расчеловечивающий» материал (прежде «непубликабельные» блокадные дневники О. Берггольц, Л. Маргулиса, С. Островской и др.), а иногда могли послужить основой для литературы пограничной жанровой природы («Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина) [4].

В 2015 г. вышел дневник Тани Вассоевич, который она вела с 22 июня 1941 г. Это иллюстрированный цветной (!) креолизованный текст, текст-игра: могилы матери и брата, похороненных девочкой на лютеранском Смоленском кладбище, зарисованы с шифром, как увлекательный квест, с тайными заклеенными страницами. В случае Вассоевич можно говорить о стратегии преобразования факта в игру, что, видимо, доступно только ребенку.

Примечателен дневник Г. А. Князева (1887–1969), историка, директора архива АН СССР в Ленинграде, который до августа 1942 г. оставался в осажденном городе и свои записи вел как летопись блокады, нарочито редуцируя все частное. Для них характерны объективность (цитаты из военной хроники), исторические параллели с эпохами завоеваний в Египте, на Востоке. Таким образом автор дистанцировался от ужасающего материала.

Таковыми же способами дистанцирования от материала можно счесть «Записки блокадного человека» литературоведа Л. Я. Гинзбург с их психологическим анализом, «блокадные тетради» О. М. Фрейденберг, филолога-классика (двоюродной сестры Б. Л. Пастернака), которая, по сути, предпринимает в них научное исследование новой антропологической общности – блокадных ленинградцев [3].

Если говорить о фикциональных текстах, о художественной словесности, то очевидно: трагизм не стал приемлемым в эстетическом отношении способом затрагивать тему блокадного Ленинграда. Трагизм предполагает избыточность внутренней данности бытия относительно его внешней роли и, соответственно,

переступание границы. Такие сюжеты возможны (отказ от несовершенного мира или от себя – самоубийство), но часто то, что осознается как трагическое, на самом деле в текстах о блокаде связано с идиллическим или элегическим эстетическим завершением («упрощение ради единения с жизнью» и «живая грусть об исчезнувшем» [7, с. 70]). Такие типы эстетического завершения найдем в повести В. Шефнера «Сестра печали» (1969), рассказе «Соня» (1984) Т. Толстой. Однако раньше всего по этому пути пошел Г. Алексеев в своей поэме «Жар-птица», написанной в 1961 г.

Подробно исследованная [5] история публикации и цензурных «мытарств» «Жар-птицы» крайне примечательна. Отрывки из нее были опубликованы – в ленинградской газете «Смена» – в 1965 г., полностью она увидела свет лишь в 1973 г. в журнале «Аврора», однако уже во второй авторской редакции. Сравнение первой и второй, «публикабельной», редакции показывает логику изменений, которые становятся предметом авторской рефлексии на страницах его дневника и в рассказе «Надо быть хорошим» [2, с. 461 – 486] – в контексте размышлений о «правомерности» «ужасов в искусстве» и проблеме преодоления «неудобного» материала средствами искусства. Неслучайно в связи со своей поэмой Алексеев упоминает книгу о Хиросиме японских художников Ири и Тосико Маруки, решавших аналогичную проблему на материале ужасов ядерной катастрофы.

Фабула «Жар-птицы» такова: лирический герой-повествователь встречается на улицах Ленинграда с призраком умершей в блокаду девушки, которая рассказывает ему о своей любви и просит сообщить адрес своего захоронения на Охтинском кладбище возлюбленному, который пришел на побывку в город слишком поздно и не застал ее в живых. Замысел поэмы ничуть не сводился к натуралистическому описанию ужасов смерти в голодном городе – напротив, Алексеев хотел написать «поэму о любви»: «Джульетта умирает в блокадном Ленинграде. Ромео несет ее тело по пустынному мертвому городу [1, с. 25 – 26]; «Орфей спускается в аид за своей Эвридикой» [1, с. 41]. «Поэма будет о любви, и не просто о любви, а о любви истинной, высокой и трагической. Трагизм станет следствием неких роковых обстоятельств, которые разлучат влюбленных навеки» [2, с. 461], – пишет он, прямо указывая на то, что блокадный сюжет – частный случай трагического «вечного сюжета».

Однако под давлением цензурных требований текст был местами изменен: Алексееву пришлось отказаться от подтолкнувших его к этой теме натуралистических подробностей, о которых он узнал при первом посещении открытого в 1960 г. мемориала на Пискаревском кладбище. Потеснив тему смерти, на первый план вышла элегическая, с соответствующей интонацией, тема первой любви. Жанр «фантастической повести в стихах» трансформировался в «сентиментальную поэму». Ушли все «ужасы» и натуралистические подробности (в частности, Пролог, куда входил страшный сон о вставших из могил мертвецах); героиня стала теперь являться не в виде

скелета, а как «такая худенькая, такая тоненькая-тоненькая» девушка. Трагизм снимается и на уровне стилистической правки: вместо «Терявших рассудок, / Растерзанных женщин» – «махавших платками / заплаканных женщин», вместо «На руки взял он / Мой твердый, / Холодный, / Негнущийся труп» – «На руки взял он / Мое полудетское легкое тело», вместо «А он все кричал / Все ругался / И плакал, / Все рвался за мной, / Но его оттолкнули» – «Он рвался за мной, / но его не пустили», вместо «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / И закинули в кузов» – «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / и в кузов трехтонки меня положили». Концептуально изменена и концовка поэмы: от замкнутой композиции и натурализма первой редакции (героиня поэмы прощается с повествователем и тает «в бесконечном потоке скелетов») – к кольцевой лиричной концовке, отсылающей к началу поэмы, когда поэт встречает на набережной Невы девушку – Жар-птицу.

Как видим, Алексеев идет от смерти – к любви, от телесности – к призраку и аллюзиям как литературного характера (Ромео и Джульетта), так и мифологического и фольклорного (Орфей и Эвридика, Жар-птица), от трагических по своей сути событий – к снятию их в лирическом катарсисе повествователя. Это путь, уводящий от трагизма к элегическому воспоминанию о бессмертной первой любви. Поэтому неслучайна замена автором жанра, ведь ядро повести – прохождение через испытание, сопряженное с этической оценкой в финале [7, с. 393], а в поэме акцент переносится с фабульного события на самоосознание лирического героя (открытие для себя нового измерения города, ведь он в поэме тоже действующее лицо).

В свете сказанного становится очевидно, что при разработке темы блокады – при определенной оптике – возможны даже комический или иронический типы эстетического завершения (как комедию определил жанр своего фильма о событиях блокады «Праздник» (2019) режиссер А. Красовский, попытавшийся воссоздать исторические события в стилистике «бытового карнавала»).

Итак, способы «преодоления содержания формой» (Л. С. Выготский), практикуемые в произведениях о Ленинградской блокаде, отражают фундаментальные отношения человека к действительности: этические, эстетические, логические, игровые (дневник Т. Вассоевич). Логический способ осмысления факта, при котором познающий моделирует позицию вне познаваемого предмета, доступен аналитическому и профессиональному научному сознанию (Гинзбург, Фрейденберг, Князев в соответствии со спецификой инструментария своих сфер знания привносят в анализ психологизм, мифологизм, историзм). Эстетическое – по Бахтину, тоже «причастная вненаходимость» – реализуется с помощью различных видов эстетического завершения. В эстетическом созерцании предмет преобразуется с помощью определенного вида катарсиса: в то время как официальный дискурс предпочитал героику, авторы-«одиночки» шли по пути не трагического (хотя это слово мы привыкли ассоциировать с блокадой), а идиллического или

элегического. Если прислушаться к Н. Фраю [8], то общеэстетические типы художественности и жанры не разграничены, если к Бахтину, то «каждый жанр – особый тип строить и завершать целое» [6, с. 307], однако в каждом конкретном случае выбор остается за автором, определяющим собственную стратегию.

Список литературы:

1. Алексеев, Г. Неизвестный Алексеев. Неизданная проза Геннадия Алексеева. Дневники. – СПб.: Геликон Плюс, 2014. – 480 с.
2. Алексеев, Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. – СПб.: Геликон Плюс, 2017. – С. 461 – 504 с.
3. Боева, Г. Н. Тема Ленинградской блокады в новом антропологическом измерении // Труды института бизнес-коммуникаций. – Т. 7. / Минобрнауки РФ; ФГБУ ВО «С.- Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна»; под общ. ред. М. Э. Вильчинской-Бутенко. – СПб.: СПбГУПТД, 2020. – С. 15 – 23.
4. Боева, Г. Н. Эго-документ в структуре «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина // Война и мир в Отечественной и мировой истории: матер. междунар. науч. конф.: в 2 т. Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года / под ред. В. М. Доброштана, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. – Т. 1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. – С. 36 – 40.
5. История создания и публикации поэмы Геннадия Алексеева «Жар-птица»: Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. М. Ельяшевича и А. Д. Клименко. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018 – 2019 годы. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2019. – С. 703 – 746.
6. Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстол. подготовка И. В. Пешковой; коммент. В. Л. Махлина, И. В. Пешкова. – М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. – 640 с.
7. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Теория литературы: в 2 тт. / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – Т. 1. – М.: Издат. центр «Академия», 2010. – 512 с.
8. Фрай, Н. Анатомия критика // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 232 – 263.

Бугашев Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

**ПЕТР I В СОЧИНЕНИИ ДЖОНА БЕЛЛА «ДЖ. БЕЛЕВЫ
ПУТЕШЕСТВИЯ ЧРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АСИЯТСКИЕ ЗЕМЛИ, А
ИМЕННО: В ИСПАГАН, В ПЕКИН, В ДЕРБЕНТ И
КОНСТАНТИНОПОЛЬ»**

Аннотация: Автор подробно анализирует исторические труды Джона Белла, в которых содержится подробное изображение России конца XVII – начала XVIII вв. Центральной фигурой повествования Джона Белла является Петр I.

Ключевые слова: Россия, Петр I, Джон Белл.

**PETER THE GREAT IN THE WORK OF JOHN BELL «TRAVELS FROM
SAINT-PETERSBURG IN RUSSIA, TO VARIOUS PARTS OF ASIA...»**

Summary: The author analyzes in detail the historical works of John Bell, which contain a detailed image of Russia in the late 17th - early 18th centuries. The central figure in John Bell's narrative is Peter I.

Keywords: Russia, Peter I, John Bell.

Джон Белл (1691-1780), шотландский врач на русской службе, который прибыл в Россию в 1714 г. и находился там (с перерывами) до 1753 г., принимая непосредственное участие в различных русских экспедициях, представил в 1763 г. на суд британской публики «Путешествия из Санкт-Петербурга в России в различные части Азии...»¹. Есть сведения о том, что образцом для написания данного сочинения послужила книга Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера».

Джон Белл, сам сопровождавший Петра I в Персидском походе 1722 г. и собиравший различные анекдоты о русском царе от людей, служивших ему многие годы, стремился в своем сочинении показать величие Петра I и его известные достоинства. Взгляды Белла на Петра I весьма понравились тогдашнему русскому правительству и в 1776 г. М.И. Поповым был осуществлен перевод этого сочинения с французского издания². Джон Белл, искренне восхищавшийся деяниями и личностью русского царя, не ограничился лишь одним сочинением, касающимся напрямую его «героя», но в 1779 г., всего лишь за год до своей смерти, написал еще одно сочинение, так и не ставшее достоянием широкой

¹ Bell J. Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia... Glasgow, 1763. Vol. I-II.

² Белл Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с французского М.И. Попова. СПб., 1776. Ч. 1-3; Беспятовых Ю.Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 12.

публики в Англии - «Различные анекдоты о Петре I»³. Книга Дж. Белла является весьма содержательной, однако нас прежде всего интересует заключительная часть второго тома - «Краткое повествование о путешествии в Дербент», непосредственно связанная с личностью Петра I.

Обратившись к теме Петра I, Джон Белл пошел по пути собирания анекдотов о правителе, деяния которого имел возможность наблюдать лично. Шотландский врач, завершая свой рассказ о дербентской экспедиции, пишет о своем желании «познакомить читателя, некоторым образом, с характером благородного командира этой экспедиции, во время которой я каждый день имел возможность видеть этого великого человека - Петра Первого; и на протяжении всего этого времени находился в обществе и беседовал с людьми, которые служили ему...»⁴.

Джон Белл считал своим долгом опровергнуть писания некоторых иностранных авторов, которые «в ложном свете представили и очернили истинный характер Петра Великого, распространяя о нем жалкие сплетни, собранные в кабаках среди самых низких слоев общества, причем зачастую эти сплетни не имели под собой никакой реальной почвы, в результате чего многие здравомыслящие люди и поныне считают его порочным человеком и жестоким тираном»⁵. Однако, Дж. Белл по каким-то причинам не назвал имен тех писателей, которых обвинял в искажении истины.

Сам же Джон Белл придерживался довольно оригинального мнения о той стороне характера русского царя, которая ему мешала: «Хотя он и имел некоторые недостатки, ...но его рассудительность, справедливость, и человеколюбие, намного превосходили недостатки эти, чуть ли не единственно проистекавшие из его склонности к прекрасному полу»⁶.

Шотландский врач, подобно большинству своих соотечественников, испытывал нескрываемую симпатию к человеку, управлявшему такой огромной страной, как казалось тогда, почти в одиночку. Чтобы иметь возможность выполнять такое великое множество дел, царю приходилось «почти каждый день в году быть вне дома, кроме случаев болезни, что случалось редко»⁷. Как повествует в своем сочинении Белл, «Его Величество можно смело назвать деловым человеком, поскольку он мог переделать столько дел в течение одного лишь утра, сколько целая палата сенаторов за месяц»⁸. Действительно, о работоспособности Петра I ходили легенды, и поэтому даже подобная гипербола не кажется неуместной. Белл подробно останавливается на распорядке дня великого монарха, занимавшегося государственными делами с раннего утра. Шотландец отмечает следующую деталь, характерную для образа жизни Петра I: «Его

³ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Dixon S. (ed.). London, 1998.

⁴ Bell J. Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia. Edinburgh, 1806. Vol. II. P. 559.

⁵ Bell J. Op. cit. P. 559.

⁶ Ibid. P. 560.

⁷ Ibid. P. 561.

⁸ Ibid. P. 562.

Величество практически не давал отдыха своему уму, когда бодрствовал, поэтому не никогда дозволялось тревожить его сон, кроме случаев пожара»⁹.

Петр лично являлся одним из первых на пожар, и отдавал распоряжения до тех пор, пока опасность не миновала. По мнению Белла, это был лучший пример «отеческой заботы царя о своих подданных»¹⁰. Относительно религиозности царя Белл пишет, что «в делах религии он казался набожным, но не фанатичным»¹¹. Шотландский врач упоминает один эпизод, свидетелем которого ему довелось быть самому: царь, будучи недовольным, как священник читает псалмы, взял у него из рук книгу и прочитал их сам, весьма четко и с правильным ударением. Белл также, ссылаясь на некоторых знатоков славянского и русского языков, утверждает, что Петр I был «столь же искушен в них, сколь и любой из священнослужителей или мирян»¹².

Шотландец, как уже упоминалось ранее, жаловался на якобы искаженное представление о Петре I, встречавшееся у многих иностранных авторов его времени. Одним из проявлений такой неправды было, по его мнению, «изображение его слишком часто злоупотребляющим крепкими спиртными напитками»¹³. Такое обвинение Белл называет «незаслуженной клеветой», поскольку Петр I «испытывал отвращение ко всем пьяницам, и вообще любителям выпить»¹⁴. Однако Дж. Белл допускает, что «временами и у царя были развлечения, и он тогда бывал весел, и хотел видеть других веселыми, что было необходимо, и правильно, чтобы отвлечься от государственных дел великой важности»¹⁵.

Да и происходило это во время праздников и торжеств, уверяет нас Белл, и никогда эти увеселения не были длительными. Но и на эти «увеселения» царя врач не склонен смотреть как на бесполезное занятие: «не без некоторой причины, приписывали ему, что он побуждал своих подданных к питию во время празднеств в видах политических ...ибо смешиваясь с толпой их и беседуя с ними как приятель их, имел он лучшую возможность выведать истинное к себе отношение, нежели когда они были трезвые»¹⁶.

Как утверждает шотландский врач, «те, кто по долгу службы были рядом с Петром Великим, ...и были лучше знакомы с его характером, всегда отрицали его склонность к неумеренности и настаивали, что он был трезвый Государь»¹⁷. Со своей стороны, Дж. Белл утверждает, что во время персидского похода царь ни разу не злоупотреблял спиртным, и «вел воздержанный образ жизни»¹⁸. Судя по его рассказу, Петр I даже во время военной экспедиции был верен своей всегдашней неприхотливости в еде, и питался в основном «теплой смесью из

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.P.564.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

гречневой каши с маслом»¹⁹. В свете этого логичным представляется вывод шотландца о том, что «в своем доме царь скорее вел образ жизни частного человека, нежели столь великого монарха»²⁰.

К числу одной из наиболее положительных черт, присущих русскому царю, Дж. Белл склонен относить его стремление вникать до мелочей во всевозможные дела и получать знания, «пригодные человеку, управлявшему могущественной империей»²¹. Петр живо интересовался всем, что было связано в той или иной степени с военным делом, однако, как пишет шотландский врач, «скорее всего, преобладающей его страстью было кораблестроение»²². Недаром «день спуска на воду кораблей, которые были собственноручно построены им, царь отмечал как праздник»²³.

Дж. Белл также отмечает еще одну интересную особенность русского монарха, отличавшую его от многих других европейских государей: необычайную бережливость в личных расходах. При этом Петр I, по свидетельству Белла, «не жалел денег на общественные нужды, постройку кораблей ... всего того, что носило отпечаток большого величия»²⁴. Дж. Белл практически не замечает недостатков русского царя, изображая его мудрым правителем, неустанно заботящимся о своих подданных и пекущимся о благе вверенной ему огромной империи.

Список литературы:

1. Белл, Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с французского М.И. Попова. – СПб., 1776. – Ч. 1-3.
2. Беспятых, Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). – СПб., 1998.
3. Bell, J. Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia... – Glasgow, 1763. – Vol. I-II.
4. Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Dixon S. (ed.). – London, 1998.
5. Bell, J. Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia. – Edinburgh, 1806.

¹⁹ Ibid. P. 565.

²⁰ Ibid. P. 566. Ibid. P. 567.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

Бугашев Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПЕТР I И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТОМАСА КОНСЕТТА «НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ В РОССИИ»

Аннотация: Автор исследует исторические труды Томаса Консетта, в которых содержится подробное описание России конца XVII – начала XVIII вв. Особое внимание уделено положению русской православной церкви. Центральными фигурами повествования Томаса Консетта являются Петр I и А. Д. Меньшиков.

Ключевые слова: Россия, Петр I, А.Д. Меньшиков, Томас Консетт.

PETER I AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE WORK OF THOMAS CONSETT "THE CURRENT STATE OF THE CHURCH AND THE CHURCH CHARTER IN RUSSIA"

Summary: The author examines the historical works of Thomas Consett, which contain a detailed description of Russia in the late 17th - early 18th centuries. Particular attention is paid to the position of the Russian Orthodox Church. The central figures of Thomas Consett's narrative are Peter I and A.D. Menshikov.

Keywords: Russia, Peter I, A.D. Menshikov, Thomas Consett.

Практически неизвестным остается в России сочинение Томаса Консетта (1678-1730) «Нынешнее состояние церкви и церковный устав в России», изданное в Англии в 1729 г.¹. Между тем оно является весьма важным в плане изучения того феномена, который принято условно называть «мифом о Петре I». О Т. Консетте в отечественной историографии подробно писал только П.Н. Берков².

О жизни Т. Консетта известно сравнительно немного. Наиболее полный биографический очерк о капеллане был составлен Дж. Кракфотом, также некоторые подробности его жизни можно найти в работах Э.Г. Кросса³. По некоторым данным, он родился в 1677 г. в городе Йорке в семье благородного происхождения. Он обучался в колледже Сент-Джона в качестве стипендиата до по-

¹ Consett T. The Present State and Regulations of the Church in Russia. London, 1729; Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947. С. 96-97; Cracraft J. For God and Peter the Great. The works of Thomas Consett, 1723-1729. New-York, 1982. P. 9.

² Берков П.Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России // Проблемы международных литературных связей / Под ред. Б.Г. Реизова. Л., 1962. С.32-45.

³ См.: Cracraft J. Op.cit. P. 11-27; Cross A. G. Peter the Great through British eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000. P. 60-61; Idem. «By the Banks of the Neva»: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge; New York, 1997. P. 95-97.

лучения в 1698 г. степени бакалавра. В 1699 г. Консетт был посвящен в сан диакона и в 1702 г. - в сан священника

После визита Петра I в Англию, давшего толчок к развитию межгосударственных и экономических связей, в частности, учреждению англичанами Британской фактории, возникла необходимость иметь постоянного капеллана в России. С ноября 1717 г. Томас Консетт стал исполнять обязанности капеллана. Находясь в течение десяти лет в Москве, он поддерживал отношения с такими известными церковными деятелями, как Гавриил Бужинский, архимандрит Анастасий (Кондоиди) и Феофан Прокопович.

В отличие от многих иностранцев, также находившихся в России весьма длительное время, Консетт выучился читать на церковнославянском и русском языках. Он мог неплохо объясняться по-русски. Весьма глубокие познания не только языков, но и истории христианства в России, дали ему возможность получать сведения о России и ее истории с большей степенью достоверности, а затем предоставлять их английскому читателю. Томас Консетт взял на себя труд перевести на английский язык «Правду воли монаршей» и «Духовный регламент» Феофана Прокоповича. Кроме прочего, англичанин, согласно авторитетному мнению Дж. Кракффта, «преследовал определенные цели перед Синодом, дабы англиканская церковь в России была признана независимой и заняла соответствующее положение...»⁴.

Известно, что широко образованный капеллан не только переписывался с членом британского кабинета министров лордом Тауншендом, но и посылал ему доклады, что было весьма важным для английской стороны, поскольку, в связи с временным прекращением официальных русско-английских отношений, правительство Британии не имело аккредитованного представителя при русском дворе. Однако в 1727 году у Консетта возникли разногласия с Британской факторией, вследствие чего он был отставлен от должности и покинул Россию⁵.

Свою задачу священнослужитель видел в том, чтобы довести до сведения английской читающей публики оригинальные тексты, относящиеся к петровской эпохе. Автор негативно относился к появлению многочисленных компилятивных сочинений о российском монархе: «С недавних пор многие стали столь пристально интересоваться личностью Петра I, и вслед за этим появилось огромное количество «историй» о русском царе, большая часть которых откровенно бездарна, и ...теперь трудно отыскать между ними правдивые и подлинные, а с течением времени это будет сделать еще труднее, посему свой труд я почитаю единственно как основа для будущей Истории Петра I, ...и из нее будущие историки смогут почерпнуть материал для своей дальнейшей работы...»⁶.

Томас Консетт дает следующую характеристику Петру I: «...не будет большой новостью объявить о том, сколь велик был этот русский царь,

⁴ Cracraft J. Op. cit. P. 18.

⁵ Ibid. P. 19-20.

⁶ Consett T. The Present State and Regulations of the Church in Russia. London, 1729. P. II.

известный своими путешествиями, войнами, учреждением в России изящных искусств и наук, просвещением собственных подданных, в величайшей степени невежественных и почти что варваров»⁷.

Английский капеллан в своем сочинении останавливается на «бедственном», по его мнению, положении русской православной церкви, которое сложилось еще до воцарения Петра I. Консетт охарактеризовал это положение так: «Царь нашел свою церковь почти что в упадке, и по всем владениям царящие предрассудки и невежество, ...народ в диком и варварском состоянии»⁸. С точки зрения Т. Консетта, причиной, приведшей к столь плачевным последствиям, явилось невежество священников русской православной церкви. «Священники, и даже епископы русского происхождения не имели правильного и глубокого образования»⁹. Именно это, по мнению Консетта, и подвигло Петра I к преобразованиям в церковной сфере, которым автор, будучи протестантом, весьма сочувствовал. Английский капеллан с одобрением отзывался и о стремлении царя вникнуть в доктрины других церквей и сравнить их с доктриной собственной церкви. В результате, Петр I «освободил собственную религию от налета ржавчины и фанатизма»¹⁰.

Т. Консетт отметил, что царь, выполняя столь сложную задачу, должен был убрать с пути одно из главных препятствий: уничтожить власть патриарха в России. Подобную необходимость он иллюстрирует примером отношений Алексея Михайловича и патриарха Никона, когда отец Петра I был вынужден апеллировать к авторитету константинопольского патриарха, чтобы оградить свою власть от непомерных притязаний Никона. Консетт отмечает, что царь Петр прекрасно сознавал необходимость отмены патриаршества, ибо «власть сих Патриархов была безгранична, и он опасался, что они будут вмешиваться и препятствовать его планам»¹¹.

Кроме того, Консетт считал, что Петр I был безусловно прав, учреждая Священный Синод, и встав во главе его, «дабы указания и распоряжения священников имели силу и были авторитетными»¹². Т. Консетт сожалеет о том, что царю не суждено было прожить еще несколько лет и продолжить свой путь в направлении данных реформ.

Важное место в «Нынешнем состоянии церкви...» занимает «История князя Меншикова», которую можно рассматривать как наиболее значимую в контексте видения автором петровской России. Консетт подробно останавливается на биографии А. Меншикова, не обходя вниманием вопрос о происхождении «величайшего и могущественного из фаворитов, которые были известны в королевских дворах Европы»¹³. Автор отмечает безусловную преданность Меншикова

⁷ Ibid. P. I.

⁸ Ibid. P. XIV.

⁹ Ibid. P. XVI.

¹⁰ Ibid. P. XV.

¹¹ Consett T. Op.cit. P. XV.

¹² Ibid. P. XVI.

¹³ Ibid. P. XXXIV; Вильбуа Н.П. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. №4. С. 137-138.

Петру I, его значительные заслуги в военных делах, в частности, в разгроме шведов под Полтавой.

Английский капеллан не мог не поставить в вину Меншикову «посягательство на прибыли и доходы его Величества, слишком значительную часть коих он употребил в свою пользу, тем самым злоупотребив привилегиями, возложенными на него Государем...»¹⁴. Он считал, что наиболее существенной ошибкой Меншикова было пренебрежение необходимостью заводить друзей и единомышленников. По мнению священнослужителя, «даже несмотря на многие достойные дела, его необузданный нрав разжигал в нем страсти, иногда и склонялся к неоправданным и жестоким казням, что и сделало его врагов безжалостным к нему...»¹⁵.

Хотя и сам Меншиков, как вынужден признать Т. Консетт, никогда не прощал обид и не терпел неповиновения, «представлял наибольшую опасность для тех, кто ему не подчинялся, низость характера толкала его на путь мщения, и во многих проявлениях он был варварски жесток, что уменьшило уважение, которым он мог бы пользоваться в глазах общества»¹⁶.

Заканчивая повествование о Меншикове, автор с сожалением пишет о том, что «мы вынуждены созерцать этого великого человека, лишенного должностей и почестей, и низведенного до униженного состояния в ссылке...»¹⁷.

Таким образом, Т. Консетт не только развил положительный образ Петра I как реформатора, но и способствовал более глубокому познанию британцами русской культуры, в частности, истории русской церкви.

Список литературы:

1. Андреев, А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. статей. – М.; Л., 1947. – С. 94-97.
2. Берков, П.Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России // Проблемы международных литературных связей / Под ред. Б.Г. Реизова. – Л., 1962. – С. 32-45.
3. Вильбуа, Н.П. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. – 1992. – № 4. – С. 135-145.
4. Consett, T. The Present State and Regulations of the Church in Russia. – London, 1729.
5. Cracraft, J. For God and Peter the Great. The works of Thomas Consett, 1723-1729. – New-York, 1982.
6. Cross, A. G. Peter the Great through British eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. – Cambridge, 2000.
7. Cross, A. G. «By the Banks of the Neva»: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge; New York, 1997.

¹⁴Consett T. Op.cit. P. XXXIX.

¹⁵ Ibid. P. XLVIII.

¹⁶ Ibid. P. XLIV.

¹⁷ Ibid. P. XLVI.

Бычков Максим Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРЛАНДИИ: ОТ ИЗОЛЯЦИИ К ЕВРОПЕИЗМУ

Аннотация: В статье анализируется переход внешней политики Ирландии от изоляции к европеизму. Целью этого перехода стало стремление Дублина освободиться от зависимости от Лондона, а также решить вопросы экономического развития страны. Вхождение Ирландии в Европейский союз в определенной мере решило эти проблемы. Однако Брекзит и «санкционная война», жертвой которого стал прежде всего европейский регион, становятся важными факторами, влияющими на внешнеполитическую деятельность Дублина.

Ключевые слова: Брекзит, внешняя политика, Ирландия, «Новый курс», Шон Лемасс.

IRELAND'S FOREIGN POLICY: FROM ISOLATION TO EUROPEANISM

Summary: The article analyzes the transition of Ireland's foreign policy from isolation to europeanism. The purpose of this transition was the desire of Dublin to free itself from dependence on London, as well as to solve the issues of the country's economic development. Ireland's accession to the European Union solved these problems to a certain extent. However, Brexit and the "sanctions war", which primarily affected the European region, are becoming important factors influencing Dublin's foreign policy activities.

Keywords: Brexit, foreign policy, Ireland, New Deal, Sean Lemass.

Крайнее обострение отношений между Россией и США, «санкционная война», объявленная Москве Вашингтоном и его союзниками, оказала сильнейшее влияние на международные политические и экономические процессы. Разрыв нормальных экономических связей между Россией и странами европейского региона привел экономику последних в кризисное состояние. В свою очередь это стимулировало рост социальной напряженности и политической борьбы. Несмотря на то, что данный процесс еще не завершен, можно уже констатировать, что Европа переживает глобальную трансформацию.

Эти обстоятельства обостряют проблемы Европейского союза (ЕС), вызванные как противоречиями между государствами и политическими структурами Союза, так и фактом Брекзита. Происходящие изменения явно указывают на то, что европейский регион переходит на новый этап своего исторического развития.

Хотя Ирландия не находится в авангарде указанных процессов, они не могут не оказывать на нее влияние, корректировать внутреннюю и внешнюю политику Дублина.

Скромное положение Ирландии в системе мировой экономики и политики во многом определило довольно слабый интерес к ней со стороны отечественной исторической науки, однако говорить об отсутствии историографии рассматриваемого вопроса тоже нельзя. Данная проблематика стала объектом рассмотрения в коллективной монографии «История Ирландии» под редакцией Л.И. Гольмана в главе XIII, подготовленной А.Д. Колпаковым [1, с. 373–377], а также Поляковой Е.Ю. в работе «Ирландия в XX веке» [3, с. 118 – 135]. Если для первой работы характерна резко критическая оценка внешней политики Ирландии второй половины XX в., то в другом исследовании оценка носит умеренный и разносторонний характер. Это было обусловлено как изменением методологических принципов исторической науки, так и новыми публикациями исторических источников. Однако общим для них является довольно обобщенный анализ данной проблематики. Поэтому считать эту тематику полностью раскрытой довольно сложно.

В годы Второй мировой войны Ирландия объявила о нейтралитете. Если бы в тот период она была бы независимым государством, то ее нейтралитет можно было рассматривать наравне с нейтралитетом других европейских стран. Однако ирландская ситуация была другой: Ирландское Свободное государство (так официально называлась Ирландия в тот период) было британским доминионом. Несмотря на то, что члены Британского Содружества (Канада, Индия и др.) вступили в войну на стороне Лондона, Дублин объявил о невмешательстве в европейские события. Это решение, конечно, было спорным, вызвало негодование Лондона, негативно сказывалось на внешнеполитическом имидже страны. Самоизоляция Ирландии в период войны во многом определило ее изоляцию в послевоенный период.

Однако у Дублина были причины для проведения такой политики. В 1922–1923 гг. Ирландия пережила гражданскую войну. 1930-е гг. стали временем обострения борьбы между сторонниками политической партии Куман на Гэл (которые выступали за возвращение страны к консервативной политике 1922–1932 гг.) и сторонниками Ирландской республиканской армии (которые выступали за революционные преобразования). При этом те и другие обрушивались с резкой критикой на социально-реформистский курс, проводимый правительством Фианна Фойл, возглавляемой Имоном Де Валерой. Конфликт между указанными политическими силами грозил ввергнуть страну в очередную гражданскую войну. В годы Второй мировой войны большинство сторонников Куман на Гэл выступали за вступление в войну на стороне Великобритании, а сторонники Ирландской республиканской армии – за военный союз с Германией. Поэтому гражданский мир в стране мог быть разрушен однозначным решением Дублина занять пробританскую или прогерманскую позицию. Кроме того, это могло не только ввергнуть Ирландию

в гражданскую войну, но и сделать ее объектом оккупации (как английской, так и немецкой). Фактическое нахождение Ирландии между Сциллой и Харибдой потребовало от правительства сделать страну полностью нейтральной в условиях мирового военного конфликта. Это должно было проявиться как во внешнеполитическом курсе Дублина, так и во внутренней политике правительства, что фактически и было реализовано на практике. Стремление Ирландии быть до конца нейтральной ярко проявилось в следующих обстоятельствах: в 1945 г. правительство Ирландии выразило соболезнование представителю США в связи с кончиной президента Франклина Делано Рузвельта (в апреле), а также представителю Германии в связи со смертью Адольфа Гитлера (в мае) [1, с. 152].

Хотя политика нейтралитета достигла цели сохранения единства ирландского общества, она имела также и негативные последствия для страны. Последнее проявилось в экономической сфере. По этому поводу Полякова Е.Ю. отмечает, что «возникшие в войну трудности переросли в серьезный и затяжной кризис, связанный с дефицитом сырья износом оборудования, упадком сельскохозяйственного производства, сокращением потребления, вздорожанием жизни» [3, с. 118]. Страна требовала проведение кардинальных преобразований.

До 1948 г. господствующее положение в политической жизни занимала политическая партия Фианна Фойл, пост главы правительства бессменно занимал И. де Валера. В 1948 г. в результате парламентских выборов было сформировано коалиционное правительство под председательством Джон Костелло (лидером политической партии Фине Гэл). Несмотря на внешнеполитические успехи, правительство не смогло справиться с политической и социально-экономической нестабильностью. Экономический кризис, поразивший страну в 1956–1957 гг., нанес окончательный удар по правительству Дж. Костелло. В результате парламентских выборов 1957 г. победу одержала Фианна Фойл, И. де Валера опять возглавил правительство.

Де Валера сыграл огромную роль в ирландской истории: президент Ирландской республики 1919 г., участник Ирландской гражданской войны 1922 – 1923 гг., создатель политической партии Фианна Фойл (1926 г.), глава ирландского правительства с 1932 г. по 1948 г. Однако его политика отличалась консерватизмом, осторожностью, акцентированием внимания на внутренних проблемах, умеренным изоляционизмом. Эти подходы вполне соответствовали объективным потребностям Ирландии в период начала государственного строительства в условиях политических и социально-экономических противоречий первой половины XX в. Однако реалии второй половины XX в. требовали других решений и других политических лидеров. Для Ирландии таковым оказался Шон Лемасс.

Политика Ш. Лемасса, получившее название «нового курса», предполагала не только открытость в экономической сфере, но и во внешнеполитической.

Внешнюю политику А.Д. Колпаков оценил следующим образом: «внешнеполитический курс Ирландии отражал непоследовательную, противоречивую позицию правящей ирландской национальной буржуазии. В то же время в нем находили определенное отражение некоторые традиции и чаяния широких слоев ирландского народа. Условно его можно подразделить на два неравных периода: конец 50-х – начало 60-х годов (до начала кампании за вступление в «Общий рынок») и весь последующий отрезок времени вплоть до наших дней (1980 г. – Б.М.)» [1, с. 373].

Премьер-министр Ш. Лемасс видел залог экономического развития и роста в открытости для иностранного капитала, в активной внешнеэкономической деятельности. Все это могло быть реализовано только после преодоления внешнеполитической изоляции страны. Однако открытие экономики по объективным обстоятельствам не могло не сопровождаться усилением в ней позиций английского капитала, от влияния которого долгое время правительство Фианна Фойл стремилось освободить страну. Но в данных обстоятельствах оно выбрало прагматичный вариант, решив, что положительный эффект от открытия экономики будет выше возможных издержек. Внешнеэкономическая политика государства нуждалась в поддержке со стороны политики внешнеполитической. Чтобы выйти из-под «тени Лондона», Дублину нужно было укрепить отношения с континентальной Европой, не раздражая при этом своего могущественного соседа. Все это требовало выхода на мировую политическую сцену. Однако у Ирландии не было больших возможностей. В принципе хорошим подспорьем могли бы стать Соединенные Штаты, учитывая значительную роль в стране ирландской диаспоры. Но американское руководство в послевоенный период более было занято установлением политического и экономического контроля над европейским регионом. Поэтому Вашингтон не был заинтересован сделать из Дублина новый центр силы, ссориться из-за него с Лондоном. В то же самое время Ирландии было предложено участие в «плане Маршалла», которое она приняла в 1947 г. Обычно участие европейских стран в плане сопровождалось переходом в фарватер американской политики, но Дублин, используя американо-английские противоречия, смог сохранить свой нейтральный статус.

В целом сохранение нейтралитета стало важным направлением ирландской внешней политики. Так, когда в 1949 г. Вашингтон предложил Дублину войти в НАТО, он получил дипломатический отказ: Ирландия заявила о согласии войти в Североатлантический альянс при условии признания за ней территории Северной Ирландии. Естественно, что это условие не могло быть принято американской стороной.

Другим направлением внешней политики стало вступление и участие в международных организациях. В 1946 г. Дублин подал заявку на вступление в ООН, но получил отказ. Это было своего рода наказание за нейтралитет в годы Второй мировой войны. Ирландия стала членом ООН только в 1955 г.

Наиболее важным во внешней политике Дублина стало европейское направление. В 1949 г. страна вступила в Европейский совет и Организацию европейского экономического сотрудничества.

Прежде всего европейское направление стало ведущим направлением внешнеполитического курса Дублина. Это было связано как со стремлением Ирландии освободиться от английского давления (на сколько это возможно), так и с желанием расширить свои политические и экономические возможности. Поэтому в стране с интересом наблюдали за процессом европейской интеграции, но тесная связь ирландской и английской экономик делала участие в нем практически невозможным. Вопрос о вступлении Ирландии в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) оказался зависимым от вопроса о вступлении в него Великобритании.

В 1957 г. новым главой английского правительства стал Гарольд Макмиллан. В том же году после образования ЕЭС Великобритания противопоставила ему созданный ей Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), куда (кроме самой Великобритании) вошли Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия и Португалия. Однако уже к началу 60-х гг. объем внешней торговли Великобритании со странами «Общего рынка» (ЕЭС) превысил товарооборот внутри ЕАСТ. Вскоре стало понятно, что наличие в Западной Европе двух экономических объединений может привести к политическому расколу региона. В 1961 г. английский премьер-министр выразил намерение Великобритании войти в ЕЭС. Против этого выступила Франция, которая видела в ней «троянского коня» США.

В октябре 1959 г. в Великобритании прошли досрочные парламентские выборы, в результате которых победу одержали консерваторы. Первоначально положение победителей казалось достаточно прочной, но в начале 60-х гг. ситуация изменилась. Новый застой производства, финансовые и внешнеполитические просчеты, неудачная попытка вхождения в ЕЭС вызвали рост общественного недовольства консервативным правительством. Кроме того, страну потрясли скандалы, показавшие коррумпированность и моральное разложение правящих кругов страны. В этих скандалах оказались замешаны ряд членов правительства. Это вынудило Г. Макмиллан в 1963 г. уйти в отставку. Его преемником на посту лидера партии и премьер-министра стал Алек Дуглас-Хьюм. Поражение лейбористской партии на выборах стала причиной смена в её партийном руководстве. В результате внутренних партийных выборов новым лидером лейбористов стал Гарольд Вильсон.

В мае 1967 г. лейбористское правительство Г. Вильсона объявило о присоединении к ЕЭС, что стало неожиданностью, как для английского общества, так и для партнеров по ЕАСТ. Но новая попытка Великобритании войти в ЕЭС опять натолкнулась на противодействие Франции: в декабре 1967 г. Париж наложил вето.

Очередные английские парламентские выборы 18 июня 1970 г. принесли победу консерваторам. Новое правительство возглавил лидер консерваторов Э.

Хит. Внутренние проблемы вынуждали правительство активно искать успеха во внешней политике. В июне 1971 г. Лондон смог договориться о вхождении в ЕЭС, в октябре того же года парламент утвердил это решение. 1 января 1973 г. Великобритания стала членом ЕЭС, Евратома и Европейского объединения угля и стали. Вместе с ней в ЕЭС вошла Ирландия [3, с. 282].

К этому времени главой ирландского правительства был Джек Линч, который продолжил политику «нового курса» Ш. Лемасса. Долгое ожидание вступления в ЕС способствовало его идеализации, но реальность оказалась сложнее: оно стимулировало экономическое развитие Ирландии, но не освободило от давления Великобритании [3, с. 283]. Первоначально эффект от присоединения к Союзу оказался весьма положительным, экономика переживала рост. Но 1980-е годы показали ненадежность экономики, которая была зависима от иностранного капитала. В 1987 г. правящая партия Фианна Фойл принимает новую программу экономического развития, основанного на социальном партнерстве и расширении государственного регулирования экономики. Проводимая на ее основе экономическая политика способствовала экономическому подъему 1990-х годов.

Таким образом, к началу 1970-х гг. внешнеполитическая деятельность Дублина обрела четкие формы: нейтралитет, участие в международных организациях, европеизм. Кроме того, сохранились исторически и географически обусловленные особые отношения с Великобританией и США. В такой форме она просуществовала до начала XXI в.

Расширение ЕС за счет стран Восточной Европы по-разному было встречено ирландской правящей элитой и ирландским обществом: несмотря на официальную поддержку включения новых членов в ЕС, на референдуме 2001 г. большинство жителей высказалось против [3, с. 303–304], но на повторном референдуме 2002 г. большинство проголосовало утвердительно.

24 июня 2016 года в Великобритании прошел референдум по вопросу о выходе страны из ЕС. 51,9 % проголосовали «за» и 48,1 % – «против» [4, с. 7]. Выход из ЕС такого крупного политического и экономического актора, как Великобритания, не мог не оказать влияние на европейские и мировые политические и экономические процессы. С одной стороны, в этих условиях Ирландии как члену ЕС оказалась в ситуации необходимости пересмотра своих отношений с Великобританией, которая имеет уже другой статус, а с другой стороны, политические и экономические связи между Дублином и Лондоном сложились довольно давно и получили юридическое и фактическое оформление еще до появления ЕС. Но, так или иначе, находясь географически, экономически между Великобританией и ЕС, Ирландии приходится по-новому выстраивать отношения с Брюсселем и с Лондоном.

Вхождение Ирландии в ЕС стало для Дублина способом пробиться на широкую политическую и экономическую арену, выйти из «тени Лондона». Поэтому Брекзит не может стать причиной «Ирлэкзита» (выхода из ЕС Ирландии). Сохранение за Дублином членства в ЕС стало причиной вопроса о

границах, так как англо-ирландская граница стала границей между Великобританией и ЕС. При этом следует учитывать, что она проходит как по суше (граница с Северной Ирландией), так и по воде (Ирландское море). Брекзит, конечно, не сможет разорвать исторически сложившиеся экономические связи, но может их усложнить. Последнее проявилось в проблеме характера границ (не в политическом, а в экономическом смысле): «мягкие» или «жесткие». С одной стороны, Дублин заинтересован в сохранении сложившихся экономических отношений, а с другой – он должен защитить интересы ЕС и свои собственные. Однако в связи с тем, что сухопутная граница между Великобританией и Ирландией, между Великобританией и ЕС проходит через территорию Северной Ирландии, вопросы экономические сильно переплетаются с вопросами политическими. В этих условиях проблема указанного региона приобретает новое звучание.

Брекзит оказал непосредственное влияние на Республику Ирландия, он стал центральным вопросом в работе правительства. Премьер-министр Ирландии Энди Кенни отказался создать специальную должность министра по Брекзиту, заявив, что он лично и его советники (главы правительственных департаментов) займутся этим вопросом. Дублин был согласен пойти на соглашение с британской стороной с целью взаимовыгодного решения сложившейся проблемы. Однако Лондон заявил о выходе из Единого рынка ЕС и Таможенного союза ЕС. В ответ ирландское правительство начало переговоры с руководством ЕС об организации «жесткой» границы с Великобританией. Предложения специально сформированной для этого группы во главе с М. Барньером были приняты и утверждены Европейским советом в мае 2017 года [5, р. 364].

Тем временем в правящей партии Финне Гэл развернулась борьба за партийное лидерство между Э. Кенни (главой ирландского правительства и лидером партии) и Лео Варадкар. Параллельно Финне Гэл вступила в жесткое противоборство с Фианна Фойл. Но главным предметом политической борьбы между традиционными ведущими политическими партиями страны был не Брекзит, а вопрос о сохранении сложившейся системы лидерства указанных партий.

14 июня 2017 года Л. Варадкар, ставший лидером Финне Гэл, был избран премьер-министром страны. Новое правительство продолжило переговоры по Брекзиту. С одной стороны, они проводились с английским правительством (сначала с премьер-министром Т. Мэй, а потом с Б. Джонсоном) и с руководством Северной Ирландии, а с другой стороны, с представителями ЕС (прежде всего с федеральным канцлером Германии А. Меркель). Переговорный процесс осложнялся тем, что Лондон не раз затягивал переговоры, стремился переложить свои проблемы «на плечи» Ирландии, ограничить ее суверенитет в свою пользу. Центральным предметом переговоров оставался вопрос о границе. Лондон всеми силами стремился не допустить установление «жесткой» границы.

1 февраля 2020 года Великобритания вышла из ЕС. Но проблемы остались. Как бы ни хотели стороны сохранить status quo в условиях Брекзита, это оказалось невозможным: «жесткая» граница осложнила бы экономические связи между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, но при этом сохранила, законсервировала бы политическую систему Северной Ирландии. По той причине, что, по сравнению с Северной Ирландией, Республика Ирландия является более экономически развитым регионом, в экономическом противостоянии Дублин имеет преимущества перед Белфастом. В свою очередь экономика тянет за собой политику: способность Дублина экономически перетянуть к себе Белфаст создает основу для политической интеграции острова. Данное обстоятельство осложняет отношения между политическими силами Северной Ирландии (националистами и юнионистами), стимулирует продолжение регионального конфликта. Однако Брекзит вносит сильный фактор неопределенности в его дальнейшее развитие. Кроме того, после Брекзита Великобритания вошла зону политической турбулентности. На это накладывається противостояние между Россией и США, «санкционная война», жертвами которой стали прежде всего страны европейского региона.

После начала Специальной военной операции 24 февраля 2022 г. ирландское руководство заняло антироссийскую позицию. Однако Дублин не стал в авангарде антироссийской политики США, Великобритании, стран ЕС и больше исполняет «ритуальные политические танцы». Это связано с тем, что Ирландия исторически, экономически, политически тесно связана с Вашингтоном и Лондоном. Другое дело, что часть общества под влиянием ирландских и английских СМИ могут занимать крайние антироссийские позиции. Одновременно ирландские депутаты Европейского парламента (Клэр Дейли, Мик Уоллис) выказывают весьма критические оценки политики руководства ЕС по отношению к России. При этом Ирландия вполне может использовать проблемы Великобритании для объединения Изумрудного острова. Политический и экономический кризис, охвативший страны европейского региона, конечно, окажет влияние на внешнюю политику Дублина в дальнейшем.

Проведя анализ данной проблематики можно сделать следующий вывод.

В годы Второй мировой войны в Ирландии сформировался внешнеполитический принцип нейтралитета, который Дублин стремился сохранять в последующие годы. Ориентированность страны на вхождение в ЕС была связана со стремлением решить социально-экономические проблемы (как внешнеполитическая реализация «нового курса» Ш. Лемасса), а также освободиться от влияния Лондона. Первая цель была достигнута, а вторая нет. Однако Брекзит, социально-экономические и политические проблемы Великобритании в своей совокупности создают условия для достижения второй цели.

Современные глобальные политические и экономические трансформации внесут дополнительные коррективы во внешнюю политику Ирландии, в частности, в ее европейское направление.

Список литературы:

1. История Ирландии / Отв. Ред. Л.И. Гольман. – М.: Мысль, 1980. – 390 с.
2. Невилл, П. Ирландия. История страны. – СПб.: Мидгард, 2009. – 352 с.
3. Полякова, Е.Ю. Ирландия в XX веке. – М.: КДУ, 2009. – 170 с.
4. Попырин, В. И. Brexit – «туманный» выход Британии из Европейского Союза. – М.: Финансы и Статистика, 2018. – 256 с.
5. Collins S., Meehan C. Saving the state. Fine Gael from Collins to Varadkar. – Dublin: Gill Books, 2020. – 469 p.

Васильева Галина Михайловна

доктор филологических наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация: В статье рассматриваются на примере Республики Корея создание глобальной системы образования, внедрение инноваций. Целью гуманитарных проектов является развитие потенциала будущих талантов, воспитание нового поколения мировых лидеров в области экономики, истории, культуры и искусства. Ряд стипендиальных программ содействует международному образовательному обмену.

Ключевые слова: национальные проекты, международный консультационный центр, исследование европейских культур.

INNOVATIONS IN THE EDUCATION SYSTEM AND THE DEVELOPMENT OF THE HUMANITARIAN SPHERE: ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KOREA

Summary: The article discusses the creation of a global education system and the introduction of innovations on the example of the Republic of Korea. The purpose of humanitarian projects is to develop the potential of future talents, to educate a new generation of world leaders in the field of economy, history, culture and art. A number of scholarship programs promote international educational exchange.

Keywords: national projects, international consulting center, research of European cultures.

Согласно данным, предоставленным Статистическим институтом ЮНЕСКО, число корейцев, обучающихся по программам получения высшего образования за границей, достигло пика в 2020 году – 268 600 человек [7]. Корейское правительство субсидировало создание кампусов иностранных филиалов в «Глобальном университетском кампусе», который находится в свободной экономической зоне Инчхон. Наличие иностранных филиалов в стране означает, что теперь корейцы могут получить международное образование, не выезжая из страны.

Инчхонский глобальный кампус (IGC) — это национальный проект, созданный правительством Кореи и столичным городом Инчхон для внедрения инноваций в систему образования Кореи, воспитания нового поколения мировых лидеров в области экономики, промышленности, культуры и искусства [3]. На данный момент в IGC действуют четыре университета: Государственный университет Нью-Йорка, Университет Джорджа Мейсона, Университет штата Юта и Гентский университет (Бельгия). Особенность

данного проекта заключается в том, что зачисленный студент должен обучаться один год в кампусе своего университета, например, в Бельгии (Гентский университет), а затем продолжить обучение в филиале.

Global Korea Scholarship (GKS) является одной из самых престижных стипендиальных программ. Она позволяет обучаться по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры в высших учебных заведениях Южной Кореи [8]. Программа инициирована правительством Республики Корея для содействия международному образовательному обмену. GKS финансирует обучение, затраты на перелет, медицинскую страховку. Она включает ежемесячную стипендию, а также стипендию для обучения на курсах корейского языка: их должны пройти студенты, получившие грант. Но те, кто предъявит сертификат о знании языка на определенном уровне, освобождаются от требования о прохождении курсов. Ежегодно стипендию вручают 220 студентам и 1080 магистрантам; внесение возможных изменений зависит от выделяемых на программу бюджетных средств. Есть два способа подачи заявки на получение стипендии: через Посольство Южной Кореи или непосредственно через университет. В случае подачи заявки через Посольство, помимо двух основных этапов отбора — внутренний отбор в университете и конкурс отборочного комитета стипендиальной программы — добавляется внутренний конкурс посольства. Global Korea Scholarship дает возможность студентам из разных стран обучаться в Южной Корее на английском или корейском языках, самостоятельно выбрав университет, учебную программу, и в будущем внести свой вклад в сотрудничество Южной Кореи и материнской страны.

Часто языковые центры в Республике Корея располагаются на базе кого-либо университета. Они стали открываться с конца 1950 гг. На основе таких курсов и центров учеников посвящают в особенности ведения бизнеса и работы в корейских компаниях [5]. Существуют языковые школы, в которых знакомят с культурой Кореи. Языковой институт KLI, который предлагает ряд программ, например: традиционная программа, рассчитанная на год, вечерняя программа для дипломатов, профессоров и/или профессионалов, программа для бывших выпускников KLI, летняя специальная программа (предусмотрены культурные мероприятия), 3-недельная программа адаптации [11].

В середине каждого семестра, на 8-й неделе, проводится mid-term exam, или промежуточный экзамен [6]. Экзамены по всем предметам должны пройти в течение недели. Также проверка знаний осуществляется при подготовке совместных групповых проектов (практика).

В конце семестра проводятся итоговые экзамены. Некоторые преподаватели проверяют знания не по программе всего семестра, а по материалам, пройденным после mid-term exam. Ряд экзаменов проходит как защита презентации по одной из тем, как демонстрация темы другим студентам и преподавателю.

Министерство образования страны разработало стратегию привлечения иностранных студентов и поддержки их расселения, введение визовых льгот.

Таким образом стараются решить проблему найма в регионах, где корейцы не хотят работать. Страна нуждается в специалистах в сферах науки и инженерии. С этой целью планируется расширить функции международного студенческого консультационного центра для поддержки внутренней адаптации, увеличить число международных стипендиальных программ. На государственном уровне деятельность Международного студенческого консультационного центра осуществляется Национальным институтом международного образования Министерства образования.

В университетах Республики Кореи в мае и в октябре организуют студенческие фестивали. В мероприятии участвуют студенты из других учебных заведений, выпускники, местные жители. На большинство концертов вход бесплатный, а на фестивали университетов Йонсей и Корё – платный. На студенческих фестивалях выступают известные исполнители, местные студенческие клубы. Открываются киоски с аксессуарами ручной работы и винтажной одеждой. Студенты играют в дартс, в игровые, танцевальные автоматы [10].

The Cyber University of Korea (서울사이버대학교) – Сеульский университет онлайн-образования – был основан в 2000 году [9]. Его главными целями являются: обеспечение непрерывного образования на протяжении всей жизни человека; создание глобальной системы образования; развитие потенциала будущих талантов. В Сеульском Кибер-университете можно учиться из любой точки мира (при владении корейским или английским языками), совмещать обучение с иными видами деятельности. Университет предоставляет 14 образовательных программ для бакалавриата и 4 – для магистратуры [4]. Для молодых артистов Республики Корея этот университет стал хорошей возможностью получить образование, несмотря на их напряженный график.

В стране открываются отделения по исследованию европейских культур. Большинство программ Республики Корея по немецкому языку и литературе были инициированы в 1980-е годы [2]. Кафедры немецкого языка, немецкой литературы и немецкого регионоведения существуют в большинстве университетов Южной Кореи.

Немецкая литература стала интенсивно изучаться в Корее на рубеже XIX–XX веков. В 1898 году была открыта специальная школа Хан Сон Док. В результате аннексии Кореи Японией в 1910 году с немецкой литературой стали знакомиться также благодаря японо-немецким контактам. Одним из любимых авторов японцев и корейцев является Гёте. В 2020 году прошла онлайн-конференция «Клуб немецкой литературы». На корейском «Ютубе» располагается множество видео о корейцах, рассказывающих об опыте чтения немецкой литературы, например, «Демияна» («Demian. Die Geschichte einer Jugend», 1919) Германа Гессе. На различных Интернет-ресурсах сравнивают немецкую и «молодую» корейскую литературу.

Филологи Восточной Азии отмечают родство стилей корейских и немецких писателей. Например, творческую манеру Пак Мингю – синтез трагикомедии, иронии – сравнивают с манерой Томаса Бруссига. Ким Эран, с ее жестким взглядом и остранным описанием людей и вещей, «лабиринтообразным» выстраиванием событий вызывает ассоциации с Даниелем Кельманом [1].

Сочинения Томаса Манна оказали влияние на творчество Ли Чон Чжуна, дебютировавшего в 1965 году, — автора таких произведений как «Со Пён Чжэ» и «Ёдо». В своих романах Ли Чон Чжун, который открыл для себя немецкого писателя во время учебы в Сеульском национальном университете, воплощал противостояние человека политическому, социальному авторитаризму. Ли Чон Чжун сыграл большую роль в ознакомлении молодого поколения с сочинениями Томаса Манна и других европейских деятелей культуры.

Список литературы:

1. Das Buch: Korean writers strut their stuff in Germany. – URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2005/09/22/features/Das-Buch-Korean-writers-strut-their-stuff-in-Germany/2621297.html> (accessed: 15.02.2022).
2. Dept. of German Language, Literature and Culture. – URL: https://www.sungshin.ac.kr/main_eng/15329/subview.do (accessed: 15.02.2022).
3. Earn the Degrees of World-Class Universities in Incheon Global Campus (IGC). – URL: multivu.com/players/English/8106351-incheon-global-campus-igc-korea/ (accessed: 15.02.2022).
4. Free Apply. – URL: <https://free-apply.com/ru/university/1041000129> (accessed: 15.02.2022).
5. Green Korea Language School. – URL: <https://greenkorean.co.kr/18> (accessed: 15.02.2022).
6. Midterm week in South Korea. – URL: <https://www.marshall.usc.edu/blog/midterm-week-south-korea> (accessed: 15.02.2022).
7. Migration Data Portal. – URL: https://www.migrationdataportal.org/pt-pt/international-data?i=stock_abs_&t=2020&cm49=410 (accessed: 15.02.2022).
8. Study in Korea. – URL: https://www.studyinkorea.go.kr/en/sub/gks/allnew_invite.do (accessed: 15.02.2022).
9. The Cyber University of Korea. – URL: <https://eng.cuk.edu/index.do> (accessed: 15.02.2022).
10. University festivals return in full glory after pandemic hiatus. – URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221005000212> (accessed: 15.02.2022).
11. Yonsei University. — URL: https://www.yonsei.ac.kr/en_sc/admission/scholarship.jsp#KLI (accessed: 15.02.2022).

Ватолина Юлия Владимировна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ИСКУССТВО КАК ФЕНОМЕН

Аннотация: Данная статья посвящена искусству как феномену в хайдеггеровском понимании. Определяется базовое допущение исследования искусства, которым является такое бытийное состояние, когда искусство «показывает-на-самое-себя-через-самое-себя» (М. Хайдеггер), а не оказывается лишь знаком, симптомом чего-то иного, например, экономики или культуры. Осуществляя аналитику искусства как феномена, автор опирается на концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Выявляется, что произведение искусства – это нечто выделенное из потока переживаний и обретшее самостоятельность и самодостаточность. По существу, искусство должно существовать только в поле искусства, не нуждаясь даже в подписи автора. Главное – что оно должно нести в себе определенный эмоциональный настрой, впечатлять, тем самым заставляя человека осуществить экзистенциальный поворот, преобразиться.

Ключевые слова: искусство, феномен, эстетизм, перцепт, иное, событие, памятник.

ART AS A PHENOMENON

Summary: This article is devoted to art as a phenomenon in Heidegger's understanding. The basic assumption of art research is determined, which is a state of being when art "shows-itself-through-itself" (M. Heidegger), and does not turn out to be just a sign, a symptom of something else, for example, economics or culture. Carrying out the analysis of art as a phenomenon, the author relies on the concept of J. Deleuze and F. Guattari. It is revealed that a work of art is something isolated from the flow of experiences and has gained independence and self-sufficiency. In essence, art should exist only in the field of art, without even needing the signature of the author. The main thing is that it should carry a certain emotional mood, impress, thereby forcing a person to make an existential turn, transform.

Keywords: art, phenomenon, esthesis, perception, other, event, monument.

Сегодня, когда появляется какой-либо художественный фильм и его реклама, то, прежде всего, она несет в себе информацию, сколько денег было потрачено на съемку, а критерием успешности становится то, сколько прибыли дали показы. Так, например, в современных СМИ можно найти информацию о том, что «Аватар» обошелся авторам практически в 236 млн. долларов, привлекает то, что кассовые сборы себя оправдали – 2 млрд. 787 млн. долларов», а «Гарри Поттер и Принц полукровка» принес более 934 млн.

долларов, а чтобы создать фильм по книге, авторская группа потратила немного больше 250 млн. В целом, прибыль практически в 3,5 раз заслуживает огромного уважения»¹. Мы говорим об искусстве, но на самом деле говорим о деньгах.

В советское время нередко создавались и превозносились произведения, не несущие в себе никакого художественного смысла, но являющиеся сугубо продуктом идеологической пропаганды: преодоления безграмотности, отказа от вредных привычек, соблюдения правил безопасности и т.д. Как правило, на подобных плакатах изображение отличалось условностью, схематизмом, использовалось ограниченное количество цветов, что делало плакат достаточно лаконичным и действенным. При этом нередко в жертву задачам агитации и пропаганды также приносилось и чувство вкуса. Например, на плакате А. Зеленского (1920) изображена открытая книга, закладкой в которой является колос, а на книгу поставлен кулак, сжимающий серп. Надпись на нем гласит: «Чтобы больше иметь – надо больше производить, чтобы больше производить – надо больше знать». Другой пример произведения этого жанра – плакат М. Соловьева (1947) «Хорошо трудиться – хлеб уродится!», где идеологическим целям подчинена не только художественная составляющая изображения, но и сам язык.

Таким образом, говоря об искусстве, мы зачастую говорим о совершенно ином (экономике, политике), и происходит размывание границ между искусством и тем, что лежит по ту сторону его. Само собой разумеется, это не приближает, а отдаляет от понимания того, что представляет собой искусство как феномен в хайдеггеровском смысле.

Говоря о феномене искусства, необходимо, прежде всего, определить само понятие феномена. М. Хайдеггер, обращаясь к греческим корням этого слова, определяет «феномен» как «то, что показывает себя, самокажущееся, очевидное». Кроме того, «феномен» этимологически связан со светом, ясностью, то есть феномен – «... суть тогда совокупность того, что лежит на свету или может быть выведено на свет, что греки временами просто отождествляют с *tá ònta* (сущее)».²

Сущее может показывать себя разным образом в зависимости от «способа подхода к нему». Хайдеггер выделяет три онтических региона – три региона действительности, которые различаются по конститутивным принципам своего существования.³

1. Где сущее предстает как феномен – такое бытийное состояние, когда «сущее-показывает-на-самое-себя-через-самое-себя» [Sich-an-ihm-selbst-zeigende].

¹ Инвестиционный блог GQ-Blog.com [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XkpzgzgTHRsvsZF> (дата обращения: 28.02.2023).

² Heidegger, M. Sein Und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967. S. 28.

³ Heidegger, M. Sein Und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967. S. 28 – 31.

2. Где сущее показывает себя как свечение, «видимость-Schein» и просматривается в чем-либо ином: в культурной, политической сфере. То есть «искусство-показывает-на-самое-себя-через-другое-сущее» и может быть истолковано через политические или экономические практики, социальные акции и т. д. Например, в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) существовало политическое объединение художников «Окна сатиры РОСТА», или «Окна РОСТА» (Российского телеграфного агентства), куда вписался В. В. Маяковский как художник, и, в частности, – писал слоганы. Несмотря на их политическую ангажированность, они обладают художественной ценностью. Другой пример – «Котлован» А. Платонова, написанный по заказу РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей).

3. Где сущее предстает как «явление-Erscheinung», в данности которого искусство оказывается лишь знаком, симптомом чего-то иного (например, экономики или культуры, как в тех примерах, которые были приведены в самом начале текста).

В данном случае дискурс об искусстве будет разворачиваться по преимуществу в первом регионе, где искусство «показывает-на-самое-себя-через-самое-себя».

Прежде всего, искусство – это эстетизм, чувственный смысл или осмысляющее чувство.

Эстетизм – это поле чувствования, но – не просто аудиальное, визуальное восприятие, запах, но, прежде всего, смысловой комплекс. Собственно, уже Аристотель размышляет о *koine aesthesis*, фокусируя внимание в *koine* на комплексности, сложности восприятия, или перцепции. Например, меланезийцы в рамках карго-культов (от англ. – *cargo* «груз») поклоняются западным товарам, которые, как они верят, созданы духами их предков и предназначены для них, тогда как белые люди нечестным путем получили контроль над этими предметами.⁴ Так же люди, живущие в архаических «мирах», попав в современный город, были бы изумлены количеству богов у белых людей и их набожности, так как для них изображение устанавливает связь с потусторонним сакральным миром.

Но перцепция с латинским суффиксом «-цио» отсылает к процессуальности, безостановочности, а, когда мы говорим об искусстве, то говорим не столько о перцепции, сколько о перцептах. Чисто аналитически этот термин вводят философы Ж. Делез и Ф. Гваттари. Перцепт – это воспринятое, то есть остановившаяся перцепция, заторможенное восприятие. По Делезу – Гваттари, задача искусства состоит в том, чтобы «средствами своего материала вырвать перцепт из объектных восприятий и состояний воспринимающего субъекта, вырвать аффект из переживаний как перехода от одного состояния к другому».⁵

⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Академический Проект, 2010. С. 201.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Москва: Академический проект, 2009. С. 193.

Художник обращает поток перцепции в некий целостный мир, обладающий собственной логикой, топологией, темпоральностью (стоит вспомнить «хронотоп» М. М. Бахтина, например), своей «стиль-формой» (Гуссерль), то есть выхватывает из потока перцепции некое событие, зарождающееся в нем, и участвует в его рождении и пестовании, возвращении. Конечно, существует термин «творчество», однако, нужно заметить, что оно носит сугубо христианский характер, но при этом в десимволизированном современном «мире» «творцом» и «демиургом», равным Творцу в своих возможностях, провозглашается человек. Вне иудейско-христианской традиции базовым принципом является именно генезис, рождение, – не даром платоновский Сократ, например, называл себя «майевтом», то есть специалистом по родам, в данном случае, души.

Вернемся к Делезу – Гваттари. С точки зрения этих философов, ощущения-перцепты – это не восприятия, лишь отсылающие к некоторым объектам действительности. На самом деле художнику «тесно в рамках перцептивных состояний и аффективных переходов опыта», а потому «реально воспринимаемый им клочок природы или же городские кварталы, вместе с их персонажами, включаются в видение, которое через них составляет перцепты той, *другой* жизни...» (Курсив мой. – Ю.В.).⁶ В конечном счете, перцепт – это всегда «иной» «мир» по отношению к обыденности и повседневности, подобно празднику, представляющему собой не просто особый интервал во времени, а, скорее, временную цезуру, разрывающую серийное время повседневности, которое в «по-все-дневности» всегда навязчиво «свое».

Именно поэтому совершенно не важно, насколько посредственными в действительности являются персонажи художественных произведений. Искусство своей преобразующей силой делает их «великими», подобно Акакию Акакиевичу из «Шинели» Н. В. Гоголя или герою из «Медного всадника» А. С. Пушкина Евгению. «Говорят, что, создавая памятники, романист все равно “вдохновляется” жизненным опытом, и это правда; г-н де Шарлю во многом похож на Монтескую, но в конечном счете между Монтеской и г-ном де Шарлю отношение примерно такое же, как между псом — лающим животным и созвездием Гончих Псов»,⁷ — разъясняют различие между реальностью и искусством Делез – Гваттари.

Прикосновение к «иному» с неизбежностью трансформирует Я художника, автора. Используя выражение Делеза – Гваттари, художники – «настоящие атлеты», если понимать под атлетизмом «атлетизм не мышечно-органический, а “аффективный”». ⁸ Более того, как и философы, они «часто бывают слабы здоровьем, но не из-за болезней или неврозов, а оттого, что они повидали в жизни нечто слишком великое для обычного человека, слишком

⁶ Там же. С. 198.

⁷ Там же. С. 199.

⁸ Там же.

великое для себя самих, отчего на них и осталось невидимое клеймо смерти».⁹ Однако, подобно сакральному, которое несет в себе опасность для человека своей мощью и одновременно является животворящей силой, бытийственностью, к которой прокладывает путь искусство, — это «одновременно и источник, который питает или воодушевляет их и заставляет их жить сквозь все недуги житейского опыта».¹⁰ Можно сказать, что искусство является тем, что дает «чувство жизни» (И. Кант).

Произведение может удержать исполненность эстетизма, и это и есть событие, его выделенность, его необычайная сила, но при этом также может удержаться само, то есть стать само-достаточным, само-стоятельным сущим. Подобное самодостаточное существование произведения искусства дает основание Делезу и Гваттари для его одушевления, представления живым существом. Ощущения, перцепты и аффекты — это «существа», которые важны сами по себе, вне всякого опыта.¹¹ Участвуя в рождении целостности, дающей чувство жизни и ощущение себя, художник «выходит» за скобки, становится не нужен, и произведение начинает жить своей жизнью. Он — лишь первый зритель, и только.

То, что сохраняется, — вещь или произведение искусства, — это «блок ощущений, то есть составное целое перцептов и аффектов».¹² При этом «перцепты — это уже не восприятия, они независимы от состояния тех, кто их испытывает; аффекты — это уже не чувства или переживания, они превосходят силы тех, кто через них проходит».¹³

Произведение искусства — это нечто выделенное из потока переживаний и обретшее самостоятельность и самодостаточность. Конечно, есть масса поддержек, благодаря которым может существовать квази-искусство (биографических, политических, религиозных, экономических). Однако, по существу, искусство не должно нуждаться ни в каких подпорках, включая подпись автора, оно должно существовать только в поле искусства, неся в себе определенный эмоциональный настрой, впечатлять — и только. Именно так впечатляет икона, например, не зависимо от того, кем она была написана. Иными словами, в искусстве невозможен «бренд». Произведение искусства как бы открывается само, и вопрос состоит в том, хватит ли у человека сил «войти» в него и стать зрителем, читателем, слушателем.

Итак, художник создает «блоки перцептов и аффектов», но единственный закон его творчества — составное целое должно держаться само собой. Самое важное, но и трудное для художника — «сделать так, чтоб оно само собой стояло».¹⁴

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹ Там же. С. 189.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

И в этом смысле произведение искусства – это своего рода «памятник»,¹⁵ хотя «памятник» может содержать всего несколько черт или строк. При этом нужно иметь в виду, что памятник – не просто статуя, застывшая в омертвелой неподвижности, а сгусток времени, его конденсат и одновременно аттрактор. Иными словами, памятник – это то, что существует не в прошлом, а в синхронической диспозиции, в настоящем, придавая ему фигуративность, а значит – и открывая возможные горизонты будущего. Искусство предлагает «иное» поле видения, «иную» перспективу, но, тем самым, оно заставляет человека изменить позицию, совершить экзистенциальный поворот, то есть, по сути, заставляет его преобразиться.

Список литературы:

1. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? – Москва: Академический проект, 2009. – 261 с.
2. Инвестиционный блог GQ-Blog.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/XkprzgkzgTHRsvsZF> (дата обращения: 28.02.2023).
3. Элиаде, М. Аспекты мифа. – Москва: Академический Проект, 2010. – 235 с.
4. Heidegger, M. Sein Und Zeit. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967. – 450 с.

¹⁵ Там же. С. 204.

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Е. Н. ВЕРЕЙСКОЙ (1886–1966)

Аннотация: В статье впервые в истории литературоведения представлена полная библиография работ известной советской детской писательницы Елены Николаевны Верейской (ур. Кареевой) (1886–1966).

Ключевые слова: Е. Н. Верейская, библиография, детская литература.

BIBLIOGRAPHY OF THE WORKS OF THE SOVIET CHILDREN'S WRITER E. N. VEREISKAYA (1886–1966)

Summary: For the first time in the history of literary criticism, the article presents a complete bibliography of the works of the famous Soviet children's writer Elena Nikolaevna Vereiskaya (born Kareeva) (1886–1966).

Keywords: E. N. Vereiskaya, bibliography, children's literature.

Елена Николаевна Верейская прожила большую счастливую творческую жизнь. Она была узнаваемой и любимой детской писательницей; книги её были читаемы (иногда «до дыр»). Когда собиралась библиография её трудов, сотрудники библиотек и архивов, с которыми столкнулась автор, по возрасту уже сами бабушками и дедушками, вспоминали, как, будучи детьми, зачитывались книжками Верейской. Во многом благодаря таким качествам характера, как умение не унывать, видеть свет даже в «тёмной комнате», а также неиссякаемому желанию транслировать в мир через слово уникальные свойства прекрасной души (писательница обладала ещё и бесспорным талантом рассказчицы), — такие её произведения, как «Индюк», «Бесик», «Цыплячьи шефы», «Ласточка», «Белая шубка» (для самых маленьких), «Таня–революционерка», «Три девочки» (история одной квартиры) (для детей среднего школьного возраста) читали не одно поколение советских детей. В наши дни у современных детей есть возможность познакомиться с творчеством детской писательницы посредством прочтения её книг, которые переиздаются («Бабушкин колобок», «Белая шубка» и др.).

Самый переиздаваемый рассказ Верейской — «Таня–революционерка» (1928) был рекомендован «Мурзилкой» в 1971 г. для прочтения во втором классе школы [1, с. 6]. В 1930-е гг. рассказ входил в число 48 лучших советских детских книг¹. Он выдержал семь переизданий с переработкой и дополнениями

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 36. Л. 33.

автора при её жизни². Согласно электронному каталогу Государственной Публичной библиотеки он переиздавался одиннадцать раз; и неоднократно был переведён на различные языки мира. В 1956 г. вышел первый одноимённый диафильм, с 1957 г. было записано несколько аудиозаписей рассказа, а с 1966 г. ряд радиоспектаклей.

Елена Николаевна родилась в Санкт-Петербурге 7 декабря 1886 г. в семье члена–корреспондента Петербургской Академии наук, профессора новейшей истории С.- Петербургского университета и Бестужевских курсов, крупного знатока Великой французской революции Н. И. Кареева; была крещена 15 декабря во Владимирском соборе³ После окончания частной женской гимназии Э. П. Шаффе⁴, в 1904 г. она поступила на словесное отделение Высших женских курсов, затем после небольшого перерыва в занятиях перевелась на юридический факультет женского университета⁵, но выпускного свидетельства не получила, т.к. не пошла сдавать два последних государственных экзамена [2, С. 77]. Творчество писательницы началось с поэтического этапа. В 1910 г. в «Вестнике Европы» вышло первое сочинение Кареевой, стихотворение «Полутени..., полузвуки...» с характерной ритмикой слога, к манере которой Елена Николаевна будет прибегать впоследствии и в прозе, чтобы передать направленный характер движения [3, с. 156].

На юридический факультет Бестужевских курсов Елена Николаевна перевелась, по её словам, «для общего развития». Она находилась под впечатлением от знакомства с начинающим художником Г. С. Верейским (1886–1962), который в 1910 г. второй раз посетил столицу для ознакомления с её художественными шедеврами. В 1911 г. Кареева вышла замуж за Георгия Семёновича, её «Жоржа», как она называла супруга. В счастливом браке двух талантливых людей родились два сына, талант, трудолюбие и любовь к Родине которых были под стать родительским. Старший — кандидат геолого-минералогических наук Николай Георгиевич Верейский (1912–1996), участник Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) связал свою судьбу с гидрогеологией. Младший пошёл по стопам отца — широко известный в СССР и за рубежом график, иллюстратор, педагог, участник войны Орест Георгиевич Верейский (1915–1993) [4, с. 99].

В годы Первой мировой войны (1914–1918) и период революционных потрясений Е. Н. Верейская с сыновьями находилась в Смоленской губернии, у родственников её матери С. А. Кареевой (1915–1922 гг.). Там в Елене Николаевне проснулся талант организатора и воспитателя; к тому же она начала точно подмечать окружающую её действительность с последующим переложением её в стихи, пьесы, рассказы и повести [2, с. 77–78]. Она вспоминала: «В деревне жилось трудно, часто с перенапряжением и

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Д. 1110. Л. 13.

³ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 556 (Ч. 1). Л. 278.

⁴ Там же. Л. 279.

⁵ Там же. Л. 275.

физических и душевных сил, но полно и интересно: работа в библиотеке местного Народного дома, созданной из хаоса книг, собранных в бывших помещичьих усадьбах и сваленных в кучу в одной из больших комнат; "любительский", как тогда говорили, драматический кружок. Я — и режиссёр, и актриса, а иногда и бутафор. <...> Нехватка пьес — пишу их сама, ни на минуту не предполагая, что когда-то стану профессиональным литератором» [5, с. 148].

В «Вестнике Европы» в мартовском номере 1916 г. было опубликовано первое произведение писательницы в прозе, рассказ «Завтра». Его герой Стоянов встречает в поезде девушку с удивительным смехом; состоялся диалог двух молодых людей; попутчики разговаривают в тамбуре вагона, потому что девушка боится пропустить свою скорую остановку; она полна мыслями о счастливом завтрашнем дне, о том, что вскоре встретится со своим женихом; попутчица сходит с поезда, а в жизни героя внезапно появляется смысл; он погружается в сон со счастливыми мыслями о завтрашнем дне [6, с. 45–54]. Елена Николаевна поставила, как автор, свою девичью фамилию; возможно видела её в качестве псевдонима. Но смысл рассказа, который читается на одном дыхании, и очень рознится со всеми последующими текстами писательницы, остаётся для читателей скрытым. Свет проливают лишь архивные документы.

В личной карточке Союза писателей 1950 г. Е. Н. Верейская указала, что она «проживает в Дунаевском Фёдором Романовичем, родился в Харькове в 1887 году, русский, беспартийный, работает в Академии наук», и что с первым мужем Георгием Семёновичем Верейским «разошлись в 1924 г., но не разведены»⁶. Официальный развод с художником Верейским Елена Николаевна оформила лишь в 1957 г., и то только потому, что Георгий Семенович решился сочетаться повторным браком⁷. Елена Николаевна и Георгий Семёнович сохраняли на протяжении жизни удивительно тёплые отношения, вели переписку изо дня в день, постоянно оказывали друг другу поддержку, и часто находились рядом (Верейский приезжал в Ленинград из Москвы, подолгу жил с новой семьёй Елены Николаевны и работал в доме своего тестя профессора Кареева). В Фёдора Романовича Дунаевского (1887–1960) невозможно было не влюбиться. Он был наполнен жизнью до краёв, отличался уникальным качеством талантливо сочетать несочетаемое, много раз в своей жизни стоял на пороге важных открытий. В профессиональной сфере он состоялся как юрист (в дореволюционный период), альпинист (в 1909 г. совершил восхождение на Эльбрус), авиатор, литератор, социолог, экономист и физиолог (на закате жизни занимался вопросами физиологии нервной системы) [7, С. 114]. Знакомство Елены Николаевны с Дунаевским произошло, когда Г. С. Верейский писал «Портрет военного лётчика Ф. Р. Дунаевского (1914 г.) (картон, масло, 43x50,5 см). С началом Первой мировой войны осенью 1914 г. Федор Романович был

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 36. Л. 7 об.

⁷ ОР РНБ. Ф. 1129. Д. 421. Л. 29.

мобилизован (как вольноопределяющийся оказался в авиационной школе, «выполнял функции технического, учебного и организационного характера»⁸; участник Белого движения; в начале 1918 г., когда перешёл в РККА, в качестве преподавателя моторного дела был демобилизован, получил чин прапорщика запаса⁹). Дунаевский и Верейский сохраняли высокие отношения. В 1930-е гг. Георгий Семенович написал второй портрет Федора Романовича (холст на картоне, масло, 40x30 см) [8, с. 121–122]. В военный период в бумагах Дунаевского очень часто мелькает мысль об одиночестве, именуемое им «неизбежной тенью чести»¹⁰. Он полюбил Елену Николаевну, но она была замужем. Поэтому короткий рассказ Верейской 1916 г. «Завтра» можно рассматривать как мимолётную надежду на счастье двух любящих сердец. Подтверждение данной мысли находим в её стихотворении 1917 г. «Молятся гордые, синие горы...» [9, с. 290].

В Петроград Е. Н. Верейская вернулась с намерением выйти на сцену, став актрисой. Она писала, что «ощущала в себе избыток сил» и «испытывала муки Таланта». Для писательницы, как одарённой личности, было характерно увлекаться разного рода творческой деятельностью на протяжении всей жизни. Она продолжала писать стихи, но признавалась, что её «муза живёт ещё в девятнадцатом столетии», тогда как на фоне «новых поэтов» чувствовала, что «отстала», и что её поэзия скорее «интимная лирика», что в первые годы Советской власти вряд ли было бы оценено [5, с. 149]. Она попробовала себя как переводчица. Будучи помощницей своего отца, профессора Н. И. Кареева, Елена Николаевна часто переводила исторические источники и труды. Прекрасно зная немецкий язык, она перевела работу немецкого историка и теоретика искусства Макса Фридендера «Литография», которая вышла в 1925 г. в серии «Искусство современной Европы» [10, с. 7–37].

Однажды случайно столкнувшись на Невском проспекте со знакомым, Верейская узнала о существовании «Кружка детской литературы» (он собирался в библиотеке Института дошкольного образования по средам), который вёл писатель и издатель С. Я. Маршак. Мысль писать для детей её позабавила, при этом дебют — прочтение пьесы, написанной в деревне, кружковцам, среди которых были подающие надежды детские писатели, был провальным. Маршак посоветовал написать снова, «как для взрослых», «только чтобы было понятно детям». Идя домой на Васильевский остров, она отчётливо вспомнила забавный случай из своей заграничной поездки, когда группа учителей и учительниц посетила соляные копи местечка Берхтесгаден в Баварии. К следующей среде рассказ был готов и прочитан на заседании кружка. Самуил Яковлевич рекомендовал его к печати [5, с. 148]. Рассказ был опубликован в «Новом Робинзоне» за 1925 г. Четыре иллюстрации к рассказу выполнил Г. С. Верейский. Это был первый и единственный случай из

⁸ РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 8. Д.1002. Л. 1.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

¹⁰ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 140. Л. 80; СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

опубликованных произведений писательницы, когда художник иллюстрировал сочинения своей супруги [11, с. 31–37].

Так произошло рождение детской писательницы Е. Н. Верейской. Елена Николаевна многому научилась у Маршака и часто называла его своим «крёстным отцом». В том же году Верейская была принята в Союз писателей, а в 1934 г. — в Союз Советских писателей¹¹. Литературное творчество для детей всегда приносили Елене Николаевне радость. Она была мастером скороговорок, стихов, поучительных и проникновенных историй, могла просто, искренне, ярко запечатлеть в юных сердцах события минувшего, как правило, трагических страниц нашей истории (революции 1905–1907 гг., блокады Ленинграда и др.). Верейская хорошо разбиралась в детской психологии. Её первым строгим критиком был Фёдор Романович, который тоже писал, но по большей части «в стол», т.к. характер его работы не позволял отвлекаться на литературные занятия. Елена Николаевна была художником слова, она мастерски рассказывала свои произведения и сочинения других детских писателей (аудитория была различной, от детей и подростков в летних пионерских лагерях до раненых воинов в госпиталях в годы Великой Отечественной войны). В поисках сюжетов для новых произведений Верейская часто бывала среди ребят, беседовала с ними; да и отдых она воспринимала как непосредственное и «весёлое общение с людьми». В год она получала сотни писем от своих молодых почитателей и их родителей. Отклики читателей на новые произведения были ей всегда крайне важны. Бывало, что рассказы сначала были прочитаны Верейской по радио, как в случае с «Фонариком» в 1938 г.¹²; небольшой рассказ был дополнен и доработан Еленой Николаевной, но так и остался небольшим произведением по объёму, поэтому при публикации его часто объединяли с другими рассказами писательницы. Наряду с детской литературой, Елена Николаевна не оставляла идею переводов с немецкого и английского языков, правда, большая их часть осталась неопубликованными. В разное время она писала воспоминания: о Бестужевских курсах, Маршаке и др. Среди неопубликованных работ Верейской встречаются рассказы для детей.

Пережив Фёдора Романовича Дунаевского и Георгия Семёновича Верейского, Елена Николаевна, казалось утратила искру жизни. В последние годы она жила в семье младшего сына, Ореста Георгиевича, в Москве. Конечно, писательница продолжала работать. Последний рассказ вышел после её смерти 19 сентября 1966 г. Он назывался «Странная собака». Удивительно, как в нём, верная заветам С. Я. Маршака, Верейская писала для детей, но казалось, что и для взрослых. Ею был описан случай с «очень умной собакой», которую они встретили с Ф. Р. Дунаевским, прогуливаясь в окрестностях местечка Шови Военно-Осетинской дороги во время своего отпуска во второй половине 1940-х гг. [12, с. 46-47].

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Д. 1110. Л. 9–10; ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 36. Л. 9 об.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 36. Л. 12.

Ниже представлена библиография работ Е. Н. Верейской, которая собиралась автором статьи на протяжении ряда лет на основе опубликованных источников, биографических справок о писательнице и списков трудов, сосредоточенных в её личных фондах в ЦГАЛИ СПб, РГАЛИ и РО ИРЛИ.

Список работ Е. Н. Верейской (ур. Кареевой).

1. Кареева Е. «Полутени..., полужвуки...» // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 156.
2. Кареева Е. Завтра // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 45–54.
3. Кареева Е. «Молятся гордые, синие горы...» // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 290.
4. Фридендер Макс (1867–1958). Литография / Перевод Е. Н. Верейской; с приложением очерка В. В. Воинова «Литография в России». Сер. «Искусство современной Европы» / Под ред. Н. Э. Радлова. – Л.: Гос. ин-т истории искусств «Akademia», 1925. – 50 с.
5. Верейская Е.Н. В соляной горе: рассказ / Рис. Г. С. Верейского // Новый Робинзон. 1925. № 19–20. С. 31–37.
6. Верейская Е.Н. Индюк: рассказ для детей в стихах / Картинки (рисунки в красках) А. Петрова. – М.; Л.: Радуга, 1925. Л.: лит. Гос. худож. промышл. техникум. – 3 с., ил.
7. Верейская Е.Н. Серёжка в деревне: повесть:
 - 7.1. Верейская Е.Н. Серёжка в деревне: повесть. – Л.: Прибой, 1925. – 80 с., ил.
 - 7.2. Верейская Е.Н. Серёжка в деревне: повесть для детей / Рис. Н. М. Чернышова. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия (14-я тип. Мосполиграф), 1929. – 80 с., ил.
8. Верейская Е.Н. Бесик: рассказ:
 - 8.1. Верейская Е.Н. Бесик: рассказ / Рис. Т. Шишмарёвой. – М.; Л.: Гос. изд-во (тип. Печатный двор), 1927. – 24 с., ил.
 - 8.2. Верейская Е.Н. Бесик: рассказ / Рис. Т. Шишмарёвой. 2-е изд. – М.; Л.: Гос. типография им. Евгении Соколовой. 1930. – 80 с., ил.
 - 8.3. Верейская Е.Н. Бабушкин колобок: рассказ об озорном бельчонке / Рис. Л. Подляской. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1963. – 21 с., ил.
 - 8.4. Верейская Е.Н. Бабушкин колобок: рассказ / Рис. Л. Подляской. Сер. «Любимая мамина книжка». – СПб.; М.: Речь, 2015. – 22 с., ил.
9. Верейская Е.Н. Замок с приведением: рассказ / Рис. Юргенса // Вокруг света. 1928. № 39. С. 12–16.
10. Верейская Е.Н. Таня революционерка: рассказ:
 - 10.1. Верейская Е.Н. Таня революционерка: рассказ / Обложка и рис. Т. Шишмарёвой. – М.; Л.: Гос. изд-во (тип. Печатный двор), 1928. – 14 с., ил.
 - 10.2. Верейская Е.Н. Таня революционерка: рассказ для детей / Обложка и рис. Т. Шишмарёвой. 2-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во (тип. Печатный двор), 1929. – 14 с., ил.

10.3. Верейская Е.Н. Таня революционерка: рассказ для детей / Обложка и рис. Т. Шишмарёвой. 3-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во (тип. Печатный двор), 1930. – 14 с., ил.

10.4. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Пер. на удмурдский яз. Ф. Ирисовой. – Ижевск: Ижкар, Удкнига, 1931. – 12 с.

10.5. Верейская Е.Н. Таня-революционерка / Пер. на грузинский яз. – Тбилиси, 1931. – 12 с.

10.6. Верейская Е.Н. Таня революционерка / Обложка, и рис. Корта. 4-е изд. – М.: Детгиз (тип. Образцовая), 1934. – 12 с., ил.

10.7. Верейская Е.Н. Таня революционерка / Обложка, и рис. Корта. – М.: ОГИЗ-ДЕТГИЗ, 1934. – 12 с., ил.

10.8. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Пер. на украинский яз. П. Аджаров. – Одесса: Детиздат УССР, 1935. – 11 с., ил.

10.9. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Рис. С. Ипатьевой. – Харьков; Одесса: Детиздат УССР, 1935. – 11 с., ил.

10.10. Wereiskagia E. Tanja, die Revolutionarin / Пер. на немецкий яз. / Übers. von E. Tocius. – Charkow; Odessa: Kinderverlag, 1935. – 15 с., ил.

10.11. Wereiskagia E. Tania i epanastatria / Пер. на новогреческий яз. / Metaphrasi: V. Severi. – Rostov-Ndon : Komyunistis, 1935. – 15 с., ил.

10.12. Верейская Е.Н. Таня революционерка / Рис. О. Верейского. 5-е изд. Сер. «Школьная библиотека». – М.; Л: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. – 16 с., ил.

10.13. Верейская Е.Н. Таня революционерка. – Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 1939. – 16 с., ил.

10.14. Верейская Е.Н. Таня революционерка / Рис. О. Верейского. Сер. «Школьная библиотека: для начальной школы». – М.; Л: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941. – 16 с., ил.

10.15. Верейская Е.Н. Таня революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. 6-е изд. – Л: Детгиз, 1954. – 16 с., ил.

10.16. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. Сер. «Школьная библиотека для нерусских школ. Для начальной школы». 7-е изд. – М: Детгиз, 1955. – 16 с., ил.

10.17. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. 8-е изд. – Л: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. – 16 с., ил.

10.18. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. –Л.: Гос. изд-во Дет. лит-ры Мин. Просвещения РСФСР, 1957. С. 79–86.

10.19. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. 9-е изд. Л: Детгиз (Ленингр. отд.), 1957. 16 с., ил.

10.20. Verejevskaja E. Tanja–revolucionare / Пер. на албанский яз. / Përkthyer nga Eqrem Viba. – Tiranë: Ndërmarrja shtetërore e botimeve, 1957. – 11 с., ил.

10.21. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ. Сер. «Библиотека киргизского школьника». – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1958. – 27 с., ил.

- 10.22. Vereiskaia E. Tania revoluționara / П. О. Vereiskovo / Пер. на румынский яз. / În romînește de Stela Harutunian și Eva Silaghi. – București: Ed. Tineretului, 1960. – 15 с., ил.
- 10.23. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. 10-е изд. – Л: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1964. – 16 с., ил.
- 10.24. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. Сер. «Школьная библиотека для нерусских школ. Для начальной школы». 11-е изд. – М: Дет. лит., 1966. – 16 с., ил.
- 10.25. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. Сер. «Школьная библиотека. Читаем сами». – М: Дет. лит., 1974. – 31 с., ил.
- 10.26. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Рис. В. Юдина. – М: Малыш, 1975. – 26 с., ил.
- 10.27. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ для внеклассного чтения в киргизской школе с русско-киргизским словарём. Сер. «Библиотека киргизского школьника». – Фрунзе: Мектеп, 1976. – 18 с., ил.
- 10.28. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Художник С.В. Калачев. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1977. – 20 с., ил.
- 10.29. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского / Переизд. / Сер. «Маленькая историческая библиотека». – М: Дет. лит., 1981. – 31 с., ил.
- 10.30. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Художник С.Л. Чиненов. – Петрозаводск: Карелия, 1982. – 24 с., ил.
- 10.31. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Пер. Б. Ибрагимовой. – Фрунзе: Мектеп, 1983. – 46 с., ил.
- 10.32. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Художник В. Остапенко. Сер. «Отвага, Верность, труд–победа!». – Пермь: Кн. изд-во, 1986. – 26 с., ил.
- 10.33. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского / Переизд. / Сер. «Маленькая историческая библиотека». – М: Дет. лит., 1986. – 31 с., ил.
- 10.34. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Рис. О. Верейского. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 30 с., ил.
- 10.35. Верейская Е.Н. Таня–революционерка / Пер. на грузинский яз. М. Хурцидзе / Художник Г. Филишвили. – Тбилиси: Накадули, 1987. – 122 с., ил.
- 10.36. Верейская Е.Н. Таня–революционерка: рассказ / Пер. на таджикский яз. Х. Негмат / Художник А. Хусамов. – Душанбе: Адиб, 1988. – 14 с., ил.
- 10.37. Верейская Е.Н. Таня–революционерка. Фонарик / Рис. С. Забалуева, А. Годова. Дети революции: рассказы (для старшего и среднего школьного возраста). – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1988. С. 55–83.

11. Верейская Е.Н. Дворовый Пашка (рассказ крепостного): повесть / Обложка и рис. В.П. Киселёва. – М.: Молодая гвардия; Л.: тип. издат. «Молодая гвардия», 1929. – 79 с., ил.
12. Верейская Е.Н. Джиахон Фионаф: рассказ:
 - 12.1. Верейская Е.Н. Джиахон Фионаф: рассказ / Гравюры на дереве Э. Будогоского. – М.; Л.: Лен. гос. изд-во, 1930 (тип. Печатный двор). – 20 с., ил.
 - 12.2. Верейская Е.Н. Джиахон Фионаф: рассказ / Рис. О. Верейского. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1960. – 16 с., ил.
13. Верейская Е.Н. Спешное письмо: рассказ // Ленинградский металлист. 1930. № 11 (Приложение. Металлистик. № 3). С. 2.
14. Верейская Е.Н., Степанова М.Д. Ребята на стройке: инсценировка для детей 7–10 лет: для пения с фортепиано / Художник С.Н. Чичерина. – М.: Гос. муз. изд-во, 1931. – 34 с., ил.
15. Верейская Е.Н. Нарпит: рассказ / Рис. О. Брея // Пионер. 1932. 22 марта. С. 12–15; То же (продолжение) // Там же. 6 апреля. С. 15–18.
16. Верейская Е.Н. Три минутки / Рис. Г. Петрова // Чиж. 1933. № 9. С. 8.
17. Верейская Е.Н. Ленин–кочегар: рассказ // Чиж. 1934. № 1. С. 1–2.
18. Верейская Е.Н. Цыплячьи шефы:
 - 18.1. Верейская Е.Н. Цыплячьи шефы: рассказ / Рис. О. Верейского // Чиж. 1938. № 6. С. 1–6.
 - 18.2. Верейская Е.Н. Цыплячьи шефы: повесть / Рис. И. Харкевича. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1961. – 44 с., ил.
19. Верейская Е.Н. Скороговорка «Мы себе мордашки мыли...» // Чиж. 1938. № 6. С. 19.
20. Верейская Е.Н. Скороговорка «Двух ребят я разнимал...» // Чиж. 1938. № 7. С. 8.
21. Верейская Е.Н. Скороговорка «Тут у речки — вражий лагерь...» // Чиж. 1938. № 8. С. 18.
22. Верейская Е.Н. Ласточка:
 - 24.1. Верейская Е.Н. Ласточка / Рис. И. Шибанова // Чиж. 1938. № 11. С. 16–17.
 - 24.2. Верейская Е.Н. Ласточка: рассказ / Рис. Н. Лямина // Костёр. 1956. Август. № 2. С. 2–7.
 - 24.3. Верейская Е.Н. Ласточка / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. – Л.: Гос. изд-во Дет. лит-ры Мин. Просвещения РСФСР, 1957. С. 87–97.
 - 24.4. Верейская Е.Н. Ласточка. Таня–революционерка. Княжеская квартира: рассказы / Ил. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для начальной школы». – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1968. – 46 с., ил.

- 24.5 . Верейская Е.Н. Таня–революционерка. Ласточка / Ил. О. Верейского. Сер. «Маленькая историческая библиотека. Школьная библиотека. Начальная школа». – М.: Дет. лит., 1972. – 32 с., ил.
- 24.6 . Верейская Е.Н. Ласточка: рассказы Сер. «Революционное движение в России» / Рис. Н. Лямина. – Л.: Дет. лит., 1975. – 95 с., ил.
23. Верейская Е.Н. Фонарик:
- 23.1. Верейская Е.Н. Фонарик / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. – Л.: Гос. изд-во Дет. лит-ры Мин. Просвещения РСФСР, 1957. С. 51–63.
- 23.2. Верейская Е.Н. Фонарик. Таня–революционерка / Рис. В. Сысков / Рассказы о храбрых. Вып.3. Свердловск: Средне-Уральское изд-во, 1973. С. 3–19.
- 23.3. Верейская Е.Н. Фонарик: рассказы / Рис. Н. Лямина. – М.: Дет. лит., 1977. 110 с.
- 23.4. Верейская Е.Н. Фонарик: рассказы / Рис. Н. Лямина. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1977. – 112 с.
24. Верейская Е.Н. Скороговорка «В доме дома...» // Чиж. 1941. № 4. С. 20.
25. Верейская Е.Н. Женька и Дженни / Рис. Ю. Петрова // Чиж. 1941. № 5. С. 6–7.
26. Верейская Е.Н. Синяя комната: рассказ /Альманах для семьи и школы «Боевые ребята» / Рис. В. Синони / Ред.–сост. К.В. Рождественская. – Свердловск: Свердловгиз. Вып. 4. 1943 С. 5–17.
27. Верейская Е.Н. Асина азбука: азбука в стихах / К Победе: сборник. – Казань: Татиздат, 1943.
28. Верейская Е.Н. Очень просто: сценка в стихах для красноармейской самодеятельности. – Казань, 1943.
29. Верейская Е.Н. Двойник / К Победе: сборник. – Казань: Татиздат, 1944. С. 127–157.
30. Верейская Е.Н. Журка и Шурка: рассказ в стихах для школьников / Ил. Н. Костров. – Казань: Татгосиздат, 1944 – 15 с., ил.
31. Верейская Е.Н. На освобождённой земле: стихотворный текст ко 2-й части кантаты композитора М.А. Юдина / За урожай Победы! (литературно-художественный сборник). – Казань, Татгосиздат, 1944. С. 10–12.
32. Верейская Е.Н. Встреча: рассказ. – Казань, 1945.
33. Верейская Е.Н. Слово на ветер: рассказ. – Казань, 1945.
34. Верейская Е.Н. Актёрка: рассказ / Ил. Н. Кустова // Костёр. 1945. № 12. С. 9–13.
35. Верейская Е.Н. Мы–ленинцы: очерк // Костёр. 1947. № 1. С. 17–20.
36. Верейская Е.Н. Про нашу школу: очерк // Костёр. 1947. № 4. С. 24–26.
37. Верейская Е.Н. Три девочки (история одной квартиры): повесть:

37.1. Верейская Е.Н. Три девочки (история одной квартиры): повесть / Рис. К. Клементьевой. – Л.: Лениздат (Тип. им. Володарского), 1948. – 144 с., ил.

37.2. Верейская Е.Н. Три девочки (история одной квартиры): повесть / Рис. Н. Носкович. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1958. – 160 с., ил.

37.3. Верейская Е.Н. Три девочки: История одной квартиры: повесть / Рис. В. Петровой и Л. Петрова. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1961. – 143 с., ил.

37.4. Верейская Е.Н. Три девочки: повесть / Ил. Л. Пестрецово́й. Сер. «Любимое чтение». – М.: Планета детства; Минск: ОАО Полигр. комб. им. Я. Коласа, 2005. – 186 с., ил.

37.5. Верейская Е.Н. Три девочки: история одной квартиры (повесть) / Рис. Н. Носкович. Сер. «Вот как это было». – СПб.; М.: Речь, 2014. – 222 с., ил.

38. Верейская Е.Н. Сюрприз: рассказ / Рис. О. Верейского // Пионер. 1949. № 4. С. 12–15.

39. Верейская Е.Н. Памятный день. Рассказы (Государственный преступник. Княжеская квартира. Фонарик. Памятный день [С. 73–91]. Таня революционерка) / Ил. Т.И. Ксенофонтов. – Л.: Лениздат, 1955. – 108 с., ил.

40. Верейская Е.Н. Государственный преступник / Памятный день. Рассказы / Ил. Т.И. Ксенофонтов. – Л.: Лениздат, 1955. С. 3–42.

41. Верейская Е.Н. Княжеская квартира / Памятный день. Рассказы / Ил. Т.И. Ксенофонтов. – Л.: Лениздат, 1955. С. 43–57.

42. Верейская Е.Н. Три портрета / Дружба: литературно-художественный альманах. М.: Детгиз / Рис. И. Харкевича, В. Фирсовой. 1956. № 4. С. 191–203.

43. Верейская Е.Н. Горничная Маша: рассказ:

43.1. Верейская Е.Н. Горничная Маша: рассказ / Рис. Н. Лямина. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. – 47 с., ил.

43.2. Верейская Е.Н. Горничная Маша: рассказ / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для начальной школы». 2-е изд. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1960. – 61 с., ил.

43.3. Верейская Е.Н. Горничная Маша: рассказ / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для начальной школы». 3-е изд. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1971. – 48 с., ил.

43.4. Верейская Е.Н. Горничная Маша: рассказ / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для начальной школы». 4-е изд. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1976. – 48 с., ил.

44. Верейская Е.Н. Полиглот: шутка в 3 картинах / Весёлая эстрада (стихи, рассказы, сказки, пьесы, басни) / Сост. М. Туберовский / Редколлегия Е. Верейская, М. Дубянская. – Л.: Гос. изд-во Дет. лит-ры Мин-ва Просвещения РСФСР, 1956. С.187–196.

45. Верейская Е.Н. В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов:

45.1. Верейская Е.Н. В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов (Государственный преступник. Княжеская квартира. Фонарик. Памятный день. Таня-революционерка. Ласточка. Горничная Маша. Киросенька. Незабываемая ночь. Послесловие) / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для семилетней школы». – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. – 248 с., ил.

45.2. Верейская Е.Н. В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов (Государственный преступник. Княжеская квартира. Фонарик. Памятный день. Таня-революционерка. Ласточка. Горничная Маша. Незабываемая ночь. Послесловие) / Рис. Н. Лямина. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1957. – 221 с., ил.

45.3. Vereiskaia E. In anii aceia: Povestiri despre evenimentele revoluționare din anii 1905–1917. Сер. «Историко-революционная библиотека» / Trad. de Stela Narutunian și Eva Silaghi / Il. de Lucaci Adrian. – București: Ed. tineretului, 1959. – 249 с., ил. (на румынском яз.).

45.4. Верейская Е.Н. В те годы: Повесть и рассказы (Незабываемая ночь. Государственный преступник. Княжеская квартира. Фонарик. Памятный день. Таня-революционерка. Ласточка. Горничная Маша. Киросенька) / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для восьмилетней школы». 3-е изд. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1972. – 224 с., ил.

46. Верейская Е.Н. Киросенька:

46.1. Верейская Е.Н. Киросенька / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для семилетней школы». – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. С.120–142.

46.2. Верейская Е.Н. Киросенька / Повести и рассказы / Послесловие В. Мануйлова / С портретом автора. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1965. – 465 с., ил.

47. Верейская Е.Н. Незабываемая ночь: повесть:

47.1. Верейская Е.Н. Незабываемая ночь: повесть / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для семилетней школы». – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. С.143–219.

47.2. Верейская Е.Н. Незабываемая ночь: повесть / Рис. Н. Лямина. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1970. – 112 с., ил.

47.3. Верейская Е.Н. Незабываемая ночь: повесть / Пер. с рус. яс. Н. Атаев / Худ. Г.И. Колояров. – Ашхабад.: Магарыф, 1985. – 120 с., ил. (на туркменском яз.).

48. Верейская Е.Н. Послесловие / В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов / Рис. Н. Лямина. Сер. «Школьная библиотека. Для семилетней школы». – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1956. С.220–248.

49. Верейская Е.Н. Отава: повесть:

49.1. Верейская Е.Н. Отава: повесть / Ил. В. Сердюков. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1959. – 176 с., ил.

49.2. Верейская Е.Н. Отава: повесть / Художник В. Сердюков. Сер. «Ребята с нашего двора». – СПб.; М.: Речь, 2016. – 189 с., ил.

50. Верейская Е.Н. Самый сильный / Рассказы о Ленине (Ленинградские писатели — детям. К 90-летию со дня рождения В.И. Ленина). Сборник / Рис. В. и Л. Петровых. – Л.: Детгиз (Ленингр. отд.), 1960. С.73–82. (Рассказ «Самый сильный» — это дополненный вариант рассказа «Женька и Дженни» / Чиж. № 5. С. 6–7).

51. Верейская Е.Н. Белая шубка: рассказ:

51.1. Верейская Е.Н. Белая шубка: рассказ / Ил. В. Фирсовой / Звездочка: альманах для дошкольников. Вып.2. – Л.: Детгиз, 1963. С.8–11, ил.

51.2. Верейская Е.Н. Белая шубка: рассказ / Ил. Н. Носкович. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1966. – 96 с., ил.

51.3. Верейская Е.Н. Белая шубка: сборник рассказов / Ил. Н. Носкович / Сер. «Вот как это было». – СПб.: Речь, 2015. – 126 с., ил.

52. Верейская Е.Н. Повести и рассказы (Государственный преступник. Княжеская квартира. Фонарик. Памятный день. Ласточка. Горничная Маша. Киросенька. Незабываемая ночь. Три девочки) / Послесловие В. Мануйлова / С портретом автора / Рис. Н. Лямина, Н. Носковича. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1965. – 465 с., ил.

53. Кареева-Верейская Е.Н. Странички дневника:

53.1. Кареева-Верейская Е.Н. Странички дневника / Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы: (1878–1918 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. проф. С.Н. Валка, доц. Н.Г. Сладкевича, ак. В.И. Смирнова, проф. М.Л. Тронской. – Л.: ЛГУ, 1965. С.245–248.

53.2. Кареева-Верейская Е.Н. Странички дневника / Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы: (1878–1918 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. проф. С.Н. Валка, доц. Н.Г. Сладкевича, ак. В.И. Смирнова, проф. М.Л. Тронской. 2-е изд., испр. и доп. – Л.: ЛГУ, 1973. С.258–261.

54. Верейская Е.Н. Внучка коммунара:

54.1. Верейская Е.Н. Внучка коммунара: Повесть о Ренэ Кузнецовой / Ил. В. Бескаравайный. Сер. «Школьная библиотека. Для восьмилетней школы». Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1966. 127 с., ил.

54.2. Верейская Е.Н. Внучка коммунара. 2-е изд. – Л.: Дет. лит. (Ленингр. отд.), 1973. – 144 с., ил.

54.3. Верейская Е.Н. Внучка коммунара / Пер. на молдавский яз. М.С. Гаспас. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – 187 с., ил.

55. Верейская Е.Н. Странная собака / Рис. Т. Ксенофонтова. [К 80-летию со дня рождения] // Костер. 1966. № 12. С. 46–47.

56. Верейская Е.Н. Крестный отец / «Я думал, чувствовал, я жил»: Воспоминания о С.Я. Маршаке. – М.: Советский писатель, 1971. С.147–155.

57. Аттестат зрелости: рассказы, повести. (Авт.: А. Серафимович, М. Горький, В. Бахметьев, Е. Верейская, А. Фадеев, А. Гайдар, Л. Пантелеев). – Воронеж: Воронежский Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1977. – 294 с.

58. Верейская Е.Н. Карай / Дружище Тобик: рассказы / Рис. Г. Никольского, В. Юдина, В. Лаповок. – М.: Дет. лит., 1987. – 207 с., ил.

Список литературы:

1. [Б.а.]. Ребята, прочтите эти книжки // Мурзилка. – 1971. – № 8. – С. 6.
2. Вахромеева, О.Б. Творчество военных лет детской писательницы Елены Николаевны Кареевой / Война и мир в отечественной и мировой истории: материалы межд. научн. конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: В 2 т. – Т. 1. – СПб.: СПбГУПТД, 2020. – С. 75–84.
3. Кареева, Е. «Полутени..., полувзвук...» // Вестник Европы. – 1910. – № 5. – С. 156.
4. Вахромеева, О.Б. Несостоявшееся музейное собрание работ Г. С. Верейского: автобиография художника как ключ к его творчеству наследию // Вопросы музеологии. – 2021. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 94–107.
5. Верейская, Е.Н. Крестный отец // «Я думал, чувствовал, я жил». – М.: Сов. писатель, 1971. – С. 147–155.
6. Кареева, Е. Завтра // Вестник Европы. – 1916. – № 3. – С. 45–54.
7. Застрожнова, Е.Г., Онощенко, В.В. Дунаевский Фёдор Романович / Учёные – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. – С. 114–115.
8. Вахромеева, О.Б. Curriculum vitae Фёдора Романовича Дунаевского (1887–1960) «по существу» // Вестник СПбГУТД. – 2020. – № 4. – С. 118–126.
9. Кареева Е. «Молятся гордые, синие горы...» // Вестник Европы. – 1917. – № 4–6. – С. 290.
10. Фридлиндер Макс (1867–1958). Литография / Перевод Е. Н. Верейской; с приложением очерка В. В. Воинова «Литография в России». Сер. «Искусство современной Европы» / Под ред. Н. Э. Радлова. – Л.: Гос. ин-т истории искусств «Akademia», 1925. – 50 с.
11. Верейская, Е. В соляной горе: очерк // Новый Робинзон. – 1925. – № 19–20. – С. 31–37.
12. Верейская, Е. Странная собака / Рис. Т. Ксенофонтова. [К 80-летию со дня рождения] // Костер. – 1966. – № 12. – С. 46–47.

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ИЛЛЮСТРАТОРЫ РАБОТ ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Е. Н. ВЕРЕЙСКОЙ

Аннотация: Иллюстраторы детской книги столь же ответственны, как и авторы произведений своими текстами, за ту силу воздействия, которую оказывают их чёрно-белые, цветные «картинки» в рассказах, повестях, сказках для детей на детскую психику. Создание книг для детей представляется значимой творческой работой для взрослых. В статье впервые в отечественной историографии идёт речь о художниках–иллюстраторах рассказов и повестей, стихов и скороговорок известной советской детской писательницы Елены Николаевны Верейской (1886–1966).

Ключевые слова: Е. Н. Верейская, детская писательница, книги для детей, иллюстрации, художники–иллюстраторы.

ILLUSTRATORS OF THE WORKS OF THE CHILDREN'S WRITER E. N. VEREISKAYA

Summary: Illustrators of a children's book are just as responsible as the authors of works with their texts for the power of influence that their black-and-white, color "pictures" have in stories, novels, fairy tales for children on the child's psyche. Creating books for children seems to be a significant creative work for adults. For the first time in Russian historiography, the article deals with the artists-illustrators of stories and novels, poems and tongue twisters of the famous Soviet children's writer Elena Nikolaevna Vereiskaya (1886–1966).

Keywords: E. N. Vereiskaya, children's writer, children's books, illustrations, illustrators.

Известной советской детской писательнице Елене Николаевне Верейской (1886–1966), много и плодотворно работавшей на поприще детской книги, были подвластны разные жанры детской литературы. Первое произведение, написанное ею для детей — очерк «В соляной горе» 1925 г. Среди последних были: рассказ 1966 г. «Странная собака», приуроченный к её несостоявшемуся 80-летнему юбилею, повесть о Ренэ Кузнецовой «Внучка коммунара», а в 1987 г. в детском сборнике, посвящённом собакам, был опубликован биографический рассказ «Карай».

Современные исследователи формально выделяют такие литературные жанры для детей, как сказка (фольклорная и литературная), стихотворение (в качестве «строки стихотворного текста, организованной по определённому

ритмическому образцу»), повесть, поэма (баллада), рассказ, роман (приключенческий, исторический, семейно-бытовой, сказочный) и фэнтези [1, с. 136–139]. Другие считают, что согласно специфике восприятия, детская аудитория предпочитает былины, загадки, народные песни, сказки и сказания, пословицы и поговорки, скороговорки и др. Отдельно литература для детей подвергается классификации по возрастному принципу: от трёх до семи (дошкольный возраст), от восьми до одиннадцати (младший школьный возраст), от одиннадцати до четырнадцати (средний школьный возраст), от четырнадцати до восемнадцати (подростково-юношеский возраст). Третьи полагают, что в истории детской литературы можно выделить те же периоды и направления, что и в общем литературном процессе. И указывают на преобладавшие в разные периоды педагогические идеи и запросы самих читателей. «Детская литературы — это особый способ художественного отображения мира» [2].

Е. Н. Верейская не опиралась на жанр произведения или на возраст читательской аудитории. Знарок детской психики, литератор, писала для детей таким образом, как если бы они были взрослыми, только понятным детям языком. В основе её изложения присутствовала подкупающая честность и ясность. В основе сюжета каждой новой работы лежал случай из жизни, её собственной, её детей или детей, с которыми она была знакома. Выходила всегда убедительная и яркая «история», которая призвана была научить, направить, бросить свет, т.е. способствовать воспитанию юных читателей, а также их родителей и ближайшего окружения. Над каждым произведением, даже незначительным по объёму, писательница работала долго, от нескольких месяцев до нескольких лет.

Исследователи детской книги справедливо подмечают роль художника–иллюстратора. Художник — «полноправный соавтор». Специалисты указывают на объём иллюстративного материала в книге для детей, который должен составлять не менее 75%. «Детей не привлекают тексты без картинок. <...> ребёнок первые сведения о мире получает не вербальным путём, а визуально и аудиально» [3]. Иллюстрации в книгах для детей характеризуются как выразительные, динамичные, соответствующие тексту и простые по композиции [4, С. 8]. Работы художников–иллюстраторов обладают уникальными свойствами: умеют напрямую говорить со своими читателями, создавать необходимую эмоциональную интонацию, часто создают неповторимый комизм, иногда задают тон всему повествованию, вводят в сложные темы (ухода человека из жизни, наличие конфликта и др.) [5, с. 231–232]. Таким образом, у ребёнка происходит формирование внутренней целостности, благодаря чему он может сострадать, сопереживать, т.е. не останется равнодушным к происходящему вокруг него. В наши дни иллюстрации как часть детской книги изучены недостаточно, особенно с позиции психологического воздействия.

Иллюстративный ряд для Е. Н. Верейской имел особый смысл, т.к. она была замужем за известным художником Г. С. Верейским (1886–1962), а их младший сын, график О. Г. Верейский (1915–1993) был в числе тех, кто наиболее часто иллюстрировал её работы. Литератор поощряла обильное иллюстрирование

только в книжках для детей дошкольного возраста. Например, в рассказе в стихах «Индюк» (1925 г.) удивительные «рисунки в красках» выполнила художник-акварелист А. П. Петрова. В рассказах и повестях для школьников иллюстрации по-прежнему несли на себе важную дополнительную нагрузку, при этом главным требованием писательницы было то, чтобы они располагались в нужных местах текста и полностью соответствовали эмоциональному тону и смыслу написанного. Бывало, что Верейская могла тактично, но всё же прямо высказаться о неуместности тех или иных «картинок». Однажды в конце 1940-х гг. она раскритиковала иллюстрации художника-графика Н. А. Кустова к рассказу «Актёрка» (1945), которые направляли читателя по ложному пути понимания того, что происходило с героями.

В числе художников-иллюстраторов произведений Елены Николаевны Верейской насчитывалось более 45 персоналий. Со многими художниками писательница была знакома, с некоторыми дружила, а третьих не знала вовсе (речь идёт об иллюстрировании её работ, изданных на иностранных языках). Ниже представлен краткий обзор иллюстративных работ ряда художников по произведениям писательницы в их хронологической последовательности.

Художник монументального искусства, иллюстратор, пейзажист, портретист Александра Платоновна Петрова (1896–1989) работала в разных областях изобразительного искусства, много путешествовала. Известными её работами в иллюстрировании детских книг были: «Малютка Марго» (1916), «Индюк» (1925) и «Звериные дети» (1929); также она была художником «Детиздата». Иллюстрации «Индюка» сочные, яркие, характерные; занимают до 90% места на страницах детской книжки. Художник-акварелист создала обложку, фронтиспис и одиннадцать цветных полуполосных иллюстраций.

Георгий Семёнович Верейский для очерка «В соляной горе» (1925 г.) создал четыре графических рисунка. Первый имеет подпись «Вид города Зальцбурга» и выполнен в виде полуполосной иллюстрации. Данная художественно-образная иллюстрация, которая способствует тому, чтобы читатели совершили познавательное путешествие вместе с героями повествования. Три иллюстрации, характеризующие наиболее остросюжетные моменты экскурсии в соляной горе, также полуполосные, но выполнены немного в иной манере — художник работал в технике наброска; они тёмные и позволяют ощутить полумрак пещеры, продемонстрировать основные эмоции героев (страх перед неизведанным, напряжённое ожидание и др.).

Художник, искусствовед, теоретик искусства, педагог, крупный знаток древнерусской монументальной живописи в СССР Николай Михайлович Чернышев (1885–1973) стоял у истоков Союза художников и поэтов «Искусство-жизнь», переименованного в начале 1920-х гг. в «Маковец» (по названию холма, где расположен монастырь Сергия Радонежского). В те годы сложился стиль мастера — гармоничное соединение традиций русского символизма с характерной для московской пейзажной школы лиричностью

портрета и пейзажа («чернышёвский» образ «хрупкой юности»). Художник обратился к зарисовке детских образов; искал их повсюду — на детских площадках, в детских домах, пионерских лагерях, в трудовой школе, на детских технических станциях и пионерских парадах. Так сложился [6]. В 1929 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышло второе издание повести для детей Е. Н. Верейской «Серёжка в деревне», для которой Николай Михайлович создал четыре полуполосные чёрно-белые иллюстрации (на стр. 3, 35, 61, 79) и три такие же полосные (стр. 8, 51, 59), кроме того, он нарисовал обложку в два цвета чёрный и красный. Фамилия иллюстратора была на титульном листе указана через «ов» (Чернышов). Это не типичная работа для мастера, но соответствующая его творческому началу: «художественная искренность и ревностное, бережное отношение к своему труду».

Татьяна Владимировна Шишмарёва (1905–1994), плодотворно работавшая в детской книжной иллюстрации, была ученицей В. В. Лебедева, считала, что рисунки для детей имеют воспитательное значение. Член Союза художников СССР, художник–акварелист, график происходила из семьи профессора романо-германской филологии столичного университета, Бестужевских курсов В. Ф. Шишмарёва и певицы, педагога А. М. Усовой; в её собственной семье все были художниками (и супруг, В. А. Власов, и сын, Б. В. Власов). Персональная выставка художницы прошла при жизни лишь в 1975 г. Татьяна Владимировна снискала заслуженную известность, иллюстрируя произведения русской и зарубежной классической литературы. Она писала картины, чаще пейзажи и натюрморты. Главное место в её творчестве занимают портреты современников; выполняла она их контурной линией так, чтобы отобразить психологический образ героя. Иллюстрирование детских книжек помогло художнице выработать собственную технику текучести и прозрачности акварели. В рассказе Е. Н. Верейской о задорном бельчонке Бесике и детской беготне 1927 г. Т. В. Шишмарёва работала цветными, чёрно-белыми карандашами и красками. Эмоциональность и подвижность героев произведения в полной мере отражены в её частой штриховке и мелких мазках. «Бесик» с иллюстрациями художницы был переиздан в 1930 г. В книжке 1927 г. Шишмарёва создала цветную обложку и три полосные иллюстрации с подписями (на стр. 9, 17, 23).

«Бесик» был переработан писательницей в «Бабушкин колобок: рассказ об озорном бельчонке» в 1963 г. и опубликован с иллюстрациями талантливого художника–графика Лидии Петровны Подляской (1922–1995); книжка была переиздана в 2015 г. Двух иллюстраторов «Бесика» нет необходимости сравнивать, т.к. каждый из них по-своему совершил визуальный путь познания произведения Е. Н. Верейской, оставив нам радость общения с детской книгой.

В 1928 г. вышло самое тиражируемое и часто публикуемое произведение Е. Н. Верейской, рассказ о девочке, глазами которой описаны события дня Кровавого воскресенья в С.-Петербурге 9 января 1905 г., — «Таня–революционерка». Рассказ был переиздан около сорока раз, переведён на многие языки мира; по нему ставились радиоспектакли и вышел диафильм.

Иллюстрировать свою книгу Елена Николаевна предложила Татьяне Владимировне Шишмарёвой. На следующий, 1929 г., вышло первое переиздание с иллюстрациями художницы. Наибольшее число переизданий рассказа вышло с иллюстрациями сына Елены Николаевны, Ореста Георгиевича Верейского, причём для каждого издания художник–график создавал новые иллюстрации.

Повесть «Дворовый Пашка (рассказ крепостного)» (1929) иллюстрировал известный театральный художник, художник–декоратор Виктор Петрович Киселёв (1895–1984). Цветная обложка и две полосные чёрно-белые иллюстрации (на стр.5, 39) демонстрируют его приверженность к конструктивизму.

Судьба работ живописца, графика Эдуарда Анатольевича Будогоского (1903–1976) была печальной, потому что большинство его произведений погибли во время блокады Ленинграда. Не сохранилась в библиотеках и книга Е. Н. Верейской «Джихон Фионаф» 1930 г. издания с его гравюрами на дереве. Данное произведение было переиздано в 1960 г. с иллюстрациями О. Г. Верейского. Можно лишь отметить, что во время работы над рассказом художник испытывал на себе влияние В. В. Лебедева, которое также ощущается в его работах в книгах для детей О. Ф. Берггольц, М. Твена, Ч. Диккенса и других писателей.

В 1930-е – начале 1940-х гг. Е. Н. Верейская сотрудничала с «чрезвычайно интересным журналом» — «Чижом». В 1933 г. написала поучительную историю в раздел «Три минутки», рисунки выполнил многосторонне одарённый художник–график Г. Петров (Юрий Николаевич Петров) (1904–1944). Для № 1 за 1934 г. литератор сочинила короткий рассказ «Ленин–кочегар» в год 10-летне годовщины смерти Ильича. В № 11 за 1938 г. была опубликована её «Ласточка» с рисунками живописца, театрального художника и иллюстратора Ивана Васильевича Шабанова (1906–1973). Петров и Шабанов работали вместе с Г. С. Верейским в «Боевом карандаше» с 1939 г. С 6-го по 8-й номер 1938 г. были напечатаны скороговорки Елены Николаевны; кроме того, в № 6 за 1938 г. издали повесть «Цыплячьи шефы», иллюстрации в которой стали дебютной работой О. Г. Верейского в иллюстрировании произведений его мамы. В № 4 за 1941 г. снова была опубликована скороговорка Е. Н. Верейской, а в № 5, буквально перед началом Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), вышел рассказ «Женька и Дженни» с рисунками Ю. Н. Петрова. Последнее произведение впоследствии было доработано писательницей и опубликовано к 90-летию В. И. Ленина в 1960 г. под другим названием — «Самый сильный»; рисунки для издания выполнили супруги художники–графики Валентина Владимировна Петрова (ур. Шульц) и Леонид Григорьевич Петров, которые в тот год были названы одними из лучших художников Ленинграда. Основной аудиторией «Чижа» были дошкольники, с которыми авторы и художники–иллюстраторы «разговаривали» на равных. «Они общались с детьми не с позиций пролетарского воспитания, а на равных, как с маленькими друзьями» [7].

Во время войны из блокадного Ленинграда Е. Н. Верейская была эвакуирована сначала в Свердловск, затем Казань. Большая часть произведений, которые писательница создала в этот период, не была опубликована. В опубликованных же не всегда встречаются иллюстрации. В 1943 г. в Свердловске в альманахе «Боевые ребята» вышел её рассказ «Синяя комната» с рисунками В. Синони. В 1944 г. в Казани в «Татгосиздате» отдельной книжкой было напечатано стихотворение Елены Николаевны «Журка и Шурка» о дружбе мальчика с журавлёнком. Другое время, другие вопросы, другие дети... но чем-то напоминает оно её первого «Индюка»... задором и искренностью. Большой вклад в оформление этого стихотворения внёс ленинградский живописец, график, иллюстратор детских книг Николай Иванович Костров (1901–1996), который выполнил в реалистической манере обложку, фронтиспис, полосные (на стр. 6, 9, 10, 12, 14) и полуполосные (стр. 4, 7, 11, 15) иллюстрации.

Художнику–графику, мастеру автолитографии, книжному иллюстратору Ксении Александровне Клементьевой (ур. Моревой) (1896–1984), вернувшейся в Ленинград в 1944 г. после эвакуации с Урала, досталась завидная доля — создавать иллюстрации к одному из самых любимых читателями разных поколений произведений писательницы Верейской — повести «Три девочки (история одной квартиры)». В это время Клементьева работала в печатной мастерской Союза художников и продолжала заниматься печатной графикой. Её работы (особенно «Марку страны Гонделупы» С. Могилевской) отличает выразительность чёрно-белых иллюстраций, которые способствуют раскрытию мира героев, наполненных эмоциями. Станковая форма графики преобладала в иллюстрациях детских книг, поскольку она считалась «эталонem и высшим проявлением социалистического реализма» [8, с. 180]. При этом в станковой графике К. А. Клементьевой превосходная техника сочеталась с глубиной философских обобщений.

К повести «Три девочки» в последующих изданиях иллюстрации создавали художники–иллюстраторы супруги Петровы, а также мастер исполненных с величайшей виртуозностью тушью и пером цветных акварелей и монохромных рисунков Нина Алексеевна Носкович (ур. Лекаренко) (1911–1995) в 1958 г. «Три девочки» с её рисунками были переизданы в 2014 г. в серии «Вот как это было». Сотрудничая с Ленинградским отделением «Детгиза» и «Детской литературы», Н. А. Носкович продолжала работать с текстами Елены Николаевны, когда иллюстрировала её рассказ «Белая шубка» в 1966 г., а также сборник «Повести и рассказы» писательницы в 1965 г. (совместно с Н. В. Ляминам).

В 1955 г. произведения Е. Н. Верейской разных лет были опубликованы отдельным сборником, который был назван по одноимённому рассказу писательницы «Памятный день». Выход сборника был приурочен к 30-летию деятельности литератора, писавшего для детей. Иллюстрации к сборнику были выполнены живописцем, графиком, членом Ленинградского Союза художников Тимофеем Ивановичем Ксенофонтовым (1912–1990). Елена Николаевна была знакома с художником по совместной работе в журнале «Костёр». Ксенофонтов был известным плакатистом, которым увлёкся видом агитационного искусства ещё

в 1930-е гг. Всю войну он провёл в Ленинграде, работал в Окнах ТАСС, создавал патриотические плакаты, посвящённые героизму моряков и лётчиков. Иллюстрации Ксенофонтова в «Памятном дне» написаны в духе реалистических традиций; художник отдавал предпочтение классическому рисунку с тонкой колористикой, продумывал и выверял композицию. На долю Тимофея Ивановича также выпало иллюстрирование биографического рассказа Е. Н. Верейской «Странная собака» (1966). И хотя писательница называет себя и своего супруга Ф. Р. Дунаевского «пожилыми чужаками», со страницы «Костра» на читателя смотрят импозантные мужчина и женщина средних лет [9, с. 46].

В ленинградском литературно-художественном альманахе «Дружба» в 1956 г. был опубликован проникновенный рассказ писательницы «Три портрета». Художниками сборника выступили два талантливых иллюстратора детских книг — И. Харкевич и В. Фирсова. Иван Иванович Харкевич-Храповицкий (1913–2008) был учеником Г. Н. Траугота, работал в «Детгизе», сотрудничая с В. В. Лебедевым, Н. А. Тырсой, «Чиже» и «Костре». До войны его знали как первого талантливого иллюстратора романа В. А. Каверина «Два капитана». В 1962 г. он совместно с М. М. Браславским, И. Л. Бруни, А. А. Васиным, В. В. Лебедевы, О. Г. Верейским, А. М. Ермолаевым, В. М. Конашевичем, Ю. Д. Коровиным, И. С. Кусковым, Б. А. Маркевичем, Г. Е. Никольским, Н. А. Носкович и Н. И. Цейтлиным создавал рисунки к поэтическому «Весёлому путешествию от А до Я» С. Я. Маршака. Художник В. Фирсова специализировалась на иллюстрировании детских книг: Гернет Н. Сестричка. 1953; Лившиц В. Школьные товарищи. 1954; Матвеев М. Семнадцатилетние. 1956; Серова Е. Единица или нуль? 1960; Боронина Е. Удивительный заклад. 1960; Серова Е. Кто герой? 1962; Нечаев В. Пат и пилаган. 1967; Браун Ж. Зорькина песня. 1969. В 1963 г. она создала иллюстрации к рассказу Верейской «Белая шубка», который был издан для дошкольников в альманахе «Звёздочка».

Художник Николай Васильевич Лямин (1927–2003), учившийся в Академии художеств уже после войны, относился к другому поколению художников, которые иллюстрировали работы писательницы Е. Н. Верейской. Он был членом Союза художников СССР, признанным мастером станковых композиций. Художнику–графику особенно удавалось создавать иллюстрации к книгам о революции. Не стали исключением и работы Верейской. Сотрудничая с крупнейшим в Советском Союзе издательством детской литературы «Детгиз», Лямин взялся в 1956 г. за работу над новым сборником трудов писательницы «В те годы: рассказы о революционных событиях 1905–1917 годов». Художник создал пять цветных полосных иллюстраций вклеек, два чёрно-белых полосных рисунка (на стр. 15, 195) и девять небольших полуполосных картинок, помещённых перед началом каждого произведения (стр. 5, 38, 51, 64, 79, 87, 98, 131, 217). Кроме того, в том же году отдельной книгой вышел рассказ литератора «Горничная Маша» с рисунками Н. В. Лямина.

Литературные критики А. и В. Акимовы в журнале «Детская литература» за 1968 г. в духе эпохи писали о Ленинграде как городе революционной славы, который вдохновлял ни одно поколение советских писателей, повествующих о революционной истории города на Неве. Среди фамилий Л. Радищева, Б. Раевского, А. Садовского, А. Млодика, А. Власова и других они упомянули и Е. Н. Верейскую. Детская литература, по мнению авторов, «это разведка, которую дети высылают в мир, в историю», «одновременно это и представительство взрослого мира в детском, это опыт, нравственный, социальный идеал общества», а также это «писательская личность». Акимовы заключают, что цель детской литературы состоит в воспитании: «познании ребёнком мира и себя в этом мире» [10, с. 4]. В таком же ключе соцреализма следует рассматривать работы иллюстраторов детских книг, например, Н. В. Лямина.

Повесть Е. Н. Верейской «Отава», увидевшую свет в «Детгизе» в 1959 г. иллюстрировал прошедший всю войну, художник, реставратор, педагог Владимир Иванович Сердюков (1924–2003). Он был талантливым иллюстратором, и особое место в его творчестве занимают иллюстрации к десяткам детских книг. Для повести он написал одну цветную вклейку, создал обложку и 19 полуполосных рисунков, встречающихся в тех местах книги, где требовалось показать настроение героя или героини — угрюмость, радость, тревогу, размышление и иные чувства и эмоции (на стр. 3, 7, 16, 17, 29, 35, 40, 49, 56, 63, 72, 84, 98, 104, 119, 148, 158, 170, 173). Наряду с характерами персонажей, значительное место занимают графические пейзажи, которые также способны транслировать читателям соответствующее настроение.

Последнее произведений писательницы Е. Н. Верейской — Повесть о Ренэ Кузнецовой «Внучка коммунара» иллюстрировал Владимир Митрофанович Бескаравайный (1930–1997), первый раз в 1966 г., затем в 1973 г. Художник, иллюстратор, член Союза художников СССР известен в связи с иллюстрированием произведений Н. В. Гоголя, М. Горького, Н. А. Некрасова, М. М. Зощенко, М. А. Шолохова, М. А. Булгакова и других отечественных классиков. Но в первую очередь о мастере вспоминают, когда требуется максимально достоверно в повествовательной манере продемонстрировать образы В. И. Ленина и Н. К. Крупской. «Внучка коммунара» была одной из первых книг, которые художник создавал для детей. Детская книжная графика с исторической тематикой требовала от Бескаравайного поиска сочетания отображения видов Петербурга, Парижа, изображения предметов со сценами из жизни персонажей повести. Если сосредоточиться на анализе иллюстраций (обложки, фронтисписа и 30-ти полуполосных иллюстрациях по изданию 1973 г. — на стр. 3, 6, 10, 13, 18, 22, 25, 27, 32, 35, 38, 39, 54, 57, 64, 74, 86, 92, 94, 100, 101, 112, 121, 122, 123, 126, 128, 129, 138, 141), то в сознании закрепляется достоверностью прочитанного через наглядную выразительность. Хранитель коллекции работ В. М. Бескаравайного в Государственном Музее политической истории России Е. Н. Костина отмечает, что детские книги, помимо

закрепления идеологических канонов и расширения кругозора читателей, служат «инструментом исторического и эстетического воспитания». «При этом Бескаравайный открыто романтизирует персонажей книг, добавляет поэтичности обстановке, пейзажам, бытовым деталям. Ведь специфика детского восприятия книги требует от художника не просто точного отражения события, но и его яркой и эмоциональной окраски» [11].

Список литературы:

1. Нурмонова, З. Жанры детской литературы // *Academic research in educational sciences*. – 2021. – № 9. – С. 136–140.
2. Жыбуль, В.Ю. Детская литература // Филологический факультет БГУ. — URL: <https://philology.bsu.by/documents/Кафедра%20русской%20литературы/Папки%20Овыкладчыкаў/Жыбуль%20В.%20Ю/Детская%20литература.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
3. [Детская литература] // Масариков университет в Брно. — URL: https://is.muni.cz/el/ped/podzim2018/ZS1MK_RDL1/1_terminy_funkcii_folklor.pdf (дата обращения: 21.02.2023).
4. Детская литература: пособие–практикум для студентов / Сост. О. В. Пещерова. – Городец: Городецкий Губернский колледж, 2018. – 127 с.
5. Чарская-Бойко, В.Ю., Иванкива, М.В. Иллюстрации в детской литературе: опыт интермедиального анализа // *Детское чтение*. – 2014. – № 2. – С. 220–232.
6. Крылова, Е. Яростная мудрость вдохновлённых (Николай Чернышёв и общество «Маковец») // *Галерея*. – 2016. – № 3. — URL: <https://treyakovgallerymagazine.ru/articles/3-2016-52/yarostnaya-mudrost-vdokhnovlennykh-nikolai-chernyshev-i-obshchestvo-makovets#> (дата обращения: 22.02.2023).
7. Соловьёва, М. Первые детские журналы. — URL: <https://www.culture.ru/materials/180643/pervye-detskie-zhurnaly> (дата обращения: 22.02.2023).
8. Ганкина, Э.З. Русские художники детской книги. – М.: Сов. художник, 1963. – 278 с.
9. Верейская, Е. Странная собака / Рис. Т. Ксенофонтова. [К 80-летию со дня рождения] // *Костёр*. – 1966. – № 12. – С. 46–47.
10. Акимов, А., Акимов, В. Чтобы свершилось открытие мира // *Детская литература*. – 1968. – № 4. – С. 2–5.
11. Костина, Е.Н. Архив графических работ художника В. М. Бескаравайного / Государственный Музей политической истории России. — URL: <http://collectiononline.polithistory.ru/entity/ALBUM/4246629> (дата обращения: 23.02.2023).

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОЙ РУКОПИСИ ОБ О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Аннотация: В статье описаны основные этапы взаимоотношений Е. Н. Чеховой и О. А. Добиаш-Рождественской, ученицы и профессора Бестужевских курсов с 1906 по 1939 г. Речь идёт о дружбе и переплетении судеб двух талантливых женщин. С годами преданное ученическое, студенческое общение со стороны Чеховой сменилось истинной глубокой дружбой с Добиаш-Рождественской, которая никогда не дистанцировалась от своих учеников, стремилась быть им учителем–другом. Они вели переписку и иногда встречались. После ухода из жизни О. А. Добиаш-Рождественской в 1939 г., Е. Н. Чехова написала рукопись в память об их дружбе. Данная рукопись в настоящий момент готовится к изданию как исторический источник.

Ключевые слова: Е.Н. Чехова, О.А. Добиаш-Рождественская, воспоминания, М.Н. Стоюнина, Высшие женские (Бестужевские) курсы, Д. С. Рождественский.

HISTORY OF CREATING ONE MANUSCRIPTION ABOUT O. A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKAYA

Summary: The article describes the main stages of the relationship between E. N. Chekhova and O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya, a student and professor of Bestuzhev courses from 1906 to 1939. We are talking about friendship and the intertwining of the destinies of two talented women. Over the years, Chekhova's devoted student communication was replaced by a true deep friendship with Dobiash-Rozhdestvenskaya, who never distanced herself from her students, strove to be their teacher-friend. They corresponded and met occasionally. After the death of O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya in 1939, E. N. Chekhova wrote a manuscript in memory of their friendship. This manuscript is currently being prepared for publication as a historical source.

Keywords: E.N. Chekhov, O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya, memoirs, M.N. Stoyunina, Higher Women's (Bestuzhev) Courses, D.S. Rozhdestvensky.

В декабре 1939 г. Екатерина Николаевна Чехова закончила работу над рукописью воспоминаний об Ольге Антоновне Добиаш-Рождественской. Е. Н. Чехова была ученицей О. А. Добиаш-Рождественской по стоюнинской гимназии и Бестужевским курсам; «близкий друг семьи Рождественских

запечатлела в своих воспоминаниях облик Ольги Антоновны» сразу после её кончины «как человека, педагога и учёного» [1, с. 5].

Екатерина Николаевна Чехова родилась 3 января 1891 г. в городе Богородицк Тульской губернии, о чём свидетельствуют данные из копии метрического свидетельства от 8 июля 1904 г., которую запросил её отец. В метрике Покровской церкви Богородицка под № 7 значится запись: «у дворянина и кандидата Санкт-Петербургского университета Николая Владимировича Чехова и законной жены его, Марии Александровны, православных, родилась дочь Екатерина, крещена 28-го числа священником Георгием Русаковым с причтом; восприемниками были: студент Военно-медицинской академии Владимир Владимирович Чехов и жена коллежского советника Людмила Александровна Чехова»¹.

Секретарь В. Соколовский, подготовивший копию метрики, ошибся в фамилии матери Е. Н. Чеховой. Мария Александровна Чехова, урождённая Аргамакова (1866–1937), родила в Богородице, помимо Екатерины, шестерых детей: Людмилу (1892 г.), Анну (1894 г.), Александра (1895 г.), Владимира (1896 г.), Льва (1897 г.), Софью (1901 г.). М. А. Чехова, воспитанная в традициях прогрессивной интеллигенции, всю жизнь стремилась к знаниям, проявляла интерес к общественной жизни, отличалась подвижничеством в деле народного просвещения. Профессиональный педагог, устроительница подготовительной школы для девочек в С.-Петербурге, приюта для крестьянских детей в Богородицке, преподаватель воскресной школы и женской гимназии в Екатеринославле, как земский деятель — основательница частной женской школы в Твери, и, наконец, как преподавательница Пречистинских курсов в Москве — создатель совместно с Л. Н. Рутцен, З. С. Ивановой (Н. Мирович) первой политической женской организации в России «Союза равноправности женщин» (СРЖ). Мария Александровна Чехова не разделяла центральную идею русского феминизма о том, что неравенство по признаку пола является неравенством базового типа, и что оно первично по отношению к классовому. Более того, вовсе избегавшая термина «феминизм» в своих статьях и выступлениях, полагала, что «русская женщина не была ею и никогда не будет» [2, с. 306–309]. После распада в 1908 г. организации, Мария Александровна преподавала в московских частных женских гимназиях (Е. А. Кирпичниковой, С. П. Даль, В. В. Потоцкой) и на Педагогических курсах им. Д. И. Тихомирова; с 1912 г. и до выхода на пенсию в 1923 г. заведовала школой, а с 1918 г. была её директором².

В возрасте 24 лет М. А. Аргамакова вышла замуж за выпускника университета, слушателя Археологического института, талантливого педагога Н. В. Чехова (1865–1947). Николай Владимирович Чехов — уважаемый профессор (1924 г.), доктор педагогических наук (1940 г.), патриот своей

¹ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 305 (Ч. 2). Л. 332.

² НА РАО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 397. Л. 3 об. —4.

Родины, широко известный деятель образования и историк педагогики как в российский дореволюционный, так и советский периоды [3, с. 92–93].

Старшая дочь Чеховых, Екатерина Николаевна, уже с юных лет была помощницей родителей в деле просвещения российского народа. М. А. Чехова предложила дочери самостоятельно написать короткие рассказы для рукописного журнала тверского земства «Щербининский вестник», выходившего в 1903–1904 гг. при поддержке братьев С. Ф и Ф. Ф. Ольденбургов. 13-летняя Катя создала серию коротких рассказов и поучительных анекдотов, предназначенных для сельских ребятишек деревни Щербинино, куда Чеховы выезжали в летние месяцы в 1903 и 1904 г. Часть написанного походила на тщательно сделанную домашнюю работа, а некоторые рассказы демонстрировали известную долю таланта девочки («Куличи», «Чёрная кошка»). Всего сохранилось пять первых сочинений Е. Н. Чеховой. Мария Александровна была главным редактором издания и преподавала в воскресной школе. Деревня с несколькими сотнями жителей находилась в Ржевском уезде Тверской губернии в 15 верстах от Твери; в ней имелись православная церковь, земская школа (с 1889 г.) и библиотека для крестьянских детей. За неимением учителей, Мария Александровна привлекла к преподаванию свою дочь [3, с. 95–97]. Литературный и педагогические дебюты юной Екатерины Николаевны Чеховой были вполне удачными.

Девочка часто болела, но несмотря на слабость здоровья всегда помогала присматривать за младшими. Образованием дочери занимались родители. В 1906 г. Чеховы обосновались в столице и 15-летнюю Екатерину Николаевну отдали в одну из лучших частных школ С.- Петербурга — женскую гимназию М. Н. Стоюниной. Не будучи уверенными в знаниях Кати по всем общеобразовательным предметам, Чеховы планировали отдать её в V класс, но при встрече директор Мария Николаевна Стоюнина сказала: «Пусть идёт в VI класс. Мы проверили её общее развитие, а по физике и математике она догонит в течении года». «Беседу» с Екатериной Николаевной проводила Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, которая в 1906 г. взялась вести в VI классе курс древней русской литературы.

О первой встрече со своим кумиром Е. Н. Чехова вспоминала на заседании памяти Ольги Антоновны, приуроченном к 25-летию её смерти и 90-летию со дня рождения, проходившем в библиотеке Академии наук в Ленинграде 22 сентября 1964 г. «Я вошла в полупустынную комнатку с большим чёрным столом посередине. Худенькая, чуть торопливая в своих движениях учительница придвинула мне стул и сказала: "Садитесь", и я села.

– Вы знаете стихотворение Лермонтова "Белеет парус одинокий ..." — Да, знаю.

– Это реалистическое стихотворение или символическое?

– Реалистическое.

– А Вы хорошо помните его?

– Нет, не помню.

Ольга Антоновна неспешно, задумчиво прочла мне наизусть это стихотворение. "Символическое", — сказала я. «Достаточно», — ответила Ольга Антоновна. И я была принята.

С тех пор 30 лет она была моим самым близким и дорогим другом. И за это время между нами ни разу не прошло ни тени недовольства, ни обиды или непонимания. Такое глубокое у нас было доверие друг к другу. Я думала, что это только между нами. Но узнав ближе её, я увидела, что также открыто подходила она ко многим и получала в ответ то же открытое сердце и большую любовь» [4, с. 238–239].

В 1908 г. Екатерина Николаевна Чехова окончила VII класс гимназии М. Н. Стоюниной со средним баллом 4 6/7 и поступила в VIII дополнительный класс³. Помимо учебной деятельности, девушку увлекла педагогика. В Свидетельстве об окончании гимназии значилось: «ознакомилась с методикой начального преподавания, занималась обучением детей под руководством преподавателей в бесплатной школе <...>, и путём дополнительных работ по педагогике и педагогической практике специально совершенствовалась в деле начального преподавания и вела занятия в упомянутой школе, как классная учительница с вполне удовлетворительными успехами»⁴. Так семейное педагогическое воспитание и образование, пример родителей, отдававших преподаванию и просвещению народа большую часть жизни, начали приносить плоды. А встреча с О. А. Добиаш-Рождественской положила начало большой дружбе и открыла новые горизонты для впечатлительной, способной, скромной и преданной единожды выбранной стезе Е. Н. Чеховой.

Многие бестужевки вспоминали, что, поступая в женский университет в С.-Петербурге, следовали примеру своих гимназических учителей, тоже бестужевок. Екатерина Николаевна Чехова подала документы на Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы в том числе под влиянием личности Ольги Антоновны и была принята на них 20 августа 1909 г.⁵ Согласно личному делу курсистки Чеховой, с осени 1912 г. она лечилась «от тяжёлой формы спинномозговой неврастении», которая была следствием чрезмерных усилий в учёбе, из-за чего произошло истощение нервной системы; лечащим врачом был её дядя, ординатор больницы Св. Николая Чудотворца В. В. Чехов⁶. Весной 1913 г. Екатерина Николаевна по собственной инициативе отчислилась с курсов по болезни, но уже 7 сентября того же года была восстановлена в число слушательниц историко-филологического факультета⁷. Осенью 1915 г. она обратилась к директору курсов профессору С. К. Буличу с просьбой разрешить сдать необходимые ей для получения выпускного свидетельства дисциплины, «Историю Рима» и «Отдел по русской истории»,

³ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 305 (Ч. 2). Л. 330.

⁴ Там же. Л. 331.

⁵ Там же. Л. 329.

⁶ Там же. Л. 335.

⁷ Там же. Л. 327.

указав, что исправно платила плату за обучение в течение 11 семестров⁸. Таким образом, обучение на ВЖК Чехова продолжала с перерывами на протяжении шести лет. По окончании историко-филологического отделения по группе русской истории Бестужевских курсов осенью 1915–1916 уч.г. она была удостоена выпускного Свидетельства № 5293/2611⁹.

На курсах Екатерина Николаевна Чехова обрела свою вторую семью («семью курсисток»), узнала ценность чувства товарищества. Она стала ученицей двух выдающихся женщин–учёных — О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939) и Александры Яковлевны Ефименко (Ставровской) (1848–1918). О каждой из профессоров Чехова оставила подробные и содержательные воспоминания. Когда Екатерина Николаевна работала над биографическим и эпистолярным материалом в 1950–70-е гг., она состояла членом Библиографической и Педагогической комиссий, вела активную работу по координированию деятельности Ленинградского Комитета и Московского Бюро — общественных организаций бывших бестужевок, собиравших по крупицам историю своей *Alma mater*, издававших сборники материалов, в которых были увековечены светлые образы их преподавателей и товарок–курсисток [5, с. 285–286].

Об историке Украины А. Я. Ефименко Чехова писала: «На лекциях Александры Яковлевны мы увидели, как закономерно слагались на экономической основе социальные формы изучаемой эпохи, и, давая их во всём многообразии, она указала те же формы на определённых этапах не только в жизни Московской Руси, но и в истории балканских славян, и в жизни Западной Европы. Раздвигались рамки провинциальной истории Украины, и она раскрывалась перед нами как одна из частей общеисторического процесса.

Александра Яковлевна загружала нас литературой, даже при сдаче специального отдела. Она учила нас думать и больше всего ценила самостоятельную мысль. (Впоследствии многие из её учениц–украинок работали в научных институтах и вузах Киева, Харькова и особенно Львова. Их работы я встречала в украинских журналах и в "Известиях" институтов)» [6, С. 192]. Е. Н. Чехова, будучи библиотекарем Государственной библиотеки имени Ленина в 1924–1941 гг., имела возможность отслеживать научные работы бывших бестужевок. Мемуаристка отмечала, что на семинарах профессор «давала нам документ и ставила определённую задачу. Мы должны были самостоятельно разобраться в теме и решить поставленный вопрос. Она хотела, чтобы мы научились думать. И только после доклада она вносила коррективы, знакомила нас с различными точками зрения на вопрос и указывала соответствующую литературу. И мы читали её уже критически, проверяя установки автора на известном нам материале, а не составляя бесконечные конспекты. Читая, мы не запоминали чужие мысли, а думали и оценивали их. Творчески переработанные, они прочно входили в наш фонд. Теперь мне

⁸ Там же. Л. 325.

⁹ Там же. Л. 324.

думается, что это был тот метод, которым она сама шла в начале научной работы, порой и ошибаясь, но в результате творчески овладевая материалом» [6, с. 192].

Профиль по группе русской истории на Бестужевских курсов Екатерина Николаевна выбрала ещё и потому, что Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская 1908–1911 гг. провела в научной командировке во Франции. Накануне она вышла замуж за талантливого физика–оптика Дмитрия Сергеевича Рождественского (1876–1940). В Сорбонне Добиаш-Рождественская слушала лекции историков–медиевистов Ш.–В. Ланглуа, Ф. Лота, обучалась в «Школе хартий» и «Парижской школе научных исследований». В 1911 г. защитила диссертацию «Церковное общество XIII в. во Франции», за которую была удостоена степени доктора Сорбонны с отличием. Ольга Антоновна выпустила книгу на французском языке «Жизнь французского духовенства по епископским актам», в которой впервые ввела в оборот малоисследованные исторические источники — соборные акты, протоколы епископских посещений, постановления провинциальных соборов, дневники епископских ревизий. Она много времени посвящала изучению французского языка, т.к. справедливо полагала, что «французы строги к форме» [7, с. 267–268].

По возвращении в столицу Российской империи, Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская была назначена штатным преподавателем женского университета (с 1912 г. как доцент, а с 1915 г., по защите магистерской диссертации при Санкт-Петербургском университете, как профессор), читала общие и специальные курсы лекций, вела семинарские занятия¹⁰.

«В 1911–1913 гг. О. А. Добиаш-Рождественская вводила слушательниц в «Западную Европу от V до X века и VIII–XI веков»; общий курс был дополнен просеминарием («Критический анализ книги Фюстель де Куланжа "Начало французского строя"») и двумя семинариями («Анализ памятников из области церковных отношений» и «Источники для изучения спора об инвеституре в начале XII века»). В 1913–1914 учебном году она читала «Историю крестовых походов» (с семинарием «Французское общество по буллам Григория IX» и просеминарием «Критический анализ книги Фюстель де Куланжа "Вторжение германцев и конец империи"»). С 1914 по 1916 год профессор читала курсы по истории Франции («Общество во Франции XIII века» и «Франция в позднее средневековье» с семинарием «Романский Запад в крестовом движении»). Кроме того, Ольга Антоновна, после кончины профессора И. И. Холодняка, продолжила в 1914–1918 годах чтение курса «Латинская палеографии», которому всегда уделяла особое место» [8, с. 776].

Е. Н. Чехова в 1911–1912 уч.г. записалась на семинар Добиаш-Рождественской «Церковная жизнь Франции XIII века по буллам папы Григория IX», затем перешла в её семинар по латинской палеографии. Товарка Чеховой по семинарам, также выпускница стоюнинской гимназии (1911 г.)

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 41. Л. 1.

Татьяна Александровна Быкова (1893–1975) — переводчица, историк книги, главный библиотекарь Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (1938 г.) замечала в мемуарах о женщине–историке: «Ольга Антоновна в подлинном смысле была учителем, которая создала группу своих учеников. У неё на дому бывали собрания слушательниц, где присутствовали многие семинарки, и за вечерним чаем шли разнообразные и интересные разговоры. Её сестра, Мария Антоновна, сама себе аккомпанируя, пела старинные французские романсы или шуточные песенки» [8, с. 775].

Чехова в статье бестужевского сборника изложила методику преподавания Добиаш-Рождественской. «...Любимым нашим семинарием у Ольги Антоновны был "Парижский университет XIII века". Ещё с весны она указала нам литературу, и мы готовились к нему всё лето. Переводили сочинение Роберта Сорбонского "De tribus dis tis", которое предполагалось изучать на семинарии, прочли Роже и другие книги по истории культуры Франции XIII века. Нам казалось, что этот семинарий был лучшим из всех, самым красочным по своему материалу, и вместе с тем он не требовал от нас такой напряжённой работы, как предыдущий, но по своему охвату и разнообразию источников он был гораздо сложнее предыдущего. Мы не отдавали себя отчёта, что главной причиной его большей лёгкости была приобретённая нами подготовка.

Занятия чередовались. Один раз мы работали над текстом Роберта Сорбонского, давшего нам материал для характеристики средневекового мирозерцания; в следующий раз мы изучали статуты университета начала XIII века и буллу Григория IX, так называемую "Parens scientiarum" (13 апреля 1231 года), являющуюся хартией Парижского университета, окончательно утвердившей его автономию. Организация университета, наряду с этим и вся система средневекового образования, и основные элементы мирозерцания эпохи вскрывались в изучаемом нами материале. И всё это на ярком бытовом фоне, которые давали письма парижских студентов или шуточные песенки школяров. Сколь бытовых черт, живых юношеских переживаний было заключено в них!

Занятия происходили как обычно, в небольшой комнате семинарской библиотеки, но уже в вечерние часы. Перед нашим взором как бы раскрывались узкие, кривые улочки средневекового Париже, старинные аудитории Сорбонны и других колледжей (общежитий), куда переносились постепенно занятия университета. Профессор на кафедре в своём докторском одеянии — длинной тёмной мантии и берете, студенты старших курсов в тёмных мантиях с капюшонами на скамьях, стоящих рядами, или школяры младшего факультета искусств, сидящие по обычаю на полу на соломе. Или же развёртывались бесконечные дорогие Франции — бродячая Франция с её пёстрым подвижным населением весёлых школяров, лукавых подмастерьев, хитрых монахов, нищих и странников...» [9, с. 187–188].

Екатерина Николаевна отмечала, что для Ольги Антоновны на лекциях имело большое значение, чтобы в аудитории присутствует группа, «резонирующая определённым образом». «Как-то в конце года, прощаясь с одной из своих учениц, она сказала ей с сердечной теплотой: "Благодарю вас за то, что вы посещали мои лекции. Мне было легче читать их, зная, что вы их слушаете. Вы помогли мне в моей работе". И это были не пустые слова — О. А. Добиаш-Рождественская была очень искренним человеком, она никогда ничего не говорила просто так, на любезности. Лекции были для неё совместным творчеством лектора и аудитории — "общим делом"» [8, с. 778].

В 1918 г. в Петрограде Добиаш-Рождественская защитила диссертацию «Культ св. Михаила в латинском средневековье V–VIII вв.» и получила степень доктора всеобщей истории. Чехова не смогла присутствовать на самой защите, однако, была на заседании Исторического общества Московского университета, где речь шла о работе женщины-учёного, отправив ей стенограмму заседания¹¹. Добиаш-Рождественская в 1918–1921 гг. организовала в Петроградском университете Кабинет латинской палеографии, после причисленный к Научно-исследовательскому Институту сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока¹². Затем её научная детальность в течении 17 лет была связана с Публичной библиотекой в Ленинграде.

В 1920–30-е гг. непосредственное общение ученицы и профессора свилось к минимуму, перейдя в эпистолярную форму. Чехова писала, что приезжала в Петроград–Ленинград в 1921, 1925 и 1932 гг., каждый раз виделась с Ольгой Антоновной. Когда Рождественские приезжали в Москву, то старались засвидетельствовать Чеховым своё почтение. Ольга Антоновна была знакома с Н. В. Чеховым с 1905–1906 уч.г., когда они оба были избраны членами нелегального Учительского союза. А с М. А. Чеховой она познакомилась в стоюнинской гимназии, когда та представляла родительский комитет¹³. С 1929 г. Добиаш-Рождественская бывала в Москве чаще, она приезжала на конференции и на сессии Академии наук. Работая над рукописью, 16 сентября 1939 г. Чехова писала Д. С. Рождественскому: «В дни приездов Ольги Антоновны в Москву, я жила точно в другом мире: напряжённом, насыщенном, значительном и полном захватывающего содержания. Она была из тех немногих, которые "живут свою жизнь набело", она жила с огромной ответственностью за каждое своё действие, за каждый свой час, за каждое слово»¹⁴.

Общение снова свелось к переписке, после смерти брата Ольги Антоновны, яркого изобретателя, организатора науки, талантливого педагога,

¹¹ Персональный архив Н. В. Благово (СПб.). Ф. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Д. Чехова Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. М/п. М., декабрь, 1939. С. 127, 129.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–1 об.

¹³ Персональный архив Н. В. Благово (СПб.). Ф. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Д. Чехова Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. М/п. М., декабрь, 1939. С. 175.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 341. Оп. 3. Д. 44. Л. 5.

физика А. А. Добиаш (1875–1932). В рукопись 1939 г. Чехова включила ряд выдержек из писем Ольги Антоновны. 30 марта 1936 г. она писала Екатерине Николаевне: «Для меня ... стало легче писать Вам после того, как мы с Вами протянули друг–другу руки "над бездной". Той бездной, где четыре года назад угасали голубые глаза моего бедного брата, где провалилась огромная часть моей жизни и моей души...»¹⁵. 8 апреля 1937 г. умерла М. А. Чехова и 10 апреля Ольга Антоновна написала всему семейству Чеховых проникновенное, глубокое и вместе с тем светлое письмо. «Ваше письмо было хорошо прочесть и тем, кому уже пора учиться умирать, и тем, кому ещё надо жить и учиться нести тяжесть жизни», — размышляла она в нём о строках Екатерины Николаевны¹⁶. Зимой 1937 г. от тяжёлой болезни умерла младшая сестра историка, Мария Антоновна Добиаш, всю жизнь прожившая рядом с Ольгой Антоновной и Дмитрием Сергеевичем Рождественскими. Последняя их встреча состоялась 28 сентября 1938 г., когда Ольга Антоновна, проездом через Москву, остановилась по пути в Крым на квартире академика Н. И. Вавилова для кратковременного отдыха, т.к. не оправилась ещё после болезненного состояния. Чехова приходила её навестить¹⁷.

В 1939 г. Добиаш-Рождественская написала Екатерине Николаевне два письма: обстоятельное от 3 апреля, в котором сообщала о приведении дел в порядок и об уходе за тяжело больным Дмитрием Сергеевичем; и коротенькое письмецо от 6 мая. На летнее письмо Чеховой ответил академик Д. С. Рождественский, т.к. обострение болезни настигло саму Ольгу Антоновну. Екатерина Николаевна в письме от 1 сентября 1939 г., хотевшая поддержать моральный дух своего учителя–друга, писала о том, что снова взялась за перо (сочиняла психологические новеллы в духе Г. –Х. Андерсена), что собирается навестить её в Ленинграде уже в октябре¹⁸. Но Ольга Антоновны уже не было в живых, в семь часов утра 30 августа 1939 г. она «внезапно и тихо, без всяких страданий скончалась»; так писал в письме Чеховой Дмитрий Сергеевич Рождественский. Ольга Антоновна страдала около 15-ти месяцев от нестерпимых болей в сердце; врачи были бессильны. Вопрос о захоронении тела «члена–корреспондента Академии наук СССР, учёного консультанта Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Добиаш-Рождественской» решался мучительно и долго. Только 21 сентября 1939 г. был вынесен проект решения Президиума Ленинградского Совета РК и КД о захоронении на Литераторских мостках Волковского кладбища¹⁹.

На состояние души О. А. Добиаш-Рождественской второй половины 1930-х гг. проливает переписка с её «учителем» по Бестужевским курсам,

¹⁵ Персональный архив Н. В. Благово (СПб.). Ф. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Д. Чехова Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. М/п. М., декабрь, 1939. С. 172.

¹⁶ Там же. С. 178.

¹⁷ Там же. С. 181.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 341 Оп. 4. Д. 9. Л. 12, 13 об.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р–73.84. Оп. 18. Д. 1044. Л. 19

семинарским «радре», профессором И. М. Гревсом. В письме от 19 сентября 1936 г. встречается редкая характеристика дружбы с Чеховой, данная Ольгой Антоновной. Она писала: «Не знаю, почему с Леной Ступиной (Ефимовой), с Катей Чеховой мы сохранили всю (или почти всю) полноту и глубину внутренней связи, несмотря на "полярность" в тех самых больших вопросах, в которых расходимся с Вами. Я почти готова объяснить это (с точки зрения нынешней своей "ереси" <...>) *так*, что та или иная категорическая форма решения этих вопросов для живого человека *не так уж колоссально много значит*. И что единение и гармония ощущаются и отвергаются — в постоянном течении жизни по иным более интимным признакам и устанавливаются по иным, более тонким целям. Нужна только большая внутренняя терпимость, большая свобода и доверие друг к другу, вера в чужую честность и искренность. Вот мне кажется тут у нас чего-то не хватает»²⁰.

Помимо чувства безвозвратной потери и горькой скорби после ухода близких людей, Е. Н. Чехову и О. А. Добиаш-Рождественскую роднила участь недоверия Советской власти к характеру их деятельности; что во многом сблизило двух женщин. Ольга Антоновна подвергалась аресту 31 августа 1919 г. за принадлежность к партии кадетов, в которой состояла с конца 1916 г. до середины 1917 г.; после освобождена (29 сентября 1919 г.) [10]. Екатерина Николаевна была арестована осенью 1924 г. в Москве, заключена во внутреннюю тюрьму ОГПУ, но уже в ноябре месяце была освобождена по ходатайству «Помполита» (полное название — «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»), организацией, существовавшей с 1922 по 1937 г. и занимавшейся материальной поддержкой политзаключенных, просьбами и обращениями в компетентные органы [5, С. 283]. Весной 1929 г. Ольге Антоновне, накануне её избрания член-корреспондентом АН СССР, было предъявлено тяжелейшее обвинение по Ст. 58 УК СССР («контрреволюционная деятельность»), но уже к лету оно было снято²¹.

В рукописи 1939 г. Е. Н. Чехова размышляла: «Когда уходит близкий — ищешь общения с ним — в молитве, в воспоминании, в работе во имя его. Это общение с О. А. я нахожу в созерцании красоты, в тихих залах музеев, в её вдумчивых и прекрасных книгах, изучающих памятники *Medii Aevi*, в самих памятниках — иногда глубоких, как сочинения Роберта Сорбонского, иногда наивных и свежих, как песенки бродячих школяров (голиардов), иногда деловых, но всегда хранящих биение подлинной жизни»²². Перед Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.) Е. Н. Чехова была главным библиотекарем научно-библиографического отдела Ленинки. После войны являлась собирателем и хранителем педагогического и литературного наследия Николая Владимировича и Марии Александровны Чеховых [5, с. 284].

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 94. Л. 11 об. –12.

²¹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 10. Л. 1.

²² Персональный архив Н. В. Благово (СПб.). Ф. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Д. Чехова Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. М/п. М., декабрь, 1939. С. 184.

Предположительно Екатерина Николаевна скончалась в Москве после 1977 г. (её фамилия встречается в списках бестужевок, присылавших ежегодные взносы на нужны объединённой организации).

4 сентября 1939 г. Екатерина Николаевна, узнавшая из газет о смерти О. А. Добиаш-Рождественской, писала Дмитрию Сергеевичу: «Сейчас лихорадочно собираешь все драгоценные свои воспоминания о ней, все обрывки, клочки, и больно, что так мало берегла и хранила это драгоценное наследие. Почему так мало видела её, так много времени упустила даром? Всё это поздние, бесплодные сожаления. Они жгут сердце. Но я ещё много помню, много драгоценного помню о ней. Всё это я запишу. Я пришлю его Вам. Нужно собрать всё о ней, что возможно. Это неповторимое, единственное, как неповторимо и единственно её обаяние. Общественное значение её работы и жизни требует, чтоб это было сделано. *Это должно быть сделано*. Нельзя найти слов, которые облегчили бы Вашу утрату. Единственная поддержка тут — это сама прекрасная жизнь Ольги Антоновны, исполненная высокого благородства, разлившая вокруг себя свет большого прекрасного умного сердца. Так много дала она жизни, науке, людям»²³.

Чехова постоянно поддерживала Рождественского, даря ему искренние, щедрые на любовь воспоминания об Ольге Антоновне. Она писала от 16 сентября 1939 г.: «через мои глаза смотрят её глаза, в моих мыслях — её мысли. В часы раздумий, в глубине своего сердца я нахожу её. И я понимаю, что она не ушла. Она вошла в сердца знавших и любивших её, и в них и через них она возрастает в культуре грядущего ...»²⁴. Екатерина Николаевна постоянно информировала Дмитрия Сергеевича о состоянии рукописи. 22 сентября 1939 г., придя домой после работы, она написала: «Я думаю, пишу и всё время как будто продолжаю быть внутренне с Ольгой Антоновной и у меня такое чувство, что я делаю что-то, что я должна по отношению к ней сделать. Я говорила с Дмитрием Моисеевичем Петрушевским. Он сказал, что он просто просит меня это сделать»²⁵. Дмитрий Сергеевич нарушил длительное молчание после похорон Ольги Антоновны, 28 сентября 1939 г. он написал большое, грустное и очень подробное письмо, в заключении которого выразил желание прочесть воспоминания Чеховой²⁶.

Работа над рукописью продолжалась с сентября 1939 г. по июнь 1940 г., когда из жизни ушёл Д. С. Рождественский. Чехова находилась в Москве. Она состояла с ним в постоянной переписке. Академик был первым критиком черновика рукописи и её беловика, помогал подбирать иллюстративный материал, систематизировал библиографию своей покойной супруги. Работа над рукописью велась Чеховой фрагментарно до второй половины 1960 г.,

²³ СПФ АРАН. Ф. 341 Оп. 3. Д. 44. Л. 1 об. —2.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Л. 7 об. —8.

²⁶ Там же. Л. 13.

после чего она, имея на руках несколько экземпляров, определила их на архивное хранение.

В письме от 9 октября 1939 г. Екатерина Николаевна, сообщив, что уж написала три главы воспоминаний, познакомила Дмитрия Сергеевича с содержанием работы: «1. Жизнь Ольги Антоновны до моего знакомства с ней. Нежин. Высшие курсы. Начало педагогической деятельности. 2. Ольга Антоновна в гимназии Стоюниной. Заграницей. 3. ВЖК (1911–15). Преподавание Ольги Антоновны. Её частная жизнь. 4. Встречи с Ольгой Антоновной после моего отъезда из Ленинграда <...>. 5. Научная работа Ольги Антоновны <...>»²⁷. Указанные главы и параграфы больше не меняли своих названий²⁸. В письме от 27 ноября 1939 г. Чехова упомянула, что рукопись готова и находится у машинистки²⁹. 7 января 1940 г. автор записок переслала их в Ленинград, пояснив, что писала их для себя, для Дмитрия Сергеевича, для близких Ольги Антоновны и знавших её друзей³⁰. Эмоциональные переживая корреспондентки–мемуаристки были настолько сильны, что она забыла попросить Рождественского прочесть её работу, о чём она снова написала 8 января³¹. Дмитрий Сергеевич прочёл рукопись на одном дыхании, и уже 14 января Чехова получила по почте увесистый конверт с фотографиями Ольги Антоновны³². В письме Чеховой от 30 января 1940 г. речь шла об исправлении опечаток посла работы машинистки, об уточнениях, которые сделал Рождественский и о том, что те в близком окружении Чеховой–Рождественского, кто узнал о готовности рукописи, уже готовы её прочесть³³. Когда Дмитрий Сергеевич уточнил у Екатерины Николаевны название труда, она ответила: «Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская»³⁴. 18 февраля 1940 г. Чехова описывала работу с иллюстрациями, большая её часть сводилась к описанию и распознаванию лиц. В этой работе её помогала историк–архивист Елена Алексеевна Ступина (Ефимова)³⁵. 27-го февраля она сообщила, что рукопись прочли уже 30 человек³⁶. Екатерина Николаевна описывала состояние познакомившихся с ней как подъём душевных и творческих сил. Из письма от 3 апреля 1940 г. известно, что Чехова сделала ещё один машинописный экземпляр, т.к. труд её был очень востребован³⁷. Екатерина Николаевна писала Дмитрию Сергеевичу о разных просьбах, например, написать воспоминания об Ольге Антоновне, провести в Академии наук СССР заседание в память о ней,

²⁷ Там же. Л. 15–16.

²⁸ Персональный архив Н. В. Благово (СПб.). Ф. Материалы Е. Ю. Мельниковой. Д. Чехова Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. М/п. М., декабрь, 1939. С. 1.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 341 Оп. 3. Д. 44. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 25.

³¹ Там же. Л. 27.

³² Там же. Л. 28.

³³ Там же. Л. 30–31 об.

³⁴ Там же. Л. 33.

³⁵ Там же. Л. 41.

³⁶ Там же. Л. 39 об.

³⁷ Там же. Л. 42 об.

издать сборник воспоминаний и трудов. Но состояние здоровья и духа Рождественского, который считал, что задержался на Земле после Ольги Антоновны только на «пять минут», было таковым, что он не мог ответить на вопрос «где он проведёт лето». Во второй половине апреля он написал о проведённом в Ленинграде заседании в память Ольги Антоновны, т.к. Чехова на нём присутствовать не смогла, потому что готовила юбилей своего отца. Рождественский взялся за иллюстрирование чеховской рукописи. Екатерина Николаевна не была готова включиться в эту работу полностью, поскольку многие персоналии ей были не знакомы; она адресовала Рождественского к бестужевкам Н. Я. Никифоровской и Д. А. Быковой. Дмитрий Сергеевич подготовил библиографию научных трудов своей покойной супруги; экземпляр был отослан и Чеховой, за что она благодарила его в письме от 1 мая 1940 г.³⁸ В начале июня Рождественский высказал пожелания своей корреспондентке, чтобы «все начинания памяти О.А.» согласовывались «кем-нибудь из академиков»; он предложил кандидатуру Д. М. Петрушевского³⁹. Из письма от 6 июня 1940 г. становится ясно, что Чехову заботило издание её записок. Но академик не мог ответить на это согласием, потому что труд обладал рядом недостатков (образ Ольги Антоновны вышел «аполитичным», без «эволюции миросозерцания» героини). О них писала и сама автор (например, отсутствие главы, освещающей отношение историка к современности); она признавалась, что была не знакома с религиозными воззрениями Добиаш-Рождественской. Чехова была уверена в том, что Ольга Антоновна без колебания приняла сторону революции, в чём пыталась убедить и академика Рождественского⁴⁰. Но Дмитрия Сергеевича не стало 25 июня, и основная работа над записками прекратилась.

В настоящее время автору статьи хорошо известны пять списков рукописи, которые хранятся в разных архивохранилищах С.- Петербург, Москвы, один экземпляр находится в частной коллекции. Рукопись ещё не введена в научный оборот, она готовится к публикации. Все рукописи объединяет овалный портрет Ольги Антоновны, помещённый в начале; это фотография, которая была сделана в середине 1930-х гг. (она представлена в виде портрета женщины-учёной в постоянной экспозиции Публичной библиотеки и довольно часто используется публикаторами).

В фонде Д. С. Рождественского в С.-Петербургском филиале Архива РАН хранится первый вариант труда Е. Н. Чеховой, который автор отправила в Ленинград в январе 1940 г. Страницы (256 с.) были пронумерованы ею. Рукопись изобилует правкой⁴¹. К ней прилагается Список иллюстраций, сделанный Рождественским в первые месяцы 1940 г. Дмитрий Сергеевич полагал, что иллюстративный материал будет помещён по ходу повествования,

³⁸ Там же. Л. 49.

³⁹ Там же. Л. 56.

⁴⁰ Там же. Л. 58–59.

⁴¹ Там же. Оп.4. Д. 6.

поэтому все иллюстрации, помимо подписей, имеют указания на конкретную станицу рукописи⁴². В Личном фонде Н. В. Чехова в Научном архиве Российской Академии образования (Москва) находится экземпляр рукописи воспоминаний его дочери об О. А. Добиаш-Рождественской⁴³. Он соответствует запискам из СПФ АРАН; по-видимому, это одна из копий, которую делала Чехова для читателей своей труда в 1940 г. Другая известная копия того же года попала в Персональный архив Н. В. Благово (С.-Петербург), осев после ряда многочисленных прочтений в руках Е. Ю. Мельниковой, которая, как и Чехова, выполняла роль «связующего звена» в работе московских и ленинградских организаций бестужевок [11, с. 10–11]. В Отделе Рукописей РНБ хранятся два экземпляра воспоминаний. Первый прекрасно оформлен и содержит иллюстрации, которые приготовил академик Рождественский для рукописи Е. Н. Чеховой⁴⁴; второй — представляет собой копию первой, причём не лучшего качества и не имеет иллюстраций (название рукописи отпечатано не по середине, как во всех случаях, а сверху листа)⁴⁵. Иллюстративный ряд Д. 479 отличается от подборки Д. С. Рождественского. Оба экземпляра из ОР РНБ являются более поздней переработкой воспоминаний Чеховой; их отличает от прочих и количество листов (138 и 139 соответственно).

Список литературы:

1. Ершова, В.М. О. А. Добиаш-Рождественская. – Л.: ЛГУ, 1988. – 112 с.
2. Юкина, И. И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 539 с.
3. Вахромеева, О.Б. Деятельность Чеховых в Тверском земстве в 1903–1904 гг. (по материалам РГАЛИ и НА РАО) / Сборник научных статей Всероссийской научной конференции «XV Чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского (1925–1995)». – Новокузнецк: Новокузнецкий ин-т КГУ, 2020. – С. 91–97.
4. Вахромеева, О.Б. Их дань Бестужевским курсам (объединённая деятельность бывших бестужевок в 50–70-е годы XX века). – СПб.: Лема, 2015. – 444 с., ил.
5. Вахромеева, О.Б. Рукопись Е. Н. Чеховой об О. А. Добиаш-Рождественской / Сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвящённой 80-летию высшего педагогического образования в Кузбасе «XIV Чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского (1925–1995)». – Новокузнецк: Арт-Эспресс, 2019. – С. 283–294.
6. Чехова, Е.Н. Александра Яковлевна Ефименко / Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878-1918: сб. ст. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: ЛГУ, 1973. – С. 191–194.

⁴² Там же. Д. 7. Л. 1–3 об.

⁴³ НА РАО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 647.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 479.

⁴⁵ Там же. Д. 480.

7. Вахромеева, О.Б. Первая женщина в российской исторической науке. О. А. Добиаш-Рождественская / Знаменитые универсанты: Очерки Санкт-Петербургского университета. – Т. II. – СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты», 2003. – С. 256–272.
8. Вахромеева, О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 903 с.
9. Чехова, Е.Н. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская / Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878-1918: сб. ст. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: ЛГУ, 1973. – С. 184–191.
10. Воронова, Т.П. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна / Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь: в 4 т. (электронная версия). — URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=44 (дата обращения: 17.02.2023).
11. Вахромеева, О.Б. Материалы личного архива Е.Ю. Мельниковой (1889–1974) по истории Высших женских (Бестужевских) курсов / Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции «XIII Чтения, посвящённые памяти Р.Л. Яворского (1925–1995)». – Новокузнецк: Союз писателей, 2018. – С. 9–15.

Викторин Виктор Михайлович

кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

ИНГРИЯ НА БАЛТИКЕ И АСТРАХАНЬ В ПРИКАСПИИ: СОЗДАНИЕ ПЕТРОВСКИХ ГУБЕРНИЙ, ИХ СВЯЗИ И РАЗВИТИЕ С НАЧ. XVIII В.

Аннотация: С 20–х гг. XVIII в. и до конца столетия наступил ключевой период нового становления Российского государства при имп. Петре I, в его свершениях строительства, как и в международных связях, утверждении границ, войнах и походах. Укреплялись вооружённые силы и статские администрации (в губерниях, провинциях), со сходством в их усилиях, в т.ч. при всё бóльшей полиэтничности и разноконфессиональности населения.

Автор рассматривает выход России «к морям» на севере и на юге, принципы управления территориями и ход военных экспедиций, персоналии тогдашних деятелей. Как примеры, привлечены г. Санкт-Петербург и г. Астрахань, реки Волга и Нева, Каспийское и Балтийское моря. Не случайно две сухопутно - флотские военные операции (Северная война и Персидский поход) последовали одна за другой, а военно - политические кризисы со Швецией и с Персией в 1742 – 1743 гг. совпали по времени.

Ключевые слова: имп. Пётр I, провинции и окраинные губернии, армия и флот, моря, этносы и конфессии.

INGRIA AT THE BALTIC SEA AND THE CITY OF ASTRAKHAN IN THE CASPIAN SHORE: THE CREATION OF GOVERNANCES AFTER TSAR PETER, THEIR CONNECTIONS AND PROGRESS FROM THE EARLY 18th CENTURY

Summary: In the 20s of the 18th century and then came the key period of further formation of the Russian State under the Emperor Peter I, by his achievements in construction, as well as by his international relations and by the establishment of borders, wars and campaigns.

The armed forces and state administrations were strengthened, and a similarity in their efforts was revealed, when the empire's multi-ethnic and multi-confessional population had to be taken into account.

Author examines Russia's access to the seas in the north and south, the principles of territorial administration and the course of military expeditions, and the personalities of the time. St. Petersburg and Astrakhan, the Volga and Neva rivers, the Caspian Sea and the Baltic Sea are taken as examples. It is no accident that the two land and marine military operations (the Northern War and the Persian campaign) followed one the other as the military and political crises with Sweden and Persia in 1742 – 1743 years timely coincided.

Keywords: emperor Peter I, provinces and outskirts, army and navy, seas, ethnic groups and confessions.

"... Россия молодая,
в бореньях силы напрягая,
мужала с гением Петра"

А.С. Пушкин

В стержневое и поворотное время, в условиях нового становления Российского государства при Петре I Великом, в его войнах и походах, в теч. 20-х гг. XVIII в. и затем позже, наметилось продвижение «к морям», с выраженной тенденцией к территориальному расширению России и росту сфер её прямого влияния на суше и по водной глади.

Акад. АН СССР Е.В. Тарле неслучайно отмечал по этому поводу ещё в 1949 г.: «Когда Пётр пришел к власти, его царство располагало в сущности всего двумя морскими побережьями: на Белом море и на севере Каспия». Ключевое историческое значение в деле изменения ситуации имел вердикт Боярской Думы от 20 октября 1696 г., по итогам азовской военной неудачи: "Морским судам – быть"... [3, с. 15, 21].

Новые задачи отразились и во внутреннем устройстве России как государства (с октября 1721 г. – империи). На приморских территориях были учреждены Ингерманландская (так с 1704 г., а от 1710 г. – Санкт-Петербургская) и выделенная из более верховых Астраханская (с 1717 г.) губернии.

Возглавили эти серьезные образования опытные администраторы новой формации - «птенцы гнезда Петрова»: первую – «князь ижорский» А.Д. Меншиков и граф П.М. Апраксин (временно, на один год, сменявший Меншикова), вторую – ближний боярин П.С. Салтыков и вскоре вслед за ним генерал - адъютант А.П. Волынский.

Заметим, что оба населённых пункта как центры ответственных провинций изначально обнаруживали и доселе сохраняют некоторое сходство, как значащее природное, так и традиционно - культурное. Это, скорее, совпадения в развитии на уровне общих аналогий. Но, что ещё важнее, аналогии в сфере обороны рубежей, границ, схоже стимулированных судьбами регионов и кардинальным прогрессом Державы. Как и в задачах политико-административного руководства всем этим.

Неслучайны похожие нарративы о «Северной Пальмире России» и о «Южной Венеции России». Расположены обе по Великим рекам (на р. Волге и на р. Неве), при их нескольких рукавах - протоках и связующих их каналах. Далее, ещё с античных времён считалось престижным и символичным расположение крупного гóрода «на семи холмах». Цепь т. н. «Бэровских» бугров внутри г. Астрахани и вокруг неё, а при г. Санкт-Петербурге Балтийско - Ладожский «уступ», лесистая Ижорская возвышенность, Дудергофские (горы

Воронья, Ореховая и иные), Пулковские и др. высоты могут составить замену римской классике.

Важнее всего для нашего изложения будет то, что обе территории и их поселения были очень полиэтничны, многоязычны и разноконфессиональны. Руководство обеих губерний было изначально занято привлечением и обустройством переселенцев сюда из внутренних частей России.

Финноязычное православное население побережий залива, рр. Невы и Ижоры без больших проблем разместилось чересполосно с новоприбывшими русскими. Это были часть финнов из их субэтносов "савакот" и "эвреймейсет", ещё и карелы, вепсы, ижорцы и воль [Ср.: 3, с. 3].

А дополнительного внимания к финским лютеранам (переселенцы - «суоми» и местные финны - «инкерин», "inkerin") в удовлетворении их специфических нужд требовал завершивший Северную войну Ништадтский договор, подписанный 30-го августа 1721 г. [4, с. 9 – 10; 3, с. 3].

На финской (а с XII – XIII вв. – шведской) границе по левому притоку р. Невы (слияние несколько южнее черты главного города) располагалась историческая «Ингрия», или «Ижорская земля». Как важнейший порт на Балтике (а с 1713 г. – и северная имперская столица, центр губернии) в сер. мая 1703 г. в устье р. Невы был основан г. Санкт-Петербург.

В сер. XVI в. территория обширного, но немощного Астраханского («Хаджи-Тарханского») ханства была мирно присоединена к России. А вскоре, в 1558 г., на новом, более выгодном месте были основаны крепость и российский г. Астрахань. Подлинное освоение и заселение региона начались чуть позже рассматриваемых основных событий, с сер. XVIII в. Но важным городом - портом Персидского похода России Астрахань стала к моменту прибытия сюда в сер. июня 1722 г. императора, войск и флота.

В Астрахани при походе было открыто Адмиралтейство (с корабельной верфью), просуществовавшее вплоть до 1867 г. и перевода в г. Баку этого учреждения, как и его служб. Вошло оно в десятку первых Адмиралтейств в России (наряду с Санкт-Петербургским, Казанским, Архангельским, иначе Соломбальским, Воронежским, затем Таганрогским, ещё и с подмосковной Преображенской, Лужской, Охтинской, Олонецкой, иначе Свирской верфями и др.). Память о его существовании сохранена в нынешней топонимии г. Астрахани. Обновились и иная инфраструктура и архитектура губернского центра, выросло городское население за счёт полиэтничных участников петровского похода.

Сохранились полулегендарные раритеты от пребывания императора Петра Великого на астраханской земле: «дуб, посаженный самодержцем лично», «оттиск царской руки» (впечатляющий! – В.В.), рисунок ялика, на коем «плавал царь» по р. Волге и речушкам её дельты. Непосредственно сами «образ царя Петра, его заветы и пример» прочно и ярко запечатлелись в фольклоре и памяти разных этносов региона.

Это существенно, ибо свои проблемы доставляла тогда губернаторам калмыцкая кочевая политейя (признанная с 1690 г. «ханством» и в тибетской Лхасе, и в российском Санкт-Петербурге). Знаменитый хан Аюка встретил императора Петра под Саратовом и выделил своё конное войско для участия в походе. Немало трудностей доставляли иные кочевники и полукочевники, как и население гор и предгорий (кабардинцы - «черкесы», вайнахи - «ококи, окочечяне», обе группы частью мусульмане - сунниты, частью православные и др.). Проводили переговоры, опять же через Астрахань, о российском подданстве грузинские цари областей Картли и Восточной Кахетии [См.: 1, с. 9 – 11, 26 – 27].

Разумеется, непосредственно в походе стержневым стал вопрос о взаимоотношениях с мусульманскими контингентами служилых людей и местных жителей. Прежде всего, для обслуживания похода были мобилизована и приписана к Адмиралтейству масса государственных крестьян - казанских татар. Некоторая часть их осталась жить в торговых предместьях г. Астрахани и поступила на боевую службу, близкую к казачьей, в станице предгорий нынешней Чечни.

Войска проходили через территории с ногайским, кумыкским, азербайджанским (в документах Петра I, – "аджёмским"), затем тато - талышским, т.е. северокаспийским иранским населением. Поэтому «Манифест о походе» был отпечатан (это было сделано впервые) в походной, «плавучей» типографии. Притом ещё и в переводах, сделанных отцом и сыном, князьями Кантемирами, на тюрко - татарский и персидский языки.

Военная угроза России с направлений обеих губерний продолжалась и возникала заново. Притом могла она в двух местах совпадать по хронологии. Так, седьмая российско - шведская война разразилась в 1741 – 1743 гг., затронув всю границу. Но отвлекли внимание и вёсти с юга, поскольку тогда же, с осени 1742 г. до февраля 1743 г., сильный полководец персидский шах Надир (Тахмасп Кули - хан) Афшар нацелился с войсками на Кизлярский уезд Астраханской губ. Губернатор, знаменитый историк, инженер и опытный администратор В.Н. Татищев (из числа учившейся, при царе Петре, молодёжи, в Германии) готовил территорию к обороне и к вероятным встречным военным действиям.

Шах планировал быстрое продвижение по кромке Северного Кавказа до подвластной Турции Кубани на западе. Но восстали горцы, а османские войска выступили против шаха с юга, вынудив его отступить из Дагестана.

Представлены в событиях были и иные яркие и достойные персоналии. Так, великий полководец А.В. Суворов, с детства и юности бывая в Санкт-Петербурге, абсолютно знал финский язык и его местный говор. При его прогулках в окрестностях местное население неизменно принимало Александра Васильевича «за своего».

Имеются данные, что, участвуя в военной компании на Балканах нач. 70-х гг. XVIII в., генерал - майор А.В. Суворов хорошо выучил турецко - тюркский

язык в арабской графике (при владении языком финским ему это наверняка было несколько проще, нежели другим). И, находясь в г. Астрахани и предместьях в 1780 – 1783 г. (в интересах разведки на том же персидском направлении и для набора рекрутов в его гренадёрский полк), генерал - поручик, вне сомнения, активно использовал свои знания и навыки в такой практической тюркологии.

Традиции походов Петра I Великого вспоминались и воспроизводились и в дальнейшем. Обратимся к рейду вдоль западного Прикаспия (был это «второй Персидский» поход в апреле 1796 г. – феврале 1797 г.) популярных екатерининских вельмож - генералов графов В.А. Зубова и И.В. Гудовича (при отказе А.В. Суворова от командования и его шуток в адрес концепции предприятия), окончившемуся южнее г. Баку. Все успехи кампании были утеряны, когда Павел I, после смерти матери - императрицы, отозвал войска.

Но вместе с отходившими россиянами, в обозах армии, по суши и по морю, в Россию устремилось огромное количество закавказских христиан: грузин, армян и ираноязычных христиан - «татов» (похоже, особо ненавистных поэтому «одноязыким» воинам - персам династии Каджаров, готовившим тогда преследование). Расселились они там, куда не дошёл к 1743 г. (см. выше) Надир - шах Афшар: от г. Астрахани и до побережья Азовского и Чёрного морей. Наступали затем XIX-ый век и последующие времена, с новыми особенностями региональных структур и их взаимосвязей.

Среди объединяющих культурных реалий упомянем два массивных памятника имп. Петру I: «Медный всадник – Кумир на бронзовом коне» в г. Санкт-Петербурге, открытый, от имени имп. Екатерины II, 7-го (18-го по нов. ст.) августа 1782 г., и «Волго - каспийский Мореход» в г. Астрахани, который открыт был к очередному юбилею губернии, 22-го мая 2007 г.

А из тенденций новейших выделим важную роль обоих регионов в Международном транспортном коридоре «Север – Юг», альтернативное значение которого в печальную «эпоху санкций» возрастает буквально на глазах. И, наконец (из новостей наиболее свежих), отметим всколыхнувшую местную общественность и учреждения культуры в г. Астрахани (с 21-го июля по 14-ое сентября 2022 г.) выставку «Императорский Петербург и окрестности. К 350-летию со дня рождения имп. Петра I» из собрания Государств. музея истории г. Санкт-Петербурга. Будут иметь место подобные, продолжающие достойные связи в течение трёх столетий, творческие контакты, вне сомнений, и в дальнейшем.

Итак, окраинные, пограничные территории (их типичное название – «марки» - "marks", от лат. "margo") всегда будут обнаруживать определённое сходство в их текущей жизнедеятельности, административных задачах и исторической роли в итоге. В нашем случае, усилия самодержца, имп. Петра I Великого, в приморских регионах на севере и юге России определили и характерные, порой тесные, связи между ними. Остались в памяти россиян военные походы. В событиях представлены яркие и крупные фигуры истории

России. Эта деятельность продолжается, углубляясь, и ныне. А традиционно - специфический (этнический, языковой, конфессиональный) фактор имел и имеет здесь немалое значение, ввиду неизбежно и традиционно сложного национально - культурного состава населения.

Думается, что подобное межрегиональное сопоставление перспективно для последующих исследований и способно будет дать затем ещё более интересные, показательные результаты.

Список литературы:

1. Астраханские губернаторы. Историко - краевед. очерки. Сост. А.П. Карасёва и др. Под ред. Л.Я. Качинской. – Астрахань: [Адм. Астраханск. обл., краевед. музей - заповедник], 1997. – 132 с.
2. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. Отв. ред - ры С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов. – М.: Издательство Славянский диалог, 1998. – 416 с.
3. Тарле, Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. – М.: Фирма "Браск" и Морской историч. сб., 1994. – 191 с.
4. Чистяков, А.Ю. Ингерманландские финны, XVII - начало XX вв.: история и этническая культура. Автореф - т дисс. ... канд. историч. н. – СПб., 1998. – 25 с.
5. Янсон, П.М. Национальные меньшинства Ленинградской области. Сб. мат. – Л.: [Ленинградск. ОИК - орготдел], 1929. – 105 с.

Гринёв Андрей Вальтерович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ТЕМА РУССКОЙ АМЕРИКИ В СТАТЬЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ

Аннотация: Статья посвящена критическому анализу современной научной периодики, посвященной истории российских колоний на Аляске, авторами которой являются отечественные ученые-географы. По сравнению с трудами историков или этнографов, их работ насчитывается совсем немного, но, тем не менее, они заслуживают определенного внимания как специфическая часть отечественной историографии Русской Америки.

Ключевые слова: ученые-географы, историография, Русская Америка.

THE THEME OF RUSSIAN AMERICA IN THE ARTICLES OF MODERN RUSSIAN GEOGRAPHERS

Summary: The article is devoted to a critical analysis of modern scientific periodicals devoted to the history of Russian colonies in Alaska, the authors of which are Russian geographers. Compared with the works of historians or ethnographers, there are very few of their works, but, nevertheless, they deserve some attention as a specific part of the national historiography of Russian America.

Keywords: geographers, historiography, Russian America.

«Русской Америкой» сейчас принято обозначать российские колонии в Новом Свете, возникшие там во второй половине XVIII в. после открытия Южной и Юго-Восточной Аляски экспедицией В.Й. Беринга – А.И. Чирикова в 1741 г. В 1867 г. эти владения были проданы США, а в 1959 г. получили статус полноценного американского штата. И хотя о прошлом российских колоний писали и пишут в основном историки и этнографы, но иногда эта тема привлекает внимание специалистов других наук, в том числе отечественных географов. Их интерес к этой теме зародился еще в советское время и был связан в первую очередь с русскими географическими открытиями. Достаточно назвать имя президента Географического общества СССР академика Льва Семёновича Берга (1876–1950), посвятившего несколько своих произведений проблеме открытия Аляски со стороны России и русским экспедициям в Северную Пацифику [5, 6, 7, 8]. Можно упомянуть также несколько крупных монографий советских географов, увидевших свет в послевоенные годы [15, 22, 24, 25]. В свою очередь историки в этот период опубликовали несколько монографий и немало статей о русских географических открытиях и картографии Тихоокеанского Севера в XVIII–XIX вв. [19, 21, 26, 30 и др.]

Однако отечественные географы не всегда удовлетворялись чисто географическими сюжетами – порой они брались за анализ исторических особенностей российской колонизации Аляски. Здесь следует вспомнить почетного полярника, доктора географических наук Григория Абрамовича Аграната (1919–2007), который в нескольких статьях попытался обосновать тезис об особо прогрессивном характере освоения русскими Америки, которое выгодно отличалось от хищнической и грабительской колонизации Нового Света со стороны других европейских держав. С точки зрения Г.А. Аграната, эта «прогрессивность» обуславливалась особо демократическим составом русских колонистов, отношение которых к коренному населению Аляски и Алеутских островов было гораздо более гуманным, нежели отношение к индейцам испанцев или англичан. Еще одним аргументом в пользу «прогрессивности» служил многопрофильный характер хозяйственного освоения Русской Америки в сравнении, например, с деятельностью британской Компании Гудзонова залива или датской Компании королевской гренландской торговли: последние были заняты якобы исключительно торговым грабежом аборигенов [1, 2, 3]. Впрочем, сходные мысли высказывал еще в 1870-х гг. один из основоположников русской геополитики генерал-майор Михаил Иванович Венюков (1832–1901) [12, с. 114–115]. Как бы то ни было, изложенные в работах Г.А. Аграната тезисы (именно тезисы, так как они не были подкреплены достаточными фактическими доказательствами) привели к полемике в постсоветской научной периодике в середине 1990-х – начале 2000-х гг. и критике со стороны специалистов по истории Русской Америки [10, 16, 17].

Начиная с 2010 г. начали появляться новые работы ученых-географов, связанные с Русской Америкой. Так, кандидат (а впоследствии – доктор) географических наук Вячеслав Геннадиевич Шведов из Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток) опубликовал на страницах «Вестника Дальневосточной социально-гуманитарной академии» статью о ретроспективе геополитических интересов России на Дальнем Востоке, в которой затронул тему Русской Америки [33, с. 117–121]. Правда, В.Г. Шведов почему-то включил в территорию формирующейся Русской Америки (вторая половина XVIII в.) те земли, которые отошли к России только после конвенций с США и Великобританией в 1824–1825 гг. [29, т. 39, с. 251–253; т. 40, с. 72–74]. При этом он писал, что эти территории давали казне ежегодно 300 тыс. руб. золотом благодаря отчислениям Российско-Американской компании (РАК), управлявшей заморскими территориями империи с 1799 по 1867 г. Кроме того, по данным В.Г. Шведова, еще 45,5 тыс. руб. давал государственный ясачный сбор пушнины с аборигенов, а охотничьи экспедиции на Аляску в XVIII–XIX вв. окупались на 200% [33, с. 118]. Непонятно откуда автор взял последнюю цифру, так как никакой ссылки на источник информации он не привел. Что касается казенных сборов в 300 тыс. руб. золотом, то РАК всегда вела свои расчеты исключительно на серебро или ассигнации и выплаты в казну обычно

были заметно ниже этой суммы, существенно колеблясь по годам: например, в 1843 г. компания заплатила 256 123 руб. 22 коп. серебром таможенных пошлин за меха и чай, а в 1861 г. – лишь 109 184 руб. 43 коп. [27, с. 5; 28, с. 3]. Сбор ясака с туземцев Русской Америки был официально отменен еще в середине 1790-х гг., да и до этого давал относительно скромные суммы [18, с. 179].

Слабое знание В.Г. Шведовым истории Тихоокеанского Севера, включая Аляску, привело его к совершенно фантастическим утверждениям о том, что еще в 80-х годах XVIII в. российские владения в этом регионе стали объектом набегов международного браконьерского сообщества: «Оно не имело государственной принадлежности, но его действия выходили за рамки грабежа природных ресурсов: браконьеры нападали на русские посты, создавали в отдельных пунктах побережья «независимые республики». Их деятельность направлялась Великобританией. Для подготовки набегов на российские владения браконьеры использовали ее портовую базу в Сингапуре, где затем сбывали добычу» [33, с. 118]. На самом деле никакого браконьерского сообщества никогда не существовало: были лишь конкурирующие между собой морские торговцы из США и Великобритании, скупавшие пушнину у независимых индейцев Юго-Восточной Аляски с конца 1780-х и до 1830-х гг.; с 1840-х гг. их сменили иностранные китобои (преимущественно американцы), которые добывали китов у берегов Западной и Северной Аляски и торговали с местными эскимосами. Но иностранцы никогда организованно не нападали на русские посты и, тем более, не образовывали «независимые республики» на российской территории. Напоследок добавлю, что аляскинскую пушнину американцы и англичане сбывали в Китае, а не в Сингапуре, который был основан как британская колония только в 1819 г. [см.: 35].

Называя уступку Аляски США в 1867 г. «катастрофой», В.Г. Шведов выдвигает две основные причины ее продажи: истощение пушных ресурсов Русской Америки и угроза ее захвата со стороны Великобритании [33, с. 121]. Вообще-то продажу Аляски нельзя считать «катастрофой» – это был достаточно продуманный шаг царского правительства [9]. Кроме того, истощения пушных богатств Аляски к моменту ее передачи США не было благодаря природоохранным мерам со стороны РАК, а угроза со стороны Британии явно преувеличена [18, с. 495–508]. В целом изложение аляскинского материала в статье В.Г. Шведова явно нуждается в серьезной коррекции, дополнении и детализации, а также в системе ссылок на источники в тексте, которые напрочь отсутствуют: автор ограничился лишь общим перечнем литературы в конце своего произведения.

В 2011 г. он в соавторстве с кандидатом географических наук Андреем Борисовичем Волынчуком опубликовал сразу две статьи, посвященные на этот раз целиком Русской Америке. Первая из них появилась на журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса», а вторая – в «Вестнике Челябинского государственного университета». Обе статьи почти идентичны и

их цель, как сказано в аннотациях, состояла в изучении геополитического освоения Россией Северной Америки в XVII–XIX вв., а также созданной ею системы территориально-политического контроля в регионе [13, 14].

Критический анализ обеих работ А.Б. Волынчука и В.Г. Шведова следует начать, наверное, с уточнения хронологических рамок: Россия никаким образом не могла осваивать Северную Америку в XVII в., так как впервые русские подошли к ее берегам только в 1732 г. в ходе экспедиции Михаила Гвоздева и Ивана Фёдорова. О ней, кстати, упоминают сами авторы, причем указывают, что русские высаживались на американском берегу [13, с. 142; 14, с. 26], чего в действительности не произошло [см. 18, с. 97–98]. Далее А.Б. Волынчук и В.Г. Шведов пишут, что первоначальное освоение Алеутских островов протекало в основном мирно и лишь в 1763–1764 гг. имели место незначительные стычки с алеутами на полуострове Аляска. И добавляют: «Эти успехи позволили объявить в 1764 г. об учреждении владения Русская Америка, или Аляска, которое на момент декларации занимало одноимённый полуостров, Алеутские острова и береговую полосу от мыса Гвоздева до полуострова Кенай. Но эти рубежи не считались предельными. На совещании при Екатерине II в 1782 г. было принято решение о дальнейших территориальных приобретениях в Северной Америке. Его надлежало исполнить представителю сибирского купечества Г.И. Шелихову. С 1784 по 1794 гг. он расширил фронтир Русской Америки на северо-востоке вверх по течению Юкона, а на юго-востоке начал продвижение к архипелагу Александра. Для закрепления достигнутых на этом направлении позиций были возведены форт Святого Ильи на острове Кадьяк и укрепленные пункты на берегу Чугатского залива и на острове Якутат» [13, с. 143; 14, с. 26–27].

Разберем по порядку этот пассаж. В реальности, проникновение русских на Алеутские острова проходило отнюдь не мирно и сопровождалось многочисленными столкновениями с местными жителями, причем в 1763–1764 гг. произошло мощное восстание алеутов на островах Лисьей гряды, в результате чего было уничтожено четыре судна русских промышленников почти со всеми экипажами (погибло 125 русских и 33 камчадала) [18, с. 125–128]. Территории, которые контролировали русские в Новом Свете к 1764 г., были гораздо меньше тех, о которых сообщают А.Б. Волынчук и В.Г. Шведов, и, конечно, никакого учреждения «владения Русская Америка» в этом году не было. Лишь в 1766 г. по именному указу Екатерины II шесть ближайших к Камчатке Алеутских островов были присоединены к владениям империи [29, т.17, с. 603–604]. Г.И. Шелихов не мог расширить «фронтир Русской Америки» по течению Юкона, так как никогда там не бывал, а к изучению долины нижнего Юкона русские приступили только с 1830-х гг. Никакого «форта Святого Ильи» на острове Кадьяк никогда не существовало и, кроме того, профессиональным географам не мешало бы знать, что острова Якутат нет в природе, а есть одноименный залив.

После краткого очерка достижений российской колонизации Америки А.Б. Волынчук и В.Г. Шведов делают излишне оптимистичный вывод: «Итак, к концу XVIII в. Россия считала своим владением территорию, простиравшуюся несколько к западу от 140° ЗД через верховья рек Дикобразовой (Поркьюпайн), Юкона, Тананы, снова Юкона. Далее эта прямая линия принимала изломанный абрис, переходя на Береговой хребет, северо-западный склон Скалистых гор и далее – от водораздела между истоками рек Лизард и Скина к побережью Тихого океана южнее оконечности архипелага Александра. Это был весомый территориально-политический успех» [13, с. 143–144; 14, с. 27]. На самом деле в этот период в России понятия не имели о тех географических объектах в глубине материка, о которых пишут наши соавторы. Претензии России были сфокусированы на морском побережье от Берингова пролива на севере до 55° с.ш. на юге, куда смог в 1741 г. подойти пакетбот капитана Чирикова – именно эти границы были зафиксированы в монопольных привилегиях РАК в 1799 г. [29, т. 25, с. 703, 923].

Однако с освоением Аляски у русских возникали проблемы, заявляют А.Б. Волынчук и В.Г. Шведов, ведь «с 1775 г. в её территориальных водах начали появляться зарубежные браконьеры, в основном англичане, испанцы, гамбургцы». Кроме того, противодействие оказывали индейцы тлинкиты, имевшие «развитое территориально-политическое самосознание и воинствующие ментальные установки» [13, с. 143–144; 14, с. 27]. Приходится уточнить, что браконьеры появились в водах Русской Америки только с 1840-х гг., если иметь в виду иностранных китобоев, а испанцы этим вообще никогда не занимались и никаких мифических «гамбургцев» в XVIII в. у берегов Аляски не наблюдалось. Наконец, тлинкиты не могли иметь политического самосознания по причине отсутствия у них государственности.

Продолжая свои смелые исторические экскурсы, А.Б. Волынчук и В.Г. Шведов ничуть не смущаясь пишут о том, что, например, что Российско-Американскую компанию создали в 1799 г. Г.И. Шелихов и главный правитель Русской Америки А.А. Баранов, а Форт-Росс в Калифорнии был заложен помощником главного правителя Иваном Кусковым в 1803 г., где в 1818 г. была учреждена военная верфь [13, с. 144, 146; 14, с. 27–28]. Но, спрашивается, каким образом умерший в 1795 г. Шелихов мог основать через четыре года РАК? Прямо из потустороннего мира? И как в процессе образования компании, формирующейся в Иркутске и утвержденной в Петергофе в июле 1799 г. императором Павлом I, мог участвовать Баранов, находившийся в то время в другом полушарии на Аляске? Вдобавок прекрасно известно, что самый южный форпост Русской Америки был основан Кусковым только в 1812 г. и тут никогда не строили военных кораблей [23].

Можно и далее продолжать анализировать в том же духе творения А.Б. Волынчука и В.Г. Шведова, но это вряд ли имеет большой смысл, поскольку мы имеем дело фактически с псевдоисторическими сочинениями. Чем же обусловлено столь вольное обращение с историей представителей

географической науки? Ответ, вероятно, достаточно банален: элементарное незнание исторических источников и литературы приводит к замещению исторических фактов собственными фантазиями авторов. Неслучайно ссылки на источники встречаются в обеих статьях в гомеопатических дозах, а список использованной литературы включает всего 10–12 работ, из которых только три имеют прямое отношение к Русской Америке.

После двух статей А.Б. Волынчука и В.Г. Шведова отечественные географы надолго взяли паузу в изучении Русской Америки и только спустя десятилетие решили ознакомить ученую публику с новыми работами на эту тему. Речь идет о статье кандидата географических наук Анатолия Ивановича Ельчанинова из Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, а также об обзорной статье, написанной коллективом из двух докторов географических наук (один из них – уже знакомый нам В.Г. Шведов) во главе с заслуженным географом РФ, академиком РАН Петром Яковлевичем Баклановым.

Начнем с работы А.И. Ельчанинова, которая, судя по ее заголовку, посвящена русским географическим названиям на карте Аляски и Алеутских островов. Тема эта уже хорошо изучена отечественными специалистами – достаточно вспомнить, к примеру, монографию Самуила Романовича Варшавского, опубликованную еще в 1982 г. [11]. Впрочем, в аннотации А.И. Ельчанинов указывает иную тему: «Статья посвящена открытию, изучению, описанию, картографированию и колонизации Аляски и Алеутских островов русскими первопроходцами» и лишь затем уже обращается к топонимическим проблемам [20, с. 23].

В самом начале статьи автор пишет, что «есть отрывочные сведения о посещении русскими людьми Америки в XVII в. Наиболее славным событием этой замечательной эпохи является плавание Федота Алексева и Семена Дежнева, совершенное в 1648 г. из устья Колымы вокруг материка Азии через открытый ими пролив, впоследствии названный Беринговым. Четыре кочи из эскадры С. Дежнева при выходе из пролива в Тихий океан во время бури пристали к побережью Аляски. Археологические находки на Аляске около Кенайского полуострова показывают, что с этой экспедицией связано основание первого русского поселения в Северной Америке» [20, с. 23]. Откуда А.И. Ельчанинов почерпнул эти сведения он скромно умалчивает, но можно предположить, что источником послужила статья американского журналиста Теодора Фарелли (1944) о находке таинственного поселения на полуострове Кенай в конце 1930-х гг. [34]. Правда, позднее российские специалисты отвергли русский след в кенайской находке [32, с. 45–96; 31, с. 27]. Остается с сожалением добавить, что профессиональный географ А.И. Ельчанинов плохо представляет себе карту Аляски: от восточных берегов Берингова пролива, куда буря могла занести пропавшие кочи Дежнёва, до полуострова Кенай, если плыть вдоль берега (как в то время ходили эти суда), не менее 3 300 км и крайне сомнительно, что «дежневцы» отправились бы в поход на такое

огромное расстояние, вместо того, чтобы возвратиться в гораздо более близкую Восточную Сибирь.

Дальнейшее знакомство со статьей А.И. Ельчанинова вновь навеивает невеселые мысли о качестве отечественной научной периодики по теме «Русская Америка». Так, автор повторяет неверное утверждение о том, что участники экспедиции М. Гвоздева – И. Фёдорова высаживались в 1732 г. на Аляске, а русские купцы, промышленники и миссионеры появились на территории Северной Америки в начале XVIII в. (это при том, что официально Аляску открыла экспедиция В.И. Беринга – А.И. Чирикова только в 1741 г.). По мнению А.И. Ельчанинова, «полноценное освоение русскими колонистами североамериканского побережья началось с 70-х годов XVIII в., когда на острове Уналашка Алеутского архипелага было основано первое русское поселение» [20, с. 24]. На самом деле первое постоянное поселение русских в Америке было основано Г.И. Шелиховым в 1784 г. на острове Кадьяк [18, с. 144–145]. Перечень фактических неточностей и ошибок можно легко продолжить; в добавок А.И. Ельчанинов воспроизводит бездоказательный тезис Г.А. Аграната об особой «прогрессивности» русской колонизации Америки.

Что касается русской топонимики Аляски, то этот раздел занимает не более четверти объема статьи А.И. Ельчанинова и помещен в ее конце, причем предварительно автор делает довольно сомнительное заявление, характерное, скорее, для послевоенного сталинского СССР: «Американские реакционные историки, географы и писатели пытаются замолчать или исказить историю русских открытий на Аляске и Алеутских островах. Но безуспешны их попытки» [20, с. 31]. О каких историках, географах и писателях идет речь, А.И. Ельчанинов не уточняет – этот вопрос читатель должен решать для себя сам; относительно же искажения истории Русской Америки – тут автор анализируемой статьи может дать фору любым иностранным коллегам. Даже в сугубо справочных топонимических материалах он умудрился допустить несколько неточностей и ошибок. Так, он пишет об острове Баранова: «В 1840 г. русским географом-гидрографом Федором Петровичем Литке (1797–1882) на острове открыта первая на Тихом океане морская обсерватория» [20, с. 33]. Спрашивается, каким образом Ф.П. Литке мог открыть ее на Аляске в 1840 г., когда последний раз побывал здесь в 1827 г. в ходе кругосветной экспедиции?

В целом статья А.Е. Ельчанинова может служить ярким образчиком того, как нельзя писать научные работы на исторические темы. Причина неудовлетворительного качества проанализированной статьи все та же, что и у его предшественников – слишком узкий круг источников и литературы, слабое знание исторических фактов и политическая предвзятость. В этом плане статья академика П.Я. Бакланова с соавторами производит более благоприятное впечатление, правда, тема Русской Америки присутствует в ней лишь в качестве одного из сюжетов, связанных с пространственным развитием России и США на Тихоокеанском Севере. А поскольку авторы – не историки, они начинают свою статью с довольно странной для любого профессионала фразы:

«Пространственное развитие России и США, основным вектором которого с XVII в. стал выход к Тихому океану, привело в конечном итоге к становлению двух великих держав и формированию одного из основных узлов геополитической напряженности, начиная со второй половины XX в.» [4, с. 3]. Проблема в том, что в XVII в. США еще просто не существовали: как самостоятельная держава они оформились лишь в конце XVIII в.

Поскольку одним из соавторов статьи выступил В.Г. Шведов, он вновь воспроизвел в ней те нелепости, о которых писал за десятилетие до этого: о высадке русских на берег Аляски в 1732 г. в ходе экспедиции М. Гвоздева – И. Фёдорова, об учреждении «Владения Аляска» в 1764 г. и т.д. [4, с. 3, 11]. И далее в тексте статьи периодически встречаются мелкие неточности, например, о плавании И.А. Кускова в Калифорнию в 1803 г. (реально – в 1808), о проживании на Аляске к моменту ее продажи 2,5 русских (на самом деле чуть больше 800 человек) и т.д. Но в целом статья не содержит критической массы ошибочной информации как предыдущие работы географов, хотя, с другой стороны, и не сообщает ничего принципиально нового о Русской Америке.

Подводя итоги, можно с сожалением констатировать крайне низкий научный уровень почти всех работ современных российских географов по проблемам Русской Америки. К счастью таких работ совсем немного.

Список литературы:

1. Агранат, Г.А. Об освоении русскими Аляски // *Летопись Севера*. – Т. V. – М.: Мысль, 1971. – С.180–193.
2. Агранат, Г.А. Судьбы Русской Америки // *США: экономика, политика, идеология*. – 1997. – № 11. – С. 52–63.
3. Агранат, Г.А. Русская Америка: К 200-летию Российско-Американской компании // *Известия АН. – Сер. геогр.* – 1999. – № 2. – С. 62–68.
4. Бакланов, П.Я., Шведов, В.Г., Романов, М.Т. Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы // *Известия Русского Географического общества*. – 2021. – Т. 153. – № 3. – С.3–16.
5. Берг, Л.С. Из истории открытия Алеутских островов // *Землеведение*. – 1924. – Т. 26. – № 1–2. – С.114–132.
6. Берг, Л.С. Открытия русских в Тихом океане // *Тихий океан: русские научные исследования*. – Л.: Изд-во Академии наук, 1926. – С.1-24.
7. Берг, Л.С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742. – Л.: тип. Главсевморпути, 1935. – 409 с.
8. Берг, Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. – 360 с.
9. Болховитинов, Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. – М.: Наука, 1990. – 358 с.
10. Болховитинов, Н.Н. Еще раз о продаже Аляски // *США: экономика, политика, идеология*. – 1998. – № 10. – С.94–102.

11. Варшавский, С.Р. Увековеченная слава России: Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1982. – 206 с.
12. Венюков, М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей М. Венюкова. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1877. – 297 с.
13. Волынчук, А.Б., Шведов В.Г. Геополитические аспекты освоения русскими людьми Северной Америки // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2011. – № 1 (10). – С. 140–151.
14. Волынчук, А.Б., Шведов, В.Г. Русская Америка – опыт геополитического освоения // Вестник Челябинского государственного университета. – Политические науки. Востоковедение. – 2011. – Вып. 10. – № 14 (229). – С. 25–31.
15. Греков, В.И. Очерки из истории русских географических открытий в 1725 – 1765 гг. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 425 с.
16. Гринёв, А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // Вопросы истории. – 1994. – № 11. – С. 163–167.
17. Гринёв, А.В. О российской колонизации Аляски // Известия Академии наук. – Сер. географ. – 2002. – № 4. – С.112–121.
18. Гринёв, А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (русская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). – М.: Academia, 2016. – 590 с.
19. Дивин, В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. – М.: Мысль, 1971. – 374 с.
20. Ельчанинов, А.И. Русские географические названия на карте Аляски и Алеутских островов как объект культурного нематериального наследия // Журнал института наследия. – 2021. – № 2 (25). – С.23–36.
21. Ефимов, А.В. Из истории великих русских географических открытий. – М.: Наука, 1971. – 300 с.
22. Зубов, Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1954. – 451 с.
23. Истомина, А.А. Калифорнийские экспедиции И.А. Кускова (1808–1812) // Американский ежегодник 1998. – М.: Наука, 1999. – С.131–147.
24. Лебедев, Д.М. Очерки по истории и географии России XVIII в. (1725 – 1800). – Издательство АН СССР, 1957. – 272 с.
25. Лебедев, Д.М., Есаков, В.А. Русские географические открытия и исследования (с древнейших времен до 1917 года). – М.: Мысль, 1971. – 516 с.
26. Медушевская, О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-ой половине XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. – 1954. – Т. 7. – С. 95–127.

27. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1844 года. СПб.: В тип. Фишера, 1844. 36 с.
28. Отчет Российско-Американской компании за 1861 год. СПб.: В тип. Голике, 1862. 48 с., с прил. 21 с.
29. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отд. собственной его имп. вел-ва Канцелярии, 1830. Тт.1–45.
30. Постников, А.В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. – СПб., 2000.
31. Савельев, И.В. Ранние русские поселения на Аляске: Миф и реальность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 24–30.
32. Фёдорова, С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М.: Наука, 1971. – 271 с.
33. Шведов, В.Г. Ретроспектива геополитических интересов России на Дальнем Востоке // Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1/1(4). – С.114–134.
34. Farrelly, Th.S. A Lost Colony of Novgorod in Alaska // Slavonic and East European Review American Series. – 1944. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 33–38.
35. Gibson, J.R. Otter Skins, Boston Ships and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841. – Seattle: University of Washington Press, 1992. – 422 p.

Гуркина Нина Константиновна

доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Северо-Западный институт управления (филиал)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР В.П.ПОТЕМКИН ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Аннотация: В.П. Потемкин – педагог, ученый, дипломат, государственный деятель, один из создателей советской школы. В статье рассматриваются взгляды и представления Потемкина по проблемам исторического образования как ключевого звена в патриотическом воспитании молодежи накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: историческое знание, патриотическое воспитание, гуманитарное образование, борьба с фальсификацией, источники и значение Победы в Великой Отечественной войне.

PEOPLE'S COMMISSAR OF EDUCATION OF THE RSFSR V.P. POTEMKIN ON HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA

Summary: V.P. Potemkin is a teacher, scientist, diplomat, statesman, one of the founders of the Soviet school. The article examines Potemkin's views and ideas on the problems of historical education as a key link in the patriotic education of young people on the eve and during the Great Patriotic War.

Keywords: historical knowledge, patriotic education, humanitarian education, fight against falsification, sources and significance of Victory in the Great Patriotic War.

В переломные моменты в истории страны особенно возрастает интерес к историческому знанию, являющемуся важнейшей основой сохранения цивилизационной преемственности, неотъемлемым фактором патриотического воспитания и формирования культурно-национальной идентичности подрастающего поколения. В июле 2021 года был подписан Указ Президента РФ №442 «О межведомственной комиссии по историческому просвещению». В марте 2022г. был создан Экспертный Совет по историческому образованию при Министерстве образования и науке. Создана Комиссия Российского исторического общества по вопросам высшего исторического образования. Проблемы исторического просвещения и образования за последние месяцы неоднократно обсуждались на различных форумах, совещаниях, культурно-просветительских мероприятиях различного уровня с участием ведущих ученых и экспертов, преподавательского сообщества, в том числе – с участием Президента РФ В.В. Путина, других государственных деятелей.

Для решения накопившихся и остроактуальных проблем в сфере исторического просвещения полезным может быть опыт «исторического поворота», осуществленного в стране в 30-40-е годы прошлого века. В работах историков, публицистов, педагогов раскрывались многие важные аспекты темы: место и роль исторического знания и образования в новой государственной концепции идеологической и культурной работы, направления и механизмы теоретической и практической деятельности по осуществлению «культурно-исторического поворота», вклад школы в формирование исторического сознания молодого поколения¹ и т.п.

Наряду с руководителями партии и государства (И.В. Сталин, А.А. Жданов, С.М. Киров – авторы «Замечаний» к учебникам «История России» и «Новая история»), ставшими инициаторами «нового» отношения к истории страны, сформулировавшими важнейшие теоретические постулаты и методические установки по изучению истории в школе и вузе, активными проводниками государственной политики в сфере исторического образования, играющими также важную роль в разработке многих теоретических и практических положений по исполнению государственных решений, становились педагоги, чиновники-управленцы. В историю страны вошло определение – «сталинские наркомы». Одним из таких наркомов, чьи заслуги в развитии исторического и в целом гуманитарного образования в школе и вузе несомненны, был В.П. Потемкин.

В.П. Потемкин занимал должность народного комиссара просвещения РСФСР с марта 1940г. по февраль 1946г. Это был первый в истории страны руководитель народного образования с многолетним и разнообразным опытом научно-педагогической и управленческой деятельности. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель истории, законоведения, французского языка во многих учебных заведениях дореволюционной России, участник общественно-педагогического движения, редактор периодических изданий и сборников. В 1917-1919г., в 1921г. В.П. Потемкин работал в различных структурах Наркомпроса, участвовал в разработке Положения о единой трудовой школе, подготовке и работе (в том числе в качестве председателя) послереволюционных съездов деятелей народного образования.

Со студенческих лет будущий нарком принимал участие в революционном движении, в 1919г. вступил в ВКП(б). В 1919-1921гг. В.П. Потемкин – в Красной Армии в должности начальника политотдела Южного и Западного фронтов. С 1922г. находился на дипломатической службе (с 1929г.

¹Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны //Преподавание истории в школе. 2010, №3 ; Гуркина Н.К., Исаев А.П. Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование.2016, №5; Жукова Ольга. Учителя и ученики Победы // Литературная газета. 2014.7-13 мая; Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008; Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. М., 1984 и др.

по 1937г. – полпред СССР в Греции, Италии и Франции), закончив ее в должности заместителя народного комиссара иностранных дел. С 1937г. В.П. Потемкин - депутат Верховного Совета СССР, с 1939г. – член ЦК ВКП (б).

По представлению профессоров П.Г. Виноградова и В.И. Герье В.П. Потемкин был рекомендован для работы на кафедре всеобщей истории. Были подготовлены и опубликованы работы по римской истории, гебраистике, истории Франции и Англии, статьи о русских и зарубежных писателях. К научной деятельности В.П. Потемкин вернулся в период работы в Наркомате иностранных дел: под его руководством и активном личном участии группой известных ученых, в которую входили Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.Л. Нарочницкий, С.Д. Сказкин и др., была подготовлена «История дипломатии» в 3-х томах, удостоенная Сталинской премии. Уже в должности наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкин был утвержден в ученой степени доктора исторических наук. В 1943 г. нарком стал академиком АН СССР.

Народным комиссаром просвещения РСФСР В.П. Потемкин стал в 1940г., когда советская школа вступила в завершающий этап формирования своей модели, признанной «лучшей в мире» по организации и содержательности обучения. Совершенствование управления народным образованием, окончательное утверждение регламентированной системы занятий и жестких требований к оценке знаний, к дисциплине, бытовой культуре – заслуга наркома. В эти годы сложилась школа высоких образовательных стандартов, фундаментальных и качественных знаний для всех, школа постоянного развития и совершенствования, в которой главное место занимал учитель. Русские национально-культурные ценности и традиции в эти годы прочно вошли в практику обучения и воспитания, составили концептуальную основу содержания образования на многие годы.

В 1947г. по решению Народного комиссариата просвещения РСФСР и Академии педагогических наук, инициатором создания и первым президентом которой был В.П. Потемкин, был составлен библиографический указатель трудов наркома по народному образованию: дореволюционные работы, статьи и речи 1918-1922г., основные речи и статьи 1940-1946гг. Опубликованные полностью речи и статьи (32) относятся к периоду его работы в должности наркома и являются публикациями в периодике или выступлениями – на сессиях Верховного Совета СССР и РСФСР, Академии педагогических наук, на научно-педагогических конференциях и совещаниях руководителей народного образования, вузов и школ, политпросветработников.

Работы В.П. Потемкина являются значимым источником по истории государственной политики в сфере образования, по истории школы в годы Великой Отечественной войны, дают возможность оценить его роль в формировании советской школы, изучить педагогические взгляды наркома, его место в становлении гуманитарного, и, прежде всего, исторического образования и просвещения. Предшествующий опыт дипломатической работы,

статус государственного и партийного деятеля, сфера профессиональной деятельности – просвещение не только давали В.П. Потемкину возможность в силу широкого кругозора и несомненной компетентности выходить за рамки проблем народного образования и комментировать историческое прошлое, события в мире и стране, но и обязывали давать соответствующие разъяснения и оценки, формируя таким образом концептуальные и методологические основы преподавательской и лекционной работы педагогического сообщества. Многие высказанные им положения по различным аспектам исторического образования до сего дня не потеряли актуальности.

Историческое образование нарком рассматривал как важнейший элемент гуманитарного образования, включающего «широкое познание русской истории, литературы, искусства». «Родной язык – основа образования, самое могущественное средство воспитания и обучения», «подлинное сокровище нашей национальной культуры», база для получения фундаментальных знаний по всем предметам. «У некоторых преподавателей литературы я заметил известное увлечение абстрактным анализом идеологического содержания художественных произведений, - отмечал нарком на собрании педагогов Ленинграда, - в результате в ответах юношей и девушек 16 и 17 лет... Толстой изображался как мыслитель, запутавшийся в собственных ошибках... народ он идеализировал, истинных факторов войны он не понимал, о Наполеоне судил неправильно... возникла потребность спросить этих снисходительных мальчиков и девочек: «А почему Ленин считал того же Толстого гениальным художником? И в чем эта гениальность выражается? ...приходилось констатировать, что текста произведений они часто не знают и сами произведения усваивают лишь со слов преподавателя... Основой преподавания литературы должен служить подлинный текст произведения», без «живого языка и художественных образов» Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев «становятся безликими». «Школа призвана привить неугасимую любовь к родной стране, к русскому языку, русской литературе»², - подчеркивал В.П. Потемкин на Всероссийском совещании по народному образованию 1943г.

Историческое образование являлось, по мнению наркома, одним из самых «могучих средств» «воспитания учащихся в духе патриотизма». «Знакомство с прошлым своей страны», «знание подвигов народных героев, этапов освободительной борьбы русского народа с иностранными захватчиками, гениальных творений русской науки, литературы и искусства» - все это «выпрямляло стан русского человека, заставляло его выше держать голову» и сохранять уверенность в победе своей страны. Инстинктивного и эмоционального патриотизма было мало, задачей исторического образования было воспитание у молодежи «сознательного и убежденного патриотизма: «Нужно знать, за что я люблю Родину, что мне в ней дорого, что я защищаю, ради чего я отдам, если понадобится, свою жизнь». По убеждению наркома, наряду с историей, все предметы давали для такого воспитания огромный

² Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л., 1947. С. 42, 43, 178.

материал: «Российская литература, сияющая именами великих писателей, которых чтит все культурное человечество; география, которая раскрывает учащимся неисчерпаемые богатства, великую мощь, ни с чем не сравнимые красоты нашей страны; физика, которая знакомит ученика с заслугами таких ученых, как Ломоносов, Попов, Столетов и др.; химия, обогащенная гениальными открытиями Менделеева и его школы; физиология, неразрывно связанная с именами Сеченова и Павлова; биология, в области которой прославились Тимирязев и Мичурин – все это учебный материал, усвоение которого воспитывает в молодежи любовь к нашей стране и гордость от сознания ее сыном»³.

Одной из важнейших задач в области исторического образования было окончательное преодоление так называемой «школы» Покровского. «Еще недавно наши учащиеся выходили из школы с самыми поверхностными и порою уродливыми представлениями о прошлом нашей страны, - обращался к учителям Москвы в 1943г. нарком, - ...Пожарский изображался как «перелет», способный пресмыкаться перед врагами родины, ради своих помещичьих интересов примкнувший к черносотенному «торговому капиталу», чтобы соединенными усилиями подавить движение «меньших»... реформы Петра характеризовались как «катастрофические...победителем Наполеона был фактор метеорологический – русский мороз, а не русский народ, не русская армия и ее полководцы с Кутузовым во главе...» и т.д. «Неуважение к нашему историческому прошлому, пренебрежительная оценка важнейших этапов нашей борьбы за интересы русского народа; трактование свысока основ нашей национальной внешней политики и заслуг русской дипломатии» - все это отравляло сознание подрастающего поколения, и задача ученых-историков, педагогов всех уровней системы образования – покончить с этими «разлагающими антипатриотическими тенденциями»⁴.

«Никому и никогда не уступим мы права нашего превосходства во всемирно-историческом подвиге – сокрушении врагов человечества – немецкого фашизма», - в том же выступлении произнес В.П. Потемкин, давая оценку закончившейся Сталинградской битве. Во всех его статьях и выступлениях периода Великой Отечественной войны звучала военная тема, ей посвящались отдельные статьи и речи. Таким образом определялись мировоззренческие ориентиры, методические установки для преподавателей истории в высшей и средней школе. Принципиальные положения, определяющие характер войны, источники и значение победы в ней, были определены в статье в «Учительской газете» от 7 октября 1941 г. «Завоевания Октября бессмертны». Советское государство возникло в «момент величайшего международного кризиса: «Миллионы солдат гибли...не зная, за что. На смерть их обрекал капитализм, зашедший в тупик и в чудовищной бойне искавший выход». После Октябрьской революции Россия поднялась на уровень одной из

³ Там же. С.143, 168, 170, 236-241.

⁴ Там же. С.168-170; 238.

крупнейших индустриальных держав... Великий многонациональный народ приобщен ныне к знанию и культуре». В борьбе против фашистов за свое существование и независимость страна отстаивает завоевания Октября, свободу своих народов, советский строй, достижения социалистического строительства. Отечественная война – это и «великая освободительная война международного значения... решается судьба демократии, отстаивается право народов на свободу и мирный труд, обороняются интересы цивилизации, защищаются идеалы и стремления всего передового человечества»⁵.

15 ноября 1941г. была принята Директива Наркомпроса для школ, музеев и других культурно-просветительских учреждений «О сборе материалов Великой Отечественной войны». В июне 1942г. были разосланы письма наркомпросам автономных республик, краевым и областным отделам народного образования «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных местах Великой Отечественной войны. С 1942 по 1944 год было создано более 20 музеев, посвященных событиям и героям войны⁶. Педагоги, библиотекари, музейные работники под руководством своего наркома начали огромную работу по изучению великого подвига страны и народа. События военного времени, победы Красной Армии, подвиги героев изучались на уроках истории, обсуждались на внеклассных мероприятиях, на методических совещаниях учителей истории.

На апрельской сессии Верховного Совета СССР 1945г. В.П. Потемкин выступил против преуменьшения исторического значения победы Красной Армии, против попыток объяснить их такими факторами как огромные пространства Советского Союза, суровый климат, неисчерпаемые людские ресурсы: «Победа наши над немецким фашизмом являются следствием превосходства нашего социалистического хозяйства, мощи советского оружия, доблести наших войск, пламенного советского патриотизма, который поднял народы великого Союза на защиту Родины». Победа подняла страну на недостижимую высоту, стала ее всемирно-исторической миссией. Разгром гитлеровской Германии стал крушением немецкого империализма, несущего народам рабство, разрушение и гибель. Победа – это не «чудо», а «плод могучего роста русского народа, прошедшего тысячелетний путь своих побед и славы»⁷.

24 мая 1945г. на торжественном приеме в Кремле прозвучал знаменитый тост И.В. Сталина «За здоровье русского народа». Накануне, 23 мая в «Известиях» была опубликована большая статья В.П. Потемкина «Народ-герой, народ-победитель», в которой наиболее полно были раскрыты основные факторы и исторической значение Победы над фашизмом, которую по-настоящему можно будет оценить только через годы и десятилетия. В статье освещался исторический путь России от Киева- «матери городов русских»,

⁵ Там же. С. 111-116.

⁶ Гуркина Н.К., Исаев А.П. Охрана культурного наследия в России: история и современность. СПб., 2011. С.44.

⁷ Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л. 1947. С. 229-230.

когда заложены были основы «самобытной русской государственности, общественности и культуры до начала XX века. Назывались имена героев, созидателей, ученых, писателей, художников, композиторов. Раскрывалась идея закономерности победы именно Советского государства, которое стало «гигантским генератором энергии» двухсотмиллионного народа. «Государственные задачи – политические, экономические и культурные стали стержнем народной жизни... Советский народ принес великие жертвы во имя свободы и независимости своей родины...он вынес такие испытания, которые были не под силу любому государству капиталистического типа»⁸.

Выступая в августе 1945г. на Всероссийском совещании по народному образованию, в котором традиционно участвовали не только учителя, но и руководящие работники партийных и советских органов, широкая общественность, нарком Потемкин констатировал: «Никто не посмеет утверждать, что наша школа не выполнила своей основной воспитательной задачи. Советская школа победила фашистскую школу, советский учитель победил немецкого учителя-фашиста»⁹.

Список литературы:

1. Гордина, Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010, №3. – URL.: <https://pish.ru/blog/archives/648> (дата обращения: 27.02.2023).
2. Гуркина, Н.К., Исаев, А.П. Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. – 2016. – №5. – С. 181 – 191.
3. Гуркина, Н.К., Исаев, А.П. Охрана культурного наследия в России: история и современность. – СПб., 2011.
4. Жукова, О. Учителя и ученики Победы // Литературная газета. – 2014. – 7-13 мая.
5. Историю – в школу: создание первых советских учебников. – М., 2008.
6. Потемкин, В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. – М.-Л., 1947.
7. Черник, С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. – М., 1984.

⁸ Там же. С.236-241.

⁹ Там же. С. 264.

Гуркина Нина Константиновна

доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Северо-Западный институт управления (филиал)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (О КНИГАХ А.В. ПЫЖИКОВА)

Аннотация: В работе рассматриваются труды историка А.В. Пыжикова, посвященные истории последних десятилетий Российской империи. Основное внимание уделяется книгам, в которых аргументируется новаторский подход автора в исследовании социально-экономических причин и движущих сил русских революций. А.В. Пыжиков выделяет два уровня проблемы предреволюционного противостояния: раскол между властью и народом, и раскол внутри правящей верхушки. В работе «Взлет над пропастью. 1890-1917» историк характеризует процесс подготовки к запуску новой экономической модели в развитии догоняющей модернизации и ее субъект – новую управленческую элиту с принципиально иным отношением к государству. Автор высказывает убеждение в несомненной актуальности проблемы.

Ключевые слова: выдающийся историк, дореволюционная Россия, революция, модернизация, новая элита.

PROBLEMS OF THE HISTORY OF RUSSIA OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES IN MODERN HISTORIOGRAPHY (ABOUT THE BOOKS OF A.V. PYZHNIKOV)

Summary: The paper examines the works of historian A.V. Pyzhikov devoted to the history of the last decades of the Russian Empire. The main attention is paid to the books, which argue for the author's innovative approach in the study of the socio-economic causes and driving forces of the Russian revolutions. A.V. Pyzhikov identifies two levels of the problem of pre-revolutionary confrontation: the split between the government and the people, and the split within the ruling elite. In the work "Rise over the abyss. 1890-1917" the author characterizes the process of preparation for the launch of a new economic model in the development of catching-up modernization and its subject – a new administrative elite with a fundamentally different attitude to the state. The author expresses his belief in the undoubted relevance of the problem.

Keywords: outstanding historian, pre-revolutionary Russia, revolution, modernization, new elite.

На историческом отрезке последних десятилетий Российской империи сконцентрировались как «нерешенные вековые проблемы», так и попытки реформирования страны, все более обостряющаяся идейная и политическая

борьба, пробуждение народных масс. Дискуссии, сопровождавшие столетия Февральской и Октябрьской революций, внесли значительный вклад в развитие современной историографии социальной истории рубежа веков и Великой революции, уделив огромное внимание исследованию ее причин и результатов. Тем не менее, споры историков, публицистов, политиков продолжаются. А перед страной – новые вызовы и нерешенные проблемы российского общества, в некоторых аспектах созвучные вопросам столетней давности.

В 2019 г. ушел из жизни выдающийся историк, доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета Александр Владимирович Пыжиков. Он умер в возрасте 53 лет «на боевом посту», работая в архиве. Его последние работы были посвящены проблемам предреволюционной истории России. Среди них книги – «Грани русского раскола: заметки о нашей истории» 2013 г., «Питер и Москва. Схватка за Россию» 2014 г., «Корни сталинского большевизма» 2017 г., «Взлет над пропастью. 1890- 1917 годы». В 2021 г. на основе цикла авторских передач «Хроники революции» (14 выпусков) была опубликована книга «Тайна двух революций».

Исследования А.В. Пыжикова отличаются основательностью и новаторским взглядом, которые достигаются глубоким знанием историографии, опорой на совокупность самых разнообразных источников, прежде всего, архивных материалов, в том числе впервые введенных в научный оборот. Каждый новый аспект обосновывается аргументированной критикой предшественников с опорой на документ. Исторические события, личности часто рассматриваются в длительном историческом контексте. Вызвавшие много откликов работы «Грани русского раскола» и «Корни сталинского большевизма» (на их основе ведущий журналист НТВ, автор телевизионных исторических циклов В. Чернышев снял в 2022 г. 4-х серийный фильм «Русский раскол») посвящены исследованию последствий церковного раскола в виде мировоззренческого смыслового противостояния, наполнившего собой два с половиной века русской истории. Изучение «внецерковного православия» русского народа, конфессионального «лица» дореволюционного пролетариата позволило утверждать, что «произошла трансформация духовно-нравственной составляющей в четко фиксированные этические и социальные практики солидарного устройства экономики» [4, с. 375]. В ментальности русского народа, сформировавшейся в том числе благодаря широкому распространению старообрядчества (официальные цифры, по мнению историка, не соответствовали реальности), автор видит истоки народной поддержки социально-экономического переворота, осуществленного большевиками.

Революцию 1917 года А.В. Пыжиков рассматривает как следствие предшествующего развития страны, приведшего к двум уровням раскола: между правящей прослойкой и широкими массами, и внутри правящей верхушки. Непонимание народа и нежелание понимать его чаяния отличало большинство представителей власти. Все споры по поводу столыпинской

реформы в среде современных историков - «это пустые разговоры, потому что жизнь дала ответ, удачны столыпинские реформы или нет. Летом 1917 года, когда государство уже было деморализовано и не могло ничему препятствовать, народ поступил так, как он считал нужным. Вся столыпинская реформа за летние месяцы была сметена. Все вернулось на круги своя, к состоянию до 1906г.» [2, с.8].

Значительное внимание в работах историка уделяется противостоянию внутри правящей верхушки («раскол элит»). С одной стороны, это не желавшие сдавать свои позиции представители старого мира – олигархи, купцы, паразитическая аристократия. С другой, это новая управленческая элита с принципиально иным отношением к государству, понимающая задачи прогрессивной модернизации, стоящие перед страной. В работе «Взлет над пропастью. 1890-1917 годы», автор уделяет определенное внимание С.Ю. Витте (глава «Что скрывает феномен С.Ю. Витте»), отмечая его вклад в развитие страны (при этом отмечая, что огромная историография во многом вызвана огромной «самопрезентацией»), но утверждает, что гораздо большие заслуги имели другие люди.

Выдающимся государственным деятелем историк считает Дмитрия Мартыновича Сольского, выпускника Александровского лицея, государственного контролера в 80-е годы, возглавлявшего департамент законов и государственную канцелярию Государственного совета. «Редкий охранитель государственного достояния без угодливости лицам, как бы высоко они не стояли», образованный, компетентный, высококультурный, будучи на посту главы департамента железнодорожного строительства и тарифной политики при МВД, обеспечивал Витте соответствующую аппаратную поддержку. В историю государственного управления вошли «комиссии Сольского» [3, с. 20-35]. Государственную канцелярию Государственного Совета он превратил в «мозговой центр», «кузницу реформаторских кадров». Среди его выдвинутых и воспитанников был, в частности, С.В. Рухлов, будущий член Государственного Совета и министр путей сообщения с 1909 до 1915г. Прибыль государственных железных дорог выросла при нем в 3,4 раза [1, с. 35]. Новая элита разрабатывала и начинала претворять в жизнь реформы в важнейших сферах жизни.

На основе изучения огромного количества неисследованных источников А.В. Пыжиков отвергает утвердившуюся в историографии точку зрения о жестком противостоянии прогрессивной общественности и реакционных верхов. Субъект модернизации – новая управленческая элита отвергала «западные имитации в либеральном духе, практиковавшиеся во времена Александра I». Идейной основой для нее стал консерватизм (не отвергающий развитие и перемены) и наработки немецкой исторической школы, где важное место занимали социальные аспекты модернизации. Внедрять западные ценности, игнорируя культурно-ментальные особенности народа, было чрезвычайно опасно, необходим эволюционный и постепенный путь изменений

политико-экономического устройства – «если предоставить человеку комплекс юридических свобод при отсутствии материальных возможностей ими пользоваться, все сведется к одной незавидной свободе – умереть с голоду» [3, с.543]. А.В. Пыжиков считает, что у новой российской бюрократии (как и у китайской через 100 лет) было осознание, что догоняющая модернизация в патриархальных экономиках, при отсутствии необходимых институтов и традиций не может начинаться «с провозглашения свободного рынка» и внедрения полноценной либеральной модели.

К началу XX века уже накопился негативный опыт проводившейся модернизации. За строительство железнодорожных дорог, осуществляемое «всемогущей рукой рынка», пришлось расплачиваться государству в 80-90 е годы (списанные казной долги достигли почти 1,5 млрд. рублей). Спекуляции банков чуть не опрокинули всю финансовую систему России. Казнокрадство выросло многократно и т.п. Новой элитой модернизация рассматривалась иначе – «на первый план выдвигалась организующая роль государства – в экономике, в привлечении инвестиций, в социальной сфере, в создании гражданского общества, в повышении качества самой бюрократии. Форматы бизнеса определяло теперь правительство; командные высоты в экономике решено было не отдавать на откуп процветающим (в отличие от российского государства) олигархическим группировкам» [3, с. 545].

Противостояли курсу на форсированный переход из полупатриархальной, сельской страны в новую индустриальную эпоху как дворянско-земельная аристократия, так и богатое купечество, прежде всего московское, лидером которого был А.И. Гучков. В отличие от петербургских технократов, именитое купечество, возросшие запросы которого не соответствовали его деловому потенциалу, начало активную политическую деятельность, став в результате одной из сил, свергнувших монархию в феврале 1917 года.

Значительную роль в преобразованиях новая элита отводила банкам и широкой банковской экспансии в экономике. Проводить влияние правительства и государства должен был менеджмент банков, непосредственно «рекрутируемый из представителей министерств, своего рода – «правительственные агенты». Знакомство с новыми источниками убедило историка в том, что в отличие от существующего в литературе мнения о постепенном уходе государства из экономической жизни, влияние правительства на петербургские банки усиливалось. Можно говорить о настоящей «банковской революции», которая, несмотря на многие работы по этой проблематике, должным образом не осмыслена. Внедрению высоких стандартов предпринимательства способствовало бы активное привлечение иностранного капитала с его технико-экономическими знаниями. Иностраный капитал, по мнению историка, «привлекался для исправления наследственных купеческих изъянов, для придания импульса конкуренции, что должно было привести к рождению нового предпринимательского слоя» [3, с. 547]. В советской историографии об этом явлении говорили как о подчинении России

западному капиталу в «утонченной форме» - через банки. Покровительство иностранному капиталу подпитывало также оппозиционность «купеческих олигархов». По мнению А.В. Пыжикова, не ставя под сомнение частную инициативу и всячески ее поддерживая, правительство пыталось держать под государственным контролем различные экономические структуры и «вписывать» их в свои планы.

Общий кризис в стране привел к слому модели управления, которая складывалась в недрах петербургской бюрократии. Одним из последних проявлений государственной экономической политики стал внесенный 16 сентября 1916 г. в Государственную Думу проект казенной нефтедобычи, представленный Министерством торговли и промышленности. Государственные предприятия признавались желательными и необходимыми, так как избавляли «от тягостной иногда зависимости от рынка, находящегося под непосредственным влиянием частных интересов, не всегда согласованных с общегосударственными потребностями» [3, с. 499]. Через два месяца правительство все же допустило сдачу нефтеносных площадей без торгов, но товарищество Нобелей – главный противник «устройства казенных промыслов», ничего не получило. Но уже после февраля 1917г. министр торговли и промышленности А.И. Коновалов удовлетворил ходатайство о сдаче без торгов всех нефтеносных земель нефтяным королям.

Победа Нобелей, поддержанных московским купечеством, и Февральская революция в целом, «знаменовали собой реанимацию типично олигархической модели развития» [3, с. 549]. По мнению историка, подготовленные и уже начавшиеся осуществляться планы экономической модернизации страны осуществились «уже в советских одеждах, в советскую эпоху» в форме сталинской довоенной индустриализации [2, с. 8].

Споры об основных проблемах экономического развития страны в предреволюционный период, в том числе о роли государства, правительства, иностранного капитала, отечественной олигархии, в современной историографии продолжают [5, с. 343-366]. Работы, составляющие творческое наследие историка А.В. Пыжикова вносят значительный вклад в изучение многих важнейших вопросов политической и социально-экономической истории России начала XX века, намечают контуры и перспективы будущих исследований. «Политической состоятельности невозможно добиться, если замыкаться на охранительстве или угождать «стерильному либерализму», «отсутствие пиетета перед западными стандартами не означает погружения в средневековое мракобесие» - пишет в заключении историк, считая этот вывод важнейшим историческим уроком. - «На повестке дня – необходимая историческая легитимация государственного курса. Курса, возвращающего современную Россию в ее собственный цивилизационный контекст [3, с. 550].

Список литературы:

1. Гуркина, Н.К., Павлов, В.Е. Из вологодских крестьян – в царские министры // История Петербурга. – 2011. – №5 (63). – С.34 – 36.
2. Мистерия 1917 года. Политическое завещание историка Пыжикова // Завтра. – 2021, сентябрь. – № 34.
3. Пыжиков, А.В. Взлет над пропастью. 1890-1917. – М., 2018.
4. Пыжиков, А.В. Корни сталинского большевизма. – М., 2017.
5. Спицын, Е.Ю. Российская империя XVIII – начала XXв.: полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. – Кн.II. – М., 2016.

Гусев Владимир Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент

Международный юридический институт

«ЕВРЕЙ И ФРАНЦИЯ» – АНТИСЕМИТСКАЯ ВЫСТАВКА В ПАРИЖЕ 1941-1942 ГГ.

Аннотация: Активная антисемитская пропаганда во Франции началась сразу после подписания мирного договора с нацистской Германией. В пропагандистских материалах режима Виши, еврей указывался как источник всех бед Франции. В 1941 г. под эгидой Германии, во Франции был создан Институт изучения еврейских вопросов. Одной из инициатив института явилась антисемитская выставка «Еврей и Франция», расположившаяся в парижском дворце Берлиц. В ходе выставки посетителю сообщалось, что начиная с 1936 года Францию оккупировали евреи, занявшие важные посты, влиявшие на политику, экономику, юриспруденцию и культуру страны.

Ключевые слова: оккупация, холокост, геноцид, антисемитизм, Франция, пропаганда, преступления нацизма.

"THE JEW AND FRANCE" – ANTI-SEMITIC EXHIBITION IN PARIS 1941-1942

Summary: Active anti-Semitic propaganda in France began immediately after the signing of the peace treaty with Nazi Germany. In the propaganda materials of the Vichy regime, the Jew was indicated as the source of all the troubles of France. In 1941, under the auspices of Germany, an Institute for the Study of Jewish Issues was established in France. One of the Institute's initiatives was the anti-Semitic exhibition "The Jew and France", located in the Berlitz Palace in Paris. During the exhibition, the visitor was informed that since 1936, France has been occupied by Jews who occupied important positions that influenced politics, economics, law and culture of the country

Keywords: occupation, holocaust, genocide, anti-Semitism, France, propaganda, crimes of Nazism.

После перемирия Франции с гитлеровской Германией 22 июня 1940 г. и установления режима Виши, во французском обществе постепенно создавался образ еврея в двух плоскостях: «как недочеловека» и как «врага Франции».

«Декреты о евреях», разработанные по французской инициативе, 3 октября 1940 г. и 2 июня 1941 г., оформили их как «чужих» на законодательном уровне. В пропаганде вишистской Франции евреи входили в группу «источников всех бед», так называемых «иностранцев», в которую также входили коммунисты, голлисты, франкмасоны и т.д., поэтому в антисемитских

изданиях Виши, евреев можно увидеть как соратников большевизма, так и голлизма.

Основным проводником антисемитских идей во Франции стал Институт изучения еврейских вопросов, созданный в мае 1941 г. с так называемой «научной и просветительской целью» [4]. Институт финансировался информационным центром посольства Германии и лично Теодором Даннекером – представителем Гестапо. Помимо данного института, нацистская Германия финансировала радикальную французскую прессу для разжигания антисемитских настроений во французском обществе [3, с. 51].

Одним из результатов пропагандистской деятельности института, помимо выпуска книг и периодического издания «Желтый блокнот», стало создание плакатов и организация во дворце Берлиц антисемитской выставки «Еврей и Франция», непосредственное участие в «научной части» которой принял Жорж Монтандон – известный антрополог, автор книги «Как распознать еврея».

Мемориал «Шоа» в Париже, представляющий музей и центр документации, аккумулирует и вводит в научный оборот материалы, связанные с Холокостом во Франции. В электронном каталоге данной организации по поисковому запросу «выставка Еврей и Франция», исследователь получит 362 результата [6]. Автор данной публикации искренне благодарит сотрудников мемориала за консультацию при поиске материалов для данной статьи.

К экспозиции выставки была выпущена брошюра-путеводитель, объясняющая представленные экспонаты. Брошюра начиналась предисловием генерального секретаря института по изучению еврейских вопросов Поля Сезиля, наводящим на то, что выставка предшествует будущим решительным действиям французских граждан: «Представляя еврея в его различных проявлениях, показывая с помощью неопровержимых и тщательно отобранных документов, показывая насколько продолжительным было его влияния на дела Франции, демонстрируя разъедающее нас зло, мы хотим убедить наших сограждан, которые еще находятся в здравом уме и правильном расположении духа, увидеть вещи такими какими они есть, а затем действовать в соответствии с этим» -говорилось в путеводителе. [2, с. 2].

Выставка, открывшаяся через некоторое время после подобной экспозиции «Большевизм против Европы», функционировала с 5 сентября 1941 г. по 15 января 1942 г. и представлялась как результат «научных» исследований, отраженный в панно, картинах, плакатах, скульптурах, фотографиях. Ее экспонаты, грамотно оформленные в целостную идеологическую систему, пестрящую цифрами и графиками, были призваны вызвать у парижского обывателя своеобразный шок засильем евреев во многих сферах общественной жизни: банки контролируют 95% евреев, прессу – 70%, моду – 40%.

Гражданской обязанностью посетителя являлось после ознакомления с «засилием и виновностью в бедах», получить навык распознавания еврея: по крючковатому носу, поднятым ушам, бегающим глазкам. На выставке, помимо

современных данных, были представлены тысячелетние обвинения евреев, включая миф о ритуальных убийствах ими детей - неевреев, ставший причиной отвратительных погромов в прошлом [5, с. 140-141].

Посетителей на входе встречала статуя женщины, уберегающей своего ребенка от стереотипно представленного еврея, вцепившегося крючковатыми пальцами в глобус, на котором вместо территории Франции – шестиконечная звезда. Женщина держит ребенка на согнутой на уровне груди руке. По обеим сторонам от скульптуры – галльские секиры, указывающие на защиту французской семьи государством.

Далее располагались экспозиции, носящие преимущественно информационный характер о «засилии» евреев во всех сферах общественной жизни с 1936 года, прихода к власти «Народного Фронта» до подписания Францией перемирия с гитлеровской Германией. Посетителю внушалось, что находившиеся на всех ключевых государственных постах евреи, целенаправленно вели страну к самому грандиозному в ее истории поражению.

Затем следовали секции по направлению определенных сфер жизни, «оккупированных евреями»: политика, театр, пресса, финансы и т.д. Первая явно обозначала преемственность с предыдущей выставкой, направленной против левых политических сил. Так, на одном из панно представлен Леон Блюм, лидер «Народного фронта» в окружении своего правительства. Сопровождающая надпись гласила «40 миллионов французов управлялись и грабились политиками иностранного происхождения, всё уничтожавшими и искавшими только прибыль».

В панно «адвокаты» указывалось, что из 2025 адвокатов Парижского дворца Правосудия, 664 еврея, то есть 30%, «покрывающих преступления» [1, с. 22].

В разделе «литература» фотографии известных авторов сопровождались лозунгом «порабощение духа»: еврейский писатель производит, вбрасывает, продает». Французская выставка не только создавала образ еврея как врага, но и персонализировала его, указывая на конкретных деятелей. Судя по схеме в путеводителе, выставка располагалась на двух этажах – первом и цокольном.

После первых двух месяцев интерес к выставке у парижан, 29 октября 1941 г. стал постепенно спадать, судя по тому, что вышеупомянутый Поль Сезиль, обратился к префекту полиции с просьбой установить громкоговорители снаружи выставки, чтобы завлекать посетителей голосом. Примечательно, что разница в данных о количестве посетителей парижской выставки, в разных источниках варьируется от 155 000 до полумиллиона человек.

Выставка «Еврей и Франция» должна была создать и усилить антисемитские настроения во Франции и наглядно показать, что Франция должна занять свое место в «Новой Европе» под эгидой нацистской Германии. После завершения экспозиции в Париже 15 января 1942 г. (буквально за 5 дней

до Ванзейской конференции, положившей начало массовому истреблению евреев), выставка продолжила работу в крупных городах Франции.

Вряд ли мы можем утверждать, что интерес французов к этой выставке вызван горячим желанием узнать о влиянии евреев на недавнее прошлое страны, представляется, что французы, после поражения и резких общественно-политических перемен, явились удовлетворить свое любопытство, так как после перенесенных потрясений выставка представляла некоторую «новизну».

Список литературы:

1. Badinter, Robert. Un antisémitisme ordinaire. Vichy et les avocats juifs (1940-1944). – Paris: –Fayard. –1997.
2. Exposition le juif et la France au palais Berlitz (sous l'égide de l'institut d'étude des questions juives. Paris,1941. – 30 p.
3. Fredj, Jaques. Les juifs de France dans la Shoah. Paris: «Gallimard», 2011. – 222 p.
4. L'institut d'étude des questions juifs. Il a été inauguré dimanche dernier// Le Matin. – 13 mai,1941
5. Perrault, Gilles. Paris sous l'occupation. – Torino: «Belfond», 1987. – 350 p.
6. Memorial de la SHOAH. Musee Centre de documentation <http://ressources.memorialdelashoah.org/> (дата обращения 23.02.2023).

Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь)

научный сотрудник

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси

БЕЛОРУССКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 1914–1918 ГГ. О КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ)

Аннотация: Рассматриваются белорусскоязычные периодические издания периода Первой мировой войны из фондов ЦНБ НАН Беларуси. Отмечается их роль, направленная на образование и культурное воспитание населения Беларуси.

Ключевые слова: Первая мировая война, белорусскоязычные периодические издания, ЦНБ НАН Беларуси.

BELARUSIAN PERIODICALS FROM 1914-1918 ON THE CULTURAL LIFE OF BELARUSIANS (BASED ON THE BOOK COLLECTION OF THE CENTRAL SCIENCE LIBRARY OF NAS OF BELARUS)

Summary: The article deals with the Belarusian periodicals from the World War I period that are housed in the Central Science Library of NAS of Belarus. The role of the periodicals in education and cultural upbringing of the Belarusians is discussed.

Keywords: World War I, Belarusian periodicals, Central Science Library of NAS of Belarus.

На территории Беларуси на рубеже XIX–XX вв. проживало 98,5% белорусов, евреев, русских, поляков, украинцев, литовцев, латышей, немцев, татар, которые оказывали значительное влияние на развитие культуры [2, с. 52]. Первая мировая война изменила жизнь населения Беларуси. Правительством Российской империи был осуществлен ряд законодательных и административных мероприятий. Было введено военное положение, положение о военной цензуре, вводился запрет на употребление немецкого языка в корреспонденции и в разговорной речи; начались массовые высылки из Беларуси представителей немецкой и еврейской национальностей. С целью выявления и пресечения шпионажа вновь прибывшее на территорию Беларуси население подвергалось обязательной регистрации. Губернаторам вменялось выполнять любые распоряжения командования. Например, для пресечения возможности использования почтовых голубей в шпионских целях в мае 1915 г. главный начальник отдела снабжений армий Северо-Западного фронта Н.А. Данилов распорядился произвести реквизицию голубей в губерниях Двинского военного округа. С 18 июля 1914 г. во всей Российской империи, в том числе и

белорусских землях, был объявлен «сухой закон» – запрет на продажу спиртного во время мобилизации в русскую армию, а спустя месяц указом императора Николая II он был продлен до окончания войны [1, с. 215].

Однако даже в условиях войны на белорусских землях продолжалась культурная жизнь. Периодические издания военного времени являются документами, в которых отражены культурные события на территории Беларуси¹. В Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси) хранятся газеты «Наша Ніва», «Гоман», «Крыніца», «Дзянніца», ежегодник «Беларускі календар», журналы «Варта», «Саха», которые продолжали выходить во время Первой мировой войны. Эти издания печатались в виленских и минских типографиях, типографии Петрограда.

В ЦНБ НАН Беларуси хранятся номера газеты «Наша Ніва» за 1909–1920 гг. Первая белорусская газета «Наша Ніва» выходила в Вильно до 1915 г., пока оккупационные власти не заняли западную часть белорусских земель. Ориентировалась газета на сельского читателя и интеллигенцию. На ее страницах печатались Я. Купала, который был редактором издания, Я. Колас, Э. Пашкевич, М. Богданович, М. Горецкий и другие белорусские литераторы. В газете помещались материалы по истории белорусского края, информация о культурных событиях. Несмотря на военную ситуацию, в годы Первой мировой войны проводились исследования по изучению истории белорусского края. Например, «Наша Ніва» от 16 января 1915 г. сообщала читателям, что Императорская Академия наук в Петрограде присудила исследователю Е.Р. Романову премию имени П.Н. Батюшкова в размере 400 рублей за его этнографические и исторические исследования о Беларуси [11, с. 3]. Продолжалась концертная и театральная жизнь, к примеру, в апреле 1916 г. Комитет литовского общества по оказанию помощи потерпевшим от войны организовал в Вильно концерт с участием хора под управлением композиторов С. Шамкуса и М. Кимонт [13, с. 3].

На страницах газеты «Наша Ніва» появлялись объявления о спектаклях в Вильно, Минске, Орше и других городах. Театр уже рассматривался не только как искусство с целью приятного проведения досуга, но и как возможность оказания материальной поддержки правительственной армии в борьбе с Германией, так как вырученные от продажи за спектакли деньги выделялись беженцам и другим лицам, пострадавшим в войне. К примеру, в 1915 г. в Вильно по инициативе «Белорусского музыкально-драматического кружка» готовилась к постановке оперетта по мотивам комедии белорусского драматурга В. Дунина-Марцинкевича «Залеты». Показ состоялся в январе 1915

¹«Территория Беларуси» в данном случае обозначает совокупность земель с преобладающей численностью белорусского населения в рассматриваемый период. Накануне Первой мировой войны территория Беларуси с преимущественно белорусским населением включала Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую губернии Северо-Западного края Российской империи.

г. на сцене зала «Филармония» по ул. Новгородская, дом 8. Все собранные средства были переданы в пользу беженцев [10, с. 3; 12, с. 3].

В газете много публикаций на тему войны. Уже в № 29 (25 июня) за 1914 г. – перед Первой мировой войной – была напечатана статья «Вайна пачалася» [16, с. 1], в которой автор предсказывал события предстоящей войны. Антивоенная направленность газеты выражалась посредством отпечатанного в ней материала (стихотворения Янки Купалы «1914-ты» [19, с. 1], «Песні Вайны» [18, с. 2], Алеся Горуна «Праводзіны» [17, с. 3]). Как и все издания, газета подвергалась цензуре, Янка Купала был привлечен к судебной ответственности за публикацию «Думкі» антивоенной направленности. Летом 1915 г. «Наша Ніва» прекратила свою деятельность.

Белорусскоязычная общественно-политическая и литературная газета «Дзянніца» начала выходить в Петрограде с сентября 1916 г. Основателем и редактором издания был белорусский писатель З. Жилунович. Вышло всего семь номеров, газета прекратила свое существование из-за цензуры и финансовых возможностей. На ее страницах размещалась информация об экономическом и политическом положении в стране, освящалось историческое прошлое, культурные события на Беларуси. Помещены публикации З. Жилуновича, под псевдонимами *Цішка Гартны*, *Зьмітро Капылянін* – статья «Аб беларускім універсітэце» (№ 1–2), статья «Яшчэ раз аб беларускім універсітэце» (№ 5), под криптонимом *Д. Ж-ч* [21, с. 47], опубликован роман писателя «Бацькава воля» [7]. Известный белорусский писатель, общественный деятель Максим Богданович опубликовал статью «Агляд працы за першы год Менскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны», под псевдонимом *М.Осьмак* (№ 4). В газете произведения белорусских поэтов и писателей Л. Родевича (*Л.Р.*), А. Будько, Ф. Чернышевича (*Тодар Ч-віч*, *Тодар Ч.*), Ф. Шантыря (*Ф. Ш-р*), А. Павловича, И. Дыло, белорусской поэтессы К. Буйло и др. Встречаются публикации анонимные («Да Беларускай Кальоніі у Петраградзе» [8, с. 4], «Бяздомны» [9, с. 5].

Общественно-политическая, литературная газета «Гоман» («*Номан*») на белорусском языке и белорусском латиницей издавалась в Вильно с 15 февраля 1916 г. до конца 1918 г. под редакцией В. Ластовского и И. Соловья, с разрешения немецких оккупационных властей. В газете публикации, посвященные социально-политическим темам, среди которых «Што такое дэмакратызм» В. Ластовского (1916, № 5), «Нашы патрэбы» (1916, № 72), «Палажэнне работнікаў у Расіі» (1916, № 20), «Новы клас» (1916, № 21), «Да родных ніў» (1916, № 65), «Места і вёска» А. Луцкевича (1916, № 6), «Трагедыя высяленцаў»² (1916, № 19). На страницах газеты помещались статьи по истории и культуре Беларуси: «1491–1916» (по истории белорусской печати) – 1916, № 1; «У 400-летнюю гадаўшчыну» (о «Библии» Ф. Скорины) – 1917, № 14; «Літоўскі Статут і яго гісторыя» – 1916, № 48; «Наш театр» М. Горецкого –

² В газете текст на белорусском языке (латиницей).

1916, № 74; «10-летні юбілей беларускай прэсы» – 1916, № 73; «На Купалле» – 1916, № 38. В структуру газеты входили рубрики: «У Вільні і ваколіцах», «З усяго свету», «З усяго краю», «Весткі з Расіі»; сообщения Германского Генерального Штаба о состоянии дел на фронте помещались под рубрикой «Афіцыйны адзел». Печатались телеграммы, в качестве рекламы публиковали списки книг белорусских книжных магазинов; печаталась также коммерческая реклама. В газете опубликованы мемуары белорусского поэта А. Обуховича, некрологи белорусской поэтессы Э. Пашкевич, М. Богдановича, белорусского историка А. Ельского. произведения Якуба Коласа, Максима Богдановича, Змітрака Бядулі (С.Я. Плавника), Алеся Гаруна (А. Прушинского) и др. Публиковались заметки о театре. Белорусский театр после длительного перерыва, связанного с военными действиями на территории Беларуси, возобновил свою работу в конце 1916 г. постановкой по пьесе Э. Ожешко «Хам», а также одноактной драмой «В зимний вечер» и одноактной комедией «Михалка». В начале 1917 г. по случаю Рождества было арендовано помещение цирка, где вновь прошла постановка «Хама», а также была поставлена пьеса белорусского драматурга Ф. Олехновича «На Антокалі» [5, с. 1–2]. В 1916 г. газета писала о работе белорусского музыкально-драматического кружка в Вильно, в котором возобновил свою прерванную войной деятельность белорусский хор. Отмечалось, что хор отличается богатым репертуаром и что в скором времени у жителей города появится возможность послушать белорусские песни в профессиональном исполнении [28, с. 4].

Помимо виленских периодических изданий Первой мировой войны, в ЦНБ НАН Беларуси хранятся газеты и журналы, выходившие в этот период в Минске. В октябре 1918 г. в минской типографии А. Гринблата вышел всего один номер литературно-исторического и экономического журнала «Варта» под редакцией политического деятеля И.Я. Воронко. В журнале опубликованы произведения белорусских деятелей культуры: З. Бедули (С.Я. Плавник) – стихотворения «Варта», «Беларуская зямля», под псевдонимом *Ясакар*, повесть М. Горецкого «Патаемное», «Юморэскі» сатирика Альберта Павловича, стихотворение Ф. Богушевича «Ясьне Вэльможнай Пані Арэшчысе», под псевдонимом *Мацей Бурачок*, и др. В газете помещены статьи литературоведа Р. Земкевича «Неміга і Менск» (под псевдонимом *Раман Суніца*), поэта, публициста С. Рак-Михайловского «Зьберэгайце нашу песьню»³ (под псевдонимом *Сымон Рак*), публициста К. Езовитова «Освобождение Минска», а также статья педагога, экономиста А. Бильдюкевича «Возможно ли сахаровареніе на Бѣлоруссіі» [6].

С 10 июня 1917 до ноября 1918 г. в Минске выходила общественно-политическая, экономическая и литературная газета национально-демократического направления «Вольная Беларусь»⁴, которую издавало

³ Орфография и пунктуация соблюдены.

⁴ Вольная Беларусь [Мікраформа]: тыднёвік палітычны і літаратурны / [Таварыства беларускай культуры]. Менск: [б.в.], 1918. № 39–40.

Товарищество Белорусской культуры. В газете работали белорусские писатели З. Бедуля, В. Левицкая, П. Коровайчик, И. Лёсик (редактор) и др. Впервые на страницах периодического издания были опубликованы комедии В. Дунина-Марцинкевича «Залёты», «Пінская шляхта», а также поэмы Я. Коласа «Сымон-музыка» и «Новая зямля» [14, с. 354].

В библиотеке хранятся экземпляры журнала «Саха» за 1912–1931 гг. Это первый белорусскоязычный журнал сельскохозяйственной тематики. Начал выходить в Вильно, с февраля 1913 г. издательство было переведено в Минск. Редактором стал общественно-политический и культурный деятель А. Власов. Причина переезда редакции «Сахі» объясняется тем, что Минск как центр Беларуси и центр сельскохозяйственной губернии, где функционировали Болотная станция, земский сельскохозяйственный музей (открылся в 1912 г.), планировалось открытие сельскохозяйственного института, должен был стать белорусским культурным центром. И журнал должен был этому способствовать. Вскоре при редакции «Сахі» был создан молодежный журнал «Лучынка», там же начал свою работу театральный кружок [15, с. 13–16].

Статьи в журнале подписывались псевдонимами и настоящими фамилиями авторов. Своими фамилиями подписывались деятели сельскохозяйственной науки, среди них агроном Э. Соколовский, агроном витебской губернии Котельников, инструктор молочного хозяйства Слуцкого уезда Л. Попроцкий, доктор ветеринарии С. Гольднер – в № 27 помещен его некролог [25, с. 2]. На страницах журнала сообщалось о проведении сельскохозяйственных выставок в Вильно, Минске, Копыле. За свои публикации «Саха» получила серебряные медали на выставках семян в Вильно (14–18 февраля 1913 г.), в Минске (1914 г.). Минскую выставку редакция «Сахі» помогала оформлять плакатами разной тематики. Часть экспонатов (коллекция зерна) была передана в хозяйственный музей журнала [22, с. 3; 24, с. 9]. Редакция поддерживала связь с постоянными подписчиками, высылала им семена, зерно, предоставляла возможность приобрести черенки садовых деревьев, улья для пчел. Журнал размещал платную рекламу по сельскохозяйственной тематике, печатались частные объявления о продаже зерна и домашней скотины, о поиске работы. Рекламировалась новая сельскохозяйственная техника, которую можно было приобрести как через частные фирмы «“Зыгмунд Нагродзкі” в Вільне, Таварыства “Серп” у Менску, так і праз аддзяленні сельскагаспадарчых таварыстваў у Вільні, Менску, Пінску і Оршы» [23, с. 16]. Таким образом, журнал «Саха» способствовал улучшению материального положения сельского населения через популяризацию сельскохозяйственной науки, пропагандируя использование новой сельскохозяйственной техники, удобрений.

О культурной жизни населения Беларуси во время Первой мировой войны «говорят» белорусскоязычные календари, которые начали выходить в начале XX в. Редакция газеты «Наша Ніва» на протяжении 1910–1913 гг. издавала белорусские календари книжного формата кириллическим и

латинским шрифтами. В них содержалась информация по белорусской истории, публиковались списки знаменательных и памятных дат. С 1914 г. издавать календари в Вильно начало «Беларускае Выдавецкае Таварыства». Изменилась его структура, отсутствовали материалы по истории Беларуси. Так, в календаре на 1914 г. уже не было текстов исторической направленности, текстов основных событий белорусской истории в хронологическом порядке. Такая тенденция в белорусских календарях наблюдалась до конца существования Российской империи [20, с. 25]. «Беларускае Выдавецкае Таварыства» в Вильно подбирало для календарей тематику культурно-религиозной жизни, а не военно-политического прошлого. О культурных и общественных организациях в Вильно можно было узнать, ознакомившись со списком адресов, помещенных на страницах издания. Так, в календаре на 1916 г. опубликован список адресов культурных и общественных организаций в Вильно – адрес книжного магазина, где продавались белорусские книги для школ (Biełaruskaja kniharnia – Zawalnaja 7), адрес общественной библиотеки (Biblioteka «Znańnie» – Wilenskaja wul. 33), адреса «Белорусского комитета помощи потерпевших от войны», Белорусского Потребительского Товарищества «Rajnica», адрес редакции газеты «Nasza Niwa» и др. [26] Эти материалы дают краткую фактографическую информацию о культурной жизни населения в Вильно в годы Первой мировой войны.

В белорусских календарях военного времени публиковались статьи белорусского писателя, общественного деятеля, историка, этнографа В. Ластовского «Дзе мы жывём і сколькі нас», «Беларуская мова», И. Мелешко «Вызваленне школы», «10-летні юбілей беларускай прэсы», «Сіла наша – у нас самых» [27]. Печатались произведения белорусских поэтов и писателей Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, К. Буйло, З. Бедули [26] и других.

В календарях размещались информационные заметки для населения: о стоимости денежных переводов, посылок и бандеролей в почтовых отделениях, заказной корреспонденции, телеграмм [4, с. 22–23], сообщалась стоимость проезда железной дорогой, паромом [3, с. 37]. В календаре на 1914 г. под заголовком «Statystyčny addzieł» («Отдел статистики») помещена информация на разные темы – «сколько и где в мире железных дорог», «сколько жителей до 20-летнего возраста проживает в разных странах», «сколько людей умирает от оспы»⁵ и т.п. Под рубрикой «Беларускіе грамадзкіе інстытуцыі у Вільні» даны адреса действующих на тот момент общественных и культурных организаций в Вильно: «Беларускае Таварыство помачы пацярпеўшым ад вайны», «Беларускіе Курсы дзеля падгатоўкі народных вучыцелёў», «Беларуская пачатковая школа на Антокалі», «Беларуская пачатковая школа на Зарэччы», «Беларуская пачатковая школа пры Острабрамскай», «Беларуская пачатковая школа на Лукішках», «Майстэрня вышывання, гафту і ткацтва пры Лукішскай школе»,

⁵ Перевод с белорусского (латиницей) автора статьи.

«Беларускі Клюб», «Беларускі Музыкальна-Драматычны Кружок», «Беларуская Кнігарня» і т.д. [27, с. 37–38].

Таким образом, во время Первой мировой войны культурная жизнь населения на территории Беларуси продолжалась (организовывались выставки, продолжил свою работу белорусский театр, работали библиотеки, общественные культурные организации). Культурная жизнь населения особенно активизировалась на неоккупированных белорусских территориях в 1916 г., когда возобновил свою работу белорусский театр, выходили белорусскоязычные газеты. Во многом этому способствовала деятельность белорусской интеллигенции, а также активная работа белорусских издательств, работа которых в условиях военного времени была направлена на образование и культурное воспитание белорусов. Тем не менее многие издательства вынуждены были свернуть свою работу в связи с наплывом беженцев и приближением российско-германского фронта.

Список литературы:

1. Авербах, Е.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: законы, манифесты, рескрипты, указы правительствующему сенату, распоряжения и постановления Министров и др. – Вильно: Тип. Сыркина, 1915. – 686 с.
2. Дмитриева, О.П. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). – Минск: Беларуская навука, 2017. – 243 с.
3. Беларускі календар на 1914 год. – Вільня, 1914. – 120 с.
4. Беларускі календар на 1915 год. – Вільня, 1914. – 54 с.
5. Беларускі тэатр // Гоман. – 1917. – № 46 (8 чэрв.) – С. 1–2.
6. Варта = Стража = Warta = Die Warte: беларускі літаратурна-грамадзянскі, навукова-гістарычны і эканамічны штомесячнік з ілюстрацыямі пад агульнай рэдакцыяй Язэпа Варонка. – 1918. – Менск: друкарня А. Грынблята, 1918.
7. Дзянніца: беларуская штотыднёвая газета. – Петроград: [б.в.], 1916. – № 3–7.
8. Дзянніца... – 1916. – № 4 (27–XI). – С. 4.
9. Дзянніца... – 1916. – № 6 (23–XII).. – С. 5.
10. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1915. – 9 студз. – С. 3.
11. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1915. – 16 студз. – С. 3.
12. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1915. – 23 студз. – С. 3.
13. З Беларусі і Літвы // Наша Ніва. – 1916. – 16 крас.. – С. 3.
14. Конан, У.М. Вольная Беларусь // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Менск: БелЭн, 1994. – Т. 2: Беліцк – Гімн. – 537 с.
15. Мянчэня, С. Часопіс «Саха» і яго роля ў папулярызацыі сельскагаспадарчых ведаў у Беларусі (1912–1915) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей,

- УО «Полесский государственный университет», Пинск 25 февраля 2022 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2022. – Вып. 6. – 362 с.
16. Наша Ніва. – 1914. – № 29 (25 ліпня). – С. [1]
 17. Наша Ніва. – 1914. – № 37 (18 верасья). – С. 3.
 18. Наша Ніва. – 1914. – № 40 (9 кастрычніка). – С. 2.
 19. Наша Ніва. – 1914. – № 51–52 (25 сьнежня). – С. [1].
 20. Саламевіч, Я. Календары // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 4. – Мінск, 1997. С. 23–27.
 21. Саламевіч, Я. Слоўнік беларускіх псеўданімаў і крыптанімаў (XVI–XX стст.). – Мінск: Маст.літ., 1983. – 207 с.
 22. Саха: першы беларускі мясячнік сельскай гаспадаркі. Кн. 1 (1912) – кн. 7 [11] (1931). – 1913. – Г. 2, кн. 11. – С. 3.
 23. Саха... – 1914. – Г. 3, кн. 20. – С. 16.
 24. Саха... – 1914. – Г. 3, кн. 22. – С. 9.
 25. Саха... – 1915. – Г. 4, кн. 27. – С. 2.
 26. Biełaruski calendar na 1916 hod. – Wilnia, 1916. – [80] s.
 27. Biełaruski calendar na 1917 hod. – Wilnia, 1916. – 48 s.
 28. U Wilni I wakolicach // Homan. – 1916. – № 3 (22 lut.) – S. 4.

Димитренко Нина Васильевна

старший преподаватель

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1960-Е ГОДЫ

Аннотация: В статье рассматривается организационная и массово-просветительская деятельность Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1960-е г. Исследуются формы и методы ВООПИК в деле сохранения и популяризации объектов историко-культурного наследия среди общественности и воспитательной работы с трудящимися. Анализируется деятельность Общества в организации общественного контроля за состоянием памятников; содействию шефской работы над ними. Особое внимание уделено дальнейшему улучшению дела охраны, изучению и пропаганды памятников истории и культуры, использования их в культурно-просветительской и воспитательной работе с трудящимися во взаимодействии органов власти и отделений ВООПИК. Выявлены и проанализированы архивные источники деятельности ВООПИК, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: РСФСР, культура, историко-культурное наследие, ВООПИК, культурно-просветительская деятельность, Пензенская область.

CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK OF THE PENZA BRANCH OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS IN THE 1960S

Summary: The article examines the organizational and mass-educational activities of the Penza branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) in the 1960s. The forms and methods of VOOPIK in the preservation and popularization of objects of historical and cultural heritage among the public and educational work with workers are investigated. The activity of the Society in the organization of public control over the state of monuments is analyzed; the promotion of patronage work on them. Special attention is paid to the further improvement of the protection, study and promotion of historical and cultural monuments, their use in cultural, educational and educational work with workers in the interaction of authorities and departments of VOOPIK. Archival sources of VOOPIK activities have been identified and analyzed, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: RSFSR, culture, historical and cultural heritage, VOOPIK, cultural and educational activities, Penza region.

Охране и популяризации памятников истории и культуры как национального достояния отводилась особая роль в идеологической и культурной жизни Советского государства.

Постановлением СовМина РСФСР №1327 от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» было призвано улучшить охрану и пропаганду памятников истории и культуры, широко привлекая общественность к активному и непосредственному участию в этом деле, с целью «воспитания у трудящихся, особенно у молодежи, чувства глубокого уважения к историческому прошлому нашего народа и любви к Родине».

В соответствии с постановлением Министерству просвещения РСФСР было предписано не только включить в учебные программы разделы, предусматривающие ознакомление учащихся с объектами культурного наследия РСФСР, но и усилить в учебных заведениях «внеклассную работу по вопросам изучения, популяризации и охраны памятников культуры» через создание при школах исторических кружков и музеев, проведение выставок, организацию краеведческих экспедиций и шефства над памятниками [1, с. 183-184].

В июле 1965 г., согласно постановлению №882 СовМина РСФСР, было организовано Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК), основной целью которого являлось активное содействие «...осуществлению мероприятий государства по сохранению культурного наследия и его использования в деле коммунистического воспитания советского народа, повышения его образованности и культуры» при участии государственных органов, общественных организаций и широких слоев населения.

Учредительная конференция Пензенского отделения ВООПИК состоялась в декабре 1965 г., на которой был утвержден Устав общества, первоочередные цели и задачи по «всемерной заботе об охране и пропаганде памятников истории и культуры», а также обозначен ряд организационных мероприятий в деле формирования первичных организаций ВООПИК [2, с. 28).

Областному, городским и районным советам Общества в соответствии с уставом ставилась задача активного участия в выявлении, изучении и охране всех видов памятников истории и культуры и осуществления общественного контроля за их сохранностью; организации шефства предприятий и учреждений, совхозов и колхозов, школ и других учебных заведений, воинских частей, молодежных и других организаций над памятниками истории и культуры, особенно над памятниками историко-революционными и боевой славы.

Местным организациям созданного добровольного общества рекомендовалось полнее использовать памятники историко-революционные и боевой славы в идеологическом воспитании трудящихся, особенно молодежи,

с проведением тематических мероприятий «Дни памяти борцов революции и героев Родины», «Встречи поколений», пионерских линеек, слетов молодежи.

В период подготовки к 50-летию Советского государства надлежало организовать в государственных и народных музеях, а также культурно-просветительских учреждениях – клубах, библиотеках, кинотеатрах, красных уголках фотовыставки, выставки творческих работ художников и другие массовые мероприятия, посвященных памятникам и памятным событиям, связанных с историей завоевания и защиты Советской власти [3, с. 29-30].

В список задач входила и совместная работа организаций Общества с городскими Советами по туризму и экскурсионным бюро по разработке туристических маршрутов и экскурсий по памятным местам, связанным с выдающимися событиями в жизни края. Особое внимание в вопросе сохранения и популяризации историко-культурного наследия отводилась роли средствам периодической печати, кино, радио, телевидению - проведение и организация лекций, тематических выставок, экскурсий, издание путеводителей, выпуска научно-популярной литературы и документальных фильмов, рекламных материалов, сувенирной продукции.

Положительной оценкой была отмечена проводимая работа по пропаганде памятников Областного краеведческого музея, открывшего помимо стационарной экспозиции выставку «Памятники материальной культуры Пензенской области», а также оказавшего практическую помощь в предоставлении материалов в оформлении подобной выставки для сел Пензенского района. Большую работу в популяризации историко-культурного достояния проводили музеи-усадьбы В.Г. Белинского и М.Ю. Лермонтова, Сердобский и Наровчатский краеведческие музеи, народный музей в р.п. Сосновоборске [4, с. 10].

В районах области значительную работу в деле выявления памятников истории и культуры и их охраны проводили общественные инспекторы, подлинными энтузиасты своего дела: В.П. Бердников – бригадир из с. Старый Чичим Камешкирского района, Г.Д. Смагин – учитель-пенсионер из с. Атмисс Н. Ломовского района, П.И. Педай – учитель из с. Кевда-Мальситово Каменского района, Н.П. Бульин – краевед г. Сердобска и многие другие. Так, в Городищенском районе И.С. Борисов установил место захоронения активных участников подавления эсеровского мятежа в с. Степановка. Особо отмечена была деятельность В.П. Бердникова, как одного из самых активных и энергичных общественных инспекторов отделения ВООПИК Камешкирского района. Благодаря его активной работе были выявлены, сфотографированы, составлены и описаны и схемы месторасположения неизвестных памятников не только Камешкирского района, но и Пензенского, Мокшанского, Кузнецкого и других районов. Являясь неутомимым пропагандистом сохранения и популяризации историко-культурного наследия края, им были записаны народные предания, связанные с памятниками,

проведены лекции и беседы в клубах, по радио, напечатаны интересные статьи в районных и областных газетах [5, с. 11-12].

Плодотворную работу в воспитании трудящихся и молодежи в духе патриотизма и увековечивания значимых событий исторического и культурного развития Пензенского края проводили общественные инспектора К.К. Раева и Ф.С. Пудов на памятниках революционной славы пос. Арбеково, установленным казненным участникам революционного движения 1905-1907 гг. По инициативе инспекторов у памятников борцов революционной славы учащимися Арбековской, Богословской и Мало-Валаяевской школ ежегодно проводились пионерские сборы, торжественные линейки и мероприятия.

Активную культурно-просветительскую деятельность по пропаганде историко-революционных, воинских и исторических памятников проводила общественность г. Сосновоборска, в котором в сентябре 1965 года открылся Клуб революционной славы, где «проходили встречи с замечательными людьми, читались лекции о революционных традициях и памятниках Сосновоборского района». Возглавлял работу клуба общественный инспектор по охране памятников Ф.В. Маньшин [6, с. 13-14].

Положительно была отмечена работа городских и районных советов депутатов трудящихся по сбережению и популяризации историко-культурного наследия. Так, Кузнецкий горисполком привел в надлежащий порядок 11 могил воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Ленинским райисполкомом г. Пензы была осуществлена работа по генеральному благоустройству крепостного вала на ул. Кирова, в квартале улиц Лермонтова и К. Маркса. Совместно с горисполкомом были проведены реставрационно-ремонтные работы бывшего крестьянского банка, генеральной реконструкции постаментов памятника «Борцам революции», ремонта фасада бывшего архиерейского дома – памятника русской классической архитектуры XVIII века, в котором в 1918 году находился штаб Красной Гвардии.

Шефскую работу над памятниками революционной и боевой славы проводили и некоторые промышленные предприятия. Заводом «Тяжпромарматура» был установлен обелиск и мемориальные доски на братской могиле в пос. Арбеково, предприятие п/я №30/10 взяло шефство и осуществило реставрационные работы исторических памятников в сквере им. М.Ю. Лермонтова [7, с. 8].

В постановлении учредительной конференции Пензенского областного отделения ВООПИК от 26 декабря 1965 г. положительной оценкой была отмечена работа ряда предприятий и организаций в сохранении памятников истории и культуры – коллективы пензенского Дизельного завода, Кузнецкого завода химического машиностроения, совхоза «Комбинат» Пензенского района, общественность районного поселка Золотаревка, г. Белинского и ряда других [8, с. 25].

Свой вклад в шефскую работу над памятниками и могилами погибших революционеров, участников гражданской и Великой Отечественной войны вносили и школы области - №1, №8 и №23 г. Пензы, Нарышкинская школа Бековского района, школа №14 г. Кузнецка и другие. Около памятников проходили торжественные мероприятия и линейки, пионерские сборы. Пионеры и комсомольцы благоустраивали прилегающие к памятникам территории.

Работа по пропаганде памятников истории и культуры проводилась и в публикации материалов в печати. Так, в статье И. Арямова «Сохраним памятники прошлого», напечатанной в местной газете «Знамя коммунизма» от 16 ноября 1965 года, отмечалось: «...наряду с этими отрадными фактами встречается и равнодушное отношение к историческим памятникам со стороны некоторых руководителей учреждений, организаций. Например, в Золотаревском лесничестве было запахано Золотаревское городище – памятник археологии, имеющей общесоюзное значение. В беспорядке находится бывшая усадьба И.С. Горюшкина-Сорокопудова в с. Ивановке. Нет должной заботы и о могиле героя русско-японской войны В.Т. Рябова в с. Лебедевке. Задача местных Советов – вплотную заняться этим вопросом, так как именно они, в первую очередь несут ответственность за охрану и поддержку памятников прошлого» [9, с. 129].

В решении №386 от 20 августа 1966 г. Облисполкома отмечалось о проведении большой работы по выявлению памятников с привлечением к этому делу общественности. На 1966 год в городах и районах области действовали общественные советы по охране памятников истории и культуры, в которых участвовали более 400 энтузиастов-краеведов. Так, в Перечне выявленных историко-революционных и военно-мемориальных памятников, которые необходимо закрепить за организациями в целях проведения шефства, утвержденных вышеуказанным решением Облисполкома, состояло 42 памятника в 15 районах Пензенской области. В Башмаковском районе было выявлено 4 памятника, Бековском – 5, Белинском – 3, Беднодемьяновском – 4, Городищенском – 2, Земетчинском – 3, Колышлейском – 2, Кузнецком – 2. Лунинском – 1, Мокшанском – 1, Наровчатском – 2, Нижнеломовском – 3. Пачелмском – 3. Пензенском – 2, Сердобском – 5 [10, с. 7, 13-15].

Особое внимание в деле популяризации памятников уделялось монументальной пропаганде, установлению мемориальных досок и монументов выдающимся деятелям революционного движения, культуры и науки, а также в память о важных революционных и исторических событиях. В Пензе и области были установлены десятки мемориальных досок, в частности на зданиях, связанных с именами М.И. Калинина, В.В. Куйбышева, А.Н. Ульянова, Н.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Е. Махалина, а также в память об организации первых Советов и провозглашения Советской власти в Пензе. Городище, Кузнецке и Сердобске [11, с. 9-10].

Вместе с тем, в отчетной документации районных и городских отделений ВООПИК того периода были отмечены и критические замечания, недоработки в памятно-охранительной и пропагандистской деятельности.

Приказом по Управлению культуры Пензенского облисполкома №50 от 6 сентября 1966 г. было отмечено, что «...в деле охраны, содержания и использования памятников имеются серьезные недостатки. В ряде городов и районов области многие памятники находятся в запущенном состоянии, над ними не установлено шефство коллективом трудящихся. Это в первую очередь относится к Колышлейскому, Беднодемьяновскому и Бековскому районам, где слабо поставлена работа по выявлению, учету и охране памятников истории и культуры». На 1966 год по Пензенской области из 1000 памятников около 300 требовали проведения восстановительных работ. В г. Пензе, Нижнем Ломове, Наровчате, Беково, Мокшане, Городище и некоторых других населенных пунктах не были установлены мемориальные доски, «не отмечены места захоронения героев, павших в борьбе за честь и независимость нашей Родины» [12, с. 48-49].

Недостаточной была признана работа райисполкомов и общественных организаций по установлению мемориальных досок на зданиях, связанных с именами видных партийных и революционных деятелей, сохранностью и уходом уже имеющихся на зданиях. Критические замечания о ненадлежащем уходе за мемориальными досками звучали в адрес центральной сберкассы, школы №1 им. Белинского, начальной школы №30, кинотеатра «Октябрь».

Учитывая возникшую тенденцию, решение Исполкома Пензенского областного Совета депутатов трудящихся (1966 г.) обязывало горрайисполкомы с участием советов общества охраны памятников в месячный срок разработать и осуществить в 1966-1970 гг. мероприятия по приведению в надлежащее состояние памятники, а также улучшить использование их в воспитательной работе среди трудящихся. Особое внимание уделялось приведению в образцовое состояние памятников, связанных с именем В.И. Ленина, историей завоевания и защиты Советской власти.

Рекомендовалось продолжить работу по выявлению памятников материальной культуры, а также мест, связанных выступлениями рабочего класса и крестьянства, определить охранные зоны, установить памятные знаки, отмечающие эти события. Указывалось установить постоянное шефство предприятий и организаций, учреждений, учебных заведений над выявленными историко-революционными и военно-мемориальными памятниками, согласно утвержденному Перечню.

Для усиления учебно-воспитательного процесса Областному отделу народного образования (тов. Болдину) рекомендовалось привлечь широкие слои учительства к работе по использованию и популяризации памятников истории и культуры, активно практиковать шефство школ над памятниками революционной и боевой славы с проведением около них торжественных

мероприятий, линеек, встреч с участниками гражданской и Отечественной войн.

Областным газетам «Пензенская правда» и «Молодой ленинец», комитету по радиовещанию и телевидению было поручено обеспечить систематическую публикацию материалов и передачи об исторических и культурных ценностях области, о ее лучших революционных, боевых и трудовых традициях.

Отделению Приволжского книжного издательства (тов. Маргулису) было рекомендовано включить в план издание книг и брошюр о памятниках материальной культуры, памятных местах и связанных с ними событиях.

Таким образом, активная культурно-просветительская и системная работа, проводимая партийными и советскими органами власти, Пензенским отделением ВООПИК способствовала не только сохранению, популяризации памятников истории и культуры, но и сопричастности широких масс общественности и населения к памяти историко-культурного и героико-патриотического прошлого Пензенского края.

Список литературы:

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2038. Оп. 1, Д. 3793, Л. 183-184.
2. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 28.
3. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 29-30.
4. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 10.
5. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 11-12.
6. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 13-14.
7. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 8.
8. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 25.
9. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 129.
10. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 2, Л. 7, 13-15.
11. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 1, Л. 9-10.
12. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1, Д. 2, Л. 48-49.

Дружинкина Наталья Гавриловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

**ФОНД 789 АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА, БИОГРАФИЙ
ХУДОЖНИКОВ И АРХИТЕКТОРОВ XVIII-XX В.**

Аннотация: Данная статья носит источниковедческий характер и посвящена выявлению возможностей фонда 789 для изучения истории русского искусства, биографий художников и архитекторов - воспитанников Петербургской Академии Художеств на основе формулярных списков, метрик и разных документов из личных дел. Вскрываются новые имена и факты, касающиеся положения деятелей искусств в обществе, выявляются причины и последствия событий реализации их творческих проектов, личной жизни и т.д. На основе данных источников можно исследовать условия образовательной системы Академии Художеств, проанализировать состав обучающихся, учебные планы, характер выполняемых заказов для нужд Российской Империи, судьбы художников, их социальное и имущественное положение, социокультурную динамику на протяжении XVIII-XX в.

Ключевые слова: Академия Художеств, РГИА, фонд 789, источниковедение, русское искусство.

**FUND 789 OF THE ACADEMY OF ARTS OF THE RUSSIAN STATE
HISTORICAL ARCHIVE AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF
ART, BIOGRAPHIES OF ARTISTS AND ARCHITECTS OF THE XVIII-XX
CENTURIES**

Summary: This article is of a source-based nature and is devoted to identifying the possibilities of the 789 Foundation for studying the history of Russian art, biographies of artists and architects - pupils of the St. Petersburg Academy of Arts on the basis of formulary lists, metrics and various documents from personal files. New names and facts concerning the position of artists in society are revealed, the causes and consequences of the events of the implementation of their creative projects, personal life, etc. are revealed. On the basis of these sources, it is possible to study the conditions of the educational system of the Academy of Arts, analyze the composition of students, curricula, the nature of orders for the needs of the Russian Empire, the fate of artists, their social and property status, socio-cultural dynamics during the XVIII-XX centuries.

Keywords: Academy of Arts, RGIA, Foundation 789 source studies, Russian art.

Архивные данные формулярных списков жизнедеятельности художников, скульпторов, архитекторов фонда 789 Академии Художеств РГИА, дополненные анализом их произведений из научно-исследовательского Музея Академии Художеств РФ и их отражение в художественной критике способно помочь в открытии новых фактов в истории русского искусства и архитектуры (в частности, используя биографический метод исследования ввести в научный оборот новые источники и факты художественной жизни России XVIII-XX в.).

Как известно, «...Лицо классицистической Академии в основном сложилось уже в конце XVIII в. Из учреждения почти придворного, каким она была в эпоху своего зарождения, Академия превратилась в высокий государственный орган», - справедливо писала Н. Коваленская [1, с. 276]. В каталоге выставки «Академия Художеств начала XIX в. говорится, что первая четверть XIX века для Академии Художеств – славный период «как в истории самой Академии, так и всего отечественного искусства.... Это было время подлинного взлета для Академии, когда она была авторитетом в области художественной жизни, а ее воспитанники и педагоги являлись ведущими мастерами во всех видах искусства»[2, с. 7].

Одной из задач существования самой Академии являлась задача приобщения российских талантов к традиционной европейской системе художественного образования, что оказалось полезным и плодотворным. Приглашенные иностранные мастера обязывались по условию контрактов привозить с собою «большое количество рисунков с лучших мастеров Италии и Франции, равно как и множество академий, рисованных с натуры», пополняя существующую коллекцию академических оригиналов. Важнейшим фактором начального формирования русской академической школы стало творческое самоопределение ее воспитанников, начиная с первого выпускника Академии Художеств по классу исторической живописи – А.П. Лосенко. Документы, произведения академистов - это наследие и сокровище России.

В РГИА представлен фонд 789 Академии Художеств, там содержатся личные дела академистов, послужные формулярные списки, описи, отчеты, рапорты, прошения, договора с разными лицами, ведомостями и организациями.

Так, в описи I, частях 1 и 2 даны единицы хранения за 1880-1892 гг. - 1358; за 1893-1903 гг. - 1709 единиц хранения; 1904-1916 гг. - 2241 единиц хранения. Там содержатся архивные документы о выработке уставов Академии и изменении их; о правилах приема в Академию, о программах преподавания, изменениях в учебном курсе и мн.др.

В описи 14 содержится 1757 единиц хранения, в описи 16 даны личные дела художников с данными о прохождении курса и о художественной деятельности после окончания Академии (XIX - XX вв.). Личные дела с формулярными списками представлены в алфавитном порядке, например, дело 17 - Амосов Сергей Сергеевич (13 листов), дело 79 - Брюллов Федор Павлович,

дело 123 - барон Врангель Николай Николаевич, дело 89 - Горностаев Иван Иванович (65 листов), дело 25 - Дружинин Павел Петрович, дело 122 - Келер Василий Васильевич (20 листов), дело 12 - Лагорио Лев Филиппович (134 страницы), дело 96 - Мусин-Пушкин Николай Сергеевич (5 листов), дело 83 - Суходольский Петр Александрович (206 страниц), дело 23 - граф Толстой Федор Петрович (165 страниц), дело 71 - Шевцов Алексей (8 страниц) и мн. др. как широко известных, так и забытых имен.

В описи 10 собраны дела за 1876-79 гг., названия свидетельствуют о содержании: дело 63 - “Постановление Совета об учреждении особого класса композиции”, дело 221 - “Учреждение медали за композиции и изменение сроков для конкурсов на золотые медали по живописи и скульптуре”, дело 241 - “Дозволение устроить в залах Академии бал в пользу славянского Комитета”, дело 97 - “Рассмотрение исполненных академиками Быковским и Горбуновым рисунков образов для храма Святого Владимира в Севастополе, по отношению Морского Министерства” и личные дела художников, что необходимо для реконструкции деятельности Императорской Академии Художеств в России.

Посмотрим опись № 11 за 1880-1882 гг. в которой могут заинтересовать как личные дела академистов, так и дела, касающиеся непосредственного участия их в выполнении, например, заказов Русской Православной Церкви, воссоздании церковного благолепия, храмового синтеза. Например, за 1881 год – это дело № 235 «Об изготовлении мозаикою образа Святого Евангелиста Матфея в куполе Исаакиевского собора», или за 1883 год - № 39 «Об устройстве в Академии Художеств Публичных чтений с туманными картинами о «Церковном зодчестве в России и «О мимике и физиономии»; За 1884 год – дело архитектора-художника строителя многих храмов – Грима Германа Давидовича (дело № 78) или за 1885 год – Кондакова Никодима Павловича (дело № 53), или Райляна Фомы Родионовича (дело № 133, а также Косякова Василия Антоновича (дело № 146 и его брата – Косякова Георгия Антоновича (дело № 128) и мн. др. [1].

В описи 12 фонда 789 собраны дела за 1893-1903 г., даны и личные дела художников, и различная переписка, например, дело 18 под названием “Разная переписка, связанная с кончиной Государя Императора Александра III и с восшествием на Престол Государя Императора Николая II; здесь же об изготовлении серебряного складня с иконами для возложения на гробницу Императора Александра III”. Дело 6 за 1896 г. (микрофильм) - “О выставках в Академии и вне оной, устраиваемых разными Обществами и лицами” (129 листов). Много сведений можно почерпнуть из архивных документах о реставрационных работах на различных объектах, о текущих событиях, о заказах икон, портретов и мн.др.

В описи 22 единиц хранения 356 за 1852-1918 гг. - Мозаичное отделение представлены документы о мозаичных работах для Исаакиевского собора, храма Христа Спасителя в Москве, Храма Воскресения в Санкт-Петербурге и др. В описи 23 собраны мебтрические книги и исповедные ведомости по

церкви, академическая переписка за 1793-1910 гг (1148 ед.хр.). Опись 32 - Производственное бюро Академии Художеств за 1923-1951 гг.

Надо отметить, что сведения об Академии Художеств не ограничиваются в РГИА только фондом 789. Например, в фонде 797 представлены личные дела епархиальных зодчих как хорошо известных, так и менее известных. Например, (Ф.797., Оп.53.,1 отд.,1 стол., Ед.хр.138.) “Формулярный список о службе причисленного к Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода сверх штата И.А. Садовникова от 17 ноября 1883г.¹”: Коллежский асессор, академик архитектуры, Сергей Васильевич Садовников, причисленный к Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода сверх штата, 56 лет; вероисповедания православного, кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. Содержания не получал. Холост. Обучался в Императорской Академии Художеств, где окончил курс с аттестатом на звание художника, дающее право на чин 14 класса по вступлении на службу.

По определению Костромской Духовной Консистории 30 июля 1865 г., утвержденному епархиальным Преосвященным 13 августа того же года допущен к временному справлению должности Костромского епархиального архитектора.

Поручаемо было ему наблюдение за постройками в Костромских: Богоявленском Анастасиевском девичьем монастыре, кафедральном соборе, Ипатьевском монастыре и Духовной Семинарии.

14 мая 1867г. за отличное усердие и полезные труды по производству разных построек...Всемилоостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Станислава 3 степени.

Согласно прошению уволен от службы по Костромскому епархиальному ведомству.

От Императорской Академии Художеств получил звание Академика по архитектуре с правом на чин 9 класса на основании 374 ст. Уст. Служб. Прав.Т.3 изд.1876г. (4 ноября 1881г.)

Приказом по Православному Духовному ведомству 24 ноября 1883г. №30, согласно прошению, определен в службу по сему ведомству, с причислением к Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода сверх штата.

Синодальным Обер-Прокурором откомандирован для занятий в Хозяйственное управление при Св. Синоде. (17 ноября 1883г.)

Указом Правительствующего Сената 30 мая 1884г. за №2476 утвержден, по степени Академика, в чин Титулярного Советника, со старшинством с 17 ноября 1883г. 17 ноября 1886г. Указом Правительствующего Сената (По Департаменту Герольдии) от 28 мая 1887г. за №2253, на имя Обер-Прокурора Св. Синода последовавшим, утвержден за выслугу лет, в Коллежские Ассессоры, со старшинством.

Приказом по Православному Духовному Ведомству 15 сентября 1887 г. №16, согласно прошению, определен Членом Общего Присутствия

¹ РГИА, Ф.797., Оп.53.,1 отд.,1 стол., Ед.хр.138., Л.2-6

Хозяйственного Управления при Св.Синоде, с отчислением от Канцелярии Обер-Прокурора Св.Синода, с 9 сентября 1887 г.

Столоначальник Иван Иванов”.

Содержится и собственноручно подписанное прошение самого архитектора от 15 ноября 1883г (РГИА., Ф.797.,Оп.53.,1отд.,1 стол., Ед.Хр.136.).

“Его Высокопревосходительству, Господину Обер-Прокурору Святейшего Правительственного Синода, Члену Государственного Совета и Комитета министров, Сенатору Действительному Тайному Советнику и разных Орденов Кавалеру Константину Петровичу Победоносцеву.

Академика Императорской Академии Художеств по архитектуре
Сергея Васильева Садовникова

Прошение.

Желая быть определенным на службу по Духовному Ведомству, имею честь покорнейше просить, Ваше Высокопревосходительство оказать милостивое снисхождение на принятие меня к исполнению той службы. Документы о моем звании и службе: а) Свидетельство Правления Императорской Академии Художеств от 28 мая 1882г. за №1103 и б) Аттестат Костромской Духовной Консистории от 9 января 1869г., за №40, при сем имею честь представить. Ноября 10 дня 1883 года.

Академик Императорской Академии Художеств по Архитектуре Сергей Васильев Садовников.

Жительство имею:

Санкт-Петербург, Казанской части

2 участка, Новый переулок дом 6, квартира 9”².

Ответ последовал через считанные недели:

“Ведомство

Православного

Исповедания

Канцелярия

Обер-Прокурора

Св.Синода.

1отделение

1 стол

17 ноября 1883г.

№5693.

Академик по Архитектуре Императорской Академии Художеств Садовников, согласно его прошению, определяется в службу по Православному Духовному ведомству, с причислением к Канцелярии Обер-Прокурора Св.Синода сверх штата; о чем объявить в приказе по Православному Духовному ведомству.

² РГИА., Ф.797.,Оп.53.,1отд.,1 стол., Ед.Хр.136., Л.1.

Обер-Прокурор К. Победоносцев.
Директор. Ненарокомов.

Внесено в приказ 24 ноября №30”³.

Здесь же находится и подписанное архитектором своеобразное письмо присяги на верность служения Отечеству в своей профессии (РГИА., Ф.797., Оп.53., 1отд., 1 стол., Ед.Хр.136., Л.10).

“Клятвенное обещание.

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Александру Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тшчаться, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Приписка: По сему листу принимал Клятвенную Присягу Академик Архитектуры Сергей Васильев Садовников

К присяге приговорил Исаакиевского Собора Протоиерей Игнатий Вилков.

14 декабря 1883г”⁴.

³ РГИА., Ф.797., Оп.53., 1отд., 1 стол., Ед.Хр.136., л.5.

⁴ РГИА., Ф.797., Оп.53., 1отд., 1 стол., Ед.Хр.136., Л.10

Работа архитектором неразрывно связана с выполнением религиозно-нравственной обязанности, духовной миссии, религиозного служения Отчизне и Государю Императору лично.

В фонде 789.,Опись 11. дано дело № 83.,1882 г. архитектора Фон-Голи Густава Густавовича. В переводе с немецкого Евангелическая Лютеранская церковь Святой Анны в С.-Петербурге представила:

“Свидетельство.

1861 г. 22 мая в ½ часу вечера родился здесь и 7 июня того же года крещен Густав Трауготт фон-Голи законнорожденным

Родители: штабс-капитан Юлий Людвигович Трауготт Густав фон-Голи и его жена Йозефина Генриэтта, урожденная Кютнер, оба лютеранского исповедания...”⁵.

Правление Санкт-Петербургского Университета 23 марта 1882 г. за №2153 подтверждало в “Свидетельстве”, что :

“Предъявитель сего, Густав Густавович фон-Голи, сын генерал-майора, родившийся 22 мая 1861г., евангелическо-лютеранского вероисповедания, окончил курс в Гимназии Главного Немецкого Училища, поступил в число студентов Императорского С.-Петербургского Университета 31 августа 1881 года и слушал лекции по Юридическому разряду Юридического факультета при поведении очень хорошо, и ныне, как не внесший установленное за слушание лекций платы, уволен из Университета из первого курса, почему правилами, предоставленными студентам окончившим полный курс университетского учения, воспользоваться не может....

Ректор Университета А.Бекетов”⁶.

С 1882/1883 он состоял в числе учеников Академии Художеств и в 1890 г. имел звание классного художника 3 степени, о чем имеется соответствующий документ за подписью графа И. Толстого:

“Свидетельство.

Дано из Императорской Академии Художеств бывшему академику оной по архитектуре Густаву фон-Голли, в том, что он, на основании полученной им серебряной первого достоинства медали 3 марта 1889 года за проект Сельской церкви с домом для причта и школы, определением Совета Академии 19 сентября состоявшимся, утвержден в звании классного художника 3 степени с присвоенным оному, на основании 293 ст. Т.3 кн.1 Уст. О службе Гражд. По определ. Правит. (продолж. 1863 г.) правом на чин 14 класса и с предоставлением производить постройки. Требуемые по сему званию практические работы им исполнены, рассмотрены и одобрены Советом Академии. ...”⁷.

⁵ РГИА, Ф. 789.,Оп. 11., Д. № 83.,1882 г. Фон-Голи Густав Густавович, Л.3.

⁶ РГИА, Ф. 789.,Оп. 11., Д. № 83.,1882 г. Фон-Голи Густав Густавович, Л.4.

⁷ РГИА, Ф. 789.,Оп. 11., Д. № 83.,1882 г. Фон-Голи Густав Густавович, Л.21.

Потом было присвоено звание художника сначала 2, а затем и 1 степени и перечисляются все заслуги, награды и постройки архитектора, содержатся сведения о семейном положении, конкупсах и выставках. И так по каждому члену Академии Художеств.

Сочетание разных источников восстанавливает подлинную картину функционирования Академии художеств в историях ее воспитанников и педагогов.

Таким образом, фонды 789, 797 Академии Художеств РГИА включают формулярные списки воспитанников и педагогов Академии, метрики, различного рода письма, прошения, рапорты, отчеты, касающиеся делопроизводства Академии и являются важным источником в определении социального, имущественного облика членов Академии, характера выполнения ими заказов Императорского Двора, Русской Православной церкви и других конфессий, различных ведомств и отношения к происходящим историческим событиям, критические отзывы и статьи в печати и т.д. Изучение документов данного фонда помогает в деле открытия новых имен и фактов в истории отечественного искусства и архитектуры.

Список литературы:

1. Коваленская, Н. Русский классицизм [Текст] : Живопись, скульптура, графика. - Москва : [Искусство], 1964 . - 703 с., 15 л. ил. : ил.; 27 см.
2. Академия Художеств начала XIX века. Каталог выставки . Сост. Е.Н. Маслова. Научно-исследовательский музей АХ СССР . – Л.: Искусство, 1976. – 46(2) с., 28 с. илл.
3. Дружинкина, Н. Источниковедение церковного искусства, церковно-приходской благотворительности в Санкт-Петербургской епархии второй половины XIX - начала XX вв. По материалам РГИА и ЦГИА Санкт-Петербурга // Петербургские искусствоведческие тетради. - СПб.: 2009. - № 14. - С 245-268.

Елисеев Анатолий Леонидович

кандидат исторических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1941 ГОДУ

Аннотация: События Великой Отечественной войны занимают особое место в истории нашего государства. В статье рассматривается опыт создания на территории Советского Союза партизанских отрядов, диверсионных групп, подпольных организаций, приводятся данные о деятельности партизанских соединений, организации подготовки партизанских кадров, анализируется роль коммунистической партии в организации и руководстве партизанским движением. За победу в этой войне нашему народу пришлось заплатить страшную цену, и эта победа стала возможной только в результате всеобщей мобилизации общества и беспримерного патриотизма советских людей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизаны, партизанское движение, подпольные организации, оккупационный порядок.

ORGANIZATION OF THE PARTISAN MOVEMENT IN 1941

Summary: The events of the Great Patriotic War occupy a special place in the history of our state. The article discusses the experience of creating partisan detachments, sabotage groups, underground organizations on the territory of the Soviet Union, provides data on the activities of partisan formations, organizing the training of partisan personnel, analyzes the role of the Communist Party in organizing and leading the partisan movement. For the victory in this war, our people had to pay a terrible price, and this victory became possible only as a result of the general mobilization of society and the unparalleled patriotism of the Soviet people.

Keywords: Great Patriotic War, partisans, partisan movement, underground organizations, occupation order.

К лету 1941 г. Вторая мировая война вышла на пик своего развития. В военные действия были втянуты порядка тридцати государств. Война приблизилась к границам СССР. Германия поставила под свой контроль практически всю Западную Европу. Главной целью немецкого плана порабощения всего мира стал Советский Союз. Нацистская Германия делала ставку на молниеносный удар и рассчитывала завершить военную кампанию на Востоке к наступлению зимы 1941 г.

К 22 июня немецкое командование завершило сосредоточение своих сил на границах СССР. Рано утром немецкие воинские формирования, получив кодовый сигнал «Дортмунд», начали вторжение на территорию Советского государства.

В ходе войны фашистская Германия ставила своей целью не только уничтожение Советского государства, но и фактическое уничтожение русского народа. В замечаниях «Восточного министерства» к плану «Ост» (предусматривающего покорение восточноевропейских народов) отмечалось, что «Речь идет не только разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их» [7, с. 117].

Предполагалось заселение европейской части СССР немцами с последующим присоединением этих территорий к Германии. На захваченных землях предполагалось оставить только незначительную часть коренного населения, которая бы обслуживала немецких колонизаторов. Остальных планировалось просто уничтожить.

На временно оккупированной территории немецкие захватчики стали устанавливать «новый порядок», по сути дела являвшийся режимом насилия, грабежа и кровавого террора. Эту территорию они разделили на две части. В первую входили районы боевых действий – от линии фронта до тыловых границ немецких армий. Власть здесь была сосредоточена в руках военного командования. Во вторую отнесли все остальные оккупированные территории (военно-административная зона). Здесь власть находилась в руках гитлеровской гражданской администрации, подчиняющаяся берлинскому министерству по делам оккупированных территорий. В свою очередь эта зона подразделялась на два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». На местах формировалось «местное самоуправление». Бургомистры, старшины и старосты были полностью подконтрольны оккупационным властям. Ко всем этим структурам были приписаны «руководители СС и полиции», обладающие неограниченными полномочиями.

На захваченной территории начался массовый террор против мирного населения, «тотальный» грабеж материальных ценностей, вводился принудительный труд всего взрослого населения, начался массовый насильственный угон советских граждан, прежде всего молодежи, в Германию, уничтожение культурных ценностей.

Все это не могло не вызвать ответного сопротивления мирного населения. Повсеместно разворачивалось партизанское движение. Это движение разворачивалось в трех основных формах: партизанские отряды, подпольные организации в населенных пунктах, массовый саботаж мирного населения.

Наиболее действенной формой стала деятельность вооруженных партизанских формирований самой разной численности, от небольших групп и отрядов до крупных партизанских формирований.

Все формы партизанской войны были тесно взаимосвязаны.

В первые дни войны в прифронтовых районах приступили к формированию нелегальных партийных органов для руководства борьбой в тылу врага. Так, 30 июня 1941 г. ЦК компартии Белоруссии принял директиву № 1 «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов,

занятых врагом», где предписывалось начать создание подполья, в первую очередь в районах, подвергшихся оккупации. В этом документе определялись цели подполья, формы его организации, связи. На следующий день была утверждена директива № 2 «По развертыванию партизанской войны в тылу врага, где отмечалось, что «все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются на территории, занятой врагом, чтобы возглавить борьбу против гитлеровских захватчиков» [1, с. 53]. Первым на нелегальное положение в июле перешел Минский областной партийный центр (В.И. Козлов, А.Ф. Брагин, И.А. Бельский, И.Д. Варвашеня, И.Л. Сацункевич и др.). В начале зимы по инициативе минских коммунистов был создан городской комитет партии – «допартком» (И.П. Казинец, К.Д. Григорьев, Г.М. Семенов, В.С. Жудро), объединивший имеющиеся в городе партийные организации и группы.

В летние месяцы на оккупированной врагом территории начали работу Пинская областная партийная тройка (П.Г. Шаповалов, Н.К. Зайцев, А.Е. Клещев) и Гомельский партийный центр (И.П. Кожар, А.А. Куцак, Е.И. Барыкин). Районные партийные тройки образовались в Минской, Полесской, Витебской, Гомельской, Пинской и Могилевской областях (всего 90 организаций). Всего на подпольной работе в Белоруссии было оставлено более 1,2 тысяч коммунистов.

В соседней Украине для нелегальной работы широко привлекали коммунистов, имевших опыт партийной работы в дореволюционное время, в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, а также бывших членов компартии Западной Украины, еще совсем недавно работавших в условиях подполья. В промышленных районах выделялись секретари обкомов партии для руководства подпольной деятельностью в нескольких районах – «кустах». При этом предписывалось в случае необходимости создавать запасные партийные комитеты. Особое внимание было уделено созданию подполья в Киеве. В течение оккупации Киева гитлеровцы несколько раз уничтожали подпольные организации в городе, но оставшиеся для подпольной работы коммунисты вновь восстанавливали их. Крупные подпольные организации действовали в Харьковской (И.И. Бакулин, И.А. Корзин, И.П. Сеницын, И.Ф. Гаркуша), Черниговской (А.Ф. Федоров, Н.Н. Попудренко) и Днепропетровской (Н.И. Сташков, Д.Г. Садовниченко, Д.С. Сытник) областях. На территории Украины в 1941 г. приступили к подпольной деятельности 13 обкомов, порядка 110 окружкомов, горкомов и других организаций.

В непростых условиях создавалось подполье в Прибалтике и в Молдавии. В Литве не удалось заблаговременно организовать работу подпольных организаций, в Латвии действовали подпольные комитеты в Риге и нескольких уездных центрах, в Эстонии функционировал Партийный центр, в Молдавии – действовали на оккупированной территории несколько партийных организаторов.

Гораздо интенсивнее работа шла на территориях Российской Федерации, подвергшейся оккупации. Практически везде были созданы оперативные

группы обкомов, руководившие созданием подполья. С приближением врага на нелегальное положение перешли партийные организации прифронтовых районов Ленинградской, Смоленской и Калининской областей. В Ленинградской области всей деятельностью в этом направлении руководила оперативная тройка обкома. В общей сложности создали 28 подпольных районных и 2 межрайонных органа. В сентябре был образован Ленинградский штаб партизанского движения, который вместе с Карельским штабом, стал прообразом таких штабов по руководству партизанской войной, создаваемых в 1942 г. в других регионах по инициативе Государственного Комитета Оборона.

В Смоленской области для ведения нелегальной работы оставили более трех тысяч коммунистов. К августу на всех оккупированных территориях создали подпольные организации [5, с. 23]. В Калининской области было создано 2 подпольных горкома и 22 райкома. В Московской области действовало 5 подпольных окружкомов, 4 горкома, 16 райкомов и многочисленные подпольные организации и группы. Осенью 1941 г. на нелегальное положение были переведены партийные организации Курской, Орловской областей и Крымской АССР.

В соответствии с директивой от 4 июля 1941 г. Орловского обкома ВКП (б) в области началась практическая работа по созданию диверсионных групп, партизанских отрядов и подпольных организаций для работы в тылу врага¹ на случай оккупации области противником. 17 августа 1941 г. была подготовлена директива обкома партии и облисполкома по созданию школы по подготовке партизанских кадров и кадров диверсантов для проведения подрывной работы в тылу противника на 80 – 100 человек², получившая название, исходя из конспиративных интересов, школа по подготовке противопожарных кадров³. Большую работу проводил в этом направлении полковник военной разведки И.Г. Старинов, уроженец Орловской области. Первыми курсантами стали коммунисты и комсомольцы, присланные партийными и советскими организациями Орла, Брянска, Бежицы и Калинина. Выпускниками школы были А.Д. Бондаренко, М.П. Ромашин, Б.В. Кравцов, М.И. Дука и др. ставшие впоследствии командирами партизанских отрядов, действовавших в Брянских лесах [3, с. 41].

В общей сложности на захваченных территориях в начале войны приступили к борьбе с врагом 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов и райкомов и других партийных органов. Организацией борьбы против захватчиков занимались более 65 тыс. коммунистов.

Одновременно с этим на нелегальное положение переходили и комсомольские организации.

Большое значение отводилось развертыванию партизанских сил в тылу врага, которые должны были своими действиями ослабить натиск врага и тем

¹ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 163. Л. 3об.

² ГАОО. Ф. Р-1591. Оп. 8. Д. 7. Л. 492.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 163. Л. 1 - 2.

самым облегчить действия Красной Армии. Первоначально партизанские формирования были небольшими, до 50 человек. Они комплектовались на добровольных началах преимущественно из партийного, комсомольского и советского актива. Большую роль в их формировании играли и истребительные отряды, подразделения народного ополчения и военнослужащие, оказавшиеся в тылу противника. Наиболее активно партизанские отряды в начале войны формировались в Белоруссии (к августу там действовало 230 отрядов с общей численностью 12 тыс. человек). В докладной записке в ЦК ВКП (б) от 12 июля 1941 г. секретарь ЦК компартии Белоруссии П.К. Пономаренко отмечал, что «во всех оставленных районах мы оставили организованный партизанский отряд. Сотни отрядов возникли самостоятельно. Ежедневно отправляем 200 – 300 человек в оккупированные районы для связи, организации движения, ориентировки и руководства» [1, с. 86].

Партизанские формирования активно создавались на Украине в Днепропетровской, Киевской, Сталинской, Черниговской и Харьковской областях. Основу этих отрядов составляли рабочие, служащие и учащиеся. В Сумской области был сформирован Путивльский отряд, выросший позднее в мощное партизанское соединение под командованием С.А. Ковпака и С.В. Руднева. В общей сложности на Украине сформировали 883 партизанских отряда, а также большое количество диверсионных групп, в которых насчитывалось более 35 тыс. человек.

На территории Российской Федерации процесс создания партизанских отрядов наиболее активно шел на территории Ленинградской области. К концу лета из партизанских отрядов области образовали две партизанские бригады, сыгравшие большую роль в развертывании партизанского движения. Всего партизанские формирования области насчитывали более 12 тыс. человек.

К концу 1941 г. в Смоленской области действовал 41 партизанский отряд, в которых насчитывалось более 6,5 тыс. человек. В Орловской области организовали 65 отрядов численностью 6 тыс. бойцов. В Московской области таких формирований было 41, кроме этого, действовали 377 боевых групп, насчитывающих 15 тыс. человек. В Крыму насчитывалось 27 отрядов, в которые входило около 4 тыс. партизан.

Наряду с партизанскими формированиями образовывались боевые подпольные группы в городах, на крупных железнодорожных станциях.

Партизанская война началась с первых дней Великой Отечественной войны. Партизаны нападали на отдельные воинские части немецкой армии, резервные формирования, нарушали подвоз военной техники, снаряжения, боеприпасов, уничтожали средства связи, коммуникации. Все это сказывалось на маневренности немецких формирований, замедляло их продвижение.

На первом этапе войны особую активность проявляли партизанские формирования Ленинградской области, действовавшие в тылу немецкой группы армий «Север». Особо доставалось тылам 4-й танковой группы. Партизаны дважды наносили комбинированные массированные удары по

коммуникациям врага. В первом ударе было задействовано 27 отрядов (1,5 тыс. партизан), во втором – три партизанских полка (3 тыс. бойцов). Фактически это были первые согласованные действия партизанских формирований и регулярных войск Красной Армии. В результате этих акций, командующий немецкими войсками вынужден был привлечь часть наступающих на Ленинград сил, для охраны своих коммуникаций. В последующие месяцы партизанам даже удалось освободить несколько населенных пунктов на юге области и создать там первый партизанский край.

Значительные силы партизан действовали на коммуникациях группы армий «Центр», рвущейся к Москве. В тылу этих армий действовали белорусские, смоленские, орловские, курские, калининские, московские и другие партизанские формирования. Первыми удар по врагу стали наносить партизаны Пинского отряда В.З. Коржа, партизанского отряда Октябрьского района Полесской области Т.П. Бумажкова. Они разгромили штаб вражеской части, взорвали несколько мостов, нападали на вражеские обозы и подразделения противника. Активно действовал и отряд Суражского района Витебской области под командованием М.Ф. Шмырева («батька Минай»), проводивший только за август – сентябрь 30 боев против немецких захватчиков.

Отважно действовали партизаны Орловской области. Партизаны Брянского сельского отряда в ноябре взорвали первый вражеский эшелон с боеприпасами, затем освободили ряд районов брянщины и положили начало созданию знаменитого Брянского партизанского края. В начале 1942 г. Франц Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных сил Германии, отмечал, что в районе действия 2-й танковой армии на территории Орловской области наблюдается сильная партизанская деятельность [4, с. 63].

Большой урон врагу нанесли и партизаны Московской и Тульской областей. Во время битвы под Москвой на территории Московской области они разрушили практически все железнодорожные линии.

Не давали расслабиться врагу и партизаны Смоленской области. Свои операции они проводили совместно с соединениями Красной Армии. Так, в начале 1942 г. они смогли освободить 40 населенных пунктов Знаменского района, подготовив площадку для десантирования наших подразделений. Были разгромлены многие вражеские гарнизоны. В феврале они захватили город Дорогобуж, куда впоследствии были переброшены части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П.А. Белова. Смоленские партизаны принимали участие в освобождении Ельни и Сухиничей. Своими действиями, они, совместно с частями десантников и кавалерии, дезорганизовали работу важнейшей коммуникации противника – железную и шоссейную дороги Смоленск – Вязьма, перерезали сообщение по железным дорогам Вязьма – Брянск и Смоленск – Сухиничи. Немецкое командование вынуждено было бросать против них крупные воинские формирования, включая две танковые дивизии.

Не менее чувствительные удары по врагу наносили и украинские партизаны. Они, прежде всего, нарушали железнодорожное сообщение противника. К концу осени, ведя тяжелые бои с карательными частями немцев, они отошли на север республики и далее в Брянские леса.

В сложной обстановке приходилось действовать партизанам Крыма. Однако они на протяжении всего времени оккупации полуострова немецкими войсками наносили постоянные удары по соединениям противника, оказывая помощь войскам Красной армии. Наиболее эффективно это было во время высадки десанта в зимние месяцы.

В целом можно констатировать, что в ходе зимней кампании 1941 – 1942 годов боевые действия партизанских отрядов и соединений в тылу войск неприятеля тесным образом координировались с операциями Красной Армии.

Немалый урон врагу наносили и боевые подпольные группы, непосредственно действовавшие в стане врага. Прежде всего, это относилось к проводимым ими диверсиям на железнодорожных станциях и путях. Примером может служить деятельность группы К. С. Заслонова на станции Орша. За несколько месяцев своей деятельности членами группы было организовано около ста крушений железнодорожных составов, выведено из эксплуатации порядка 170 паровозов, много вагонов и цистерн. Немало ущерба врагу нанесли действия боевых групп в Киеве, Полтаве, Кременчуге, Фастове, Нежине, Конотопе и других населенных пунктах Советского Союза.

Правящие круги гитлеровской Германии, военное командование, начиная войну против СССР, не ожидали встретить организованное сопротивление народа, мощное партизанское движение. Для борьбы с партизанским движением неприятель вынужден был формировать специальные воинские части, привлекать воинские соединения, значительно увеличивать численность карательных органов. Однако погасить пламя всенародной борьбы оккупанты так и не смогли.

Список литературы:

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы. В 3-х томах. – Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – Минск: «Беларусь», 1967. - 744 с.
2. Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: сб. документов и материалов. - Орел: Орловская правда. 2005. - 512 с.
3. Елисеев, А.Л. Партизанское движение в Орловской области в годы Великой Отечественной войны // Великая победа: взгляд через 75 лет. - Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Орел, 22 марта 2020 года). - Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2020. - 153 с. - С. 39 – 43.

4. Елисеев, А.Л. Орловская область в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: актуальные проблемы в контексте национальной безопасности. - Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75 - летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. г. Уфа, 22 октября 2020 г. - Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020. - С. 61 – 66.
5. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины (1941 – 1943 гг.). Документы и материалы. Смоленск. Книжное издательство. 1962. - 520 с.
6. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. (1941-1945). Сборник документов и материалов. Вып. 1 – 2. М., Изд-во Моск. Ун-та. 1969. – 686 с.
7. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М., Наука. 1967. – 751 с.

Жолудов Михаил Валентинович

кандидат исторических наук, доцент

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 ГГ. И ЗАРОЖДЕНИЕ БРИТАНСКОГО ДЖИНГОИЗМА

Аннотация: В статье анализируются причины возникновения и особенности развития джингоизма в Великобритании в XIX в. Он стали выражением традиционных антирусских настроений британских средних классов в период обострения отношений между Российской империей и Великобританией. По мнению автора, джингоизм представлял собой разновидность крайне реакционной имперской идеологии, культивировавшей расистские и шовинистические идеи. Правящие круги страны активно использовали русофобию и джингоизм в качестве идеологического прикрытия для проведения своего внешнеполитического курса.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Османская империя, девятнадцатый век, джингоизм, русофобия, русско-турецкая война 1877-1878 гг.

RUSSO-TURKISH WAR OF 1877-1878 AND THE BIRTH OF BRITISH JINGOISM

Summary: The article analyses the causes and features of development of Jingoist movement in XIX century. It became the expression of traditional anti-Russian moods of British middle classes during the period of strained relations between the Russian Empire and Great Britain. According to the author, Jingoism was an extreme reactionary Imperial ideology cultivated the racist and chauvinistic ideas. The ruling circles of the country actively used Russophobia and Jingoism as ideological cover for the conduct of its foreign policy.

Keywords: Russian Empire, United Kingdom, The Ottoman Empire, the nineteenth century, jingoism, Russophobia, Russo-Turkish war of 1877-1878.

Джингоизмом обычно называют крайнее проявление британского воинствующего патриотизма в Великобритании в конце XIX в. Это явление до настоящего времени не становилось предметом специального исследования в российской историографии. В зарубежной исторической науке существует ряд серьезных работ по данной теме [4; 6; 7; 8]. Примечательно, что зарождение джингоизма теснейшим образом связано с утверждением русофобских настроений в британском обществе. Сам термин появился в Великобритании в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. для обозначения шумной митинговой кампании, начавшейся в последние дни 1877 г. и завершившейся к середине марта 1878 г. Он был произведен от слова «Джинго», которое

англичане когда-то придумали, чтобы не помянуть ни бога, ни черта. Слово «Джинго» звучало рефреном в шовинистической песенке, которая была очень популярна в лондонском мюзик-холле в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В тексте песни утверждалось, что «русские не получают Константинополя!» и что, «если уж придется воевать, то именем Джинго, нам хватит людей, и кораблей, и денег – чтобы воевать!» [2, с. 55]. Песня стала популярным символом британского шовинизма. А сторонников сильной британской внешней политики на Ближнем Востоке с тех пор стали называть джингоистами. Впоследствии джингоистской стали называть любую внешнюю политику в поддержку национальных интересов Британии, которая находила мощный отклик в общественном мнении страны.

Поводом к распространению джингоистских настроений в Великобритании во второй половине 70-х гг. XIX в. встало обострение так называемого Восточного вопроса, суть которого заключалась в борьбе великих европейских держав, главным образом России и Англии, за преобладание на Ближнем Востоке и Балканах. В июле 1875 г. вспыхнуло народное восстание в Боснии и Герцеговине; в 1876 г. к восставшим присоединились Сербия и Черногория, объявившие Турции войну; сильное движение в пользу независимости началось в Болгарии. Для подавления восстаний турецкое правительство направило регулярные войска и отряды башибузуков. Турецкие власти начали серию жестоких расправ с восставшими.

События на Балканах сразу же привлекли внимание официального Лондона. Англичане к этому времени имели явное преобладание в Турции. Эта страна стала фактической полуколонией Англии. Ее внешняя торговля находилась в руках англичан. Английский посол распоряжался в Константинополе как у себя дома. Исходя из желания сохранить свои позиции в Турции и проходившие через ее территорию торговые пути в Индию, английская дипломатия выступала за сохранение Оттоманской империи в неизменном виде (так называемая политика *status quo*); в повстанцах против турецкого ига английские правящие круги традиционно видели лишь «бунтовщиков» против законных властей. Восстание 1875-1876 гг. многие английские публицисты связывали с «происками России».

В Великобритании Восточный вопрос во многом ассоциировался с русско-британскими противоречиями и русско-индийской пограничной проблемой. Так, на заседании Восточной Индийской ассоциации в 1877 г. подчеркивалось: «Восточный вопрос для Англии – это русско-индийский вопрос, т.е. гарантия любой ценой добиться нейтралитета Константинополя и Суэцкого перешейка, так как они затрагивают наши интересы относительно пути в Индию, наши отношения с Россией касательно ее позиций в Малой Азии, индийскую границу, где Россия теперь стала нашим соседом» [1, с. 69]. Поэтому британские политики и дипломаты с подозрением наблюдали за постепенным укреплением русских позиций на Ближнем Востоке, опасаясь дальнейшего проникновения России на Средний Восток и особенно в Индию.

Главной целью своей восточной политики Великобритания считала вытеснение России из ближневосточного региона. Выполнить такую задачу она могла лишь в случае осуществления контроля над черноморскими проливами, то есть, заперев русский флот в Чёрном море и не выпуская его в Средиземное море. От этого, по мнению британских дипломатов, во многом зависела безопасность торговых путей из Великобритании на Восток, в Индию, богатейшую британскую колонию, эксплуатация которой приносила английским предпринимательским кругам огромные прибыли.

У власти в этот период в Великобритании находилось правительство консерваторов во главе с Бенджамином Дизраэли. Консерваторы проводили довольно последовательную политику по защите интересов Великобритании во время набравшего силу Восточного кризиса. Дизраэли был твердо убежден, что Константинополь – это ключ к Востоку, и именно там, а не в Египте, «находится подлинная гарантия пути в Индию». Официально придерживаясь политики «нейтралитета», Дизраэли не раз прибегал к угрозам военного вмешательства Британии в конфликт между Россией и Турцией на стороне последней.

Поэтому, в октябре 1876 г. консервативный кабинет принял решение по Восточному вопросу, одним из пунктов которого был «ввод британского флота в Босфор с мощной высадкой десанта, который частично был взят из ее частей в Индии. Целью этого проявления силы являлась защита Константинополя от русской агрессии, овладение им в случае надобности и его удержание ...» [1, с. 70].

Неудивительно, что Восточный вопрос в это время находился в центре внимания английской общественности. Ожесточенная борьба в парламенте по этому вопросу привлекала пристальное внимание общественного мнения страны.

Непосредственное участие в обсуждении внешнеполитических вопросов приняли находившиеся в оппозиции либералы. Основная роль в оценке действий консерваторов летом-осенью 1876 г. принадлежала тогдашнему лидеру Либеральной партии Уильяму Гладстону. С начала кризиса Гладстон крайне отрицательно отнесся к внешнеполитическим действиям торийского кабинета. Он отзывался о них, как о «наиболее глупых и наименее достойных». В начале сентября 1876 г. Гладстон написал и опубликовал свой известный памфлет «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» [5]. В этой брошюре Гладстон осудил политику турок на Балканах, приведя вопиющие факты турецких бесчинств на территориях, населенных славянами. В частности, он приводил бесспорные факты турецких зверств в Болгарии: эти факты были собраны беспристрастными наблюдателями и очевидцами. Брошюра Гладстона получила широкий отклик, а выступления его с публичными речами в этом духе имели огромный успех. Десять тысяч экземпляров разошлись в течение трех или четырех дней.

Последовавшие в сентябре 1876 г. выступления У. Гладстона перед избирателями и публикация его писем в газете «Таймс», посвященных данной проблеме, дали толчок мощному движению английской общественности, так называемой «Болгарской агитации». В движении «Болгарской агитации» активное участие приняли представители радикального крыла либеральной партии. Казалось, что в британском общественном мнении стала побеждать либерально-пацифистская тенденция.

Однако, начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война усилила поляризацию и изменила вектор развития общественного мнения в Англии. Преимущественно все газеты начали высказывать свои симпатии Турции и требовать, чтобы Англия выступила в защиту последней. Консервативный кабинет Б. Дизраэли чувствовал широкую поддержку своему политическому курсу. Ухудшение англо-русских отношений сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения, которое в то время играло значительную роль в политической жизни Великобритании. Газеты и журналы раздували русофобские настроения среди англичан, пропагандируя ставшую популярной концепцию «русской опасности» для Индии. Сам премьер-министр Дизраэли принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Он имел тесные контакты с редакциями ряда крупных изданий, писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. Главная причина поражения либералов заключалась не только в том, что в правительственном лагере были сильные фигуры в лице премьера и королевы, но и в том, что значительная часть английского населения уже на данном этапе занимала антирусские позиции. По мнению отечественного исследователя Т.Н. Гелла, «протурецкие и русофобские настроения являлись проявлением того широкого интереса к империи, который охватил английское общество во второй половине XIX в.» [1, с. 78]. Джингоистское движение отражало взгляды радикально настроенных средних слоев общества, готовых с оружием в руках отстаивать «британские интересы». Британия была в значительной степени поражена вирусами джингоизма и русофобии. Российский дипломат П.А. Шувалов сообщал в феврале 1878 г. канцлеру А.М. Горчакову: «Недовольство в Англии достигло своего апогея. Страна накалилась до предела. Туркофильско настроенная пресса всячески пытается разжечь огонь... Англичане изменились: они перестали быть теми британцами, которые были заняты исключительно собственными интересами; теперь они готовы мстить ценою больших жертв за нанесенные нашими условиями (Сан-Стефанским договором. – М.Ж.) удар по так называемым «британским интересам» [1, с. 78 - 79]. Прикрываясь патриотическими лозунгами, джингоизм представлял собой разновидность крайне реакционной имперской идеологии, культивировавшей расистские и шовинистические идеи.

«Шовинизм процветает и может одержать победу», - констатировал с сожалением в одном из своих писем У. Гладстон [1, с. 79].

В результате побед российских войск в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. симпатии общественного мнения в Соединенном Королевстве диаметрально изменились в пользу слабой стороны – в данном случае Турции. Однако теперь к воинственному патриотизму и антирусским настроениям времен Крымской войны 1853-1856 гг. добавилась «джингоистская лихорадка», а именно волнующее ощущение слабого соперника, легкой победы и хорошей наживы. Парламент без дебатов отпустил правительству 6 млн. фунтов стерлингов на военные нужды, и британский флот направился к побережью Турции [6, с. 230].

Джингоистские митинги инициировались консерваторами в поддержку «сильной позиции» правительства Б. Дизраэли в Восточном вопросе. Они были спровоцированы выступлением лидера либералов У. Гладстона, обвинившего главу консервативного кабинета в предательстве национальных интересов [4, с. 437].

Наиболее впечатляющими были митинги последней стадии кампании - 24 февраля 1878 г. в Гайд-парке (на следующий день после занятия русскими войсками Сан-Стефано и подписания договора) и 6 марта в Эксетер-холле. Последний из них отличался своей массовостью. Он собрал более сорока тысяч участников. Митинги сопровождали развевающиеся знамена, оркестры, пение песни о Джинго, эмоциональные речи с призывами поддержать правительство. Массу зрителей привлекли пляски молодых людей с перепачканными охрой лицами. Были приняты меры по обеспечению порядка, который охраняли более тысячи конных и пеших полицейских. Были произведены аресты, очень, впрочем, немногочисленные. Эти митинги и создали ощущение масштабности и силы милитаристских настроений в стране [3, с. 130].

Митинги были очень хорошо подготовлены. Объявления о планирующихся событиях крупным шрифтом на видных местах печатались в уважаемых газетах. В организации и проведении собраний участвовали общественные организации – например, Антирусская патриотическая лига. В числе ораторов значились известные консервативные политики. В ведущих газетах помещались развернутые отчеты и тексты произнесенных на них патриотических речей, в которых содержались призывы поддержать консервативное правительство в решимости отстаивать британские национальные интересы [3, с. 130].

Вышей точкой джингоистских митингов стал период января-февраля 1878 г., когда были восторжены чрезвычайные военные расходы, и британский флот получил предписание выдвинуться в черноморские проливы. В сути явления джингоизма хорошо заметна идеологическая, интуитивно-образная, более эмоциональная, чем рациональная мотивация. Джингоизм провозглашал идею противодействия России как воплощению варварства и носителю агрессивного начала – в противовес высоким гуманитарным ценностям

Британии. Это открывало возможности апелляции к области чувств участников митинга, в основном представителей среднего класса. Джингоистское движение стало основой популистской поддержки антирусской политики британского правительства в годы балканского кризиса конца 70-х гг. XIX в.

Список литературы:

1. Гелла, Т.Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. – Орел: изд-во ОГУ, 2008. – 295 с.
2. Давидсон, А.Б. Сесиль Родс и его время. – М.: Мысль, 1984. – 367 с.
3. Дронова, Н.В. Джингоистские митинги 1877-1878 гг.: к оценке политических технологий викторианской Англии // Британия: история, культура, образование. – Ярославль: ид-во ЯГПУ, 2012. – С. 129-132.
4. Cunningham, H. Jingoism in 1877–1878 // *Victorian Studies*. – 1971. – № 14 (4). – P. 429–453.
5. Gladstone, W. Bulgarian Horrors and the Eastern Question // *Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan*. – Leipzig, 1876. – P 47-50.
6. Porter, B. *The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 504 p.
7. Price, R. N. *Society, Status, and Jingoism: The Social Roots of Lower Middle Class Patriotism, 1870–1900* // *The Lower Middle Class in Britain, 1870–1914*. – London: Croom Helm, 1977. – P. 89–112.
8. Readman, P. *The Conservative Party, Patriotism, and British Politics: The Case of the General Election of 1900* // *Journal of British Studies*. – 2001. – № 40 (1). – P. 107–145.

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

ПИТАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫ

Аннотация: В статье на основе данных о состоянии питания сельского населения Архангельской губернии в 1921 – 1927 гг. предпринята попытка проанализировать соответствие сбалансированности компонентов питания физиологическим нормам, проследить как изменялось питание сельских жителей в указанный период времени, какие продукты в большей степени употреблялись. Выявить основные пищевые тенденции, характерные для периода НЭПа.

Ключевые слова: крестьянство, питание, Архангельская губерния, НЭП, традиции, сезонность, сбалансированность.

NUTRITION OF THE RURAL POPULATION OF THE ARKHANGELSK PROVINCE IN THE 1920S

Summary: In the article, based on data on the nutritional status of the rural population of the Arkhangelsk province in 1921-1927, an attempt was made to analyze the balance of nutrition components to physiological norms, to trace how the nutrition of rural residents changed during the specified period of time, which products were used to a greater extent. To identify the main food trends characteristic of the NEP period.

Keywords: peasantry, nutrition, Arkhangelsk province, NEP, traditions, seasonality, balance.

Изучение питания населения с точки зрения сбалансированности основных компонентов питания и соответствия физиологическим нормам имеет важное значения. Соответствие этим нормам показывает уровень материальной обеспеченности населения и в целом стабильности развития экономики. Любые отклонения от нормы будут свидетельствовать о дисбалансе.

Проблема сбалансированного питания привлекала отечественных ученых еще в дореволюционный период. 1920-е годы представляют для исследователей особый интерес¹. Пережитая Первая мировая война, последовавшая за ней революция, Гражданская война все это отразилось на материальном положении

¹ Клепиков, С.А. Питание русского крестьянства / С. А. Клепиков; Под ред. и с вступ. статьей проф. А. В. Чайнова. - Москва: [б. и.], 1920. - 26 см. - (Материалы по изучению массового потребления/ Высш. совет народного хозяйства. Отд. ред.-изд. Работы Экон. отд. Российского пищевого науч.-техн. ин-та). Ч. 1: Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. Ч. 1. - 1920. - XXIV, - 52 с.

всех граждан, в том числе и производителей продовольствия. При употреблении пищи у человека вырабатывается энергия. Выполняя ту или иную работу, человек расходует данную энергию. В зависимости от тяжести выполняемой работы расходуется и приобретенная энергия. Б.И. Словцов делит всех трудящихся на четыре группы.² Главным критерием для такой классификации является тяжесть выполняемой работы и сельскохозяйственные работы он относит в четвертую группу, самых энергозатратных видов деятельности. Следует отметить, что крестьянский труд в сельском хозяйстве имеет определенную периодичность в хозяйственном году, что объясняется сезонностью. Средняя норма питательности составляет 100 г белков, 70 г жиров, 500 г углеводов, что составляет 3160 калорий. Согласно Е. Кабо физиологическая норма взрослого рабочего – 3600 калорий³.

Следует так же учитывать, что 1920-е гг. существовали определенные традиции питания. В частности, сохранялось употребление продуктов питания исходя из сезона, а так же в соответствии с христианской традицией постных и скоромных дней. Следует так же отметить, что в общей сложности постных дней было в году больше, чем скоромных⁴. К постным дням относились непосредственно посты, так же среды и пятницы на протяжении всего календарного года. Питались в основном теми продуктами, которые сами и вырастили. Затраты на покупку продовольствия в общем расходном бюджете крестьянского хозяйства зависели от региона проживания, от погодных факторов и от материального положения самого хозяйства⁵.

Рассмотрим питание сельского населения Архангельской губернии в 1921 – 1927 гг. с точки зрения сбалансированности его по основным питательным началам и калорийности.

Таблица – Питание сельского населения Архангельской губернии в 1921 – 1927 гг. (основные питательные начала и калории)

Год	Месяц	Число обследованных хозяйств	Основные питательные начала (г)			Калории
			Белки	Жиры	Углеводы	
1921	Ноябрь	282	120,1	50,8	677,1	3740
1922	Февраль	304	126,7	48,2	638,4	3587
	Октябрь	163	130,0	62,5	676,2	3887
1923	Февраль	235	121,8	44,5	669,8	3659
1924	Февраль	339	144,0	77,7	693,7	4155
	Июнь	302	134,2	64,2	653,2	3825
	Октябрь	345	55,9	7,4	724,0	4327

² Словцов, Б. И. Питание и работа / Проф. Б. И. Словцов. - 2-е изд. - Москва ; Петроград : Л. Д. Френкель, 1923. - 27 с.

³ Кабо, Е. Питание русского рабочего до и после войны. – М., 1926. – С. 23.

⁴ Жукова, В.С. Питание вологодских крестьян в 1919 – 1927 гг. // Вузовская наука – региону. Материалы Первой общероссийской научно-технической конференции. Вологодский государственный технический университет. 2003. – С. 626 – 629.

⁵ Жукова, В.С. Материальное положение крестьян Европейского Севера России в 1920-х гг. Вологда, 2014. – С. 86 – 103.

1925	Март	386	1	5	714,6	40
			45,9	4,5		34
	Июнь	354	1	7	683,8	41
1926			55,0	2,2		12
	Октябрь	350	1	7	715,5	43
			54,8	8,8		00
1927	Февраль	412	1	7	707,6	42
			55,8	3,7		25
	Октябрь	335	1	7	734,5	43
1927			55,0	6,7		58
	Февраль	343	1	6	697,0	40
			46,0	5,0		53
1927	Октябрь	419	1	8	713,0	43
			52,0	2,0		08

Таблица составлена по: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917 – 1924 годы. Архангельск: Архгубстатбюро. 1925. – С. 668 – 671; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год Архангельск: Архгубстатотдел. 1927. – С. 254 – 255; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск: Архгубстатотдел. 1929. – С. 304 – 305.

Исходя из данных таблицы, мы видим, что калорийность за указанный период времени соответствует тем нормативам, которые прописаны Б.И. Словцовым и Е. Кабо. Следует учитывать, что данные нормативы даны для взрослого человека, находящегося в покое. Сельское население в период активных полевых работ расходует намного больше энергии. Наименьший показатель калорийности зафиксирован в феврале 1922 г. и он составил 3587 ккал. Данные по калорийности за зимние месяцы по 1923, 1924, 1926, 1927 гг. говорят нам о том, что калорийность питания сельского населения Архангельской губернии была выше 4000 ккал. Если говорить об основных питательных началах, то довольно часто в питании сельских жителей не выполнялся норматив по употреблению жиров. В таблице представлены в двух случаях данные за летние месяцы в 1924 и 1925 года. Мы видим, что количество калорий увеличилось, кроме этого, мы видим увеличение употребленных белков, жиров и углеводов. В статистических сборниках так же присутствуют данные о процентном соотношении животных продуктов среди употребленной пищи. Наименьшее количество потребленной животной пищи приходилось на февраль 1923 г. и составило 18,4%, наибольшее в июне 1925 г. – 38,8%.

Далее рассмотрим, какие продукты питания употребляли сельские жители. Для подробного анализа возьмем февраль 1922 г., это время, когда население по данным статистики получила наименьшее количество калорий. Пища животного происхождения составила – 26,6%. На первом месте стояло употребление хлеба – 1,572 ф., в том числе ржаного хлеба – 0,873 ф., пшеничного хлеба употребляли очень мало – 0,009 ф., к хлебу примыкает мука для хлебопечения – 0,342 ф. По данным статистики в большом количестве

употреблялся картофель. Его потребление на душу населения в день в среднем составило 1,282 ф. На следующем месте шло употребление молочных продуктов – 0,814 ф., в том числе таких как: молоко – 0,700 ф., творог, смета и сыр – 0,093 ф., масло – 0,021 ф. Употребляли сельские жители и рыбу – 0,264 ф., в том числе: свежую – 0,164 ф., соленую сельдь – 0,004 ф. остальное приходилось на прочую соленую рыбу. Потребляли крестьяне мясо и прочие мясные продукты – 0,181 ф., овощей, за исключением картофеля употребили – 0,111 ф., сахара, сала и яиц употребили по 0,002 ф., соли – 0,036 ф., масла растительного – 0,001 ф. и чая (кофе и суррогатов) – 0,005 ф.

Для сравнения рассмотрим, как изменился набор продуктов в октябре 1926 г., когда калорийность питания достигла наибольшего показателя за рассматриваемый период в 4358 ккал. Пища животного происхождения составила – 29,9%. Белковой пищи в среднем одним едоком было употреблено 155 г, жиров – 76,7 г, углеводов – 734,5 г. На первом месте по потреблению так же остается хлеб. Всего хлебных изделий было употреблено в пищу 1,73 ф. и еще 0,268 ф. муки для хлебопечения. Второе место, так же осталось не измененным, это употребление картофеля – 1,176 ф. третье место занимает употребление молочных продуктов 1,057 ф. в том числе: молоко – 0,953 ф., творог (сметана и сыр) – 0,080 ф., масло – 0,024 ф. Мяса и мясных продуктов потребили 0,271 ф., рыбы – 0,211 ф., овощей, за исключением картофеля – 0,199 ф., крупы (зерна, употребляемого как крупа и бобовые) – 0,131 ф., сахара – 0,039 ф., соли – 0,052 ф., сала – 0,007 ф., яиц и чай (кофе, суррогаты) – по 0,004 ф., масло растительное – 0,003 ф.

Рассмотрим, как изменялось питание сельского населения Архангельской губернии в зависимости от сезона.

Таблица – Дневной рацион сельского населения Архангельской губернии (в фунтах)

	Март 1925	Июнь 1925	Октябрь 1925	Февраль 1926
Весь хлеб и хлебные изделия в том числе:	1,711	1,737	1,676	1,711
- ржаной	1,416	1,485	1,298	1,308
- пшеничный	0,011	0,019	0,013	0,024
Мука для хлебопечения	0,296	0,300	0,316	0,278
Крупы (зерно, употребляемое как крупа и бобовые)	0,200	0,145	0,130	0,159
Картофель	0,886	0,420	1,009	0,842
Прочие овощи	0,212	0,021	0,280	0,097
Масло растительное	0,012	0,003	0,002	0,006
Сахар	0,031	0,031	0,032	0,048
Мясо и мясные продукты	0,068	0,060	0,226	0,223

Сало	0,002	0,002	0,006	0,005
Рыба	0,306	0,326	0,221	0,270
Молоко	0,668	1,102	0,926	0,951
Творог (сметана и сыр)	0,060	0,158	0,092	0,103
Масло коровье	0,012	0,026	0,024	0,027
Яйца	0,002	0,011	0,004	0,002
Соль	0,048	0,047	0,047	0,061
Чай (кофе и суррогаты)	0,005	0,005	0,004	0,005

Таблица составлена по: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 годы. Архангельск: Архгубстатбюро. 1926. – С. 250 – 251; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год Архангельск: Архгубстатотдел. 1927. – С. 254 – 255.

В таблице взята выборка по месяцам из каждого сезона. Исходя из данных таблицы, мы видим, что потребление некоторых продуктов зависело от сезона. Так, мы видим, что потребление картофеля, других овощей и растительного масла в июне значительно уменьшается. Это объясняется тем фактом, что к июню запасы данного рода продуктов уменьшаются. В октябре урожай текущего года овощей уже собран, и мы видим стремительно увеличивающееся потребление овощей. Не наблюдаем такой тенденции по употреблению растительного масла. Его потребление увеличивается только в феврале.

Исходя из таблицы, мы видим незначительные колебания в потреблении некоторых видов продуктов, таких как хлеб и хлебные изделия, мука для хлебопечения, крупы (зерно, употребляемое как крупа и бобовые), сало, рыба, масло коровье и яйца.

Существенные колебания мы видим в употреблении в группе творог (сметана и сыр). Довольно значительное увеличение потребления данной группы продуктов мы видим в июне, а в октябре мы видим уменьшение его потребления, в феврале вновь увеличение. Увеличение потребления мяса и мясных продуктов мы видим в октябре, в феврале их потребление остается приблизительно на том же уровне. Потребление молока значительно увеличивается в июне, в октябре слегка уменьшается, а в феврале опять незначительно увеличивается. Не зависит от сезонности потребление таких продуктов как сахар, соль, чай (кофе, суррогаты).

Проведенный обзор статистических данных позволяет говорить, что в 1920-гг. среди сельского населения Архангельской губернии по основным питательным началам питание довольно часто было не до конца сбалансированным. Это в основном касалось группы жиров. Население данный дисбаланс компенсировало углеродосодержащими продуктами. Калорийность питания так же не всегда отвечала потребностям организма в затраченной энергии на выполнение трудоёмких видов работ. По набору продуктов питание

сельских жителей оставалось традиционным. Употребление некоторых групп продуктов отличалось сезонностью.

Список литературы:

1. Жукова, В.С. Материальное положение крестьян Европейского Севера России в 1920-х гг. Вологда, 2014. – С. 86 – 103.
2. Жукова, В.С. Питание вологодских крестьян в 1919 – 1927 гг. // Вузовская наука – региону. Материалы Первой общероссийской научно-технической конференции. Вологодский государственный технический университет. 2003. – С. 626 – 629.
3. Клепиков, С.А. Питание русского крестьянства / С. А. Клепиков; Под ред. и с вступ. статьей проф. А. В. Чайнова. – Москва: [б. и.], 1920. – 26 см. – (Материалы по изучению массового потребления/ Высш. совет народного хозяйства. Отд. ред.-изд. Работы Экон. отд. Российского пищевого науч.-техн. ин-та). Ч. 1: Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. Ч. 1. – 1920. – XXIV, – 52 с.
4. Словцов, Б. И. Питание и работа / Проф. Б. И. Словцов. – 2-е изд. – Москва; Петроград: Л. Д. Френкель, 1923. – 27 с.
5. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917 – 1924 годы. Архангельск: Архгубстатбюро. 1925. – С. 668 – 671.
6. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год Архангельск: Архгубстатотдел. 1926. – С. 256 – 257.
7. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год Архангельск: Архгубстатотдел. 1927. – С. 254 – 255.
8. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск: Архгубстатотдел. 1929. – С. 304 – 305.

Земцова Ирина Валерьевна

кандидат искусствоведения, доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I В ИНОСТРАННЫХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ

Аннотация: В статье рассматривается описание Санкт-Петербурга в иностранных путеводителях, написанных в начале царствования Николая I. Проанализирован подход авторов путеводителей к описанию города, влияние определённых идей и культурных установок на восприятие путешественниками города и его архитектурных красот. Выделены наиболее значимые темы и архитектурные объекты, вызывавшие особое удивление, восхищение, неприятие или раздражение у авторов путеводителей. Рассмотрены и определены причины такого восприятия.

Ключевые слова: путеводитель, иностранные путешественники, Санкт-Петербург, дворцы, архитектура, ордер, пропорции, аналогия.

ST. PETERSBURG OF THE ERA OF NICHOLAS I IN FOREIGN GUIDEBOOKS

Summary: The article discusses the description of St. Petersburg in foreign guidebooks written at the beginning of the reign of Nicholas I. The approach of the authors of the guidebooks to the description of the city, the influence of certain ideas and cultural attitudes on the perception of the city and its architectural beauties by travelers is analyzed. The most significant themes and architectural objects that caused particular surprise, admiration, rejection or irritation among the authors of the guidebooks are highlighted. The reasons for this perception are considered and determined.

Keywords: guidebook, foreign travelers, St. Petersburg, palaces, architecture, order, proportions, analogy.

Интерес иностранных путешественников к Санкт-Петербургу во многом был связан со зримым воплощением идей Петра I по преобразованию России. Эстетическая оценка построек и панорам города не занимала их по преимуществу, поэтому описание Петербурга у авторов путеводителей начала царствования Николая I достаточно примечательно. В этот период город можно сказать уже обрёл свой стиль и лицо, сложились многие ансамбли, составляющие его славу и поныне. Тем интереснее взглянуть на них глазами стороннего наблюдателя. Представленные здесь авторы – Л. Ритчи, У. Вилсон, А. Гренвилл, Ч. Эллиотт, Ф. Ансело, - посетили Россию с 1826 по 1836 гг. и достаточно страниц в своих произведениях уделили Петербургу, однако, не каждый из их путеводителей помог бы путешественнику сориентироваться в городе, поскольку их задачей было не столько описание, сколько оценивание.

Путеводитель XIX века представлял собой достаточно своеобразное литературное явление, сформировавшееся в отдельный литературный жанр, в сложение которого особый вклад внесли английские путешественники. По форме эти сочинения обычно представляли собой опубликованные дневники, письма, путевые заметки [2]. Писались они обычно как обзор путевых впечатлений и охватывали нередко сразу несколько стран с момента отъезда автора из отправной точки. Целью было создать общую картину открывающейся путешественнику части мира, увязав её образ и стиль жизни с представлением об истинных путях развития культуры и европейской цивилизации, характерном для родины писателя. Эта встраиваемость посещаемых мест в общий образ мира предполагала сравнительный анализ по определённым критериям – на соответствие встреченных в пути государственных обычаев и культурных установлений наиболее значимым и востребованным на тот момент идеям на родине автора. Неудивительно, что содержание таких путеводителей больше похоже на философские эссе и обзоры государственного устройства, дополняемые историческими очерками. Описание увиденного нередко перемежается отступлениями политического свойства, так что кажется будто архитектурные красоты, знакомство с музеем, описание какого-либо храма или памятника служат лишь предлогом для пространных рассуждений о природе власти, значении религии, характере народа, которым ищут подтверждения в любом поступке или творческом порыве.

Поездки авторов путеводителей по России готовились ими довольно тщательно. В текстах рассеяны упоминания о прочитанных трудах, оценки, данные ранее другими авторами, сравниваются с собственными ощущениями от увиденного. Т.е. имеют место определённое ожидание, некая предопределённость впечатления, но практически отсутствуют спонтанные переживания. Особенно характерен пример шотландского журналиста Лейта Ритчи. Он серьёзно подготовился к путешествию и прочитал о России и Петербурге как довольно старинные сочинения - Адама Олеария и врача царя Алексея Михайловича Сэмюэля Коллинза, так и те, что вышли перед самым его приездом. В его багаже сочинения долго проживших в России времён Екатерины II шотландского литературоведа Уильяма Ричардсона и Уильяма Тука, члена-корреспондента Петербургской академии наук, автора трудов по русской истории, а также и его современников профессора Кембриджского университета Эдварда Даниэля Кларка, работавшего в России художника-баталиста Роберта Кер Портера и Джосайи Кондера, никуда не ездившего автора 30-томного всемирного географического фолианта «Современный путешественник» (1827-30 гг.), в котором России был посвящён 17 том. Л. Ритчи цитирует даже «Панораму Санкт-Петербурга» А. П. Башуцкого, изданную в 1834 г., рассказывая о празднествах петровского времени.

Авторы путеводителей в рассказах о достопримечательных местах и зданиях стремятся одновременно рассказать об истории страны, её великих

деятелях, значимых недавних событиях, ввести в круг общественных проблем, образа мысли, способа жизни, объяснить незнакомую и от того загадочную греко-православную религиозную традицию. Так Л. Ритчи использует описание любого здания как отправную точку для рассказа о какой-либо особенности русской веры, культуры, специфике устройства русского общества или экскурса в историю. Описание Невского проспекта естественным образом переходит в технологические подробности устройства тротуаров и рассказ о принятых в российских городах средствах передвижения, называемых экзотическими русскими словами, записанными латиницей, – тройка, дрожки, кибитка. Рассказ об Армянской церкви продолжается историей сложения порядков и институтов в православной церкви и завершается критикой доктрин греческого православия и его влияния на русский характер. Также поступает и Ч. Эллиотт после описания Казанского собора, добавляя латиницей экзотичное для западного читателя русское произношение молитвенных формул. Л. Ритчи описание Казанского собора завершает заметками об отношениях классов в русском обществе. Для Ф. Ансело собор становится источником моральных страданий, вызванных выставленными там трофеями войны с Наполеоном – «памятником недавних катастроф», и он раздражается язвительным пассажем о тщеславии русских как специфической черте нации [1, с. 201].

Описание путешественниками города показывает, что в своих впечатлениях они ищут некую точку опоры, камертон, который бы позволил оценить красоту, гармоничность, соразмерность, городских ансамблей. Такой опорой становится восприятие незнакомого через призму знакомого. Авторы стараются сравнить Неву с Темзой, Казанский собор с его прототипом – собором Святого Петра в Риме, некрополь при Александро-Невской лавре с «лилипутской Пер ла Шез» [6, с.105], сам город с Венецией или Лондоном. Но чаще соглашались с тем, что найти аналогов в Европе не удастся ни Адмиралтейству, ни Мраморному дворцу, ни Таврическому, ни гранитным набережным. Даже о недостроенном ещё Исаакиевском соборе пишут: «Это должно быть самое богатое и великолепное здание в мире» [6, с. 68]. Находя недостатки в архитектуре или пропорциях этих зданий, они не могут отказать им в величии и грандиозности производимого впечатления. О критикуемом другими путешественниками здании Академии художеств У. Вилсон пишет, что у него «мало соперников даже в стране Палладио; поскольку гармония его пропорций, симметрия его пар, правильность и целомудренность дизайна, а также внушительная масса самого здания таковы, что удовлетворяют большинству критических взглядов» [7, с. 239].

Именно грандиозность и масштаб открывающихся им видов является преобладающим впечатлением у всех авторов путеводителей: «Ничто в своем роде не поражает больше, чем первый взгляд на Санкт-Петербург... Ты сражен превосходством города; триумфом искусства над природой; великолепным мегаполисом среди болот» [4, с. 267]; «величественная регулярность ослепляет, поражает — и одновременно утомляет своим однообразием. В самом деле, на

свете есть города больше Санкт-Петербурга, но ни один из них не кажется больше» [1, 199]. «Каждая вещь здесь представлена в гигантском масштабе», - пишет Л. Ритчи. И продолжает: «Государственные учреждения, или, по крайней мере, многие из них, вряд ли были бы слишком малы, даже если бы к населению страны прибавились сто миллионов» [6, с. 67]. Размеры зданий Сената и Синода он даже охарактеризует как «бробдингневские», перенося это определение на все «государственные учреждения этой колоссальной империи» [6, с. 126]. Во многом претензии, предъявляемые к фальконетовскому памятнику Петру I, связаны прежде всего с обвинением автора именно в преуменьшении грандиозности творения. Скала, созданная руками природы словно специально для памятника гиганту, кажется Л. Ритчи непоправимо испорченной стремлением «придать такой грубой и дикой массе красивый и вежливый вид» [6, с. 125], что преуменьшило его размер, заключавший большую часть его величия.

Впечатлённые масштабами путешественники пытаются их осмыслить, втиснуть в рамки привычного восприятия. Невозможность подобных масштабов в Европе они объясняют вынужденной экономией пространства, а возможность их в России заменой постоянной армией каменных стен в новых войнах, малой стоимостью земли и даже проявлением царских амбиций в завоевании половины мира. Ритчи подозревает это намерение даже в том факте, что видел в Эрмитаже картину, написанную Джошуа Рейнолдсом специально для Екатерины II на сюжет «Младенец Геркулес, душащий змею» и аллегорически представляющую, по его мнению, Россию в образе младенца Геркулеса, тогда как змея являет собой прообраз вселенной [6, с. 132].

Сама картина города восхищая, даёт Ф. Ансело повод не только потешить свою национальную гордость, поскольку «[Эти] грациозные мосты, эти элегантные здания были задуманы и спроектированы французскими архитекторами и инженерами» [1, с. 205], но и порассуждать о покорности и полудикости создававших их мастеров, не сознававших их красоты. Он обращается к теме подражательности русской культуры, как последствия того насильственного прыжка через шесть столетий, к которому Пётр принудил свой народ, вынудив его «копировать результаты, не умея усвоить то, что позволяет их достигнуть» [1, с. 205]. Ф. Ансело, не чувствуя противоречия, упрекает Петербург одновременно и за однообразие колонн и портиков, и за многостилье загородных домов Крестовского и Каменного островов, которые он называет «конспектом фантазий всех известных народов» [1, с. 205].

Тему подражательности развивает и Л. Ритчи: «Они имитируют классические модели; но часто они имитируют их плохо, и всегда есть что-то, что напоминает человеку, что они не являются подлинной классикой» [6, с. 61]. Ордерная система, преобладание сочетаний белого и жёлтого цветов, даже признаваемое благородство пропорций, соотносимое с греческой архитектурой, именно то, что было по выражению автора книги «Душа Петербурга» Н. П. Анциферова «римской мечтой Росси», стало предметом жёсткой критики.

Критики тем более странной, что принципы позднего классицизма с его обращениям к классическим греко-римским формам и палладианской архитектуре свойственны и Европе.

Возможно ключом к этой загадке может послужить восприятие Невского проспекта. Признавая великолепие общего вида, проспект критикуют за несоответствие размеров домов: «...многие из них высокие, в то время как другие представляют собой простые хижины высотой не более десяти-пятнадцати футов» [7, с. 273]. Но прежде всего сравнивают главный променад столицы с самыми значительными улицами Лондона – Бонд-стрит, Риджент-стрит и Оксфорд-стрит, – одновременно признавая невозможность аналогии. Столичные торговые улицы с роскошными магазинами для авторов образец вкуса и элегантности. Особенно это касается Риджент-стрит, совершенно новая, построенная по проекту Джона Нэша на рубеже 1810 – 1820-х годов. Её образ и стиль как модной новинки Лондона настраивал глаз англичанина определённым образом на особенности пропорций, сочетания оттенков, архитектурных деталей. Неудивительно, что даже восторгающийся петербургской архитектурой А. Гренвилл считает, что здание Сената выиграло бы при смене ослепительно жёлтого оттенка на нежные оттенки природного камня [5, с. 54] – именно таковы расцветки зданий на модной Риджент-стрит.

Неприязнь практически всех авторов к зданию Зимнего дворца объясняется вполне очевидно не его безвкусицей, но разностилем, неэлегантность и ушедшей модой на эстетику века Людовика XV, укоряемого за «тяжеловесность, чрезмерность украшений и скульптуры, нагромождение статуй, возвышающихся над карнизом» и за «принадлежность к эпохе упадка и жеманства, когда фация сменилась манерностью, благородная простота — усложненностью, элегантность — избытком роскоши» [1, с. 185]. Хотя поиски проявления безвкусицы и выплески желчи достаточно часты. Вот впечатляющий пассаж одного из авторов, до того не сдерживавшего восхищения: «Эта великолепная река [Нева], пожалуй, единственный объект в Санкт-Петербурге, чья красота и величие совершенно не смешаны с низостью и безвкусицей» [6, с. 106].

Некоторые претензии к столице могут вызвать удивление. Одна из них – новизна, свежая покраска, отсутствие кривых закоулков, грязных углов. «Здесь нет ни переулков, ни аллей, ни тупиков, ни приютов, построенных из земли и мусора для бедных», - пишет Л. Ричи [6, с. 63], - «ни жалких хижин, они скрыты от посторонних глаз», - вторит ему Ч. Элиот [4, с. 268]. Это город дворян, «построенный за их счет и по их собственному вкусу» [6, с. 81], где всё должно быть чистым, эффектным и радующим глаз. Это город дворцов, в гораздо большей мере, чем Калькутта «т. к. за них можно принять общественные здания за их великолепную архитектуру» [4, с. 274]. Красивая картинка, кажущаяся величественной и благородной на небольшом расстоянии, сцена театра, где нельзя заглядывать за кулисы, чтобы не разрушить иллюзию

[6, с. 64], город «который был поставлен здесь вчера, а завтра будет перенесен на другое место» [1, с. 200].

Эта новизна города кажется и раздражает более всего, вызывая шутки об «античности» для Петербурга даже Зимнего дворца, построенного при Елизавете Петровне. Городу отказывают в национальном характере, истории и даже индивидуальности. Л. Ритчи считает, что он выражает идею города как великого места скопления людей и в этом не знает себе равных [6, с. 66]. К сожалению, ни один автор, в том числе такой доброжелательный, внимательный, умеющий видеть и оценивать по достоинству чудеса новой столицы России как А. Гренвилл, не разглядел уже явственно проступившего художественного замысла за чередой дворцов и улиц, того что Н. П. Анциферов называл архитектурными пейзажами, превращающими город в самодостаточное произведение искусства.

Список литературы:

1. Ансело, Ф. Шесть месяцев в России / Вступ. статья, перевод с фр., комментарии Н.М. Сперанской. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 288 с.
2. Кулакова, Е. А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX века // Диалог со временем. - 2012. - Вып. 39. - С. 79-93.
3. Ренне, Е. Художник сэра Роберт Кер Портер в России // Наше Наследие. - 2002. - № 63-64 – URL.: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6412.php> (дата обращения: 27.02.2023).
4. Elliott, Charles Boileau. Letters from the North of Europe: or a journal of Travels in Holland, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Russia, Prussia, and Saxony. - London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1832. - 475 p.
5. Granville, A.B. St. Petersburg: A journal of travels to and from that capital; through Flanders, the Rhenish provinces, Prussia, Russia, Poland, Silesia, Saxony, The Federated states of Germany, and France: In 2 vol. – Vol. II. - London: Henry Colburn, New Burlington street, 1828. - 743 p.
6. Ritchie, Leitch. A journey to St. Petersburg and Moscow through Courland and Livonia. - London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green, and Longman, 1836. - 256 p.
7. Wilson, William Rae. Travels in Russia. In 2 vol. – Vol. I. - London: Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1828. - 383 p.

Казарина Марина Евгеньевна

главный библиограф

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ШИФР ЯПОНСКОЙ МАНГИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: Манга как «последовательность изображений» [1] представляет собой язык – особый способ визуально-графической коммуникации. В конце февраля – начале марта 2023 года по различным городам России прокатилась волна массовых задержаний подростков в одежде бренда «Hikikomori Kai», поклонников манги «Hunter × Hunter» японского автора Тогаши Ёшихиро. В данной статье такое явление как японский комикс «манга» представлено в аспекте не просто самостоятельного языка, но тайного шифра, смысл которого (в силу разного рода причин) надежно скрыт от окружающих, но хорошо понятен адресату и обладает определенной степенью воздействия.

Ключевые слова: манга, японские комиксы, экспансия, лингвистические аспекты, шифровка, молодежь, субкультуры, Россия.

JAPANESE MANGA CODE IN THE MIRROR OF RUSSIAN MODERNITY

Summary: Manga as a "sequence of images" [1] is a language - a special way of visual-graphic communication. At the end of February – beginning of March 2023, a wave of mass detentions of teenagers dressed in Hikikomori Kai brand clothes and fans of the Hunter × Hunter manga by Japanese author Togashi Yoshihiro swept through various cities of Russia. In this article, such a phenomenon as the Japanese comic "manga" is presented in the aspect of not just an independent language, but a secret cipher, the meaning of which (due to various reasons) is securely hidden from others, but is well understood by the addressee and has a certain degree of impact.

Keywords: manga, Japanese comics, expansion, linguistic aspects, encryption, youth, subcultures, Russia.

«Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок!», – восклицает Ватсон в рассказе Артура Конан Дойля «Пляшущие человечки» (1903 г.), рассматривая лист бумаги с цепочкой забавных человечков. То, что так невинно на первый взгляд, на поверку – смертоносно. Танцующие человечки оказываются запиской с тайной шифровкой, на которую в доме никто не обратил бы внимание, если бы не реакция адресата, случайно замеченная одним из домочадцев.

В книге судебного лингвиста Джона Олссона «Слово как улика» (2018 г.) приводится невероятный случай. Опасный преступник, сидя в тюрьме, долгое

время вёл переписку. Все письма просматривались разными людьми – служителями тюрьмы. Как получилось, что несколько (!) человек не смогли заметить, как рецидивист нашел способ воздействовать на свою жертву через текст? Прием, который использовал преступник весьма показателен (подробнее см. в сборнике лингводетективных историй Дж. Олссона [3]).

Как можно скрыть информацию? Как в двух вышеописанных случаях: она может находиться в сообщении, содержание которого, на первый взгляд, совершенно невинно.

Возьмем книгу-комикс «Hunter × Hunter». На обложке одного из томов – большая черепаха и очаровательный мальчик, лет десяти. Откуда на одежде подростков, собравшихся в ТРЦ, жуткие пауки, агрессивность в поведении, и как книжка с картинками заставила «тихий» отаку¹ собраться по всей России? Каковы причины столь серьезного воздействия японской графической литературы на умы подростков?

Ответить на этот вопрос невозможно без понимания, что собой представляет данное явление – манга.

Японские рисованные истории – манга – отдельный вид искусства, имеющий давнюю историю (сам термин придумал родоначальник пейзажной гравюры Кацусика Хокусай в 1814 году). С комиксами перекликаются различные явления в истории японского искусства. Например, укиё-э («картины плывущего мира» – гравюры, получившие развитие в эпоху сёгунов Токугава (1604–1868) или камисибай. Камисибай (зарождение: XIX век – расцвет: 30–50 годы XX века) – история, сказка, небольшое представление, во время которого рассказчик иллюстрирует сюжет, показывая зрителям картины на листах бумаги.

Из вида живописной техники манга трансформируется в привычное нам понятие в 1950-е гг. Связан этот переход с именем выдающегося художника манги и аниматора Осаму Тэдзука (1928–1989).

Тэдзука «активно применял доселе не использовавшиеся в манге «кинематографические» приемы работы с изображением – показ действия с разных точек зрения, крупные планы, «растягивание» одной сцены на несколько рисунков, активное использование звуковых эффектов и подчеркивание фаз движения» [2].

1970-е годы подарили миру Дораэмона – кота-робота. «Речь идет о фантастическом аниме² «Дораэмон» по мотивам манги Фудзико Фудзио (совместный псевдоним Хироси Фудзимото и Абико Мото), который начали снимать в 1973 году» [2].

Значимым полнометражным аниме 80-х «является «Босоногий Гэн» («Nadashi no Gen», 1983) – экранизация классической манги Кэйдзи Накадзавы о жизни японской семьи, пережившей бомбардировку Хиросимы» [2].

¹ Отаку – поклонники манги и аниме

² Манга и аниме как правило идут в паре, зачастую покадрово повторяя друг друга

А в 1988 году Хаяо Миядзаки выпускает фильм «Мой сосед Тоторо», историю о знакомстве двух маленьких девочек с очаровательным лесным духом, которого они прозвали «Тоторо» (искаженное «тролль»). (Для японцев Тоторо, такой же символ детства, как и чебурашка для русских). Надо сказать, что уже к тому времени приемы рисования манги достигли невиданных высот, но Миядзаки многократно развил и приумножил уже существующие техники рисунка. Как художник-мультипликатор, Миядзаки известен тем, что оказал огромное влияние на японское рисованное кино (см. титулованное аниме «Унесенные призраками», 2001 г.)

Таким образом, манга к началу 90-х вобрала в себя все национальные особенности и основополагающие принципы выразительности художественного языка.

Сложно сказать, что повлияло на кардинальные (притом негативные) изменения в манге ближе к концу XX века; возможно, так называемое «потерянное десятилетие»³, отчасти породившее такое явление, как «хикикомори»⁴.

Считается, что манга перешла свой рубикон в 1990-е, когда «на смену полноценным большим историям пришла совокупность накопленной информации, так называемая «база данных», состоящая из наиболее привлекательных для потребителя тем и образов» [4]. Привлекательность персонажам придала техника рисовки в стиле «моэ» – большие глаза, вьющиеся локоны, детскость, умильная внешность. Эта гипертрофированная слащавость почти в большинстве случаев полностью вытеснила содержательность сюжета, драматизм, воспитательный потенциал, (которым во все времена обладала качественная литература). Ничто не должно мешать, отвлекать от простого созерцания. Моэ в чем-то сродни элоям – легкомысленным существам будущего, описанным в романе английского писателя Герберта Уэллса «Машина времени» (1895 г.). Так началась эпоха потребления, вызвавшая, впрочем, и волну отторжения у истинных мастеров: «Многие авторы старого поколения полностью отрицают какие-либо положительные стороны современных манги и аниме ...» [4].

Термин «моэ» обозначает в том числе и влечение к нарисованному персонажу. Таким образом, притягательность – один из факторов коммерческого успеха (искусство рисования комиксов постигалось и постигается и по сей день в японских вузах, центрах исследования и музеях манги; при этом повсеместно наблюдается абсолютное преобладание стиля «моэ»).

Но есть ещё ряд причин, обуславливающих популярность комиксов у представителей молодого поколения:

³ Потерянное десятилетие – термин для обозначения кризисного периода в экономике Японии (1990-е годы)

⁴ Хикикомори – социальные затворники, проводящие время в просмотрах сериалов, разглядывании комиксов, живущие, как правило, за счёт доходов родителей

– эмоциональность – персонажи часто изображаются плачущими, что вызывает не только умиление, сопереживание, но и обладает неким психотерапевтическим эффектом для читающего, ассоциирующего себя с героем произведения;

– главный герой воплощает в себе классический набор подростковых проблем: состояние неуверенности в себе, страх быть отвергнутым, непринятым в обществе, трудности во взаимоотношениях с противоположным полом и т. п.

Таким образом, виртуозность, изысканность, техничность изображений, искусное клонирование психики подростка буквально завораживают. Более того воздействие манги таково, что многие российские подростки увлекаются изучением японского языка на фоне чтения комиксов [5].

Но – приобщение к словесному богатству другого народа (изучение алфавитов – хираганы и катаканы, иероглифов), к сожалению, не всегда тот прекрасный результат, к которому теоретически могло бы привести увлечение мангой.

На практике мы наблюдаем, как милovidные, «детские» персонажи являются упаковкой, в которую спрятаны определенные, притом деструктивные сообщения, адресованные целой группе людей – молодежи. Способ шифрования стар как мир – видоизменение. В начале статьи приводится пример, как преступник в тюрьме нашел способ обмануть бдительность охранников и общаться с жертвой. Он облекал нужные ему слова в форму песенок (при этом, по договоренности с жертвой, немного переставляя буквы в некоторых словах). Полицейские, думая, что преступник – меломан, и, видя форму – стихи – на содержание не обращали внимания. Подобный феномен мы переживаем сегодня: глядя на обложку, любуясь милovidностью мюз-персонажей, мы ставим стильный черно-белый томик с «детской ерундой» обратно на полку. На закрытость (от, допустим, возрастных читательских групп, например, пенсионного возраста) работают и способ чтения комикса – задом-наперед, справа-налево, и мелкий шрифт, и частое употребление японских алфавитов даже в русском варианте манги. Хорошо известно, что старшее поколение в большинстве своем изучало востребованные в советское время немецкий и французский языки. Знание японского (хотя бы на уровне алфавитов) автоматически создает ситуацию, при которой японский язык – пароль, пропуск в мир, в который взрослым входа нет.

«Буквы» алфавита языка-шифра «манга»:

- все герои – дети либо обладают «детскостью»
- красивость, умиленительность («кавайность») всех персонажей
- виртуозность техники рисования (постоянно совершенствующаяся)
- поведенческая модель подростка у персонажей-детей

Транслируемые смыслы:

- культ силы,
- культ денег,

- романтизация подростковой преступности;
- пропаганда жестокости, алкоголизма, смены пола, гомосексуализма, суицида, каннибализма;
- навязывание в качестве модели поведения образа апатичного тунеядца – «хикикомори».

В качестве примеров деструктивных тенденций можно привести манги о каннибализме – «Токийский гуль» (издательство «Shueisha», 2011–2018) и «Пупа» (издательство «Earth Star Entertainment», 2011–2013) или алкоголизме: «Такуноми = Выпиваем дома» (издательство «Shogakukan», 2015–2018). Настораживает наличие фашистской символики⁵ в некоторых произведениях (Токийские мстители: манга / авт. Кен Вакуи. – Токио: Коданша, 2021).

На манга-языке произведение японского маскульта «Такуноми» выглядит, как сказка про очаровательных девочек лет 8-9. При ближайшем рассмотрении/прочтении «Такуноми=Выпиваем дома» – полная драматизма дзёсэй⁶-манга про попытку решить жизненные трудности с помощью алкоголя.

Первая мысль о манге «Hunter × Hunter», ставшей причиной массовых подростковых потасовок, – книжка категории «кодомо»⁷. На переплете 1-го тома улыбчивый мальчик лет пяти верхом на лягушонке. Мальчика зовут Гон. Он мечтает стать обладателем звания «охотник» (симбиоз исследователя, искателя приключений и, даже, ловца опасных преступников). Противостоит Гону и его друзьям бандитская группировка «Геней Рёдан» (в переводе с японского – «Труппа теней»). У всех членов банды нанесены татуировки в виде 12-лапого паука. Главу «Труппы теней» зовут Куроро Люцифер. У Люцифера 12 сподвижников. На плаще у него – перевернутый крест.

Мрачный имидж подростков, поклонников манги «Hunter × Hunter», участников массовых драк в ТРЦ – черные толстовки, пауки на спинах, выкрашенные в черный цвет волосы – вот каким оказалось отражение «книжки с мальчиком на лягушке» в зеркале современных реалий.

После событий с шумихой вокруг «Hunter × Hunter» одним из депутатов Госдумы было внесено предложение о запрете части аниме/манг. Данная область давно нуждается в привлечении внимания, в создании экспертного совета. Требуется разностороннего подхода в изучении с привлечением как отечественных, так и зарубежных специалистов в области культурологии, социологии, психологии, теории чтения и педагогики.

Список литературы:

1. Бхат, С. Б. Манга, или японский визуальный язык, как способ коммуникации / С. Б. Бхат, М. Э. Рябова // Вестн. Том. гос. ун-та. – Культурология и

⁵ Для российского читателя свастика на штанах и куртках подростков из банды «Токийская свастика» закрашена, но присутствует в многочисленных обзорах в Интернете, посвященных манге и одноименному сериалу

⁶ «Дзёсэй» (яп. «женщина») – направление манги, которое рассчитано на аудиторию молодых женщин от 18 лет и старше

⁷ «Кодомо» (яп. «ребенок») – жанр, рассчитанный исключительно на детскую аудиторию

- искусствоведение. – 2019. – № 36. – С. 13-21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manga-ili-yaponskiy-vizualnyy-yazyk-kak-sposob-kommunikatsii> (дата обращения: 07.03.2023).
2. Иванов, Б. Введение в японскую анимацию. – URL: <http://www.hexer.ru/publish.shtml#book1> (дата обращения: 07.03.2023).
3. Олссон, Д. Слово как улика / Джон Олссон ; [пер. с англ. А. Б. Зуева]. – Москва: Lingua: АСТ, 2018. – 254 с.
4. Шумилова, А. Ю. Эпоха мюз и постмодернизма в японской поп-культуре // Манга в Японии и России. – Москва: Фабрика комиксов, 2018. – Вып. 2. – С. 26-35.
5. Tomoyuki Takeguchi. Verifying the Motivations of Russian University Students Learning Japanese: a Study of the Correlation between the Index of Autonomy and the Task-Value Evaluation Scale / Tomoyuki Takeguchi, Michiko Aso // The Japanese Journal of Language in Society. – 2019. – Vol. 22, No. 1. – P. 203-218. – URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jajls/22/1/22_203/_pdf/-char/ja (дата обращения: 07.03.2023).

Карандашов Владимир Дмитриевич

доктор философских наук, профессор

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова»

ВОЕННЫЙ ВКЛАД ТВЕРСКОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ (1941-1945)

Аннотация: В статье рассматривается исторический аспект героизма жителей городов и деревень, врачей, учителей, инженеров, воинов, партизан и их вклад в дело Победы над гитлеровским фашизмом.

Ключевые слова: трудовой подвиг, экономическая и политическая победа, оборонительные объекты, оружие и продовольствие для фронта, боевые и трудовые награды.

MILITARY CONTRIBUTION OF THE TVER UPPER VOLGA REGION TO THE VICTORY OVER FASCISM (1941-1945)

Summary: The article examines the historical aspect of the heroism of the inhabitants of towns and villages, doctors, teachers, engineers, soldiers, partisans and their contribution to the Victory over Nazi fascism.

Keywords: labor feat, economic and political victory, defensive facilities, weapons and food for the front, combat and labor awards.

9 мая 1945 г. во всех газетах Советского Союза, в том числе в газете Калининской области «Пролетарская правда», были опубликованы сообщение о подписании Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая 1945 г. Праздником Победы и нерабочим днем. Закончилась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии.

Вместе со всей страной жители Верхневолжья радовались Победе и оплакивали погибших. Более 270 тысяч из 700 тысяч ушедших на фронт уроженцев Калининской области не вернулись с полей сражений, а на калининской земле остались лежать более 200 тысяч советских воинов.

На территории области в годы войны формировались или проходили переформирование многие воинские объединения, соединения и части, в том числе, в Вышнем Волочке – 245-я, в Кимрах 260-я, 88-я, в Калязине – 290-я, в Ржеве – 153-я, 154-я, в Зубцове -157-я стрелковые дивизии, в Калининне – 161-я отдельная стрелковая бригада и другие воинские формирования.

15 тысяч жителей области действовали в составе 73 истребительных батальонов, 14 тысяч сражались с врагом в партизанских отрядах.

Боевыми подвигами прославили калининцы свою землю. Имена Е.И. Чайкиной, М.М. Громова, Ф.С. Октябрьского, П.А. Ротмистрова, К.С. Заслонова, М.В. Захарова и многих других наших земляков стали известны всей

стране. Тысячи уроженцев области были награждены орденами и медалями, более 300 стали Героями Советского Союза, десятки калининцев 24 июня 1945 г. прошли по Красной площади в колоннах Парада Победы.

Три года по территории области, в которую в те времена входило 36 районов, проходил фронт, шли жестокие, кровопролитные бои. После них территории ряда районов превратились в пустыню. Были разрушены города Калинин, Ржев, Старица, Торжок, поселки Погорелое Городище, Селижарово. С лица земли были стерты и уже не восстановлены 166 деревень в Зубцовском, 147 – в Оленинском и многие населенные пункты в других районах региона, по которым нет точных данных. Более 40 тысяч мирных жителей области погибло во время оккупации. Только в Ржевском районе более 100 деревень пережили трагедию белорусской д. Хатынь: были сожжены фашистами вместе с жителями. В память о деревнях Ксты Пеновского и Афанасово Ржевского районов в 1980-е годы созданы мемориальные комплексы.

В феврале 1945 г. Калининская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных на территории области немецко-фашистскими захватчиками, завершила свою работу. По её данным, нашей области (в довоенных границах) был нанесен ущерб на сумму более 26 миллиардов рублей в довоенных ценах. Было разрушено, сожжено или уничтожено 705 предприятий, имущество 80 МТС и МТМ, 20 совхозов, 5 тысяч колхозов, 575 учреждений здравоохранения, 1394 школы, 122 дошкольных учреждения, 236 клубов и театров, 14 музеев, 23 библиотеки.

Жители области внесли большой вклад в достижение победы над врагом. Они поставляли фронту бомбы и снаряды, мины и минометы, санитарные вагоны, солдатские сапоги и валенки, белье, ремонтировали боевую технику, выращивали хлеб и овощи, заготавливали лес, работали в госпиталях, собирали деньги на строительство танковых колонн и авиационных эскадрилий, воспитывали детей погибших защитников Родины.

По мере освобождения городов и сел от врага жители области начинали восстанавливать разрушенное хозяйство. Государство особое внимание обращало на возрождение исторического наследия страны. Древний Калинин назван среди других разрушенных в годы войны 15 старейших городов, о восстановлении которых говорилось в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 1 ноября 1945 г. К 1949 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства, к 1950 г. хозяйство области было, в основном, восстановлено.

За мужество и стойкость в борьбе с фашистскими захватчиками и самоотверженность в восстановлении разрушенного врагом хозяйства Калининская область была награждена в 1966 г. орденом Ленина, город Ржев (1978 г.) и станция Бологое (1985 г.) награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. В память о ратных и боевых подвигах жителей области в областном центре в декабре 1970 г. был открыт Обелиск Победы. К настоящему

времени во всех районных центрах сооружены памятные мемориальные комплексы и обелиски.

8 мая 1975 г. в г. Калинин на проспекте Победы на месте бывшего яблоневого сада был заложен парк имени 30-летия Победы над фашистской Германией. Символично, что основу яблоневого сада ещё в конце войны составили саженцы из питомника одного из колхозов разоренного фашистами Ржевского района. В 1975 г. Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда посадили рядом с яблонями голубые ели, которые образовали главную аллею парка. Сегодня парк называется парком Победы.

Память о войне, о тех, кто отстоял нашу землю от врага, жива. В области существует мощное поисковое движение, которое возглавляет Научно исторический военно-патриотический центр «Подвиг», проходят Вахты Памяти. Только за последнее десятилетие созданы новые государственные музеи и музейные экспозиции по военно-исторической тематике: Музей Калининского фронта, «Ржевская битва 1942-1943 гг.» в Ржевском краеведческом музее (2005 г.). Активно работают ветеранские организации области: они проводят смотры-конкурсы школьных музеев, собирают и издают фронтовые письма, фотографии военных лет, публикуют воспоминания участников войны. В октябре 2007 г. городу Ржеву, первому на тверской земле, присвоено почетное звание «Город воинской славы» [15, с. 25].

Трудовая слава Верхневолжья в Великой Отечественной войне

Неоценимый вклад в победу над фашизмом внесли труженики тыла. Известный советский полководец Иван Христофорович Баграмян по этому поводу сказал так: «Тыл — это половина победы — даже немножечко больше».

В кровопролитной войне советские люди одержали военную, политическую и экономическую победу.

Экономические предпосылки победы были созданы в предвоенное десятилетие, за две с половиной пятилетки. Страна заняла первое место в Европе и второе в мире по объёму промышленного производства. Указанный факт был зафиксирован в Британской энциклопедии: «В течение десятилетия СССР действительно был превращён из одного из самых отсталых государств, в великую индустриальную державу».

Калининская область, огромная по территории и ресурсам, выпускала в 1940-м году промышленной продукции в пять раз больше, чем в 1913 году. Сельские труженики дали стране четверть всей льнопродукции СССР (сырьё для оборонной промышленности), 120 000 тонн зерна и много, много другой продукции.

Весь этот мощный потенциал был включён в борьбу с немецкими оккупантами. Высоко оценивая роль других регионов страны, отметим, труженикам нашей области пришлось жить и работать в особо трудных условиях: с 5 июля 1941 года по 19 июля 1944 года область была ближайшим тылом Северо-Западного и Калининского фронтов. Это означало, что рабочим, колхозникам и служащим приходилось выполнять не только производственные

работы, но и оказывать непосредственную помощь бойцам и командирам этих фронтов: строительством оборонительных сооружений и дорог, очисткой транспортных артерий от снега; строительством и расчисткой взлётно-посадочных полос аэродромов; размещением и обслуживанием госпиталей и многим другим.

Действенную помощь Красной Армии оказали возведением оборонительных сооружений. Первыми включились в эту работу великолучане. По заданию военного совета 22-й армии к западу и юго-западу от Великих Лук, жители города отрыли окопы полного профиля, противотанковые рвы и другие объекты. Почти месяц держались на этих рубежах воины Красной Армии. Ныне Великие Луки – город Воинской славы.

Следующий этап: возведение оборонительных объектов по заданию Генерального штаба на дальних подступах к Москве. Этот 240-километровый рубеж прошёл по территории Осташковского, Селижаровского, Молодотудского, Оленинского, Ржевского, Луковниковского районов. На строительство этой линии, состоящей из противотанкового рва, дотов и дзотов в июле – декабре 1941 года было занято свыше 140 000 человек.

Все работы, как правило, выполнялись вручную: лопатами, ломami. Рабочий день длился с четырёх - пяти часов утра и до позднего вечера. Ночевали в крестьянских избах, в сенных сараях, в шалашах, а иногда и под открытым небом. Несмотря на неблагоприятные бытовые условия, был выполнен огромный объём работ. Только на участке Селижарово-Оленино – Молодой Туд за три месяца строителями было вынуто 8 000 000 кубических метров грунта, уложено 12 500 кубических метров бетона, построено 468 дотов и дзотов, выкопано противотанковых рвов протяженностью 300 километров. У Осташкова Красная Армия остановила врага и отсюда начато наступление.

По заданию командования Калининским фронтом осенью и в начале зимы 1941 года оборонительные объекты сооружались у городов Кимры, Бологое, Кашин, в Рамешковском и Лесном районах. Всего занято было летом и осенью 1941 года, по моим подсчётам, 208 000 – 210 000 человек. Не прекращалось оборонное строительство и в последующие годы войны, так как обстановка была сложной. В 1942-1943 годах на строительстве оборонительных сооружений было занято более 70 000 человек.

Сложная и морозная зима 1941 года завьюжила железные и автомобильные дороги. Возникла угроза нарушения снабжения армии. На дороги с деревянными лопатами вышли все – «от мала до велика». Пути были освобождены от заносов, воинские грузы были доставлены по назначению вовремя. И так было до начала 1944 года.

Десятки тысяч жителей Калининской области строили дороги, готовили взлётно-посадочные полосы для аэродромов, возводили мосты.

Мы восхищаемся заботой калининчан о раненых воинах. Госпиталей на территории области находилось, в разные годы от 17 до 74. На территории Удомельского района, например, размещалось 9 госпиталей. Жительница

Удомли Смирнова вспоминает: «В выходные дни ..., мы девчата, в разных предприятиях ходили в госпитали, ухаживать за ранеными. Мы перестилали раненым постели, умывали, кормили их, писали под их диктовку письма, давали концерты. Несколько раз сдавали кровь».

Калининская областная станция переливания крови заготовила за годы войны 80 тонн крови. Вышневолоцкая станция переливания крови ежедневно поставляла для воинов Северо-Западного фронта 32 литра крови.

Забота и внимание к раненым воинам позволяла 75% раненых возвращать в строй.

В области сложилась чрезвычайная ситуация: в результате призыва мужчин в армию, мобилизации жителей на работы, связанные с непосредственной помощью фронту, уменьшалось количество трудоспособных. В этих условиях была проведена работа по перестройке промышленных и транспортных предприятий, связи, колхозов и совхозов, здравоохранения и народного образования.

Главным было – скорее перестроить экономику на военный лад. Коллектив Калининского вагоностроительного завода в сжатые сроки освоил производство продукции для фронта: артиллерийских снарядов, миномётов и др. Фронтные заказы в третьем квартале 1941 года составили свыше 57% всей продукции. И это несмотря на то, что коллектив уменьшился на 878 человек.

На выпуск продукции для армии перешли предприятия легкой и пищевой промышленности. Коллектив Калининского хлопчатобумажного комбината стал выпускать плащ-палатки, фланель, марлю. Лесная промышленность была переведена на заготовку спец древесины, деревообрабатывающая – на производство лыж и деталей для стрелкового оружия.

Перестройка промышленности совпала с работой по эвакуации предприятий на Восток. Из Калининской области, по нашим подсчётам, было эвакуировано 58 крупных и средних предприятий, всё оборудование и подвижной состав 12 станций и узлов, со станции Ржев, Торжок, Старая Торопа – было вывезено 4 498 вагонов с хлебом.

В связи с продвижением врага принимается решение перегнать скот в Ярославскую, Горьковскую и Ивановскую области.

В течение июля – ноября 1941 года из пределов области было эвакуировано 309200 голов крупного рогатого скота, 260400 овец и коз, 43400 лошадей.

Эвакуация предприятий на Восток сыграла огромную роль в создании военно-промышленного потенциала страны. В сжатые сроки предприятия вводились в строй действующих и давали продукцию для народного хозяйства и армии.

К октябрю 1941 года две трети территории области были оккупированы гитлеровцами. Прекратили работу промышленные предприятия Ржева, Калинина, Осташкова, Торжка, Вышнего Волочка. Ноябрь и декабрь 1941 года

были самыми трудными для нашей страны. В это же время враг был остановлен и разгромлен на рубеже от Калинина до Осташкова.

В январе 1942 года М. И. Калинин, член Политбюро, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, осмотрев разрушенный Калинин, в холодном здании Дома офицеров определил задачу для жителей области – как можно быстрее восстановить хозяйство, чтобы немедленно помогать фронту.

В тяжелых условиях надо было налаживать жизнь городских и сельских жителей: решить проблемы жилья, обеспечение продуктами питания, одеждой, предметами быта. И не было главнее задачи – немедленно делать всё для обеспечения фронта оружием, боеприпасами и продовольствием.

Уже через два дня после изгнания гитлеровцев в освобождённом Калининe начали работать две пекарни. 26 декабря одна турбина станции дала ток, город получил свет.

В считанные дни были восстановлены и начали давать продукцию для фронта вагоностроительный завод, завод «имени 1 мая». В марте 1942 года коллектив вагоностроительного завода производил снаряды.

Быстрыми темпами восстанавливалась металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность. К январю 1945 года она достигла 88,1% довоенного уровня. Эти предприятия производили боеприпасы, корпуса автоматов.

Продукцию для нужд населения и изделия для армии изготавливали предприятия местной и кооперативной промышленности. За время войны в армию было поставлено 11 000 000 пар валенной обуви, из нашей области 2 000 000 пар.

Постоянно рискуя жизнью, работали железнодорожники. Жестокие бомбёжки станций, железнодорожных путей и поездов гитлеровцами велись почти до конца войны. На объекты Калининской железной дороги немецкая авиация совершила около 2 050 налётов. Систематическим налётам подвергались железнодорожные узлы Бологое, Медведево, Ржев, Торжок и другие.

За успешное выполнение государственных заданий в годы войны, по неполным данным, коллектив железнодорожных станций (Калинин, Бологое, Торжок, Сонково и др.) локомотивных и вагонных депо, дистанций путей 31 раз награждались переходящим Красным Знаменем ГКО, НКПС и ВЦСПС. Станция Бологое, одна из немногих, награждена орденом Отечественной войны I степени. Орденами и медалями СССР награждены 1 023 железнодорожника, а четверо удостоены звания Герой Социалистического Труда: А. М. Кушнер, И.В. Маньковский, А. М. Васильев, А. Н. Александрова.

Самоотверженно трудились работники сельского хозяйства области. Особенно тяжело было в Калининском, Осташковском, Пеновском, Андреапольском, Торжокском и других районах. Трудной оказалась весна 1942 года. Надо засеивать поля, а лошадей не достаёт. Весной 1942 года в колхозе «Пролетарий» Тургиновского района лошадьми вспахали 8 гектаров земли, а

лопатами в четыре раза больше – 33 га. Это действительно трудовой подвиг, забывать о котором нельзя.

На всём протяжении войны Вооруженные Силы СССР обеспечивались продовольствием в необходимом количестве. Общий расход продуктов питания и фуража Красной Армии и Военно-Морского флота за войну составил 40 000 000 тонн. Вклад Калининской области очень заметен – за 1941 – 1945 годы зерна было поставлено государству 467 757 тонн, картофеля – 607 782 тонны. Ценнейшего сырья для лёгкой и оборонной промышленности – льноволокна, было сдано 113 858 тонн. Сена поставлено государству почти 339 000 тонн.

Сколько же труда надо было затратить, чтобы вырастить зерно, картофель, лён, скосить и высушить сено. И всю эту продукцию надо было доставить на пункты приёма в городские и районные центры за десятки километров. Основной транспорт повозки, запряженные лошадьми и быками.

12 сентября 1943 года газета «Пролетарская правда» писала: «Ранним утром 12 сентября со всех сторон к Лихославлю двинулись вереницы подвод с хлебом, льносеменем, картофелем. На склад прибыло из колхозов 870 подвод, которые привезли 148 тонн зерна, 91 тонну льносемян, 22 тонны картофеля».

Успешно восстанавливалось общественное животноводство. К 1 января 1944 года поголовье крупного рогатого скота увеличилось более чем в три раза, до 280 000 голов, овец и коз до 328 600 или почти в четыре раза.

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования в 1942-1945 годах область была награждена переходящим Красным Знаменем Государственного Комитета обороны.

Чрезвычайное значение для успешной работы промышленных предприятий транспорта, строительства, коммунального хозяйства области имела проблема топлива. На выполнение этой работы ежегодно направлялись тысячи колхозников. Осенью и зимой ручными пилами заготавливали деловую древесину и дрова. За годы войны было заготовлено 15 450 000 кубометров деловой древесины и дров.

В годы войны истинными героями были многие труженики тыла. На промышленных предприятиях, стройках, на транспорте, в колхозах и совхозах широкое распространение получило патриотическое движение – соревнование за выполнение двух и трёх норм в смену. На калининском заводе «имени 1 Мая» строгальщики братья Федор и Пётр Козловы ежедневно доводили выработку до 370%. Слесарь Савеловского завода Ефремов выдавал по пять с половиной норм.

В нашей области широкую поддержку получил почин москвички бригадира комсомольско-молодежной бригады Екатерины Барышниковой: «С меньшим числом рабочих – больше продукции!». На вагоностроительном заводе первая поддержала патриотический почин молодая бригада Евгении Рысейвой. Каждая работница стала обслуживать по два станка, высвободив на другие работы трёх человек.

Значительный вклад в дело Победы внесла советская интеллигенция: врачи, учителя, инженеры. Нет возможности обо всём сказать. Подчеркну лишь несколько деталей.

Из 4 037 школ были разрушены 2 331, т. е. больше половины. К 1944 году школьная сеть была практически восстановлена. Удалось предотвратить снижение количественных показателей учащихся среди городского и сельского населения. Советская власть, прежде всего, заботилась о детях.

Выдающуюся роль сыграло поколение «детей войны». На их хрупких плечах не только трудовой подвиг в годы войны, но и восстановление страны, создание ракетно-ядерного щита, который служит Родине и сегодня.

С честью вышли из трудных испытаний труженики здравоохранения. В области удалось избежать массовых эпидемий, высокой детской смертности.

Успешное решение военно-экономических задач стало возможным благодаря беспримерному трудовому подвигу советского рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Особенно велик вклад в победу советских женщин.

Советская страна эффективно использовала все материальные и духовные силы для достижения победы. Социализм, советская система явились лучшей формой мобилизации всех сил и средств на разгром врага. [16, с.18]

Список литературы:

1. В пламени войны / составители Ф. Бурилов, А. Егоров. - Москва: Московский рабочий, 1969. – 320 с.
2. Вершинский, А.Н. Бои за город Калинин. – Калинин: Издание газеты «Пролетарская правда», 1945.
3. Герои Советского Союза – уроженцы тверской земли, сражавшиеся в годы Великой Отечественной войны в составе военно-морского флота. – Тверь, 2014. – 32 с.
4. Долгов, И.А. Золотые звезды калининцев. – Москва: Московский рабочий, 1969. - 568 с.
5. Дорогами испытаний и побед / Н.М. Афанасьев, Н.К. Глазунов, П.А. Казанский, Н.А. Фиронов. - Москва: Воениздат, 1986.
6. Мы калининские партизаны...: Хроника, воспоминания, документы / сост. и ред. А.Е. Смирнов. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1995. – 336 с.
7. Память сердца. - Тверь: Тверской государственный технический университет, 2005. – 80 с.
8. Парад победы. Жизни и судьбы / ред. Е.Н. Шимин. – Тверь: Издательство АНТЭК. – 2003. – 192 с.
9. Связь поколений. Великая Отечественная война глазами детей города Твери / сост. Е.А. Дроздовский, А.Н. Карпов, Л.Е. Машкова, Н.Н. Михайлов. – Тверь: Изд-во ГНРС, 2008. – 192 с.

10. Сергечев, П.С. Деятельность штабов партизанского движения в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. на территории Калининской области. – Вышний Волочек: Изд-во «Ирида-прос», 2010. – 152 с.
11. Сражение за город Калинин: глазами ветеранов и современников / сост. П.Ф. Анисимов. 2-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Тверской государственный технический университет, 2014. – 72 с.
12. Тверской край в борьбе с фашизмом. 1941-1945 гг. / составитель Л.Н. Руденко. - 3-е изд. – Тверь: Изд-во ГЕРС, 2011. – 224 с.
13. Тверской край в борьбе с фашизмом. 1941-1945 гг. / составитель Л.Н. Руденко. - 2-е изд. – Тверь: Изд-во ГЕРС, 2010. – 584 с.
14. Хронологическая справка о боевых действиях Красной Армии по обороне и освобождению города Калинина в 1941 году /составитель П.Ф. Анисимов. – Тверь: ТвГТУ, 2000.
15. Помним, скорбим, гордимся...1945 /Тверская ОУНБ им. А.М. Горького «Краеведческий информационный центр»/ составитель С.А. Герасимова. – 2015-2019.
16. Сайт Российского Союза ветеранов представляет три научных военно-исторические работы историков Тверской области. Эти научные изыскания сделаны к 70-летию освобождения Калининской области от немецко-фашистских захватчиков – URL.: <https://soyuzveteranov.ru/content/sayt-rossiyskogo-soyuza-veteranov-predstavlyayet-tri-nauchnyh-voenno-istoricheskie-raboty> (дата обращения: 20.02.2023).

Костюк Руслан Васильевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

МАОСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР: ДИСКУССИИ В ЛЕВОМ ДВИЖЕНИИ ФРАНЦИИ

Аннотация: Статья освещает позиции ведущих левых партий Франции во время кампании референдума по ратификации Маастрихтского договора в 1992. Автор говорит о вкладе Ф. Миттерана и Франции в заключение Договора о Европейском Союзе (ДЕС). В статье показаны дискуссии внутри Социалистической партии по ДЕС. Автор указывает, что основная часть социалистов активно поддержала позицию Президента Миттерана. Также в материале показана позиция ФКП как главного оппонента ДЕС в левом движении. Автор показывает, что тема Маастрихтского договора способствовала серьёзному размежеванию в левом движении Франции.

Ключевые слова: Маастрихтский договор, европейское строительство, Франция, левые, партия, политика.

THE MAASTRICHT TREATY: DISCUSSIONS IN THE FRENCH LEFT MOVEMENT

Summary: The article highlights the positions of the leading French lefts parties during the referendum campaign to ratify the Maastricht Treaty in 1992. The author talks about the contribution of F. Mitterrand and France to the conclusion of the Treaty of European Union (TEU). The article shows the discussions within the Socialist Party on the TEU. The author points out that the main part of the socialists actively supported the position of President Mitterrand. The material also shows the position of the French Communist Party as the main opponent of the TEU in the leftist movement. The author shows that the topic of the Maastricht Treaty contributed to a serious demarcation in the French left movement.

Keywords: Maastricht Treaty, European construction, France, left, Party, politics.

В этом году исполняется 30 лет с вступления в силу Маастрихтского договора (или Договора о Европейском Союзе, ДЕС) — важнейшего, фундаментального соглашения, на котором базируется функционирование Европейского Союза (ЕС). Договор был подписан в феврале 1992 г. и в значительной степени в его разработке сыграли роль представители Франции, страны, которая, наряду с Федеративной Республикой Германии (ФРГ) сыграла важнейшую роль в трансформации Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) в ЕС в первой половине 1990-х гг.

Как хорошо известно, Маастрихтский договор оговаривал, что учреждаемый на базе ЕЭС новый Евросоюз имеет такие цели, как общее пространство без границ, экономическое и социальное сплочение, Экономический и валютный Союз (ЭВС) с единой валютой, а также осуществление Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ). Тесную кооперацию в области правосудия и внутренних дел. Договор подтверждал либеральную логику западноевропейской интеграции, оговаривая, что в новом ЕС экономическая политика будет проводиться «в соответствии с принципом открытой рыночной экономики со свободной конкуренцией». [1, с. 53]

Маастрихтский договор совершенно чётко расширял и уточнял полномочия европейских органов и институтов. В частности, он оговаривал, что объединяющий глав государств и правительств Европейский Совет придаёт ЕС необходимый импульс для развития и определяет общую политическую ориентацию Союза. ДЕС подтверждал независимость Комиссии Европейских Сообществ (или Европейской Комиссии) от стран-членов. Также уточнялись полномочия Совета министров (или Совета ЕС). Договор оговаривал и полномочия представительного органа Союза — Европейского парламента (ЕП), который, согласно тексту Маастрихтского договора, имел право принимать регламенты, директивы, решения, делать рекомендации, утверждать голосованием состав Еврокомиссии и принимать ежегодные бюджеты ЕС. Регламентировались и полномочия Суда Европейских Сообществ.

Специальный раздел ДЕС был посвящён международной, внешнеполитической тематике. В частности, там определялись цели ОВПББ: «Защита общих ценностей, основных интересов и независимости Союза; укрепление безопасности Союза и его государств-членов всеми способами; сохранение мира и укрепление международной безопасности...; содействие международному сотрудничеству; развитие и укрепление демократии и законности, и уважение прав человека и основных свобод.» [6, р. 47]

Франция внесла очень крупный вклад в разработку Маастрихтского договора. В особенности, следует сказать о высокой персональной роли Президента Французской Республики Франсуа Миттерана и занимавшего на момент подписания ДЕС пост председателя Комиссии Европейских Сообществ Жака Делора, также французского политического деятеля.

Вообще, основная часть французской политической элиты активно поддержала идею трансформации ЕЭС в ЕС, и львиная часть депутатов и сенаторов голосовали за ратификацию Маастрихтского договора. В связи с непростой политической ситуацией вокруг договора и тем, что жители Дании на первом референдуме по ДЕС выступили против «Маастрихта», Ф. Миттеран был вынужден назначить на сентябрь 1992 г. общенациональный референдум об отношении граждан Французской Республики к новому договору.

Французские исследователи П.-М. Де ля Горс и А.-Д. Шор в коллективной работе отметили, что «европейский выбор Президента

Миттерана идёт от желания дать необратимый характер решениям, принятым в Маастрихте, что объясняет, может быть, выбор референдума по ратификации договора.» [5, р. 126] Вероятно, Президент Миттеран исходил из того, что удачное осуществление референдума «легитимизирует» ДЕС в глазах общественного мнения.

Сам Ф. Миттеран, практически все члены левоцентристского правительства приняли в середине 1992 г. энергичное участие в агитационной кампании в пользу поддержки текста Маастрихтского договора. Глава Франции и другие представители исполнительной власти указывали на то, что в случае, если соотечественники скажут «нет» Договору, само дело европейской интеграции рискует на многие десятилетия быть остановлено, что приведёт в условиях международной турбулентности к росту национализма и изоляционизма в странах Европы.

Президент Франции заявлял о том, что государство «только выиграет от дальнейшего развития интеграции, особенно если коммунитарная Европа, оставаясь самой мощной торговой силой на Земле, сделается первым на планете промышленным и технологическим субъектом.» [2, с. 250] Члены французского правительства, вслед за Ф. Миттераном, утверждали, что реализация ЭВС не будет означать доминирования либерализма, но, наоборот, поможет сократить безработицу в «единой Европе» и повысить покупательную способность европейцев. Отвечая на критику со стороны коммунистов и крайне правых, Ф. Миттеран стремился успокоить общественность, заявляя о том, что на деле французскому национальному суверенитету «Маастрихт» не угрожает.

Представители исполнительной власти заявляли также, что укрепление европейского единства реально поможет различным сферам национальной экономики. Кроме того, они акцентировали внимание соотечественников, что ДЕС несёт мир и солидарность народам Европы.

Референдум, состоявшийся 20 сентября 1992 г., принёс очень незначительный перевес (с 51% голосов «за») сторонникам Маастрихтского договора. Но он показал не только наличие глубочайшего раскола во французском обществе по европейской проблематике, но и то, что существует сильнейший водораздел по вопросам европейского строительства как в правом, так и в левом спектрах французской политики. Различные социологические опросы свидетельствовали о том, что избиратели — сторонники левых партий — голосовали на «европейском» референдуме далеко не гомогенно.

В значительной степени это происходило в силу того, что позиции самих левых партий отличались друг от друга, и достаточно существенно. С учётом того, что Ф. Миттеран был социалистом, а его Социалистическая партия (СП) занимала на 1992 г. главенствующие позиции в составе Совета министров V Республики, действительно, от точки зрения соцпартии зависело немало. В одобренном партией ещё в 1991 г. программно-политическом документе «Новый горизонт для Франции и социализма» подчёркивалось, что Европа играет всё большую роль для французского общества и французов. СП

(Франции) однозначно акцентировала внимание на то, что «Сообщество, в перспективе Европейский Союз, должно позволить нашей стране усилить её влияние...» [7, р. 107]

Социалисты особенно делали акцент на то, что необходимо бороться за социальную Европу, трансформировать Хартию основополагающих социальных прав в коммунитарные законодательные документы, сближать и выравнивать по самым высоким стандартам национальные социальные законодательства, принимать решения в Совете министров Сообщества через процедуру квалифицированного большинства и т. д.

Также программный документ соцпартии оговаривал необходимость реализации амбициозных общих структурных политик в социальной, исследовательской, промышленной областях. Вместе с этим, французские социалисты активно одобрили идею ОВППБ» в системе ЕС. СП поддержала сам план построения оборонной европейской системы как составной части ЕС в будущем.

Также французские социалисты позитивно отреагировали на те разграничения полномочий основных политических органов и институтов, что нашли отражение в тексте ДЕС. В особенности, для социалистов близкой оказалась тема расширения полномочий и возможности ЕП. Избранный 1-м секретарём соцпартии в январе 1992 г. соратник Ф. Миттерана Лоран Фабиус, в свою очередь, принадлежал к числу «еврооптимистов» в руководстве СП и также достаточно энергично в начале 1990-х поддерживал текст ДЕС.

Когда Ф. Миттеран принял решение о проведении в стране референдума об отношении к Маастрихтскому договору, «и министры-социалисты, и представители руководящих инстанций СП сразу после объявления Ф. Миттераном о проведении референдума поспешили заявить о политической мудрости и мужестве Президента, решившегося в сложный для социалистического движения момента обратиться за советом ко всей нации». [2, с. 323-324] Абсолютное большинство депутатов и сенаторов от соцпартии в июне 1992 г. голосовали в парламенте за поправки, реформирующие французскую Конституцию перед ратификацией Маастрихтского договора.

Состоявшийся в июле 1992 г. в Бордо съезд СП (Франции) уже официально высказался за поддержку одобрения ДЕС на сентябрьском референдуме. Делегаты съезда выразили уверенность в том, что Маастрихтский договор способен улучшить практику экономического сотрудничества между странами-членами Союза, укрепить социальную солидарность на европейском пространстве, продвинуть к более тесному внешнеполитическому единству и более активной кооперации в оборонной сфере. В то же время, в принятой делегатами основной резолюции съезда подчёркивалось: «Маастрихтский договор составляет инструмент, эффективность и исполнение которого зависит от того, как он будет использован». [8, р. 28]

В агитационной кампании за ДЕС в середине 1992 г. активное участие приняли как министры от СП, так и руководители департаментских федераций

соцпартии. Они утверждали, что Французская Республика в одиночку не может ответить на вызовы времени и что будущее французского общества не имеет альтернативы «единой Европе». Представители умеренных тенденций соцпартии убеждали соотечественников, что переход к ЕС поможет решить многие социальные, экономические и финансовые неурядицы, с которыми сталкивается французское государство. Наоборот, в случае победы на референдуме «нет», предупреждал Л. Фабиус, Франции, да и всей Западной Европе угрожает социальный регресс и изоляция. Бывший премьер-министр и видный сторонник европейского строительства Мишель Рокар, в свою очередь, открыто предсказывал, что в случае нератификации ДЕС Франция рискует оказаться на задворках Европы, тогда как с принятием «Маастрихта» финансовый и политический союз принесёт стране реальную выгоду. Члены французского правительства Ролан Дюма, Элизабет Гигу и другие указывали на то, что ЕС приведёт к политической стабильности и экономическому благу, способствуя более тесному торговому и промышленному партнёрству европейских государств.

Внутри СП против принятия Маастрихтского договора выступило лишь относившееся к левому крылу партии «евроскептическое» течение «Социализм и Республика» во главе с бывшим министром обороны Жан-Пьером Шевенманом. Эта тенденция в СП подвергала критике саму суть ЭВС и перспективный отказ от национальной валюты. Ж.-П. Шевенман утверждал, что «монетаристская логика, торжествующая в сердце Экономического и валютного Союза, запирает всю Европу в спираль спада». [4, р. 258] Также представители «Социализма и Республики» были убеждены, что «Маастрихт» представляет собой целую серию ограничений для национального суверенитета.

Позицию соцпартии в отношении Маастрихтского договора в полной мере поддержал ближайший политический союзник и правительственный партнёр социалистов — Движение левых радикалов (ДЛР). Исторически принадлежа к сторонникам «европейского федерализма», левые радикалы энергично одобрили текст ДЕС, считая, что он приближает Европу к федеративной политической субстанции. ДЛР с большим одобрением отнеслось к запуску ЭВС и ОВППБ. С точки зрения руководителей ДЛР, успех ДЕС сделает Французскую Республику более сильной в международных отношениях.

Главным оппонентом позиции левоцентристов по европейской тематике, в том числе через призму ратификации Маастрихтского договора, в начале 1990-х гг. выступила Французская коммунистическая партия (ФКП). Французские коммунисты изначально весьма враждебно и скептически оценивали западноевропейскую интеграцию. Как справедливо считает британский исследователь Д. С. Белл, «реакцией ФКП на Маастрихтский договор было подтверждение традиционного курса.» [9, р. 229]

Как только ДЕС был подписан, ФКП развернула широкую пропагандистскую кампанию, пытаясь убедить сограждан в том, что «Маастрихт» обязательно приведёт к усилению безработицы, снижению жизненного уровня и покупательной способности французов, если не к социальной реакции. Исходя из своего восприятия ЕЭС как «Европы трестов и капитала», французские коммунисты утверждали, что отход от национального суверенитета во имя ЕС крайне опасен и он будет на пользу вовсе не миру труда и французскому рабочему классу. С точки зрения ФКП, от утверждения ДЕС в действительности выиграет объединённая Германия, чей экономический и демографический потенциал гораздо выше французского.

Коммунисты Франции критиковали ДЕС и с «внешнеполитической» стороны. В заявлениях компартии говорилось о том, что вместе с Маастрихтским договором в Европу придёт новый этап милитаризации. Кроме того, представители ФКП исходили из того, что в актуальной ситуации ЕС не сможет стать объединением, по-настоящему независимым от НАТО и США.

Коммунисты выступали против усиления наднациональных и неподконтрольных европейским гражданам учреждений и инстанций ЕС, полагая, что этот процесс ведёт отнюдь не к демократии, а к отдалению общих европейских институтов от общественности. Коммунисты указывали, что ДЕС скрывает в себе новые дискриминации и опасности для национальных свобод.

В конечном итоге, коммунисты твёрдо призвали нацию отвергнуть Маастрихтский договор на сентябрьском референдуме. В обращении к французам содержался призыв сказать «нет» ДЕС, чтобы в итоге «создать условия для выбора другого справедливого, демократического, мирного и дружественного европейского строительства.» [3, р. 13]

Подводя общие итоги, следует сказать, что вопрос об отношении к Маастрихтскому договору способствовал разделению французских левых и ослаблению их позиций. Политическая победа Ф. Миттерана в 1992 г., достигнутая с незначительным большинством, не смогла предотвратить ни сурового поражения социалистов и всех левых на парламентских выборах 1993 г., ни победы кандидата правого центра Жака Ширака на президентских выборах в 1995 г.

В то же время, глубокие дискуссии, которые имели место в соцпартии и во всём левом движении V Республики относительно ДЕС, в дальнейшем ещё не раз возникали внутри французской левой по самым разным аспектам политических, экономических и социальных измерений европейского строительства. Даже сегодня, когда в общем мы можем говорить о наличии единства левых сил во Франции, тематика отношения к европейской интеграции и фундаментальным договорам ЕС составляет водораздел между различными направлениями французского левого движения.

Список литературы:

1. Документы Европейского Союза. Т. II: Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. – М., 1994.
2. Костюк, Р. В. Левые силы Франции и европейское строительство. 1980-е — 1990-е годы // Библиотека европейских исследований. – Выпуск 10. – СПб., издательство СПбГУ, 2003.
3. Cahiers du communisme. – 1992. – №7-8.
4. Chevènement, J.-P. Le Temps des Citoyens. – Paris, 1993.
5. De La Gorce, P. M., Schor, A.-D. La politique étrangère de la Ve République. – Paris, 1992.
6. Doutriaux, Y., Lequesne, L. Les institutions de l'Union européenne. – Paris, 1998.
7. Un nouvel horizon pour la France et le socialisme. – Paris, 1991.
8. Le Poing et la rose. – 1992. – № 145.
9. Political parties and European Union. – London, New York, 1996.

Кузнецов Владимир Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ РОССИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: В статье рассматривается история образования и воспитания в духовных учебных заведениях Российской империи - в семинариях, в конце XIX – начале XX в. Автор подчеркивает, что знания и ценности, которые вкладывались в умы и души будущих наставников православного населения России, должна была сохранить империю. Обращается внимание на то, стала ли семинария институтом обновления РПЦ, упрочения ее позиций, насколько соответствовала ее деятельность по образованию и воспитанию семинаристов объективным интересам государства.

Ключевые слова: История России, РПЦ, духовные учебные заведения, образование и воспитание наставников православного населения.

EDUCATION AND UPBRINGING IN THE THEOLOGICAL SEMINARIES OF RUSSIA IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES

Summary: The article examines the history of education and upbringing in the theological educational institutions of the Russian Empire - in seminaries, in the late XIX – early XX century. The author emphasizes that the knowledge and values that were invested in the minds and souls of future mentors of the Orthodox population of Russia had to preserve the empire. Attention is drawn to whether the seminary has become an institution for the renewal of the ROC, strengthening its positions, and how its activities for the education and upbringing of seminarians corresponded to the objective interests of the state.

Keywords: The history of Russia, the Russian Orthodox Church, religious educational institutions, education and upbringing of mentors of the Orthodox population.

Образование и воспитание имеют решающее значение при формировании будущих поколений. Те знания и ценности, которые вкладывались в умы и души будущих наставников православной молодежи и всего населения страны, должны были помочь сохранить империю.

Еще в XVIII в., когда РПЦ оказалась под полным управлением государства, были упразднены выборы священников прихожанами, и задачу подготовки священнослужителей стало решать государство. Сначала священнослужителей готовили в духовных училищах. Во второй половине XIX в. власть пришла к выводу, что такого образования для успешного служения

недостаточно. И подготовкой наставников занялись по указанию государства духовные семинарии.

Насколько успешно семинарии справлялись с поставленными задачами, способствовала ли она укреплению положения Церкви и государства? При этом надо учитывать, что образование семинаристов, хотя и формально, но, все-таки учитывало особенности жизни и деятельности семинаристов, то воспитание было далеко от реальных условий. Однако оно должно было способствовать формированию православного человека. Немаловажно и то, что при осуществлении воспитания отвергались принципы светской педагогики, то есть идеи В.Г. Белинского, К.Д. Ушинского, зато признавалась христианская антропология. Существовали и богословы, которые считали, что самое главное - воспитание в духе религии [4, с. 53]. При этом предполагалось, что все это будет способствовать плавному вхождению в религиозную жизнь и созданию личности, готовой для духовной жизни. Воспитание должно было воздействовать на религиозную, психическую, эстетическую, моральную, интеллектуальную, социальную области жизни семинариста и выработку у него правильного поведения. Этому можно было бы и порадоваться, если бы это не расходилось с тенденцией к секуляризации общественной жизни. Но, прежде чем заниматься воспитанием, необходимо было решить проблему взаимоотношения семинаристов и общества, которое все больше относилось к ним с презрением, особенно из-за их внешнего вида и поведения.

Отдельные семинарии пытались снабжать учащихся форменной одеждой, убеждать следить за собой. Но не всегда получалось. В других пытались унифицировать одежду. Считалось, что форменная одежда заставит учащихся вести себя достойно духовному званию. Но, не хватало денег, и эти попытки изменить отношение к своему внешнему виду не приводили к успеху.

Воспитателям семинаристов надо было задумываться и об их физическом здоровье. Однако немалое число их считало достаточным для этого использование простых деревенских развлечений в виде игры в снежки и кулачного боя. Все это, по их мнению, должно было привести к укреплению здоровья и уберечь от простуды [4, с. 28].

Не на высоком уровне находилось и состояние веры семинаристов. И программы обучения не способствовали укреплению веры. Все строилось на искусстве молитвы и железной дисциплине. Молитвы предшествовали и исполнению наказаний, даже физических (в дореформенный период). Затем вместо наказаний появились поклоны. Это привело к тому, что молитву перестали воспринимать как показатель религиозного настроения. И она стала приобретать репрессивное свойство. При этом воспитатели полагали, что частые обращения молодых людей к Богу настраивают на благочестие. Поэтому и не исключали из семинарий слабых учеников, в которых «присутствовали дух молитвы, кротость, опрятность» и т.п. Их выдвигали даже на должности «комнатных надзирателей» [1, с. 28]. Практика приобщения к христианскому восприятию на протяжении столетий оставалась прежней и

сводилась к механическому выполнению полного комплекта молитв (с заутренями и вечернями), обязательному посещению всех воскресных и праздничных служб. И это не только не успокаивало души, но, скорее, изнуряло их, способствовало развитию показного благочестия [3, с. 33]. А требовалась, как считали некоторые воспитатели семинаристов, именно вера.

Значительную роль в повышении уровня православия у семинаристов должен был сыграть ритм жизни духовного заведения. А он был очень жестким. Рано утром звонил колокол, все шли на молитву, затем начинались занятия с перерывами для принятия пищи и отдыха. Но этот ритм совершенно не учитывал изменение реальности. Строго был регламентирован и сам воспитательный процесс. Учащиеся постоянно находились под надзором инспекторов и их помощников, а также назначенных начальством старших семинаристов. Все «смотрящие» обязательно докладывали начальству о поведении семинаристов. В 70-80-е гг. XIX в. права инспекторов были расширены, и они могли даже назначать наказание провинившимся. Затем это отменили и они лишь могли сообщать начальству о нарушителях. Но зато они перестали навещать живших в съемных квартирах, на окраинах семинаристов [5, с. 22].

Во всех семинариях существовал установленный начальством набор наказаний семинаристов за нарушения и проступки. Им, например, запрещалось читать книги по своему усмотрению, ходить в театры, общаться с девушками, стричься по моде, носить пальто и проч. С начала 70-х гг. Св. Синод запретил музыкально-вокальные вечера. В 90-е гг. опять разрешили эти вечера. Наказание можно было получить за любую незначительную провинность. Все это приводило к тому, что некоторые семинаристы стремились сбежать из семинарий. Расправлялись с такими жестоко. Не всегда и воспитатели были примером для подражания семинаристов и некоторые из них были склонны к пьянству, разврату. Среди преподавателей были распространены грубые, пренебрежительные, равнодушные обращения к семинаристам. Учащиеся отвечали тем же. Так что не было ни православного смирения, ни уважительного отношения, ни у семинаристов, ни у преподавателей. Епархиальное начальство обычно занимало «нейтралитет». А конфликты внутри семинарий не политического и не уголовного характера старалось замять, чтобы иметь «образцовый порядок» и поощрение от вышестоящего начальства. Тех семинаристов, кого наказывали внутри семинарий, наказывали жестоко: не кормили определенное время, заставляли во время трапезы других семинаристов отбивать поклоны, наказывали розгами, арестовывали, сажали в карцер, ставили низкий балл за поведение тем, кого отчисляли и их не принимали в светские вузы и на службу чиновниками. Виновные демонстративно каялись. Конформизм, ханжество, лицемерие пронизывали всю семинарскую жизнь [6, с. 352].

Не простыми были и отношения между семинаристами. Часть из них собиралась после окончания семинарий пойти на светскую службу, другая

часть хотела стать настоящими пастырями. Были и такие, кто даже и не думал о будущем.

А как город относился к молодому человеку, учащемуся духовного заведения, что он ему предлагал? Обычно губернский центр имел несколько учреждений культуры, в том числе музей истории города, театр, «ученые собрания». Однако, посещать увеселительные заведения было запрещено, а в «ученые собрания» приглашали только очень одаренных семинаристов. Но, вопреки запретам, семинаристы активно посещали трактиры и другие значные места. Кроме того, жизнь в съемных квартирах порождала проблемы. Нередко жить приходилось в непригодных для жилья домах, группой в 6-8 человек. При этом, старшие издевались над младшими, часто происходили драки. Попытки семинарского начальства усилить надзор с помощью назначенных «квартирных» старост только усиливали агрессивность учащихся. Среди семинаристов происходили и опасные для нравственности явления, отмечались в печати и в полиции посещения семинаристами публичных домов. Начальство старалось это не замечать. Плохо семинаристы и питались. Продовольствия не хватало, в том числе и по причине воровства в семинариях. Нехватка еды порождала постоянные унижения из-за куска хлеба. Просьбы кусочка хлеба у богатых сокурсников и у начальства, стали обычным явлением в семинариях. Улучшить положение могли благотворительные общества, но они не имели достаточной финансовой помощи. Высокой была и заболеваемость учащихся. Таким образом, устройство жизни семинарий было очень похоже на казарму. А учащиеся проникались двойной моралью. Аналогичное поведение наблюдалось и в Духовных академиях [7, с. 96-97].

Подобная жизнь порождала уродливые формы протеста, поиск «новой веры». В конце XIX века решили опять заняться власти реформированием духовных заведений и в очередной раз заговорили о реформе духовно-учебных заведений. Для этого Св. Синод учредил 21 января специальную комиссию, которая изучила существующие учебные программы и выдала рекомендации. Комиссия также порекомендовала провести конкурс на лучший учебник по богословским предметам. Суть реформ состояла в том, что количество учеников не семинарий не должно было превышать запросы епархий, необходимо было открыть при семинариях общежития, уменьшить количество часов по церковным предметам, поручить их преподавание священникам, установить обязательное посещение богослужений семинаристами в храме заведения. Эти реформы вызвали дискуссии в РПЦ и в обществе. Наконец в 1901 году согласовали все вопросы с Синодом, но не произошло никаких изменений, так как Синод пришел к выводу, что эту ситуацию невозможно решить. Очень беспокоило Синод и то, что семинаристы активно интересовались политикой. В 70-е годы они увлеклись идеями анархистов, распространяли среди солдат антиправительственные издания [8, с. 12]. Затем волна активности спала. Однако в начале нового века волна вновь поднялась.

Недовольство удалось приглушить лишь на время. Семинаристы стали создавать кружки, группы, в которые нередко входили и талантливые, развитые молодые люди, не желавшие мириться с затхлою атмосферой жизни семинарий. Удивляло то, что учащиеся семинарий быстро откликались на протесты. Участники этих организаций в духовных заведениях часто становились вожаками и привлекали к работе в организациях новичков, которым очень нравилось внимание старших товарищей. Примечательно, что с начала новичкам предлагалась безобидная на светский взгляд литература. А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, А. М. Горький. Затем предлагались произведения рукописные участников организаций, происходили обсуждения произведений, в том числе, и революционных. Суть революционных изменений новые члены организаций в основном плохо понимали. Однако по представлению начальства все они были неблагополучными, «заговорщиками». Они же все чаще попадали в поле зрения полиции [9, с. 265]. Конечно, основная масса учащихся была не революционерами, а скорее недовольная порядками в семинариях. Но не учитывать их настроения нельзя было. Хотя начальство семинарий старалось не замечать эти явления. Наставники относились к «бунтарям» со страхом и лицемерием. Епархиальное начальство и Святейший (Св.) Синод относились таким явлениям более ответственно. Синод потребовал от епархиальных управлений срочно закрыть все протестующие классы или семинарии, а также принять все необходимые меры для наведения порядка. Распоряжение отправили во все духовные заведения. Несмотря на все давление, семинаристы продолжали активно участвовать в политической жизни и довольно быстро приобщались к революционной идеологии. Часть бунтующих семинаристов была связана с РСДРП и, даже входила в состав партийных организаций, устанавливали связи не только с социал-демократами, вели пропаганду среди крестьян, призывали отбирать силой землю у помещиков и не платить налоги [9, с. 231].

Такое поведение будущих священников поражало и возмущало православную общественность. РПЦ исключала из учебных заведений таких семинаристов. Кроме того, часть семинаристов стала отказываться добровольно от дальнейшей учебы в духовных учебных заведениях. И в отдельных гимназиях вместо 60 выпускников выходили 2-3. С 1905 года таких случаев стало еще больше. Власти безо всякой системы вели борьбу с революционно настроенными учащимися. А это еще больше усиливало напряжение. Конечно, в поведении семинаристов присутствовали и нигилизм, и буйство, и революционный романтизм. Но стали появляться призывы ко всеобщему разрушению и избранию нового царя [8, с. 25]. По мнению общественности, происходило что-то страшное: вместо укрепления духовности полное отрицание ценностей. Среди бунтующих семинаристов были и такие, которые еще надеялись на перемены сверху. Поэтому они часто обращались к Синоду, верили в его справедливость.

В ходе революции 1905-1907 гг. семинаристам удалось добиться некоторых изменений. Например, в Тверской семинарии по их требованию отменили экзамены, уволили неугодных им инспекторов и восстановили уволенных учащихся. Бунтующие в Тверской семинарии создали даже свою организацию, кассу. У них появился свой печатный орган, в котором они призывали к революции. Жестко критиковали архиепископа Николая, который поддержал открытие в Твери отделения Союза Русского народа. Семинаристы в Твери собирались также присоединиться к Всероссийской забастовке духовных учебных заведений. Однако члены комитета были вскоре арестованы и, акция протеста в Твери не состоялась. Конечно, не все семинаристы были бунтарями, неверующими и аморальными людьми. И из семинарий продолжали выходить и священники, и будущие иерархи, ученые богословы, настоящие пастыри. Однако их число было незначительно, а их влияние незаметно. Становилось все более понятным для православной общественности, что духовные учебные заведения уже не соответствуют своему назначению – воспитывать сторонников Православной веры. Из семинарий стали уходить лучшие ученики, оставшиеся стали терять свою веру. И в семинариях, и в полиции все больше регистрировалось непристойное поведение семинаристов: проявление богохульства, отказ от причастия, исповеди, уничтожение церковных книг, исполнение неприличных песен, не почитание царской власти. Основные причины этого: девальвация значения пастырской службы, нищенское существование священников, родителей этих семинаристов [1, с. 98].

Будущие священники все меньше стали почитать образ монаха, который молится за русский народ и не видели в них своих духовных пастырей. Повод часто давала и сама монашеская братия, которая не всегда вела себя подобающим образом. Некоторые будущие священники уходили из семинарий в светские университеты или становились чиновниками. Этому способствовало и разрешение власти детям священников с 1863 года поступать в университеты, а с 1866 года - в военные училища. Во многих университетах почти половина студентов состояла из детей священников. Зато желающих стать священниками значительно уменьшилось. Далеко не все благополучно было и в других христианских конфессиях России. Снизился уровень подготовки англиканских, лютеранских, католических священников [5, с. 35].

Государство и РПЦ предприняли ряд мер, чтобы изменить положение с отходом от христианства и увлечением социализмом части семинаристов. Им было разрешено с 1880 года поступать в университеты или ветеринарные институты на окраинах империи: в Дерпте, Варшаве, Томске. Некоторые бывшие семинаристы стали чиновниками в провинциальных городах, служили на почте, в судах. И таких людей оказалось в немалом количестве в составе российской интеллигенции. Они оказали огромное влияние на затхлую среду чиновников. Ведь они были людьми грамотными, не стандартно думающими. РПЦ не одобряла таких людей и считала, что своими действиями они глумятся над духовенством, ненавидят его. Утверждалось, что интеллигенция и народ,

светская литература не замечают этого. И в некоторой степени руководство РПЦ было право. Некоторые представители российского общества считали, что тяжелое положение в семинариях возникло в связи с равнодушием и епархиального, и синодального руководства к проблемам духовного образования. Считалось, что семинарии не развивались и были некой ареной для карьеры молодых монахов, которые затем становились иерархами РПЦ. И это вызывало резкие протесты православных активистов [8, с.78].

Общественность надеялась, что вопрос будет решен в ходе проведения реформ Церкви в начале XX в. Тем более, что император разрешил подготовку Поместного Собора РПЦ. В печати стали обсуждать самые актуальные вопросы. При обсуждении выяснилось, что взгляды Церкви и общественности на проблемы развития духовных учебных заведений в основном совпадают. Однако, общественные критики считали, что в семинариях преподается, хотя и урезанная цензурой, но богословская наука, а семинаристы ограждаются от вредных влияний, у них воспитывается чувство смирения и послушания. Церковные же критики указывали на неумение духовной школы воспитывать защитников интересов Церкви. Главной задачей и общественность, и РПЦ видели в отстранении монашества от должностей, связанных с управлением и воспитанием в духовных учебных заведениях. В общем вопрос должна была решить власть. В 1905 г. Св. Синод предложил епархиям рассмотреть самые важные вопросы преобразования Церкви и прислать свои предложения. В обсуждении участвовали все, в том числе и преподаватели семинарий. Тверские преподаватели духовных учебных заведений создали даже первый в стране Союз преподавателей. Союз предложил рассмотреть прежде всего проблемы гуманизации образования и установления взаимоотношений с учащимися. Эти идеи не понравились начальству, их приравнивали к бунтарским и Союз был закрыт [10, с. 293].

Но процесс организации преподавателей духовных учебных заведений продолжался. Они постепенно становились оппозицией церковным и светским властям. Начало процессу самоорганизации преподавателей духовных школ было положено. Исследование обращений и воззваний руководителей Союзов различных епархий показывает, что реформирование духовных школ они считали невозможным без гарантий прав учащихся [10, с.324]. Однако, начавшаяся революция 1905 года и решение императора Собор не созывать, отодвинули реформирование Церкви на неопределенный срок. Для отвлечения семинаристов от увлечения политикой Синод рекомендовал устраивать «эстетические» мероприятия: хоры, литературные кружки, а также читать предметы против упадочных настроений и неврастении. Но больше всего рассчитывали на посты и молитвы [10, с. 298].

Восторгом, характерным и для всего российского студенчества, семинаристы встретили и вступление России в войну с Германией, в 1914 году. Некоторые семинаристы пожелали даже поступить в военные (юнкерские) училища. Но большая часть все-таки этого не сделала. Тем временем

государственная система разваливалась, а вместе с ней разваливалась РПЦ и ее духовная школа. Да, она сделала немало для развития культуры страны воспитала немало выдающихся ученых, писателей, художников. Немало среди ее выпускников также и деятелей культуры, имена которых известны ныне только краеведам[10,с.312].

Однако, в общей массе выпускники духовных учебных заведений не смогли противодействовать нигилистическим настроениям, богохульству, падению религиозности. Они не смогли стать центром воспитания православной веры и благодати.

В период революционного кризиса и разрушения государственности это приобрело тяжелые последствия. Некоторые бывшие семинаристы стали террористами, революционерами. Среди них И. В. Джугашвили (Сталин), А. И. Микоян, Н. И. Подвойский.

Список литературы:

1. Дневник А.Н. Львова. (1891 - 1898)// Нестор. –2000. -№1.– С.9-164.
2. Творения святого Ипполита, епископа Римского, в русском переводе. Вып., 1–11. – Казань, 1898. – 400 с.
3. Поспеловский, Д. В. РПЦ в XX в. –М.: Республика, 1995. – 509 с.
4. Евлогий, митрополит. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М., 1994. – 621 с.
5. Леонтьева, Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – 221 с.
6. Колосов Владимир Иванович (1854-1919) История Тверской духовной семинарии: ко дню 150-летнего юбилея семинарии// сост. преподаватель Владимир Колосов. – Тверь: Тип. Губ. Правления, 1889. – 464 с.
7. Салтыков, А. Очерк истории Московской духовной академии // Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). – М., 1985. –336 с.
8. Титлинов, Б.В. Молодежь и революция. (Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений 1860–1905 гг.) – Л.: Государственное издательство, 1925. – 166 с.
9. Антонов, В.С. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в пореформенной России. – М.: Наука, 1965. – 389 с.
10. Морисси, С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 562 с.

Кузнецова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ «САХАРНОГО ГОЛОДА» В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Аннотация: Статья затрагивает несколько малоизвестных аспектов работы структур Временного правительства России в сфере обеспечения страны продовольствием в 1917 году. Продовольственная ситуация периода Первой мировой войны и революции 1917 г. принесла серьезные изменения российского законодательства, перемены в производстве пищевых продуктов, а также потребовала использования продуктов заменителей, в частности, сахарина. Сосредоточенность на продуктах питания выдвигает на передний план вопросы социальной жизни, а обращение основных продуктов, таких как хлеб и сахар, позволяет по-новому понять властные отношения в повседневной жизни и рассмотреть систему питания, как структуру, повлиявшую на процессы в масштабах страны. Автор акцентирует внимание на функционировании новых органов и принципов распределения, а также новых действующих лиц в сфере продовольственной политики, в частности, умеренных социалистов в период 1917 года в России.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., Петроград, Временное правительство, сахарный голод, Громан В.Г.

IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF RUSSIA IN SOLVING THE PROBLEM OF "SUGAR FAMINE" DURING THE REVOLUTION OF 1917

Summary: The article touches upon several little-known aspects of the work of the structures of the Provisional Government of Russia in the field of providing the country with food in 1917-s. The food situation during the First World War and the revolution of 1917 brought major changes in Russian legislation, changes in food production, and also required the use of substitute products, in particular, saccharin. The focus on food brings to the fore issues of social life, and the circulation of staples such as bread and sugar allows a new understanding of power relations in everyday life and considers the food system as a structure that influenced processes on a national scale. The author focuses on the functioning of new organs and principles of distribution, as well as new actors in the field of food policy, in particular, moderate socialists during the period of 1917 in Russia.

Keywords: Russian Revolution of 1917, Petrograd, Provisional Government, sugar famine, Groman V.G.

Для России и всего мира организация продовольственного дела в годы Первой мировой войны и революции стала вопросом совершенно новым, поскольку никогда в жизни народов не разыгрывались события, которые могли бы угрожать голодом целым государствам. Исследуя направления политики Временного Правительства России в вопросах питания и выделяя продукты как фактор власти важно понимание предпринимаемых действий методах принятия решений в области питания населения. Рассматривая историографию продовольственного вопроса в период 1917-1920-х гг., следует отметить значительное число работ, при этом ряд исследователей прямо поднимают проблему использования продуктов-заменителей в период событий Февраля-Октября 1917 года. Так, в работе Е.Д. Твердюковой затрагивались проблемы фальсификации пищевых продуктов, в частности, деятельности созданного 18 июня 1909 г. Комитета по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов и обсуждений законопроекта об обеспечении доброкачественности пищевых и вкусовых средств и напитков, разработанного Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел¹. В статье Г.А. Жолобовой дана оценка механизмов правового регулирования торговли суррогатами сахара, а также содержатся сведения о появлении сахарина и его применении.² Также отдельно можно отметить те структуры, что занимались вопросами продовольствия в 1917 году и тех специалистов, от которых зачастую зависело разрешение на использование продуктов-заменителей для населения. Сразу после февральских событий, весной 1917 года в Петрограде был создан Центральный продовольственный комитет, вокруг которого сгруппировались все организации, занимавшиеся продовольственными вопросами в Петрограде. Исполнительным органом Комитета стала Центральная продовольственная управа, председателем которой был В.Г. Громан.³

Практически сразу после начала войны во всех странах появились продовольственные трудности, которые требовали решения, так в Германии и Австрии, лишенных почти всякой возможности пользоваться заграничным хлебом и сахаром и вынужденных держать на учете каждый фунт было признано необходимым передать продовольственное дело в руки государства, которое позаботится о равномерном распределении продуктов между всеми гражданами.⁴ Во Временном правительстве России был изучен этот опыт, так, с началом мировой войны продовольственное дело в Австрии находилось в руках нескольких министров (внутренних дел, торговли, земледелия), а для

¹ Твердюкова Е. Д. «Колбаса — дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. №1. С.71-82

² Жолобова Г.А. «Механизм правового регулирования торговли искусственными сладкими веществами и содержащими их пищевыми продуктами в Российской империи на рубеже XIX-XX вв.» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Т.25 (64). 2021. С.17-33

³ Кузнецова О.Н. Деятельность комиссии для обследования положения продовольственного дела в Петрограде в 1917 году. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. №4. 2017. С.22-42

⁴ ГАРФ. Ф. 1783. Оп.6. Д. 166. Л.1

снабжения населения продуктами был учреждены так называемые Центральные Бюро – военно-хлебное, сахарное и др. Когда выяснилась необходимость централизации продовольственного дела, т.е. учреждения особого министерства, оно было создано в ноябре 1916 г., к нему перешли все полномочия по учету и распределению. Кроме того, серьезное внимание было обращено на производство суррогатов, особенно это касалось недостатка сахара, который после хлеба стал вторым продуктом, где введены меры по ограничению потребления. Вместе с тем, в Германии и Австрии в 1915 году была введена государственная монополия на хлеб, а для других продуктов были введены Бюро, которые распределяли продукты при помощи карточек среди населения. Карточки в Европе делились на распределительные и ограничительные - по распределительным можно было получить то количество, которое на них указано, по ограничительным устанавливалась высшая норма потребления, но без ручательства, что норма будет выполнена. Как отмечалось в записке: «Правительство строго следит за соблюдением правил получения продуктов по карточкам, нарушение и передача карточек из рук в руки строго наказывается, поскольку благодаря карточной системе наши враги несмотря на тяжелые лишения могли продержаться три года, не испытывая ужасов голода... в России требуется аналогичная разработка мер по борьбе со спекуляцией».⁵

На заседаниях сахарной комиссии при Управлении Особоуполномоченного по заготовке хлеба, сахара и соли для армии рассматривался широкий круг вопросов, связанный с решением проблемы «сахарного голода».⁶ Так, на заседании от 4 мая 1917 г., где основным вопросом стала проблема ввоза сахара в Финляндию и сокращение нормы поставок сахара до 40 вагонов (от 115). Присутствовавшие председатель Комиссии Д.С. Коробов, члены – С.В. Востротин, Г.Я. Рохович, А.И. Буковецкий, Г.В. Шуб, В.А. Иванов, К.И. Зайцев. Особо приглашенные лица – министр статс-секретарь по делам Финляндии – К.К. Энкель, уполномоченный Финляндской комиссии Б.Б фон-Герцен и председатель Сахарного комитета Финляндии – А.Ф. Альфтан рассмотрели справку о состоянии запасов сахара и составили схему его распределения в стране с 1 июня по 1 октября 1917 г. Квотирование сахара предполагалось проводить по следующей норме: для армии /фронта сохранение 12 золотников в сутки; вне фронта понижение нормы до 8 золотников (1 золотник=4.2 гр.) В отпуске и уволенные должны довольствоваться сахаром от Продовольственных комитетов по нормам для местного населения. Были установлены три категории населения по распределению сахара – сельское, городское и особо квалифицированное (рабочие на обороне и железных дорогах). На следующее заседание Комиссии 3 июня 1917 г. были приглашены члены Общегосударственного продовольственного комитета (ОПК) – А.Г. Кин от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, представители ведомств – В.А Иванов (от

⁵ ГАРФ. Ф. 1783. Оп.6. Д.166. Л.3-5.

⁶ ГАРФ. Ф.6831. Оп.1. Д.114

Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей), К.И. Зайцев (от министерства продовольствия) и представители Всероссийского общества сахарозаводчиков – М.Ю. Цехановский, А.А. Вольский и К.М. Закс. После обсуждения проекта постановления о казенной продаже сахара признали желательным узаконить уже существующую сахарную монополию, как на производимый в стране, так и ввозимый из-за границы сахар. Поднимая вопрос о ввозе сахара из-за границы, члены ОПК отмечали отсутствие препятствий к ввозу сахара за счет свободного тоннажа (там, где порты не были загружены предметами гос.обороны), не весь тоннаж находился в ведении Лондонского комитета, есть государства, которые на входят туда и частный тоннаж можно получать в данную минуту, в частности, от Южно-американских государств. Опасения были высказаны В.Н. Кином в отношении частной инициативы при ввозе сахара, «это приведет к тому, что у нас было до 27 февраля. Не зная цен, по каким будет получен сахар, такое решение вопроса рискованно». Вместе с тем, на заседании прозвучало предложение Щербатого о доставке в Петроград сахара от американской фирмы водным путем, что не стесняло правительство в решениях, при этом фирмы соглашались ждать поступления валюты полтора два года после окончания войны. По мнению Громана, нельзя отдавать ввоз исключительно частной инициативе, поэтому была принята следующая резолюция: «ввоз сахара из-за границы возможен при условии передачи сахара в распоряжение государства по ранее обоснованным ценам или по определяемой каждый раз цене».

Отдельного внимания заслуживает вопрос о производстве продуктов роскоши, таких как конфеты и пирожные, для которых требовалось немалое количество сахара. Так, на заседание сахарной комиссии от 13 июня 1917 г. были приглашены представители конфетного производства: от Петроградского общества конфетных фабрикантов Е.А. Зеликман, председатель кооператива шоколадно-конфетных фабрик П.Ф. Болдовский и союза рабочих конфетных фабрик – Ф.И. Тихонов, А.И. Антонов, К.Е. Гончаров, В.В. Копылов. Аналогичное заседание было проведено в Москве, где обсуждались расценки конфетно-кондитерских изделий, так широкое демократическое представительство, не имея другого пути решения вопросов, организовывало множество различных комиссий, где обсуждались все и даже мелкие вопросы. Например, было определено для плиточного шоколада содержание сахара в 45%, какао 45%, масла какао 10%. Цена сахара на кондитерское производство составляла 22 коп за фунт, какао – 3 руб., масла какао – 4 руб., так пуд материала идущего на приготовление плиточного шоколада обходился в 73р.96к. Была установлена стоимость одноразовой упаковки, которая состояла из пергаментной бумаги, фольги и этикета по ¼ фунта шоколада в одной штуке в 10р 20 коп. и определена стоимость рабочей силы при изготовлении шоколада – 5 лиц – мастер (15 руб. в день), подмастерье (10р), мальчик (4р), вальцовщик (7р) и рабочий (6р). +1р.50коп на завертку шоколада и фабричные расходы. Так

себестоимость 1 пуда шоколада в 1917 году составляла 112 р 36 коп.⁷ Аналогичным был вопрос об использовании сахара для производства кваса, приведем свидетельство А.Цириня о продажах летом, когда за отсутствием пива и спиртных напитков наблюдался особый спрос на квас. Для квасоварных заводов требуется ничтожное количество сахара – 8 вагонов в месяц для всех заводов, а шоколадно-бисквитная фирма Блигкень и Робинсон в день требует сахара больше. Нельзя прекращать квасной отрасли. Произошло столкновение двух государственных вопросов – первый о предотвращении сахарного голода в стране, второй минимизация ущерба целой отрасли промышленности. Также о значимости решения вопроса о сахаре как одного из основных продуктов питания в данный период говорит решение Временного правительства о судьбе крупнейшего в сахарной отрасли России «Рафинадного завода Ю.Л Кенига».⁸ Обсуждение этого вопроса в сахарной комиссии произошло 10 июля 1917 г. где присутствовали – Д.С. Коробов, К.М. Дьяков, А.Г Кин, И.М Громько, Л.К Буттлер, от завода Кенига – Б.Г Бронштейн, Д.Е Гаврилов. Было принято решение об отпуске рафинада исключительно для довольствия населения Петрограда, при этом переустройство завода не планировалось, но будут соблюдены требования рабочих относительно повышения зарплаты. Доверенный владельца завода А.А Пампель подтвердил, что Ю.Л Кениг отказывается от предпринимательской прибыли в пользу казны, установит твердую цену рафинировки сахара на Петроградском рафинадном заводе, а если превысит ее, то предприятие будет ликвидировано.

Принципы Временного правительства для решения продовольственных вопросов реализовывались через Общегосударственный продовольственный Комитет (ОПК). Здесь в 1917 году работал В.Г. Громан, которого даже называли «продовольственным диктатором Петрограда» и его сторонники - В.Н. Зельгейм, Г.В. Шуб, Н. Ясный и, в частности, обсуждались вопросы реализации политики Временного правительства в сфере продуктов питания - сахара, мяса, хлеба и др. Сам В.Г. Громан высказывался за необходимость выработки общих принципов распределения, а «не отдельного обсуждения мармелада и сахара».⁹ Эти специалисты в основном разделяли социалистические воззрения, что предполагало экономию и справедливое распределение, что подтверждают высказывания, например, о прекращении производства продуктов роскоши (не отпускать сахар в кондитерские) и делать продукты, заменяющие рафинад. Профессор А.И. Буковецкий, сторонник меньшевистских воззрений, высказался о необходимости сокращения сахара с учетом экономии и «если не будет установлена норма, то будут расходовать по-прежнему». По мнению, В.Г. Громана правительство уже встало на этот путь и население должно получить по возможности большее количество общедоступных веществ, содержащих сахар. Еще один социалист С.Н.

⁷ ГАРФ. Ф. 6831. Оп.1. Д.114.Л.27.

⁸ ГАРФ. Ф. 6831. Оп.1. Д.114.Л.33.

⁹ ГАРФ. Ф.3087. Оп.1. Д.1. Д.2.

Прокопович высказался так: «Наша точка зрения сводится к тому, чтобы тот сахар, который получается при изготовлении разного рода сладких веществ путем прибавления фруктов был бы доступен не только имущим классам, а поэтому мы нормировали таким образом, чтобы за полфунта чистого сахара выдавался бы фунт этих продуктов»¹⁰. Эти свидетельства могут служить подтверждением разработки соц.мер с стороны правительства. На заседаниях ОПК обсуждался и вопрос касательно искусственного подсластителя – сахарина (E954). Так, В.Г. Громан указывал на то, что незадолго до революции Военно-промышленный комитет созвал совещание, где голоса разделились - за и против безвредности сахарина. В Германии, где этот вопрос был поставлен очень серьезно и пришли к выводу, что сахарин безвреден, но не усваивается организмом, а лишь играет роль вкусового вещества. На этой точке зрения стоит современная наука, поэтому предполагалось признать широкое использование сахарина во всех случаях, когда он может помочь уменьшить потребление сахара. Вместе с тем, большую трудность представляет определение фальсификаций сахарина, поэтому было решено передать вопрос в комиссию с медицинским надзором.

Таким образом, политика Временного правительства в сфере распределения продуктов питания реализовывалась путем огосударствления жизненно важных товаров, введения монополий на хлеб и сахар, государство постепенно брало практически все области в свое распоряжение, в большей степени осуществляя регулирование – ценами на продукты, нормировкой потребления, монополизацией права распоряжения продуктами питания. При этом нельзя не отметить использование европейского опыта, особенно Германии и Австрии в части распределения продуктов в чрезвычайных условиях и осуществления государственной политики через представительство социалистов в органах и структурах Временного правительства. В тесной связи с принципами соц.распределения находилось и использование таких суррогатов как сахарин, используемых для обеспечения потребностей населения в сахаре. Вместе с тем, продовольственная ситуация 1917 г. продемонстрировала ключевую роль государства в определении законности пищевых продуктов, а также употребления в пищу суррогатов в условиях сахарного голода, поскольку требовалась быстрая выработка путей обеспечения страны и распределения ресурсов в условиях революции 1917 года.

Список литературы:

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 1783. Оп.6. Д. 166. Л.1-5.
2. ГАРФ. Ф.3087. Оп.1. Д.1. Д.2. Л.1-9.
3. ГАРФ. Ф.6831. Оп.1. Д.114. Л.1-33.
4. Жолобова, Г.А. Механизм правового регулирования торговли искусственными сладкими веществами и содержащими их пищевыми продуктами в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Ученые записки

¹⁰ Ф.3087. Оп.1. Д.1. Д.2. Л.9

Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Т. 25 (64). – 2021. – С. 17-33.

5. Кузнецова, О.Н. Деятельность комиссии для обследования положения продовольственного дела в Петрограде в 1917 году. Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2015. – № 4. – С. 22-42.
6. Твердюкова, Е. Д. «Колбаса — дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2015. – №1. – С. 71-82.

Ланцов Сергей Алексеевич

доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: В статье анализируются структурные ограничения, с которыми сталкивается внешняя политика Российской Федерации в современных условиях. Отмечается, что понятие структурных ограничений впервые использовал К. Уолтц. Суть этого понятия заключается в том, что внешняя политика любого государства зависит от места, которое государство занимает в структуре системы международных отношений. Автор констатирует, что в современных условиях формируется новая полицентричная система международных отношений. Российская Федерация занимает в этой системе место одного из важных центров силы. Вместе с тем отмечается, что Российская Федерация не является сегодня сверхдержавой, и поэтому ее возможности на международной арене ограничены. В статье указывается, что Россия сталкивается с вызовами экономического, политического и военного характера. Автор анализирует пути и способы преодоления структурных ограничений, которые возникли во внешней политике России после 2014 года.

Ключевые слова: внешняя политика, система международных отношений, структура международной системы, неореализм, полицентричная система, Российская Федерация.

STRUCTURAL RESTRICTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION'S FOREIGN POLICY AND WAYS TO OVERCOME

Summary: The article analyzes the structural constraints faced by the Russian Federation's foreign policy in modern conditions. It is noted that the concept of structural constraints was first used by K. Waltz. The essence of this concept is that the foreign policy of any state depends on the place that the state occupies in the structure of the system of international relations. The author states that a new polycentric system of international relations is currently being formed. At the same time, it is noted that the Russian Federation is not a superpower today, and therefore its opportunities in the international arena are limited. The Russian Federation is one of the important centers of power in this system. The article states that Russia faces economic, political and military challenges. The author analyzes the ways and means of overcoming the structural limitations that have arisen in Russia's foreign policy since 2014.

Keywords: foreign policy, system of international relations, structure of the international system, neo-realism, polycentric system, Russian Federation.

С точки зрения неореалистического направления теории международных отношений государства в своей внешней политике могут сталкиваться с так называемыми структурными ограничениями. Данную категорию ввел в научный оборот основоположник неореализма К. Уолтц, который обратил внимание на то, что классическая теория политического реализма в анализе международной политики ограничивалась лишь уровнем национального государства. Между тем, сам Уолтц полагал, что таких уровней должно быть как минимум три – включая уровень отдельных индивидов и системы международных отношений в целом¹. Если в рамках концепции политического реализма Г. Моргентау в качестве факторов, детерминирующих внешнюю политику государств, рассматривались их «национальные интересы» и «национальная сила», то, начиная с исследований Уолтца, неореализм уделял внимание и такому фактору как место государства в структуре системы международных отношений².

По мнению Уолтца, структура международной системы формируется под влиянием наиболее сильных государств, а другие, менее сильные государства должны считаться с таким положением дел³. Каждое государство занимает в структуре международных отношений, складывающейся в данный момент, конкретное место. Это место определяется потенциалом данного государства и характером его взаимоотношений с другими акторами. Всякая система, как известно, обладает свойствами, зависящими от особенностей ее внутренней структуры, а в системе международных отношений действуют закономерности, обусловленные ее структурными характеристиками в каждый отдельный исторический период. Попытка государства проводить внешнюю политику, игнорирующую объективные закономерности данного исторического периода, может завести эту политику в тупик и обернуться для государства серьезными последствиями.

К. Уолтц полагал, что структурные ограничения оказывают влияние на внешнюю политику прежде всего небольших и средних государств, в то время как в отношении наиболее крупных и сильных государств, определяющих параметры структуры международной системы, эти ограничения не действуют. На самом деле в условиях биполярной системы международных отношений, параметры которой определялись противостоянием двух сверхдержав, структурные ограничения существовали и для них. Конечно, СССР и США могли позволить себе такие шаги на международной арене, на которые после Второй мировой войны не могли решиться другие государства. И СССР, и США обладали потенциалом, превосходящим потенциалы любых других государств. Но, при этом, ни СССР, ни США не могли пойти на риск военного конфликта между собой. И после Карибского кризиса 1962 г., когда опасность прямого столкновения стала явной, руководство обеих стран старалось

¹ Waltz K. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. – N.Y.: Columbia University Press, 2001. – 263 p.

² Сетов Р. Политический реализм: теория и метод. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 184 с.

³ Waltz K. Theory of International Politics. – Boston: McGraw-Hill, 2005. – 752 p.

подобных ситуация больше не допускать. Значит структурные ограничения для внешней политики сверхдержав в годы холодной войны все-таки существовали. А вот после ее окончания, когда биполярная система международных отношений оказалась дезинтегрированной, в США многие представители правящей элиты решили, что больше никаких структурных ограничений для этой страны не существует, поскольку только она сохранила статус сверхдержавы.

О потенциальной возможности формирования многополярной системы международных отношений политологи писали еще во времена холодной войны. Возникновение такой системы рассматривалось не как следствие чьих-либо пожеланий, а как результат объективных процессов, например, процесса дезинтеграции биполярной системы, появления новых центров силы в ряде регионов параллельно с ослаблением мощи двух сверхдержав. Правда, большинство авторов анализировали структуру международной системы, опираясь на ограниченный объем факторов, отождествляя государственную силу с военной мощью. На этом фоне выделялась концепция известного американского политолога С. Хоффмана, многие положения которой не утратили своей актуальности и в наши дни ⁴. Хоффман отметил целый ряд новых тенденций в развитии международных отношений в конце 70-х гг. XX в., в частности, увеличение числа государств, возрастание роли негосударственных акторов, нарастание взаимозависимости, изменение соотношения между военными и экономическими факторами в международной политике. Но, пожалуй, главным было то, что он увидел возникновение новых иерархических структур в международной системе. Если ранее имела место одна иерархия, основанная на исключительно силовом факторе, то уже в тот период складывались несколько иерархий, основывающихся на различных факторах – экономических, военных, идеологических, социо-культурных и т.д.

Хотя к началу XXI в. новая система международных отношений еще не сложилась, некоторые из определяющих ее структурных иерархий уже обозначились. Начиная с 1990-х гг. в мире существует лишь одна, соответствующая прежним меркам, сверхдержава – Соединенные Штаты Америки. США занимают ведущие позиции в экономической структуре современных международных отношений, в военно-стратегической структуре, а также лидируют в технологическом и научно-техническом отношении. Таким образом, полицентричность современной международной системы носит асимметричный характер, где заметно преобладает один из центров силы⁵. К другим центрам международной системы сегодня относят Европейский союз, Японию, а также быстроразвивающиеся страны Азии, прежде всего Китай и Индию. Называют в числе таких центров и Россию.

⁴ Hoffmann S. *Primacy or World Order: American Foreign Policy since the Cold War*. – N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1978. – 331 p.

⁵ Богатуров А.Д. *Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание*. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 480 с.

Российская Федерация является самой большой по территории страной мира, обладает наиболее крупными запасами природных ресурсов. Однако пока она значительно уступает мировым экономическим лидерам – США и КНР. Правда, относительная экономическая слабость России уравнивается ее военным потенциалом. РФ сохранила доставшийся ей в наследство от СССР стратегический ядерный запас, а в результате военной реформы сумела модернизировать сухопутные войска, авиацию и флот. Военный потенциал России, ее место в структуре военно-политических и военно-технических отношений современного мира позволяют ей обеспечивать собственную безопасность и безопасность своих друзей и партнеров.

Но Российская Федерация, в отличие от Советского Союза, не является сверхдержавой и не может позволить себе глобального военного противостояния с теми же Соединенными Штатами по всему миру. Наилучший способ преодолеть структурные ограничения в военной сфере – давать несимметричные ответы на возникающие вызовы и угрозы. Примером может быть реакция России на попытки США добиться одностороннего военного превосходства через развертывание системы противоракетной обороны. Вместо того чтобы втягиваться в дорогостоящую гонку вооружений в этой сфере в России создали эффективное средство преодоления ПРО, что нивелировало предпринятые Соединенными Штатами усилия по развертыванию противоракетных систем.

Противостоять структурным ограничениям в экономической сфере намного сложнее вследствие относительной экономической слабости современной России, что уже отмечалось. Примером таких ограничений стали экономические санкции, введенные против Российской Федерации после 2014 г. Под давлением США к санкциям присоединились многие государства мира, что является свидетельством значительного влияния Соединенных Штатов в системе международных отношений. Однако тот факт, что не все ведущие в экономическом отношении страны мира присоединились к санкциям, демонстрирует ограниченность этого влияния. Но для Российской Федерации санкции, несомненно, серьезный вызов. Путь преодоления данного структурного ограничения – развитие собственной экономики, а также использование возможностей маневра в торгово-экономических связях, заменяя товары из стран, присоединившихся к санкциям, на аналогичные товары из стран, к санкциям не присоединившимся. Такой маневр наша страна в последние год, после начала СВО на Украине, предпринимает.

События на Украине и вокруг нее заставляют обратить внимание на процессы, идущие на постсоветском пространстве. После распада СССР Россия занимала лидирующее положение в региональной подсистеме международных отношений, формировавшейся на этом пространстве. Но международные процессы на постсоветском пространстве не были изолированы от процессов, происходивших во всей мировой политике. Изменения в системе международных отношений на глобальном уровне проецировались и на

региональную подсистему международных отношений постсоветского пространства. С момента распада СССР США стремились вести на постсоветском пространстве активную политику, одной из целей которой было ограничение влияния России. По мере того, как в глобальной системе международных отношений усиливалась тенденция к полицентричности, на постсоветском пространстве стало более заметным присутствие не только США, но и других глобальных игроков – Европейского союза, Китая, а также региональных держав – Турции и Ирана. Не все они напрямую противопоставляли себя России, но структура международных отношений на постсоветском пространстве менялась под воздействием внешних факторов, что серьезно затрудняло реализацию целей российской внешней политики по реинтеграции этого пространства. Последствием открытого вмешательства западных стран во внутривнутриполитические процессы постсоветских государств стали «цветные революции» в Грузии, на Украине и некоторых других бывших республиках СССР, приведшие к серьезным кризисам.

При этом тенденции внешней политики России показали некоторую недооценку вызовов, идущих со стороны постсоветского пространства. Порой казалось, что переориентация внешней политики постсоветских государств в результате «цветных революций» носит временный характер, что рано или поздно постсоветские государства вернутся в сферу российского влияния. Так, через несколько лет после «оранжевой революции» на Украине власть здесь сменилась и правительство В. Януковича – Н. Азарова вновь взяло курс на более тесное сотрудничество с Россией. Тем не менее Украина осталась объектом соперничества между РФ, с одной стороны, Европейским союзом, США и НАТО, с другой стороны. Еще за два года до трагических событий 2014 г. российские исследователи В. Пантин и В. Лапкин предупреждали, что возможен сценарий, который «предполагает ускоренную ассоциацию Украины со структурами ЕС и ее вступление в НАТО, сопровождающееся обострением российско-украинских отношений. Такой вариант развития событий возможен в случае прихода к власти в Украине радикальных антироссийских сил, проведение США политического курса, направленного на дестабилизацию ситуации на постсоветском пространстве»⁶. Авторы данного прогноза предупреждали, что, при всей невероятности подобного сценария, к подобному развитию событий «ответственные российские политики должны быть готовы»⁷. Как показала дальнейшая политическая практика, такой готовности российское руководство в полной степени не обнаружило.

События на Украине выявили серьезный недостаток российской внешней политики, а именно, недооценку фактора «мягкой силы», в том числе, и в международных отношениях на постсоветском пространстве. Между тем, в современной международной системе существует и структурная иерархия,

⁶ Пантин В., Лапкин В. Внутри- и внешнеполитические факторы интеграции Украины с Россией и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 11. – С.50–56.

⁷ Там же.

основанная на «мягкой силе». Место, которое занимает Россия в этой структурной иерархии, гораздо скромнее того места, которое занимал Советский Союз. Возможности влиять на политические процессы в мире у СССР были благодаря таким компонентам «мягкой силы», как идеология, культура, образование и наука, информационные ресурсы. Сегодня в потенциале «мягкой силы» Российской Федерации такой компонент как идеология полностью отсутствует, а другие компоненты ослаблены, что снижает возможности России не только в мировой политике, но и в международных отношениях на постсоветском пространстве. После распада СССР Россия могла бы использовать в своих интересах такой фактор, как широкое распространение русского языка, и традиционное влияние русской культуры. Однако постепенно роль и значение данного фактора снижается, о чем свидетельствуют и события на Украине.

А вот страны Запада активно использовали и используют на Украине и в других постсоветских государствах ресурсы своей «мягкой силы». Но не только прямые геополитические соперники России стремятся противостоять ей в духовной сфере жизни постсоветского пространства. Такие тенденции характерны и для стран, считающихся стратегическими партнерами России, прежде всего для Китая. Анализируя ситуацию в постсоветской Центральной Азии, российский дипломат Г. Жигарьков отмечает, что «тенденция к конкуренции стратегий "мягкой силы" КНР и других государств, включая Россию, будет принимать все более отчетливые формы. Российская "мягкая сила" в ЦА по-прежнему обладает серьезным потенциалом, который, однако, базируется в основном на общем советском прошлом. Многовекторный характер внешней политики большинства государств ЦА и снижение роли русского языка в их общественной жизни вкупе со стратегической значимостью региона для России обуславливают важность дальнейшего совершенствования инструментов "мягкой силы" и конкретизации образа нашей страны, который транслируется внешней аудитории»⁸.

Снижение потенциала «мягкой силы» России может привести к появлению новых структурных ограничений для внешней политики России как на глобальном, так и на региональном уровнях. Для преодоления этих структурных ограничений есть только один путь: сохранение и расширение влияния русского языка и русской культуры в мире, сохранение привлекательности российского образования и науки, активная информационная политика на постсоветском пространстве и в мире в целом. Необходима продуманная и структурированная стратегия использования «мягкой силы» в политике, которая, к сожалению, пока отсутствует.

⁸ Жигарьков Г. «Мягкая сила» с китайской спецификой: конкуренция за общественное мнение // Международная жизнь. – 2018. – № 6. – С. 48 – 62.

Список литературы:

1. Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 480 с.
2. Жигарьков, Г. «Мягкая сила» с китайской спецификой: конкуренция за общественное мнение // Международная жизнь. – 2018. – № 6. – С. 48 – 62.
3. Пантин, В., Лапкин, В. Внутри- и внешнеполитические факторы интеграции Украины с Россией и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 11. – С.50–56.
4. Сетов, Р. Политический реализм: теория и метод. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 184 с.
5. Hoffmann, S. Primacy or World Order: American Foreign Policy since the Cold War. – N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1978. – 331 p.
6. Waltz, K. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. – N.Y.: Columbia University Press, 2001. – 263 p.
7. Waltz, K. Theory of International Politics. – Boston: McGraw-Hill, 2005. – 752 p.

Логинова Диана Васильевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ЛОМОВОЙ ИЗВОЗ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье на основе опубликованных источников рассматривается развитие в России в конце XIX – начале XX века ломового извоза, направленного на перевозку различных видов грузов в городах нашей страны. Этот вид извоза отличался большими требованиями как к самим извозчикам – они должны были быть физически сильными, выносливыми, крепкими, так и к конструкциям повозок, предназначенными для перевозок по дорожным ухабам, а значит, обладающими повышенной прочностью. Особое внимание уделялось гужевой силе – в работу принимались лошади особых пород, так называемые битюги. Работу ломовиков трудно назвать невидимой, поскольку их услугами пользовались как промышленники, так и с целью личных перевозок грузов, например перевозки мебели на дачу. Поэтому этот вид извоза отличался завидной выгодностью по сравнению с легковым извозом, несмотря на тяжелый изнурительный труд.

Ключевые слова: гужевой транспорт, ломовой извоз, ломовики, битюг, возовик, колода, извозчик, извозня, лемега, лузан.

SCRAP CARTING IN RUSSIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

Summary: On the basis of published sources, the article examines the development in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century of scrap haulage aimed at transporting various types of cargo in the cities of our country. This type of carriage was distinguished by high requirements both for the cabmen themselves – they had to be physically strong, hardy, strong, and for the structures of wagons designed for transportation over road bumps, which means they had increased strength. Special attention was paid to horse-drawn power - horses of special breeds, the so-called bityugs, were taken into work. It is difficult to call the work of scrap trucks invisible, since their services were used both by industrialists and for the purpose of personal transportation of goods, for example, transportation of furniture to the country. Therefore, this type of haulage was distinguished by enviable profitability compared to passenger haulage, despite the hard exhausting work.

Keywords: horse-drawn transport, dray haulage, dray, bityug, vozovik, deck, cabby, cabby, lemega, luzan.

В толковом словаре В. И. Даля под извозным промыслом понимается промысел гужевой доставки. Он подразделялся на *путевой*, называющийся

также дорожный, обозный, извоз, служивший для межпоселенческих поездок, и *городской* извоз, заключающийся в перевозке по городу. Городские извозчики делились на легковых, перевозивших пассажиров, и ломовых, доставлявших различного рода грузы [1, с. 639]. Ломовой извоз был не менее популярен, чем легковой, поскольку от расторопности и объемов перевозимых грузов ломовиками зависел бизнес многих предприятий, а также частных лиц, нанимавших их для перевозки, например, домашней утвари и мебели.

Историографический обзор материалов, посвященных ломовому извозному промыслу, начнем с общих работ, которые показывают развитие гужевого извозного промысла в целом. Сюда следует отнести исследования Барановой Е. В., исследующие быт городских извозчиков XIX – начала XX века и его влияние на формирование особой городской провинциальной культуры [2], и Самариной Л. А., в которой рассмотрен извозный промысел в городах Российской империи и описан социальный облик извозчика на основании различных источниковых материалов [3]; очерк Гольца Г. А., рассматривающий гужевой транспорт, его влияние на развитие многих сфер жизнедеятельности нашей страны [4].

В отдельную группу нужно объединить работы с региональным аспектом исследования гужевого промысла, в том числе и ломового. Здесь следует особо отметить достаточно значимое исследование Николаева А. Б., посвященное ломовым извозчикам, которые предстали перед временными судами в Петрограде в 1917 г. [5]. С регламентацией извозного промысла, в том числе и ломового в Екатеринбурге, знакомит нас работа Сухоносковой С. В. [6]. Образованию и становлению транспортной отрасли системы городского жилищно-коммунального хозяйства в Беларуси обращена статья исследователей из Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель) [7]. Статья Поздняк Т. З. направляет внимание на развитие общественного транспорта в дальневосточных городах в досоветский период и изменениям нормативной базы, регламентирующей его работу [8]. Исследование Крамаревой И. В. изучает извозный промысел в Самарском крае [9] и т. д.

Таким образом, изучению извозного промысла в Российской империи посвящено значительное количество исследований. Вместе с тем в исторических исследованиях ломовой извоз рассматривается только в контексте общего транспортного развития региона или страны, не уделяя ему значимого внимания. Нашим исследованием ставим цель восполнить этот пробел в историографических исследованиях, изучающих различные аспекты развития гужевого транспорта в России.

Источниковая база при изучении истории ломового извозного промысла включает различные виды исторических опубликованных источников: «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля В. И., справочники и словари общедоступных сведений по отраслям, статистические сборники Нижегородского губернского земского собрания и Курской губернии,

материалы исследований Битюгова М. Е., Вербловского Г. Л. и т. д.

Извозный ломовой промысел имел одну из главных особенностей в отличие от легкового гужевого промысла: полагалось, что в ломовые извозчики, а попросту «ломовики», шли обычно сильные и здоровые люди: рост и вес человека играли большую роль, поскольку приходилось перевозить грузы самого разного вида и тяжести. Точное описание ломовиков дал Г. Л. Вербловский, член Московской судебной палаты: «Громадные...; красные глаза. Свирепо кричат... Кулаки, драные одежды и распухшие веки» [10, с. 64]. Работа ломовых извозчиков требовала огромного физического напряжения и усилий, поэтому трудовой век был недолог на этом поприще, причиной тому были частое травмирование, утрата здоровья.

Форменной одежды у ломовых извозчиков, как, например, особая форма шляпы с широкой тульей у легковых извозчиков, не было. Это была обычная крестьянская одежда, к которой добавлялись холщовый фартук, халат из серой дерюги. В. И. Даль упоминал в качестве одежды ломовиков *лузан* – безрукавный наплечник [1, с. 276], а также передник ломовиков и дрягилей – толстая из грубой ткани (иногда двойная) холстина, перекинутая за плечи во всю спину для переноски тяжестей [11, с. 42].

Представляя себе ломовика, приведем строки из стихотворения Н. Заболоцкого «Обводный канал» [12]:

Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.

Сравнивая ломовиков с падишахами, автор видит важность и необходимость работы ломовых извозчиков, показывая вместе с тем их невысокий социальный статус.

Желавшие заниматься ломовым извозным промыслом должны были получить от местного пристава или от городского депутата свидетельство, в котором указывалось достаточно много информации: кто будет заниматься извозом – лично или содержание извозного заведения с указанием местонахождения этого извозного заведения, количество лошадей и повозок, число предполагаемых извозчиков (если свидетельство выдавалось содержателю извоза); возраст (для занимавшихся лично извозом) и что все представленное к осмотру оказалось годным к ломовому извозу. Далее по представлению этого свидетельства в городскую управу и уплатив определенный акциз с каждой лошади, содержатель извоза получал два металлических знака с номером на каждую повозку, из которых больший по размеру прибывался на дугу [13, с. 638], меньший оставался постоянно при извозчике. В Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде плата с лошади составляла 10 руб. В Таганроге и Ростове-на-Дону этот налог был переведен в натуральную повинность относительно ломовых извозчиков, которые должны были при каждом въезде в город и выезде из него привезти воз щебня для

мостовой. Впрочем, вместо этого можно было внести 12 коп. серебром – за это извозчики могли бесплатно пасти своих лошадей на городском выгоне [14, с. 194].

Также городской управой по предварительному соглашению с градоначальником при выдаче права заниматься ломовым извозом выдавалось разрешение на постановку лошадей у колод (место стоянки извозчиков (*Прим. – Л. Д.*). В Москве и Петербурге извозчики облагались сбором с колод. Так, в 1835 г. в Петербурге плата составляла 10 р. с колоды, а в 1853 г. размер оплаты был уменьшен до 3 руб. [14, с. 194].

Находясь у колод, правила устанавливали, чтобы извозчики не позволяли себе ругаться, шуметь, ссориться и драться [13, с. 640]. Отмечалось, что извозчики, а особенно ломовики, отличались своеобразной «шумностью»: то переругиваясь с другими извозчиками за место у колоды или из-за чьей-то нерасторопности, либо беспрестанно крича на свою лошадь, которая чаще всего была изнурена непосильным трудом. В. Э Руга в «Очерках городского быта начала XX в.» вспоминал ответ на вопрос, данный извозчиками: «Нам без ругани нельзя, – признавался один из них, – ругань у нас заместо покурить!» [15, с. 124].

Лошади у ломовиков были крупными – тяжеловозы-битюги, которых разводили крестьяне Воронежской и Тамбовской губерний в степях, на берегах реки Битюга, где они произошли от скрещивания местных лошадей с бракованным орловскими жеребцами, чаще всего были желто-белой масти. Битюги были большого роста, имели полугорбатую голову, крепкую мускулистую шею, широкую грудь. Эти лошади соединяли в себе необыкновенную силу для возки тяжестей, скорую рысь и неутомимость. Хороший битюг по ровной дороге мог свободно везти тяжесть в 100 пудов. Вот почему битюги славились и продавались по значительным ценам [16, с. 37].

К продаже битюги подготавливались особым способом так называемыми «выкормками». При обилии корма битюги росли очень быстро и хорошо. В конюшне их держали до трех лет, а в работу их пускали не раньше пятого или шестого года. Выносливость битюгов особо ценилась и чаще всего употреблялись они в тройках и запрягались в корень. Главными местами торговли битюгов были Бобров, Тамбов, и Козлов [17, с. 272]. Встречались и иные названия ломовых лошадей – *возовик* [18, с. 628] или *подъемная лошадь* [19, с. 284]. Инсарский Василий Антонович в своем сочинении «Половодье: картины провинциальной жизни прежнего времени» писал о ломовой лошади: «Это была именно такая лошадь, на которой, по народной поговорке, можно было возить «воду и воеводу». Церемониться с ней нечего было. Никакой красоты и нежности она не имела, следовательно, и терять этих свойств не могла. Сколько ни разъезжайте, что ни возите на ней, она оставалась неизменной, такую же глупой и такую же сильной. Смиреница она была примерная». [20, с. 94–95].

Упряжь на лошадях ломовых извозчиков состояла из дуги, хомута и шлеи

с медным набором. Телеги ломовиков отличались заметной шириной, подходя как раз по ширине трамвайных путей. Часто выезжая на них, колеса, катясь по рельсам, облегчали перевозку груза, но такие поездки запрещались полицией. Чтобы удобно было грузить «с плеча», повозки отличались бóльшим диаметром задних колес, чем у передних. Кроме того, сзади телег имелись полоки (площадки), установленные достаточно высоко, чтобы груз легче перевалить себе на спину. Под полоком вдоль краев прикреплялось множество крючков для увязки груза веревкой и для ведра, использовавшегося для водопоя лошади. Сыпучие грузы (песок, камни, мусор) перевозили на специальных телегах с опрокидными полуцилиндрическими кузовами, называемыми «колымагами», а длинномерные грузы – на «раздвижках» [21].

Встречаются различные названия ломовых возов. Так, В. И. Даль упоминает о *ерандаке* – это род пялец на роспуски для простора при укладке товара. [22, с. 464]. В его же изданиях можно встретить и название *извóзня* – это род ломовых повозок использовался в Астраханском крае и представлял собой роспуски или дроги, станок с пяльцами или пялами, с развалистым плоским кузовом для кладки [1, с. 369], или на псковщине использовали слово *лемегà* – это роспуски, дровни, дроги, ломовая телега [1, с. 849]. На сибирских просторах использовались ломовиками *копанцы* – большие дровни, ломовые сани для возки тяжестей на заводах [23, с. 542]. *Медведкой* называли низкоколесную тележку и ломовые роспуски, употребляемые для перевозки больших тяжестей, как-то камней и тому подобного [24, с. 388].

Ломовые экипажи, груженные кладью, должны были ехать шагом и обязательно в один ряд, причем при следовании через каждые две подводы должны быть промежутки для свободного прохода и проезда через улицу. Телеги ломовых извозчиков могли быть нагружены кладью не более того, сколько лошадь могла свободно везти в гору. В случае излишней кладки, оказавшейся не по силам лошади, извозчик должен был излишний груз снять с повозки и, сложив его на тротуар, вернуться за ним снова. Длинномерный груз – бревна, доски, железные полосы и т. п. должны были быть перевозиться так, чтобы они не волочились по земле; подводы требовалось нагружать грузом только вдоль, а не поперек. [25, с. 187]. Но ломовики очень часто не соблюдали указанные правила перевозок грузов. Так, в обществе защитников животных указывалось, что в Петербурге ломовики составляли возы не учитывая состояние дороги и возможность лошади, что часто приводило к падежу. [26, с. 19, 821]

В. И. Даль приводил такое высказывание: «*Ломовые извозчики не своротчивы, т. е. неохотно сворачивают*» [27, с. 140]. Да и как свернешь, когда грузы бывали весьма габаритными. Тут лишь бы довезти все в целостности и сохранности... Константин Михайлович Станюкович в своем произведении «*Картинки общественной жизни*» писал так об этой проблеме: «Стоить только проехать по городу, чтобы увидеть, во что может обратиться мебель, путешествующая на так называемых «ломовых», или увидеть, с какою божбою

русские извозчики утверждают, что все будет цело и что беспокоиться нечего. И только по приезде на дачу, когда действительно беспокоиться нечего, так как мебель уже сломана <...>, а русские извозчики, потупив взоры, замечают, со свойственным им одним юмором, что мебель вообще только «маленько потерлась» и, разумеется, просят на чай. На следующий год повторяется та же история, то есть та же ломка» [28, с. 254].

Проблему перевозок крупногабаритных грузов ломовиками и скопление ломовых экипажей предлагал решить крупный специалист в дорожной отрасли профессор Григорий Дмитриевич Дубелир, указывавший, что ломовое движение, особенно в больших городах, таких как Москва, Петербург, Киев, нуждались в широких и прямых улицах, особенно около портов, железнодорожных станций, заводов и т. д. Поэтому при трассировании магистралей новых окраин, писал профессор Дубелир, в местах пересечения их с железнодорожными станциями и путями следует устраивать путепроводы под или над железнодорожными путями. Для обеспечения движения по таким путепроводам рекомендовалось разделять на отдельные потоки ломовых, экипажи и трамваи [29, с. 14].

Занимаясь различным типом извоза, как то вывозом снега, подвозом воды (водовозы), доставкой продуктов в магазины и на рынки, обслуживанием строек – подвоз разнообразных строительных материалов (песка, кирпича, леса, труб, керосина, нефти), мебели, дров и других тяжеловесных предметов, вывозом нечистот (золотари) и т. д., ломовики были менее организованы, чем легковые извозчики. Работали большей частью самостоятельно, но иногда и на хозяина, в последнем случае – на определенный срок. Как легковые, так и ломовые извозчики имели своего старосту, которые решали конфликтные ситуации, возникавшие между извозчиками и между клиентами и извозчиками.

Заработки ломовых извозчиков были весьма значительные, но и труд их нелегкок. В конце XIX в. им платили с одного пуда клади, а иногда и от повозки в размере 1,5 руб. в зависимости от хрупкости и ценности товара. За 2,5 месяца работник получал от 35 до 70 руб., что являлось весьма значительным заработком [30, с. 49]. Курские статистические данные указывали, что ломовики в среднем зарабатывали 50 коп. в день, или 60 р. с ноября по март [31, с. 206]. Ломовые извозчики, постоянно находившиеся под открытым небом, выполнявшие весьма трудную работу, чаще других видов извозчиков были привязаны к пагубным привычкам, например, к водке. Если легковые извозчики бывали в трактирах, то ломовые – в харчевнях и кабаках. На вопрос о количестве дохода сами ломовики отвечали, что все доходы уходят в желудок, в целом оценивая свой доход на этом поприще в среднем в 30 руб. [33, с. 463–464].

С началом Первой мировой войны ломовой вид промысла начал исчезать, хотя потребность в них была весьма велика. Причиной тому был резкий рост цен на овес. Так, по сообщению Московской казенной палаты цена на овес в 83 коп. в марте 1914 г. поднялась до 1 р. 78 коп. в марте 1915 г., т. е. на 114 %.

Позднее и на этом подорожание овса не остановилось. Но даже и дорогой овес невозможно было купить. Извозопромышленники вынуждены были сокращать дачу овса лошадям до минимума, а это вело к сокращению их работоспособности. Как следствие, извозный промысел престал себя оправдывать и озлобление ломовых извозчиков доходило до того, что они отказывались перевозить закупленный городом для своей надобности овес, если им не будет продана часть этого овса. Такое же приблизительно положение с овсом в апреле 1915 г. было и в Петрограде, где одно время он продавался по 20 руб. за куль в 6 пудов веса. Трудно было «найти ломовых для перевоза: затруднения с кормом лошадей почти убили этот промысел [32, с. 97, 100].

Таким образом, ломовой извозный промысел представлял собой весьма значимую часть гужевых перевозок в России в XIX – начала XX века. Данный вид перевозок был весьма востребованным в нашей стране, особенно с развитием железнодорожного и водного транспорта, позволяя в кратчайшие сроки доставить грузы от станций и портов к месту назначения. Трудный, но вместе с тем прибыльный промысел привлекал большое количество крестьян, занимавшихся им на постоянной или временной основе. Несмотря на то, что ломовики привлекали к работе специально выведенные породы лошадей, способных перевезти большие объемы грузов, их нещадная эксплуатация приводила к быстрому истощению и изнеможению животных. Ломовой извоз исчезнет с улиц наших городов скорее, чем легковой, что было связано, конечно, с автомобилизацией страны, но это будет не быстрым процессом. Автотранспортные предприятия наших городов вплоть до середины 1930-х гг. наряду с автопарком содержали еще и лошадей, причем весьма значительное количество, поскольку очень часто лошадь приходила на замену автомобилю, вставшему по причине отсутствия бензина, запчастей и пр. История ломового извозного промысла оказала значительное влияние на развитие культуры российской городской среды и требует дальнейшего изучения как в региональном аспекте, так и в общероссийском масштабе.

Список литературы:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Ч. 2. И–О. – Москва: изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1865. – 629-1351 стб.
2. Баранова, Е. А. Городские извозчики конца XVIII – начала XX в: штрихи к портрету социально профессиональной группы // Социально-экономические явления и процессы. Т. 10. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-izvozchiki-kontsa-xix-xx-vv-shtrihi-k-portretu-sotsialno-professionalnoy-gruppy> (дата обращения: 03.05.2021).
3. Самарина, Л. А. Легковой извоз в российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // История повседневности. – 2019. – № 3 (11). – С. 91–116.
4. Гольц, Г. А. Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения в России. (исторический очерк) // Россия и современный мир. – 2007. – 1 (54). – С. 119–

5. Николаев, А.Б. Ломовые извозчики перед временными судами (март - июль 1917 г., Петроград) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов Всероссийской научной конференции. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 301–318.
6. Сухонослова, С.В. регламентация извозного промысла в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв. – Т. 3. – 1847. – 589 с.
7. Сенько, В.И., Васильев, А.А., Горевая, Ю.С. Вестник Белорусского государственного университета транспорта: наука и транспорт. – 2016. – № 2 (33). – С. 215–220.
8. Поздняк, Т.З. Регламентация в сфере общественного транспорта в дальневосточных городах во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 2 (48). – С. 41–54.
9. Крамарева, И. В «...До конки и трамвая» (Самарские извозчики) // в сб. Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. – Самара, 2001. – С. 82–86.
10. Вербловский, Г. Л. Вопросы русского гражданского права и процесса. – Москва: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1896. – 438 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – Москва: общество любителей российской словесности, учрежденный при Императорском Московском университете, 1865. – 508 с.
12. Все стихи Николая Заболоцкого. Русская поэзия. - URL: <https://rupoem.ru/zabolockij/all.aspx>. (дата обращения: 03.05.2021).
13. Цветков, П. П. Сборник законов и распоряжений правительства: (сост. по офиц. Источникам 1857-1894 гг.): Справ. кн. для чинов полиции и др. учреждений и лиц. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1895. – 2859 с.
14. Дитятин, И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Меркульева, 1877. – 565 с.
15. Руга, В. Э. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта начала XX века. – Москва: ЛитРес, 2010. – 497 с.
16. Битюгов, М.Е. Правила и советы охотникам до лошадей при покупке, продаже, выезде, ковке, корме и исправлении порочных качеств рысистой, верховой, упряжной и ломовой лошади. – Москва: Д.И. Преснов, 1881. – 195 с.
17. Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. – Т. 3: Беллинг – Бугульник. – Санкт-Петербург: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1901. – 796 с.
18. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – Санкт-Петербург: при Императорской Академии наук, 1806. – Ч.1: А–Д. – 1310 стб.
19. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. – Т. 3. – Санкт-Петербург: в Тип.

Императорской акад. наук, 1847. – 589 с.

20. Инсарский, В. А. Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. – Санкт-Петербург: тип. Второго Отделения Собств. его имп. вел. канцелярии, 1875. – 493 с.

21. Артемьев, М. Гужевая экономика. Как передвигалась Россия до появления железных дорог. - URL: <https://www.forbes.ru/biznes/357703-guzhevaya-ekonomika-kak-peredvigalas-rossiya-do-poyavleniya-zheleznyh-dorog> (дата обращения: 03.05.2021).

22. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Ч. 1. А-З. – Москва: изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

23. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): в 12 вып. или 3 т. – Т. 1: А - Двина. – Санкт-Петербург: издание Ф. Толля, 1863. – 800 с.

24. Бурнашев, В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. – Т. 2. – Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова, 1843. – 487 с.

25. Весь Царицын на 1902 год. Адрес -Календарь. Торгово-Промышленная и справочная книга. – Москва: Тип. В. А. Кононова, 1901. – 292 стб.

26. Зосимовский, З. В. Есть ли у русских религия? – Санкт-Петербург: тип. журн. «Строитель», 1911. – 564 с

27. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Ч. 4. Р-V. – Москва: изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. 680 с.

28. Станюкович, К. М. Собрание сочинений К.М. Станюковича. Т. 10. Картинки общественной жизни; Письма знатного иностранца. – Москва: А.А. Карцев, 1898. – 484 с.

29. Дубелир, Г. Д. Городские улицы и мостовые. – Киев: тип. А.М. Пономарева, 1912. – 407 с.

30. Нижегородское губернское земское собрание. XXI очередное... 9-14 декабря 1885 года. 1886. – 167 с.

31. Курская губерния: итоги статистического исследования. – Курск: типография губернского земства, 1887. – 488 с.

32. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. – Петроград: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1916. – 517 с.

33. Преображенский, В. А. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. – Санкт-Петербург: Учен. ком. М.Г.И., 1854. – 582 с.

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

ВЛИЯНИЕ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА НА ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ СФЕРУ В 1930-Е - НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Аннотация: статья нацелена на изучение процесса первоначального накопления в советской экономике. Задача работы заключается в выявлении характерных черт процесса сращивания производственного и банковского капиталов.

В процессе первоначального накопления существенную роль играл банковский капитал. В задачу статьи входит изучение влияния финансовых учреждений на органы власти и производственный сектор, взаимодействие руководителей этих структур. Источниками статьи являлись делопроизводственные документы финансовых учреждений и органов власти.

Исследование показало, что в изучаемый период банковский капитал проникал в производственную систему. Участие руководителей финансовых организаций в регулировании экономических отношений обуславливало ключевую роль этих чиновников в реализации разделенного права собственности.

Ключевые слова: банковский капитал, коллективная собственность, первоначальное накопление, разделенное право собственности, чиновничество.

INFLUENCE OF BANKING CAPITAL ON THE PRODUCTION SPHERE IN THE 1930S - EARLY 1950S (BY THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Summary: the article is aimed at studying the process of initial accumulation in the Soviet economy. The task of the work is to identify the characteristic features of the process of merging industrial and banking capital.

Banking capital played a significant role in the process of primitive accumulation. The purpose of the article is to study the influence of financial institutions on the authorities and the manufacturing sector, the interaction of the leaders of these structures. The sources of the article were office documents of financial institutions and authorities.

The study showed that during the period under study, banking capital penetrated into the production system. The participation of the heads of financial organizations in the regulation of economic relations determined the key role of this bureaucracy in the implementation of the divided property right.

Keywords: banking capital, collective property, initial accumulation, shared ownership, bureaucracy.

Марксистское определение понятия «первоначальное накопление» связано с пониманием его как периода формирования условий для капиталистического производства. Автор данной статьи исходит из той точки зрения, что в России эти условия начали активно складываться при государственном стимулировании с конца 1920-х гг. Этот подход в историографии имеет достаточное обоснование [1].

В процессе первоначального накопления существенную роль играл банковский капитал. Следовательно, важно изучить влияние финансовых учреждений на органы власти и производственный сектор, взаимодействие руководителей этих структур. Необходимо установить статус банковских чиновников и объем их полномочий в системе разделенного права собственности.

Территориальные рамки исследования включают республики и области Европейского Севера России. Хронология работы объясняется тем, что период 1930-х - начала 1950-х гг. являлся важным этапом в осуществлении изучаемого процесса. Источниками статьи являлись делопроизводственные документы административных и финансовых учреждений, отложившиеся в архивных фондах центральной ревизионной комиссии ВКП(б), региональных партийных и исполнительных органов власти.

В 1930-е гг. в экономике страны возросла роль банковских учреждений и, как следствие, значимость и влияние их руководителей. Так, в апреле 1937 г. бюро Северного Краевого комитета ВКП(б) на своем заседании, рассмотрев телеграмму планово-финансово-торгового отдела ЦК ВКП(б) о тов. Власове Н.П., отменило своё решение, принятое 17 марта 1937 года, «об утверждении тов. Власова Николая Петровича инструктором Вологодского горкома ВКП(б)» и предложило «секретарю Вологодского горкома ВКП(б) тов. Крейвис вернуть тов. Власова на работу в качестве управляющего Вологодским отделением Сельхозбанка» [2, л. 25]. Следовательно, вмешательство управленцев ЦК партии в данную ситуацию позволило оставить банковского работника в прежней должности вопреки первоначальному решению регионального партийного комитета. Этот пример демонстрирует важность специалиста для финансовой системы региона.

Назначение на должность управляющего региональной банковской конторой зависело от согласия со стороны партийных органов. Например, в январе 1939 г. заведующий отделом советской торговли Вологодского обкома ВКП(б) т. Шумаков направил в планово-финансово-торговый отдел ЦК ВКП(б) характеристики управляющего Вологодской областной конторой Госбанка СССР Ф.А. Корнякова и его заместителя Н.И. Чернядева, подписанные первым секретарем Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комаровым. В характеристике Ф.А. Корнякова было указано, что он родился в 1902 г., член коммунистической партии с 1920 г., крестьянского происхождения, «имеет опыт финансовой работы. Начиная с 1929 г. работал: инструктором Шадринского отделения Госбанка Челябинской области, Управляющим

Камышловского отделения Госбанка Челябинской области, Управляющим Чусовского отделения Госбанка Свердловской области. С 1934 года по 1937 год учился в Ленинградской финансовой академии, после окончания работал управляющим отделением Госбанка гор. Орска Оренбургской области, откуда был выдвинут на должность управляющего Вологодской областной конторой Госбанка. Тов. Корняков, несмотря на большой опыт, не сумел еще охватить полностью всего объема финансовой работы. Мало инициативен в постановке вопросов перед партийными и вышестоящими организациями... Тов. Корняков в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. Показал себя на данной работе как выдержанный и дисциплинированный коммунист. Может быть использован управляющим областной конторы Госбанка» [3, л. 2, 3].

В характеристике Н.И. Черняева отмечалось: «год рождения 1897. Член ВКП(б) с 1926 года. Социальное происхождение - крестьянин, положение – служащий. Образование – высшее (окончил Ленинградский финансово-экономический институт). Тов. Черняев имеет опыт финансовой работы. Начиная с 1924 г. работал: практикантом отделения Госбанка гор. Вятка, инструктором отделения Всекобанка гор. Вятка, заведующим агентством Госбанка гор. Уржум Вятской губернии, заведующим агентством Госбанка гор. Маймис Вятской губернии, заведующим агентством Госбанка гор. Яранск Нижегородского края. С 1930 года по 1933 год учился в Ленинградском финансово-экономическом институте, после окончания работал управляющим отделением Госбанка гор. Тотьма Вологодской области. В 1938 году выдвинут на должность заместителя управляющего Вологодской областной конторой Госбанка. Тов. Черняев имеет специальную подготовку. С работой заместителя управляющего областной конторой госбанка справляется, однако имеется недостаток в том, что мало проявляет инициативы. Имеются факты грубого обращения с клиентурой... В оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. Политически развит, принимает участие в партийной и общественной работе. В партийном отношении дисциплинирован. Может быть использован заместителем управляющего областной конторой Госбанка» [3, л. 4]. Таким образом, оба банковских работника имели необходимую подготовку и опыт. В целом это было типично для чиновников данной сферы. Вместе с тем, секретарь обкома партии содержанием указанной характеристики показывал подчиненность руководителей финансового учреждения партийным органам.

В соответствии с Уставом ВКП(б) контроль финансовой и хозяйственной деятельности партийных органов осуществляли, прежде всего, ревизионные комиссии. Их состав избирался на партийных съездах или конференциях. В 1940-1950-е гг. на Европейском Севере России среди председателей ревизионных комиссий республиканских и областных партийных организаций преобладали руководители региональных финансовых учреждений. Так, в Карело-Финской республиканской парторганизации председателем ревизионной комиссии с апреля 1940 г. более 10 лет являлся управляющий

Госбанком КФССР с ноября 1937 г. Е.М. Кузнецов (1901 г.р., переведенный в Петрозаводск с должности управляющего отделением Госбанка с. Оршанка Марийской АССР) [6, л. 3, 84, 84об.; 7, л. 13об.; 9, л. 57]. В парторганизации Коми автономной республики председателем ревизионной комиссии с марта 1940 г. более 10 лет являлся управляющий Сельхозбанком Коми АССР с 1945 г. А.В. Дьяконов (1901 г.р., в 1930-е гг. работавший в финансовых отделах районных и областного исполкомов, в 1938-1942 гг. управлявший Коммунальным банком Коми АССР, затем являвшийся заместителем директора Кажимского чугуноплавильного завода и воевавший на фронте) [6, л. 3, 95, 95об.; 7, л. 48об.; 9, л. 153об.]. В Архангельской областной парторганизации председателем ревизионной комиссии с марта 1940 г. более 10 лет являлся управляющий Архангельской областной конторой Госбанка в 1938-1955 гг. В.И. Карпов (1902-1978), переведенный в Архангельск с должности управляющего отделением Госбанка г. Алатырь Чувашской АССР [6, л. 1, 18, 18об.; 7, л. 27об.; 8; 9]. В Вологодской областной парторганизации председателем ревизионной комиссии в 1940 - 1946 гг. являлся управляющий Вологодской областной конторой Госбанка в 1937-1946 гг. Ф.А. Корняков (1902 г.р., управлявший в 1931-1934 гг. районными отделениями госбанка в Челябинской и Свердловской областях, в 1934-1937 гг. обучавшийся в финансовой академии в г. Ленинграде) [6, л. 2, 41; 7, л. 35об.; 9, л. 138об.]. В конце 1940-х гг. председателем этой ревизионной комиссии стал управляющий Вологодской областной конторой Госбанка в 1946 -1961 гг. (с перерывом в 1955-1958 гг.) В.А. Ширяевский (1901-1991) [8, л. 25об.].

Приведенные факты позволяют вести речь об информированности руководящих работников банков о финансовых операциях региональных партийных организаций и управляющих ими комитетов, об определенном контроле хозяйственной деятельности парткомов Европейского Севера России со стороны руководителей финансовых учреждений и, следовательно, о влиянии управляющих региональными банковскими конторами на партийный аппарат.

По сведениям Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) за 1946 г. в других партийных организациях страны ревизионные комиссии возглавляли секретари райкомов, председатели райисполкомов, заведующие отделами обкомов и облисполкомов, другие руководящие работники [6, л. 1-4]. Например, в Мурманской областной парторганизации председателем ревизионной комиссии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. являлся секретарь, затем заведующий переселенческим отделом облисполкома М.В. Дмитриев [7, л. 62; 8, л. 73; 9, л. 169об.]. Следовательно, в большинстве регионов Европейского Севера России в указанный период сформировался особый профессиональный состав руководителей ревизионных партийных комиссий. Во главе этих структур стояли финансовые работники.

Банковский контроль над местной экономикой осуществлялся через политику кредитования и наблюдение за финансовым положением

предприятий. Например, в апреле 1940 г. управляющий Вологодской областной конторой Госбанка СССР Ф.А. Корняков направил председателю Вологодского облисполкома А.Д. Абрамову и первому секретарю Вологодского обкома партии П.Т. Комарову письмо, в котором сообщал, что «несмотря на оказанную Центросоюзом помощь в виде выдачи ссуд на пополнение оборотных средств в сумме 3582 т.р., финансовое положение как в целом системы потребительской кооперации области, так и отдельных районов на сегодняшний день находится в исключительно тяжелом состоянии. Достаточно указать, что по состоянию на 8 апреля 1940 г. из-за отсутствия средств, убыточную работу по линии Государственного Банка прекращено кредитование 13 райсоюзов. Из числа некредитуемых организаций, восемь райсоюзов являются районами досрочного навигационного завоза. В виду этого, нездоровление в ближайшее время финансового хозяйства указанных райсоюзов грозит срывом выполнения плана водного завоза. Необеспеченная задолженность Госбанка товароматериальными ценностями на 1 января 1940 г. достигает 8255 тыс. руб., что составляет 14% общей суммы кредитов, выданных Госбанком. Просроченная задолженность на 1 апреля 1940 г. 24000 т.р., неоплаченные в срок поставщиков 4900 тыс. руб. ... неприятие мер Облсоюзом приведет с нашей стороны к применению жестких санкций кредитного воздействия вплоть до объявления в печати о неплатежеспособности райсоюзов и взыскании досрочно всей задолженности Госбанку путем принудительной продажи товаров через разрешение председателя Правления Банка СССР тов. Булганина» [4, л. 30]. Таким образом, руководитель региональной конторы Госбанка СССР настоятельно рекомендовал областному союзу потребительской кооперации пополнить оборотные средства районной потребкооперации и предупреждал о наложении санкций на райсоюзы в случае невыполнения этой просьбы. Руководство области привлекалось в качестве дополнительного рычага для решения указанной задачи.

В послевоенный период банковский контроль экономической деятельности предприятий продолжал осуществляться. Так, в мае 1950 г. заместитель Председателя правления Госбанка СССР государственный советник финансовой службы II ранга В. Ушаков направил председателю Совета Министров Коми АССР С.Д. Турышеву письмо «О финансовом положении Ньючимского чугунолитейного завода», в котором сообщил о том, что «Ньючимский чугунолитейный завод Министерства местной промышленности Коми АССР испытывает финансовые затруднения и нарушает платежную дисциплину. По состоянию на 25 апреля 1950 года завод допустил просроченную задолженность по ссудам Госбанка в сумме 1951 тыс. рублей, по счетам поставщиков – 324 тыс. рублей. Невыплаченная в срок заработанная плата рабочим и служащим составила 215 тыс. рублей. Финансовые затруднения завода вызваны недостатком собственных оборотных средств и иммобилизации средств в сверхнормативные запасы готовой продукции. За убыточную деятельность и систематические неплатежи по

ссудам Госбанка завод в феврале 1950 г. снят с кредитования по всем видам ссуд. Правление Госбанка просит Вас принять меры к оздоровлению финансового положения Нювчинского чугунолитейного завода и обеспечить погашение просроченной задолженности по ссудам Госбанка. В случае непогашения просроченной задолженности по ссудам Госбанка до 15 мая 1950 года правлением Госбанка СССР на основании Постановления СНК СССР от 20 марта 1931 года будет дано разрешение Коми республиканской конторе Госбанка на принудительную продажу сверхнормативных товароматериальных ценностей, принадлежащих Нювчимскому чугунолитейному заводу, с направлением средств, полученных от реализации на погашение просроченной задолженности Госбанку» [5, л. 78]. В указанный в этом письме срок финансовое положение завода не изменилось, поэтому Госбанк СССР приступил к обещанным действиям.

В начале июня 1950 г. председатель правления Госбанка СССР государственный советник финансовой службы В.Ф. Попов направил председателю Совета Министров Коми АССР С.Д. Турышеву письмо «О принудительной продаже товаров у Нювчимского чугунолитейного завода», в котором сообщил: «В связи с допущением Нювчимским чугунолитейным заводом Министерства местной промышленности Коми АССР длительных неплатежей по ссудам Госбанка, мною сего числа предложено Коми республиканской конторе Госбанка, в порядке осуществления залогового права, произвести продажу принадлежащей заводу готовой продукции на сумму 270 тыс. рублей. Средства от реализации готовой продукции будут обращены, после удовлетворения претензий по заработной плате и приравненным к ней неплатежам, на погашение просроченной задолженности Госбанку». На этом машинописном письме имеется рукописная резолюция красным карандашом: «Подготовить телеграмму, что оборотные средства восполнены и просить снять запрет и реализацию товаров» [5, л. 161]. Фамилия автора этой резолюции неразборчива, но, вероятно, она принадлежит председателю Совета Министров Коми АССР С.Д. Турышеву. Следовательно, региональные власти изыскали финансовую возможность пополнить оборотные средства предприятия и тем самым сохранили его производственные возможности и социально-экономическое положение. Данный пример позволяет вести речь о влиятельности финансовых учреждений в системе власти, о значимости банковского капитала для экономики.

Вместе с тем в ряде случаев центральная власть ограничивала рост банковских учреждений в регионах. Видимо, это было обусловлено экономической целесообразностью. Так, в мае 1950 г. управляющий делами Совета Министров СССР М. Помазнев направил председателю Совета Министров Коми АССР С.Д. Турышеву письмо, в котором указал: «По поручению Совета Министров СССР сообщаю, что Совет Министров СССР отклонил Ваше ходатайство об увеличении штата республиканской конторы Сельхозбанка и об организации дополнительных районных пунктов

уполномоченных Сельхозбанка в Коми АССР» [5, л. 174]. Причина данного «отклонения», видимо, в том, что сельскохозяйственное производство в Коми республике не приносило существенного экономического эффекта, поэтому финансовые инвестиции в его развитие были значительно меньшими по сравнению с другими областями страны.

Таким образом, в 1930-е - начале 1950-х гг. банковский капитал активно проникал в производственную систему, закрепляя за собой важное место в процессе формирования коллективной собственности на средства и результаты производства. Руководящие работники органов власти, предприятий и финансовых учреждений, регулируя эти отношения, играли ключевую роль в реализации разделенного права собственности в данной сфере. Административно-управленческий статус и социальный капитал различных государственных чиновников влияли на формирование иерархии в системе управления собственностью.

Список литературы:

1. Безнин, М.А., Димони, Т.М. Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 22–42.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-1858. Оп. 2. Д. 1022.
3. ГАВО. Ф. П-2522. Оп.2. Д. 203.
4. ГАВО. Ф. П-2522. Оп.2. Д. 323.
5. Национальный архив республики Коми. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 2208.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 572. Оп. 2. Д. 3.
7. РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 2. Д. 15.
8. РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 2. Д. 21.
9. РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 2. Д. 23.

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ЗАХОД В АДЕЛАИДУ И СИДНЕЙ КРЕЙСЕРА РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА «ДЖИГИТ» В 1903 Г.

Аннотация: Посещения кораблями российского военно-морского флота Австралии на протяжении всего XIX – начала XX вв. оставались одним из главных проявлений контактов между Россией и английскими переселенческими колониями на пятом континенте. В этом контексте в статье освещается история заходов русского крейсера II ранга «Джигит» в порты Аделаиды и Сиднея в 1903 г., которые имели место во время перехода корабля из Кронштадта в Порт-Артур для пополнения состава русской эскадры Тихого океана. По своему характеру и событийному наполнению посещение «Джигитом» Австралии мало чем отличалось от подобных визитов других кораблей российского флота. Вместе с тем изучение документов этого плавания, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, позволяет сделать ряд наблюдений, которые в известной мере характеризуют положение дел в русском флоте на рубеже XIX – начала XX вв. Прежде всего, это увеличение случаев дезертирства матросов, что во многом связано с протестом против деспотизма и унижений, которые они испытывали во время службы, и может расцениваться как косвенное отражение нараставшего социального неблагополучия в России в целом. При анализе документов плавания выявляется небрежность в работе чиновников по подготовке и сопровождению плавания «Джигита», что можно расценивать как яркий пример недостаточной четкости и слаженности в работе морского ведомства в начале XX в.

Визит «Джигита» в Австралию стал последним заходом в порты пятого континента кораблей российского военно-морского флота. После поражения России в русско-японской войне и фактической утраты флота посещения Австралии русскими кораблями прекратились: «военно-морской» этап в истории российско-австралийских связей был завершён.

Ключевые слова: Крейсер II ранга «Джигит», А.П. Назаревский, российский военно-морской флот, русская эскадра Тихого океана, Российско-австралийские отношения.

THE CALL OF RUSSIAN 2ND RANK CRUISER *DJIGHITT* TO ADELAIDE AND SYDNEY IN 1903

Summary: The Russian Navy ships' visits to Australia throughout the 19th – early 20th centuries remained one of the main manifestations of contacts between Russia and the British resettlement colonies on the fifth continent. In this context, the article highlights the history of the Russian 2nd rank Cruiser *Djighitt* visits' to the

ports of Adelaide and Sydney in 1903, which took place during the ship's passage from Kronstadt to Port Arthur to strengthen the Russian Pacific squadron. In terms of its nature and event content, the *Djighitt's* visit to Australia was not much different from similar visits of other ships of the Russian fleet. At the same time, the study of the documents of this voyage in the Russian State Navy Archives allows to make a number of observations that, to a certain extent, characterize the state of affairs in the Russian Navy at the turn of the 19th – early 20th centuries. First of all, this is an increase in the cases of desertion of sailors, which is largely due to the protest against despotism and humiliation they experienced during their service, and can be regarded as an indirect reflection of the growing social ill-being in Russia as a whole. In addition, when analyzing the sailing documents, negligence is revealed in the work of officials in preparing and accompanying the sailing of the *Djighitt*, which can be regarded as a small but vivid example of insufficient clarity and coherence in the work of the maritime department, the manifestations of which are becoming more frequent by the beginning of the 20th century.

The *Djighitt's* visit to Australia was the last call to the ports of the fifth continent by the ships of the Russian Navy. After Russia's defeat in the Russo-Japanese War and the actual loss of the fleet, visits to Australia by Russian men-of-war ceased. The "naval" stage in the history of Russian-Australian relations was completed.

Keywords: II rank Cruiser *Djighitt*, Alexander P. Nazarevsky, Russian Navy, Russian Pacific squadron, Russian-Australian relations.

На протяжении всего XIX в. контакты между Россией и австралийскими переселенческими колониями поддерживались, главным образом, за счет визитов в порты Австралии кораблей российского военно-морского флота. В первой трети XIX в. английские владения в Австралии посещали участники русских кругосветных и полукругосветных плаваний. Они оставили подробные описания Нового Южного Уэльса и Тасмании на ранних этапах английской колонизации этих территорий. Большой интерес представляют также проведенные русскими кругосветчиками этнографические наблюдения образа жизни австралийских аборигенов, исследования природно-климатических и геологических особенностей австралийского материка. Публикации записок русских моряков об Австралии знакомили русскую читающую публику с реалиями этого экзотического и малоисследованного в то время континента. В наши дни материалы о пребывании русских мореплавателей в Австралии представляют собой ценный дополнительный источник по истории этой страны. Во второй половине XIX в. Австралию посещали корабли русского отряда судов в Тихом океане. Они заходили в порты пятого континента при плавании из Кронштадта на Дальний восток (или в обратном направлении), а также в ходе учебно-тренировочных плаваний в бассейне Тихого океана. Посещения портовых городов Австралии позволяли продемонстрировать русский флаг и собрать необходимую для российского военно-морского

ведомства и министерства иностранных дел информацию о политическом и социально-экономическом развитии Австралии, о становлении ее военно-морской инфраструктуры. Отметим также, что общение русских моряков с жителями австралийских переселенческих колоний позволяло установить гуманитарные контакты, лучше узнать друг друга. Такая, своего рода, народная дипломатия приобрела особое значение во второй половине XIX в.: напряженные, а временами откровенно враждебные отношения между Великобританией и Россией порождали на антиподах страх перед неизбежным рейдом русского флота на побережья Австралии и Новой Зеландии. Дружеское общение с моряками русских кораблей, посещавших Австралию, уменьшало предубеждения против России и русских и снижало страхи перед «русской угрозой».

Всего на протяжении XIX – начала XX вв. Австралию посетило 32 русских корабля, осуществивших 60 заходов в австралийские порты¹. Первым из них стал в 1807 г. шлюп Российско-американской компании «Нева», а завершил «военно-морской» период в становлении и развитии русско-австралийских связей крейсер II ранга «Джигит», зашедший в Аделаиду и Сидней 120 лет назад, в 1903 г. За два года до этого, в 1901 г. австралийские переселенческие колонии объединились в Австралийский Союз, ставший доминионом Британской империи. В составе Австралийского Союза Аделаида являлась столицей штата Южная Австралия, а Сидней – столицей штата Новый Южный Уэльс.

«Джигит», уже совсем не новый (построен в 1876 г.) и не слишком крупный корабль водоизмещением 1334 т., был направлен в Порт-Артур для пополнения состава русской эскадры Тихого океана. Командовал крейсером капитан 2 ранга А.П. Назаревский, экипаж состоял из 11 офицеров и 174 нижних чинов². Корабль вышел в плавание из Кронштадта 14 октября 1902 г.³ Маршрут плавания предусматривал транзитный заход в Рио-де-Жанейро, однако из-за эпидемической тревоги в этом городе крейсер зашел в столицу Аргентины Буэнос-Айрес, что привело к потере времени и впоследствии вынудило А.П. Назаревского по возможности сокращать стоянки в Австралии. На пути из Буэнос-Айреса «Джигит» посетил Кейптаун и 8 апреля 1903 г. пришел в Аделаиду⁴.

За несколько дней до прихода в этот австралийский порт «Джигит» пережил сильный шторм, во время которого были повреждены паруса, А.П. Назаревский рассчитывал заказать пошив новых парусов взамен поврежденных в Аделаиде. Однако в Австралии в это время начинался

¹ См. Российские моряки и путешественники в Австралии. М.: Восточная литература. 2007. С. 4, 10, 11.

² Парусно-паровой крейсер 2 ранга «Джигит». – URL: <http://tjw.narod.ru/1tihook/djigit.htm> ; Ликин Ю.А. Винтовые клипера типа «Крейсер» // Прил. к журн. "Моделист-конструктор". 2006. № 3(84). – URL: http://wunderwaffe.narod.ru/Magazine/MK/2006_03/18.htm

³ Все даты в тексте даны по новому стилю.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (Далее – РГА ВМФ). Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2592. Л. 57, 86, 92.

праздник Пасхи, мастерские не работали, поэтому командир «Джигита» решил сократить пребывание крейсера в Аделаиде до 3-х дней, и уже 10 апреля вверенный ему корабль ушел в Сидней⁵. В Аделаиде закупили лишь уголь, необходимый для продолжения плавания, а из продовольствия взяли немного мяса и зелени. Что касается хлеба, то его удалось получить лишь незначительное количество «ввиду того, что все пекарни заняты выпечкой праздничной еды жителей»⁶.

В Сидней крейсер пришел 15 апреля⁷. Здесь пришлось простоять две недели. Из-за празднования Пасхи австралийцы взялись шить заказанные паруса только к концу месяца. Во время стоянки были основательно пополнены запасы угля и продовольствия. При этом, как жаловался в своем рапорте о пребывании в Сиднее А.П. Назаревский, «провизия очень дорога, но не имея возможности пополнить в другом порте, пришлось брать здесь»⁸. Большую помощь в проведении закупок и необходимых денежных расчетов команде «Джигита» оказал российский нештатный консул в Сиднее, австралийский коммерсант Э.М. Поль⁹. Силами экипажа был проведен ремонт мачты, также пострадавшей во время шторма при плавании в Австралию, и проведена приборка судна. Кроме того, как и предписывали инструкции по проведению плавания на Дальний Восток, во время стоянки в Сиднее командир «Джигита» провел якорные и шлюпочные учения¹⁰. Русские моряки, также в соответствии с правилами пребывания кораблей российского военно-морского флота в иностранных портах, собрали и передали в Петербург сведения об английских, австралийских и иностранных судах, стоявших в порту Сиднея¹¹.

Разумеется, неукоснительно соблюдался военно-морской протокол. При входе в порты Аделаиды и Сиднея были произведены приветственные салюты артиллерией корабля и береговыми батареями¹². В Аделаиде состоялся обмен визитами между командиром «Джигита» А.П. Назаревским и представителем капитана над портом Аделаиды П. Вейром и командиром канонерской лодки «Протектор», видным деятелем нарождавшегося военно-морского флота Австралийского Союза капитаном Дж. Кларом¹³. В Сиднее А.П. Назаревский нанес официальные визиты представителям администрации штата Новый Южный Уэльс, с официальным визитом русский крейсер посетил российский нештатный консул в Сиднее Э.М. Поль¹⁴. В целом русские моряки получили

⁵ Там же. Л.98об.–99,

⁶ Там же. Л.103.

⁷ Там же. Л. 103об.

⁸ Там же, Л. 109.

⁹ Там же. Л.109об.

¹⁰ Там же. Л. 109.

¹¹ Там же. Л. 108 об.

¹² Там же. Л.102об., 108об.; Arrival of a Russian Cruiser // The Register. 9 April 1903. P. 4; Visit of a Russian Warship // The Daily Telegraph. 16 April 1903. P. 4.

¹³ A visiting of Russian War Ship // The Advertiser. 9 April 1903. P. 4; The Russian Cruiser // The Register. 10 April. 1903. P. 4; The Russian War Vessel // The Advertiser. 10 April 1903. P. 6.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2592. Л.109; Visit of a Russian Warship // The Daily Telegraph. 16 April 1903. P. 4.

вполне доброжелательный прием. В Аделаиде группа офицеров «Джигита» побывала на ежемесячном собрании членов Королевской яхтенной эскадры Южной Австралии, где, как отмечалось в газетах Аделаиды, была «встречены с сердечным радушием»¹⁵. В Сиднее русских ожидали приглашения от генерал-губернатора Нового Южного Уэльса сэра Гарри Роусона, лорд-мэра Сиднея Т. Хьюза и командующего Австралийской станцией британского флота вице-адмирала А. Фэншоу¹⁶. Газеты Южной Австралии и Нового Южного Уэльса публиковали информационные заметки и статьи о пребывании русского крейсера в Аделаиде и Сиднее, подробно описывали тактико-технические особенности «Джигита». Нередко эти заметки перепечатывались газетами соседних штатов Австралийского Союза – Виктории и Квинсленда¹⁷.

Заход «Джигита» в порты Австралии носил сугубо транзитный характер и проходил в условиях, когда русских крейсер отставал от графика плавания в дальневосточные воды. Поэтому в Австралии не проводились традиционные для офицеров русской эскадры экскурсии по городам, походы в театры, ознакомительные поездки в австралийскую глубинку на золотые прииски. Не устраивали русские и ответных благодарственных приемов для австралийского бомонда на борту своего судна, что также было обычным делом во время пребывания кораблей российского военно-морского флота в Австралии. Видимо, из-за относительной краткости пребывания в Аделаиде и Сиднее, никто из офицеров корабля не оставил записок и воспоминаний о своем пребывании на пятом континенте. Словом, на первый взгляд, визит «Джигита» в Австралию был не более чем очередной и вполне заурядной страницей и в без того не слишком богатой истории российско-австралийских связей.

Однако в ходе изучения этой «заурядной страницы» можно отметить два интересных обстоятельства. Одно из них – проявление вполне традиционной для австралийцев настороженности по отношению к русским, ибо до поражения России в русско-японской войне в Австралии упорно видели в русском флоте угрозу безопасности пятого континента. В том же 1903 г. премьер-министр Австралийского Союза Э. Бартон, выступая в федеральном парламенте, указывал на Россию как на наиболее опасного врага Австралии (отметив также угрозу со стороны со стороны Германии, Франции и США)¹⁸. Эти опасения проявили себя и в ходе визита «Джигита» в Аделаиду и Сидней. И если общение русских офицеров с австралийцами на личном уровне было исключительно дружелюбным и протекало в рамках традиционной англо-саксонской вежливости, то в прессе появился ряд статей, напоминавших о возможной угрозе, которую представляет российский военно-морской флот для

¹⁵ Royal Yacht Squadron // The Advertiser. 10 April 1903. P. 5; Royal Yacht Squadron // Chronicle. 18 April 1903. P. 31.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2592. Л. 109.

¹⁷ См., например, Russian Training Ship // The Age. 11 April 1903. P. 8; Shipping Telegrams // The Argus. 16 April 1903. P. 4; Shipping // The Ballarat Star. 16 April 1903. P. 1; Russian Cruiser at Sydney // The Brisbane Courier 16 April 1903. P.3; Russian Warship // The Telegraph. 18 April 1903. P. 7.

¹⁸ Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. Melbourne: Longman Cheshire, 1985. P. 133.

британских интересов в Южной Пацифике. Так, 18 апреля в аделаидской газете «Эдвертайзер» появилась статья, в которой, наряду с рассказом о целях визита и пребывании «Джигита» в Австралии, была представлена подробная информация о состоянии русской эскадры Тихого океана с указанием входящих в ее состав кораблей, их тактико-технических данных, анализом сильных и слабых сторон их конструкции и даже с указанием фамилий их командиров. Газета отмечала при этом, что появление русского крейсера в австралийских водах «порождает дополнительный интерес к новостям об усилении русского флота на Дальнем Востоке»¹⁹. В другом аделаидском издании, еженедельнике «Критик», в статье, доказывавшей слабую защищенность столицы Южной Австралии, приход в порт Аделаиды «Джигита» использовался как дополнительный аргумент в пользу укрепления обороноспособности города. «По странной и горькой иронии судьбы, – утверждалось в статье, – русский военный корабль «Джигит» без ведома политиков, военно-морских или военных властей спокойно подкрался и встал на якорь. И, следовательно, Аделаида взята»²⁰.

Второе обстоятельство, которое необходимо отметить, анализируя ход плавания «Джигита» на Дальний Восток и его пребывание в Австралии, касается уже положения дел в русском флоте. При изучении документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) о заграничных плаваниях русских судов можно заметить рост дезертирства матросов со своих кораблей на рубеже XIX – начала XX вв. Конечно, отдельные случаи дезертирства случались и раньше, начиная еще с 20-х гг. XIX в.²¹, однако на рубеже XIX–XX вв. таких случаев становится заметно больше. И если раньше случаи бегства матросов во время пребывания в Австралии были связаны, в основном, со стремлением попасть на золотые прииски в надежде на быстрое обогащение, то к началу XX в. такого рода побегі можно считать протестом против деспотической военной дисциплины и унижений, которым подвергались матросы. Кроме того, стремление покинуть службу явилось отражением нараставшего социального неблагополучия в самой России, что, разумеется, не могло не сказаться на положении дел на флоте. Совершенно гипертрофированные размеры дезертирства приобрело во время посещения Мельбурна и Сиднея в 1901 г. крейсером «Громобой». За время стоянки в портах этих городов с крейсера сбежало 47 человек²². Часть из убежавших довольно быстро была поймана австралийской полицией и возвращена на корабль, однако к моменту ухода «Громобоя» из Австралии команда крейсера не досчиталась 11 человек²³.

¹⁹ Russian Cruiser in Sydney. The Squadron for Port Arthur // The Advertiser. 18 April 1903. P. 7.

²⁰ Various Views // Critic. 18 April 1903. P. 4.

²¹ Об оном из первых таких невозвращенцев см. Говор Е. Станислав Станкевич, первый политический невозвращенец в Австралии (продолжение без конца) // Австралиада. 2000, № 23. С. 2–4.

²² РГА ВМФ. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы). Оп. 1. Д. 26253. Л. 48, 51, 55, 57, 62; ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2275. Л. 368; ф. 650 (Эскадра Тихого океана). Оп. 1. Д. 377. Л. 38.

²³ РГА ВМФ (Эскадра Тихого океана). Ф. 650. Оп. 1. Д. 377. Л. 38.

В ходе своего плавания с проблемой дезертирства столкнулся и экипаж «Джигита». Во время пребывания крейсера в Кейптауне сбежало трое матросов, причем полиция их так и не нашла. Правда, в этом городе на борт «Джигита» добровольно явился машинист 1 статьи матрос Ф. Хабаров, который двумя годами ранее дезертировал из команды «Громобоя» во время пребывания этого корабля в Сиднее. А.П. Назаревский включил возвращенца в состав команды «Джигита» и предал корабельному суду²⁴. Видимо, эта мера произвела должное впечатление на нижних чинов экипажа крейсера и предотвратила дезертирство матросов: в Сиднее команда дважды увольнялась на берег, но в полном составе возвращалась на корабль²⁵.

Знакомство с документами об организации плавания «Джигита» свидетельствует также о небрежной работе по подготовке и сопровождению плавания со стороны чиновников морского ведомства. В соответствии с согласованным маршрутом «Джигит» 28 февраля ушел из Кейптауна и 8 апреля пришел на рейд пригорода Аделаиды Семафор (расположен примерно в 14 км от центра города). О приходе крейсера А.П. Назаревский отправил в Петербург соответствующую депешу с телеграфной станции Семафора. Удивительно, но чиновники морского министерства не сумели определить местонахождение этого рейда, посчитав, что он расположен не в окрестностях столицы Южной Австралии, а в акватории порта Олбани в штате Западная Австралия. Эта неясность породила чиновничью переписку в попытках выяснить, почему командир «Джигита» нарушил предписанный маршрут плавания и вместо Аделаиды зашел в Олбани²⁶. Все это можно расценивать как маленький, но яркий пример недостаточной четкости и слаженности в работе морского ведомства, проявления которых становятся все более частыми к началу XX в.

27 апреля 1903 г. были получены сшитые в Сиднее паруса. Назавтра, после завершения всех расчетов с поставщиками, «Джигит» снялся с якоря и отправился в дальнейшее плавание к Порт-Артуру²⁷. Его маршрут пролегал через Новую Каледонию, острова Фиджи, атолл Ялуит (Джалут) из группы Маршалловых островов и японский порт Йокогама. Интересно, что в своем донесении от 17 мая 1903 г. о пребывании в Нумеа – центре французской Новой Каледонии, А.П. Назаревский сообщил краткие сведения о А. Березовском – польском террористе, стрелявшем в 1867 г. в Париже в Александра II и отправленном французским правосудием на каторгу в Новую Каледонию сроком на 25 лет. В 1886 г. каторга была заменена А. Березовскому пожизненной ссылкой и, как сообщает А.П. Назаревский, в настоящее время осужденный проживает в местечке Бурай «в состоянии тихого помешательства»²⁸.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2592. Л. 97.

²⁵ Там же. Л. 109.

²⁶ Там же. Л. 92, 93.

²⁷ Там же. Л. 109 об.

²⁸ Там же. Л. 115–115об. О судьбе А. Березовского см.: Черкасов П. П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М.: Ломоносовъ, 2015. С. 272–276.

Визит «Джигита» в Австралию стал последним заходом в порты пятого континента кораблей российского военно-морского флота. После поражения России в русско-японской войне и фактической утраты флота посещения Австралии русскими кораблями прекратились: «военно-морской» этап в истории российско-австралийских связей был завершён.

Список литературы:

1. Говор, Е. Станислав Станкевич, первый политический невозвращенец в Австралии (продолжение без конца) // Австралиада. – 2000. – № 23. – С. 2–4.
2. Ликин, Ю.А. Винтовые клипера типа «Крейсер» // Прил. к журн. "Моделист-конструктор". – 2006. – № 3 (84). – URL: http://wunderwaffe.narod.ru/Magazine/МК/2006_03/18.htm (дата обращения: 19.02.2023).
3. Парусно-паровой крейсер 2 ранга «Джигит». – URL: <http://rjw.narod.ru/1tihook/djigit.htm> (дата обращения: 19.02.2023).
4. Российские моряки и путешественники в Австралии. – М.: Восточная литература, 2007. – 380 с.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2275.
6. РГА ВМФ. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2592
7. РГА ВМФ. Ф. 650. (Эскадра Тихого океана). Оп. 1. Д. 377.
8. РГА ВМФ. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы). Оп. 1. Д. 26253.
9. Черкасов П. П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М.: Ломоносовъ, 2015. 295 с.
10. A visiting of Russian War Ship // The Advertiser. – 9 April 1903. – P. 4.
11. Arrival of a Russian Cruiser // The Register. – 9 April 1903. – P. 4.
12. Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. – Melbourne: Longman Cheshire, 1985. – 806 p.
13. Royal Yacht Squadron // Chronicle. – 18 April 1903. – P. 31.
14. Royal Yacht Squadron // The Advertiser. – 10 April 1903. – P. 5.
15. Russian Cruiser at Sydney // The Brisbane Courier. – 16 April 1903. – P. 3.
16. Russian Cruiser in Sydney. The Squadron for Port Arthur // The Advertiser. – 18 April 1903. – P. 7.
17. Russian Training Ship // The Age. – 11 April 1903. – P. 8.
18. Russian Warship // The Telegraph. – 18 April 1903. – P. 7.
19. Shipping // The Ballarat Star. – 16 April 1903. – P. 1.
20. Shipping Telegrams // The Argus. – 16 April 1903. – P. 4.
21. The Russian Cruiser // The Register. 10 April. 1903. P. 4.
22. The Russian War Vessel // The Advertiser. – 10 April 1903. – P. 6.
23. Various Views // Critic. – 18 April 1903. – P. 4.
24. Visit of a Russian Warship // The Daily Telegraph. – 16 April 1903. – P. 4.

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

МИНИСТЕРСКИЕ ОСОБНЯКИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИКОЛАЕВСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: Данная статья посвящена анализу роли домов высшей бюрократии Николая I в городском пространстве Санкт-Петербурга. Императорский Двор, вельможи, сановники традиционно играли важную роль в городской жизни, подчеркивая статус столицы Российской империи. При Николае I фавориты и вельможи постепенно уступают место генералам и чиновникам. Вместо аристократических дворцов строятся частные особняки, многие министры проживают в служебных квартирах или арендуют дома под свои нужды.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Николай I, архитектура, министр, служебная квартира, особняк.

MINISTERIAL MANSIONS IN THE URBAN SPACE OF NIKOLAEVSKY ST. PETERSBURG

Summary: This article is devoted to the analysis of the role of the houses of the highest bureaucracy of Nicholas I in the urban space of St. Petersburg. The Imperial Court, nobles, and dignitaries traditionally played an important role in urban life, emphasizing the status of the capital of the Russian Empire. Under Nicholas I, the favorites and grandees gradually give way to generals and officials. Instead of aristocratic palaces, private mansions are being built, many ministers live in office apartments or rent houses for their needs.

Keywords: St. Petersburg, Nicholas I, architecture, Minister, office apartment, mansion.

Обстоятельства основания Санкт-Петербурга определили необычную судьбу и необычный облик будущей столицы Российской империи. Концентрация войск и промышленных предприятий, переезд Двора и чиновного аппарата, новые принципы архитектуры и градостроительства на фоне грандиозных изменений петровского царствования сделали «сей дворцовый город» [1, с. 223] неповторимым и непохожим как на «бюргерские» города Европы, так и на традиционные города Московского царства.

Имперский Санкт-Петербург стал воплощением российской государственности. Роскошные дворцы и строгие здания казарм и государственных учреждений, обрамляющие прямые проспекты, и мундиры, мундиры, мундиры... Диспропорции в структуре населения города были

заметны вплоть до второй половины XIX в. Традиционно высокой была доля дворян (офицеры и чиновники), постепенно размываемая разночинцами; военнослужащих; дворовых крестьян, обслуживающих своих господ; сезонных рабочих, обычно крепостных крестьян на отхожих промыслах. Например, на 1801 г. из 202000 чел. населения города числилось дворян - 13171 чел., военнослужащих - 39058 чел., разночинцев - 35002 чел., крестьян и дворовых - 76558 чел., купцов - 14310 чел., а мещан и цеховых мастеров - 23414 чел. На 1831 г. из 445380 чел. населения числилось дворян - 42901 чел., военнослужащих - 45819 чел., разночинцев - 63119 чел., крестьян и дворовых - 215594 чел., купцов - 6800 чел., а мещан и цеховых мастеров - 56188 чел. «За первые 30 лет XIX стол. число дворян увеличилось больше чем втрое, так же как и число дворовых людей при них; число духовных увеличилось почти в 4 раза, мещан — в 3½, разночинцев — почти вдвое, крестьян — в 2½ раза» [2].

Иностранные путешественники отмечали необычное средоточие на городских улицах солдат, чиновников, курьеров и вельмож. А. де Кюстин так описал государственную деловитость прохожих на Невском проспекте: «Каждый шаг каждого из прохожих имеет свою, не связанную с удовольствием цель. Передать приказ, засвидетельствовать свое почтение, выказать повиновение господину, кто бы он ни был, — вот мотивы, приводящие в движение большую часть населения в Петербурге и во всей империи» [1, с. 225]. Разумеется, принятый в высшем свете Кюстин особое внимание обращал на блестящих вельмож, адъютантов Свиты и гвардейских офицеров, поэтому отбытие Двора в загородные резиденции показалось ему замиранием городской жизни: «Вы не можете даже вообразить, насколько печальное зрелище являет собой Петербург в отсутствие императора... лишившись двора, он превращается в пустыню» [1, с. 334].

Придворные, офицеры и генералы Свиты, министры и сенаторы привносили в образ Петербурга долю столичного лоска. В XVIII в. дворцы вельмож и фаворитов были средоточием великосветской жизни, немногим уступая Зимнему дворцу. В царствование императора Николая I происходит трансформация высшей бюрократии, которая становится все менее вельможной и более служивой, чиновной. Хотя в соответствии с тенденцией назначать на ответственные гражданские посты дисциплинированных военных, она еще не утратила блеск генеральских мундиров.

В представлении Николая I назначенные во главе гражданских ведомств генерал-адъютанты Свиты должны олицетворять не только имперский блеск, но и исполнительность, высокие деловые качества. В соответствие с этим в ряде случаев предполагалось постройка резиденции руководителя ведомства, обычно расположенной неподалеку от возглавляемого министерства.

Министр императорского двора, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, родовитый аристократ князь Петр Михайлович Волконский в служебной квартире не нуждался, так как его семья владела особняками в Санкт-Петербурге и Москве, крупными поместьями в нескольких губерниях.

Родился П. М. Волконский в отеческом доме на углу современных ул. Пестеля и Моховой. В XVIII в. данный участок был больше современного, доходя до Литейного проспекта, им владела семья шталмейстера (придворный чин) С. А. Алабердеева, родственница которого, Е. П. Макулова вышла замуж за князя М. П. Волконского. Так как П. М. Волконский, будучи зачислен в императорскую Свиту, стал одним из приближенных к Александру генерал-адъютантов, постоянно сопровождал императора в многочисленных поездках по России и за границей, его дом использовался для государственных нужд. В этом доме под руководством М. М. Сперанского и графа Д. Н. Блудова были составлены первое издание «Полного собрания законов Российской Империи» и «Свод законов Российской Империи». Здесь по инициативе Сперанского в 1828 году была открыта юридическая школа для «закона применителей» (судей). В 1840-е гг. владельцем усадьбы был зодчий Александр Христофорович Пель, который построил в качестве доходного дома большой 4-этажный особняк, известный как «дом с грифонами». «Его внешний облик отличается спокойной ритмикой членений и простым рисунком фасадов. В нём 3 балкона и под каждым из них по 4 грифона. Фасад дома в центре прорезан въездной аркой, над которой 2 пары колонн с грифонами, которые поддерживают балкон с легкой решеткой. Головы у грифонов птичьи, зубастые клювы раскрыты, виден даже язык. Кажется, что грифоны придавлены тяжестью балкона. Эти мифологические существа приземистые и опираются на короткие передние лапы. Их приподнятые крылья полураскрыты и концами касаются стены. Помимо декоративных целей скульптуры грифонов выполняют конструктивную функцию - их головы и крылья служат опорами для балкона. Такие же колонны с грифонами, поддерживающими балконы, украшают фасад дома по улице Пестеля» [3].

В 1830-е гг. П. М. Волконский унаследовал от княгини Е. А. Волконской особняк в более аристократическом районе Санкт-Петербурга – в Мошковом переулке, ныне – Дворцовая набережная, д.22. Если в петровское время здесь проживал корабельный мастер Пальчиков, то на рубеже 1750-х гг. на данном участке построил особняк камергер Елизаветы Петровны В. Н. Чулков. Волконские владели и соседним домом. Внучка П. М. Волконского продала оба здания Г. А. Черткову, в 1878 г. на этом участке был построен существующий особняк [4]. Как министр императорского двора П. М. Волконский обычно проживал непосредственно в императорских резиденциях.

Правнук знаменитого соратника Петра I, Морской министр, генерал-адъютант князь Александр Сергеевич Меншиков в 1836 г. получил выкупленный казной у супругов Юсуповых, переехавших во дворец на Мойке, дом № 54 на Английской набережной. Когда-то этим участком владел генерал и сенатор М. А. Матюшкин, затем здесь были построены два купеческих дома, перестроенные коммерц-советником Х. Чергиным в одно здание, с 1822 г. хозяйкой дома №54 оказалась бывшая екатерининская фрейлина Т. В. Юсупова. Кроме квартиры Морского министра с прекрасной библиотекой, в

особняке располагалась канцелярия Морского министерства и квартира директора канцелярии А. А. Жандра. Императорским указом особняк был пожалован в вечное владение А. С. Меншикову и в 1873 г. перестроен архитектором К. К. Рахау для В. А. Меншикова в стиле французского ренессанса: «Фасад в стиле французского ренессанса времён Людовика XIV - скромный, спокойный и в высшей степени изящный. Висячий балкон, главный вход, подъезд и все детали обработаны с любовью и большим талантом и глубоким художественным знанием. Внутри комнаты убраны почти все в стиле Людовика XV; при этих обстоятельствах нужно было ожидать некоторого однообразия - но на деле ничего подобного не заметно. Так ловко и талантливо Рахау сумел воспользоваться архитектурными мотивами. Особенно замечательны танцевальный зал и парадная лестница. В первом этаже, на половине князя, кабинет отделан в мавританском стиле» [5]. В 1910 году дом был приобретён казной для великого князя Михаила Александровича и перестроен архитектором Р. Ф. Мельцером в стиле модерн.

Представитель остзейского дворянства шеф жандармов, генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф, несмотря на постройку служебной квартиры на набережной Фонтанки, д.16, квартировал в особняке медика барона Е. Ф. Аша по адресу Малая Морская, д.18. Дом Аша представлял собой «типичный богатый барский дом в стиле классицизма, с ордерной отделкой, с подчеркнутым центром» [6]. Не утруждая себя рутинной работой по III Отделению, А. Х. Бенкендорф обычно сопровождал императора в поездках по России, проживал в императорских резиденциях или на собственной мызе Фалль в Эстляндии.

Главноуправляющий путями сообщения, генерал-адъютант граф Петр Андреевич Клейнмихель проживал в особняке на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (ныне ул. Пестеля), дом 25/23, по соседству с одним из домов Волконских. В 1831 г. дом Клейнмихеля был перестроен с новой отделкой фасадов. К 1840-м годам этот район был застроен в основном многоквартирными доходными домами. Обитала здесь в основном публика среднего достатка - чиновники, купцы, офицеры, интеллигенция. В 1849 г. дом принадлежал госпоже Колзаковой и был перестроен архитектором Л. Ф. Вендрамини [7].

Военный министр, генерал-адъютант князь Александр Иванович Чернышев наравне с П. М. Волконским может быть отнесен к близкому кругу окружения Николая I. Этому способствовало особенное внимание императора к военному ведомству. Сам А. И. Чернышев, еще будучи графом, владел домом №21 на Миллионной улице. Когда-то этот участок вплоть до Невы принадлежал петровскому гоф-интенданту П. И. Мошкову, затем Ордонансгаузу. «Для Чернышева в 1830-х годах находящийся здесь дом перестраивал архитектор И. И. Шарлемань 1-й. Возглавляя военное министерство, А. И. Чернышев жил в служебном доме №10 на Малой Морской улице. Дом на Миллионной он оставил дочери Елизавете, которая в 1840 году

вышла замуж за генерал-адъютанта князя Владимира Ивановича Барятинского» [8].

Для размещения военного министра в 1838 г. после смерти престарелой княгини Н. П. Голицыной (возможный прототип «Пиковой дамы») в казну был выкуплен дом №10 по Малой Морской улице. В 1730-е гг. этот участок принадлежал разбогатевшему шуту Анны Иоанновны, скрипачу и комику итальянской труппы Пьетро Мира, затем Апраксиным и Голицыным. Особняк Н. П. Голицыной был средоточием светской жизни Северной столицы. «Здесь проводились знаменитые на весь Петербург обеды, которые посещали члены царской семьи. В их присутствии стол накрывался серебром, подаренным Голицыным Петром I». В 1839-1841 годах особняк перестроили по проекту архитектора А. А. Тона. «Тогда был переоблицован главный фасад, повышена высота помещений второго этажа. Увеличенный разрыв между этажами отразился на главном фасаде орнаментальным поясом с рисунком по мотивам северного Возрождения. На балконе появилась новая золочёная решётка, на фронте - царский герб. Весь фасад в целом получил черты модного тогда Ренессанса».

Архитектурный облик перестроенного здания не оставил равнодушными современников. Процитируем статью из «Художественной газеты» за 1841 год: «Красота эта заключается в счастливом разрешении одной из главных задач в архитектуре - высказывать цель, назначение здания. При взгляде на дом с обеих лицевых сторон, вы узнаете в нём жилище вельможи; так его масса, украшения, пропорции, размеры окон и других частей соответствуют цели. А между тем, какая экономия, какая скромность, умеренность в украшениях <...>; но украшения эти так искусно размещены; размеры, скелет здания так пропорциональны, что декорация фасада кажется чрезвычайно нарядною. Чтобы видеть, насколько красота переднего фасада обязана самому скелету здания, довольно взглянуть на задний фасад его со двора: здесь нет ни одного орнамента, ни одного выступа, ни портика, ниже того числа полуциркульных окон; а между тем это просто гладкая стена, с тремя ярусами окон производит самое приятное впечатление». От созданных А. А. Тоном помещений до наших дней сохранились интерьеры части парадной анфилады второго этажа. Здесь можно найти следы парадного зала и кабинета супруги военного министра. В 1852 году Николай I пожаловал А. И. Чернышеву дом на Малой Морской улице с ежегодной выплатой из казны в размере 15 000 рублей на его содержание, пока он будет находиться в роду Чернышевых. [9].

Министр государственных имуществ, генерал-адъютант граф Павел Дмитриевич Киселев не имел в Санкт-Петербурге недвижимой собственности. Прибыв в Петербург из Молдавии в 1834 г., новоиспеченный член Государственного совета Киселев снял дом на Большой Морской улице, которым владела генеральша Е. А. Зурова (в первом браке графиня Стройновская, урожденная Буткевич), где жил и работал в 1835 – 1845 гг. Находится этот дом напротив Чугунного моста, где Большая Морская выходит

на набережную Мойки, в «Адрес-календаре» К. Нистрема он обозначен под №102 по р. Мойке, сейчас - № 59 по Большой Морской. Тогда это был одноэтажный классический особняк с треугольным фронтоном и воротами с левой стороны, построенный во второй половине XVIII века [10, с.201]. В дальнейшем дом несколько раз перестраивался. В 1848 году архитектор А. К. Кольман изменил отделку особняка в характере «второго барокко». В 1879 году архитектор А. Л. Гун для очередного владельца – купца 1-й гильдии Э. Ф. Юнкерса надстроил здание вторым этажом и заново оформил его фасад, придав ему современный облик: «рустованные стены прорезаны прямоугольными окнами в первом и полуарочными во втором парадном этаже. Центр подчеркнут четырьмя колоннами, схваченными в нижней части квадратами, огромным окном во втором этаже и венчающим здание треугольным фронтоном. Асимметричность фасада придает оформление левой части дома, где над воротами нависает небольшой эркер с шатровым завершением и разорванным фронтоном» [11, с. 197].

В начале 1840-х гг. по проекту архитектора Н. Е. Ефимова на Большой Морской улице по обеим сторонам Исаакиевской площади началось строительство здания Министерства государственных имуществ и дома Министра государственных имуществ (дома 42 и 44). Это подчеркивало особое внимание императора к только что созданному ведомству, связанному с решением труднейшего крестьянского вопроса. На участке №44 в XVIII в. находился казенный питейный дом, в 1809 г. на его месте построил свой особняк тайный советник П. П. Митусов. Дом Митусова и соседний дом Болиной были выкуплены в казну, подвергнуты «разломке» (т.е. снесены) и на их месте был построен дом Министра Государственных имуществ. Фасад нового здания был отодвинут на 15 метров западнее, что позволило расширить Исаакиевскую площадь. Чтобы подчеркнуть государственную значимость владельца, Ефимов использовал мотивы дворцовой архитектуры: «Главный фасад его обращен к площади, но поскольку он затенен сильнее, чем дом 42, пластика его более рельефна. Нарядный декор: полуарочные окна, коринфские колонны, балкон в центре фасада – придают зданию облик дворца» [11, с. 150]. В доме Министра располагалась и канцелярия министерства, начальникам департаментов, чтобы явиться на доклад к П. Д. Киселеву, нужно было только пересечь площадь.

Не имея семьи, граф П. Д. Киселев вел довольно уединенный образ жизни, и его дом не являлся местом средоточия столичного света. Там, по словам секретаря министра А. А. Малышева, «царила постоянная тишина, изредка только нарушаемая, когда по оплошности прислуги дверь оставалась отпертою и в комнату с лаем врывалась огромная дворовая мохнатая собака, которую иногда граф ласкал». По воспоминаниям чиновника МГИ В. А. Инсарского, «вся обстановка его квартиры (дом Зуровой – А.М.) отличалась большой скромностью и не имела в себе ничего блестящего». В качестве единственной, эксклюзивной особенности убранства современники отмечают

обилие живых цветов. В доме Зуровой у министра было «...два рабочих кабинета: большой и малый. В большом он принимал, в малом, вероятно, он занимался, когда был один». Киселев обладал несколько экстравагантным вкусом, и в обстановке малого кабинета посетителю сразу «бросались в глаза красные обои и обилие зеркал», одно из которых «совершенно маскировало дверь», что приводило в замешательство чиновников, впервые посетивших этот кабинет», их растерянность, в свою очередь, забавляла министра [10, с. 202 - 203].

Высшая бюрократия еще сохраняла военно-придворный блеск, что подчеркивало статус столицы Российской империи, но эволюция государственного аппарата, превращающая фаворитов и вельмож прошлого в высокопоставленных чиновников, не могла не сказаться на внешнем облике этих персон, их образе жизни, домах и служебных квартирах, их роли в жизни Петербургского общества.

Список литературы:

1. Кюстин, А. де Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. Под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 1. / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с.
2. Санкт-Петербург, столица России. Население // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. XXVIII а (1900): Саварни — Сахарон. – С. 291—344. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%82-%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3,_%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 15.02.2023).
3. Дом А. Х. Пеля — "Дом с грифонами" в Санкт-Петербурге (Интересные факты о Пеле) // Петербург Центр – URL: <https://peterburg.center/story/dom-h-pelya-dom-s-grifonami-v-sankt-peterburge-interesnye-fakty-o-pele.html> (дата обращения: 19.02.2023).
4. Особняк Г. А. Черткова // Citywalls. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга – URL.: <https://www.citywalls.ru/house5101.html?s=qs3rj1qbdeliir1niimsq5sos7> (дата обращения: 19.02.2023).
5. Дом А.С. Меншикова // Прогулки по Петербургу – URL.: <https://walkspb.ru/istoriya-peterburga/zd/angliyskaya54> (дата обращения: 19.02.2023).
6. Доходный дом Телешевой // Citywalls. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – URL.:

<https://www.citywalls.ru/house1598.html?s=ag0b54havfieeebqqarid4virt7> (дата обращения: 19.02.2023).

7. Дом Н. В. Оболенской-Нелединской-Мелецкой. // Citywalls. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга – URL.: <https://www.citywalls.ru/house5039.html?s=krprc9r9mc5e96dt9fm5meu7kg> (дата обращения: 25.02.2023).

8. Дом А.И. Чернышева (Барятинских) // Прогулки по Петербургу – URL.: <https://walkspb.ru/istoriya-peterburga/zd/millionnaya21> (дата обращения: 25.02.2023).

9. Дом военного министра (Малая Морская, 10) // Прогулки по Петербургу – URL.: <https://walkspb.ru/istoriya-peterburga/zd/voennogo-ministra-dom-malaya-morskaya-ul-10> (дата обращения: 25.02.2023).

10. Минин, А.С. Граф П. Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография / А. С. Минин. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. – 238 с.

11. Бройтман, Л.И., Краснова, Е.И. Большая Морская улица. – СПб.: Папирус, 1996. – 221 с.

Мичурин Алексей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ ВО ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1916 ГОДА

Аннотация: В статье рассматривается вопрос, связанный с особенностью взаимодействия групп Государственного совета во время общественно-политического кризиса 1916 года по «Польскому вопросу». Организационная работа «Прогрессивного блока», являвшегося главным легальным оппозиционным объединением в парламенте Российской империи - одна из важнейших проблем отечественной и зарубежной историографии. Она имеет множество не решенных до сих пор вопросов, один из которых – «Польский вопрос» в Государственной думе и Государственном совете в 1915-1917 года. Без этого невозможно до конца проявить природу политического кризиса Российской империи накануне Февральской революции 1917 года. Особое внимание в статье было уделено основным направлениям деятельности групп Государственного совета накануне парламентской сессии 1 ноября 1916 года. Выделяются позиции лидеров парламентских групп по вопросам международной дипломатии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, «Польский вопрос», Государственный совет, парламент, дипломатия, «Прогрессивный блок».

THE "POLISH QUESTION" IN THE STATE COUNCIL DURING THE POLITICAL CRISIS OF 1916

Summary: The article deals with the issue related to the peculiarity of the interaction of the groups of the State Council during the socio-political crisis of 1916 on the «Polish question». The organizational work of the Progressive Bloc, which was the main legal opposition association in the parliament of the Russian Empire, is one of the most important problems of domestic and foreign historiography. It has many issues that have not yet been resolved, one of which is the «Polish Question» in the State Duma and the State Council in 1915-1917. Without this, it is not possible to fully reveal the nature of the political crisis of the Russian Empire on the eve of the February Revolution of 1917. Particular attention in the article was paid to the main activities of the groups of the State Council on the eve of the parliamentary session on November 1, 1916. The positions of the leaders of parliamentary groups on issues of international diplomacy during the First World War are highlighted.

Keywords: World War I, «Polish Question», State Council, Parliament, diplomacy, «Progressive Bloc».

Весной-летом 1916 года состоялась поездка русской парламентской делегации за границу, и от Государственного совета в состав делегации вошли видные представители различных групп: А.В. Васильев (левый), С.И. Велепольский (центр), В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), А.Н. Лобанов-Ростовский (правый), Д.А. Олсуфьев (центр), Р.Р. Розен (центр)¹. Большинство членов делегации от верхней палаты составляли лидеры "Прогрессивного блока", что снижало политическую активность в самом Государственном совете. Более того, оставшиеся в Петрограде члены верхней палаты обязаны были проявить максимальное единство, так как одной из целей парламентской делегации было показать сплоченность "Прогрессивного блока" в законодательных палатах².

Поездка парламентской делегации за границу, в которой участвовали и представители Думы - В.Я. Демченко, М.М. Ичас, П.Н. Милюков, А.А. Ознобишин, А.Д. Протопопов, А.А. Радкевич, Ф.Ф. Рачковский, Д.Н. Чихачев, А.И. Шингарев, Б.А. Энгельгардт, помимо решения чисто внешнеполитических задач была использована для выяснения тех вопросов, которые волновали разрозненные части блока. Граф С.И. Велепольский заявил П.Н. Милюкову, что "не поехал бы в поездку, если бы не надеялся с нами сговориться"³. Фактически, поляки в лице Велепольского добивались международного признания польского вопроса, в чем лидер кадетов им решительно отказал. Прозрачные намеки С.И. Велепольский, однако, продолжал делать даже публично. В Италии, на приеме 26 мая 1916 года, С.И. Велепольский в своей речи тонко соединил борьбу за независимость Италии с польским вопросом⁴. Формально член группы центра С.И. Велепольский остался на позициях, изложенных им еще 27 апреля 1915 года в своей записке, где развивались мысли об общих послаблениях для поляков⁵. Но закулисная сторона действий польских представителей не оставляет сомнений в их истинных устремлениях, направленных к независимости под любым видом. Позднее, в начале осенней сессии 1916 года, в Государственном совете представители поляков будут крайне резко реагировать на любые попытки представить разрешение польского вопроса в контексте внутренней российской политики.

Поездка парламентской делегации за границу способствовала поднятию патриотического настроения как внутри страны, так и в союзных странах. Одновременно она поставила перед "Прогрессивным блоком" важные вопросы, решение которых требовало немедленных действий⁶. Прежде всего, это координация усилий и возобновление консультаций думской части блока и представителей Государственного совета, о чем писал уже после летних

¹ Красный архив. –1932. –Т.54-55/5-6/. – С.12.

² Правительственный вестник. –1916. – №92. –27 апреля.

³ Красный архив. –1932. –Т.54-55/5-6/. – С.16.

⁴ Правительственный вестник. –1916. – №115. –29 мая.

⁵ Русско-польские отношения в период мировой войны. – М.; Л.; 1926. – С.50-53.

⁶ Мичурин А. Н. Некоторые аспекты кризиса политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета. – 2013. – №3 (179). – С. 107-117.

каникул И.Н. Ефремов к В.В. Шульгину, с целью "установить общность понимания положения и ближайших задач, а, может быть, даже и координирования действий"⁷.

Вместе с тем становилось ясно, что без четко выраженной политической линии на смещение состава правительства блок может превратиться в консультативный орган по обсуждению поправок к законам. Исправлением сложившейся ситуации лидеры блока должны были заняться до открытия осенней сессии законодательных палат, так как дальнейшее промедление грозило блоку политической смертью. Лидеры "Прогрессивного блока" в Государственном совете, поняв задачи, стоявшие перед внутрипарламентским объединением, начали подготовку к осенней сессии 1916 года. Опираясь на поддержку союзнической дипломатии, стремившейся влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в России и симпатизировавшей блоку⁸, и правильно оценив расстановку политических сил - можно было добиться многого.

На заседании 1 ноября 1916 года в Государственном совете основное внимание было приковано к польскому вопросу. И.А. Шебеко, заявивший о своем выступлении еще на бюро блока, начал свою речь с критики правительства за отсутствие каких бы то ни было подвижек в польском вопросе⁹. Шебеко не скрыл от собравшихся, что исконной мечтой Польши является независимость, но основанная на присоединении исконных польских территорий, а не оставлении их в руках немцев. Он уповал на то, что польский вопрос решат победители: "Решит его Россия, совместно с доблестными союзницами своими, объединением всех польских земель и восстановлением свободной Польши"¹⁰. На это же рассчитывал и председатель совета польских съездов А.Р. Ледничный, который считал австро-германский акт о Польше имеющим большое значение: "Он силою факта поставил польский вопрос во всем его объеме на международное разрешение и, конечно, только международный акт может окончательно его разрешить"¹¹. У Шебеко вообще нет ни слова об автономии, за исключением правительственного проекта, и уже в этой речи вопрос о свободе по сути равен вопросу о независимости, что само по себе странно, как и призывы обосновать это тождество стремлением противодействовать прогерманским державам и их влиянию на Польшу. При этом на заседании группы центра Шебеко оговорил, что словами "свободная Польша" он не предрешает окончательно вопроса об устройстве Царства "Прогрессивного блока" в законодательных палатах. Дальнейшие события подтверждают толкование Польским коло в Государственном совете "свободы" Польши в сторону независимости от Российской империи.

⁷ ГАРФ. – Ф.102. – Оп.265. – Д.1046/1/. – Л.77.

⁸ РГИА. – Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.4. –Л.16.

⁹ РГИА. – Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2. –Л.16об.

¹⁰ РГИА. – Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2 –Л.17.

¹¹ Утро России. –1916. –28 октября.

Следом за Шебеко выступил И.Г. Щегловитов, от имени группы правых выразивший сочувствие полякам в их несчастье. Касаясь реформ в Польше, Щегловитов отметил: "Думается, едва ли самое совершенное Правительство в условиях, в которых мы находились в первый год войны, могло бы ввести сколько-нибудь серьезное преобразование в русской Польше. И да не будет в польских сердцах места подозрениям, что воскрешение поляков к новой жизни намеренно замедляется"¹². В Манифесте 1 августа 1914 года. говорилось: "Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя"¹³. В согласии с манифестом и тем, что в состоявшееся 31 октября 1916 года общее собрание группы правых членов Государственного совета явился лидер Польского коло И.А. Шебеко и ознакомил собрание с основными положениями той декларации, которую он предполагает сделать в общем собрании Государственного совета 1 ноября 1916 года¹⁴, и строил свое выступление Щегловитов. Видимо его не совсем удовлетворило упоминание Шебеко о союзниках в контексте польского вопроса. Так как правые постановили поручить своему лидеру выступить с ответом на декларацию левых групп, в зависимости от содержания их заявления¹⁵, то Щегловитов был вынужден указать им на неудовлетворенность правой группы частью выступления Шебеко¹⁶.

Выступившие от группы правого центра А.Б. Нейдгарт и от кружка внепартийного объединения В.И. Гурко указывали на то, что акты Германии по отношению к Польше ими не признаются. Одновременно Гурко отметил трудность вставшей перед поляками дилеммы: либо сражаться за независимость, обещанную их исконным врагом - немцами, либо отречься от них - но за это ничего не получить, то есть фактически отказаться от независимости. Поэтому Гурко призывал опереться на акт от 1 августа 1914 года и доказывал, "что неминуемым последствием поражения центральных держав явится восстановление единства всех трех, населенных польской национальностью, частей бывшего государства польского, с обеспечением этой возрожденной Польше свободного национального управления и развития"¹⁷. Эта формулировка настолько туманна, что "свобода" в ней может трактоваться совершенно произвольно. При этом В.И. Гурко настойчиво проводилась мысль о том, что разрешение польского вопроса возможно только с союзниками, так как вопрос о Галиции, Познани и Силезии - вопрос международного права. Таким образом в плоскость международного права переводился вопрос и о русской Польше, что являлось косвенным признанием ее независимости.

Князь А.Д. Голицын (центр) поддерживал поляков и заявил о необходимости объединения всех земель Польши. Далее этой декларации

¹² РГИА. –Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2. –Л.17.

¹³ Лемке М. 250 дней в царской ставке /25 сентября 1915 - 2 июля 1916/.– Пг.: Гос.изд., 1920.– С.14.

¹⁴ Речь. –1916. – 1 ноября.

¹⁵ Русское слово. –1916. – 1 ноября.

¹⁶ РГИА. –Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2. – Л.17об.

¹⁷ РГИА. –Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2. – Л.18.

группа центра не шла. Вызывает интерес и то, что по польскому вопросу не выступил ни один из представителей левой группы, что дало бы возможность проследить отношение всех групп Государственного совета к этой проблеме. Но то, что единое заявление "Прогрессивного блока" по этому поводу было невозможно, подтверждается дискуссией, затеянной среди кадетов А. Тырковой 6 ноября 1916 года. В письме от 7 ноября князю Д.И. Шаховскому она пишет: "Вчера, по моей инициативе, Ц.К., начерно, толковал о Польше. Упоминаю о том, что я затеяла, потому что считаю, что был некоторый умысел в отодвигании вопроса... Маклаков, убегая из комитета, на ходу бросил мне: я уже высказался за независимость. А Миллюков также уверенно против независимости и не видит почему нужно менять позицию. Шингарев видит в независимости Польши опасность... Корнилов считает прусскую ориентацию угрозой для России, но предполагает, что есть два польских вопроса, один о Польше объединенной, в случае нашей победы, другой о Русском Царстве Польском. Grimm считает, что если к независимой Польше отойдут прусские владения, то они всегда будут бояться Германии и лхнуть к России"¹⁸. Данное письмо показывает, как сложно было договориться по данному вопросу даже внутри одной кадетской партии. Вот почему блок не мог ничего противопоставить единому мнению правых, выраженному Бородинским: "Поляки Царства Польского в глазах всего мира и людей закона остаются "в чреде народов, Российскому скипетру подвластных и единую Империю составляющих", они верноподданные Русского Государя и лишь временно придавлены тевтонскою пятою"¹⁹. После всех этих речей от депутатских групп слово вновь взял Шебеко и дал резкую отповедь Щегловитову. И.А. Шебеко отстаивал идею самостоятельного существования Польши, показывая тем самым всю бесперспективность для правых вторгаться в обсуждение этого вопроса.

Таким образом, польский вопрос приковал к себе основное внимание. Даже зачитанные бароном В.В. Меллером-Закомельским и Д.Д. Гриммом внеочередные заявления по обстоятельствам военного времени не вызвали такой бурной дискуссии. В.В. Меллер-Закомельский, как и Д.Д. Grimm, полностью солидаризовался с думской декларацией блока. Речь Д.Д. Гримма - это наиболее открытая в смысле отсутствия полутонов речь общественного деятеля в Государственном совете. Он припомнил правительству и польский вопрос, вопрос продовольствия, борьбу с общественными организациями, отсутствие борьбы с хищническим обогащением и заявил, что с правительством, которое так ведет государственное дело, невозможна никакая совместная работа. В заключении Grimm развивал целую теорию о встречной жертве со стороны правительства, подразумевая под ней исполнение желаний "Прогрессивного блока" о создании "министерства доверия". Не только левое крыло блока рассуждало таким образом, но и его правая часть. В.В. Шульгин

¹⁸ ГАРФ. – Ф.102. – Оп.265. – Д.1059/1/. – Л.946.

¹⁹ РГИА. – Ф.1148. – Оп.10. 1916 г. – Д.2. – Л.18об.

замечал по этому поводу: "Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться... Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят... Но "побежденных" судят, и судят не только строго, а в высшей степени несправедливо..."²⁰.

Но даже эти заявления остались лишь бледной тенью думских дебатов. Газета "Утро России" писала о борьбе на два фронта: "Эта мысль, являвшаяся сегодня лейт-мотивом в речах думских оппозиционных ораторов, была подчеркнута в верхней палате только в декларации проф. Д.Д. Гримма"²¹. Косвенным подтверждением предсказуемости выступлений "прогрессивных групп" служит и то, что правые ни коим образом не отреагировали на их заявления. Повод для ответа мог быть найден, так как содержание речи И.Г. Щегловитова заставило членов Государственного совета в перерыве заседания 1 ноября 1916 года собраться на фракционные совещания и зафиксировать крайне неудачную постановку польского вопроса, сделанную новым лидером крайне правых. Правые члены Государственного совета поручили И.Г. Щегловитову выступить с разъяснениями. Хотя заявления Д.Д. Гримма и барона В.В. Меллера-Закомельского были сделаны после перерыва, что не могло способствовать подготовке новой речи Щегловитова, еще 31 октября 1916 года правая группа поручила ему в случае нападок на правительство заявить о своей солидарности с кабинетом²². То, что Щегловитов не осознал всей важности момента и ограничился деловым ответом на выпад Шебеко по польскому вопросу, показывает отсутствие четкой тактики правой группы. "Биржевые ведомости" отмечали, что Государственный совет, по сути своей, не рассмотрел ничего, кроме польского вопроса, и не коснулся других общеполитических вопросов в тот момент, когда они вызывают наибольший интерес: "Государственный Совет придал дню новой сессии почти аполитический характер. В этом чрезвычайно резкое отличие первого дня верхней палаты от первого дня нижней".²³

Таким образом, вплоть до Февральской революции «Польский вопрос» в Государственном совете обсуждался только во время открытий заседания парламента и при обсуждении формулы перехода к очередным делам, что еще раз показывает его второстепенный характер в политической борьбе в Российской империи в годы Первой мировой войны. Для большинства членов «Прогрессивного блока», в том числе и в Государственном совете, этот вопрос был сугубо тактическим и рассматривался как способ давления на правительство для получения других, более существенных политических уступок.

²⁰ Шульгин В.В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989. – С.125.

²¹ Утро России. –1916. –2 ноября.

²² Русское слово. –1916. – 1 ноября.

²³ Биржевые ведомости. –1916. – 1 ноября.

Список литературы:

1. Биржевые ведомости. –1916. –1 ноября.
2. ГА РФ. –Ф.102. –Оп.265. –Д.1046/1/.
3. ГА РФ. –Ф.102. –Оп.265. –Д.1059/1/.
4. Красный архив. –1932. –Т.54-55/5-6/. –204 с.
5. Лемке М. 250 дней в царской ставке /25 сентября 1915 - 2 июля 1916/. –Пг.: Гос.изд., 1920. – 859 с.
6. Мичурин А. Н. Некоторые аспекты кризиса политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета. – 2013. – №3 (179). – С. 107-117.
7. Правительственный вестник. –1916. –№92. –27 апреля.
8. Правительственный вестник. –1916. –№115. –29 мая.
10. Речь. –1916. –1 ноября.
11. РГИА. –Ф.1148. –Оп.10. 1916 г. –Д.2.
12. РГИА. –Ф.1148. –Оп.10. 1916 г. –Д.4.
13. Русско-польские отношения в период мировой войны. –М.; Л.: Московский рабочий, 1926. –164 с.
14. Шульгин В.В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989. –557 с.
15. Утро России. –1916. –28 октября.
16. Утро России. –1916. –2 ноября.

Наймарк Елена Александровна

диссертант

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СИМВОЛИКА ФЕЙЕРВЕРКА ПРИДВОРНОГО ВЕЛЬМОЖИ 1747 ГОДА ПО СЛУЧАЮ ОФИЦИАЛЬНЫХ ТОРЖЕСТВ

Аннотация: Статья посвящена фейерверку А.Г. Разумовского в 1747 году. Рассмотрены уникальные символы показа. Показана историография вопроса. Фейерверк помогал государственному деятелю поддержать реформы Елизаветы Петровны в культуре. В описании к фейерверку описывается политика императрицы. Исследованы традиции, которые соблюдались в официальных торжествах придворных.

Ключевые слова: фейерверк, символ, А.Г. Разумовский, Елизавета Петровна, Гостилицы.

THE SYMBOLISM OF THE FIREWORKS OF THE COURT NOBLEMAN OF 1747 YEAR ON THE OCCASION OF OFFICIAL CELEBRATIONS

Summary: The article is devoted to the fireworks of A.G. Razumovsky in 1747. Unique display symbols are considered. The historiography of the issue is shown. Fireworks helped the statesman to support the reforms of Elizaveta Petrovna in culture. The description of the fireworks describes the policy of the empress. The traditions that were observed in the official celebrations of the courtiers were studied.

Keywords: fireworks, symbol, A.G. Razumovsky, Elizaveta Petrovna, Gostilitsy.

Идея статьи состоит в том, что знатные вельможи, служащие при дворе Елизаветы Петровны и сделавшие карьеру, прославляли идеи богатства, благоденствия, мира, которые выражались в символике эмблематических фейерверков 1740–1750-х годов. Эти символы стали важными составляющими частями культурного пространства и играли большую роль в формировании исторической памяти и времени царствования дочери Петра Великого, которую в Европе называли Елизаветой Первой. Особым церемониальным приемом являлся показ картин, символизирующих роскошь, веселье, радость — дань культуре барокко. В фейерверках М.И. Воронцова, А.Г. Разумовского, И.И. Шувалова, П.И. Шувалова самыми яркими являлись девизы, сентенции, прославляющие стабильность. Элизавет Замысел статьи произошел от взглядов на просвещение Петра Великого своего Отечества и развитие его политического и культурного наследия в XVIII веке, а также борьбы за наследия петровских реформ. Н.М. Карамзин сравнивал Петра I с Ликургом, высекшим из скалы Россию. Н.М. Павленко утверждал, что наследники Петра Великого «вознеслись на небеса», хотя известно, что культура весьма

позитивно развивалась. Сопратники Елизаветы Петровны придавали своей деятельности по укреплению модернизированной Петром Великим России большое значение, поэтому в одном из фейерверков восхвалялась надпись «Не оскудеваем в советах». В настоящей статье речь пойдет об одном из фейерверков придворного вельможи 1747 года в селе Гостилицы (недалеко от Санкт-Петербурга, Россия).

В 1742 А.Г. Разумовский вступил в тайный брак с Елизаветой. В 1744 после заключения мира со Швецией он был возведен в рейхс-графы имп. Карлом VII, а через 2 мес. — в графы Российской Империи. Влияние Разумовского было огромным, хотя он не вмешивался в государственные дела, кроме ходатайств за духовенство православное и своих земляков украинцев. Он содействовал восстановлению гетманства в Малороссии (было восстановлено в 1750 в лице К. Г. Разумовского). Умирая, Елизавета взяла с Петра III слово не обижать Разумовского, и лишь в ответ на повторную просьбу последнего об отставке император согласился уволить фельдмаршала. Екатерина II весьма благоволила к нему.

Нами не было обнаружено прямых подробнейших сведений по атрибуции инвенции видимо, к одному из самых ярких фейерверков А.Г. Разумовского — показа 17 сентября 1747 года. При этом его упоминал Д.Д. Зелов. Наиболее развернутое из описаний обнаружено в фонде М.В. Ломоносова в Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Этот факт и идеи фейерверка, манера, особенности стиля елизаветинского барокко позволяют делать заключение о том, что академик являлся автором фейерверка. После иконографического и многопланового анализа становится ясно, что в «театруме» фейерверка 17 сентября 1747 года в честь тезоименитства Елизаветы Петровны могли показываться более сложные символы, пиротехнические эффекты и декорации, чем причудливо украшенные урны и ракеты, выпускаемые ввысь в небо. Они не подтверждены воспоминаниями и сколь-нибудь подробными разъяснениями. Это, очевидно, один из самых ранних фейерверков царствования Елизаветы Петровны, на котором показывается архитектура. На главном, втором плане было сооружено «Здание Чести, верхняя часть которого сложена из толикого числа камней». Поскольку первый план в архивном источнике не описан, то можно предположить, что на нем могло изображаться то, что носит формальный церемониальный характер. Однако на общем плане бывают важные для общественности символические изображения. Поэтому логичнее всего заключить, что в данном фейерверке на первом плане показывалась природа с возможными символами изобилия (рога с фруктами), роскоши, (перила, золоченные рамы), покоя (ритуальными урнами) столь популярными в городском культурном пространстве 1740–1750-х годов. Содержание второго главного плана носит не столь гипотетический характер. На здании — девиз «владение Его императорского величества ДО НЕБЕС ВОЗВЫШАЕМОЕ, ЖЕЛАНИЕ ... ТЕЗОИМЕНИТСТВУ ЕЛИЗАВЕТЫ». Сооружение могло состоять из колонн, а могло быть оформлено как каменный

грот — усложненная эмблема и символ культуры, нежели декоративные картины в «Символах и эмблемате» М. Амбродика. За зданием, очевидно, располагался транспарант, (эти сооружения достигали нескольких метров) с девизами. Поскольку нет точного описания, то вероятно эти года высвечивались по очереди и рисовались достаточно ярко, чтобы зрителям было видно. Использовались широкие возможности иллюминирования, а не только пиротехнические шнуры. То есть данные, определяющие для историков политической истории России и историков культуры надписи, показывались на транспарантах с помощью разных эффектов. Настоящий театр носил формальный характер, но для новой знати он являлся очень важным, так как давал возможность показать приверженность идеям стабильности Елизаветы Петровны.

На третьем плане в кратких сентенциях, разделенных годами, провозглашался мир. Для А.Г. Разумовского к 1747 году, утвердившемуся в приверженности только оборонительной внешней политике, и не разделявшему курс на коалицию с Австрией А.П. Бестужева-Рюмина и военную экспедицию против Пруссии, являлось важным в данном фейерверке подчеркнуть свою миротворческую миссию. Имена годов — особенный ход, чтобы показать власть императорского двора (Елизаветы Петровны и исследуемой в данной статье придворной знати). Первые четыре года прославляют династические заслуги Елизаветы Петровны и ее двора: победы, мир, дипломатические союзы. Для А.Г. и К.Г. Разумовских миротворческая и организационная внутривполитическая деятельность стала очень близкой: А.Г. Разумовский проводил дипломатическую деятельность при дворе в Петербурге и Малороссии, оба брата являлись приверженцами высокородных брачных союзов (известен придворный миф о тайном браке А.Г. Разумовского и Елизаветы Петровны, особенно удачным стала женитьба К.Г. Разумовского на Е.И. Нарышкиной). Своеобразна и лаконична риторика нарратива (полного историзма), положенного в основу фейерверка:

«Пять годов... могут быть названы следующими именами:

- 1)первой (1742) корону приносящий;
- 2) второй (1743) победоносный;
- 3)третий (1744) мир, возвращающий;
- 4)четвертый (1745) браком наследника империи сочетающийся;
- 5)пятый (1746) полезными союзами славный;
- 6)шестой (1747) науки и художества распространяющий».

Этот фейерверк недостаточно оценен в исторической науке, культурологии, искусствоведении. Необходимо больше свидетельств для анализа его фактического проведения. Однако, если показывались те декоративные конструкции, которые описывались в данных краеведов: вазы, арки, вероятно возведение здания, то это торжественное оформление площади для фейерверка напоминает праздничное убранство двора вельможи, который стремится к социальному продвижению по «чиновничьей» лестнице. Двор —

необходимый атрибут западноевропейской аристократии. В XVIII веке он оставался значимым признаком богатства, успешности придворных Елизаветы Петровны. Во дворах особняков показывались самые дорогостоящие фейерверки, особенности которых рассматриваются в данной статье.

То, что объединяет придворных Елизаветы Петровны с «птенцами гнезда Петрова» — это то, что они служили интересам императорского двора и лично императрице, показывая, как эффективнее прославлять государство. Первые идеи социального равенства, благополучия купечества, крестьянства открыто обсуждались при дворе Екатерины Великой, когда фейерверки имели только декоративное значение, а их функции культурного, общественно-политического просвещения перешли к популярному светскому придворному искусству, публицистике, журналистике и другим «средствам обогащения массового сознания».

Список литературы:

1. Зелов, Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII-первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы) / Д.Д. Зелов. - М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. Мурашова, Н.В., Мыслина, Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. - СПб.: БЛИЦ, 1999.
3. Описание фейерверка ... А.Г. Разумовского 17 сентября 1747 года. СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 7. Д. 26. Л. 3.
4. Павленко, Н. И. Социально- политические взгляды Петра I/ Россия в период реформ Петра I. - Л., 1973.
5. Элиас, Н. Придворное общество. - М.: 2002.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор
Смоленский государственный университет

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ (КЛИМЕНТ СМОЛЯТИЧ)

Аннотация: Древнерусская литература включает в свой жанровый состав послания, которые, с одной стороны, связаны с богатейшей античной, ближневосточной и византийской традициями, а с другой - обладают национальным своеобразием. В статье рассматривается вклад Климента Смолятича в формирование древнерусской учительной литературы и развитие образования народа.

Ключевые слова: Древняя Русь, просвещение, Церковь Климент Смолятич, культура

SPIRITUAL CULTURE OF KIEVAN RUS (CLEMENT SMOLYATICH)

Summary: Old Russian literature includes messages in its genre composition, which, on the one hand, are associated with the richest ancient, Middle Eastern and Byzantine traditions, and on the other hand, have a national originality. The article examines the contribution of Kliment Smolyatich to the formation of ancient Russian instructive literature and the development of the education of the people.

Keywords: Ancient Russia, enlightenment, Church Kliment Smolyatich, culture

К этапу источных начал развития русской философской мысли мы относим культурно-историческое и религиозно-философское наследие Православного Востока. Однако, русскую культуру всегда отличало не только ее самобытность, но и способность усвоить, творчески переработать, внести свой смысл в ценности, воспринятые у других народов. Древнерусская мудрость не исключение.

Идея Г.П. Федотова, о том, что Русь похожа на: «немую девочку, которая там много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками», его намек на примитивность мысли Древней Руси требует осмысления и доказательного опровержения.

Г.П. Федотов с горечью восклицал: «и мы бы могли читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться вместе с греческой христианской мыслью к самым истокам эллинского духа и получить как дар традицию древности...а в золотом Киеве...ничего кроме подвигов печерских иноков» [5, с. 82].

Сегодня согласиться с такой оценкой, игнорирующей все философское, литературное наследие Древней Руси, невозможно, особенно в свете результатов многолетних исследований истории духовного просвещения Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова. Чтобы преодолеть это заблуждение, трезво и справедливо оценить историю духовного образования Руси, мы обратимся к особенностям духовной просвещения Смоленского края.

История религиозного образования в Смоленске своими истоками уходит в глубь XII века. Известно, что Смоленские князья Владимир Мономах, Ростислав Мстиславович, Роман Ростиславович, святой Авраамий Смоленский были великими просветителями Смоленской земли, носителями русской духовной идеи. Однако, личности князей и святого Авраамия Смоленского уже достаточно изучены историками и исследователями современности. Поэтому, в нашей статье мы обратимся к малоизученной, но весьма колоритной личности, нашего земляка Климента Смолятича, которому, в деле духовного просвещения и учительства древней Руси отводится огромная роль. Независимо от места рождения Климента его связь со Смоленском, который он, рано покинул ради схимничества в Зарубе, не вызывает сомнений.

Уроженец Смоленской земли Климент Смолятич, был ставленником великого князя Изъяслава Мстиславовича, по инициативе которого в 1147 году, он без участия Константинополя, одним собором русских епископов, что являлось беспрецедентным случаем, был возведен в Киевские митрополиты. XII век, время обострившихся княжеских междоусобец, поэтому, будучи креатурой Изъяслава, Климент Смолятич разделил с князем его политическую судьбу. После смерти Изъяслава, княжеский престол занимает его брат Ростислав Мстиславович Смоленский, считающий поставление Климента в митрополиты, неканоничным. С этого момента русские летописи перестают упоминать о Клименте Смолятиче, поэтому дальнейшая его судьба не известна.

Личность Климента Смолятича, и необычность его жизненного пути вызывает интерес не только у современных исследователей, но и у современников самого митрополита. По отзыву летописи, Климент был «таков книжник и философ, какого в русской земле не обреталось», цитирует Ипатьевскую летопись 1147 года профессор В.Н. Топоров [2, с. 61].

Действительно, Клименту Смолятичу принадлежит дошедший до нас литературный труд «Послание, написано Климентом, митрополитом руским, Фоме прозвитеру, истолковано Афонасием мнихом», в котором он обнаруживает свой обширный культурный горизонт, и специфику своих экзегетических установок, в отношении библейских текстов.

«Послание к Смоленскому пресвитеру Фоме», было независимо друг от друга найдено и одновременно в 1892 году издано Н. Никольским и Х. Лопаревым. Оно дошло до нас не в первоначальном виде, а, как видно из заглавия, с наслоением толкований некоего монаха Афанасия, о котором ничего не известно. Однако источниковедческий и текстологический анализ позволяет

предположить, что этот последователь К.Смолятича был, скорее всего, его младшим современником. Во всяком случае, он жил не позже 13 века.

«Послание», несомненно, связано с церковно-политической борьбой и представляет из себя некую дискуссию о культурно-исторической и религиозной роли РПЦ. Цель его написания Климентом связана с необходимостью снять с себя выдвигаемые обвинения в славолубии и доказать свое право на руководство Русской Церковью. Отстаивая в «Послании» свое право на толкование Священного Писания, Климент, тем самым, отстаивает право Русской Церкви на самостоятельность, не только на проведение независимой от Византии политики, но и вообще право на собственную мысль.

Причем, в своих воззрениях Климент Смолятич, не одиночка, он был представителем так называемой русской партии, отражал взгляды прогрессивных кругов среди духовенства.

Ипатьевская летопись отмечает тот факт, что, полемизируя Климент Смолятич, каким-то образом, задел образованного смоленского священника Фома, близкого к князю. Фома не утерпел и написал Клименту объяснительное письмо, ответом на это которое и считается «Послание к Фоме». Главный вопрос, поставленный Климентом в «Послании» богословский: о допустимости расширенного толкования Писания, глубже уровня буквальности. Фома его упрекает в приверженности к аллегорическому методу толкования Писания, и видит в этом ненужное философское тщеславие. Сам Фома, согласно мнению историков, приверженец буквального, простого понимания и изложения богословских истин [1, с. 259]. В ходе научной полемики, пресвитер Фома ссылается на авторитет известного Клименту образованного смоленского инок Григория, разделяющего его воззрения. Климент отвечает, что он признает авторитет Григория, но и за его спиной стоит целое школьное греческое направление и целая группа киевских книжников, знающих греческий язык. «Поминаю же», пишет Фоме, «паки реченнаго тобою учителя Григория... Григорий знал алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю К и Д словес грамоту, а слышиши ты ю у мене мужи имже есмь самовидец, иже может един реци алфу, не реку на сто или двести или триста или четыреста, а виту такоже» [5, с. 21].

Для анализа уровня просвещения в Древней Руси, этот небольшой отрывок очень интересен, так как он подчеркивает широкую образованность людей того времени. Познание в греческом языке были ключом к богословской мудрости. Знание альфы и виты на 100 и 200 может означать или знание греческого лексикона, или знание каких- ни будь алфавитных сборников изречений, богословских и философских афоризмов, исполнявших у тогдашних книжников роль наших энциклопедий. Этот диалог подтверждает, что просвещение в Смоленске было развито настолько, что там могли быть выучены наиболее образованные люди, своего времени, такие как Климент Смолятич, его оппонент Фома, и другие представители смоленского духовенства, которые были также высокообразованными, начитанными, великолепно знающими не только христианскую литературу, но и

произведения древнегреческих поэтов и философов. Дошедший до нас фрагмент переписки между Климентом и пресвитером Фомой дает нам представление о существовании на Руси открытой литературно-богословской полемики, в которой участвовали целые общественные круги во главе с князьями. Недаром Климент Смолятич читал полученное им от Фомы послание «пред многими послухи и пред князем Изяславом [5, с. 20]. Возможно, и Фома таким же образом был ознакомлен с посланием Смолятича к его князю Ростиславу Мстиславовичу.

Далее, пресвитер Фома упрекает Климента Смолятича, что он пользуется классической греческой литературой: «философию излагаешь». Смолятич отвечает: «... излагал я Гомера, и Аристотеля, и Платона, которые были прославлены в греческих странах» [3, с. 23]. Бесспорно, Климент для своего времени блестяще знал древнегреческую литературу и изучал ее в подлинниках, однако это не значит, что он не изучал и христианскую литературу, на что намекает священник Фома.

Историк-краевед Д.П. Маковский подчеркивает, что детство Климент, провел в Смоленске, где изучал и христианскую и древнегреческую литературу.

Полемический спор показывает, что знающие греческий язык и греческую школьную науку лица, в Смоленске, в то время были, с. были, очевидно, и греки - учителя. Ясно, что и священник Фома, и образованный Григорий, и сам Смолятич люди не молодые, а по всем данным пожилые, значит, своё образование они получили на рубеже веков. Это дает возможность предположить, что обучались они в необычной школе, т.е. предположительно в Смоленске существовала на рубеже XI-XII в. не только элементарная школа грамоты, но и высшая школа языков, классической литературы. Историки предполагают, что эта «высшая» школа с учителями греками и латинистами, в которой, может быть, учился и преподобный Авраамий Смоленский, была основана при церкви Иоанна Богослова, построенной князем Романом Ростиславовичем, об этом пишет и В. Н. Топоров [4, с. 62].

Однако, не стоит поддаваться искушению видеть в древнем Смоленске «верхнеднепровские» Афины, но сама картина смоленских мальчиков, изучающих греческий, или молодого Климента «потонку пытающего» библейские тексты в свете Платона и Аристотеля, внушает чувство гордости и стоит многого.

По сведению, той же Ипатьевской летописи на рубеже XI-XII веков, в Смоленске уже имелись библиотеки, где хранились наряду с христианской и древнегреческая литература, в которых молодой Климент занимался не только перепиской книг, но и литературной деятельностью.

Если принять это во внимание, и поставить рядом с «Посланием» К. Смолятича такие выдающиеся литературные произведения как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Слово о полку Игореве», подобных которым не было во всей московской литературе, то нужно признать, что в

домонгольский период у нас была не одна грамотность, а и настоящая образованность.

Таким образом, мысль Г.П. Федотова, о слабости научной мысли на Руси, мы не можем принять за истину. Русь, не была чужда Логосу, не была «немой девочкой», образ которой поэтично выводит философ. Пусть в грязном бедном Париже XII века гремели битвы схоластиков, рождался университет, - Святая Русь выбрала для себя путь высокой культуры и духовного служения, что является, несомненно, драгоценной частью.

Список литературы:

1. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Соч. в 2 т. – М., 1992. - Т. 1.
2. Налётова, Н.Ю. Духовная культура России: учебное пособие / Н.Ю. Налётова. – Смоленск: Смоленский филиал МИИТ, 2011.
3. Налётова, Н.Ю. Становление и развитие духовного образования на территории Смоленской епархии в XVIII-XIX веках: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Смолен. гос. ун-т. - Смоленск, 2006.
4. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Соч. в 2 т. – М., 1998. - Т. 2.
5. Федотов, Г.П. Трагедия русской интеллигенции// Лицо России. – Т. 1. – Париж, 1988.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор
Смоленский государственный университет

ПОДВИГ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ (СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ)

Аннотация: Русская Церковь занимала в Российском государстве важное место. Православие являлось духовной опорой России и одним из важнейших факторов, определяющих мировоззрение и образ жизни русского народа. Статья посвящена ее активной патриотической духовной деятельности в переломные эпохи российской истории на материалах Смоленской епархии.

Ключевые слова: церковь, Отечественная война, Смоленская епархия, деятельность.

FEAT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE YEARS OF NAPOLEONIC SECONDARY (DIOCESE OF SMOLENSK)

Summary: The Russian Church occupied an important place in the Russian state. Orthodoxy was the spiritual support of Russia and one of the most important factors determining the worldview and lifestyle of the Russian people. The article is devoted to her active patriotic spiritual activity in the turning points of Russian history on the materials of the Smolensk diocese.

Keywords: church, Patriotic War, Diocese of Smolensk, activity.

Обращение к проблематике отечественной войны 1812 года в эпоху постиндустриальной цивилизации, для которой высокодуховные понятия, такие как «героизм», «честь», «достоинство», «благородство», являются чуждыми крайне необходимо. Стимулом, повлиявшим на направление нашей статьи, является уже несколько десятилетий не гаснущий интерес общественности к Русской Православной Церкви [РПЦ] ее активной патриотической духовной деятельности в переломные эпохи российской истории [2].

Когда в июне 1812 года наполеоновские войска вступили в пределы России, религиозная идея наряду с призывом к защите Отечества стала главной в обращении императора Александра I к народу. В Манифесте от 6-го июля 1812 г. он призывал русский народ защитить православную веру, а обращаясь к Святейшему Синоду и всему духовенству, говорил о том, что в каждом православном верующем встретит Палицина, в каждом дворянине - Пожарского, в каждом гражданине – Минина [1, с. 28].

Вместе с Манифестом императора вышло Воззвание Святейшего Синода, которое прочитывалось во всех приходских храмах. В Воззвании Святейшего Синода указывалось на «неправедные...намерения врага», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим, и на

благолепие храмов Божиих..., простирает хищную руку». Русская Церковь призывала прихожан принять оружие за Веру и Отечество [1, с. 29].

Не осталась в стороне и сама Церковь. Из множества исторических свидетельств видно, что православное монашество и белое духовенство, прилагали деятельные усилия для сохранения храмов, монастырей и чтимых святынь. По призыву Русской Православной Церкви всюду собирались пожертвования на снаряжение войска и народного ополчения. Синод отдал на военные нужды все деньги, которые в течение многих лет собирал для обеспечения духовных школ и духовенства. Большую долю материальных средств внесли и православные обители.

Когда в тылу наполеоновских войск разгорелась партизанская война, традиционно Православная Церковь благословила всенародный подвиг защиты Отечества. Нередко представители рядового духовенства, церковные старосты и причетники становились во главе партизанских отрядов. В армии религиозно-патриотическое воспитание солдат велось силами военного духовенства. В религиозных беседах и проповедях полковые священники на доступном солдатам языке, объясняли обязанности воина на поле брани, важность и значение присяги, знамен, оружия и др. [2].

Православная Церковь была помощницей защитникам Родины, о чем сохранилось множество документальных свидетельств и устных преданий. Считаем возможным, вспомнить эти свидетельства, обратившись к подвигу Православной Смоленщины.

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в истории Смоленской епархии. Вражеское нашествие французов произвело в Смоленской земле страшные разрушения. Поведение завоевателей было не просто недостойным просвещенного народа, а напоминало поведение дикарей, проявляющих в подобной ситуации только жадность к грабежу и насилию.

Авраамиевский монастырь, основанный в Смоленске в начале XIII века, во время наступления неприятеля на Смоленскую крепость подвергся ожесточенному обстрелу из орудий. «Бомбы и пушечные ядра, во все продолжение атаки, постоянно летали в монастырь, потрясали его стены и убивали мирных иноков. Известны имена иеромонаха Филарета и иеродиакона Стефана. После освобождения города самоотверженно трудившихся над восстановлением обители.

Село Ново-Спасское, Ельнинский уезд. Каменный храм в честь Преображения Господня, построенный в 1786 году при нашествии неприятеля, был поручен «охранению и заботливости» местного священника. Престарелый отец Иоанн Стабровский «принял близко к сердцу святость своего долга; и, наблюдая за целостию храма, успел вразумить крестьян, обольщенных врагами порядка, и воодушевить в них мужество для борьбы с мародерами». По преданию, 30 августа 1812 года, французский отряд из семидесяти человек окружил церковь, в которой шла Божественная литургия. Мародеры «ломались в двери храма, но железные затворы и решетки не поддались их усилиям».

«Народ, пораженный ужасом, готов был бежать из церкви; но в эту минуту священник вышел из алтаря, остановил бегущих: «Стойте – и молитесь!», – сказал он им, – «Оружие наше – крест и молитва; силою этого священного меча обратятся в прах нечестивцы, дерзающие возстать на храм Господень». При этих словах французы отступили от церкви и стали грабить усадебный дом и жилища священно-церковнослужителей. Удовлетворенные найденным имуществом враги покинули село, а отец Иоанн перенес утварь и иконы в безопасное место в лес [3].

Болдин монастырь Дорогобужского уезда, основанный в 1528 году преподобным Герасимом Болдинским, в 1812 году подвергся сильному разорению от французов. Из сохранившихся свидетельств видно, что один из иноков монастыря монах Алексей, «оказал ревность, достойную истинного сына Русской земли». По вступлении неприятельской армии в монастырь один французский офицер увидев в соборной церкви монаха, сказал ему, требуя от него повторения: «Виват Наполеону!». Монах Алексей смелым голосом отвечал: «Виват Александру!». За такой ответ монах немедленно получил от офицера удар по щеке саблею. Потом офицер опять вскричал: «Виват Наполеону!». Монах вторично отвечал: «Виват Александру!». Тогда офицер опять схватился за саблю, но не ударил, а только плюнул в лицо монаху» [4, с. 214]. Соборный Троицкий храм села Болдино был ограблен и обращен в тюрьму для пленных русских, иконы употреблялись французами для устройства шалашей.

Село Крутая Гора, Юхновского уезда. Священник отец Григорий Лелюхин увидел, «...что пятьдесят человек мародеров разбивают двери его церкви и грабят ее. Он бросился по приходским деревням, собрал крестьян и убедил тотчас же устроить погоню. Вооружившись топорами, вилами, копьями, крестьяне во главе с отцом Григорием настигли французов на опушке леса, перебили их, а награбленное не только в их церкви, а и во многих других отобрали» [4, с. 236].

Предтечев монастырь. Город Вязьма. Монастырь, основанный в 1542 году, потерпел от французов такое же страшное опустошение, как и при нашествии поляков. Большой и престарелый архимандрит Аполлоний был убит французами. Серебряные оклады с икон, церковная утварь, вся ризница, царские грамоты и библиотека были разграблены. «При этом разорении погибло множество чрезвычайно ценных в научном отношении рукописей, царских грамот и разных других документов». Все монастырские храмы и здания сожжены, «остались одни только обгорелые стены». По преданию, «...вся братия покинула монастырь. В нем остался лишь старик иеромонах Иоасаф и при нем послушник Иона. Они не пожелали бросить на произвол судьбы свою обитель и решились разделить ее участь. Однако при бомбардировке Вязьмы иеромонах был убит, и послушник отправился к самому Наполеону требовать людей для рытья могилы и погребения старца. Для этого были отряжены несколько гренадеров. ...Скромный надгробный камень над

могилой Иоасафа, свидетель того духовного богатства, обладателем которого был монастырь в тяжкую годину разорения» [5, с. 271].

Таким образом, РПЦ была в тяготах со своим народом, в чем заключается ее главная историческая роль, роль нужная, востребованная и сегодня на нелегком поприще возрождения России.

Список литературы:

1. Грачев, В.Н. Смоленск и его губерния в 1812 году. — Смоленск, издание Смоленской Ученой Архивной Комиссии, 1912.
2. Довгий, Т.П. Налётова, Н.Ю. Религиозно-философский, культурно-исторический и педагогический аспекты формирования духовно-нравственных ценностей учащейся молодежи: монография. – Смоленск: Свиток, 2010.
3. Самецкий, С. Вера и церковь в 1812 году // Смоленские Епархиальные Ведомости. — 1912. — № 6. — С. 1189—1194.
4. Смоленская старина. Вып. II [1812-1912]. — Смоленск: Типография П.А. Силина. — 1912.
5. Шейн, И.А. Отечественная война 1812 года: историографическое исследование. — М., 2002.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор
Смоленский государственный университет

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Аннотация: При всем разнообразии подходов к проблеме социокультурных трансформаций современных обществ, продолжает оставаться как никогда актуальным вопрос о том, как приспособиться и выжить человеку в условиях чрезвычайно динамично меняющегося мира в целом и российского социума. Попытки дать ответ на подобные вопросы можно встретить в ряде фундаментальных социальных и философских изысканий, отталкивающихся от базовых идей системного анализа.

Ключевые слова: социум, системный анализ, трансформации, источники.

SYSTEM APPROACH IN STUDYING THE DEVELOPMENT OF DYNAMIC SOCIAL SYSTEMS

Summary: With all the variety of approaches to the problem of socio-cultural transformations of modern societies, the question of how to adapt and survive to a person in an extremely dynamically changing world as a whole and Russian society continues to remain more relevant than ever. Attempts to answer such questions can be found in a number of fundamental social and philosophical studies, based on the basic ideas of systemic analysis.

Keywords: society, system analysis, transformations, sources.

Сегодня изучением различных аспектов проблем цивилизации, культуры, их духовных и ценностных оснований занимаются многие исследователи. Серьезный интерес вызывает анализ содержания самих этих понятий, а также диалектика возникновения и развития цивилизации, культуры, ментальности.

Какие особенности менталитета и закономерности существования самого общества могут помочь человеку в этом? Каковы перспективы современного бытия? Так, например, тема цивилизации, ее соотношения с культурой и прогнозов на длительную перспективу активно разрабатывалась как отечественными, так и зарубежными учеными: А.С. Ахиезером, Л.Н. Гумилевым, А.А. Гусейновым, Б.С. Ерасовым, Н.С. Злобиным, А.С. Панариным, Э. Тоффлером, С. Хантингтоном и др [6].

Формирование цивилизационных теорий проходило в двух направлениях: в традициях культурно-материалистической школы (К. Маркс. Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.), которая определяющим началом цивилизации считала материальное производство и экономику; и в традициях культурно-

исторической школы (П. Сорокин, А. Тойнби, Н. Данилевский, О. Шпенглер, Н. Бердяев и др.), развивающей мысли о многообразии мира в его социальных и культурных проявлениях [5].

Определенные минусы культурно-материалистической школы в чрезмерном акценте на унифицированные закономерности развития и в недоучете специфики различных обществ. Недостатки же культурно-исторической школы состоят в ее акцентуации на «замкнутости» разных социокультурных типов.

В качестве теоретической научной базы данного исследования авторы представляют основные идеи системного подхода и принципов существования теории динамических систем, отраженных в работах Л. Ф. Берталанфи, А.А. Богданова, Н. Винера, Н.Л. Захарова, Э. Ласло, Ф. Хайека, И.Р. Пригожина и других исследователей.

Использование подобного пласта научных работ позволяет уйти от недочетов двух, приведенных выше методологических парадигм, значительно расширяя возможности гуманитарного знания в области изучения сути и механизмов жизнедеятельности, сложных социокультурных систем в условиях переходных состояний.

Несмотря на определенные результаты, достигнутые в исследовании ситуаций социокультурного перехода, сама фаза перехода между стадиями существования системы остается малоизученной. Одно и то же явление, в связи с этим имеет разные названия, что свидетельствует о несформированности данной дефиниции. Встречаются определения «разлом цивилизации», «ориентационный кризис цивилизации», «транзитивное состояние», «исторические сдвиги», «очередной социокультурный этап эволюции системы» и т.д. Чаще остальных используется понятие «цивилизационный разлом». Оно вошло в научный оборот после публикации работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», обозначая прерывание стабильного и устоявшегося в социокультурном бытии. Вслед за С. Хантингтоном ряд ученых работали над названным понятием [6].

Таким образом, некорректно говорить, что сегодня ученых мало беспокоят изменения в ментальности людей переходной эпохи, но следует отметить, что рассмотрение этих проблем часто проходит в локальной форме, без привлечения масштабного междисциплинарного исследовательского материала. Так, например, проблемы изменения сознания, вариации ментальности человека в обществе в переходный период, вопросы взаимосвязи цивилизационного и этнического самосознания – тема научных изысканий таких ученых как: Т.А. Алексеева, И.Г. Дилигенский, В.В. Комаровский, Э. Нойман, П.А. Сорокин, В.Ю. Хотинец, Н.А. Хренов и др.

Большинство названных авторов отмечают, что в начале социокультурных трансформаций в обществе наблюдается мифогенность, архаизация и амбивалентность сознания. Когда старые институты разрушены, ценностные опоры подорваны, а новое еще не укоренилось, все особенности

общественного бытия воспринимаются как временные, обостряется недоверие массового сознания ко всему позитивистско-эциентистскому и актуализируются религиозно-мифотворческие пласты ментальности человека.

К этой же группе теоретических источников можно отнести и работы тех авторов, которые занимались исследованием соотношения ментальности и национального характера. В. Вундт, Г. Лебон, В. Райх, Н.А. Бердяев, О.Г. Лосский, В.С. Барулин, С.В. Гринева и другие авторы, раскрывают сущность понятий «менталитет», «национальный характер», каждое из которых имеет большую познавательную ценность и необходимо для понимания социокультурной специфики бытия российской провинции. Кроме того, важным представляется блок научной литературы по проблеме евразийства. Идею дуальности российской цивилизации разрабатывали многие авторы, наиболее интересными для нас оказались труды С.Н. Трубецкого, Н.Я. Данилевского, Г.В. Вернадского. Неоднократно обращался к феномену органичности и особенности российской цивилизации (социокультурной системы) Н.А. Бердяев.

Также значимой для исследования социальных систем является еще одна группа исследований – это социально-психологические научные разработки по проблемам социокультурных идентичностей, идентификационных механизмов, социальной адаптации и маргинальности. Основы современного понимания этих проблем были заложены П. Бергером, П. Бурдьё, А. Гидденсом, Т. Лукманом, Р. Мертоном, Дж. Мидом, Г. Теджфелем и др.

Фундаментальные социологические концепции, изучающие социокультурные процессы второй половины - конца XX столетия также входят в зону научно-библиографического интереса представленного исследования.

Анализ социокультурных проблем индустриального и постиндустриального обществ, базовых ценностных ориентаций современного человека и глобальных проблем современности, отраженный в работах Д. Белла, Т. Парсонса, Р. Миллса, Л. Козера, Р. Дарендорфа и других авторов, можно назвать теоретико-методологической основой большинства современных исследований, посвященных проблемам общества и человека.

Существенное значение имели работы общетеоретического и общеметодологического характера, посвященные осмыслению проблем социальных трансформаций в постсоветском обществе в целом. В числе фундаментальных трудов, в которых всесторонне рассматриваются названные процессы можно назвать работы Е.А. Аврамовой, З.Т. Голенковой, Г.Г. Дилигенского, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, В.И. Ильина, Г.В. Осипова, В.В. Радаева, М.Н. Руткевича, Н.Е. Тихоновой, Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратана, Н.Л. Лапина и др. К этой же группе исследований можно отнести и не менее значимый для данной монографии пласт работ, посвященных изучению социальной структуры и стратификации российского общества.

Таким образом, на основе эвристического потенциала современной социологии и базовых идей теории систем о бифуркационном сдвиге, вниманию читателей представлено исследование сущностных черт социокультурных трансформаций современной России. Выявлена системность и основной алгоритм наиболее важных изменений. В работе в целом показаны принципы эволюции динамических систем, как базис социокультурных изменений общества.

Сегодня в области гуманитарных знаний существует несколько методологических парадигм анализа кризисного состояния общества. Наиболее известными из них являются социальный /классический/ подход (основы его были заложены еще классиками социологии конца XIX века Э. Дюркгеймом и М. Вебером), детерминистский подход и системный подход.

Первая исследовательская парадигма (классическая социальная), рассматривает общество как целостность, его структуру и функции, абстрагируясь от субъективизма в общественном поведении людей. То есть классический подход описывает явления, но не объясняет их сути.

Детерминистский подход к анализу проблем, существующих в обществе, более знаком отечественным гуманитарным дисциплинам. Длительное время вся общенаучная парадигма в нашей стране строилась на экономическом детерминизме К. Маркса. В то же время западные общественные науки во многом отталкивались от психологического детерминизма, исходящего из представлений о борьбе сознательного и подсознания, «суперэго» и «ид» как столкновения общественного и животного начал в человеке.

Такая точка зрения позволила не только вскрыть причины и механизмы функционирования социальных фактов, но и позволила выйти на определенные механизмы управления человеком и социумом. Работы З. Фрейда, Г. Лебона, Г. Тарда, К. Юнга и их последователей дали практические результаты не только в психологии, антропологии, социологии, но и в рекламе, менеджменте, политике. Со временем явные успехи психологического детерминизма на фоне неудач экономического сделали данный подход почти недостижимым для критики. Основные его понятия вошли даже в бытовой язык и «объясняют» практически любой социальный феномен.

Например, причины социальных катаклизмов в России объясняется особенностями «ментальности» русского этноса (импульсивностью, непредсказуемостью). Но ментальность – социокультурный феномен и, если он трактуется как «непредсказуемый», то фактически признается, что психологическая парадигма тоже описывает феномены, обозначает механизмы их реализации, но не до конца объясняет смысл их существования. То есть отвечает не только на вопрос «что это?» (как классический подход), но и на вопрос «как это работает?». Однако, на вопрос «зачем это существует и работает в социуме?» четкого ответа не дается. И, наконец, системный подход, рассматривает общество как целостность, определяет структуру социума и характер взаимосвязей между ее элементами. Подобный подход, построенный

на основных идеях кибернетики Н. Винера и теории систем Л. фон Берталанфи, сегодня весьма активно используется при изучении организационных общностей.

В рамках этого подхода изучаемая система /в данном случае социальная/ и среда ее существования рассматриваются как целостность. Система взаимодействует и обменивается веществом и энергией, /т.е. ресурсами/, со средой, изменяя среду и саму себя. В связи с этим система, может быть охарактеризована только через свои связи в широком смысле слова, т. е. через взаимодействие составляющих элементов. Причем акцент делается на способности любой системы к целеполаганию. [2]

Подобный подход - весьма интересная альтернатива фундаментальному детерминизму, который довольно долго преобладал в отечественной философии (в форме марксизма) и в гуманитарных науках в мире, как свойственный позитивной науке в целом. Наиболее ёмко основной принцип фундаментального детерминизма определили Ф. Энгельс – «бытие определяет сознание».

Но при рассмотрении объектов, представляющих собой сложные системы, исследователи сталкиваются с ограниченностью познавательных возможностей детерминистского подхода. Поскольку в сложных системах привычные и понятные причинно-следственные связи теряют свою актуальность.

Берталанфи так объяснял данную ситуацию: «классическая наука занималась главным образом проблемами с двумя переменными (т.е. линейными причинными рядами с одной причиной и одним следствием) ... Однако множество проблем, встающих в биологии, в философских, бихейвиоральных и социальных науках, являются проблемами со многими переменными и требуют для своего решения новых понятийных средств». [1]

То есть при исследовании, например, сложных социальных систем ни «производственные отношения», ни «коллективное бессознательное» не могут стать полноценной исходной позицией. Здесь активируются другие закономерности.

Анализируя данную проблему, известный американский профессор кибернетики и психиатрии Росс Эшби отмечал, что при исследовании сложных систем кибернетические принципы приобретают неоспоримое достоинство, в то время как при исследовании простых систем принципы кибернетики не имеют особых преимуществ.

Логика рассуждений в рамках системного подхода строится следующим образом: самоорганизующаяся система (к которым относится и социум) адаптируется к среде, но не ко всему ее многообразию, а преимущественно к ресурсному потенциалу. Таким образом, адаптация системы, в широком понимании - это адаптация к условиям потребления ресурсов.

В таком случае, не сама среда как таковая, а именно способ потребления ресурсов оказывает влияние на систему. Легко доступные ресурсы

провоцируют экстенсивный рост системы. Ограниченные ресурсы заставляют систему работать в интенсивном режиме, как бы бросают ей «вызов» /по Тойнби/ и ждут «ответа». Адекватный /правильно угаданный/ «ответ» изменяет саму систему, делая ее более адаптивной к новым условиям ресурсопотребления. То есть система стремится перестроить сама себя. Но для перестройки требуется энергия, причем гораздо большая, чем обычно, поскольку любое изменение наталкивается на внутреннее сопротивление элементов, входящих в систему.

В процессе своего существования любая система накапливает определенный энергетический потенциал, способный стать необходимым ресурсом для перестройки. Ресурсный «вызов» среды можно назвать аналогом «встряски», «стресса» для системы, фактором разрушения. При распаде практически любой системы /физической, химической, биологической, социальной/ высвобождается накопленная ею энергия. И если в этот момент система сохраняет способность к самоорганизации и, в рамках алгоритма самосохранения, целенаправленно использует энергию, выплеснувшуюся в результате «стресса», можно сказать, что система справилась и дала адекватный «ответ».

Если же этого не происходит и энергия высвобождается неуправляемо, то система коллапсирует или разваливается. В результате такого распада функция самоорганизации системы переходит к ее отдельным элементам и подсистемам, которые начинают функционировать самостоятельно, воспринимая себя целостными единицами. Общая система как единое целое перестает существовать. [2]

Наглядную иллюстрацию данного механизма можно было наблюдать при распаде социальной системы СССР. Но подробнее к этому вопросу мы вернемся несколько позже.

В рамках системного подхода активные исследования вели Т. Парсонс и Р. Мертон. Основой концепции Т. Парсонса был вопрос соотношения структуры и функции системы. Т. Парсонс предполагал наличие в каждой системе следующих функций:

- 1) адаптация как возможность приспособления к среде;
- 2) целеустремленность как способность системы достигать целей продиктованных функцией адаптации;
- 3) интеграция (чтобы быть эффективной система должна быть единой и сбалансированной);
- 4) интернализация (поддержание существующего порядка). [3]

Сумма данных функций эффективна для всех систем, любой этиологии. В обществе эти функции осуществляются социальными институтами: первая - экономикой, вторая - политикой, третья - правом, четвертая - семьей, образованием, религией.

Таким образом, мы видим, что системный подход позволяет исследовать социальную и экзистенциальную стороны жизни общества в их целостности, не

замыкаясь на каком-либо «главном» факторе. Системный подход является базовым, так как на его основе формируется основополагающая методологическая идея о матричной целостности, системном характере и целеориентированной алгоритмичности социокультурных образований (обществ).

Список литературы:

1. Берталанфи, Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. - М.: Прогресс, 1973.
2. Берталанфи, фон Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. - М.: Прогресс, 1969.
3. Парсонс, Т. Система современных обществ — М.: Аспект Пресс, 1997.
4. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории - М.: Прогресс, 2003.
5. Тойнби, А. Постигание истории. Избранное - М.: Айрис-Пресс, 2002.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. // Полис. –2004. №1.
7. Фролова, Ю. С., Налетова, Н. Ю. Специфика ценностных оснований современного российского общества // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 3 – 4. – С. 56–62.

Нефедьева Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ СИМВОЛОВ ГЛАВНЫХ ФУНКЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: Санкт-Петербург – уникальный город. Один из немногих в мире, основанный по воле одного человека – царя Петра I. И создавался он для решения вполне конкретных задач, которые ставил царь перед новой Россией. Петербург становился крепостью на возвращенных прибалтийских землях, военно-морской базой страны, морским торговым портом, а вскоре стал и столицей. Через сто лет после основания города в условиях мощного патриотического подъема, вызванного победой над Наполеоном, основные функции города получили свое символическое архитектурное воплощение. В результате был сформирован тот классический «строгий стройный вид» Санкт-Петербурга, который и сегодня известен во всем мире.

Ключевые слова: архитектура, ансамбль, классицизм, памятник, дворец, биржа.

FORMATION OF ARCHITECTURAL SYMBOLS OF THE MAIN FUNCTIONS OF ST. PETERSBURG IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Summary: St. Petersburg is a unique city. One of the few in the world, founded by the will of one person - Tsar Peter I. And it was created to solve quite specific tasks that the tsar set for the new Russia. St. Petersburg became a fortress on the returned Baltic lands, the country's naval base, a commercial seaport, and soon became the capital of the country. A hundred years after the founding of the city in the conditions of a powerful patriotic upsurge caused by the victory over Napoleon, the main functions of the city received their symbolic architectural embodiment. As a result, the classic "strict slender look" of St. Petersburg, which is still known all over the world, was formed.

Keywords: architecture, ensemble, classicism, monument, palace, stock exchange.

С первых лет своего существования Санкт-Петербург, по воле его основателя царя Петра I, выполнял сразу несколько важных функций. Город строился как опорная база, военно-морская крепость России на Балтийском море; как крупнейший морской порт страны и соответствующий торговый центр и как новая столица Российской империи. К середине XIX века окончательно сформировались и соответствующие, привычные нам сегодня, архитектурные символы главных функций города: ансамбли Адмиралтейства, Биржевой и Дворцовой площадей.

Строительство их началось еще в XVIII веке. Адмиралтейская верфь, морской порт с необходимыми постройками, царский Зимний дворец на южном берегу Невы – все эти сооружения можно видеть на ранних изображениях города. С 1760-х гг. по инициативе Екатерины II в Петербурге реализовывалась обширная градостроительная программа, целью которой было «привести город Санкт-Петербург в такой порядок и состояние и придать оному такое великолепие, какое столичному городу пространственного государства прилично».

Однако, во втором десятилетии XIX в. начался новый этап в градостроительной истории Петербурга, связанный с колоссальным патриотическим подъемом, который был вызван победой русской армии над наполеоновскими войсками. Реализация новых градостроительных задач была ускорена с учреждением в 1816 г. «Комитета для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге». В «Комитет красоты», как называли его современники, вошли ведущие архитекторы и инженеры того времени: А. Бетанкур, К. Росси, В. Стасов, П. Базен и другие. Комитет руководил градостроением столицы в течение четверти века, имея задачей «правильность, красоту и приличие каждого здания в применении к целому городу».¹ Господствующий архитектурный стиль, который использовали члены «Комитета», – высокий классицизм или, применительно к Петербургу того периода, – александровский ампир. Архитектура высокого классицизма была призвана отобразить растущую мощь Российского государства, тот патриотический подъем, который охватил страну в результате победы над Наполеоном. Зодчие Петербурга ясно осознавали те задачи, которые ставила перед ними новая историческая ситуация. К.И. Росси об одном из своих проектов этого периода писал: «Размеры предлагаемого мною проекта превосходят те, которые римляне считали достаточными для своих памятников. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии? Цель не в обилии украшений, а в величии форм, в благородстве пропорций, в нерушимости. Этот памятник должен стать вечным».² Именно в стиле ампир и были перестроены и получили свое окончательное воплощение те сооружения, которые стали привычными архитектурными символами основных функций Санкт-Петербурга.

Адмиралтейская верфь – первая судостроительная верфь России на Балтике. Она практически современница города, ее строительство началось осенью 1704 г. Причем первоначально Адмиралтейство призвано было выполнять одновременно две функции: еще один узел обороны города (наряду со строящейся Петропавловской крепостью) и корабельная верфь, на которой создавался русский военный флот. Первый проект Адмиралтейства создавался при участии Петра I. Петровское Адмиралтейство представляло собой деревянную крепость, окруженную искусственно созданным земляным валом с бастионами и вырытым перед ней рвом. В 1730-е годы деревянные строения были перестроены в камне

¹ Жерихина Е.И., Шепелёв Л.Е. Столичный Петербург. Город и власть. – М.: Центрполиграф, 2009. – С. 468.

² Игнатова Е. Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времени его основания до 40-х годов XX века: В 2 кн. – СПб.: Амфора, 2003. – С.211.

архитектором И. Коробовым. Однако, в начале XIX в. стала очевидной необходимость трансформировать комплекс Адмиралтейства в соответствии с изменившейся окружающей обстановкой, прежде всего с великолепным Зимним дворцом. Кроме того, учрежденное на смену Адмиралтейской коллегии в 1805 г. Министерство морских сил и управления флота требовало более просторного и помпезного помещения. Зданию Адмиралтейства нужно было придать парадный и величественный вид. Перестройка была поручена главному архитектору Адмиралтейства А.Д. Захарову. Зодчий предложил проект строения Главного Адмиралтейства, фасад которого масштабом и декором соответствовал центральному положению в столице. Начались работы в 1806 г., а закончились в 1823 г., уже после смерти архитектора.

А.Д. Захаров сохранил первоначальную П-образную форму здания, а также коробовский шпиль с корабликом. При этом архитектор внес существенные изменения в композицию строения, учитывая новые градостроительные задачи. Новое Адмиралтейство было призвано стать символом русской морской славы, отражать идею величия и мощи России. Эта патриотическая тема воплощена во всем его новом облике. Захаров придавал большое значение архитектурно-декоративному убранству здания Адмиралтейства. Им были тщательно продуманы количество, состав, тематика и местоположение скульптурных произведений. Мастеров для их выполнения также выбирал главный архитектор Адмиралтейства. Основные скульптурные работы выполняли русские мастера И.И. Тербенев, Ф.Ф. Шедрин, Я.О. Железнов. Центральная башня, 72-метровый золоченый шпиль с корабликом и триумфальная арка богато декорированы рельефами и отдельно стоящими скульптурными фигурами. Арка украшена горельефом с изображением аллегорической картины «Заведение флота в России». В центре горельефа фигура Нептуна, который передает свой трезубец – символ власти над морем – Петру Великому. Таким образом воплощена идея обретения Россией статуса морской державы. Над горельефом установлены изваяния древних героев и полководцев. Колоннада, окружающая башню, украшена статуями, которые олицетворяют четыре стихии (огонь, воздух, воду и землю), четыре времени года и четыре главных направления ветра.

В ходе строительства по распоряжению Александра I корпуса Адмиралтейства не были доведены до Невы, чтобы оставить возможность наблюдать за процессом создания кораблей. В качестве верфи Адмиралтейство использовалось до середины 40-х годов XIX в. Однако, к этому времени русскому флоту требовались более современные суда с большим водоизмещением, что делало невозможным и далее строить корабли здесь. Адмиралтейская верфь прекратила свою деятельность. В 1874 г. решено было устроить сквозной проезд вдоль Невы мимо Адмиралтейства. Таким образом появилась Адмиралтейская набережная.

Адмиралтейство, построенное А.Д. Захаровым, – это целый архитектурный ансамбль, что вполне в духе высокого классицизма. Его архитектурно-декоративное убранство отражает ведущую тему идейного содержания здания –

прославление Санкт-Петербурга как военно-морской столицы Российской империи. Оно связало между собой пространства трех центральных площадей Петербурга: Петровской (Сенатской), Адмиралтейской и Дворцовой. Адмиралтейская золотая игла с корабликом на ней видна с далекого расстояния, играет большую роль в общем силуэте города. Сюда радиально сходятся три центральные магистрали города – проспекты Невский и Вознесенский, и улица Гороховая. Комплекс Адмиралтейства, таким образом, является историческим и архитектурным центром Санкт-Петербурга.

Главный архитектор Адмиралтейства А.Д. Захаров участвовал в создании и другого грандиозного градостроительного ансамбля, который стал символом Петербурга. Работая над генеральным планом застройки Васильевского острова, зодчий наметил большую площадь и место для здания Биржи. Таким образом было положено начало оформлению архитектурного ансамбля Биржевой площади. Биржа на Васильевском острове «для сходу купечества» появилась еще в 1720-е годы, так как с начала истории города здесь находился морской порт. Этот порт являлся центром внешней торговли Петербурга. По правилам европейской торговли биржа должна была стать местом переговоров купцов и заключения торговых сделок. Размещалась биржа в здании Гостиного двора. Современник писал: «При сем Гостином дворе имеется корабельный порт, портовая и внутренняя таможня и биржа, почему и называется портовой гостиный двор».³

Новые градостроительные задачи, которые стояли перед зодчими в начале XIX в., в связи с необходимостью запечатлеть в архитектуре мощный патриотический подъем, требовали нового оформления морского порта. Над проектом Биржи работал архитектор Ж. Тома-де-Томон. В создании ансамбля также принимал участие А. Воронихин. Строительство нового помещения Биржи началось в 1805 г., открытие состоялось в 1816 г. Это здание – ярко выраженный архитектурный памятник русского высокого классицизма, построено в виде древнегреческого храма. Фронтоны его украшены скульптурными композициями «Нептун с двумя реками» и «Навигация, Меркурий и две река». Таким образом воплощена идея развития морского и торгового порта Петербурга под покровительством двух античных богов – Нептуна и Меркурия.

Здание является центром всего ансамбля, созданного на Стрелке. Ж. Тома-де-Томон в своем проекте предусмотрел одновременно со строительством здания Биржи возведение Ростральных колонн. Колонны были не только украшением ансамбля. В медные чаши на колоннах заливалось конопляное масло, которое зажигалось с наступлением сумерек, и колонны становились гигантскими маяками для подходящих к петербургскому порту кораблей. В основном создание ансамбля Стрелки Васильевского острова было завершено в 1832 году. Под руководством архитектора И.Ф. Лукини к этому времени с двух сторон от здания Биржи были возведены пакгаузы – склады для товаров, прибывавших в петербургский порт.

После открытия Биржа была передана столичному купечеству. Здесь осуществлялись все оптовые сделки с русскими и иностранными купцами. Кроме

³ Лисаевич И. На крыльях Меркурия. – СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2004. – С. 15.

того, новое помещение Биржи использовалось и для прославления российской промышленности. В 1829 г. здесь состоялась первая Всероссийская промышленная выставка: «Всенародная выставка российских изделий». В ходе работы выставки заключались различные контракты.

С введением в строй нового здания Биржи был учрежден Биржевой комитет, члены которого избирались на общем собрании купцов. Биржевой комитет являлся органом купеческого самоуправления. Он должен был следить за порядком в здании, составлять правила торговли. Входили в комитет купцы первой и второй гильдий. В разное время членами комитета были представители знаменитых купеческих фамилий: А.К. Жуков, Н.И. Кусов, А.Г. Золотарёв, А.Я. Прохоров. С 1869 г., представитель второго поколения купеческой династии Елисеевых, Г.П. Елисеев, состоял биржевым старшиной и в течение десяти лет – председателем Санкт-Петербургского Биржевого комитета.⁴

Стрелка Васильевского острова сохраняла статус морского порта Петербурга до конца XIX в. Строительство Морского канала позволило перевести торговый порт к морю. Крупные торговые суда, пароходы теперь причаливали и отходили от побережья Финского залива.

Стиль александровского ампира реализовал К.И. Росси при реконструкции главной площади столицы Российской империи – Дворцовой. Ее преобразование архитектор осуществлял в 1819 – 1825 гг. Напротив Зимнего дворца было построено единым фасадом длиной 500 м здание Главного штаба, соединенного Триумфальной аркой с корпусами Министерств финансов и иностранных дел. Триумфальная арка посвящена победе русского воинства над Наполеоном. Арка увенчана колесницей Победы, парящими Славами. Нижняя часть арки обрамлена фигурами воинов, изображением военных трофеев. Весь ее декор прославляет военную мощь империи.

Сегодня трудно представить Дворцовую площадь, как и Петербург в целом, без Александровской колонны. Именно установка колонны в 1832 – 1834 гг. завершила создание ансамбля Дворцовой площади. Проект памятника разработал в 1829 г. архитектор Огюст Монферран. Так же, как и арка Главного штаба, колонна посвящена победе России над наполеоновской Францией. По мысли императора Николая I памятник деяниям его старшего брата Александра I должен быть установлен на площади перед Зимним дворцом. Идея возведения именно триумфальной колонны принадлежала самому О. Монферрану. Архитектор давал такое обоснование своему выбору: «Памятники – это всегда открытая страница, где народ может черпать во все времена знания о прошедших событиях, проникаться справедливой гордостью при виде замечательных примеров, которые ему завещаны славными предками... Граждане будут больше любить города, обогащенные памятниками, которые им будут напоминать о славе Отчизны».⁵

⁴ Краско А.В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. – М.: Издательство Центрполиграф, 2010. – С. 45.

⁵ Чеканова О.А. Огюст Монферран. Санкт-Петербург: Стройиздат СПб, 1994. – С. 83.

Для изготовления колонны ее создатель выбрал скалу красного гранита в окрестностях Петербурга, недалеко от Выборга на берегу Финского залива. О том, сколь тяжело было отбить колонну из скалы, очень живо описал в своей книге П.Н. Столпянский – один из основателей науки о Петербурге. «Колонна Александра I представляет один из величайших монолитов и была отбита от гранитной горы...помощью самых первобытных средств: помощью простого железного лома и металлической кувалды. Целые два года – 1830 и 1831 – день и ночь раздавался на горе неумолчный стук кувалд о ломы...Вдоль горы стояло от 300 до 400 рабочих: часть из них держала в руках длинные, окованные сталью ломы, направляя их вертикально к горе. По каждому такому лому попеременно ударяли два человека кувалдами. Мучительная работа!».⁶ Там же на берегу залива гранитная глыба была вчерне обработана и доставлена в город на огромной барже, которую тащили три буксира.

Установка колонны происходила 30 августа 1832 г., в день памяти небесного покровителя Санкт-Петербурга святого благоверного князя Александра Невского. По воспоминаниям современников это событие приобрело общегосударственное значение. Монферран подробно описал операцию подъема колонны: «Улицы, ведущие к Дворцовой площади... были сплошь запружены публикой, привлечённой новизной столь необычайного зрелища... Не осталось свободного ни одного окна, ни одного выступа, так велик был интерес к памятнику. Полукруглое здание Главного штаба, уподобившееся в этот день амфитеатру Древнего Рима, вместило более десяти тысяч человек. В специальном павильоне расположился Николай I со своей семьей».⁷ При возведении колонны присутствовал также весь дипломатический корпус, министры, петербургская аристократия. Поднятие самой грандиозной в мире монолитной колонны продолжалось 100 минут. При этом были задействованы простейшие механизмы с ручным приводом – кабестаны. Конструкции подобных механизмов ранее были разработаны руководителем «Комитета красоты» А. Бетанкуром. В общей сложности около трех тысяч человек было занято в установке Александровской колонны.

Еще два года потребовалось на доработку монумента: полировку самой колонны, оформление пьедестала, установку ангела на ее вершине. Пьедестал украсили барельефами, которые Монферран прорисовывал сам. На барельефах изображены щит князя Олега и шлем Александра Невского, аллегорические фигуры Победы и Мира, заносящие на скрижали даты исторических побед русского оружия. Здесь также расположены символические изображения рек Немана и Вислы, с которыми связаны события Отечественной войны 1812 года. Таким образом была воплощена главная идея памятника – прославление императора Александра I, как победителя Наполеона, и прославление русской военной мощи в целом.

⁶ Столпянский П.Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб: Научно-издательский центр «НеГА», 1995. – С. 204.

⁷ Чеканова О.А. Огюст Монферран. – С.86.

Торжественное открытие монумента состоялось в августе 1834 г. Оно вылилось в грандиозный общегородской праздник, и Александровская колонна была его главной действующей фигурой. А вечером в театрах города давали бесплатные спектакли для участников парада, сопровождавшего открытие памятника. Александровская колонна, которая стала архитектурной доминантой ансамбля Дворцовой площади – уникальный памятник. Это единственный и самый высокий в мире (47,5 м) гранитный монолит, который никак не укреплен и даже не врыт в землю, держится только под тяжестью собственного веса (более 600 тонн).

Исполнение той патриотической программы, которая была поставлена перед зодчими Петербурга в первой трети XIX в., превратило градостроительное ядро столицы империи в уникальную, целостную систему архитектурных ансамблей, не имеющую себе равных в истории мирового градостроительного искусства. Именно в рамках этой программы были созданы классические архитектурные символы главных функций Санкт-Петербурга: город, как военно-морская база, торговый и промышленный центр страны и столица Российской империи.

Список литературы:

1. Жерихина, Е.И., Шепелёв, Л.Е. Столичный Петербург. Город и власть. – М.: Центрполиграф, 2009.
2. Игнатова, Е. Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времени его основания до 40-х годов XX века: В 2 кн. – СПб.: Амфора, 2003.
3. Краско, А.В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. – М.: Издательство Центрполиграф, 2010.
4. Лисаевич, И. На крыльях Меркурия. – СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2004.
5. Столпянский, П.Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. – СПб: Научно-издательский центр «НеГА», 1995.
6. Чеканова, О.А. Огюст Монферран. – Санкт-Петербург: Стройиздат СПб, 1994.

Никитин Евгений Валентинович

аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Среднерусский институт управления (филиал)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТАНКОВЫХ ВОЙСК В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Цель статьи – определить роль танковых войск в стратегических операциях Великой Отечественной войны. В качестве основных источников были использованы материалы Военно-исторического журнала Министерства обороны СССР, а также архивные данные. В ходе исследования применялся теоретический анализ и метод историзма. Автор приходит к выводу, что количественный рост бронетанковой техники и ее качественное совершенствование, а также формирование танковых соединений и объединений обеспечивали возможность создания мощных ударных группировок подвижных войск как в обороне, так и в наступлении. Массированное применение танковых соединений повышало эффективность их боевых действий и темп продвижения войск, способствовало увеличению глубины операции.

Ключевые слова: танковые войска, танковая армия, стратегическая операция, Катукон, Рыбалко, Ротмистров.

ON THE ROLE OF TANK TROOPS IN STRATEGIC OPERATIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The purpose of the article is to determine the role of tank troops in the strategic operations of the Great Patriotic War. The materials of the Military Historical Journal of the USSR Ministry of Defense, as well as archival data, were used as the main sources. In the course of the study, theoretical analysis and the method of historicism were used. The author comes to the conclusion that the quantitative growth of armored vehicles and their qualitative improvement, as well as the formation of tank formations and formations, provided the opportunity to create powerful strike groups of mobile troops both in defense and in the offensive. The massive use of tank formations increased the effectiveness of their combat operations and the rate of advance of troops, and contributed to an increase in the depth of the operation.

Keywords: tank troops, tank army, strategic operation, Katukov, Rybalko, Rotmistrov.

Военная история показывает, что высокая подвижность войск и их маневренные действия являются решающими условиями достижения успеха в сражениях и войнах.

Как отмечал главный маршал бронетанковых войск Ротмистров П.А., в XX веке во многом этому способствовали танковые войска [8, с. 3-17]. По его мнению, лучшими условиями для проведения маневра танковыми войсками являлись такие, когда отсутствовал сплошной фронт. Но подобные условия после образования сплошного фронта были редки, и их приходилось создавать путем быстрого прорыва обороны [8, с. 3-17].

В Красной Армии основным средством, обеспечивающим прорыв главной полосы обороны противника, являлась артиллерия. Однако она не всегда была в состоянии обеспечить быстрое продвижение наступающих войск и создать необходимые условия для его развития. Артиллерия в период артподготовки могла надежно подавить цели не во всей главной полосе, а лишь на глубину 4-5 км. Это расстояние пехота и танки, как правило, преодолевали довольно быстро. Но далее, когда в связи с необходимостью менять позиции напряженность артиллерийского огня заметно снижалась, темп прорыва замедлялся. Поэтому начиная с 1942 года для завершения прорыва главной полосы обороны и увеличения темпов наступления наряду с танками непосредственной поддержки пехоты (которые обычно командующие фронтами на 90 % использовали на направлении главного удара) стали широко применяться танковые и механизированные корпуса. И если в наступательных операциях 1941-1942 годов при плотности танков НПП от 3 до 12 единиц на один километр фронта главная полоса обороны противника нередко прорывалась в течение 2-3 дней, то в операциях 1944-1945 годов, когда на участках прорыва плотность танков доводилась до 25-30 единиц на один километр фронта, прорыв главной полосы нередко осуществлялся в течение нескольких часов [8, с. 3-17].

Так, например, О.А. Лосик указывал на важную роль бронетанковых и механизированных войск в достижении победы под Сталинградом. В наступательных операциях этой битвы участвовали 15 танковых и мехкорпусов, десятки танковых бригад и полков, а общее количество танков к началу контрнаступления достигало более 1400 бронеединиц. И хотя в использовании танков имели место существенные недочеты (слабая разведка, недостаточная эффективность артиллерийского и авиационного обеспечения, одновременный ввод в бой танковых соединений), активные действия советских войск значительно ослабили натиск врага на соединения, оборонявшие Сталинград [6, с. 42-48].

В результате массированного применения танков значительно увеличилась глубина и темпы наступления советских войск, а их операции стали носить решительный, маневренный характер [6, с. 42-48].

Это подтверждал и Ротмистров П.А., который отмечал, что в первый день контрнаступления войск Юго-Западного фронта под Сталинградом стрелковые дивизии 5-й танковой и 21-й армий после трехчасового боя вклинились в оборону противника всего на 1,5-3 км (по другим данным, на 4-5 км [6, с. 42-48]). Вследствие замедления темпа их продвижения стало очевидным, что

стрелковые дивизии без помощи танковых корпусов прорвать оборону противника не смогут [8, с. 3-17]. В результате было принято решение ввести в бой в районе Серафимович-Клетская 1-й, 26-й и 4-й танковые корпуса, которые сломили сопротивление противника в главной оборонительной полосе и к исходу дня продвинулись на глубину до 35 км. Как следствие, успешные действия танковых корпусов в первые дни операции обеспечили войскам ударной группировки Юго-Западного фронта возможность расширения прорыва и стремительное продвижение к реке Дон навстречу войскам Сталинградского фронта, а также развитие тактического успеха в оперативный [6, с. 42-48; 8, с. 3-17].

На втором этапе контрнаступления масштабы применения бронетанковых и механизированных войск значительно возросли. Для их боевых действий в этой операции характерны высокая мобильность и большая глубина решаемых задач. Не редко наступление танковых и мехкорпусов принимало характер глубоких рейдов по тылам врага.

Своеобразным было применение танковых войск в Котельниковской наступательной операции Сталинградского фронта, которой предшествовали оборонительные сражения 51-й и 2-й гвардейской армии [ЦАМО. Ф. 303. Оп.4005. Д. 60; Ф. 64. Оп. 505, Д. 28]. 7-й, 13-й танковые и 3-й гвардейский мехкорпуса наносили мощные контрудары по прорвавшемуся противнику, совместно с пехотой и артиллерией вели упорные оборонительные бои. Характерной чертой в боевом применении танковых и мехкорпусов в этой операции являлись их действия в ночных условиях [6, с. 42-48].

Поскольку в январе 1943 года все танковые и механизированные корпуса действовали на внешнем фронте, в операции по ликвидации окруженной вражеской группировки участвовало только пять танковых бригад и тринадцать танковых полков. Здесь впервые были применены тяжелые танковые полки прорыва [6, с. 42-48].

Отметим, что в применении танков при прорыве обороны большую роль сыграл приказ НКО № 325 от 16 октября 1942 года, согласно которому бригады и полки в наступлении должны были использоваться централизованно на главных направлениях как танки НПП, а танковые и механизированные корпуса – для развития успеха, массированно, на направлении главного удара. [2, с. 62-67; 4, с. 12-19; 6, с. 42-48].

Порядок взаимодействия танковых армий с общевойсковыми определялся командующим фронтом одновременно с постановкой войскам боевых задач по карте и на местности. В последующем, в ходе организации боевых действий, он уточнялся и детально отработывался. После ознакомления командующих армиями с общим замыслом операции командующий фронтом обычно указывал командующему танковой армией участок и рубеж ввода в сражение, задачи танковой армии и общевойсковой армии, в полосе которой предусматривался ввод подвижной группы, и соседних общевойсковых объединений, сроки их выполнения. Кроме того, он сообщал командующему

танковой армией, какие силы и средства привлекаются к обеспечению ввода ее в сражение, а также время готовности к наступлению. Командующему общевойсковой армией, в полосе которой намечался ввод подвижной группы, командующий фронтом определял рубеж, которым объединение должно овладеть, чтобы обеспечить ввод подвижной группы, меры по обеспечению ее флангов, порядок артиллерийского и инженерного обеспечения ввода, очередность и сроки освобождения маршрутов выдвижения войск танковой армии к рубежу ввода. Помимо этого, он доводил до его сведения, какие авиационные соединения, поддерживающие общевойсковую армию, переподчиняются подвижной группе или переходят к поддержке ее действий. Более детально порядок взаимодействия определялся в ходе совместных рекогносцировок, в которых участвовали командующие и офицеры штабов танковой и общевойсковой армий, командиры танковых и мехкорпусов и бригад, стрелковых дивизий [1, с. 26-32].

Опыт применения танковых войск в Сталинградской битве показал, что в составе бронетанковых и механизированных войск необходимо иметь бронетанковые части и соединения, предназначенные для прорыва обороны противника совместно с пехотой и артиллерией, а также крупные танковые соединения и объединения для развития успеха в армейских и фронтовых наступательных операциях. В ходе наступательных операций зимой 1943 года выявилось и то, что организация танковых и механизированных корпусов требует дальнейшего совершенствования. В целях повышения боевой самостоятельности этих соединений, особенно при действиях в оперативной глубине, в их штаты дополнительно включили артиллерийские, минометные, зенитно-артиллерийские, саперные части и другие средства усиления и обеспечения. В результате увеличивается количество формируемых отдельных танковых бригад, полков, отдельных тяжелых танковых полков прорыва, самоходно-артиллерийских полков и совершенствуется их организационная структура.

В Орловской наступательной операции в середине первого дня в полосе 11-й гвардейской армии Западного фронта на болховском направлении был введен в бой 5-й танковый корпус. К этому времени стрелковые дивизии смогли прорвать только несколько траншей и вели напряженный бой в главной оборонительной полосе противника. Ввод в бой танкового корпуса резко повысил темп наступления пехоты, и к исходу дня 11-я гвардейская армия прорвала главную и вторую полосы обороны на фронте в 14 км и продвинулась на глубину 10-12 км. [8, с. 3-17]

Аналогичную картину мы наблюдаем также в Белгородско-Харьковской, Бобруйской, Висло-Одерской наступательных операциях, когда благодаря вводу танковых корпусов уже в первый день наступления достигался прорыв главной, а иногда и второй полос обороны с продвижением наших войск на глубину 15-20 километров [8, с. 3-17].

В наступательных операциях 1944-1945 гг. плотность танков НПП значительно увеличилась и достигла уже 25-30 единиц на 1 км участка прорыва. Это дало возможность командирам стрелковых соединений часть танков НПП придавать стрелковым полкам, а иногда и батальонам, особенно при прорыве сильно укрепленной обороны. Примером такого использования танков является наступательная операция 5-й ударной армии в Висло-Одерской операции, где в дивизиях первого эшелона 26-го гвардейского стрелкового корпуса были созданы четыре танкосамходные группы, предназначенные для поддержки действий стрелковых полков. В 5-й гвардейской армии в этой же операции каждый атакующий батальон усиливался группами в 3-5 танков и 2-4 САУ, которые до завершения прорыва тактической зоны обороны подчинялись командирам батальонов [7, с. 124-126].

Корсунь-Шевченковская операция еще раз подтвердила ведущую роль танковых войск в операциях на окружение. 5-я гвардейская и 6-я танковые армии первыми замкнули кольцо окружения, а затем, после подхода общевойсковых армий, быстро вышли на внешний фронт окружения. Усиленные в дальнейшем стрелковыми, артиллерийскими и инженерными войсками, они образовали мощный заслон, о который разбились все попытки врага пробиться извне к своим окруженным войскам [7, с. 124-126].

Львовско-Сандомирская операция с точки зрения военного искусства является одной из интересных операций Великой Отечественной войны. Она характерна тем, что впервые в ходе войны организовывалась и проводилась силами лишь одного фронта на самостоятельном стратегическом направлении. Эта операция отличалась большим размахом, переносом усилий с одного операционного направления на другое, разнообразными формами боевых действий, искусным маневром танковых войск и общевойсковых соединений на окружение вражеских группировок и быстрым их уничтожением, умелым использованием всех родов войск и авиации.

Так, Конев И.С. указывал, что в разгроме львовской группировки важную роль сыграл глубокий прорыв Львова 3-й ГвТА. Кроме того, выход 1-й и 3 ГвТА на реку Сан в обход Перемышля не позволил противнику закрепиться на данном рубеже [5, с. 3-21].

В ходе развития наступления в оперативной глубине подвижным группам часто приходилось преодолевать промежуточные оборонительные рубежи и форсировать водные преграды. Промежуточные оборонительные рубежи они обычно прорывали с ходу, самостоятельно. В том случае, когда это им не удавалось, прорыв осуществлялся после подготовки в короткие сроки в тесном взаимодействии с подошедшими соединениями общевойсковых армий. Так, например, был осуществлен прорыв обороны противника на заранее подготовленном рубеже предместных укреплений Штеттина 2-й гвардейской танковой армией и соединениями 47-й армии в ходе Восточно-Померанской операции. Готовился прорыв двое суток. При этом в ходе личных встреч командующих армиями генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова и

генерал-лейтенанта Ф. И. Перхоровича, совместных рекогносцировок офицерским составом подвижной группы и общевойсковой армии непосредственно на местности определялись полосы наступления, уточнялись задачи танковых и стрелковых подразделений, частей и соединений, устанавливались последовательность их выполнения, исходные рубежи, направления и объекты атаки пехоты и танков, порядок огневого поражения противника, сигналы взаимодействия. Подробные планы взаимодействия не отработывались. Вопросы согласования усилий отражались лишь в решениях, боевых приказах и распоряжениях командующих взаимодействующими армиями. Но так как в этих документах невозможно было детально изложить порядок совместных действий, большая ответственность ложилась на командиров корпусов, бригад, дивизий и полков, непосредственно организовывавших взаимодействие на местности [1, с. 26-32].

С выходом к водным преградам подвижные группы фронтов, как правило, не дожидаясь пехоты, форсировали их с ходу, захватывали, расширяли и удерживали плацдармы, обеспечивая переправу общевойсковых армий. Так, в ходе Висло-Одерской операции 4-я танковая армия (командующий генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко) 25 января 1945 года передовыми отрядами с ходу форсировала Одер и к утру следующего дня захватила в районе Кебана и Штейнау плацдармы. 26 января к исходу дня к ним подошли передовые части 13-й армии и приступили к переправе войск через реку на захваченные плацдармы. Совместными усилиями корпусов танковой и общевойсковой армий 31 января к концу дня оба плацдарма были объединены в единый оперативный плацдарм протяженностью 30 км по фронту и 15 км в глубину [1, с. 26-32].

Отметим, что на различных этапах наступательных операций роль родов войск изменялась. Так, при прорыве позиционной обороны основная роль принадлежала пехоте с танками НПП и артиллерии, обеспечивавших своими действиями наиболее благоприятные условия для использования крупных танковых соединений. При завершении прорыва тактической зоны обороны и особенно при развитии успеха в оперативной глубине решающую роль, бесспорно, играли крупные соединения и объединения бронетанковых войск с авиацией. Именно бронетанковые войска в силу их высокой подвижности, большой огневой и ударной силы были способны наиболее быстро и полно использовать успех пехоты и артиллерии, достигнутый при прорыве, нанести глубокие удары, лишить врага возможности оказать сопротивление в оперативной глубине и тем самым – обеспечить высокие темпы наступления.

В маневренной войне высокие темпы наступления в ряде случаев имели не меньшее значение, чем превосходство в численности войск над противостоящим противником. Они давали возможность наступающему быстро сосредоточивать превосходящие силы на решающем участке и добиться в короткий срок поражения противника, который не успеет перегруппировать силы для нанесения эффективного ответного удара.

Согласование усилий танковых объединений с общевойсковыми армиями и авиацией являлось одной из важнейших задач подготовки операции и главной составной частью деятельности командующих фронтами, армиями и их штабов по управлению войсками. Тщательно организованное и непрерывно поддерживаемое взаимодействие между танковыми и общевойсковыми армиями позволяло наиболее полно использовать их боевые возможности, значительно увеличивать степень поражающего воздействия на противника. Обладая высокой ударной силой и мобильностью, танковые армии переносили боевые действия в глубину и, действуя в отрыве от общевойсковых армий на 10-30, а то и 50-80 км и более, придавали фронтовым наступательным операциям с самого их начала маневренный и решительный характер. Общевойсковые армии активными действиями создавали необходимые условия для успешного ввода танковых армий в сражение и быстрого выхода их в оперативную глубину вражеской обороны, уничтожали в ходе наступления узлы сопротивления, обойденные танковыми и механизированными соединениями танковых объединений, закрепляли захваченные подвижной группой рубежи.

Взаимодействие между танковыми и общевойсковыми армиями в операциях на окружение вражеских группировок выражалось главным образом в том, что общевойсковые объединения, наступая за подвижными группами, развертывались и уплотняли внутренний фронт окружения, а командующие танковыми армиями перенацеливали свои соединения на внешний фронт и отодвигали его как можно дальше, чтобы лишить подходов из глубины резервы противника возможности деблокировать окруженные войска.

Анализ исторических фактов показывает, что в ходе фронтовых и армейских наступательных операций Великой Отечественной войны советским войскам на ряде участков приходилось применять оборонительные действия, особенно в тех случаях, когда немецко-фашистское командование предпринимало контрудары сильными пехотными и танковыми группировками или на отдельных направлениях переходило в контрнаступление.

Выполнение задач обороны, как правило, начиналось «с быстрого маневра частей и подразделений на угрожаемое направление и развертывания на тактически выгодном рубеже. Заняв намеченный для закрепления рубеж, подразделения и части обрушивали огонь всех своих огневых средств на атакующего противника непосредственно перед фронтом их обороны. Огонь прямой наводкой из танков и орудий уничтожал атакующие танки. Огонь стрелкового оружия и минометов отсекал от танков пехоту и облегчал борьбу с танками в случае вклинения их в боевые порядки обороняющихся частей и подразделений» [3, с. 28-35].

Большую роль при действиях в оперативной глубине играли передовые отряды, которые совершали глубокие рейды в тыл врага, захватывали узлы дорог и переправы, не давали противнику возможности закрепиться на выгодных рубежах. Инициативные и решительные действия передовых

отрядов, осуществление смелого маневра танковыми частями и соединениями широко применялись в последующих операциях.

Кроме того, в ходе войны выявились основные тенденции применения танков НПП: органическое слияние их со стрелковыми подразделениями, частями и соединениями, а также использование на главных направлениях.

Количественный рост бронетанковой техники и ее качественное совершенствование, а также формирование танковых соединений и объединений обеспечивали возможность создания мощных ударных группировок подвижных войск как в обороне, так и в наступлении.

В ходе проведения стратегических операций командный состав танковых и механизированных корпусов приобрел практический опыт управления ими. Он послужил основой для дальнейшего совершенствования боевого мастерства советских танкистов. Свое умелое руководство проявили П. А. Ротмистров, М.Е. Катуков, П.С. Рыбалко, А. Г. Кравченко, В. М. Баданов, С. И. Богданов, В. Т. Вольский и многие другие.

Список литературы:

1. Вавенко, В.А. Взаимодействие танковых армий с общевойсковыми объединениями // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 1. – С. 26-32.
2. Голиков, Ф. Острогожско-россошанская операция // Военно-исторический журнал. – 1973. – № 1. – С. 62-67.
3. Ерофеев, В. Из опыта организации и ведения обороны в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. – 1967. – № 5. – С. 28-35.
4. Кирьян, М. Развитие способов планирования и ведения армейских наступательных операций // Военно-исторический журнал. – 1973. – № 11. – С. 12-19.
5. Конев, И. Завершение освобождения советской Украины и выход на Вислу // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 7. – С. 3-21.
6. Лосик, О. Боевое применение бронетанковых и механизированных войск // Военно-исторический журнал. – 1982. – № 11. – С. 42-48.
7. Петров, Н. Корсунь-Шевченковская операция // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 2. – С. 124-126.
8. Ротмистров, П. Влияние танков на темпы наступательных операций // Военно-исторический журнал. – 1961. – № 1. – С. 3-17.

Оплаканская Рената Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент

Новосибирский государственный университет

5-Я ПОЛЬСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Аннотация: Рассматривается формирование групповой идентичности 5-й польской дивизии в составе союзного войска Антанты в условиях гражданской войны на территории Сибири. Дивизия прикрывала отступление войска Антанты на Дальний Восток и попала в окружение под Красноярском. Капитуляция и последующий плен стали следствием тяжелых условий эвакуации, а также слабой сплоченности контингента. В состав дивизии вошли поляки из бывшей Российской империи и военнопленные Австро-Венгрии и Германии. Формированию групповой идентичности и консолидации контингента дивизии препятствовало длительное развитие польского этноса в составе трех государств, которое обусловило ментальные и культурные отличия его командиров, офицеров и рядовых. Отношения дивизии с союзниками по Антанте и армией Колчака осложнились как цивилизационными, так и политическими факторами.

Ключевые слова: Гражданская война, 5-я польская стрелковая дивизия, Сибирь, белое движение, поляки, военнопленные, советская власть.

POLISH RIFLE DIVISION IN SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (PROBLEM OF GROUP IDENTITY FORMATION)

Summary: The formation of the group identity of the 5th Polish division as part of the allied Entente army in the context of the civil war in Siberia is being considered. The division covered the retreat of the Entente troops to the Far East and was surrounded near Krasnoyarsk. The division included Poles from the former Russian Empire and prisoners of war of Austria-Hungary and Germany. The surrender and subsequent captivity were the result of the difficult conditions of the evacuation, as well as the weak cohesion of the contingent. The long development of the Polish ethnic group in the three states led to the mental and cultural differences of its commanders, officers and privates. This prevented the formation of group identity and the consolidation of the contingent. The division's relations with the Entente allies and Kolchak's army were complicated by both civilizational and political factors.

Keywords: Civil War, Fifth Polish Rifle Division, Siberia, White movement, Poles, prisoners of war, Soviet government.

Статья посвящена проблеме формирования групповой идентичности военного формирования в условиях вооруженного конфликта. Объектом исследования стала 5-я польская стрелковая дивизия в составе войска Антанты на востоке России. Дивизия создавалась после провозглашения независимости Польши, в течение 1919 г. осуществляла охрану железной дороги в Новониколаевске и участвовала в карательных экспедициях против мирного населения. Во время эвакуации войска Антанты на восток попала в окружение под Красноярском и капитулировала в январе 1920 г.

В состав дивизии вошли разные группы поляков – военнопленные Австро-Венгрии, Германии, а также подданные бывшей Российской империи. В короткий срок предстояло создать национальное военное формирование, способное в будущем защищать интересы Польши, что было сложной задачей, учитывая социокультурные различия трех групп поляков. Консолидация нескольких тысяч человек, сравнительно недавно воевавших по разные стороны, в сообщество, способное эффективно действовать во имя общих целей, возможно на основе формирования групповой идентичности путем отделения членов этого сообщества (Своих) от внешнего окружения. Для мобилизации Своих необходимо противостояние с Чужими, теми, кому приписываются чуждые Своим характеристики. Чужой, представляющий угрозу Своим, становится Врагом, а потому должен быть повержен символически или физически. Взаимодействия с социальным окружением не исчерпываются оппозицией Свой-Чужой и появляется группа Других, тех, кто явно отличаются от Своих, но не рассматриваются как угроза. А значит с ним возможно сосуществование и сотрудничество. Социальные границы между Своими-Чужими-Другими не являются неизменными и могут меняться в процессе исторического развития. Наиболее подвижны такие границы в ситуации социального катаклизма (в нашем случае гражданская война в России) [1; 3; 7].

Источниками послужили воспоминания легионеров 5-й польской дивизии – Романа Дыбоского и Станислава Богдановича. Уроженец Австро-Венгрии Дыбоский был филологом, имел степень доктора и преподавал в Ягеллонском университете в Кракове еще до войны. В 1914 г. он был мобилизован, попал в российский плен и с 1915 по 1921 гг. и проживал в разных частях России – от Москвы до Дальнего Востока. В 1919 г. добровольцем вступил в дивизию, где занимался просветительской работой. Во время отступления войска Антанты на восток попал в плен. В начале 1922 г. вернулся в Краков, где продолжил преподавать в университете. Свое намерение написать мемуары о жизни в России он объяснял большим интересом со стороны знакомых. По признанию Дыбоского, вернулся он на родину «здоровым и румяным, а не больным и апатичным», что не соответствовало сложившимся в польском обществе представлениям о соотечественниках в России и Сибири как страдальцах. Его работа «Семь лет в России и в Сибири (1915–1921)» вышла в 1922 г. [4].

Богданович родился в Российской империи. Его детство прошло в

Троицке Оренбургской губернии. В возрасте 18 лет он бросил гимназию и вступил польскую дивизию. Служил в Новониколаевске в отделении связи при штабе. Как и Дыбоский он попал в плен под Красноярском, а в 1921 г. в ходе репатриации уехал в Польшу. Богданович принял решение написать воспоминания потому, что в межвоенной Польше многие считали 5-ю дивизию «российской», что породило «абсолютное равнодушие общественности к нам, Сибирякам» [8]. Оба поляка были свидетелями и участниками одних и тех же событий 1919 г., но как бывшие подданные враждебных в Первой мировой войне держав представили несколько разную интерпретацию.

Чужие. В эту группу входили представители власти как на основе цивилизационных (противопоставление Запад-Восток), так и политических и идеологических представлений. На мировоззрение Дыбоского повлияли националистические теории, популярные в Австро-Венгрии на рубеже XIX-XX вв. Свое видение российского общества он представил в главе «Радикализм русской души», используя традиционный экзоэтноним «москаль». Русские выступают как Чужие по отношению к полякам как представителям Запада. Им, по мнению автора, чужда «созданная вековой цивилизационной работой человечества» традиция уважения принципов и общественных институтов, характерна «монгольская «принципиальность» и по-индуистски бездеятельная глубина», «хамская искренность, влезающая без спроса в чужую душу». Таким чертам русских он противопоставляет «донкихотскую рыцарственность, которая от шляхты и вниз пропитала у нас этику и этикет всех сословий», а также «чувство культурного превосходства» [4, с. 27-28,40]. Априори Чужими для Дыбоского в равной степени являлись и министр царского правительства Сухомлинов, и большевик Ленин, которых он называет «коренными русскими». В такой коннотации ни одна их форм существования России не могла устроить его как представителя Запада. Ко всем правительствам последних лет – имперскому, Временному и большевистскому – Дыбоский относится одинаково, поскольку «как поляк» он подвергался репрессиям со стороны каждого. Правда Дыбоский отмечает, что не имеет к ним претензий, поскольку каждому из них «попортил достаточно крови» [4, с. 13]. Уроженец Российской империи Богданович избегает цивилизационных обобщений, но также использует экзоэтноним «москаль». Для него безусловно Чужими были большевики и их сторонники. Антибольшевистская лексика Богдановича отличается экспрессивностью («большевистские банды» или «выглядел я ужасно, меня смело можно было принять за мародера из большевистской армии») [8, с. 98].

Чужими воспринимались и формальные союзники Антанты – сторонники белого движения, возглавляемого А. Колчаком. Исторически сложившееся неприязненное отношение к москалям из-за трех разделов Речи Посполитой усугублялось открытым вопросом относительно границ между Россией и Польшей (Польша претендовала на Закарпатье, Галицию и Литву). Дыбоский характеризует деятельность белого правительства в Сибири не иначе как

антидемократическую «черносотенную колчаковскую реакцию» и не выражает ни малейшего сочувствия, описывая трагическое отступление белых на восток осенью 1919 г. [4, с. 44]. Богданович приводит много примеров из повседневной жизни, свидетельствующих о недружественном отношении поляков к белым («с ними всегда доходило до ссор»). Он отмечает, что частым явлением было хищение польскими легионерами имущества белых – амуниции, военного снаряжения, продовольствия. Мотивация была простой: все, что награблено, пригодится в Польше («там за это надо будет платить, а здесь все можно достать даром»). Не осуждалось и личное обогащение («все, на что упадет ваш взгляд, парни, то ваше!», «если не воспользуешься сам, то скупят потом спекулянты»). Хищения носили не только стихийный, но и организованный характер. Богданович описывает эпизод с арестом польской жандармерией офицеров интендантской службы дивизии, спекулировавших сахаром. На допросе поручик оправдывался тем, что «никак не навредил польскому войску, самое большее – имуществу Колчака» [8, s. 17-18, 38, 63, 75]. В отличие от Дыбоского Богданович выражает сочувствие бедственному положению солдат и офицеров армии Колчака во время отступления осенью 1919 г.

Другие. К этой группе можно отнести союзников по Антанте. Основой для солидарной деятельности союзников было неприятие коммунистической идеологии и стремление уничтожить советскую власть. Однако отношения с союзниками были непростыми. Франция выделяла средства для содержания 5-й дивизии («содержание по курсу французского франка, так что в пересчете на русские рубли мы получали приличные деньги») [8, s. 39]. Между тем некоторые польские офицеры осознавали, что французы относятся к ним как колониальному формированию [9, s. 154,157]. В качестве критерия идентификации союзников как Других выступали цивилизационные признаки. Дыбоский имел возможность пообщаться с американскими легионерами в период пребывания в Хабаровске. Американцев он называет «трансатлантическими варварами», отмечая недостаточно высокий культурный уровень. «Было безнадежной задачей, – пишет он, – вести с ними интеллигентную в европейском значении беседу о предметах их довоенных интеллектуальных занятий. Их лица тут же приобретали выражение смертельной тоски» [4, с. 84-85, 91-97].

При изменении исторической ситуации Другой может стать Чужим, что хорошо продемонстрировали взаимоотношения между чехословацким корпусом и 5-й польской дивизией. В течение 1919 г. отношения между этими двумя национальными формированиями претерпели изменения от теплых и доброжелательных до враждебных. В воспоминаниях Богдановича трансформация Другого в Чужого показана наиболее подробно. Он отмечал, что в 1918 г. командование чехословацкого корпуса оказало значительную поддержку в деле формирования польской дивизии, выделяя денежные средства для организации сборных пунктов в городах Сибири [8, s. 117, 119]. Хорошими

были отношения и между рядовыми корпуса и дивизии в повседневной жизни. На сборных пунктах, организованных чехами, польских добровольцев хорошо кормили («чехи еды не жалели»), оказывали помощь в передвижении по железной дороге («всегда смело можно было обратиться за помощью к коменданту чеху, (...) никогда в помощи не отказывали»). Причиной ухудшения отношений стал вопрос о принадлежности Силезии, на которую претендовали Польша и Чехословакия. [8, s. 41]. Отношения с чехами окончательно расстроились во время эвакуации войск в ноябре – декабре 1919 г. во Владивосток. 5-я дивизия находилась в арьергарде и ее военные были вынуждены отбиваться от сибирских партизан и следующей по пятам 5-й Красной армии. Продвижение по железной дороге тормозили эшелоны чехов, поскольку те попутно занимались разграблением Сибири. «Я удивлялся их цинизму и организованности, – писал Богданович. – Чехи (...) выставляли свою охрану около колчаковских интендантских складов, брали и вывозили все, что им понравилось» [8, s. 77]. Дыбоский уделяет отношениям с чехословацким корпусом меньше, но отмечает «глубокое различие национальных характеров», а возникшую неприязнь в отношениях также объясняет «отголосками споров в Европе о Силезии» [4, с.115].

Свои. Формирование групповой идентичности контингента 5-й дивизии было осложнено ментальными и цивилизационными отличиями нескольких групп поляков вследствие более чем столетнего развития польского этноса в составе трех империй. Контингент дивизии формировался из поляков – военнопленных австро-венгерской и германской армий, уроженцев Российской империи при численном доминировании первых. Принцип добровольного вступления в дивизию соблюдался не всегда. Богданович писал, что австрийские военнопленные успели осесть в Сибири. «Повытаскивали их из теплых крестьянских хат с самых разных уголков Сибири (...) Никто из них дома не имел такого благосостояния, какое нашел после плена у сибирской бабы». Многие еще не осознали, что Австро-Венгрия как держава прекратила существование и все еще воспринимали себя как подданных императора Франца-Иосифа. «Убеждали их, что его давно нет – ничего не помогало, пишет Богданович. Военнопленные отказывались менять знаки отличия австрийской армии на «польского орла» [8, s. 27]. Вообще австрийские и германские военнопленные отличались весьма невысоким культурным уровнем [2, с.19].

Сказывались и культурные особенности перечисленных выше групп контингента, прежде всего языковых. Дыбоский продемонстрировал их на примере общения с кузнецом из «прусской армии», своим денщиком из Австро-Венгрии и сторожем из Седльце (Российская империя), которые «судачили меж собой на своих разнообразных крестьянских наречиях о различных порядках и обычаях в своих краях» [4, с. 48]. Богданович так характеризовал начальника полевой жандармерии ротмистра Паньковского из германской армии. «Он очень плохо говорил по-польски, а по-русски еще хуже. Набирал себе жандармов из немецкой армии и в жандармерии чаще можно

было слышать немецкую, а не польскую речь» [8, s. 17]. Проблемы со знанием польского языка были у российских поляков, которых называли «чубариками» [4, с. 112]. Нередко во время конфликтных ситуаций военные переходили на русский язык и использовали сочную русскую брань [8, s. 44]. Оба автора мемуаров отмечают антагонизм не только между рядовыми, но и офицерами. Австрийские поляки посмеивались над русским акцентом и отмечали ментальные отличия, подразумевая, разумеется, свое превосходство («поляки из австрийского захвата» выросли в атмосфере законности) [4, с. 39]. Уроженцы Российской империи, среди которых было немало кадровых военных бывшей царской армии, «сквозь зубы» говорили об офицерах австро-венгерской армии, «что еще не известно, кем они до того были – офицерами-одногодками или только ловкими рядовыми». Образовавшаяся трещина могла превратиться в разлом. «Не раз я думал о том, что за странная судьба сделала этих людей, представителей одной религии и национальности, врагами, и кто знает, может быть еще несколько месяцев назад они стреляли друг в друга», – писал Богданович [8, s. 22, 61].

Помимо языковых и ментальных отличий на взаимоотношения внутри контингента влияла идеология. Среди военных были сочувствующие коммунистической пропаганде. В дивизии отмечались случаи дезертирства и перехода в РККА, а также неповиновения командирам [5, с. 46]. Безнаказанность за преступления и бесчинства по отношению к местному населению, а также пьянство способствовали деморализации. Дыбоский писал, что «солдат становился ландскнехтом, офицер с отчаянной решимостью – кондотьером» [4, с. 126].

Противоречия усиливались по мере ухудшения ситуации на фронтах. Эвакуация на Дальний Восток проходила в суровых зимних условиях, при недостатке топлива для паровозов и постоянных задержках составов на станциях. Катастрофа разразилась под Красноярском. На обращение польского командования пропустить польские эшелоны вперед главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке француз М. Жанен ответил отказом, считая, что это приведет к задержке эвакуации всех формирований. Так 5-я дивизия 10 января 1920 г. капитулировала. Этому событию предшествовал конфликт между командирами польской дивизии, ставший апогеем внутреннего разлада. Дыбоский охарактеризовал его как противостояние между восточниками (те, кто хотел уехать в Польшу через Дальний Восток) и западниками (те, кто хотел «таранить большевистскую стену на западе») [4, с. 113]. В итоге за капитуляцию выступили офицеры – бывшие поданные Австро-Венгрии. Решение не поддержали бывшие офицеры царской армии. Командир строевых частей дивизии К. Румша (поляк из Литвы) с группой численностью около 1000 человек не подчинился приказу, вышел из окружения и сумел довести ее до Харбина, а оттуда в Польшу [6, с. 91]. Те, кто капитулировал, были размещены в концентрационные лагеря.

Социальные границы между Своими, Чужими и Другими в условиях

эскалации вооруженного конфликта опасно подвижны. Чтобы создать сплоченное сообщество Своих необходимы ценностно-нормативные основания, которые бы разделяли все его члены. В условиях многомерного и углубляющегося конфликта, каким была гражданская война в России, возникали дополнительные условия для трансформации Другого в Чужого, а Чужого во Врага. История 5-й польской стрелковой дивизии, просуществовавшей немногим более года, является примером того, как слабая консолидация контингента делает невозможным достижение целей и эффективное выполнение боевых задач. Солидарная деятельность с Другими (союзники по Антанте) в неблагоприятной исторической ситуации также оказалась невозможной. Каждый из лагеря Антанты спасал себя, и все вместе они предали белых. Все это было обусловлено разным видением союзников и белых будущего России, послевоенного устройства Европы (сложные вопросы о польско-российских границах и спор о принадлежности Силезии); противопоставлением «Запад-Восток» (европейская цивилизация как антипод азиатской России); этнокультурными особенностями контингента польской дивизии.

Список литературы:

1. Григоренко, А.Ю. «Свой - Чужой» в истории религии / А.Ю. Григоренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 146. – С. 41 – 47.
2. Дацышен, В. Г. Иностранная армия в Енисейской Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2021. – №4 (32). – С. 15-25.
3. Дубоссарская, М.Л. Свой-Чужой-Другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – №54. – С.167– 173.
4. Дыбоский, Р. Семь лет в России и Сибири (1915-1921): Приключения и впечатления. – М., 2020. – 296 с.
5. Захаров, А.М. Поляки в гражданской войне на русском Дальнем Востоке (1918-1920 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 44 – 47.
6. Островский, Л.К. Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 316. – С. 88 – 92.
7. Перепелкин, Л.С. «Свой-чужой-другой-враг»: к антропологии межгрупповых взаимодействий // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Том XVII. – Вып. 1–2. – (№ 85–86). – С. 63 – 75.
8. Bogdanowicz, S. Ochotnik. – Warszawa, 2006. – 264 s. (in Polish).
9. Radziwillowicz, D. Polskie formacje zbrojne we Wschodniej Rosji oraz na Syberii i Dalkiem Wschodzie w latach 1918- 1920. – Olsztyn, 2008. – 569 s. (in Polish).

Паневин Кирилл Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

ДОПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ КАК ВАЖНАЯ ФОРМА ВВОДА В СТРОЙ МОЛОДОГО ПОПОЛНЕНИЯ

Аннотация: В статье автор рассматривает особенности адаптации молодых водителей к военной службе. Раскрывается структура доподготовки, как обязательная форма ввода в строй молодого пополнения. Показываются особенности доподготовки водителей исходя из задач, стоящих перед воинской частью. На примере автомобильной военно-строительной части показывается необходимость творчества и нешаблонных подходов в выполнении задач, исходя из складывающейся обстановки.

Ключевые слова: молодые водители, адаптация, доподготовка, творческий подход, сдача зачетов, увольнение в запас, личная заинтересованность, стимулы.

ADDITIONAL TRAINING OF DRIVERS IN THE SOVIET ARMY AS AN IMPORTANT FORM OF COMMISSIONING OF YOUNG REPLENISHMENT

Summary: In the article, the author considers the features of the adaptation of young drivers to military service. The structure of additional training is disclosed, as a mandatory form of commissioning of young replenishment. Features of additional training of drivers are shown based on the tasks facing the military unit. The example of the automotive military-construction unit shows the need for creativity and non-model approaches in performing tasks based on the current situation.

Keywords: young drivers, adaptation, additional training, creative approach, passing offsets, dismissal to the reserve, personal interest, incentives.

Проблема адаптации молодого пополнения всегда остро стоит в любой армии, особенно той части военнослужащих, которые служат по призыву. Ввиду ограниченного срока военной службы им необходимо максимально быстро освоиться в новой среде, достойно выполнять свои служебные обязанности.

В начале XXI века, когда Российские Вооруженные Силы стали переходить на контрактную систему, это задача начала терять свою актуальность. Войска стали комплектоваться на основе контрактников, опытных бойцов, прошедших определенный период службы и готовых к выполнению своих обязанностей.

Однако появились новые реалии в жизни страны, которые потребовали вернуться к некоторым наработкам советского периода истории. Проведение

Специальной военной операции показало, что необходимо проводить мобилизацию некоторого числа военнослужащих из запаса. И не все из них имеют необходимый опыт, который им может потребоваться для выполнения боевых задач. Одна из таких категорий – водители.

Существует мнение, что если человек имеет водительское удостоверение, то он уже полноправный водитель. Однако в условиях военной службы он должен иметь многие специфические навыки, которыми не всегда обладает даже имея определенный стаж управления автомобилем.

В Советской Армии и Флоте это прекрасно понимали и существовала целая система доподготовки молодых водителей к военной службе. Существовал специальный приказ Министра обороны СССР от 1 сентября 1977 года № 225, которым было введено в действие «Наставление по автомобильной службе Советской Армии и Военно-Морского Флота» [2] (далее – Наставление). Пунктом 15 Наставления определяются задачи технической подготовки, первой из них является доподготовка молодых водителей.

Задачи доподготовки, ее программу Наставление не регламентирует, так как это определяется спецификой воинской части, стоящими перед ней задачами, наличием необходимых ресурсов, контингентом молодых водителей и так далее.

В строевой воинской части автомобильная техника в мирное время разделяется на группы эксплуатации: боевую, учебно-боевую, строевую, транспортную и учебную (пункт 40 Наставления). Каждая группа автомобильной техники выполняет свою задачу, определенную Наставлением. Так к группе учебных относятся машины, предназначенные для обучения личного состава практическому вождению и применению спецоборудования, смонтированного на машинах.

На каждую группу в зависимости от выполняемых задач выделяется на год определенное количество моторесурсов, а также топлива. Исходя из этого они могут эксплуатироваться в мирное время только определенный период в году.

Поэтому доподготовка в строевой воинской части может быть растянута на достаточно длительный период ввиду наличия учебных машин и моторесурсов.

Исходя из стоящих задач и потребностей планировалась доподготовка, которая завершалась длительным маршем, по результатам которого и определялась годность водителя к вождению военного автомобиля.

Но кроме строевых существовали и другие воинские части со своей спецификой. Одним из таких видов являлись автомобильные части военно-строительных частей, опыт которых может быть очень ценен в современных условиях.

В военно-строительной автомобильной части, в отличие от строевой, об особенностях эксплуатации автомобилей указывалось ранее, все автомобили имеют одинаковый статус и эксплуатируются в силу необходимости. Они все

закреплены за водителями, которые в любой момент должны быть готовы к выезду на линию.

Деятельность военно-строительных отрядов регламентировалась «Положением о военно-строительных отрядах Министерства Обороны СССР», введенного в действие Приказом Министра Обороны СССР от 30 мая 1977 года № 175 [1] (далее – Положение). Одним из требований этого приказа, изложенного в пунктах 12 и 13 Положения, является прохождения программы подготовки молодого военного строителя, рассчитанной на 14 суток. После чего они не позднее полутора месяцев должны принять военную присягу и быть зачислены в списки части.

В военно-строительной доподготовку молодых водителей необходимо провести в достаточно короткий срок. Поэтому доподготовка объединяется с программой подготовки молодого военного строителя и занимает крайний срок до полутора месяцев.

Важной ее особенностью является то, что в этот период оплата труда военных водителей производится за счет вышестоящей организации, что позволяет конкретно заниматься учебой водителей.

Сразу возникает вопрос, а кто такие молодые водители, прибывшие в военно-строительную часть? И здесь есть много специфических особенностей:

- во-первых, они все имеют права водителя-профессионала категории «С»;

- во-вторых часть из них окончила специальные школы ДОСААФ по подготовке военных водителей;

- в-третьих многие имеют практический опыт работы в гражданских автомобильных организациях.

И сразу же следующий вопрос – А зачем некоторым из них доподготовка?

Работа, как и служба, в военной автомобильной части имеет свою специфику, которую должен знать новый водитель. Это и порядок эксплуатации автомобиля, и порядок оформления документов, и провоз пассажиров и т.д.

Доподготовка и дается для того, чтобы водитель изучил особенности эксплуатации автомобиля в новых условиях, привык действовать самостоятельно.

В строевой воинской части автомобиль выходит на линию только со старшим машины. В военно-строительном автомобильном отряде это правило не обязательно. Определенные машины, как правило специальные и хозяйственные, выезжают со старшими машин, а основная масса эксплуатируется водителями самостоятельно.

Доподготовка молодых водителей предполагает учебу. И если в строевой части есть учебные машины и инструктора, то в военно-строительной их нет. И поэтому доподготовка молодых водителей в практической части может быть произведена только в форме закрепления опытных водителей за молодым

пополнением и подписанием приказа по части о выполнении ими функций инструкторов с определенной доплатой.

На период доподготовки издается приказ по воинской части, в котором определяется порядок доподготовки, лица, ответственные за ее проведение, закрепление молодых водителей за автомобилями и водителями-инструкторами, а по сути дела напарниками.

В определенные дни и определенное время с водителями проводятся занятия по технической подготовке, Правилам дорожного движения, порядку оформления служебной документации.

При выезде с напарником молодой водитель вписывается в путевой лист, как стажер, что дает ему право садиться за руль. Период доподготовки заканчивается сдачей зачета.

По результатам доподготовки издается приказ по части, в котором закрепляется допуск или не допуск водителя к управлению военным автомобилем. Не допущенные переводятся на должности, несвязанные с управлением автомобилем, или переводятся отдельным приказом в обычные военно-строительные части.

В приказе отмечаются лучшие инструктора, которые соответственно поощряются. Им выдаются дипломы «Лучший наставник молодежи», награждаются почетными грамотами и дипломами, объявляются благодарности. При возможности они поощряются денежными премиями.

Однако реальная жизнь вносит в эту деятельность свои коррективы, о которых и пойдет далее речь.

В начале моей службы в военно-строительном автомобильном отряде он насчитывал 300 солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, 50 гражданских вольнонаемных рабочих и служащих, около 200 автомобилей. Очередной призыв составлял 60-100 человек и доподготовка проходила по указанной ранее схеме. Из вновь прибывших после доподготовки допускалось к вождению примерно 70 процентов, и садились за руль они в течение полгода – года в зависимости от личной подготовки и проявленных качеств.

Часть находилась в районе, приравнявшему к районам Крайнего Севера. Зима с метелями и морозами наступала в сентябре, а весна – в мае. 30-40 дней в году были нерабочими, так как температура была ниже 40 градусов по Цельсию.

В качестве инструкторов закреплялись гражданские водители, как более опытные и подготовленные, и ограниченное количество водителей военных строителей.

Но через несколько лет обстановка кардинально изменилась. Вновь поставленные производственные задачи потребовали значительного увеличения как технического обеспечения, так и количества водительского состава.

Численность личного состава увеличилась до 600 человек, только вольнонаемных водителей стало 90, а количество автомобилей превысило 400

единиц. Произошел перекося в призывном контингенте. В ноябре-декабре призывалось до 70 человек, а в мае-июне до 250.

И если зимой мы особых изменений не почувствовали, то летом столкнулись с большими проблемами. Ввиду большого увольнения в запас военных водителей мы были вынуждены посадить за руль в июне до 100 молодых водителей. Они более-менее отработали июль-август, а с сентября машины начали выходить из строя.

К октябрю более 50 процентов автомобилей уже не выходило на линию. Эти события заставили провести дотошный разбор доподготовки. И выяснилось, что напарники практически не допускали молодых водителей к вождению, использовали их в виде дармовой рабочей силы при мелком ремонте, в основном доверяя мытье машин после рейса. И это объяснялось достаточно просто.

Стажируемый был обузой для водителя. Ему разрешалось садиться за руль в свободное от работы время. Иначе это било по карману напарника, не позволяло ему выполнить норму. И если военные водители еще как-то занимались с молодыми, так как заработок многих из них не очень волновал, то гражданские во главу угла ставили заработок. И как-то стимулировать их или заставить больше заниматься с молодежью не представлялось возможным.

А лучшими по результатам зачета становились не обученные молодые водители, а те, кто имел практический опыт работы до военной службы. Стало понятно, что надо искать пути заинтересованности напарников в доподготовке молодых водителей. Причем на призыв ноябрь-декабрь менять систему необходимости не было.

Проанализировав, сколько водителей у нас увольняется в мае-июне, мы сделали основную ставку на них. Основным стимулом решили найти в сроке увольнения в запас. В отличие от действующего в настоящее время Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ, в котором строго определен срок увольнения в запас (подпункт «б» пункта 1 статьи 51 Федерального закона) не позднее дня призыва [3].

В действующем на то время законе он был не определен. Не позднее 30 июня, дня окончания призыва. Это зависело от возможностей воинской части и личности военнослужащего. Обычно водитель задерживался до последнего дня потому, что не было возможности найти ему достойную замену.

Мы поставили условие: принимаем зачеты по результатам доподготовки и те напарники, кто хорошо подготовил молодых водителей, первыми увольняются в запас. Были разработаны критерии, в которые входили как теоретические, так и практические вопросы.

Водителям были рекомендованы кандидатуры молодых водителей, но они имели право их поменять по личным причинам. Первое, с чем к нам обратилось старослужащие водители, это просьба положить спать своего

напарника рядом с ними. Обычно молодые водители спали отдельно до окончания доподготовки.

Второе, это разрешить им возвращаться из парка вместе, так как молодых водителей обычно вели строем их командиры.

Третье, разрешить им брать напарников для мелкого ремонта в вечернее и ночное время. Существовала практика разрешения нахождения водителей для мелкого ремонта в вечернее и ночное время. Для этого писался рапорт с обоснование этой необходимости, составлялись списки, подписанные ответственным офицером и нахождение военнослужащих на рабочих местах, контролировалось дежурной службой.

Результаты зачетов превзошли все ожидания. Молодые водители умели провести текущий ремонт, устранить мелкие неисправности. Хорошо знали место работы, умели оформлять необходимые документы.

Принятие зачетов добавило работы офицерскому составу, так как они принимались не в один определенный день, а еженедельно в четверг. Пятница давалась на передачу машины и оформление документов, а в субботу старослужащий водитель уже увольнялся в запас.

В большинстве подготовленные по этой системе молодые водители успешно вошли в зиму с минимальным количеством поломок.

Основные выводы:

- доподготовка водителей – творческое дело и требует нешаблонного подхода;

- напарник обязательно должен быть лично заинтересован в подготовке своего подопечного, насколько это возможно.

- доподготовка должна служить какой-то определенной цели, а не для формальных оснований или отчетности.

Список литературы:

1. Положение о военно-строительных отрядах Министерства Обороны СССР. Приложение №1 к Приказу Министра Обороны СССР от 30 мая 1977 года № 175.
2. Наставление по автомобильной службе Советской Армии и военно-Морского Флота. Введено в действие Приказом Министра обороны СССР от 1 сентября 1977 г. N 225.3.
3. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ.

Пантелеева Екатерина Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

СОВЕТСКАЯ ОНЕЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассказывается об Онежской военной флотилии в годы Гражданской войны в России. Освещена история формирования этой советской флотилии, проанализировано её материально-техническое состояние, описаны боевые действия. Автор делает выводы о причинах военных неудач и побед кораблей этого воинского формирования. Флотилия была сформирована в условиях экономического упадка, что отрицательно сказывалось на материально-техническом состоянии Онежской военной флотилии. В статье продемонстрирована деятельность командующего флотилией Э.С. Панцержанского. Проанализированы мероприятия командующего флотилией, направленные на организацию отпора противнику.

Ключевые слова: советская Онежская военная флотилия, Гражданская война в России, интервенция, Э.С. Панцержанский.

THE SOVIET ONEGA MILITARY FLOTILE DURING THE CIVIL WAR

Summary: The article tells about the Onega military flotilla during the Civil War in Russia. The history of the formation of this Soviet flotilla is highlighted, its material and technical condition is analyzed, and military operations are described. The author draws conclusions about the causes of military failures and victories of the ships of this military formation. The flotilla was formed in conditions of economic decline, which had a negative impact on the material and technical condition of the Onega military flotilla. The article demonstrates the activities of the flotilla commander E.S. Pantserzhansky. The actions of the flotilla commander aimed at organizing a rebuff to the enemy are analyzed.

Keywords: the soviet Onega military flotilla, the Civil war in Russia, the intervention, the E.S. Pantserzhanskiy.

С июля 1918 года на территории Российской Карелии появились войска стран Антанты, которые, помня о Брестском мирном договоре между Советской Россией и Германской империей, опасались появления здесь германских войск и союзных им войск Финляндии. В этом случае Германия могла использовать против Антанты военные грузы, ранее переданные России как входившей в Антанту стране и сосредоточенные в районе Мурманска и Архангельска [7, с. 331]. Эта интервенция переплелась с Гражданской войной в России, за участниками которой закрепились наименования «красные» и «белые». Все участники конфликта преследовали свои цели, для достижения

которых заключали различные соглашения. На Ладожском и Онежском озёрах противоборствующие стороны сформировали флотилиями, об истории одной из которых и пойдёт речь.

Советская Онежская военная флотилия, базировавшаяся на Петрозаводск, была сформирована в июне 1918 года. Она состояла из двух минных заградителей («Яуза» и «Березина») и переоборудованных в военные корабли судов речного и озёрного транспорта [7, с.333].

Важнейшей проблемой было отсутствие вооружения на включённых в состав флотилии пароходах, и этот вопрос решался за счёт поставок с Александровского снарядного завода, находившегося в Петрозаводске. Экипажи кораблей формировались матросами Балтийского флота, которые являлись основой личного состава флотилии все три года её существования (1918–1920 гг.). Помимо этого, во флотилию на добровольной основе привлекали матросов пассажирских и грузовых пароходов, в основном, жителей Карелии [7, с. 330].

Командование флотилией было поручено офицеру Балтийского флота Э.С. Панцержанскому (1887–1937), участнику Первой мировой войны. Осенью 1917 года до обретения Финляндией независимости он был флагманским минёром шхерного отряда судов Балтийского моря и Або-Аландской укрепленной позиции. Панцержанский оказался у истоков Онежской военной флотилии, поначалу как помощник командующего и начальник базы, а с ноября 1918 года вступил в должность командующего флотилией [1, с. 4].

Трудности применения флотилии были связаны с тем, что её командный состав, состоявший из офицеров Балтийского флота, не был знаком со спецификой мореходства и боевых действий на озёрах и реках. По этой причине весной 1919 года Панцержанский обращался в Генеральный морской штаб с просьбой о срочном прикомандировании к флотилии ещё восьмерых опытных морских офицеров. В целом, командующий приложил все необходимые усилия, чтобы сформировать боеспособное подразделение, укомплектовать его опытными карами [6, с. 131].

Тем временем интервенты и сотрудничавшие с ними противники советской власти, захватив в мае 1919 года Медвежью Гору и выйдя с севера на побережье Онежского озера, сформировали здесь собственную флотилию, установили береговые батареи. Сначала в её состав входило 10–12 катеров-истребителей и несколько вооружённых судов, затем из Мурманска по железной дороге было доставлено ещё несколько судов и несколько гидропланов, на которых в общей сложности базировалось 20 гидросамолётов. Несколько позже в эту флотилию были включены британские катера [7, с. 334].

Начальником флотилии белых был назначен капитан 2 ранга А.Д. Кира-Динжан, а команды и офицерский состав кораблей состоял, в своей основе, из англичан и в незначительной степени из русских. На английских катерах служили исключительно британские команды, лётчиками гидросамолётов были англичане и французы. Вражеская авиация преобладала в воздухе и весной

1919 года систематически производила глубокую разведку и налёты на дозорные корабли советской флотилии и на её главную военную базу в Петрозаводске [7, с. 335].

В целом, по боевым качествам корабли советской Онежской флотилии значительно уступали противнику. Ведь советская флотилия располагала лишь пароходами, спешно переоборудованными для военных целей. Это техническое отставание приводило к значительным боевым потерям советской флотилии в корабельном составе от воздействия военной техники противника [4, с. 274].

Несмотря на эти потери, наступление интервентов, развёрнутое летом 1919 года, столкнулось с упорным сопротивлением красноармейских частей, которым помогли брожения в рядах «белых», а также то обстоятельство, что значительная часть европейских солдат начала группами самовольно уходить с фронта, а небоеспособные стали отзываться своим командованием. В результате вскоре здесь остались лишь британские войска. Для прикрытия этих довольно крупных эвакуационных мероприятий интервенты в августе 1919 года развернули наступление на Севере, и над Петрозаводском вновь нависла опасность. 5 августа, в ходе налёта на Петрозаводск трёх гидроаэропланов, на город и советские корабли было сброшено около 10 бомб, погибли несколько мирных жителей, были жертвы среди экипажей. Помимо бомб, гидроаэропланы сбрасывали агитационные прокламации, призывая моряков советской Онежской военной флотилии отказаться от сопротивления, что, однако, не удалось, экипажи советских вооружённых судов отбивались от гидропланов пулемётным огнём [7, с. 336].

Для усиления Онежской военной флотилии 7 августа советское командование направило в Петрозаводск эскадренный миноносец Балтийского флота «Сторожевой». Корабль находился во флотилии немногим больше месяца, однако он сумел оказать значительное содействие в проведении последующих военных операций. Флотилия пополнилась также двумя плавучими батареями и гидроотрядом в составе четырёх самолётов [4, с. 274].

Произошли и организационные изменения. С середины августа 1919 года Онежская военная флотилия в административном, техническом и хозяйственном отношении стала подчиняться непосредственно Реввоенсовету Балтийского флота. С Балтики на Онежское озеро были направлены военно-морские специалисты, и это, вместе с улучшением технического состояния флотилии, привело к тому, что боевая мощь советской флотилии впервые со времени её формирования стала превосходить силы противника. Отныне, не ограничиваясь несением дозорной службы и поддержкой сухопутных частей, флотилия начала систематически вести борьбу за господство на Онежском озере, для чего планировала и проводила наступательные операции [7, с. 335].

Однако противник первым начал активные боевые действия. В первой половине сентября 1919 года превосходящие силы белых на Мурманском участке фронта двинулись на юг, на Петрозаводск, советские части под этим напором стали отступать. Неприятель занял станцию Кивач в 50 км к северу от

города. После эвакуации значительных сил интервентов войска противника возглавил командующий белыми армиями Временного правительства Северной области генерала Е.К. Миллер. Однако бывшие союзники, уменьшив собственно военную поддержку, продолжали снабжать Миллера оружием, деньгами, продовольствием [2, с. 31].

Попытки мобилизации местного населения в ряды белой армии давали незначительные результаты. Эти пополнения личного состава считались добровольными, однако проводились жёсткими методами, что и определило их не слишком хороший результат [3, с. 382]. В итоге к началу 1920 года мобилизация мужчин в возрасте от 17 до 50 лет всё же увеличила численность белой северной армии до 55 тысяч человек, однако насильно вовлеченные в её ряды несли этой армии ей не силу, а, скорее, разложение, о чём сохранились различные воспоминания [5, с. 193].

Эти неудачи противника, разумеется, играли на руку советским формированиям. В конце сентября 1919 года при поддержке кораблей советской Онежской военной флотилии в северной части Лижемской губы был высажен десант, который сумел взорвать железнодорожный мост и разобрать железнодорожное полотно в районе станции Лижма. В результате этой операции были разгромлены два вражеских батальона и занята железнодорожная станция в тылу противника, что прервало коммуникации белых в направлении Петрозаводска [3, с. 381].

После успешной высадки десанта под Лижмой советская Онежская флотилия в октябре и в начале ноября 1919 года провела ряд операций совместно с частями Красной армии в Заонежском и Повенецком заливах Онежского озера. Важнейшей целью этих операций было уничтожение флотилии и береговых батарей противника и очищение от белых прилегающих территорий. В рамках этих мероприятий советский десант во взаимодействии с Онежской военной флотилией развернул наступление, нацеленное на изгнание противника с Заонежского полуострова, большая часть которого была освобождена в пятидневный срок. При этом противник понёс значительные потери в технике, которая пополнила советские формирования. В результате фронт стабилизировался и оставался в таком положении вплоть до изгнания белых войск из Карелии в конце зимы 1920 года [7, с. 335].

Подводя итог, можно отметить, что операции Онежской военной флотилии, проведенные под руководством Э.С. Панцержанского, вошли во многие учебники и исследования по истории Гражданской войны и военного искусства [6, с. 133]. Вопросы формирования корабельного и личного состава Онежской военной флотилии, боевые действия отдельных её соединений, взаимодействие морских и сухопутных сил в озёрной войне ещё недостаточно изучены [7, с. 336], что открывает перед исследователями широкие перспективы.

Список литературы:

1. Близниченко С.С. К 120-летию со дня рождения флагмана 1-го ранга (вице-адмирала) Э.С. Панцержанского // Военно-исторический архив. – 2007. – № 9(93). – С. 3–9.
2. Власова М.Н., Морозов К.А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (В воспоминаниях) // Труды Карельского филиала Академии наук. – 1960. – Вып. 24. – С. 29–38.
3. Дубровская Е.Ю. Видлицкая операция 1919 года на страницах неопубликованного сборника воспоминаний о финской интервенции и Гражданской войне в Карелии // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Витебск, 2021. – С. 380–382.
4. Дубровская Е.Ю. «Озёрный фронт» в 1919 г.: боевые действия в Онежском озере и в Обонежье // Материалы международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». – М., 2016. – С. 271–278.
5. Жаринов Н.А. Тема Гражданской войны в повести К.Г. Паустовского «Озёрный фронт» // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьба литературы. Сборник научных статей. – Самара, 2018. – С. 189–195.
6. Лазарев С.Е. Судьба Э.С. Панцержанского в контексте трагических событий 1930-х годов // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 2(66). – С. 130–133.
7. Титов С.М. Военные флотилии Онежского озера в период Гражданской войны и военной интервенции в Россию // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX–XXI в.: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 28 сентября 2018 года. – Стерлитамак, 2018. – С. 330–336.

Пацкевич Юрий Иосифович

соискатель

Белорусский государственный университет транспорта

РУССКАЯ ИДЕЯ: АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА

Аннотация: В статье выполнено комплексное исследование и теоретическое осмысление эволюционных процессов. С естественно-научной точки зрения сделана попытка найти причины, закономерности и условия смены фаз эволюционного развития, влияющие на способности головного мозга.

Показана цикличность цивилизаций как упорядоченный ритм различных систем координат, в контексте которых головной мозг популяции взаимодействуют с окружающей действительностью исключительно на основе электромагнетизма.

Представлена взаимосвязь закономерностей пространственно-временного континуума с мышлением различных эволюционных периодов.

Ключевые слова: система координат, цивилизация, эволюция, электромагнитный спектр, мышление.

RUSSIAN IDEA: ASPECTS OF CIVILIZATIONAL CHOICE

Summary: The article carried out a comprehensive study and theoretical understanding of evolutionary processes. From a natural-scientific point of view, an attempt was made to find the causes, patterns and conditions for changing the phases of evolutionary development that affect the abilities of the brain.

The cyclicity of civilizations is shown as an ordered rhythm of different coordinate systems, in the context of which the brain of a population interacts with the surrounding reality solely on the basis of electromagnetism.

The relationship between the patterns of the space-time continuum and the thinking of various evolutionary periods is presented.

Keywords: coordinate system, civilization, evolution, electromagnetic spectrum, thinking.

На протяжении ряда эволюционных циклов западная цивилизация поэтапно выстраивала и расширяла свою мировоззренческую модель, в конечном итоге распространив её в XX веке до планетарного масштаба.

Этому способствовали целый ряд причин.

Уже стал хрестоматийным факт того, что население планеты живёт на летящей в космосе сфере, взаимодействующей на энергетическом уровне с другими небесными телами. Поэтому, любой человек даже во сне находится в постоянном движении. И воздействующие на эволюцию всего живого процессы, влияют прежде всего на физиологию переднего мозга. А мозг, как

известно, предназначен главным образом для того, чтобы ориентироваться в пространстве и во времени.

Соображения на счёт того, что мозг популяции homo каким-то образом воспринимает параметры состояния нашей Вселенной, широко обсуждалась ещё в европейской литературе XIX века, куда они проникли, по все видимости, из индийской философии.

В зависимости от местонахождения солнечной системы в той или иной системе координат Вселенной головной мозг людей учился вибрировать на определённой частоте, позволяя сформировать определённый взгляд на происходящее.

Перечислим эти циклы увязав их в соответствии с системами пространственных координат:

I. Нулевая отсчётная координата: «первобытное-общинное общество». Нулевая координата является точкой отсчёта включения новых энергетических вибраций направленных на преобразование координат и включение в работу головного мозга.

II. Система координат x и y : «Древний мир» и «Античность».

Для цивилизации «Древнего мира» (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.) характерно диалектическое понимание мира. Вибрации эпохи позволили зародить ценностно-ориентационные способности мозга, с помощью которых человек стал оценивать явления действительности, определять свое отношение к ним.

В «Античность» (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.) созрело конструктивно-творческое качество работы мозга, заключающаяся в мысленном конструировании направлений и форм деятельности человека в целях создания принципиально нового.

III. Система координат x , y , z : «Средневековье» и «Возрождение».

В «Средневековье» (V–XIII вв.) была отработана управленческая функция мозга, с помощью которой человек начинает понимать свои потребности, ставит цели, стремится к ним, и управляет своим поведением.

«Возрождение» (XIII–XVI вв.) оформило пространственно – синтетическую функцию мозга. Тем самым, для представителей нашей популяции была обеспечена возможность целостного, синтетического, аналогового описания мира, сравнивая объекты параллельно по многим параметрам.

IV. Система координат x , y , z , t -время включает: «Новое время» и «Новейшее время».

«Новое время» (XVII–XIX вв.) выстроило времяобразующее свойство мозга. Включает в себя способности отслеживать связь между прошлым, настоящим и будущим. Человек до определенного предела с некоторой вероятностью может предчувствовать будущее, а также направлять свою деятельность на выполнение поставленной цели, строить планы и осуществлять их.

«Новейшее время» (XX в.) характеризуется становлением преобразующей способности мозга. Человек осмысленно стал определять большинство своих целей и намечать путь к достижению результата. При этом он не ограничивается совершением мысленных операций с предметами и явлениями, а преобразует сложившуюся картину мира под свои потребности [2, с.11–24].

Далее рассмотрим предложенную последовательность с иной точки зрения.

В наше время астрофизические исследования выделяют порядок освоения человеком биосферы через спектр видимого излучения, который мы наблюдаем в виде семи колеров: красного, оранжевого, жёлтого, зелёного, голубого, синего и фиолетового. В придачу, как показал анализ, видимый участок излучения аналогичен всей шкале электромагнитного спектра.

Мало того, учёные Санкт-Петербургского университета информационных технологий, механики и оптики К.Г. Коротков, М. Борисова и др. придерживаются мнения, что биологическая жизнь (по В.И. Вернадскому – биосфера) основана на энергии света, той которую различает наш глаз, то есть видимого участка спектра.

Напрашивается следующая цветовая кодификация на пройденном населением планеты эволюционном пути: начало координат (нулевая точка программы) первобытное общество – красный цвет; x, y – оранжевый цвет; x, y, z – жёлтый цвет; x, y, z, t-время – зелёный цвет;

Рассмотренный перечень программ позволяет их систематизировать и зафиксировать посредством понятий исторического материализма в виде конструкции «базиса» (*греч. Basis – основание*). Как известно «базис» согласно формулировке Карла Маркса (нем. *Karl Heinrich Marx; 1818 – 1883*), основателя «марксизма», представляет из себя совокупность исторически определённых производственных отношений (рисунок 1).

Рисунок 1. Совокупность элементов исторического материализма

Полученный результат помогает лучше понять всю линейку электромагнитного излучения. И прежде всего, прекрасно проявляется в наличии двух ключевых диапазонов: низкочастотного и высокочастотного.

В качестве пояснения наложим участок оптического излучения на диапазоны шкалы электромагнитного спектра:

- радиоволны – красный цвет;
- микроволны – оранжевый цвет;
- терагерцовое излучение – жёлтый цвет;
- инфракрасное излучение – зелёный цвет.

Обозначенный этап, относится к низкочастотному [3, с. 414–421]. Об этом ярко свидетельствует порядок распределения диапазонов частот в электромагнитном спектре (рисунок 2).

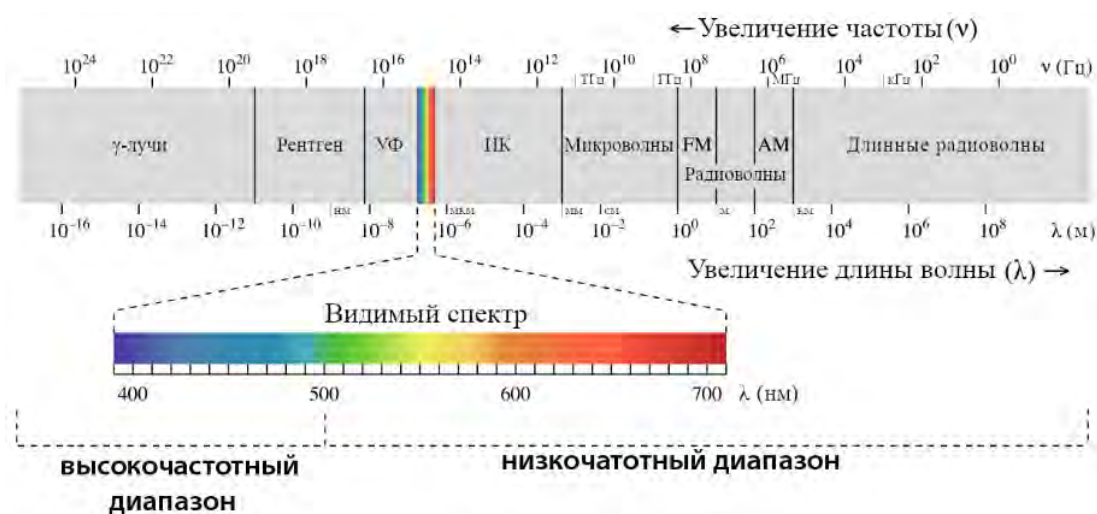

Рисунок 2. Электромагнитный спектр

Определение, объяснившее сущность эпохи, заключено в фразе «бытие определяет сознание». Высказывание принадлежит также Карлу Марксу, перефразировавшему слова своего учителя Гегеля (нем. *Georg Wilhelm Friedrich Hegel*; 1770 – 1831), считавшего, что «бытие определяется сознанием».

Но здесь, прежде всего, следует понять, где кроются истоки и причины, вызвавшие подобный порядок развития. Проведём исторические параллели.

Для этого обратимся к нашей более древней до цивилизационной истории. Накопленный антропологический и археологический материал показывает, что уже шесть миллионов лет назад по планете передвигались прямоходящие гоминиды (лат. *Hominidae*) с объёмом головного мозга около 380 см^3 . На этапе 2,5 – 1,8 млн. лет назад появились первые представители рода «люди» (лат. *Homo*) с объёмом мозга $500 – 650 \text{ см}^3$. А вот около 200 тысяч лет назад уже возникли неантропы (современные люди, «кроманьоноподобные») с

объёмом мозга 1400 – 1900 см³. Произошёл скачок, который требует объяснения.

Кстати, объём головного мозга у нашей современной популяции достигает 1130 и 1260 кубических сантиметров у женщин и мужчин соответственно.

Ещё с курса средней школы все помнят, что благодаря приобретению навыков социального общения люди «вышли» из природы. То есть, они вышли из реального мира. Для продолжения эволюции потребовалось изменить «правила игры» на те, которые способствовали бы развитию исключительно переднего мозга. И для возможности «включения» мозга в работу были созданы соответствующие условия – был построен виртуальный (иллюзорный) мир.

В индийской философии на этот счёт существует понятие Майя (санскр. मयि, букв. «иллюзия», «видимость») – особая сила, или энергия, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений.

Реальность благополучно была заменена на искусственную среду, созданную руками популяции, которая и сегодня представлена многочисленными разнообразными предметами окружающими нас. Но, как ни странно, в нашей жизни сохранились примеры отзвуков того очень далёкого времени, когда люди только вступили на иллюзорный путь познания реальности.

С этой целью рассмотрим образ жизни обитателей территории, расположенной в арктической зоне Евразии – на Крайнем Севере. Это территория холода – территория вечной мерзлоты и черной пурги. Местное население в основном ведёт кочевой образ жизни, занимается оленеводством, рыболовством и охотничьим промыслом.

Этнограф, директор Музея кочевой культуры, участник множества экспедиций по Средней Азии, Монголии, Китаю, Крайнему Северу России и Антарктиде Константин Куксин относит российские народности Севера к верхнему звену биосферы: «Они имеют сильную зависимость от природы. Они никогда не покоряли и не изменяли природу, а подчинялись природным ритмам».

Тесная связь с природой выработала у жителей севера её особое восприятие, обострило все органы чувств. В мыслительном процессе у них доминирует правое полушарие – сильно развита интуиция. Ко всему у жителей крайнего Севера, по сути, отсутствует частная собственность. Правильнее сказать, она не оформлена.

Доктор исторических наук А.В. Головнёв считает, что народы севера являются наследниками того образа жизни, который вело пращеловечество во времена палеолита, когда человек из Африки расселялся широко по всей планете. Они сумели сохранить энергию того периода, которая проявилась в двух сочетаниях, составивших основу их Культуры: «мужчина плюс женщина»,

«человек плюс олень». Вся жизнь на крайнем севере зависит от пары сотен оленей и пары десятков шестов, из которых строится чум. Каждый ребёнок с детства знает – олень в тундре – это и настоящее и будущее.

Изложенное требует пояснения через базовые понятия в электрике. Так, любая электрическая цепь состоит из двух проводов. По одному ток идет к потребителю, а по-другому возвращается обратно. Если разомкнуть эту цепь, то ток идти не будет.

Приведенный пример наглядно доказывает наличие периода, когда люди и природное разнообразие понимали друг друга, нуждались друг в друге и зависели друг от друга.

Кстати, в древнеиндийских эпосах «Рамаяна» и «Махабхарата» имеется информация о цивилизации разумных обезьян, известных как «ванары», которые жили в джунглях. Ванары построили мост между материком и Ланкой, соорудив его из камней и валунов. Считается, что строительство длилось пять дней, а его длина составляла 100 лиг. Существование моста под названием Рам Сету, ранее считавшееся мифом, было подтверждено снимками НАСА (англ. National Aeronautics and Space Administration).

На текущем этапе наше природное окружение популяцией homo рассматривает с утилитарной точки зрения. Животный, растительный миры и мир минералов признаются исключительно как пищевая линейка и материал для построения виртуальной среды. Но всё меняется. По всей видимости, возвращение в реальность на новом уровне возможно только через животный, растительный и минеральный миры.

Сделаем пояснение на примере кошек. Согласно исследованиям кошки видят в инфракрасном диапазоне, частично в видимом свете и ультрафиолетовом излучении. Как установлено, они не видят цвета красного, оранжевого и коричневого колеров видимого света. Согласно теории цвета три колера (красный, жёлтый, синий) относятся в основной группе первого порядка. К группе второго порядка относятся оранжевый, зелёный и фиолетовый, которые получаются путём смешения двух цветов первого порядка.

Суть в том, что диапазон частот красного цвета отвечает за физическое проявление мира. Следовательно, физическая природа мира с которого кошки пришли к нам имеет виртуальный характер, наподобие того, как у нас выглядит религия. А вот ультрафиолетовое излучение относится к популяции, которая появится после Homo sapiens sapiens.

Это к тому, что в классической физике имеется понятие «наблюдателя», а в квантовой «наблюдателя за наблюдателем». Аналогией служит пример того, как в населённом пункте установлены камеры наблюдения, которые сводятся на общий экран. То есть, популяция кошек, по сути, наблюдает за нами, а за кошками также кто-то наблюдает из того мира представителями которого они являются. К слову, северные олени также видят в ультрафиолете. Это даёт основание полагать, что народы севера находятся на более высоком уровне

развития по отношению к «цивилизованному» населению, что бы и кто бы о них не думал.

Но вернёмся к дальнейшему рассмотрению темы. Таким образом, мы вплотную подошли к следующей эпохе, уже сориентированной на высокочастотный диапазон электромагнитного излучения [3, с. 414–421].

Для этого нам следует рассмотреть в целом строение конструкции, относящейся к важнейшим понятиям исторического материализма.

Кроме структуры «базиса», как известно, имеется ещё набор элементов, включающий «надстройку». Эта система координат, включает «прошлое» (Память), «настоящее» и «будущее» [2, с. 22–23]. Надстройка – это совокупность идеологических отношений и взглядов (идей). В XIX и XX веках считалось, что надстройка обладает относительной самостоятельностью в своём развитии. В данной ситуации «надстройка» является направляющей силой, определяющей развитие материального мира.

Здесь следует снова вспомнить определение, предложенное в своё время Г. Гегелем, считавшим, что «бытие определяется сознанием», как соответствующее заявленной фазе.

V. Точкой отсчёта служат события 1871 года, получившие в истории название Парижская Коммуна (*фр. Commune de Paris*). Следующий этап – это СССР [3, с.414-421]. Период состоит также из двух фаз: «Новая история» и «Новейшая история», в которой мы сегодня и существуем.

На этапе «Новая история» (XX век) получила развитие интеграционная функция мозга, объединяющая все системы восприятия объективного мира. Появились новые представления о восприятии пространства, позволившие по-иному осмыслить процессы, происходящие в его структуре.

Соответственно, после 9 мая 1945 года в планетарном масштабе возникло две диаметрально противоположные цивилизации – западная и советская. Отличительной чертой советского проекта являлось то, что в основе его развития изначально находилась научная доктрина разработанная В.И. Лениным (1870 – 1924).

Трудности реализации заключались в том, что работа мозга основной части населения на тот момент осуществлялась на частотах низкочастотного диапазона. Переход из одного диапазона в другой – более высокий, учитывая низкий порог образованности изначально предполагал большие трудности.

На начальном этапе становления страны основоположник СССР на период гражданской войны ввёл военный коммунизм. Этап военного коммунизма был жизненно необходим, так как директивно принятые решения упразднили частную собственность, сословия и наконец деньги, заменённые на распределение и продразвёрстку.

Убедившись в выработке ресурса военного коммунизма, В.И. Ленин вернул общество в НЭП (новая экономическая политика: низкочастотный диапазон – шаг назад), в то же время начал строить параллельную реальность. Учитывая понимание бесперспективности работы со взрослым населением с

устоявшимся мировоззрением, была начата работа с молодёжью, что называется с чистого листа.

Кроме всего прочего, для повышения частоты работы мозга и качества мышления за парты было посажено практически всё население страны, невзирая на возраст. Согласно одному из законов диалектики количество должно было перейти в качество, что как показала жизнь и случилось.

На современном этапе в XXI веке наше сообщество оказалось точно в такой же ситуации. Сегодня, на стадии «Новейшей истории» мы стоим на пороге новой эпохи. Для перехода в Новый мир созданы все условия для созревания аккумулирующей деятельности головного мозга. Данная характеристика поможет накапливать знания, полученные предшествующими поколениями людей, а также во взаимодействии с параллельными мирами: минералов, растительным и животным [1, с. 62–119]. Этот опыт становится основой для выработки новых знаний и их практического воплощения, но уже с точки зрения высокочастотного диапазона.

В конечном счёте пришло время обобщить изложенный материал. Проведенный анализ, прежде всего, свидетельствует о завершении на нашей планете цикла построения планетарных цивилизаций. Предложенная периодизация объективно доказывает, что современная низкочастотная западная цивилизация является последней. Дальнейший путь развития сориентирован на высокочастотный диапазон спектра (истоки в СССР) и связан с созданием галактической цивилизации (коммунистической). Заключается в организации реальной новой реальности на основе опыта и знаний, наработанных в эпоху виртуального этапа развития homo. Но для этого, прежде всего, необходимо вывести на новый уровень частоту вибрации головного мозга.

И напоследок расширим рамки заявленных выше цивилизационных циклов и обратим взгляд на последовательность более высоко порядка сформированную электромагнитным излучением, включающую различные формы жизни. Перечень включает: Мир минералов – кремневая форма жизни; Мир растений – биологическая форма жизни; Мир животных – белковая форма жизни, где на текущий момент находится наша популяция *Homo sapiens sapiens*, которая вступила в свою завершающуюся стадию и Мир Человека – плазменная форма жизни (энергетическая) [1, с. 94–123]. Последняя – это та жизнь, путь в которую ещё предстоит протоптать и в данном случае основополагающая роль на этом пути должна принадлежать русскому миру.

Список литературы:

1. Пацкевич, Ю.И. Архитектура эволюции: монография / Ю.И. Пацкевич, А.В. Пацкевич – Москва: Инфра-М, 2020. – 185 с.: табл.; 21 см. - (Научная мысль. Культурология). – Библиография: с. 183-184. – ISBN 978-5-16-016916-3 (print). – ISBN 978-5-16-108431-1

2. Пацкевич, Ю.И. Модель системы расселения будущего: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Архитектура» (квалификация (степень) «бакалавр») / Ю. И. Пацкевич, А. В. Пацкевич ; [рец.: И. Г. Малков, О. Е. Пантюхов]. – Москва: ИНФРА-М, 2021 – 187 с.: ил. - (Высшее образование - бакалавриат). - Библиогр.: с. 178-184. - ISBN 978-5-16-014679-9

3. Пацкевич, А.В., Пацкевич, Ю.И. Роль науки в понимании путей преодоления низкочастотного этапа эволюции / По материалам II-й Международной научной конференции «Ноосферизм – новый путь развития. Субеттовские чтения – 2», 27 мая 2022 г., Санкт-Петербург; конференция посвящается 85-летию А.И. Субетто: коллективная монография. Под науч. ред. проф. В.В. Семикина. – СПб.: Астерион, 2022. – с. 414–421. – URL: <http://aurora-isrica.ru/doc/Mon22.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).

Печуринна Ольга Алексеевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ВЫБОР И ЛИЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация: Автор поднимает проблему культурной активности личности и ее выбора, условий формирования личного культурного пространства. Индивидуальный культурный выбор, свобода выбора остается для современного гуманитарного знания, ориентированного на культуру группы, загадкой. Понимание значения индивидуального выбора в культуре помогло бы объяснить новаторство, творчество, различные девиации, традиционализм, научные открытия и новаторство.

Ключевые слова: личное культурное пространство, социализация, индивид, личность, межкультурная коммуникация.

INDIVIDUAL CULTURAL CHOICE AND PERSONAL CULTURAL SPACE

Summary: The author raises the problem of cultural activity of the individual and his choice, the conditions for the formation of personal cultural space. Individual cultural choice, freedom of choice, remains a mystery for modern humanitarian knowledge focused on the culture of the group. Understanding the meaning of individual choice in culture would help explain innovation, creativity, various deviations, traditionalism, scientific discoveries and innovation

Keywords: personal cultural space, socialization, individual, personality, intercultural communication.

Культура индивида сегодня описывается многими понятиями. Среди них понятия культурной картины мира личности, личного культурного рюкзака (багажа), которые предполагают неразрывность личностной культуры и личности. «Человек в современном обществе носит с собой культурные знания своей группы как «культурный багаж», но при этом обращается с ними по своему усмотрению, и прежде всего он сам в зависимости от ситуации определяет, что делать с содержимым своего культурного «рюкзака», который находится за его спиной и из которого он по мере надобности достает те элементы, которые ему необходимы по ситуации» [6, с. 38]. Но есть еще одна особенность личностной культуры – это ее активное конструирование окружающей индивида физической реальности, создание личностью своего окружающего материального мира в соответствии с теми культурными представлениями и ценностями, которые были усвоены в процессе первичной и вторичной социализаций. Личностное пространство – окружающее физическое

пространство индивида, организованное, сконструированное им в соответствии с его социальным, экономическим, культурным капиталами, определяющими статусное положение. Социальное пространство реализуется в физическом, является его конструкцией и проекцией. Физическое пространство, которым окружает себя индивид, отражает интеллектуальные, психологические и социальные особенности индивида, его иерархию ценностей, образование, этническую идентичность, политические взгляды. Личностное пространство может содержать информацию о ролевом наборе индивида, а также отражает социальный статус человека и его принадлежность к определенным статусным и культурным группам. Этот реальный мир человека, овеществленный, сконструированный им, также неповторим, как неповторим рисунок отпечатков человеческих пальцев. Сама личность неотделима от того пространства, которое создает, личностные особенности овеществляются, материализуются.

В то же время создание личностного пространства – постоянный процесс. Личность создает свое особенное пространство повсеместно, где это будет возможно (на работе в офисе, в электричке, на привале в походе, в автомобиле и т. д.). Оно неотделимо от индивида, так же как его культурный рюкзак (багаж). Даже запах индивида, распространяющийся на какое-то расстояние от него, будет результатом его культуры: будет ли от него пахнуть французскими духами, свежестью или потом. Мы можем говорить о культурной «ауре» индивида, которая сохраняется даже на улице в толпе пешеходов и обозначена одеждой, размахом движения ног, рук при походке, стремительностью или неспешностью его движений, багажом или сумкой (портфелем, мешком) в руках. Одна из важнейших функций культуры – функция коммуникации. Эта невербальная пространственная культура движения тела, цвет и стиль одежды, запах, и многое другое – играют большую роль в коммуникации и будут относиться к личному культурному пространству индивида. Этот мир личностного пространства создается живущим конкретным индивидом и умирает вместе с ним, если не будет искусственно законсервирован в виде экспозиции музея, так или иначе приближающейся к давно ушедшему.

Личное культурное пространство – результат сложного процесса социализации, отражающий процесс формирования личности и личностной культуры. Формирование это происходит при участии агентов социализации, различающихся от страны к стране, от эпохи к эпохе, от общества к обществу. Чем более сложны и дифференцированы агенты социализации, тем сложнее, богаче этот процесс и его результат. Черты этого пространства начинают формироваться с детства. Сам процесс игры (в том числе детской) – результат и компонент конкретной культуры общества, в котором проходит первичная социализация. Именно поэтому мы можем сказать, что начало формирования личного культурного пространства лежит в поле конкретной культуры (татарской, армянской, французской, индейцев навахо или зуни, или культуры современного индустриального общества и мегаполиса). Если ребенок может участвовать в выборе игр и игрушек и самостоятельно размещать их не только

в пространстве своей игры, но и после нее (когда мама попросит убрать игрушки), то он уже активно участвует в формировании своего культурного пространства. В подростковом возрасте, в период начала социальной рефлексии индивидом, формирование личного культурного пространства становится осмысленным творческим процессом, результатом выбора.

Налицо акцент на роли культурного сообщества в формировании и поведении индивида, усвоении разнообразных правил, традиций и норм в процессе социализации. Подобный подход к феномену культуры был несомненным достижением XX века. Сам процесс первичной социализации чаще сводится к усвоению норм и социальных ролей общества (Т. Парсонс). Сообщества (например, статусная группа или этнические сообщества) задают стандарты всех сторон жизни индивида, в первую очередь стандарты идентичности. Индивидуальная активность, индивидуальный выбор в культуре, тем более в процессе начальной социализации, интересовал исследователей в меньшей степени, чем влияние группы и групповых норм. До сегодняшнего дня роль группы, коллектива в социологии и политологии обязательно подчеркивается.

Объяснить, почему представители одного и того же сообщества (воспитанные в одних социо-культурных условиях, при влиянии одних и тех же агентов социализации в одной стране и в одно и то же время) и их поведение, соответствующее принятым нормам, схожи, но не полностью идентичны, социология до сегодняшнего дня не может. Две мои кузины из одной семьи учились в одной и той же школе у одних и тех же учителей, имели один и тот же выбор чтения (библиотека родителей), ходили вместе в музыкальную школу и отдыхали вместе с родителями на одних и тех же курортах. Но в результате одна выбирает профессию хирурга, другая – математика. В этом примере индивиды воспитывались в одних семьях, а, следовательно, находились под влиянием схожих процессов социализации. И в том и в другом случае усвоены нормы поведения, ценности, принятые в своей социо-культурной группе («общие тенденции» по К. К. М. Клакхону), формирование «культурного рюкзака» происходило сходно, но в результате у каждой из сестер сформировался свой неповторимый запас культурных знаний и навыков, привычек, ценностей, взглядов, проявившихся в конструировании ими своих личных культурных пространств, культурных «аур», сопровождающих индивидов. Индивидуальный культурный выбор, т. е. свобода выбора, остается для современного гуманитарного знания, ориентированного на культуру группы, загадкой. Понимание значения индивидуального выбора в культуре помогло бы объяснить новаторство, творчество, различные девиации, традиционализм, научные открытия и новаторство вообще, закрытость одних и открытость, динамичность других культур. Почему пигмеи Южной Африки, индейцы навахо привержены традициям и образу жизни не меняющимся веками.

Доступные для изучения открытые археологами стоянки людей эпохи палеолита и мезолита, например, в Европе дают нам представление об орудиях труда, ритуальных украшениях, предметах быта и предметах первобытного искусства. В эти эпохи достаточно сложно говорить о личном культурном пространстве, ибо человек, очевидно, не отделял себя от своего первобытного сообщества и мыслил категориями рода (Л. Леви-Брюль). Его одежда, ритуальные магические аксессуары и ритуальные магические орнаменты, навыки охоты, быта, правила и ритуалы совместных действий и общения связывали его с традициями рода. Отсутствие ярко выраженной вариативности в отдельных орудиях труда говорит о слабой выраженности или отсутствии личного культурного пространства в эпохи палеолита и мезолита. Прimitивное производство традиционного общества требовало совместного труда и поддержки сообщества для выживания. Коллективизм в хозяйственной жизни и в культурной естественным образом сопровождался уничтожением значения индивида в труде, в бою («Один в поле не воин»). В то же время, реконструкция погребальных одеяний неолитической эпохи по бусинам, раковинам, нашитым на одежду в неолитических могильниках, говорит, что погребальные костюмы уже имеют вариации и отличаются по длине одежд и конфигурации нашитых бусин. «Погребальный костюм должен был отражать индивидуальные качества умершего, указывая его роль в коллективе при жизни» [4, с. 24]. Исходя из этих реконструкций мы можем сделать вывод о зарождении индивидуального выбора и личного культурного пространства в эпоху неолита. Индивид неолита уже окружал себя предметами личного пользования или семейного быта, имеющими неповторимое своеобразие, результат личного культурного выбора, вытекающего из личных мифологических, магических пристрастий и социального положения. Даже прически ритуальных статуэток, изображающих Древнюю Богиню, разнообразятся. Это волосы имеющие пробор и убранные в пучок, уложенные элегантными заплетенными косичками в виде змеек [2, с. 291]. С этого момента история человечества идет по пути усложнения, дифференцированности, вплоть до уникальности личного культурного пространства.

Чем более развиты технологии создания условий и продуктов жизнедеятельности, тем более увеличивалась независимость индивида от доминирования его сообщества. Сегодня мы становимся свидетелями новых процессов, когда жизнь личности получает свое автономное значение. Постепенно общественная жизнь начинает пониматься не как жизнь однородных сообществ, а как жизнь автономных свободных индивидов, способных не теряя своей автономности, объединяться в союзы и коллективы.

Именно потому, что личное культурное пространство может конструироваться особым образом в меняющихся условиях и в определенных пределах варьируется внутри конкретных культурных сообществ, именно индивиды, а не группы находят лучшее решение для выживания. Эти решения, опять же, через восприимчивость других индивидов становятся достоянием

группы, позже традицией, обычаем, технологией, или остаются незамеченными, забываются. Подобное новаторство было бы невозможно без свободного культурного выбора индивида. Именно в обществе, где свобода выбора, дифференцированность влияний в процессе социализации выше, выше и возможности адаптации и развития общества. Сравним европейскую «открытую» культуру и культуру «законсервированных» племен Африки, Австралии, Океании и т. д. Ярko продемонстрировали свободу культурного выбора гениальные творческие личности: политические деятели, реформаторы, полководцы, изобретатели, художники. Социализация очеловечивает, дает «технологию» поведения. Гений же в рамках этой «технологии» чувствует себя свободно, и эта свобода дает свободу творчества, создает шедевры, делает открытия. Именно эта свобода в рамках норм или от норм дает право называть гениев «положительными» девиантами. В Европейской индивидуалистской культуре значимость свободного развития, формирования личного культурного пространства, его влияния на культуру общества выше, чем в обществах коллективистских (по терминологии Г. Хофстеде).

Важную роль в формировании личного культурного пространства играет вопрос о его ресурсах. Для формирования личного культурного пространства необходимо, чтобы ресурсы (их качество, источники и остальные характеристики) соответствовали уровню технологического развития эпохи, региону, традициям конкретной культуры и потребностям данной конкретной личности. Ресурсы личного культурного пространства дифференцируются и усложняются в течение времени с усложнением образа жизни различных эпох. «Индивиды, располагающие большим объемом ресурсов, будут более успешны в подтверждении идентичности» [1, с. 114]. Отсутствие свободного от учебной работы времени затрудняет научную работу профессора вуза, отсутствие денег на краски и кисти – работу художника, цензура ограничивает знакомство с необходимой информацией и т. д. Личное культурное пространство должно удовлетворить разнообразные личные социо-культурные потребности индивида. Удовлетворение их возможно лишь через идентификацию индивида. Так, желание обеспечить материальными благами семью связано напрямую с успехом в бизнесе или карьерном росте. Следовательно, для реализации своих культурных предпочтений и идеалов в личном культурном пространстве необходимо овладеть социальными и экономическими ресурсами, это активизирует творческую созидательную деятельность, способствует росту его опыта и потенциала. Если ресурсы недостижимы законным, нормативным путем, возможно девиантное поведение (в соответствии с теорией аномии Р. Мертона).

Несомненно, что «взрослая личность является архитектурной целостностью», которую выстраивают традиции воспитания, принятые в конкретных этнических обществах и социо-культурных группах. Именно процесс социализации, а не кровного родства конструирует этническую идентичность. В СССР в паспорт записывали национальность, которую 16-

летний индивид выбирал по этнической принадлежности отца или матери. Отражал ли этот выбор идентичность юного индивида, соответствовал ли он конструируемому им личному культурному пространству? Братья Брюлловы, И. И. Левитан, И. К. Айвазовский, А. И. Куинджи вполне могли бы быть по паспорту французами, евреем, армянином, греком, но это лучшие представители, гордость русской культуры. В связи с этой логикой уместно возражать против апелляции к процессу ассимиляции при решении межкультурных проблем. Ассимиляция в прямом смысле невозможна, так как всегда останется в человеке, его культуре то, что он усвоил в процессе первичной социализации, «впитал с молоком матери». Это предпочтения, привычки, формы поведения, которые останутся у него на уровне подсознания (вплоть до импринтинга) с детства. Именно поэтому мы не вправе требовать от мигрантов ассимиляции, ибо ассимиляция будет насилием над личностью, противоречащим принципам либерализма. В двукультурной семье будут усваиваться нормы обеих культур (в разной степени интенсивности), возможно, ребенок будет параллельно усваивать и два языка. Но, если мы имеем сложным образом сформированное личное культурное пространство, в формировании которого участвовали различные этнические культурные влияния (которые мы могли бы различать лишь по степени этого влияния), как можно этому сложному синкретическому целому дать название? Несомненно, что это название, упростив феномен личной культуры, загонит ее в прокрустово ложе какого-то одного культурного стереотипа, в едином личном культурном пространстве личности попытается провести культурные границы, что невозможно. Если учесть, что такое культурное пространство сформировалось как сложный синкретичный результат различных влияний, то подобная примитивизация с выбором одного ведущего этноса некорректна.

Но в современном обществе существуют лишь представления о том, что у индивидов есть только единственная четко определенная этничность и этническая культура с четко обозначенными культурными границами, и именно она отличает тебя от твоего соседа по лестничной площадке, по школьной парте, по рабочему месту. Подобный взгляд проводит незримую, виртуальную, но непреодолимую разобщающую границу между людьми, по сути живущими и действующими в одном культурном измерении, работающими, учащимися бок о бок. Формально окружающие их будут причислять к разным этническим группам, но их культуры и личные культурные пространства, сформировавшиеся в одних и тех же условиях (например, в условиях индустриального города или мегаполиса) могут быть достаточно схожи по культурным характеристикам. Ясно, что каждый индивид будет иметь свое собственное представление о своей идентичности. Он захочет быть армянином, русским, американцем и т. д., исходя из условий и тенденций своей социализации, выбирая, что ему близко или, что ему выгодно. Даже, если окружающие будут навязывать индивиду определенную идентичность, его личный выбор будет вытекать из того внутреннего представления о себе

(представления о своей близости к тому или иному культурному сообществу) и о том культурном пространстве, в котором индивид будет чувствовать себя психологически и культурно комфортно.

Можно согласиться с В. А. Тишковым, что различия этносов «мы – они» ситуативно, особенно когда это различие происходит в рамках одного общего культурного пространства, например, мегаполиса или индустриального города. Несомненно, представления специалистов о границах этнической культуры и представления обыденного сознания в повседневной жизни также будут различаться (в терминологии В. А. Тишкова: маркировка различий и групповых границ). Эти различные «маркировки» будут использоваться для конструирования представлений о той или иной этнической культуре, для ее оценки и суждений о ней, а также для конструирования этнических стереотипов в обыденном сознании. Этнологи причисляют индивида к тому или иному сообществу при наличии общих с группой культурных черт. Но никогда не ставится вопрос: как этичность проявляется в поведении или культурном пространстве отдельного индивида? Очевидно, границы различий и идентичность в повседневной жизни, скорее, обозначатся по точкам культурных несхожестей, в первую очередь несхожестей личных культурных пространств. Больше всего бросаться в глаза будут точки конфликтных несовпадений, причем, в одной местности они будут таковы, в другой – другие. Участники межэтнической коммуникации в условиях конфликтных несовпадений не думают о том комплексе культуры, о котором рассуждают профессионалы. Они вовлечены в конфликт той стороной этнической культуры, которая вызывает у них неприятие (или они думают, что эти неприязненные моменты – этническая культура). Эти противоречия чаще всего рождаются в быту и имеют место тогда, когда какие-то бытовые нормы одной культурной группы противоречат привычкам и бытовым нормам другой культурной группы. Именно эти сомнительные, на взгляд одной из сторон, нормы, возникшие в конкретной ситуации и актуальные в ней, ассоциируются с этнической культурой. Поэтому сфера обыденного сознания – сфера этнических стереотипов, отличающаяся от представлений об этнической культуре профессионалов.

В студенческие годы я отвечала за работу с иностранными студентами. Самые острые проблемы возникали при расселении студентов из разных стран в общежитии. Мы старались поселить иностранцев в одной комнате или с русскими студентами, или со студентами из других стран так, чтобы язык общения был русский, что способствовало бы лучшему усвоению русского языка. Ребята из Конго не хотели жить в одной комнате с вьетнамцами, так как те ели много рыбы и комната в прямом смысле «воняла» рыбой. Вьетнамцы же отказывались жить с конголезцами, так как те «водили девочек» и вели разгульный образ жизни, возвращаясь после вечерних развлечений очень поздно. «Рыбное меню» и «разгульный образ жизни» принимали вид этнических различий (становились этническими маркерами) и имели

первичную этническую значимость для участников коммуникации. Другие этнические характеристики казались малосущественными. Этническое столкновение мобилизовало именно те черты, которые считались важными при совместной жизни. Можно сделать вывод, что произошло несовпадение личных культурных пространств участников коммуникации, которые были организованы диаметрально противоположным образом. Так этнические стереотипы рождаются в процессе бытовых контактов. Именно те черты и нормы культуры этносов привлекают внимание и «раздуваются», которые противоречат быту окружающих.

Мы застаем при рождении сложившуюся систему культуры и ее усваиваем в процессе первичной социализации в конкретном сообществе (язык, нормы, обычаи, ценности, социальные роли и т. д.). В этом смысле наша принадлежность к конкретному культурному сообществу будет априорной, приписанной (родителей не выбирают). Но социализированный индивид сегодня становится важнейшим компонентом индустриального общества в процессе вторичной социализации, творцом своей судьбы в рамках сложившихся социальных отношений. Его идентичность можно рассматривать как достигаемую. Отсюда вывод: индивида мы можем рассматривать как принадлежащего в конкретной социо-культурной группе и как автономного культурного индивида.

Тем не менее, с XIX века в социальных науках индивиды рассматриваются в первую очередь через свою принадлежность к конкретным сообществам или статусным группам (М. Вебер), классам (марксизм), социальным слоям (структурный функционализм). Т. Парсонс уделяет максимальное внимание общепринятым ценностям, групповым нормам, коллективным потребностям. Получается, что люди изначально включаются в конкретные группы, если они имеют какой-то групповой признак (например, собственность на средства производства является критерием принадлежности к классам пролетариата или буржуа по теории К. Маркса). «Стандарт идентичности задает для каждого из этих параметров некоторый уровень, который индивид должен поддерживать, чтобы оставаться тем, кто он есть» [1, с. 113]. Например, если индивид преподаватель вуза, то непременно должен быть образованным интеллигентным человеком, энциклопедистом, любящим Бетховена и читающим Ф. М. Достоевского. Если индивид рабочий, то интеллигентность и интеллектуальность от него не будут требовать и т. д. Индивид как бы воспринимается через характеристики группы. Предполагается, что у него должны быть потребности, культурные и политические интересы, характерные для представителей данной статусной группы. Но если мы во главу угла поставим понятие личного культурного пространства и его особенностей, закономерности формирования этого культурного пространства под влиянием определенных агентов и условий социализации, и поставим вопрос о границах свободы культурного выбора индивида, то увидим, что индивид более свободен в своем выборе форм

поведения, ценностей, норм, чем его представляет современная социальная философия. Эта степень личной свободы увеличивается по мере усложнения общества и дифференцированности агентов и условий социализации индивида в течение его судьбы. Однозначен выбор индивида, например, в монокультурной среде масаев в Африке, но современное общество, имея сложную дифференцированную социальную структуру, описывается многими характеристиками. Современное общество и современная культура многослойны. Именно поэтому должно приобретать значение для исследователей не только соответствие норме, но и выбор индивида. Так, В. А. Тишков этническую идентичность переносит в индивидуальную сферу личности. Этничность, по его мнению, это выбор личности, а этническое происхождение – это индивидуальное чувство происхождения от родителей и более отдаленных предков [7, с. 250 - 251]. В то же время, имея в виду свободу конструирования личного культурного пространства индивида, мы имеем в виду не личное пространство Робинзона Крузо, а члена общества, в котором осуществляется социальный контроль, существуют социальные роли и статусы, функционируют социальные институты. Несомненно, индивид при всей своей свободе включен в эту социальную структуру и активно действует в ней, имея в ней свои права и обязанности. Мы имеем как бы неразрывную связь общественного и частного в формировании личного культурного пространства.

Имея дело с индивидом, принадлежащим к культуре определенного этноса, мы сталкиваемся с его личным культурным пространством (закодированным в личном культурном рюкзаке). Но когда этот индивид объединяется с группой индивидов одного и того же этнического происхождения, на первое место выходит то общее, которое характерно для них всех.

Список литературы:

1. Бёрк, П. Дж. Идентичность, социальный статус и эмоции / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. Научн.-информ. исслед. Отд. Социологии и социал. Психологии. – М., 2011 - № 4. – 180 с.
2. Гимбутас, М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / М. Гимбутас. – М.: РОССПЭН, 2006. – 572 с. – (Серия «Гендерная коллекция – зарубежная классика»).
3. Квин, В. Прикладная психология. – СПб.: Питер, 2001. – 560 с.
4. Клакхон, К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. К. М. Клакхон, пер. с англ. Под редакц. А. А. Панченко. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
5. Котова, Н. С., Тубольцев, О. В. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // Российская археология. – 1999. - № 3. - С. 22 – 34.

6. Рот, Ю., Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 223 с.
7. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука, 2003. — 544 с.

Платова Екатерина Эдуардовна

доктор исторических наук, профессор

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ-ИНЖЕНЕРОВ Я.М. ГАККЕЛЯ И Е.Я. ГАККЕЛЬ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА НА НЕВЕ

Аннотация: Обращение к истории жизни и творчества Я.М. Гаккеля и Е.Я. Гаккель, известных ученых Петербурга, дает возможность детально рассмотреть процесс культурно-технического преобразования города советского периода. Акцентированное внимание к биографическому фактору в истории, к людям, которые внесли значительный вклад в развитие экономики, помогает персонифицировать исторический процесс и способствует воспитанию новых поколений, является важным моментом духовной жизни общества. В этом плане особое воспитательное значение имеют семейные династии: рабочие, педагогические, научные. В частности, научно-конструкторская династия Гаккелей на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: транспорт, высшая школа, инженеры, конструкторы, электротехника, трамвай, самолетостроение, тепловозостроение, научное изобретение, Я.М. Гаккель, Е.Я. Гаккель.

CONTRIBUTION OF THE OUTSTANDING SCIENTIST-ENGINEERS Y.M. GAKKEL AND E.Y. GAKKEL IN THE ENGINEERING AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF THE CITY ON THE NEVA

Summary: Appeal to the history of life and work of Ya.M. Gakkel and E.Ya. Gakkel, well-known scientists of St. Petersburg, provides an opportunity to consider in detail the process of cultural and technical transformation of the city of the Soviet period. Emphasis on the biographical factor in history, on people who have made a significant contribution to the development of the economy, helps to personalize the historical process and contributes to the education of new generations, is an important moment in the spiritual life of society. In this regard, family dynasties are of particular educational importance: workers, teachers, and scientists. In particular, the scientific and design dynasty of the Gakkels in railway transport.

Keywords: transport, higher education, engineers, designers, electrical engineering, tram, aircraft building, diesel locomotive building, scientific invention, Y.M. Gakkel, E.Y. Gakkel.

В год 320-летия со дня основания Санкт-Петербурга (1703-2023 гг.) научная общественность с удовлетворением осознает историческую значимость решения Петра I о привлечении знающих людей для возведения на болотах у

Балтийского моря новой столицы [14, с. 15-37]. Потерпев ряд поражений и неудач, царь Петр понял, что отставание России прежде всего объясняется низким уровнем образования подданных. Поэтому в новой столице Российской империи впервые стала масштабно решаться задача профессиональной подготовки молодого поколения. В 1724 г. создана Академия наук, при ней в 1726 г. был учрежден Академический университет. В истории Российского государства 18 век - первая четверть 19-го столетия стали называться Эпохой Просвещения. Благодаря усилиям академика М.В. Ломоносова, в 1755 г. были основаны Московский университет и Университетская гимназия при нем. В 1802 г. был открыт университет в Дерпте, в 1804 - Казанский университет, в 1805 г. - Харьковский университет [13, с. 29-43].

В тревожное время перед началом Отечественной войны 1812 г. манифестом Императора Александра I от 20 ноября (02 декабря) 1809 г. в Петербурге был учрежден Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС) [4, с. 3-14]. Необходимость создания учебного заведения диктовалась пространственной необъятностью России и необходимостью устройства разветвленной сети сухопутных и водных путей сообщения. Для их строительства требовались хорошо подготовленные инженеры, способные успешно решать сложные технические задачи. Более чем двухсотлетняя практическая деятельность Университета (ИКИПС-1809 г.; Петербургский институт инженеров путей сообщения - ПИИПС-1864 г.; Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта - ЛИИЖТ-1930 г.; Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I – ПГУПС-2014 г.) доказала историческую значимость данного учебного заведения, подготовившего для Санкт-Петербурга, страны и мира более 120 тысяч востребованных специалистов — инженеров [12, с.112]. Среди них яркими звездами высвечены фамилии преданных вузу ученых, новаторов изобретателей отца и дочери Якова Модестовича Гаккеля (1884-1945) и Екатерина Яковлевны Гаккель (1903-1984). Память о фамилии Гаккель хранят станция и поселок Гаккелево на Дальнем Востоке вблизи Владивостока, улица Гаккелевская в приморском районе Санкт-Петербурга, мемориальная доска по адресу: Московский пр., д. 9, на фронте здания ПГУПС.

Судьба известного ученого-изобретателя Я.М. Гаккеля привела его в ЛИИЖТ в советский период его деятельности, когда кадровое и материально-техническое влияние вуза было неоспоримо [15, с. 56-69]. Именно в 1930-1940 гг. это признанное учебное заведение способствовало возникновению более 30 технических и транспортных вузов страны. ЛИИЖТ возглавляли опытейшие профессора, педагоги, ученые-исследователи, изобретатели. В 1936 г. Я.М. Гаккель стал деканом механического факультета ЛИИЖТа и профессором кафедры «Подвижной состав», где он работал до ухода из жизни в 1945 г. из-за подорванного в блокаду здоровья. Творческое наследие Я.М. Гаккеля определило необходимость обращения к истории его жизненного пути.

Яков Модестович Гаккель родился 12 мая 1874 года в Иркутске, в семье военного инженера Модеста Васильевича Гаккеля, много сделавшего для практической реализации технического развития России. Значим вклад М.В. Гаккеля в строительстве телеграфной линии от Иркутска до Владивостока.

У юного Гаккеля было два увлечения: электричество и социальная справедливость. Страстная заинтересованность в первом определила направление образования юноши. В 1893 г. после блестящего окончания Иркутского реального училища, он поступает в столичный Электротехнический институт, где подает большие надежды в области научных изысканий, увлекается лекциями О.Д. Хвольсона, Д.В. Скобельцына, М.А. Шателена и особенно профессора В.Ф. Миткевича [2, с. 38]. Однако, уже на младших курсах обучения студент Гаккель сближается с революционно настроенной молодежью, организовывает социал-демократический кружок и попадает в зону внимания полиции. В 1896 г. во время прохождения практики в Москве Я. Гаккель был арестован. После полугодового заключения ему было разрешено закончить обучение при условии дальнейшей работы в отдаленных районах Сибири [5, с. 180]. В 1896 г. Я.М. Гаккель начинает трудовую деятельность в Восточной Сибири вблизи поселка Бодайбо, где участвует в организации работы гидроэлектростанции на прииске Павловском на реке Ныгри, притоке Вачи и первой в России высоковольтной линии электропередачи. Электростанция была оборудована двумя турбинами с общим валом, который вращал три динамо-машины мощностью по 100 кВт. В то время это была самая мощная ГЭС в Российской империи. Столичный инженер организует электрификацию подъездной железной дороги к золотоносным приискам, что обеспечивает круглогодичную работу шахты, в том числе зимой при морозах ниже 50 градусов. В 1901 году во время отпуска Я.Гаккель защитил в Петербургском электротехническом институте дипломный проект на тему "Трамвай на трехфазном токе". На Ленских приисках инженер Гаккель проработал до революционного 1905 г.

После окончания ссылки, вернувшись в Петербург, Я.М. Гаккель становится преподавателем Электротехнического института и увлекается трамваестроением. Он работает вместе с известным инженером Г.О. Графтио над проблемой конструирования, постройки и пуска в эксплуатацию первого столичного трамвая. Нельзя забывать о том, что первый в России трамвай пошел в 1892 г. Трамвайное движение было запущено в Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Севастополе и Москве. Только в Санкт-Петербурге — столице Российской империи основой общественного транспорта по-прежнему оставались разного рода конки [8, с. 38-40].

В 1902 г. Городской думой Санкт-Петербурга было принято решение о начале проектирования петербургского трамвая. В 1907 г. была создана Комиссия по переустройству сетей на электрическую тягу. К ее работе были привлечены лучшие научные и инженерно-технические кадры. Среди них можно назвать таких крупнейших специалистов, как Графтио Г.О., Гаккель

Я.М., Коган А.Г., Ребиков В.И. и др. При работе над проектом комиссия столкнулась с разнообразными проблемами по переустройству уличного покрытия, строительству электрической станции, монтажке сетей электрических воздушных проводов, укладке рельсов. Предстоял масштабный объем работы, тем более что Петербург в начале XX в. уже имел 1,5 млн. человек и занимал территорию более 250 квадратных километров. Необходимо было предусмотреть все проблемы и грамотно построить не только сам трамвайный транспорт, но и правильно разработать схемы городских маршрутов и обеспечить прокладку трамвайных путей вплоть до рабочих окраин. Трудностей было много, но 11 сентября 1907 г. Комиссия доложила Городской думе о готовности к открытию электрического движения от Главного штаба до 8-й линии Васильевского острова. Официальная церемония открытия трамвая состоялась у Адмиралтейства. В первом вагоне петербургского трамвая, которым управлял Г.О. Графтио, ехал Я.М. Гаккель, отвечавший за обеспечение трамвая электроэнергией [3, с. 322]. Горожане с восторгом встретили трамвай, оценив его преимущества. Уже в 1917 г. в Петрограде работало 29 трамвайных маршрутов и 3 трамвайных парка [20, с. 48-54].

Начало XX века ознаменовалось бурным развитием как мирового, так и отечественного самолетостроения, было много поисков и оригинальных конструкторских решений [19, с. 49-56; с. 115-116]. Увлекающийся новизной технических изысканий Я.М. Гаккель переключился на самолетостроение. Он пишет в своем дневнике следующее: «...Все, что по земле нашей ходит, я познал, и уже казалось мне оно скучным и обыденным» [22, с. 24-25]. В 1909 году вместе с С.С. Щетининым под Петербургом в ангаре на Коломяжском ипподроме Гаккель приступает к строительству самолета собственной конструкции, впоследствии получившего название «Гаккель-І», рассчитывая только на собственные сбережения. В том же году они регистрируют первое в стране «Первое российское товарищество воздухоплавания» на паевых началах. Всего Гаккелем было спроектировано 15 самолетов, 10 из которых было построено. На одном из них он летал сам, назвав его «Гаккель-VI». Среди них — первый гидросамолет-амфибия «Гаккель-V» и «Гаккель-VII», который в 1912 г. на конкурсе военных аэропланов установил всероссийский рекорд высоты 1350 м., продержавшись в полете почти час. Но вдруг удача отвернулась от конструктора: оба самолета сгорели вместе с ангаром. Гаккель остался без средств для продолжения работ, но вплоть до начала 20-х гг. изобретатель от своих планов не отказывается. Он создает проекты пассажирских самолетов, учебно-спортивных и военных аэропланов, но заказов не было [19, с. 94-95]. Самолетостроению Яков Модестович отдал без малого 15 лет своей жизни. Отчаявшись преодолеть земное притяжение Я.М. Гаккель возвращается к заботам земным.

Главным делом жизни Я.М. Гаккеля стала разработка и конструирование первого в СССР и в мире мощного магистрального тепловоза. После

революции и гражданской войны в условиях экономической разрухи жизненно важным для новой власти было восстановление железнодорожного сообщения. В 1921 г. Гаккель с готовым проектом строительства тепловоза поехал в Москву к председателю Госплана Г.М. Кржижановскому. Проект был одобрен В.И. Лениным [18, с. 3]. В результате Совет труда и обороны 4 января 1922 г. принял решение о строительстве первого в мире мощного магистрального тепловоза с Электрической передачей. В марте того же года было учреждено Бюро постройки тепловоза системы Я.М. Гаккеля при Теплотехническом институте в Петрограде. Тепловоз Якова Гаккеля – удивительное создание советских инженеров и рабочих того времени. К строительству тепловоза Гаккеля осенью 1922 г. в Петрограде приступили сразу несколько заводов, среди которых Балтийский судостроительный и «Красный Путиловец». Для создания такой сложной техники приходилось проявлять верх изобретательности. Например, удалось использовать двигатель и генераторы, заказанные в 1916 г. для подводных лодок. Вместе с тем, Гаккель не раз отмечал, что иностранного в его тепловозе лишь английский дизель да шведские подшипники, а все остальные агрегаты изготовлены из отечественных материалов русскими рабочими и инженерами. Был создан локомотив, который обликом отличался от современных ему паровозов, внешне напоминая железнодорожный вагон. Устроен он был так: в середине этого «вагона» располагалось машинное отделение, в торцах — одинаковые помещения с оборудованием для управления. Для управления тепловозом привлекались два человека — механик-пилот (машинист) и механик-моторист (техник, который следил за работой двигателей). Окончательные параметры построенного тепловоза: мощность — 1000 лошадиных сил, масса — 180 тонн, сила тяги — 22 тонны, конструкционная скорость — 75 км/ч [17, с. 102]. Самостоятельный выезд разработанного Гаккелем первого в мире магистрального мощного тепловоза с электрической передачей Щэл1 состоялся 5 августа 1924 года, а 6 ноября он был передан для дальнейшего испытания железнодорожникам Ленинградского узла. В Москву тепловоз прибыл 15 января 1925 г., ведя за собой тысячетонный состав. На митинге в честь этого Г.М. Кржижановский отметил, что практическое решение создания магистрального тепловоза впервые осуществлено в Советской России и что этому был бы рад В.И. Ленин [1, с. 187-198]. Первый советский тепловоз, построенный по заданию В.И. Ленина и названный «Тепловоз системы Я.М. Гаккеля в память В. И. Ленина», в 1972 году был установлен на постаменте в депо Ховрино Октябрьской железной дороги. В 1997 году он был передан в железнодорожный музей Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге.

В 1927 году на Всесоюзном конкурсе тепловозов, в котором участвовал 51 проект (из них 21 - зарубежных специалистов), первое и четвертое места заняли проекты Я. Гаккеля. В 1932-1936 годах по его проекту на Калужском заводе НКПС был построен первый отечественный тепловозный двухтактный дизель сварной конструкции мощностью 300 лошадиных сил. По заказу

правительства в 1934 году Я. Гаккель спроектировал и построил паровой трактор, применив в нем конденсацию пара без вакуума, сварной котел оригинальной конструкции, клапанную паровую машину на 600 об/мин. Такая паровая установка нашла применение на речных катерах. В первые годы войны конструктор проектировал передвижные железнодорожные энергопоезда для фронта. Во время блокады Гаккель отказался уезжать из осажденного Ленинграда, предпочитая разделить с осажденным городом его судьбу.

За многолетнюю творческую инженерно-конструкторскую, научную и педагогическую деятельность Я.М. Гаккелю в 1939 г. была присвоена ученая степень доктора технических наук без защиты докторской диссертации. В 1940 г. он удостоен почетного звания Заслуженный деятель науки и техники РСФСР и награжден орденом Трудового Красного Знамени [6, с. 50].

Дело жизни Я.М. Гаккеля продолжила его дочь Е.Я. Гаккель (1903-1084), ставшая первой в мире женщиной-профессором на железнодорожном транспорте. Под ее руководством был создан первый автомашинист для грузовых поездов [11, с. 2-17].

Екатерина Яковлевна Гаккель родилась 6 февраля 1903 г. в Петербурге в семье инженера-электрика Я.М. Гаккеля. Как и отец, она закончила Ленинградский электротехнический институт в 1930 г., получив диплом инженера-электрика по специальности «Электрическая тяга». Е.Я. Гаккель участвовала в испытаниях тепловоза, который создавал ее отец, и в торжествах по случаю прибытия этого тепловоза в Москву. Е.Я. Гаккель в 1930-34 гг. работала инженером транспортного отдела Шахтстроя, Института проектирования предприятий неметаллических ископаемых, отдела тяги Волго-Балтстроя.

Первые лекции студентам Е.Я. Гаккель начала читать в 1934 в Ленинградском индустриальном институте, а затем в Политехническом. В 1928 г. вышел первый ее учебник «Промышленные мотовозы». В 1939 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию. С 1949 г. Елена Яковлевна более 40 лет проработала в ЛИИЖТе, где защитила докторскую диссертацию «Энергетическая цепь электрической передачи» и получила звание профессора, тем самым став первой женщиной профессором на железнодорожном транспорте в СССР. Позже ученый совет ЛИИЖТа присвоил ей звание «Почетный профессор». В 1940-1950 гг. Гаккель часто выступала на различных научно-практических конференциях, ее статьи печатались в журнале «Электричество». Статья «Тепловоз с электрической передачей» получила высокую оценку инженерной общественности. Три издания выдержал ее учебник «Электрические машины и электрооборудование тепловозов» (с соавторами).

По инициативе Екатерины Яковлевны в ЛИИЖТе была организована отраслевая научно-исследовательская лаборатория «Автоматика локомотивов». Под ее научным руководством в лаборатории была разработана и на Октябрьской железной дороге успешно испытана первая в мире система

программного управления грузовым магистральным тепловозом и цифровой электронный локомотивный скоростемер системы «СЛ-ЛИИЖТ». По точности измерения скорости и пути этот прибор превосходил скоростемер швейцарской фирмы Hasler которая много лет являлась основным изготовителем локомотивных скоростемеров в зарубежных странах. Скоростемер дважды экспонировался на ВДНХ, коллективу его создателей во главе с Е.Я. Гаккель были присуждены серебряная и бронзовая медали и дипломы [9, с. 341].

Е.Я. Гаккель отличало высокое педагогическое и лекторское мастерство. Она активно участвовала в общественной жизни института и неоднократно избиралась секретарем партбюро, была членом научно-технических Советом МПС и Октябрьской железной дороги.

За заслуги перед транспортной наукой и успешную педагогическую деятельность Е.Я. Гаккель была награждена орденом Трудового Красного Знамени, «Знаком почета», пятью медалями, знаками МПС, «Почетному железнодорожнику» и «Отличный движенец». Наследие Е.Я. Гаккель – 124 научных труда, в том числе три учебника для транспортных вузов. За более чем 45-летнюю плодотворную педагогическую и научную деятельность Екатерина Яковлевна воспитала не одно поколение инженеров и ученых-тепловозников, подготовила более 30 кандидатов технических наук, из которых 10 стали докторами наук [9, с. 341]. На Октябрьской железной дороге была введена премия имени Е.Я. Гаккель за отлично выполненную дипломную работу по тепловозной тематике.

Наш город, безмерно богатый талантами, учеными, творцами, создателями новых технических открытий, продолжает развиваться и сохраняет память о них как необходимую составляющую своего настоящего и будущего процветания. Акцентированное внимание к биографическому фактору в истории, к людям, которые внесли значительный вклад в развитие экономики, помогает не только сохранить память о настоящих «героях былых времен», персонифицировать исторический процесс, но и способствует воспитанию новых поколений, является важным моментом духовной жизни общества. В этом плане особое воспитательное значение имеют семейные династии: рабочие, педагогические, научные. В частности, научно-конструкторская династия Гаккелей на железнодорожном транспорте.

Список литературы:

1. Борин, А.Б. Крутые повороты — М.: Профиздат, 1984. - 224 с.
2. Васильев, А.С. Роль ЛЭТИ в становлении отечественной энергетики и электротехники // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ, 2006. - № 1. - С. 26-40.
3. Величенко, М.Н., Канторович, Б.С. Петербургский трамвай. История и современность. - СПб.: Лики России, 2007. - 340 с.
4. Всемирное наследие Бетанкура: учебное пособие /под ред. И.П. Киселева, А.Ю. Панычева, В.В. Фортунатова. - СПб.: ПГУПС, 2022. - 567 с.

5. Выдающиеся выпускники и деятели Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) / под ред. Д.В. Пузанкова. - СПб.: СПбГЭТУ ЛЭТИ, 2006. — 350 с.
6. Гаккель, Я.М. Биографическая справка // БСЭ. — 3-е изд. - М., 1974. — Т. 6. — С. 50.
7. Железнодорожный транспорт: Энциклопедия / Гл. ред. Н.С. Конарев. - Москва: Большая рос. энцикл., 1994. - 559 с.
8. Засосов, Д.А., Пызин, В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. - Л.: Лениздат, 1991. - 271 с.
9. Зензинов, Н.А., Рыжак, С.А. Выдающиеся инженеры и ученые железнодорожного транспорта. - М.: Транспорт, 1990. - 479 с.
10. История железнодорожного транспорта России, XIX-XXI вв. / под ред. Е.И. Пивовар. - М.: Изд.дом Мещерякова, 2012. - 733 с.
11. Калинин Ю.С. Исаев А.В. Как создавался первый в мире автомашинист // Локотранс. - 2012. - № 7. - С. 2-17.
12. Киселев, И.П., Паньчев, А.Ю., Фортунатов, В.В. Общепольное для России учреждение. 100 фактов из истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I: учебное пособие — СПб.: ПГУПС, 2013. - 288 с.
13. Оводенко, А.А., Платова, Е.Э., Фортунатов, В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. – СПб., 2010. - 542 с.
14. Оводенко, А.А., Платова, Е.Э., Фортунатов, В.В. История петербургской интеллигенции – СПб.: Политехник, 2013. - 270 с.
15. Платова, Е.Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. - СПб.: СПбГУ, 2001. – 229 с.
16. Самолеты Я.М. Гаккеля //Вестник воздушного флота. - 1952. - № 4. - С. 94—95.
17. Ученые и изобретатели железнодорожного транспорта: сборник статей / сост. А.П. Третьяков. - М.: Трансжелдориздат, 1956. - 228 с.
18. Чернов, П., Чернов, Е. По заданию Ильича // Моделист-Конструктор — 1985. - № 11. - С. 3.
19. Шавров, В.Б. История конструкции самолётов в СССР до 1938 г. (Материалы к истории самолётостроения). — М.: Машиностроение, 1969. - 605 с.
20. Шапилов Е.Д., Величенко М.Н., Процай Л.А., Буйнякова Н. От конки до трамвая. Из истории петербургского транспорта. - СПб.: Лики России. - 240 с.
21. Шатоба И.Я. 100 лет со дня рождения Я.М. Гаккеля // Из истории авиации и космонавтики. - М. - 1974. - Вып. 22. - С. 62–56.
22. Шауров, Н., Шляпников, Н. Из конструкторской деятельности Я.М. Гаккеля // Крылья Родины. - 1952. - № 8. — С. 46-49.

Полякова Наталья Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ИДЕЯ ОТЕЧЕСТВА В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.А. ТИХОМИРОВА

Аннотация: В данной статье в качестве объекта рассматривается интеллектуальное наследие известного русского консервативного философа и политического публициста Л.А. Тихомирова. Автор обращается к его концепции Отечества, представленной в публичных выступлениях и политической публицистике, в частности, в работе «Что такое Отечество».

Как отмечается, русский консервативный мыслитель в своем выступлении оппонирует двум подходам, отвергавшим идею отечества с разных позиций: космополитическому универсализму и классовому эгоизму. В контексте заявленной темы рассматриваются различные линии аргументации мыслителя, включая исторические, идейно-политические и даже нравственно-этические. Отмечается многовекторность этой аргументации, ее опосредованность консервативными политическими идеалами и ценностями. В итоге идея Отечества представляется Тихомировым в перспективе «большого времени» как преемственность поколений во имя общего блага, как естественная среда и школа общественной солидарности. Делается вывод, что особый смысл такая трактовка, предложенная русским консервативным мыслителем, приобретает в кризисные периоды существования нации, возвращая ей утраченные смыслы.

Ключевые слова: Л.А. Тихомиров, Отечество, государство, общественность, политика, консерватизм, национальная традиция.

THE IDEA OF THE FATHERLAND IN THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL WORK OF L.A. TIKHOMIROV

Summary: In this article, the intellectual heritage of the famous Russian conservative philosopher and political publicist L.A. Tikhomirov is considered as an object. The author refers to his concept of the Fatherland, presented in public speeches and political journalism, in particular, in the work "What is the Fatherland".

As noted, the Russian conservative thinker in his speech opposes two approaches that rejected the idea of the fatherland from different positions: cosmopolitan universalism and class egoism. In the context of the stated topic, various lines of reasoning of the thinker are considered, including historical, ideological-political and even moral-ethical. The multi-vector nature of this argument due to conservative political ideals and values are noted. As a result, the idea of the fatherland appears to Tikhomirov in the perspective of the "big time" as a succession of generations in the name of the common good, as a natural environment and a

school of social solidarity. It is concluded that such an interpretation, proposed by a Russian conservative thinker, acquires a special meaning during the crisis periods of the nation's existence, returning lost meanings to it.

Keywords: L.A. Tiknomirov, Fatherland, state, public, politics, conservatism, national tradition.

Тема Отечества неизбежно актуализируется в переломные моменты национальной истории посредством обращения к многослойным смысловым характеристикам этого концепта. Как утверждается в философско-терминологическом словаре, «отечество – это страна отцов, страна, где родился человек и гражданином которой он является» [10, с. 130]. Обычно эта тема озвучивается в тесной связке с такими понятиями, как «патриотизм», «родина», «отчизна», при этом понятия «отечество» и «родина» чаще все отождествляются как в обыденном употреблении, так зачастую и в академическом, рассматриваются как синонимы: «Отечество – страна, где родился человек и гражданином которой является. Это то же, что и Родина» [2, с. 745]. Хотя имеют место и попытки более строго разграничить эти понятия в научном контексте. Так российский исследователь Т.А. Чикаева приходит в своей статье к выводу, что если родина «независима от своей политической формы – государства и может обретаться личностью независимо от её гражданства», то «понятие Отечества, напротив, связано с государством, предполагает его наличие» [9, с. 96]. На современном этапе тема отечества является одной из самых активно обсуждаемых и одновременно спорных тем не только академического, но и современного российского общественно-политического дискурса. Тем более важно в этой связи обратиться к анализу национальной традиции ее осмысления. Особое звучание эта тема приобрела изначально в консервативной традиции, исходящей в своих мировоззренческих ориентациях из ценности государственности и патриотизма, начиная еще с работ ее основателя – русского историка и политического публициста Н.М. Карамзина [4].

В апреле 1907 г. известный русский консервативный политический мыслитель и публицист Л. А. Тихомиров, порвавший в свое время с народолюбством и поставивший свою жизнь на службу монархической России, прочитал публичную лекцию под названием «Что такое Отечество», которая позднее, в том же году, была опубликована отдельной брошюрой. В своем дневнике мыслитель оставил очень нелестные заметки об этом событии: «3 апреля. Вторник. Прочел лекцию «Что такое отечество»? Читал очень скверно. Публики было 63 человека в громадной аудитории Исторического музея! Даже и читать-то противно в таких условиях» [3, с. 337]. Столь самокритичный анализ результатов был в целом характерен для Тихомирова, о чем, например, можно судить по другим его дневниковым записям, которые показывают читателям, что он очень ответственно подходил к своим обязанностям в различных областях и остро переживал любые, кажущиеся или реальные, неудачи в своей

публичной деятельности. Тем не менее, хотя сам русский публицист полагал, что лектор он плохой, но его публичные выступления на самом деле были очень востребованы и расписаны на много месяцев вперед. Так с начала 1907 г. были запланированы публичные чтения перед самой разной аудиторией (в Комиссии чтений для рабочих, в пользу «Союза типолитографских рабочих», для промонархически настроенной публики) на различных московских площадках (во Введенском Народном доме, в Московском епархиальном доме, а также в Историческом музее) [3, с. 336].

Лекция Л.А. Тихомирова «Что такое Отечество» была одной из целого ряда запланированных в рамках цикла, который читался в 1907 г. на платной основе для приверженцев монархической идеи, в первую очередь, сторонников Русской монархической партии. «А 10 апреля (по старому стилю – П.Н.) назначено чтение об «Отечестве» для монархистов. Но эти чтения, кажется, совершенный пух. На первом, у самого Грингмута, было что-то 70 человек – это в огромной аудитории Исторического музея! Стоит ли готовиться и тратить время? Ведь у меня, пожалуй, и того не соберется. Дело в том, что они назначили очень высокую плату, и в то же время не пускают посторонних, а только принадлежащих к их партиям... И вот результат!», – записал он в одной из своих мартовских дневниковых записей, выражая недовольство организацией самого процесса выступления [Там же, с. 334].

Аудитория Исторического музея, в которой прошла публичная лекция Л.А. Тихомирова, была организаторами выбрана неслучайно: именно эта площадка давно использовалась монархическими объединениями для своих собраний, как политических, так и просветительских, и выбор носил во многом символический характер. Новое музейное пространство было создано по распоряжению императора Александра II от 9 февраля 1872 года, как место памяти о событиях и свершениях русской истории, и должно было носить имя великого князя Александра Александровича – наследника престола. Сама идея создания такого музея возникла во время проведения в Москве с 30 мая (11 июня) по 1 (13) сентября 1872 г. Политехнической выставки, посвященной двухсотлетию юбилею со дня рождения Петра I. На данной выставке один из отделов носил название «Севастопольского» и был посвящен исследованиям древнего Херсонеса, а также событиям недавней Крымской войны и героической обороне Севастополя. Его организаторы и направили прошение с предложением о создании музейного пространства для сохранения памяти о тех героических событиях, которое со временем превратилось в место национальной памяти обо всех значимых событиях, имеющих отношение к отечественной истории [6]. Как было записано в Уставе музея, подготовленном знаменитым археологом графом А.С. Уваровым, сыном министра просвещения и автора известной политической формулы «православие, самодержавие, народность» графа С.С. Уварова, задачами музея провозглашалось «служить наглядною историею главных эпох русского государства и содействовать распространению сведений по отечественной истории» [11, с. 6]. В

объявленном в 1875 г. конкурсе на создание проекта здания для этого музея победил проект архитектора В.О. Шервуда и инженера А. А. Семенова под названием «Отечество». Этот проект и был позднее, в 1875-1885 гг., воплощен в жизнь в центре Москвы, в северной части Красной площади на земельном участке, выделенном городской Думой, а первый камень в его основание торжественно заложил лично император Александр II. Поэтому особенно символичным было публичное чтение в апреле 1907 г. лекции Л.А. Тихомировым под названием «Что такое Отечество» для промонархически настроенной аудитории именно в этом музейном пространстве.

Во вступлении к своей лекции консервативный мыслитель утверждает, что ее предмет – идея Отечества – мог бы иметь чисто академическое звучание «в другое время и в другой стране», но в России 1907 года, где отсутствует «горячее чувство отечества» буквально во всех слоях общества, в том числе и в правящих сферах, эта тема приобрела, на его взгляд, особую практическую значимость [8, с.141-142]. «Защита, доказательство, уяснение идеи отечества – Апологии Отечества – становится теперь перед нами величайшим долгом во имя Воскресения в ослабелых душах величайшей из общественных идей – идеи Отечества», – таким образом сформулировал он цель своего выступления и более широко цель для работы патриотических сил в обществе [Там же, с. 142].

Русский консерватор достаточно реалистично оценивал ситуацию в стране в этот период и искренне надеялся найти пути и средства остановить Россию на пути скатывания в дальнейшую пропасть. «Что в этом отношении сулит, по человеческому рассуждению, 1907 год? Ничего хорошего. Если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение. Не вижу данных на «мирное обновление». Есть, может быть, шансы на усталость и разочарование всех во всем. Отсюда может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это еще хуже, чем революция», – записал он в своем дневнике в канун нового 1907 года, подводя итоги предшествующих революционных лет [3, с. 306-307]. Как верно отметил исследователь русского консерватизма и издатель дневников Л.А. Тихомирова А.В. Репников: «В сложной и противоречивой судьбе Тихомирова в полной мере отразились изменения, которые переживала Россия, начиная с эпохи Великих реформ и заканчивая становлением большевистского режима» [7, с. 86].

В рамках своего публичного выступления русский консерватор выделяет две основные точки зрения, отвергающие идею отечества, которым считал должным оппонировать как «болезни века»: во-первых, космополитический отказ от идеи отечества в пользу более универсальной идеи человечности, а, во-вторых, отрицание этой идеи из узкоклассовых соображений в рамках левой интернационалистской традиции: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [5, с. 61]. Если первую точку зрения он считает простым недоразумением, поскольку, на его взгляд, между человечеством и отечеством нет никакого «противоположения» (через отечество осуществляется идея человечества), то проект классового отрицания отечества расценивается им как «грубая ошибка»

– в историческом, социальном и нравственном смыслах (отрицание общечеловеческой солидарности во имя внешнего интереса). При этом последующая аргументация лектора развивается согласно коммунитаристской модели, согласно которой именно идея отечества «...составляет естественную основу общественности и лучшую ее школу для людей» [8, с. 162]. В его лекционном представлении отечество – это высшее фактическое проявление человеческой солидарности, которая развивается не посредством «кабинетной мысли о всечеловеческой солидарности», а в реальной личной деятельности каждого, в конкретных опытах сосуществования, на примерах плодотворности или безуспешности социального сотворчества людей на своей земле: «Человек, как член человеческого рода, воспитывается и реально живет только в отечестве» [8, с. 148].

Кроме того, еще одной линией аргументации в пользу отечества в тихомировском выступлении стала апелляция к идее социальной преемственности, в рамках которой отечество – это вечный союз между поколениями во имя общего блага. «Жизнь каждого отдельного поколения в этом едином, преемственном процессе получает смысл только в существовании целого отечества», – утверждал он в своей лекции [Там же, с.147]. Таким образом, Тихомиров развивает свою аргументацию в духе классической традиции европейского консерватизма, видевшего в обществе «договор высшего порядка», который «заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями» [1, с. 90]. Обращение к теме преемственности поколений как среды, где развиваются общественные мысли, чувства и навыки, позволило автору расширить пространство идеи отечества, встроить ее в перспективу «большого времени», в рамках которой каждое новое поколение, продолжая традиции предыдущих, сознательно и систематически работает на будущие поколения. Отсюда же в этом коллективном процессе следует «...преемственность исторических задач и, сообразно с этим, преемственность политики» [8, с. 150]. Среди исторических задач, над которыми работают в отечестве преемственно поколения, Л.А. Тихомиров называл следующие: территориальную задачу, направленную на определение и занятие своей естественной территории; экономическую задачу, призванную определить и осуществить способы материального существования народа; задачу духовного «самосозидания» и национального единения; задачу организации общего управления, т.е. организации государства. В комплексном достижении всех этих задач усилиями многих поколений и выстраивается, согласно лектору, общее отечество как коллективное целое, как школа общественной солидарности, которая позволяет избежать и «...бесплотной космополитичности, легко превращающейся в простую фразу, и грубого эгоизма, к которому способна приводить идея классовости» [там же, с. 162].

Таким образом, идея Отечества, приобретая особый смысл в кризисные периоды существования нации, в «болезненное время», способна, по глубокому убеждению, Л.А. Тихомирова, становиться точкой опоры для каждого

поколения и возвращать ему утраченные смыслы. Как с надеждой выразился в завершении своей лекции в Историческом музее русский консервативный мыслитель: «Все можно исправить и воскресить, если у нас сохраняется любовь к Отечеству» [там же, с. 163].

Список литературы:

1. Берк, Э. Размышления о революции во Франции. - М.: Рудомино, 1993. – 142 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов; [авт. предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников]. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 599 с.
4. Карамзин, Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. – 736 с.
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1974. – 63 с.
6. Олтаржевский, Г. Хранитель древностей: как в России появился Исторический музей [Электронный ресурс] // Известия. 19 февраля 2022. – URL.: <https://iz.ru/1290187/georgii-oltarzhevskii/khranitel-drevnostei-kak-v-rossii-roiavilsia-istoricheskii-muzei?ysclid=ldxcff9luz813424047> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Репников, А.В. Дневник Л. А. Тихомирова 1905-1907 гг. // Интеллигенция и мир. – 2012. – №3. – С. 79-86.
8. Тихомиров, Л.А. Что такое Отечество // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – С. 141-164.
9. Чикаева, Т.А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2017. – №1. – С. 90 - 97.
10. Философско-терминологический словарь / А. Ф. Мальшевский. – Калуга: Гриф, 2004. – 329 с.
11. Юхименко, Е. М. Исторический музей // Православная энциклопедия. – М., 2012. – Т. XXVIII: «Исторический музей - Йэкуно Амлак». – С. 8-16.

Портнягина Мария Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ «МЕСТ ПАМЯТИ» В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: Выявление «мест памяти» в российских городах является весьма важной задачей, так как это позволит создать новый культурный слой посредством сохранения исторического наследия. Мемориальный бум, который мы наблюдаем в современной России, говорит о том, что наше общество готово работать с личной и коллективной памятью, что в свою очередь позволит внедрить так называемое «соучастующее проектирование», предполагающее активную гражданскую позицию и высокий уровень ответственности за окружающую среду. В ходе исследования были выявлены три группы «мест памяти» в Санкт-Петербурге. Каждая из групп была проанализирована с точки зрения устойчивости при создании образа города.

Ключевые слова: «места памяти», историческая память, коллективная память, национальная и региональная идентичность, образ города, Санкт-Петербург.

THE ROLE OF "PLACES OF MEMORY" IN SHAPING THE IMAGE OF THE CITY ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG

Summary: The identification of "places of memory" in Russian cities is a very important task, as it will create a new cultural layer through the preservation of historical heritage. The memorial boom that we are witnessing in modern Russia suggests that our society is ready to work with personal and collective memory, which in turn will allow us to introduce the so-called "participatory design", which assumes an active civic position and a high level of responsibility for the environment. The study identified three groups of "places of memory" in St. Petersburg. Each of the groups was analyzed from the point of view of sustainability when creating an image of the city.

Keywords: "places of memory", historical memory, collective memory, national and regional identity, image of the city, St. Petersburg.

«Места памяти» – один из самых известных проектов в рамках memory studies. Его руководитель П. Нора сумел предложить исследовательскому сообществу новое понятие, теоретическую основу и множество образцов ее приложения к конкретным объектам. Проект французского ученого – это исследование природы французской национальной идентичности. Доказательство этому мы видим в географии исследования. Так, например, в антологию вошла статья о гексагоне как символе границ Франции,

включающих Корсику, завоеванную в 1768 г. и Эльзас Лотарингию, присоединенную к Франции в 1918 г.¹ Однако в трехтомнике нет упоминаний о заморских владениях Франции в Индии, Африки, Азии. Таким образом большинство «мест памяти», которые изучали Нора и его коллеги, были созданы, изобретены или переназначены для того, чтобы служить национальному государству и быть основой национальной идентичности французских граждан.

Весьма осложняет работу тот факт, что П. Нора не дал четкого определения данного понятия. Нора характеризует «места памяти» как «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности». Механизм отбора объектов для исследования описан Нора весьма туманно: среди элементов наследия разных порядков стоит искать «нечто общее», что «спонтанно и более или менее смутно распознает в нем каждый». Однако ученый сумел выдел три свойства, которыми должен обладать объект, чтобы перейти в разряд «место памяти»: материальный, символический и функциональный².

Выявление «мест памяти» в российских городах является весьма важной задачей, так как это позволит создать новый культурный слой посредством сохранения исторического наследия и возможного контакта с современным искусством. Мемориальный бум, который мы наблюдаем в современной России, говорит о том, что наше общество готово работать с личной и коллективной памятью, что в свою очередь позволит внедрить так называемое «соучаствующее проектирование», предполагающее активную гражданскую позицию и высокий уровень ответственности за окружающую среду. Это в свою очередь позволит формировать продуманный образ города, который будет способствовать развитию культуры, туризма, обеспечит его инвестиционную привлекательность.

Формирование положительного имиджа города – весьма трудоемкий процесс как со стороны государственных структур, так и гражданского общества. Ведь выявление и развитие перспективных тенденций, направленных на развитие имиджа, невозможно без поддержки со стороны населения. Кроме того, отношение горожан к тем или иным городским объектам может быть своеобразным барометром в поиске новых брендов.

Основная проблема с выявлением «мест памяти», «пригодных» для формирования образа Санкт-Петербурга – это наличие множества разных памятных мест. Поэтому мы условно выделим три группы «мест памяти», которые используются и могли бы использоваться для формирования положительного образа города.

¹ Нора П. Проблематика мест памяти - Места памяти: Пьер Нора. Проблематика мест памяти (ec-dejavu.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

² Нора П. Проблематика мест памяти - Места памяти: Пьер Нора. Проблематика мест памяти (ec-dejavu.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

Места, связанные с блокадой и Великой Отечественной войной. Прежде всего это Пискаревское мемориальное кладбище, место массовых захоронений жертв блокады и солдат, павших в боях за освобождение города. 9 мая 1960 г. состоялось торжественное открытие мемориала, центром которого является скульптура Родина-Мать, скорбящая женщина, которая стоит с траурным венком. «Зеленый пояс Славы» - комплекс, в который входит 36 мемориальных объектов, строившихся в 1960-е гг. Сюда входят музей-диорама, «Невский пяточок», «Ивановский пяточок», Синявинские высоты, музей Дорога жизни, музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда» и др. К особой категории «мест памяти», посвященных Великой Отечественной войне, относятся литературные произведения, которые можно рассматривать как единое «место памяти»: дневник Тани Савичевой, девочки, жившей в блокадном Ленинграде. Дневник в качестве документа, обвиняющего злодеяния фашизма, был представлен на Нюрнбергском процессе. Блокадный дневник О. Берггольц, записки блокадного человека Л. Гинзбург - данные литературные памятники весьма символичны, так как через опыт небольшой группы людей передают чувства, эмоции, которые пережили большинство жителей блокадного Ленинграда.

Также к «местам памяти» следует отнести памятные таблички на зданиях домов: мемориальная доска на здании тяговой подстанции, напоминающая о подвигах трамвайщиков Ленинграда, она была установлена в 1995 г. Особым местом памяти является нанесенная в период блокады с помощью трафарета надпись «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Сегодня эти надписи сохранились на Невском проспекте 14, Лесном проспекте 61, 22 линии В.О. 7, улице Аммермана 25. Все надписи сопровождаются мемориальными досками. Здесь интересно отметить, что данная традиция нашла свое современное переосмысление. Эту фразу защитники городской архитектуры используют в качестве символа угрозы, которую представляют действия властей и застройщиков. Например, при организации митингов, граждане используют следующие формулировки на своих плакатах: «Граждане! При обрушении Охта-центра эта сторона улицы наиболее опасна», «Граждане! При В. И. Матвиенко любая сторона улицы опасна для жизни!».

«Места памяти», посвященные Великой Отечественной войне, служат цели помнить о бессмертном подвиге, о жертвах, которые принес народ. Также они служат цели национальной идентификации, так как современная российская политика памяти во главу угла ставит именно воспоминания о Великой Отечественной войне. Для России празднование 9 мая остается исключительным событием. До сих пор этот праздник остается единственным, который, по мнению исследователей позволяет бесконфликтно осуществить самоидентификацию с национальным прошлым. По мнению директора аналитического центра Левада Л. Гудкова, война в сознании россиян остается

главным символом национальной идентичности, тем, чем люди гордятся больше всего, и значение этого события увеличивается год от года³.

«Места памяти», связанные с именами государственных деятелей, деятелей искусства. В российских политических, научных и общественных кругах уже долгое время говорят о необходимости создания национальной объединяющей идеи. Исключительно на военно-патриотической идеологии она строиться не может. Выявление «мест памяти», связанных с именами государственных деятелей и деятелей искусств, нематериальным культурным наследием может помочь в разработке новой идеологической концепции и ответить на многие вопросы, связанные с проблемой разработки национальной идеи. Чем больше в этническом сознании положительных «мест памяти» и меньше отрицательных, тем выше самоуважение этноса, крепче патриотический дух.

Среди государственных деятелей в качестве мест памяти мы выделили: Петр I, Александр Невский, А. Собчак. Образ Александра Невского в период более чем семисотлетней его истории постоянно изменялся, конструировался в процессе изменений социокультурного контекста. Как отмечает исследователь Ф.Б. Шенк «из местного суздальского святого Александр Невский стал небесным покровителем всей Российской империи. Из второго эшелона исторических героев он вознесся в тридцатые годы XX века на вершину национального пантеона»⁴. Сегодня мы также можем наблюдать ренессанс коллективной памяти об Александре Невском.

Если Петр I и Александр Невский используются сегодня в большей степени в положительной коннотации, как основатель города и его небесный покровитель, то образ первого мэра вызывает неоднозначную реакцию у граждан Санкт-Петербурга. Современная российская власть создала определенно положительный образ А. Собчака, – патриот, реформатор, в заслуги ему ставится возвращение Петербургу его исторического названия. Начиная с 2002 года, правительство учредило 10 персональных стипендий имени Собчака для студентов юридических факультетов государственных университетов и других образовательных учреждений высшего профессионального образования. Установлен ряд мемориальных досок на зданиях, связанных с деятельностью первого мэра. В 2005 г. площадь перед ДК им. С. М. Кирова получила имя площадь Собчака. Регулярно проводятся памятные мероприятия, приуроченные ко дню рождения и дню смерти Собчака, которые посещают первые лица государства. С другой стороны, отношение граждан к А. Собчаку можно охарактеризовать как неоднозначное. В 2000 г., после кончины чиновника, среди россиян был проведен опрос, по данным которого почти две трети опрошенных либо ничего не знают о

³ Современная память россиян о войне. Интервью с Львом Гудковым - <https://www.levada.ru/2018/05/11/sovremennaya-pamyat-rossiyan-o-vojne/> (дата обращения: 20.02.2023)

⁴ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). - Ф.Б. Шенк. «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000)» (a-nevsky.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

деятельности А. Собчака в последние годы (42%), либо затрудняются ответить (20%). Остальные ответы распределились следующим образом: положительные оценки - 22%, отрицательные - 16%⁵. Образ А. Собчака, несомненно, является «местом памяти» в Санкт-Петербурге, хотя весьма неоднозначным, очевидна тенденция государственного конструирования данного «места памяти», что может привести к тому, что оно не будет играть значительной роли в самоидентификации горожан. Например, как День народного единства воспринимается большинством россиян исключительно как дополнительные выходные дни.

Среди деятелей искусства, которые могли бы быть «местами памяти» следует выделить: Ф.М. Достоевского, А. Ахматову, О. Берггольц. Каждый из них смог создать свой особый, неповторимый образ Петербурга, и теперь город в большей степени ассоциируется с именами этих писателей. Жизнь и работа Федора Михайловича Достоевского связана с городом на Неве. После смерти писателя не предпринималось каких-либо попыток мемориализации его личности, исключение составило разве что название в 1915 г. в его честь улицы. После революции к писателю наблюдается крайне противоречивое отношение: реакционер, но из «своей» среды. В это время Москва становится центром памяти о нем, открываются памятник, музей. Но 100-летие со дня рождения отмечали в Петрограде. Изменение отношения к Достоевскому наблюдается в период «оттепели»: реабилитация и включение в пантеон советских русских писателей. В этот период начинается выпуск марок с портретом писателя, установка памятных досок и открытие музея в Ленинграде (1971 г.) Активная мемориализация в Петербурге начинается с 1990-х гг. В этот период создается неформальная «зона Достоевского», так называется район возле Сенной площади, который связан с творчеством писателя. Формируются многочисленные туристические маршруты. В 1991 г. станция метро была названа в честь писателя. Петербург становится центром изучения Достоевского. 2021 г. стал юбилейным годом, подготовка к празднованию началась со времени подписания 24 августа 2016 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Указа «О праздновании 200-летия Ф. М. Достоевского».

В биографии поэтессы Ольги Федоровны Берггольц преломилась история России и Санкт-Петербурга XX в.: революция, репрессии, блокада, тревожная послевоенная жизнь, ее произведения – своеобразный путеводитель по жизни города. На гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища были высечены слова Берггольц, ее именем названа улица в Невском районе, сквер в Приморском районе, в городе есть несколько памятников в ее честь, установлены мемориальные доски. В период советской власти не все ее произведения печатались, после ее смерти ее архив был конфискован властями и помещен в спецхран. Фрагменты дневников и несколько стихотворений были

⁵ Россияне об Анатолии Собчаке - База данных ФОМ > Россияне об Анатолии Собчаке (fom.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

опубликованы лишь за границей. Лишь в 2015 г. было объявлено о первом полном издании ее дневников.

Практически вся жизнь Анны Андреевны Ахматовой связана с городом на Неве, благодаря ее поэзии город предстает перед читателем печальным и прекрасным, нежным и твердым одновременно. В 2006 г. был открыт памятник А. Ахматовой на Воскресенской набережной, памятник поставлен напротив тюрьмы «Кресты», в которой в 30-х гг. XX в. находились муж и сын поэтессы, и в очередях перед которой Ахматова простояла многие часы в надежде увидится с родными.

Благодаря произведениям Достоевского, Ахматовой, Берггольц Петербург останется в памяти многих поколений как разносторонний город, который может быть и пугающим, и красивым, и великим. Имена этих писателей навсегда останутся связаны с городом, поэтому как «места памяти» они будут стабильны и их весьма успешно можно использовать в городской самоидентификации.

«Места памяти», связанные с нематериальным культурным наследием, среди них можно выделить: белые ночи, праздник корюшки, ФК Zenit.

Наиболее интересным представляется общегородской праздник корюшки, которой объединяет петербуржцев и служит элементом городской самоидентификации. Уже с основания города невяская корюшка стала рыбьей-кормилицей для растущего населения северной столицы. Указом Петра I рыбаки, занимавшиеся выловом данной рыбы, поддерживались государством. Уже в 1708 г. в Петербурге прошли первые мероприятия, посвященные корюшке. Рыбу славили в литературе и фольклоре: «На Фонтанке треснул лед — в гости корюшка плывет». «От горюшка спасет нас корюшка». Или у Николая Гоголя в «Ревизоре»: «Да там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка. Такие, что только слюнка потечет, когда начнешь есть!»⁶ После этого о традиции надолго забыли и вспомнили лишь в 2002 г., когда в Санкт-Петербургском университете состоялась презентация нового городского праздника. Данное событие привлекает сегодня как туристов, так и жителей города.

Корюшку ловили и ели всегда, но отношение к этой рыбке было разное в разные периоды истории. В XIX в. она была рыбой скорее не для аристократии, продавалась за копейки и была рыбой петербургских окраин. Ее не знали французы-повара знаменитых ресторанов «Кюба», «Донон», «Контан». Корюшка — для тех, кто ходит не с парадного, а с черного хода: горничных, кухарок, дворовых мужиков. Как писала А. Ахматова, "на черной лестнице пахло жженым кофе, постным маслом на Масленицу, корюшкой весной и всегда кошками"⁷. В советский период корюшка внесла большое

⁶ Корюшку славят в литературе и фольклоре - «Корюшку славят в литературе и фольклоре» – Коммерсантъ FM – Коммерсантъ (kommersant.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

⁷ Припасть к корюшке. Лев Лурье — о рыбе с петербургским вкусом - Припасть к корюшке – Огонек № 14 (5221) от 09.04.2012 (kommersant.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

разнообразии на стол ленинградцев. С 1950-е гг. ежегодное появление лотков с рыбой означает приход весны. Она становится фирменным знаком города, туристы везут домой банки маринованной корюшки. И сегодня корюшка остается любимым лакомством как для горожан, так и для гостей города.

Белые ночи также можно выделить как «место памяти» Санкт-Петербурга, так как они празднуются и являются визитной карточкой города, хотя наблюдаются также и в Мурманске, Осло и др. городах. Так же, как и корюшка, белые ночи ассоциируются с приходом весны в город. Одно из произведений Ф.М. Достоевского носит название «Белые ночи» и город предстает в нем в неожиданной для писателя стилистике. Если ранее Петербург был враждебным, воплощением порока, то теперь город выступает другом рассказчика, главный герой любит его, наслаждается его весной. Сегодня в период белых ночей проводятся различные фестивали (Звезды белых ночей, Свинг белой ночи), спортивные мероприятия (Белые ночи – турнир по бадминтону). Образ белых ночей широко используется в искусстве и литературе, это самый долгожданный и романтичный период как для жителей северной столицы, так и для гостей города.

Большинство петербуржцев являются болельщиками ФК Zenit, считают, что эта команда является символом города. По данным опроса, 58% горожан называют себя болельщиками "Зенита", 75% опрошенных считают, что "Зенит" символ Петербурга⁸. Санкт-Петербург не избалован большим количеством футбольных клубов, поэтому жители города как единый организм болеют за «питерских львов». Клуб может похвастаться богатой историей, хорошими показателями на международной арене, нацеленностью на европейские стандарты. Однако стоит отметить, что за пределами Петербурга, да и в самом городе можно встретить недовольных его работой. Среди причин такой неприязни достаточно агрессивная политика Газпрома. Например, Zenit имея большие административные ресурсы, надавил на регламент и добился того, чтобы полуфинал Кубка России прошел именно в Санкт-Петербурге. Некоторые даже с досадой отмечают, что это не город болел Zenitom, а Zenit является болезнью, уничтожая любого конкурента⁹.

«Места памяти», связанные с блокадой и Великой Отечественной войной, можно отнести к группе наиболее стабильных и часто используемых как государственными структурами, так и гражданским обществом для национальной и региональной идентификации. Нами было выделено несколько групп: памятники и обелиски; литературные произведения; мемориальные доски. Война и блокада остается в сознании петербуржцев главным символом стойкости и героизма его жителей.

⁸ Петербуржцы признали «Зенит» символом города - Петербуржцы признали "Зенит" символом города (saint-petersburg.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

⁹ Пять причин, почему любят и ненавидят Санкт-Петербургский «Зенит» - 5 причин, почему любят и ненавидят Санкт-Петербургский «Зенит», Россия на Football-Fun.ru (football-fun.ru) (дата обращения: 20.02.2023)

Анализируя образы государственных деятелей, мы пришли к выводу, что они весьма неоднозначны, а иногда, например в случае с А.Собчаком, образ, созданный государственными структурами и продвигаемый ими в обществе, расходится с мнением самих жителей города. Образы государственных деятелей меняются на протяжении истории в зависимости от социально-политических требований. Поэтому их можно определить как нестабильные. Образы деятелей искусства в этом отношении более постоянны. Однако сегодня наметилась тенденция их коммерциализации, например, служба доставки еды намеренно прибегла к использованию в своем названии отсылки к Ф.М. Достоевскому.

«Места памяти», связанные с объектами нематериального культурного наследия, успешно используются в брендинге города. Среди них можно выделить как наиболее стабильные, имеющие богатую историю и воспринимающиеся исключительно в позитивном ключе: белые ночи и праздник корюшке, так и менее стабильные, возникшие относительно недавно и спорные в восприятии: ФК Zenit.

Список литературы:

1. Корюшку славят в литературе и фольклоре - «Корюшку славят в литературе и фольклоре» – Коммерсантъ FM – Коммерсантъ – URL.: kommersant.ru (дата обращения: 20.02.2023).
2. Нора, П. Проблематика мест памяти - Места памяти: Пьер Нора. Проблематика мест памяти – URL.: es-dejavu.ru (дата обращения: 20.02.2023).
3. Петербуржцы признали «Зенит» символом города - Петербуржцы признали "Зенит" символом города – URL.: saint-petersburg.ru (дата обращения: 20.02.2023).
4. Припасть к корюшке. Лев Лурье — о рыбе с петербургским вкусом - Припасть к корюшке – Огонек. – № 14 (5221) от 09.04.2012 – URL.: kommersant.ru (дата обращения: 20.02.2023).
5. Пять причин, почему любят и ненавидят Санкт-Петербургский «Зенит» - 5 причин, почему любят и ненавидят Санкт-Петербургский «Зенит», Россия на Football-Fun.ru – URL.: football-fun.ru (дата обращения: 20.02.2023).
6. Россияне об Анатолии Собчаке - База данных ФОМ > Россияне об Анатолии Собчаке – URL.: fom.ru (дата обращения: 20.02.2023).
7. Современная память россиян о войне. Интервью с Львом Гудковым – URL.: <https://www.levada.ru/2018/05/11/sovremennaya-pamyat-rossiyan-o-vojne/> (дата обращения: 20.02.2023).
8. Шенк, Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). - Ф.Б. Шенк. «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000)». – URL.: a-nevsky.ru (дата обращения: 20.02.2023).

Пригодич Никита Дмитриевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Национальный исследовательский университет ИТМО

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10036, <https://rscf.ru/project/22-78-10036>

ИНОСТРАННЫЕ ЗАКУПКИ АВТОМОБИЛЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотрения иностранных закупок автомобилей Российской империей в годы Первой мировой войны в контексте транспортно-логистического кризиса. Накануне войны использование автомобильного транспорта в армии и в тылу было фрагментарно. Подавляющее большинство техники было немецкого производства. В 1914-1915 годах для командования и правительства становятся очевидными те преимущества, которыми обладает автомобильный транспорт в вопросах военной логистики. Однако заказ новых «механических снарядов» в странах Антанты сталкивался с рядом трудностей. Установление планов закупок, проблематики доставки, распределения и использования станет важным аспектом в изучении проблемы транспортного кризиса Российской империи в годы войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, транспортный кризис, Антанта, русская армия, российская империя, автомобиль.

FOREIGN CAR PURCHASES DURING THE FIRST WORLD WAR: PROBLEM STATEMENT

Summary: The article attempts to consider foreign purchases of cars by the Russian Empire during the First World War in the context of the transport and logistics crisis. On the eve of the war, the use of motor transport in the army and in the rear was fragmentary. The vast majority of the equipment was German-made. In 1914-1915, the advantages that road transport has in matters of military logistics became obvious to the command and the government. However, the order of new "mechanical shells" in the Entente countries faced a number of difficulties. The establishment of procurement plans, the problems of delivery, distribution and use will be an important aspect in studying the problem of the transport crisis of the Russian Empire during the war years.

Keywords: World War I, transport crisis, Entente, Russian army, Russian Empire, automobile.

В годы Первой мировой войны российская транспортная система стала испытывать колоссальные нагрузки, к которым оказалась фактически не готова. Данная проблема стала одним из важнейших факторов целого ряда последствий

в виде неудач на фронте, продовольственного кризиса и экономического дисбаланса Российской империи. Несколько поколений отечественных и зарубежных исследователей формировали современный круг представлений о причинах, этапах и возможных альтернативах сложившегося в годы войны положения. Обращаясь к историографии необходимо отметить ряд ключевых исследований [15, 17-18, 20].

Однако, в контексте общих работ трудно не заметить отсутствие внимания к автомобилям. В начале XX века этот вид транспорта в Российской империи лишь фрагментарно присутствовал на дорогах, участвуя в грузопассажирских перевозках. С началом войны его эффективность в прифронтовых условиях и открывающиеся при этом возможности становятся очевидны как военному командованию, так и правительству. Расширение числа автомобилей, прежде всего грузовых, становится приоритетной задачей. Основные трудности были связаны со слабо развитой промышленной базой внутри страны и «засильем» техники немецкого производства, ремонт которой оказался в высшей степени затруднен. Мобилизация автомобилей летом 1914 года позволила решить проблему на весьма короткий срок и скорее лишь обозначила необходимый вектор дальнейших действий [11].

Изучение истории автомобильного транспорта в годы Первой мировой войны началось уже в ее ходе. На страницах дореволюционных тематических журналов производились неоднократные попытки обобщения того опыта, который был приобретен на фронте и в тылу [7, 10]. В советские годы к вопросу множественно обращались как военные специалисты, так и историки [6, 16]. Но более проблемный подход к изучаемой теме проявился уже в постсоветское время. Наряду с большим количеством справочных, энциклопедических и публицистических изданий необходимо отметить исследования С.В. Кирилеца. В первую очередь, его работу в соавторстве с Г.Г. Канинским об истории автомобилей в российской армии [14]. А также некоторые отдельные исследования [13]. Общим недостатком историографии использования автомобилей в годы войны является концентрация на военной истории, тогда как обширное их применение по линии министерства путей сообщений или российского земства остаются не исследованными.

При опоре на обзор общего и сегментарного положения следует отметить, что фактору иностранных закупок, как попытке разрешить основные затруднения транспортного кризиса в целом и автомобильной проблемы в частности, уделялось заметно меньшее количество внимания. Сама тема военно-технического сотрудничества со странами Антанты в годы Первой мировой войны является одним из популярных направлений для исследований. В контексте изучения проблемы «снарядного голода» к этому вопросу обращались как советские, так и эмигрантские авторы. Тема заготовительных миссий в США и Великобритании стала предметом рассмотрения в работах А.М. Зайончковского, Н.Н. Головина, А.А. Керсновского и других [8-9, 12]. На современном этапе наиболее фактурно к проблеме подходили Ю.А. Бахурин и

А.Б. Асташов, но особенно О.Р. Айрапетов, перу которого, среди прочих, принадлежит и несколько работ, непосредственно посвященных зарубежным заказам [1-3]. На сегодняшний день крупнейшим исследованием по истории военно-технического сотрудничества России со странами Антанты и по российским зарубежным закупкам является коллективная монография «Порох золото и сталь: Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны» под редакцией профессора факультета международных отношений СПбГУ А.Ю. Павлова, вышедшая в 2017 году [19]. Данный труд стал как обобщающим в деле суммирования накопленных данных, так и некоторые разделы представляют собой самостоятельные исследования по ранее малоизученным аспектам. В то же время, указанная монография не касается российских транспортных заказов, затрагивая лишь некоторые аспекты заготовок для нужд флота (противолодочная оборона), а также проблемы доставки и транспортировки заказанных и произведенных за границей товаров в Россию, чему посвящен третий раздел книги.

Иностранные закупки для отдельных видов транспорта, лишь фрагментарно представленные в историографии, представляют собой широкое поле для исследования. Безусловно, первостепенное значение среди них, и по объему, и по вкладу, следует отнести на счет железнодорожных заказов. Конструирование российской логистической сети как в прифронтовых регионах, так и в тылу, обеспечение поставок из портовых зон дальнего востока и севера страны, все это ложилось на плечи железных дорог. Дело изучения данного направления лишь было обозначено, намечено, в исследованиях Дж. Хейвуда и Н.И. Богомазова [4, 21]. Вопросы некоторых других видов российского транспорта, как то, заказы для гражданского, гужевого транспорта или автомобилей остаются лишь перспективой будущего.

Иностранные закупки автомобилей носили ключевой характер в деле функционирования ускоренного снабжения между частями, налаживания шоссейно-дорожной сети и обеспечения связи. Из упоминавшегося уже исследования С.В. Кирилеца и Г.Г. Канинского можно почерпнуть сведения об общей статистике заказов Главного военно-технического управления для русской армии [14, С. 114]. Некоторые данные логистики поставок указаны в статье признанного специалиста в деле российско-британских отношений в годы войны П.В. Виноградова [5].

При опоре на историографию можно сделать вывод, что история изучения автомобильного транспорта в годы Первой мировой войны предстает лишь в контексте фронтового и, в первую очередь, военного использования. Безусловно такой подход вполне оправдан. Попытки задействования грузовых и легковых автомобилей в армии начались еще в 1911 году. После первых неудачных тестов эту идею на время отложили. Но успехи союзных армий, и, прежде всего, французской, в применении автомобилей для решения военных задач, заставили пересмотреть вынесенные решения. В результате повсеместное применение грузовиков для тыловых работ, логистике

передислокации и многих других функций в значительной степени облегчило положение русского командования.

Но фокусировка внимания исследователей только на одном аспекте применения автомобилей в годы войны не позволяет использовать выводы этих работ применительно к более общим научным проблемам. Закупки автомобилей за границей активно проводились в 1915-1917 годах также Министерством путей сообщения для строительства, реконструкции и поддержания шоссейно-дорожной сети. Кроме того, закупались автомобили не только через Главное военно-техническое управление, но и через Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов), как для нужд армии, так и по задачам министерств и земских организаций.

Отдельной важной проблемой современной историографии является логистика поставок закупленных товаров военного и гражданского назначения в Россию, механизм формирования маршрута, порты приема грузов и многое другое. В этом аспекте исследование истории автомобильных заказов в годы войны также предстает в качестве важного составляющего звена. Заключение контрактов на поставки из совершенно разных стран (Италия, Франция, Англия, США) вынуждали продумывать вопросы приемки на заводе, правильной формы транспортировки на кораблях до владивостокского, архангельского или мурманского портов, а затем движение поездом. В результате полный цикл от заключения заказа до получения конечным адресатом мог занимать более года.

В результате, рассматривая некоторые частные сюжеты такой темы как иностранные закупки автомобилей и их использование в годы Первой мировой войны мы можем содержательно расширить представления о более общих проблемах, с которыми столкнулась Российская империя. В первую очередь речь идет о транспортном кризисе. Если на первом этапе военных действий сформированная в начале XX века система смогла справиться с возложенными на нее задачами, то впоследствии это оказалось фактически невозможно. Влияние, которое было таким образом оказано на формирование продовольственного и военного кризиса тяжело переоценить. А значит научную значимость и актуальность формируемого исследования мы можем отнести, в конечном счете, на рассмотрение общих причин и контекста начала в России революционных событий.

Список литературы:

1. Айрапетов, О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). – В 4-х т. – М: Кучково поле, 2014-2015.
2. Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность. – М.: Новый хронограф, 2014. – 736 с.
3. Бахурин, Ю. А. Фронт и тыл Великой войны. – М.: Пятый Рим, 2019. – 1132 с.

4. Богомазов, Н.И. «Рельсовый голод» на российских железных дорогах в годы Первой мировой войны и попытки борьбы с ним // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. - № 1. – С. 14-34.
5. Виноградов, П. В. Иностранные поставки автомобилей как пример военно-технического сотрудничества России с союзниками в годы Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 8. – С. 69-72.
6. Гоголев, Л.Д. Автомобили – солдаты. Очерки об истории развития и военном применении автомобилей. – М.: Патриот, 1983. – 288 с.
7. Голдберг, Я. Автомобиль на войне // Автомобилист. – 1915. - № 21-22. – С. 14-18.
8. Головин, Н. Н. Россия в первой мировой войне. – М.: Вече, 2006. – 524 с.
9. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914-1918 гг. – В 2-х т. – 3-е изд. – М.: Гос. воен. изд., 1938. – 345 с.
10. Импорт автомобилей в Россию // Автомобильная жизнь и авиация. – 1914. - № 3. – С. 4.
11. Казаков, А. Е. Особенности реализации военно-автомобильной повинности в России в годы Первой мировой войны (на примере Казанского военного округа) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 76-1. – С. 159-163.
12. Керсновский, А. А. История Русской армии: избранные главы. – М.: Абрис: ОЛМА, 2018. – 359 с.
13. Кирилец, С. В. Автомобили-зенитки Первой мировой войны: на передовой «войны моторов». – М: Эксмо: Яуза, 2018. – 237 с.
14. Кирилец, С. В., Канинский, Г. Г. Автомобили Русской Императорской армии: «Автомобильная академия» генерала Секретева. – М.: Русские Витязи, 2010. – 263 с.
15. Китанина, Т. М. Россия в Первой мировой войне, 1914-1917 гг.: экономика и экономическая политика. – СПб: Гуманитарная акад., 2016. – 348 с.
16. Козлов Н., Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. – М.: Государственное военное издательство, 1926. – 113 с.
17. Маевский, И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Дело, 2003. – 284 с.
18. Первая мировая война и конец Российской империи / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. В 3-х кн. – СПб.: Лики России, 2014.
19. Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. А. Ю. Павлова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – 528 с.
20. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М.: Наука, 1973. – 655 с.
21. Heywood A. J. 'Russia's Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment', Journal of European Economic History, vol. 31, iss. 1, 2003. p. 77-108.

Рабуш Таисия Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1979–1989 ГГ.) И КОНЦЕПЦИЯ «СТРЕМЛЕНИЯ СССР К ТЕПЛЫМ МОРЯМ»

Аннотация: «Пропагандистская война» была значимой составной частью холодной войны. Если рассматривать пропаганду США и стран капиталистического мира в целом, то можно увидеть, что пункт об историческом стремлении Советского Союза (и России) к расширению своей территории занимал в ней особое место. Новое звучание этот пункт получил после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Настоящая статья является попыткой выделить три основных этапа в существовании концепции о «стремлении Советов к теплым морям» в связи с советским военным присутствием в Афганистане.

Ключевые слова: афганская война, афганский вооруженный конфликт, Афганистан, холодная война, пропаганда, история СССР, геополитика.

THE AFGHAN WAR (1979–1989) AND THE CONCEPT OF “USSR'S DESIRE TO THE WARM SEA”

Summary: The “propaganda war” was a significant part of the Cold War. If we consider the propaganda of the United States and the countries of the capitalist world as a whole, we can see that the point about the historical desire of the Soviet Union (and Russia) to expand its territory occupied a special place in it. This point received a new sound after entry of a limited contingent of Soviet troops into Afghanistan in December 1979. This article is an attempt to identify three main stages in the existence of the concept of “the desire of the Soviets to warm seas” in connection with the Soviet military presence in Afghanistan.

Keywords: Afghan war, Afghan armed conflict, Afghanistan, cold war, propaganda, history of the USSR, geopolitics.

Концепция «советской угрозы» широко использовалась и распространялась западной (в широком смысле этого слова) пропагандой практически с самого начала «холодной войны». Она включала в себя разнообразные аспекты, и один из них – это концепция об исторически присущем русскому народу «стремлении к теплым морям» и потребности у русских в непрерывном продвижении на юг. Если ретроспективно рассмотреть российскую историю со времен хотя бы Московского царства, то нельзя не отметить, что эта концепция не лишена оснований. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки поставленной в статье задачи, поэтому не автор не будет уделять этому излишнее внимание, – особенно с учетом

того, что этот вопрос хорошо изучен и российскими, и иностранными исследователями.

Особо острое звучание концепция о «стремлении СССР к теплым морям» приобрела после ввода ограниченного контингента советских войск (далее ОКСВ) в Афганистан в декабре 1979 г. и последовавшего за этим непосредственного военного вовлечения СССР в вооруженный конфликт в Афганистане.

Как известно, период нахождения ОКСВ в Афганистане растянулся почти на 10 лет. В настоящей статье хотелось бы кратко рассмотреть, как за весь период участия СССР в региональном вооруженном конфликте в Афганистане в зарубежной пропаганде и западных исследованиях видоизменялась концепция о «стремлении Советов к теплым морям».

Представляется возможным выделить 3 основных этапа, в течение которых эта концепция претерпевала изменения.

Первый этап начался сразу после ввода ОКСВ в Афганистан и длился вплоть до конца 1980 г., – именно в этот самый первый год формировались основные направления советско-американского непрямого противоборства в Афганистане. Президент США Дж. Картер практически в первые же дни после ввода ОКСВ объявил эту советскую военную акцию «самой угрожающей» миру со времен Второй мировой войны¹. Вслед за этим в ближайшее время 23 января 1980 г. была провозглашена новая военная «доктрина Картера», объявившая Персидский залив зоной «жизненных интересов» США² – очевидно, с тем чтобы защитить его от советского военного проникновения, которое представлялось возможным ввиду крупномасштабного военного присутствия СССР в стране Центральной Азии, находящейся за пределами зоны ответственности стран-членов Организации Варшавского Договора. И именно в 1980 г. данная концепция распространялась максимально широко – она нередко затрагивалась в выступлениях президента США и прочих должностных лиц, в статьях ведущих американских и не только исследователей (историков, политологов, советологов), наконец, тиражировалась силами и средствами официальной пропаганды³.

С 1981 г. можно выделить второй этап существования этой концепции (относительно периода пребывания ОКСВ в Афганистане). Эта концепция еще распространялась и поддерживалась, но в выступлениях американских государственных деятелей и в статьях как СМИ, так и исследователей она как бы отошла на «задний» план. Как представляется, это связано, во-первых, с тем, что у руководства США появились другие новые задачи и проблемы (чего стоил только один нерешенный вопрос с продолжающимся пребыванием американских заложников в Иране или сложная политическая ситуация в Латинской Америке).

¹ Special. Afghanistan // Department of state bulletin. – 1980. – V. 80. – № 2034.

² Special // Department of state bulletin. – 1980. – V. 80. – № 2035.

³ Только крайне небольшая часть статей на эту тему: *Bundy, W.* Foreign policy in the 1980s campaign // Foreign Affairs. – Fall 1980. – P. 1–27; *Hurewitz, J. G.* The Middle East: a year of turmoil // Foreign affairs. – 1980. America and the world. – P. 540–577; *Hollen, C.* Do not engulf the Gulf // Foreign affairs. – Summer 1981. – P. 1064–1078; *Nitze, P.* Strategy in the decade of the 1980s // Foreign Affairs. – Fall 1980. – P. 84–101; *Walter, L.* Oil and the decline of West // Foreign Affairs. – Summer 1980. – P. 999–1015.

Во-вторых, сама тема продолжения советского военного присутствия в Афганистане уже не воспринималась так остро, как в 1980 г., и в международной политике несколько отошла на второй план.

И третий этап – примерно с 1985 г., т.е. с того момента, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. С. Горбачев, и советским руководством вскоре после этого была взята четкая линия на политическое урегулирование афганского вооруженного конфликта, и вплоть до вывода советских войск из Афганистана. Начиная с этого времени данная концепция встречается в политическом дискурсе США достаточно редко. Можно сказать, что в этот период задача улучшения советско-американских отношений представлялась достаточно значимой – особенно для советской стороны – и дальнейшее тиражирование и распространение концепции об историческом стремлении «Советов» и в целом русских как нации к южным морям отнюдь не способствовало бы решению этой задачи.

И наконец, хотелось бы попытаться ответить на вопрос: насколько эта концепция соответствовала действительности, и можно ли назвать обоснованными опасения западного мира в целом и Соединенных Штатов в особенности относительно возможного военного продвижения советских войск к «теплым морям» (хоть к Персидскому заливу, хоть к Индийскому океану) после того как СССР укрепится в Афганистане?

Если обратиться к уже давно ставшей классикой афганистики работе «Афганистан» авторства российского и советского военного и востоковеда А. Е. Снесарева, то мы увидим, что этот исследователь был глубоко убежден в том, что Афганистан сам по себе как цель и как конечный объект политической или военно-политической деятельности ценности представлять не может, являясь бедной и дикой страной, и что любой интерес любой же внешней силы в отношении Афганистана можно объяснить только как ее интерес использовать афганскую территорию в качестве плацдарма для дальнейшего продвижения в Индию: «Может ли Афганистан быть сам по себе ценен? Мы имеем перед собою страну... очень бедную, примитивную, без техники, без культуры; по-видимому, нет смысла... тянуться за этой полудикой, неуравновешенной, всегда взбудораженной страной. Чего мы могли бы достигнуть, обладая ею? О минеральных богатствах нечего и говорить, они не велики, да и не определены; придать земле культурность можно, но это потребовало бы много времени, огромных трат и сулило бы все же скромные результаты... Ясно, Афганистан сам по себе никакой цены не представляет...

Если вдуматься в существо его политической ценности, то она, главным образом, сведется к тому, что Афганистан включает в себя операционные пути на Индию. ...сам по себе Афганистан ни в экономическом смысле, ни в финансовом, ни в каком-либо другом значении не имеет, но являясь постоянным преддверием к Индии, значение которого он не утерятил и поныне и никогда не утерять, он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной.

...Афганистан интересен только потому, что соседствует с Индией, а главное – включает в себя единственную сеть путей, ведущих в Индию»⁴. То есть, если полагаться на экспертное мнение выдающегося военного теоретика и специалиста по Центральной Азии, которым и являлся Андрей Евгеньевич, то в таком случае придется признать, что концепция о «природном стремлении СССР (России) к теплым морям» и желании использовать для этого стремления и продвижения Афганистан имеет под собой основания – из приведенной выше цитаты следует, что Афганистан ценен не сам по себе, а только как плацдарм для дальнейшего выхода в Индию. А Индия, как известно, имеет выход к Мировому океану, в отличие от никогда в истории не имевшему выхода ни к одному из морей Афганистану.

Автор возьмет на себя смелость в этом вопросе не согласиться со А. Е. Снесаревым, и в обоснование своих слов назовет две причины. Во-первых, вышеназванная работа А. Е. Снесарева создана в контексте совершенно определенной политической ситуации и военно-политической обстановки, которая характеризовалась совсем недавно завершившимся (на момент создания работы Снесарева) многолетним соперничеством Российской и Британской империй за влияние в Центральной Азии. С точки зрения этого соперничества, разумеется, Афганистан для внешних политических сил представлял интерес не сам по себе, а только как «разменная карта». Но для советского политического руководства, принимавшего решение в 1979 г. о вводе в эту страну советских войск, Афганистан был интересен именно как уникальный объект для политического воздействия, особенно после Апрельской революции 1978 г. и соответствующих изменений в стране.

Во-вторых, автору, изучившему десятки советских документов за 1973–1990 гг., касающихся ситуации в Афганистане и вокруг него (ряд этих документов изначально имели гриф «совершенно секретно»), не удалось найти ни малейшего намека на какие-либо советские планы использования территории Афганистана как плацдарма для дальнейшего продвижения к южным акваториям через «третьи» граничащие с ним страны. И по всей видимости, именно Афганистан был и начальной, и одновременно конечной целью советских политиков.

Можно подвести следующий итог. Говоря о западной (прежде всего американской) концепции «стремления Советского Союза к теплым морям» в связи с советским военным присутствием в Афганистане в 1980–1989 гг., автору удалось выделить три основных этапа существования этой концепции, и показать, как изменялась эта концепция в политическом и пропагандистском дискурсе США и некоторых других стран. Вместе с тем автор склоняется ко мнению, что в реальности эта концепция не имела оснований применительно к событиям 1980-х гг. в Афганистане, поскольку у советского военного и политического руководства не было планов, укрепившись в Афганистане, выдвинуться за его пределы с целью достижения какой-либо южной акватории. Однако длящееся советское военное присутствие на территории центральноазиатской страны – члена Движения

⁴ Снесарев, Е. А. Афганистан. – М.: Русская панорама, 2002. – С. 201–203.

Неприсоединения – вызывало немалую тревогу во властных кругах Соединенных Штатов и породило широкое распространение концепции о советском стремлении выйти «к теплым морям» через территорию Афганистана.

Список литературы:

1. Снесарев, Е. А. Афганистан. – М.: Русская панорама, 2002. – 272 с.
2. Bundy, W. Foreign policy in the 1980s campaign // Foreign Affairs. – Fall 1980. – P. 1–27.
3. Hollen, C. Do not engulf the Gulf // Foreign affairs. – Summer 1981. – P. 1064–1078.
4. Hurewitz, J. G. The Middle East: a year of turmoil // Foreign affairs. – 1980. America and the world. – P. 540–577.
5. Nitze, P. Strategy in the decade of the 1980s // Foreign Affairs. – Fall 1980. – P. 84–101.
6. Special // Department of state bulletin. – 1980. – V. 80. – № 2035.
7. Special. Afghanistan // Department of state bulletin. – 1980. – V. 80. – № 2034.
8. Walter, L. Oil and the decline of West // Foreign Affairs. – Summer 1980. – P. 999–1015.

Рубис Людмила Григорьевна

кандидат педагогических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

КУЛЬТУРНО-МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация: О двух значительных исторических праздниках, которые прошли в Санкт-Петербурге. Об участии и впечатлениях студентов университета на фестивале «Петров день». Об апостолах Петре и Павле.

Ключевые слова: праздник, Санкт-Петербург, апостол, студенты, победители, гости, задачи.

CULTURAL AND MASS HOLIDAYS IN ST. PETERSBURG

Summary: About two significant historical holidays that took place in St. Petersburg. About the participation and impressions of university students at the festival "Petrov Day". About the Apostles Peter and Paul.

Keywords: holiday, St. Petersburg, apostle, students, winners, guests, tasks.

12 июля 2022 года мне с моими студентами Института дизайна костюма нашего университета удалось стать участниками двух интереснейших событий в жизни нашего города. На этот праздник мы получили особое приглашение от Ирины Александровны Смолиной, человека уникального, поэтому отказаться от такого почетного приглашения, мы не могли, это было очень почетно.

В Санкт-Петербурге впервые состоялся семейный фестиваль «Петров день», организованный Фондом поддержки социальных и культурных инициатив «Новая высота» при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга.

Фестиваль прошел в день, когда Русская православная церковь отмечала День святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В честь Святого Апостола Петра император Петр I назвал столицу Российской империи. Апостол Пётр стал одним из небесных покровителей нашего города.

Семейный фестиваль «Петров день» был приурочен к юбилейным торжествам, посвященным 350-летию со дня рождения царя-реформатора и состоялся на открытой площадке в Александровском саду, около Адмиралтейства – одного из любимых мест Петра I. Это был значительный и весомый общегородской праздник.

Торжество началось с приветствия исторического персонажа – императора Петра Великого. На празднике было большое количество детей – школьников, студентов и приглашенных гостей – ветеранов Великой отечественной войны: капитан 1-го ранга в отставке Джуржа В. П., ветеран Кронштадта, ветеран Степанов Виктор Михайлович и много, много почетных

гостей, заслуженных людей города. Всех мы не могли запомнить и даже записать, так быстро пролетали исторические картины праздника. Но Галину Яновну Вечерковскую – этого великого человека, заслуженного мастера спорта по академической гребле знаю лично, как «Женщину года» в номинации «Спорт», так как в этом же году я также стала победителем конкурса «Женщина года», но в номинации «Наука». Еще тогда, мы сразу с ней познакомились, подружились.

Очень обрадовалась встрече, так как это еще одна замечательная история жизни, о которой мои студенты обязательно должны знать и видеть. А Галине Яновне всегда есть что рассказать и что посоветовать молодежи. Галина является пятикратной чемпионкой Европы, семикратной чемпионкой мира среди ветеранов спорта и старейшая в мире спортсменка. В этом году ей исполнилось 96 лет! Галина Яновна, как внутренне стеснительный, скромный человек, не сразу разговорилась, но поняв, что студенты внимательно слушают ее, с душевной теплотой отвечала на все вопросы. Много было ценных наставлений, пожеланий и личного счастья каждому.

Познакомила студентов еще с одним великим жителем города, Галиной Дмитриевной Прокофьевой – председателем Совета ветеранов Дома-интерната ветеранов войны и труда № 2. Мы, как победители конкурса «Женщины года» шефствуем над этим Домом-интернатом. Смолина И.А., с первых лет организации данного конкурса предложила взять шефство над жителями Дома-интерната ветеранов спорта. С тех пор в праздники мы приходим с подарками в этот дом, чтобы поговорить, потанцевать вместе, попеть песни и, со слезами на глазах, душевно пообщаться и обменяться новостями. Ветераны нас всегда очень ждут. Забыть, считаю, просто невозможно. Постоянная связь поддерживается с Галиной Дмитриевной, для которой, все жители этого Дома, как близкие родственники, для всех она, как мама. И этим все сказано.

А тем временем, праздник продолжался. На различных площадках участники фестиваля петербургские семьи, могли реализовать свои творческие способности. На интерактивной площадке «Академия художеств» демонстрировались живописные таланты, на площадке «Золотых рук мастера» – навыки в ремесленной области, в рамках интерактивной площадки «Петровские ассамблеи» – выявляли лучшие способности в декламации стихов. Для участников праздника был организован и увлекательный квест.

Победители в творческих соревнованиях получили награды – дипломы и подарки от спонсоров. Праздник украсили выступления художественных коллективов и популярных исполнителей Санкт-Петербурга. Главными задачами праздника, организаторы считали воспитание подрастающего поколения! И это главное. Что может быть важнее, поэтому руководители, педагоги, воспитатели делали все возможное, чтобы их подопечные остались довольные, веселые, радостные, но и узнали как можно больше людей, что обязательно остается в памяти у молодежи.

Студенты Института дизайна костюма нашего университета приняли активное участие в программе фестиваля. Они выступали, участвовали в квестах, плясали, веселились, слушали и поздравляли ветеранов. Очень понравился студентам концерт и Петр I в исполнении актера Леонида Петрова.

А Смолина И.А., заслуженная артистка России, общественный деятель, журналист, руководитель Фонда поддержки социальных и культурных инициатив «Новая высота» и главный организатор фестиваля, заверила, что отныне такой праздник будет проходить ежегодно.

С Ириной Александровной я познакомилась как участница и лауреат конкурса «Женщина года» и уже не смогла оторваться от этого яркого талантливого руководителя и ее дружного коллектива. Естественно, что много рассказывала о ней своим студентам, о человеке с необыкновенной энергией, отдающей талант и тепло своей души всем окружающим ее людям. И студенты, внимательно слушавшие, были согласны со мной, что внутренняя дисциплина, это очень важно, но еще важнее – желание приносить пользу людям. Надеюсь и верю, что урок и праздник остались надолго в памяти студентов.

Моих студентов также очень заинтересовал вопрос, кто же такой Святой Апостол Петр, в честь которого была названа столица Российской империи? И мы, конечно, обратились к книгам, которые привели нас в Петропавловскую крепость, которую в 1703 году Петр I заложил на берегу Финского залива. Пётр понимал, что новая Россия нуждается в архитектуре. Государь задумал новое строение, которое поднялось бы выше колокольни Ивана Великого и Меншиковой башни. Новый храм должен был стать самым значительным сооружением столицы и находиться в самом сердце Петропавловской крепости.

Строительство храма началось 29 июня 1703 года в день святых апостолов Петра и Павла на территории только что заложенной Петропавловской крепости.

Согласно церковному преданию, святые первоверховные апостолы Пётр и Павел приняли святое мученичество в один день – 29 июня по юлианскому календарю.

30 мая 1712 года был заложен каменный Петропавловский собор. Его строили таким образом, чтобы действующий деревянный храм оставался внутри новой постройки. В 1722 году царь Пётр с гордостью показывал свой «парадиз» «господам иностранным министрам», заставив их подняться на верхний ярус колокольни. Высота сооружения составляла 112 метров. Весь собор был достроен только к 1733 году уже после смерти Петра I.

Вывод. Студенты были уверены, что на празднике, узнают много нового и интересного из истории нашего города. И не ошиблись. Это заставило их даже заглянуть в исторические источники, что очень важно.

С другой стороны, каждый праздник, это радость и какая-то передышка между напряженными учебными занятиями. И это тоже замечательно!

Список литературы:

1. Костомаров, Н.И. Русская история. В жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: ЭКСМО, 2009. – С. 618.
2. Кубеев, М.Н. 100 великих имен России. - М.: «Вече», 2009. – С.143-171.
3. Города России. – М.: Изд. «Белый город», 2005. – С. 478-497.

Рябушкин Дмитрий Сергеевич

кандидат физико-математических наук, доцент

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ОТНОШЕНИЕ К ПЛЕНУ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются два аспекта плена в применении к Российской и Советской армии: 1) психология плена как явления всех войн и вооруженных конфликтов; 2) отношение к плену в царской, Красной и Советской армии. Обсуждение касается как темы поведения военнослужащих во вражеском плену, так и тех обстоятельств, которые приводят к пленению солдат и офицеров противником. Изучается также отношение общества и высшего военного-политического руководства к сдаче военнослужащих в плен и трансформация этого отношения со временем.

Ключевые слова: плен, психология плена, локальные конфликты, мировые войны, советские пленные.

ATTITUDE TOWARD CAPTIVITY IN RUSSIA

Summary: The article examines two aspects of captivity as applied to the Russian and Soviet Armies: 1) the psychology of captivity as a phenomenon of all wars and armed conflicts, 2) the attitude toward captivity in the tsarist, Red, and Soviet Armies. The discussion deals with both the theme of the behavior of servicemen in enemy captivity and those circumstances that lead to the enemy's capture of soldiers and officers. The attitude of the public and the higher military-political leadership toward the surrender of servicemen and the transformation of this attitude with time is also studied.

Keywords: captivity, psychology of captivity, local conflicts, world wars, Soviet prisoners.

Если ограничиться только военнослужащими, то самое простое определение плена может звучать так: плен – это ограничение свободы военнослужащих противником с целью недопущения их дальнейшего участия в боевых действиях.

Плен, как феномен, присущ практически любому вооруженному конфликту или войне. Даже в том случае, когда одна из противоборствующих сторон имеет явное преимущество на поле боя, в плену оказываются военнослужащие с обеих сторон. Причина этого состоит в том, что вооруженная борьба представляет из себя огромное количество широкомасштабных операций, сражений, боев, мелких стычек разведывательных групп и т.п., в которых удача попеременно оказывается то на одной, то на другой стороне. При этом, конечно, в плен чаще попадают представители проигрывающей стороны, но это обстоятельство носит чисто

арифметический характер: в числе пленных оказываются и солдаты побеждающей армии.

Причины попадания в плен к противнику можно классифицировать следующим образом.

1. Медицинские причины.

К ним относятся ранения и болезни, лишаящие военнослужащего физической возможности продолжать борьбу. Если при этом обстановка такова, что помощи от своих ждать не приходится, то боец нередко оказывается перед нелегким выбором: сдаться в плен врагу (причем с большим риском, что его добьют на месте, чтобы не возиться) или совершить самоубийство. Второй вариант встречается реже, так как для его реализации надо обладать особыми свойствами характера, которых у большинства людей нет.

2. Военные причины.

К ним относится все, что лишает солдата возможности продолжать бой: отсутствие боеприпасов, отказ оружия, невозможность найти какой-либо предмет, чтобы попытаться нанести урон противнику в рукопашной схватке и пр. Сюда же можно отнести внезапное нападение вражеских разведчиков, имеющих целью именно захват пленного.

3. Психологические причины.

К таковым следует отнести прежде всего агрессивную вражескую пропаганду – как правило, в значительной степени лживую, но результативную. Серьезное влияние на психику бойцов оказывает и сама боевая обстановка – гибель и тяжелые увечья товарищей, примитивный быт, часто антисанитарные условия, грохот сражения и т.п. Если боец не способен критически воспринимать информацию и объективно оценивать обстановку, то он легко поддается паническим слухам и теряет способность к выполнению боевой задачи. В этом случае его психика нарушена и для приведения ее в нормальное состояние требуется определенное внешнее воздействие – психологическая помощь медиков, строгость командиров и сослуживцев, что-либо иное, зависящее от конкретной ситуации.

4. Психофизиологические причины.

В этом случае также имеет место деформация психики военнослужащего, лишаящая его способности к ведению боя, однако причины этого носят чисто физиологический характер – длительное отсутствие пищи, голод, жажда, отсутствие сна, крайняя усталость и т.п.

5. Идеологические и политические причины.

Здесь причиной попадания в плен является несогласие с политикой и реалиями своего государства и, как следствие, осознанное решение прекратить вооруженную борьбу, изменить данной присяге, часто сопровождаемое переходом на сторону противника.

Если человек морально не был готов к плену, т.е. не обдумывал заранее всех возможных опасностей и своего поведения в случае пленения, то его сознание сосредотачивается на двух угнетающих его мыслях. Во-первых, он

осознает абсолютную неопределенность своего настоящего и будущего, не в состоянии предвидеть события даже на минуту вперед. Во-вторых, он понимает, что полностью зависит от противника, что здесь нет никаких инстанций, следящих за соблюдением каких-либо международных договоров о правах пленных, а потому его могут бить, пытать и даже убить.

Военные психологи изучают феномен плена с целью выяснить причины попадания в плен и особенности психического состояния пленных. Полученные данные позволяют разработать рекомендации военнослужащим о том, как минимизировать вероятность пленения и, если уже такое случилось, как правильно вести себя во вражеском плену. Важным является также информирование военнослужащих о методах допроса, которые может использовать противник, поскольку всякий пленный рассматривается врагом как потенциально ценный источник информации. Не выдать действительно важные сведения и при этом не усугубить свое положение – это задача, которая должна быть проработана заранее, придумывать что-то в плену будет уже поздно.

Также заранее все военнослужащие должны быть ознакомлены с теми международными документами, которые определяют права военнопленных – даже при том, что эти права могут сознательно нарушаться противником. Самым главным документом здесь является Третья Женевская Конвенция 1949 года.

Согласно русской военной традиции, плен является позором для всякого воина, если он не использовал все возможности для сопротивления противнику, струсил, запаниковал. При этом оправдательные обстоятельства типа ранения или иной причины невозможности продолжать борьбу принимаются во внимание, но только в том случае, когда нет ни малейших сомнений в их действительном существовании. Это означает, что в случае освобождения из вражеского плена военнослужащий должен убедительно доказать свою невиновность, привлекая факты, свидетелей и пр. Если же таковых не находится, что случалось и случается довольно часто, то бывшего пленного ждет клеймо слабака и труса до конца его дней. Важное значение имеет также поведение военнослужащего в плену, хотя далеко не всегда удается получить достоверную информацию на сей счет.

В русской классической литературе отношение к плену ярче всего отражено в рассказе Льва Толстого «Кавказский пленник», написанном писателем на основе своих личных впечатлений [9, с. 208 - 230]. В рассказе противопоставляются два офицера, угодивших в плен к горцам – Жилин и Костылин. Первый – смелый, честный, неунывающий даже в самой тяжелой ситуации, второй – слабовольный, быстро падающий духом. Именно по вине Костылина оба офицера попали в плен, по его же вине срывается первая попытка побега. Несмотря на крайнюю опасность, Жилину все же удается бежать из плена, а Костылина – в совершенно разбитом моральном и физическом состоянии – через какое-то время выкупают богатые родственники.

Мораль рассказа состоит в том, что обязанность воина даже в совершенно безвыходном положении сражаться до конца.

Среди простого люда России всегда существовало чувство жалости и сострадания к тем, кто попал в плен. Порой эти общественные настроения получали и законодательное оформление. Например, глава VIII Соборного Уложения 1649 г. предусматривала обязательный сбор денежных средств с городов Московского государства для выкупа пленных [6, с. 97 - 98].

Для рядовых граждан главными были не обстоятельства пленения, а сам факт попадания в неволю, что часто по определению означало бесправие, пытки, смерть. Здесь, правда, было одно исключение: в России всегда с презрением и ненавистью относились к тем, кто, попав в плен, переходил на службу к врагу. Такое отношение к перебежчикам имело (и имеет) применение не только в военном деле, но и в иных областях, не имеющих ничего общего с войнами и вооруженными конфликтами. Например, в России традиционно плохо относятся к тем, кто пытается устроить свою личную жизнь за рубежом, хотя с западной точки зрения здесь нет ничего дурного. Возможно, тем самым россияне подспудно считают таких сограждан слабохарактерными предателями, неспособными жить в трудном климате, не желающими обустроить собственную страну и готовыми предать без особых раздумий в случае, если это сулит материальную выгоду.

В Артикуле Воинском 1715 г., подготовленном при непосредственном участии императора Петра I, впервые были официально перечислены причины, по которым сдавшиеся в плен могут рассчитывать на прощение: крайний голод (при обязательном условии предшествующего бережливого питания), исчерпание боеприпасов (которые прежде также использовались разумно и экономно), сокращение числа боеспособных воинов, не позволяющее удерживать позиции [7, с. 348 - 349].

Русско-японская война 1904-1905 г.г. стала для России последним вооруженным столкновением, в котором обе стороны продемонстрировали гуманное отношение к пленным. При этом общественное мнение было таково, что виновными в поражениях на море и в Маньчжурии, в сдаче крепостей и кораблей считали бездарных царских генералов и адмиралов, но никак не солдат и офицеров. Попавших в плен в трусости и предательстве не обвиняли. Сама процедура сдачи в плен обставлялась таким образом, чтобы проигравшая сторона не чувствовала себя униженной.

Первая мировая война внесла существенные изменения по отношению к плену и пленным. Длительность войны, огромные жертвы у всех участников, резкое падение уровня жизни гражданского населения привели к всеобщему ожесточению и пренебрежению правилами ведения войн. Как следствие, изменилось и отношение к плену. Из всех воюющих стран наиболее строгую позицию к плену заняла именно царская Россия.

Русских попало в плен больше всего – 2,4 млн. человек [2, с. 185]. Воспоминания участников войны позволяют сделать вывод, что

индивидуальная сдача в плен была сравнительно редким явлением. Как правило, сдавались целыми подразделениями и, более того, по команде офицеров. И это несмотря на то, что согласно статье 248 Воинского Устава о наказаниях «Военнослужащий, сдавшийся в плен, или положивший оружие пред неприятелем, не исполнив своей обязанности сражаться по долгу службы и присяги, подвергается: лишению всех прав состояния и смертной казни» [1, с. 89].

Серьезной ошибкой царского командования было отсутствие внятного разъяснения солдатам последствий их пленения, а также правил поведения в плену. В результате мобилизации русская армия пополнилась огромным количеством вчерашних крестьян, нередко никогда не выезжавших за пределы своих деревень и совершенно не знавших реалий современного мира. Хлебнув солдатской жизни в окопах, они с легкостью сдавались в плен, рассматривая его как спасение от гибели на фронте. Поэтому неудивительно, что по ходу войны вводились в действие все более суровые меры в отношении добровольно сдавшихся в плен. Например, царь Николай II одобрил идею высылки добровольно сдавшихся в Сибирь и раздачу их земельных наделов тем, кто честно выполнил свой воинский долг.

Последовавшая за Октябрьской революцией 1917 года Гражданская война в России характеризовалась полнейшим произволом в отношении пленных. Красные и белые, комиссары и атаманы, интервенты и местные «батьки»-бандиты ничем не ограничивали себя в отношении захваченных в плен противников. Оказаться в то время в плену означало лишиться всяких прав и с большой вероятностью погибнуть – нередко такой смертью, мучительность которой определялась только фантазией мучителей. Особенное ожесточение наблюдалось на начальном этапе Гражданской войны, когда на стороне «красных» и «белых» было много идеологических фанатиков, безгранично верящих в свою миссию – построение всемирной коммуны или восстановление монархии.

За несколько лет до начала Великой Отечественной войны (ВОВ) 1941-1945 г.г. СССР принимал участие в советско-финской войне и нескольких вооруженных конфликтах (у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в польском походе Красной Армии и др.). Этот период времени получил название «большого террора», поскольку государственный аппарат и командование армии и флота подверглись грандиозной чистке. О смысле этого тотального обновления руководящих кадров историки спорят до сих пор, выдвигая самые разные версии – от паранойи И. Сталина до физической ликвидации тех, кто, по мнению советского руководства, был неспособен отстоять страну в грядущей схватке с гитлеровской Германией. Общая обстановка тех лет сказалась и на отношении к вопросу возможного пленения военнослужащих Красной Армии. Правило было несложное, понятное даже самым малограмотным красноармейцам: за каждым проступком обязательно последует наказание. По завершению советско-японского конфликта был произведен обмен пленными,

после чего каждый вернувшийся из плена военнослужащий Красной Армии был тщательно допрошен, а обстоятельства пленения и поведения в японском плену легли в основу юридической оценки. Последняя же базировалась на статье 22 «Положения о воинских преступлениях» от 1927 г. [3, с. 52]:

«Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля, влекут за собой – высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества.»

В то же время комментарий к этой статье позволял при определенных условиях полностью реабилитировать вчерашнего пленного [3, там же]:

«Однако, в известных случаях обстановка на поле боя может сложиться так, что сопротивление по существу представляется невозможным, а уничтожение бойцов бесцельным. В этих случаях сдача в плен является актом допустимым и не могущим вызвать судебные преследования.

В силу сказанного, статья 22 предусматривает, как преступление, лишь такую сдачу в плен, которая не вызвана боевой обстановкой, т.е. сдачу в плен с целью избежать риска, связанного с нахождением в рядах бойцов (быть убитым, раненым и т.п.)».

Таким образом, отношение советского государства к плену можно охарактеризовать следующими словами: сдача в плен – это позорный поступок для каждого солдата, сражаться до последней возможности – долг всякого командира и красноармейца, но если сдача в плен произошла из-за невозможности дальнейшего сопротивления врагу, то с таких лиц всякая ответственность снимается.

С началом Великой Отечественной войны в отношении к плену и пленным произошли существенные изменения – и как раз в части тех мотивов, которые оправдывали попадание в плен. Очевидно, на ужесточение позиции советских властей повлиял факт пленения сотен тысяч (а потом и миллионов) человек в первые же месяцы войны. Трудно было предположить, что такое громадное число военнослужащих полностью исчерпало все возможности для сопротивления: скорее, речь шла об утрате управления, растерянности, панике и малодушии. Немало было и случаев добровольной сдачи в плен тех, кто так и не принял Советскую власть – раскулаченных, представителей бывших имущих сословий. Естественной реакцией на массовую сдачу в плен стал знаменитый приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 г. [5, с. 52].

В приказе приводились примеры как похвального поведения военнослужащих, оказавшихся в крайне тяжелом положении, но продолжавших борьбу с противником, так и случаи позорной сдачи в плен при наличии возможности сражаться с врагом. Приказ устанавливал строгую ответственность командиров за сдачу в плен или дезертирство – при необходимости расстрел их на месте и арест их семей. От рядовых бойцов приказ требовал сражаться до последней возможности, в противном случае

«семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи».

В приказе № 270 уже нет ни слова о тех обстоятельствах, которые оправдывали сдачу в плен. Логика тут очевидна: если оставить такую лазейку, то масса пленных начнет использовать ее для ухода от ответственности. Теперь всякий боец знал: какими бы ни были обстоятельства, его попадание во вражеский плен – это жестокие репрессии после возвращения домой и поражение в правах близких родственников.

В советской и российской литературе получила широкое распространение оценка, якобы данная Сталиным попавшим в плен военнослужащим Красной Армии: «У нас нет военнопленных. У нас есть изменники Родины». В действительности же эта фраза впервые появилась в мало кому известной газете «Заря», издававшейся в Берлине специально для советских военнопленных [4]. Никаких иных источников, подтверждающих авторство Сталина, до сих пор не обнаружено, поэтому можно с уверенностью сказать, что речь идет о явном мифе.

Требую от солдат и командиров не сдаваться в плен, советское руководство не могло не понимать, что размах войны гарантировал пленение огромного числа военнослужащих, как своих, так и чужих. В этих условиях было бы разумно разработать и довести до сведения красноармейцев короткую инструкцию о поведении во вражеском плену. Это не было сделано то ли сознательно (чтобы лишний раз не упоминать возможность пленения), то ли от непонимания важности данного вопроса. В результате каждый советский пленный вел себя, исходя из собственного понимания добра и зла, воинского долга и чувства самосохранения.

После ВОВ была проведена некоторая работа по реабилитации бывших пленных. В частности, 29 июня 1956 г. было принято закрытое постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 898–490 «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Однако и после этого реабилитация так и не приняла массовый характер. Выросшие в СССР хорошо помнят, как при устройстве на работу или поступлении в высшее учебное заведение приходилось заполнять анкеты, в которых непременно присутствовал пункт «Были ли Вы и Ваши близкие родственники в плену или интернированы в период Великой Отечественной войны?»: положительный ответ рассматривался как существенный и не подлежащий исправлению недостаток заявителя.

В послевоенное время дух приказа № 270 продолжал сохраняться в официальных документах вплоть до исчезновения СССР. Конечно, здесь уже не упоминались кары в отношении родственников, но при этом формулировки стали короче и даже жестче. Вот что говорилось в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил СССР [10, с. 4]:

«Ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдать в плен».

Главным словом в этой фразе является слово «Ничто»: по мнению официальных советских властей, у военнослужащих не может быть никаких оправдательных причин для плена.

По официальным данным, в годы Афганской войны (1979-1989) пропали без вести 417 советских военнослужащих [8, с. 536]. Очевидно, в это число входят и пленные. Из указанного числа 130 были освобождены и вернулись домой, 287 не разысканы и не вернулись из плена. Как показывают исследования, большинство попали в плен из-за нарушения дисциплины. Типичны случаи, когда солдат отлучился за сигаретами в магазин и там был захвачен моджахедами, или заснул на посту – с тем же результатом. Многие ветераны Афганистана вспоминают, что никакой психологической работы с военнослужащими по поводу возможного плена не проводилось, все ограничивалось предупреждением о том, что в плену их ждут пытки и, с большой вероятностью, смерть.

Тема плена в очередной раз приобрела значительную актуальность в связи с проведением на территории Украины Специальной военной операции. Анализ происходящего и выводы, которые необходимо сделать в этой связи, заслуживают отдельного рассмотрения.

Список литературы:

1. Воинский Устав о наказаниях. Свод Военных Постановлений, 1869 г., кн. XXII, изд. 4 – 128 с.
2. Головин, Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2014. – 544 с.
3. Змиев, Б. Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г. – М.: 1928. – 67 с.
4. Они несут смерть // Заря. – 1944. – №67 (170), 20 августа.
5. РГВА, фонд 4, опись 12, дело 98, листы 617 - 622.
6. Российское законодательство X – XX веков. – Т. 3 – М.: Юридическая литература, 1985. – 512 с.
7. Российское законодательство X – XX веков. – Т. 4 – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
8. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 607 с.
9. Толстой, Л.Н. Кавказский пленник. – Собрание сочинений. – Т. 10 – М.: Художественная литература, 1982. – 543 с.
10. Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР. – М.: Воениздат, 1975. – 304 с.

Самылов Олег Валерьевич

доктор философских наук, доцент, профессор

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ ИОАННА ГЕРДЕРА И НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ

Аннотация: Рассматриваются философские и исторический аспекты становления историзма в европейской интеллектуальной истории. Особое внимание уделяется роли идей и подходов к истории человечества, сформулированных деятелями «гёттингенской исторической школы», прежде всего Иоганна Гаттерера. Автором подчеркивается, что идея «универсальной истории», оформившаяся в творчестве Гаттерера стала отправной для построения философии истории Иоганна Гердера. Исследуются текстуальные, смысловые связи творчества деятелей немецкого Просвещения. В статье подчеркивается, что тематизация Гердером исторического и зарождение историзма, с одной стороны стала результатом синтеза достижений просветительской историографии, учений о культуре и языке и философских интуиций, но с другой – реакцией и преодолением ограниченности и неисторизма прежних суждений об истории. Делается вывод, что методологические достижения и интуиции века Просвещения в Германии стали основанием расцвета немецкой историографии XIX века.

Ключевые слова: Иоганн Гаттерер, Иоганн Гердер, историзм, идея универсальной истории, Просвещение, «геттингенская историческая школа», динамический пантеизм.

THE PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL INSIGHTS OF JOHANN HERDER AND THE GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE XVIII CENTURY

Summary: The philosophical and historical aspects of the formation of historicism in European intellectual history are considered. Special attention is paid to the role of ideas and approaches to the history of mankind formulated by the figures of the «Göttingen historical school», primarily Johann Hatterer. The author emphasizes that the idea of a «universal history», which took shape in Hatterer's work, became the starting point for the construction of Johann Herder's philosophy of history. The textual, semantic connections of the creativity of the figures of the German Enlightenment are investigated. The article emphasizes that Herder's thematization of the historical and the birth of historicism, on the one hand, was the result of a synthesis of the achievements of educational historiography, the teachings of culture and language and philosophical intuitions, but on the other – a reaction and overcoming the limitations and non-historicism of previous judgments about history.

It is concluded that the methodological achievements and intuitions of the Enlightenment age in Germany became the basis for the heyday of German historiography of the XIX century.

Keywords: Johann Hatterer, Johann Herder, historicism, the idea of universal history, Enlightenment, « Göttingen historical school», dynamic pantheism.

Известно, что Иоганн Гердер одним из первых попытался разграничить *Historie* и *Geschichte* – описание последовательности исторических событий в духе Геродота от понимания истории как универсального развивающегося целого, обусловленного действием органических сил. Это происходит в результате создания им оригинальной онтологии исторического (синтеза силовой концепции бытия Лейбница и пантеизма Спинозы) – динамического пантеизма, распространяющегося также на историю человечества. Тем самым интерпретация истории в изложении Гердера лишается теологических оснований, становясь целостной картиной единого развития человеческой культуры, выражающейся в религии, искусстве, поэзии, литературе, науке. Но были также и иные импульсы становления историзма в философии истории Гердера – это, прежде всего немецкая историография, к середине XVIII столетия достигшая высокого уровня развития. Тематизация Гердером исторического и введение в научный оборот философско-исторической проблематики и эмансипация истории от теологии опирались во многом на огромный фактический материал, который был собран к середине века Просвещения европейскими учеными-историками. Ряд идей европейской (прежде всего немецкой) историографии в существенной мере повлияли на философский строй «Идей к философии истории человечества» [3].

Для развития исторической науки в Германии большое значение имела деятельность Иоганна Авентина (1477-1534), Иоганна Кариона, Себастьяна Франка (издавшего впервые свои исторические сочинения на немецком языке и заложившего традиции немецкой национальной историографии).

В 1764 году появляется произведение Исаака Изелина «Философские размышления об истории человечества», вызвавшей широкий резонанс в среде тогдашней научной общественности. Позднее появляются «История искусства древности», Иоганна Винкельмана, «Оснабрюкская история» Юстуса Мёзера. Иоганном Шмаусом, Иоганном Кёлером и другими учеными-историками закладывались основы объективного исторического исследования, что подготовило становление в историографии критического метода (Иоганн Михаэлис). Возникает статистика как особая историческая вспомогательная научная дисциплина. Г. Ахенваль, Г. Кнорринг, А. Бюшинг, И. Зюсмилх стали основателями «школы государственоведения». «Государствоведение» стало еще одним шагом вперед в развитии исторической науки, научном изучении истории государственных институтов, сконцентрировав внимание на описание объективных характеристик исторической жизни в ситуации «здесь и теперь».

Этот подход уже в двадцатом столетии развился до уровня мощного направления в исторической науке – «истории повседневности».

В эпоху Просвещения развивается т.н. «школа политической арифметики», идеи которой также имели большое значение для формирования европейской историографии. «Политическая арифметика» как особое вспомогательное направление в историографии, поставило целью привлечь арифметические методы для описания повторяющихся многочисленных фактов социальной (государственной) жизни.

В формировании философско-исторических взглядов Иоганна Гердера большую роль сыграли языковедческие и историко-культурологические изыскания Иоганна Аделунга (1732-1806), в особенности его трактат «Опыт истории культуры человеческого рода».

Особенное значение в процессе развития историографии в Германии в XVIII веке приобретает деятельность «гёттингенской исторической школы».

Возникновению «гёттингенской исторической школы», оформившейся в Гёттингене на базе основанного в 1734 году университета, предшествовал долгий процесс становления историографии, опиравшийся во многом на сдвиги в общественном сознании, произошедшие в результате реформации и гуманистического движения.

Деятельность «гёттингенской исторической школы» достигает расцвета в творчестве Иоганна Гаттерера (1727-1799) и Августа Шлёцера (1735-1809). Одним из главных достижений «гёттингенской исторической школы» следует признать формирование идеи «универсальной истории» (*Universalhistorie*). Гаттерер за несколько лет до публикаций произведений Шлёцера в 1761 году являет читающей публике свой труд «*Handbuch der Universalhistorie...*» (более пространное немецкое название книги можно перевести как «Руководство к изучению универсальной истории в ее всеобщем рассмотрении») [1]. Уже само название книги Гаттерера поразительно напоминает название труда Гердера, написанное существенно позже, но явно инспирированным замыслом произведения предшественника. Гаттерер в своем «Руководстве» существенно отходит от духа просветительской историографии.

Гаттерером и Шлёцером разработаны основы будущего научно-объективного подхода к истории в противовес просветительскому хронологическому, помещающему события истории в линейную временную схему, лишь упорядочивающему факты. Такому подходу Гаттерер противопоставил «прагматичное» написание истории, что означало систематизацию событий, анализ их причинно-следственных связей и представление «ссылок» или соотнесение с всемирно-историческим контекстом (*nexus rerum universalis*). Прошлое, таким образом, предстает в его концепции как вкрапленное в настоящее, как его непреложная часть. Необходимо опираться, по мнению Гаттерера, на вспомогательные исторические дисциплины – генеалогию, геральдику, дипломатию и физическую географию. В 1769 году Гаттерер издает «Хронологическо-синхронистские таблицы». В

1771 году появляется гаттереровское «Введение в синхронистскую универсальную историю к разъяснению ее синхронистских таблиц», в котором существенно расширяется его концепция [2]. Цель работы Гаттерер видит в нахождении и исследовании исторических событий в их синхронном (с точки зрения единства их состояния в прошлом, настоящем и будущем) разрезе. Одним из Главных требований исторического рассмотрения Гаттерер считал также систематичность: «...Я хотел моей книгой дать определенный систематический образ и все привести в соответствующий порядок...» [5, s. 25].

Гаттерер формулирует идею «универсального обозрения истории», принимая всеобщую взаимосвязь событий в истории и отсюда необходимость ее синхронного изучения. «Универсальная история» для Гаттерера означает «историю величайших событий, революций». «Универсальная история» охватывает единым планом историю народностей, государств и ремесел.

Композиционно и структурно труд Гаттерера поразительно напоминает будущие гердеровские «Идеи...». Так «Всеобщая часть универсальной истории» начинается у Гаттерера (как позднее и у Гердера) с рассмотрения строения земли. Гаттерер тщательно описывает «фигуру, величину и математическую классификацию земной тверди», фиксирует геологические изменения земли. «Со времени своего сотворения, земля претерпела огромные и разнообразные изменения» – пишет Гаттерер [2, s. 13].

В «Дневнике моих странствий» Гердер излагает перспективы своей будущей работы над созданием философии истории человечества в числе своих непосредственных предшественников называет именно Гаттерера, универсалистские попытки которого построить схему единого процесса истории всех стран и народов он оценил весьма высоко [4, s. 308]. Гердер подчеркивает важность «гаттереровского исторического мастерства» (gattererische Historienkunst), предлагая следовать Гаттереру в изучении истории человеческого рода [3].

Как и Гаттерер, Шлёцер исходит в целом из признания Промысла Божьего, лежащего в основе устройства мироздания, продолжая, просветительскую историографическую установку. Историко-методологические идеи Шлёцера несут на себе следы воздействия раннего французского Просвещения (Тюрго, Вольтера и др.), но ряде пунктов отходит от нее. Началом исторического исследования для Шлёцера является изучение истории отдельных народов, но не сводится к нему. «Картина на части, разделенная... не подает ещё живого представления о целом», ей не хватает «всеобщего обозрения» [2, s. 21]. Только выбор главного из этой общей картины «претворяет сумму в систему, приводит все государства земного шара к единице, т.е. к роду человеческому, и ценит народы единственно по их отношению к великим переменам мира». Историк должен выбрать «только те народы, которые в великом обществе мира, так сказать, первенствовали» [2, s. 23]. Шлёцерский метод всемирного обозрения истории с вычленением главного, ведущего звена в цепи исторического процесса знаменует собою

определенное достижение просветительской историографии, и, одновременно, начало нового этапа развития исторической науки, выводящего в «исторический» девятнадцатый век Шлёцер сквозь всю историю человечества проводит идею прогресса, хотя и не употребляет термина «прогресс» – вместо него «*stufenweise Veredelung*» (поступенное или поступательное облагораживание или совершенствование) [5, s. 197]. Исследования этого «поступательного облагораживания» у Шлёцера основываются на его универсально-исторической концепции. История представляет, согласно Шлёцеру, не сумму отдельных «историй», а единую картину мира и человечества. Шлёцер сравнивает свою «*Systema historiae*» с «*Systema naturae*». В историческом познании Шлёцер пытался мыслить в духе естественнонаучных сочинений восемнадцатого столетия (Линнея, Бюффона и др.) [6]. Ф. Майнеке, в частности, подчеркивал, что в своем «Представлении истории» Шлёцер находился под впечатлением бюффоновской «*Historiae naturella*» (1749), которая, в свою очередь, повлияла на Гердера и Гете [6]. Соответственно этому закон исторического перехода от низших к высшим он понимал по аналогии с ростом растений. Подобный метод аналогии в сравнении с гердеровским «органическим развитием» оставался довольно ограниченным.

Шлёцеровское «Представление...» встретило резкую критику со стороны Гердера, который в целом негативно оценивал шлёцеровское сочинение, называя его «обезьянчаньем по Линнею» («*lineische Nachäffung*») [5, s. 352]. «Первая глава, – пишет Гердер, – Понятие всеобщей истории! Взаимосвязь событий! Синхронная упорядоченность! ...являются пустой декламацией...» [5, s. 348]. Гердер камня на камне не оставляет от шлёцеровского пафоса «первооткрывателя всемирной истории», подчеркивая, что понять историю как целое, как единое не помогут никакие синхронистские таблицы и никакие статистические выкладки. «Где находится единое, великое основание? Где лежит прямая дорога к нему? В чем смысл прогресса человеческого рода?» [5, s. 348] Гердер вопрошает Шлёцера: «А Просвещение? Улучшение? Совершенствование? Большое блаженство? Где мера? Где ключ к сопоставлению различных времен и народов...» [5, s. 348]. На эти и другие, отнюдь не риторические, вопросы шлёцеровская концепция всемирной истории так и не смогла дать ответа. Начало преодоления ограниченного эмпиризма, неясного различия природного и культурного в истории человеческого рода, и в целом неисторизма, присущего немецкой просветительской историографии было положено Гердером и, тем самым, изучению истории был предписан новый методологический импульс, реализованный уже в XIX веке, который по праву можно назвать веком необычайного расцвета исторического знания и методологии истории.

Список литературы:

1. Gatterer, Johann Christoph. Handbuch der Universalhistorie nach ihrem gesamten Umfange: Von Erschaffung der Welt bis zum Ursprunge der meisten heutigen Reiche und Staaten: Nebst einer vorläufigen Einleitung von der Historie überhaupt, und der Universalhistorie insonderheit, wie auch von den hieher gehörigen Schriftstellern. – Gottingen, Vandenhoeck, 1761. – 1000 s.
2. Gatterer, J.Ch. Einleitung in die Synhronistischer universalhistorie zur Erläuterung seiner synchronistischen Tabellen. – Göttingen, 1771.
3. Herder Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit // Herders Werke in 5 Bänden. Bd. 4. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1982. – 519 s.
4. Herder Journal meiner Reise // Herders Werke in 5 Bänden. Bd.1. – Berlin, Aufbau-Verlag, 1982. – 485 s.
5. Herder, A.L. Schlözers Vorstellung seiner Universalhistorie // Herders Werke in 5 Bänden, Bd.5. – Berlin, Aufbau-Verlag, 1982. – 485 s.
6. Meinecke, F. Die Entstehung des Historismus. Werke in 2 Bd. Bd.1. – München-Berlin, Oldenburg, 1936. – 197 s.

Сиволап Татьяна Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВРАЧ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности известнейшего в конце XIX – начале XX века врача тибетской медицины Петра Александровича Бадмаева, одного из самых таинственных врачей рубежа веков. Он первым расшифровал и перевел на русский язык трактат «Чжуд-Ши» – сочинение о лекарственных травах Тибета, классический трактат тибетской медицины. Бадмаев лечил членов императорской семьи и известных государственных деятелей; выдвигал идеи включения в состав России Тибета, Монголии и Китая.

Ключевые слова: тибетская медицина, петербургский период, бурят, действительный статский советник, факультет восточных языков.

THE FAMOUS ST. PETERSBURG DOCTOR OF TIBETAN MEDICINE

Summary: The article is devoted to the life and work of the most famous doctor of Tibetan medicine at the end of the 19th - beginning of the 20th century, Petr Alexandrovich Badmaev, one of the most mysterious doctors of the turn of the century. He was the first to decipher and translate into Russian the treatise «Chzhud-Shi» – an essay on the medicinal herbs of Tibet, a classic treatise of Tibetan medicine. Badmaev treated members of the imperial family and famous statesmen; put forward the idea of including Tibet, Mongolia and China in Russia.

Keywords: Tibetan medicine, Petersburg period, Buryats, Acting State Councilor, Faculty of Oriental Languages.

Санкт-Петербург, как столица Российской империи, всегда манила пассионарных подданных, различных национальностей, желавших служить русскому царю и русскому миру. Были среди них и представители бурятского народа. Пётр (Жамсаран) Александрович Бадмаев является самым известным бурятом, чья звезда взошла в «Северной пальмире».

У исследователей нет однозначного ответа, когда и где родился П. А. Бадмаев. Большинство сходится в том, что он появился на свет между 1849 и 1851 годом. Петр Александрович отмечает, что он родился в 1810 году. Такая же дата указана в справке Чрезвычайной Комиссии (ЧК), которая содержится в следственном деле Бадмаева, где в августе 1919 года он написал: «Я, 109 лет старик, потому только, что имею большое имя, популярное в народе, – сижу в заключении, без всякой вины и причины, уже два месяца» [5]. Его дочь говорила: «Когда я родилась (это 1907 год), отцу было сто лет». Бадмаев был

худощавый сухопарого телосложения, поэтому по его облику было тяжело определить его возраст.

Петр Александрович (Жамсаран) родился в семье бурятского арата, его отец Батма Засогол, как и весь род, разводил скот. У Петра было семь братьев. Старший брат Петра Сультым с детства был отдан в местный буддийский монастырь для прохождения курса тибетского врачевания. Прохождение курса было тяжелым и продолжительным. Монахи принимали на учебу не всех желающих. Подбор учеников в монастыре был скрупулезным. Исследовали их слух, зрение, обоняние, осязание, определяли душевные качества ребенка.

Завершив двадцатилетнее обучение, Сультым становится врачом Степной думы, которая представляла собой выборный орган бурят.

Жамсарана родители отправляют в Иркутск, учиться в русской гимназии.

Первым зафиксированным появлением Бадмаева в Санкт-Петербурге считается его приезд в 1870 году. Золотой медалист иркутской мужской гимназии Жамсаран Бадмаев приехал в северную столицу для поступления в Императорскую медико-хирургическую академию. После года обучения он решает покинуть стены медицинского учебного заведения. Исследователи жизни П.А. Бадмаева так и не пришли к единому выводу, почему он покинул Академию. Видимо, филология, особенно лингвистика, интересовали его, в тот период жизни, гораздо больше, чем медицина.

С 1871 году П. Бадмаев поступает на факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета и в 1875 году оканчивает его с отличием по специальности китайские и маньчжурскому языки [1]. Параллельно, Жамсаран проходит обучение и в знаменитой Медико-хирургической академии. Как выпускник медицинского учреждения, он должен был давать клятву, что лечить будет, опираясь на европейскую медицинскую практику, а Бадмаев же мечтал исследовать и использовать знания тибетской медицины.

11 апреля 1872 года в жизни Бадмаева произошло очень значительное событие, изменившее всю его дальнейшую жизнь. Он решает принять православие. Многочисленные беседы с отцом Иоанном Кронштадтским подвигли его к принятию такого решения. П. А. Бадмаев начинает посещать церковь Входа Господня в Иерусалим на Знаменской площади. Священник храма, протоиерей Арсений Двукраев, по просьбе Иоанна Кронштадтского, подготовил Бадмаева к принятию крещения. Экзамен по закону Божию перед крещением принял архимандрит Палладий. Таинство крещения состоялось в домово́й церкви св. кн. Александра Невского при собственном Ее Императорского Величества дворце (Аничков дворец). Крещение совершил протоиерей Никандр Брянцев. Жамсаран из всех православных имен решает взять себе имя Петр, этот выбор был не случайным, так как Бадмаев боготворил Петра Великого, а отчество получил от имени крестного отца – Александрович [2].

Бадмаев становится православным, будучи зрелым сложившимся человеком. Об этом он вспоминал в пожилом возрасте: «Я был буддистом-ламаистом, глубоко верующим и убежденным, знал шаманизм и шаманов, веру моих предков. Я оставил буддизм, не презирая и не унижая его взгляды, но только потому, что в мой разум, в мои чувства проникло учение Христа Спасителя с такой ясностью, что это учение Христа Спасителя озарило все мое существо» [8]. Но с религией предков Бадмаев не порывал: когда в Петербурге было решено построить «Дацан Гунзэчойнэй» – буддийский храм, он активно финансировал его строительство.

Петр Александрович имел плотные взаимоотношения с Лхасой. Именно буряты были первыми проводниками политики России в столицу буддизма. Вместе со своим учеником Цыбиковым, Бадмаев посетил Тибет. В Россию он вернулся с полным текстом классического тибетского медицинского трактата «Чжуд-Ши». И вскоре, он переводит его на русский язык. Необходимо было найти опытных лам-целителей, которые знали ключ к шифру, поскольку поэма была зашифрована, и прямой перевод ничего не давал. П. А. Бадмаеву удалось осуществить выполнение этой труднейшей задачи.

Двоеверие Бадмаева было очень органичным. Он искренне поклонялся религии своего народа, но был и честным христианином. Когда Петр Александрович вначале 80-х годов XIX века решает совершить поездку в Пекин и Лхасу, он специально встречается с преподобным Иоанном Кронштадтским, для получения благословения на это путешествие. В момент переезда семьи Бадмаевых в новый дом в Удельном, священник лично приезжает его освятить. А когда Иоанн Кронштадтский был ранен ножом религиозным фанатиком, именно Бадмаев вызвался его лечить.

29 апреля 1877 года Петр Александрович Бадмаев венчался с Надеждой Васильевной Рябининой (1860–1922), дочерью титулярного советника Василия Александровича Рябина. Таинство венчания совершил протоиерей Никандр Брянцев. Венчание было совершено в церкви Собственного Его Императорского Величества дворце на Невском проспекте.

В середине 70-х годов XIX века Сультым решает оставить свою медицинскую практику и гомеопатическую аптеку на Слоновой улице, д. 22 своему младшему брату. Петр Александрович активно включается в медицинскую деятельность. Бадмаев применяет в лечении экстракты различных растений, лично изготавливает многочисленные лечебные препараты. Его врачебный кабинет становится очень популярным в Петербурге. Он консультирует и лечит членов императорской семьи. В том числе он борется с гемофилией наследника престола Алексея. С 1873 по 1909 годы к нему за лекарствами и лечением обратились 573 856 больных [3].

Популярность врачебного кабинета все возрастала, и Петр Александрович устроил клинику ещё и в центре города – на Литейном проспекте в доме № 16. Его клиника занимала в этом здании весь третий этаж.

Занятие медицинской практикой П. А. Бадмаев сочетал со службой в Азиатском департаменте МИД. За свою работу на дипломатическом поприще Петр Бадмаев получил чин действительного статского советника, что соответствовало генеральскому званию. С 1899 по 1914 год Петр Александрович состоял действительным членом попечительного совета Приюта принца П. Г. Ольденбургского.

В 1877 году на Поклонной горе Бадмаев приобретает земельный участок и строит свою резиденцию «Мыза Спасская». Позднее на этой территории был воздвигнут в 1885 году оригинальный дом с башенкой по проекту архитектора Е. Л. Лебурде (дом снесён в 1981 году). Здесь целитель поселился с семьей, у него родилось восемь детей. На участке была открыта небольшая лечебница-санаторий, где кроме медикаментозной терапии применялись и другие лечебные методы, там же появляется собственный скотный двор, где находились несколько коров и коз. Это приусадебное хозяйство весь год снабжала семью и больных бадмаевской лечебницы молочной продукцией. Рядом у Поклонной горы была построена специальная оранжерея, в которой выращивали лекарственные растения. В мызе Бадмаев открыл школу для бурятских детей, с программой русской классической гимназии. И дом, и хозяйственные постройки приезжал освящать лично протоиерей Иоанн Кронштадтский. Рядом со своей семьей Бадмаев построил особняк для своей второй жены Елизаветы Юзбашевой [4].

В 90-е годы XIX века Петр Александрович открывает в Агинской степи торговый дом «П.А. Бадмаев и Ко». В столице Забайкалья – Чите Бадмаев финансирует независимую газету «Жизнь на восточной окраине». Она печатается, как на русском, так и на бурятских языках.

Петр Александрович вкладывает средства в развитие коневодства своей малой родины. В Забайкалье из Великобритании он завозит скаковых лошадей английской породы. Их скрещивают с местными породами и выводят новую породу лошадей [7]. Бадмаев активно занимается благотворительностью. Он финансирует миссионерскую деятельность духовный епархии РПЦ Забайкалья.

После первой русской революции П.А. Бадмаев основал «Первое Забайкальское горно-промышленное товарищество», которое начало успешно добывать золото в Бурятии.

В 1893 году после нескольких экспедиций в Монголию, Китай и Тибет, Бадмаев-дипломат написал и подал императору Александру III памятную записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке». План Бадмаева был грандиозным и предусматривал добровольное присоединение к России Монголии, Китая и Тибета. Он предсказывал, что дни маньчжурской династии в Китае сочтены, и предупреждал: «если туда не придём мы, придут англичане» [6]. Его предположение в дальнейшем подтвердилось: после смерти Александра III англичане ввели войска в Тибет.

Бадмаев отстаивал мысль, что последние четыре века у «Срединной империи» нет опыта самостоятельного управления, китайцы свыклись с

иностранным влиянием и диктатурой, поэтому приход россиян встретят с пониманием и покорностью. Царь, ознакомившись с посланием, оставил резолюцию: «Всё это так ново, необычайно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха». Отечественные историки в двадцатые годы сознательно изменили императорскую резолюцию – вместо «необычайно» они вписали «несбыточно». За свою аналитическую работу Бадмаев в 1902 году был награжден присвоением ему генеральского чина. Он становится действительным статским советником.

После проведения железной дороги в Забайкалье, началось активное развитие экономики Восточной Сибири. Бадмаев пишет письмо Александру III, в котором предлагает активизировать российское влияние в Китае и Тибете. Укрепить российское влияние на Дальнем Востоке Бадмаев полагает возможным через строительство 1500 километровой железнодорожной магистрали Чита - Ланчжоу. «Ланчжоу-фу – ключ в Тибет, Китай и Монголию. Вся торговля Китая попадёт в наши руки, – убеждает он императора. – Европейцы не в состоянии с нами конкурировать... С проведением этой линии начнётся финансово-экономическое могущество России» [6].

Идеи, высказанные Бадмаевым, заинтересовали министра финансов С. Ю. Витте. В своей сопроводительной записке к докладу царю он замечает, что идеи Петра Александровича представляются ему «весьма серьёзными» и «устанавливающими новую точку зрения в практических вопросах политики... По своему географическому положению Тибет, с точки зрения интересов России, имеет важное политическое значение. Значение это особенно увеличилось в последнее время ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить её своему политическому влиянию» [6].

Петр Александрович за несколько недель до начала русско-японской войны, пытался ее остановить, 01 января 1904 года он написал письмо русскому императору, в котором он замечает, что «корень русской политики на Востоке лежит не в Китае, а именно в Тибете». «Неужели истинно русский человек не поймёт, сколь опасно допущение англичан в Тибет; японский вопрос – нуль по сравнению с тибетским». Ознакомившись с посланием, Николай II приказал отправить в Тибет миссию, во главе с подьесаулом Улановым. Миссии было поручено определиться с политической обстановкой в Лхасе и настроить тибетцев против британской экспансии. Но неудачи русских войск в Маньчжурии изменили политические приоритеты на Востоке. И Россия вынуждена была отказаться от установления контроля над «крышей мира».

В десятые годы XX века Бадмаев вместе с П.Г. Курловым и Г.А. Манташевым проектировал постройку железнодорожной магистрали через Монголию к Пекину. Петру Александровичу принадлежит идея построить Байкало-Амурскую Магистраль.

После свержения самодержавия жизнь и деятельность Бадмаева резко изменилась. Он был отправлен в Петропавловскую крепость А.Ф. Керенским, как «царский приспешник». Временное правительство депортирует его в

финский Гельсинфорс. После Октябрьской революции Бадмаеву дают право возвратиться в Петроград.

Но спокойно жить ему не дали. Всплыла старая тяжба. В 1904 году он выиграл иск против доктора Кренделя, который обвинил его в преждевременной смерти одного из пациентов. При Советской власти мстительный Крендель донес на Бадмаева, и его забрали в ЧК. Фактически, арестовывали его несколько раз.

Японский посол советовал Бадмаеву эмигрировать в Японию, но Петр Александрович отверг это предложение. Во время национализации, Бадмаев лишился всей недвижимости в северной столице, воронежского поместья и земли в Восточной Сибири. Советская власть оставила ему приемную на Литейном проспекте и особняк на Ярославском проспекте. Когда чекисты его снова задержали, он написал заявление главе Петроградского ВЧК Ф.Д. Медведю, в нем он утверждал, что он «по профессии интернационалист» и, что всегда оказывал медицинскую помощь представителям всех сословий и партий, и на основании сказанного, просил его освободить.

Зимой 1919 – 1920 годов он находился в заключении в Петроградской городской тюрьме и в Чесменском лагере, расположенном в пригороде города. В общей сложности П. А. Бадмаев провел в заключении около года.

В последний раз Петр Бадмаев был арестован уже тяжелобольным, доставлен в Кресты на носилках и две недели своего последнего заключения провел в тюремной больнице Петроградской одиночной тюрьмы «Кресты». Освобожден был, как безнадежно больной.

Пётр Александрович Бадмаев (*Жамсаран*) – известнейший в конце XIX – начале XX века врач тибетской медицины, как его называли «самый таинственный врач XX века», потомок Чингисхана, как он сам полагал, выстраивая генеалогическое древо; первым перевел на русский язык трактат «Чжуд-Ши»; крестник императора Александра III; лечил членов семьи Николая II, Григория Распутина, различных известных государственных деятелей; убеждал российских императоров включить в состав России Тибет, Монголию и Китай.

Умер Петр Александрович Бадмаев 29 июля 1920 года в доме своей второй жены Елизаветы Юзбашевой, в кругу близких ему людей. Он был похоронен 01 августа 1920 года на Шуваловском кладбище. Его могила сохранилась и в настоящее время.

Среди эзотериков распространена информация, что Бадмаев якобы был членом тибетского мистического общества «Зелёный дракон». Поскольку в тайных организациях отсутствует какая-либо официальная документации, не существует возможности проверить достоверность этой информации.

Вдова Бадмаева, Елизавета Фёдоровна, несмотря на многочисленные репрессии, смогла сберечь архив мужа. Внуки Бадмаева добились издания его перевода «Чжуд-Ши», содержащего практические рекомендации по изготовлению лекарств, издали несколько книг о своем знаменитом деде.

Потомки П. А. Бадмаева продолжают заниматься тибетской медициной и в настоящее время.

Список литературы:

1. ЦГИА СПб, Ф. 2300, ОП. 1, Д. 18, Л. 113об.
2. ЦГИА СПб, Ф. 14, ОП. 1, Д. 6314, ЛЛ. 2-об., 3-об., 4-об., 16-об.
3. ЦГИА СПб, Ф. 2300, ОП. 1, Д. 3, Л. 6.
4. ЦГИА СПб. Ф. 2300, ОП. 1, Д. 13.
5. Кузьмин, Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева / Под ред. В. В. Свирина. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 124 с.
6. Кузьмин, Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель / Ред. С. Л. Кузьмин; М-во образования и науки Российской Федерации, Байкальский гос. ун-т экономики и права, Центр изучения Монголии. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2014. – 184, [30] с. – (Сфера Евразии).
7. Лобанов, В. Г. Старая Чита: Документальный рассказ. – 2-е изд., испр. и доп. – Чита: Степанов М. А., 2003. – 336 с.
8. Гусев, Б. С. Доктор Бадмаев: Тибетская медицина. Царский двор. Советская власть. – М.: Русская книга, 1995. – 240 с.

Сидоренко Леонид Владимирович
кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗ РОССИИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДНЕВНИКЕ ДЖОРДЖА ГРИНА

Аннотация: В статье анализируется дневник путешествий англичанина Джорджа Грина в Россию в 1805–1807 гг. Автор подробно разбирает структуру издания и подходы путешественника к описанию увиденного. Особое внимание уделяется комментированию им повседневной жизни в стране. В заключении делается вывод, что этот «Оригинальный дневник» действительно является уникальным примером произведения, сочетающим в себе справочный характер путеводителя, описательную направленность этнографических заметок, легкую глубину психологического очерка очевидца и полноту рекламного каталога в сфере гостиничного дела и дорожных услуг. Благодаря этому издание является интересным источником информации о жизни в России и ее столице в начале XIX в., полезным для современных историков.

Ключевые слова: Россия, Санкт-Петербург, Джордж Грин, путешествие, дневник, образ, путеводитель.

THE IMAGE OF RUSSIA AND ST. PETERSBURG IN GEORGE GREEN'S JOURNAL

Summary: The article analyzes the journal of journeys to Russia in 1805–1807 by an Englishman George Green. The author examines in detail the structure of the publication and the traveler's approaches to describe what he saw. Special attention is paid to his comments on everyday life. In conclusion, “Original Journal” is indeed a unique example of a work that combines the nature of a guidebook, the description of ethnographic notes, the easy depth of a psychological sketch of an eyewitness of events and the completeness of an advertising catalog of hotel business and road services. Because of that, the publication is an interesting source of information about life in Russia and its capital at the beginning of the XIX century, that might be useful for modern historians.

Keywords: Russia, St. Petersburg, George Green, travel, journal, image, travel guide.

Тема восприятия России иностранцами всегда занимала важное место в отечественной историографии, позволяя понять значение нашей страны в мире. До всестороннего развития средств массовой коммуникации путешественники традиционно являлись главными источниками сведений о России для простого западного обывателя. Оставляемые западными путешественниками заметки о нашей стране отличались разнообразием их стиля, своеобразием личностных

подходов, полнотой материала об увиденном, что, по сути, делало любое их издание уникальным для читателя. Интерес к России часто зависел и от ряда внешних обстоятельств, например, таких как взаимодействие в ходе крупного европейского конфликта, каковым являлись наполеоновские войны. От этого исторического периода в британской россике осталось несколько значимых изданий путешественников, посетивших Российскую империю. Одним из них стал «Оригинальный дневник из Лондона в Санкт-Петербург, через Швецию; и далее в Москву, Ригу, Митаву и Берлин: с описанием почтовых городов и всего интересного в столицах России и Пруссии и т.д. К которому добавлены названия, расстояния и цена на каждой станции; а также словарь наиболее полезных терминов на английском и русском языках»¹, принадлежащий перу Джорджа Грина и подводящий итоги его путешествий в Российскую империю в течение 1805, 1806 и 1807 гг. Цель данной статьи состоит в проведении анализа этого действительно оригинального труда в контексте оценки качества и полноты представленной автором информации о России, степени ее полезности для современных историков.

Дневник Джорджа Грина отличается от многих похожих произведений в сторону большей детализации сугубо справочной информации, что делает его в большей мере похожим на путеводитель, нежели классическую фиксацию тех впечатлений, что сложились у путешественника о посещаемой им стране. В предисловии к изданию четко указывается: «Тем самым редактор надеется, что читатель познакомится с ней [полезностью материала] в этом обширном томе, написанном настоящим путешественником на основе наблюдений на месте и опубликованном с целью донести полезную информацию до таких же как он, и особенно до тех, кто интересуется коммерцией. С этой целью автор, помимо описания общественных сооружений, таких как дворцы, статуи, мосты, города и т.д. и т.п., был осторожен, вставляя такого рода местную информацию, которую писатель, стремящийся занять видное положение, мог бы счесть недостойной его внимания. Таковы, вкратце, сборы, взимаемые на различных постоянных дворах и почтовых станциях, за перевозку и т.п., а также условия, которые необходимо соблюдать иностранцу, с использованием наилучших способов ускорения его проезда или перемещения товаров, дабы преодолеть задержки и местные установления»².

При этом такой же подход автора сохраняется и в отношении Швеции и Пруссии, описание которых выполнено в гораздо более фактологической и сухой манере, в сравнении с повествованием о России. Выбранный в дневнике стиль предопределяет почти полное отсутствие эмоционального восприятия увиденного в посещенных его автором странах. Очевидно, такой подход был вызван стремлением Джорджа Грина сделать свой труд максимально полезным

¹ Green G. An Original Journal From London to St. Petersburg, by Way of Sweden; and Proceeding from Thence, to Moscow, Riga, Mittau, and Berlin: with a Description of the Post Towns, and Every Thing Interesting, in the Russian and Prussian Capitals, &C. To which are Added, the Names, Distances, and Price, of Each Post; and a Vocabulary of the Most Useful Terms, in English and Russian. London, 1813.

² Ibid. P. IV–V.

для читателя, которому в его будущем путешествии обязательно потребуется практическая информация, которую невозможно получить или извлечь из тех книг путешественников, что скорее напоминают литературные произведения приключенческого жанра.

И в самом деле, помимо описания основных достопримечательностей Санкт-Петербурга, ряда российских, шведских и прусских городов, автор дает возможность читателю в систематизированной форме ознакомиться с данными о стоимости гостиничного обслуживания в рекомендованных заведениях такого рода, о цене на основные товары (продовольствие, одежда), об обменном курсе валют и денежной системе посещенных им государств, о расстояниях между почтовыми станциями и стоимости обслуживания путешественника на них. Дневник также содержит ценную практическую информацию о системе мер и весов, применяемых в описываемых странах, и завершается обширнейшим приложением, содержащим оригинальный англо-русский словарь необходимых по мнению автора слов³. Данный словарь составлен в своеобразной манере и скорее напоминает разговорник, но даже в таком качестве он показался бы неудобным современному читателю: в нем в качестве пары для слова на английском языке приводится лишь транслитерированный на латинице русский эквивалент, что позволяет ориентироваться в русской лексике, но не научиться правильному произношению.

Как опытный путешественник, Дж. Грин обращает внимание на такие мелочи, которые могут показаться несущественными для тех, кто интересуется лишь культурной историей посещаемой им страны, но жизненно важны для комфортного путешествия и минимизации тех негативных эмоций, что могут возникнуть из-за специфических требований к соблюдению формальностей. В частности, достаточно много места в книге уделено особенностям паспортного контроля в России, таможенному досмотру и бюрократическим процедурам при перемещении по империи. Только лично прошедший через аналогичные процедуры путешественник будет информировать читателей о неоднократной проверке его паспорта при въезде в страну, отдельном перемещении багажа из Кронштадта на материк, необходимого для его тщательного осмотра⁴, а также требовании заранее публично предупредить всех заинтересованных лиц о своем намерении покинуть империю, без чего свободный выезд становится невозможным⁵. В данном контексте подробное описание организации системы дорожного сообщения в России с помощью подорожной, подробный образец которой приводится в издании, выглядит разумным предостережением многих потенциальных путешественников⁶.

Первую треть дневника автор посвятил описанию Санкт-Петербурга и ближайших пригородов, и во всем издании она выглядит наиболее полной с

³ Ibid. P. 177–221.

⁴ Ibid. P. 1–2.

⁵ Ibid. P. 155.

⁶ Ibid. P. 156.

точки зрения степени раскрытия основных достопримечательностей столицы Российской империи. В противовес другим аналогичным произведениям, здесь Джордж Грин предложил читателям справочный подход в описании красот города на Неве, построив его не на основе градации важности или эстетики объектов туристического внимания, а в соответствии с административным делением Санкт-Петербурга. В центре внимания автора попали Первая, Вторая и Третья Адмиралтейские, Рождественская, Каретная, Василеостровская, Петербургская и Выборгская части — основные, хотя и не все, районы города начала XIX в., каждому из которых Дж. Грин посвятил отдельную главу. В каждой из этих глав автор дает сведения о границах части, главных ее улицах и основных достопримечательностях, самые интересные из которых затем были удостоены подробного описания, содержащего факты из их истории и базовые количественные данные об объекте — те, которые наиболее привычно прочесть в любом путеводителе по городу.

Весьма показательно, что помимо ставших классикой объектов внимания туристов, таких как Эрмитаж, дворцы видных аристократов и представителей царской семьи, важнейших общественных зданий и скульптурных композиций, Дж. Грин в своем дневнике уделяет немало места и объектам хозяйственного или военного назначения. Так, его описания удостоились городской арсенал, военная школа верховой езды, полицейское управление, почтовое отделение, ломбард и рынок скота. При этом автор почти всегда избегает эмоциональных оценок рассматриваемых им мест, предлагая читателю судить о них, прежде всего, по сухой справочной информации. Однако за ней все равно чувствуется личное переживание Дж. Грина, так как выбор рекомендуемых для посещения или осмотра объектов однозначно был сделан на основе собственного опыта.

Вторая треть дневника выходит за рамки чисто туристических задач и уже посвящается описанию повседневной жизни в российской империи. Здесь, как и ранее, автор предпочитает использовать строгий порядок, структурировав свое повествование по параграфам в соответствии с отдельными сферами жизни. В фокусе внимания Дж. Грина оказались российские рыцарские ордена, одежда и повседневность людей низших классов, организация банного дела и строительство печей, религиозные обряды, пожарная служба и водоснабжение, системы здравоохранения и вспомоществования бедным, деятельность тюрем и полиции, сельское хозяйство и промышленность, налогообложение и способы комплектования армии⁷. При этом, помимо общих энциклопедических данных, автор приводит примеры из общественной жизни, свидетелем которых он сам являлся, что подкрепляет доверие ко всем этим описательным данным.

Анализируя знакомство автора с жизнью в России, интересно отметить одну показательную особенность. Хотя, с одной стороны, Дж. Грин отмечает заметную религиозность русских людей, что нашло отражение в параграфах дневника «Религия», «Брак», «Крещение», «Похороны», где приводятся вполне подробные детали соблюдения религиозных ритуалов и обрядов, однако, с

⁷ Ibid. P. 74–130.

другой стороны, автор почти полностью проигнорировал описание даже самых значимых для Санкт-Петербурга и других мест России культовых зданий (храмов, церквей, часовен), как правило, лишь упоминая их названия в списках достопримечательностей, только сделав исключения для еще строящегося Казанского собора и католической часовни.

Отличительной особенностью описаний жизни в России является их нейтральный или даже комплиментарный характер. Внимательный читатель не найдет в рассматриваемом дневнике ни одной негативной оценки в отношении даже самых скверных сторон российской действительности. В параграфе о крестьянстве, посвященном, безусловно, очень болезненной для России теме, Дж. Грин в весьма нейтральных выражениях констатирует: «На самом деле, более трех четвертей людей находятся в ужасающем рабстве. Их переводят, как крупный рогатый скот; они обязаны вступать в брак, когда и с кем заблагорассудится их хозяину, который может, когда пожелает, аналогичным образом разделить их, отправив мужа и его жену в разные места; и они также обязаны платить ему налог за каждого ребенка»⁸. Но дальше констатации факта тяжелого положения крепостных автор не идет, комментируя потенциальную отмену крепостной зависимости следующим образом: «Есть все основания предполагать, что такая операция, будь она внезапной, не обошлась бы без неудобств даже для лиц, которым она должна была принести пользу»⁹.

Наиболее критические взгляды о состоянии российских дел у автора дневника встречаются в параграфе про сельское хозяйство, где он с нотками сожаления пишет об упущенных возможностях, очевидных в сравнении с теми аграрными техниками, что применяются в Англии: «...и хотя Россия в пределах своей обширной империи обладает разнообразием климата и почв, все же из-за характера ее управления, предрассудков и праздности ее жителей, по масштабам совершенствования сельского хозяйства она, по меньшей мере, на столетие отстает от Англии; что, безусловно, является обстоятельством, заслуживающим большого сожаления, поскольку в противном случае благодаря улучшению сельского хозяйства эта великая империя могла бы стать житницей Европы»¹⁰. Особенно печальное состояние Дж. Грин фиксирует в области животноводства, основная проблема которого заключалась, по его мнению, в недостатке питания животных, из-за чего зимой «их кормят в доме, но так скудно, что их кости, кажется, готовы пронзить кожу, и они часто становятся такими слабыми, что не могут самостоятельно подняться без помощи своих хозяев»¹¹. Впрочем, подобные неприятности автора беспокоят скорее с чисто хозяйственной точки зрения, потому что, отмечая проблемы, он сохраняет оптимизм в отношении их решения, как, например, в вопросе качества и количества шерсти, производимой в России: «Поэтому было бы

⁸ Ibid. P. 104.

⁹ Ibid. P. 104.

¹⁰ Ibid. P. 110.

¹¹ Ibid. P. 113.

очень желательно введение и размножение иностранной породы, особенно испанской, поскольку одна из этих овец даст в несколько раз больше шерсти, чем русская»¹², — предлагает он свой ответ на вопрос.

При этом Дж. Грин, безусловно, лично видевший русских крестьян в деле, не мог не высказать им своего восхищения, несмотря на их рабский статус: «Невозможно не восхищаться тем талантом подражания, который составляет одну из самых ярких черт русского характера. Самый простой мужик и те, кто наиболее невежественны в любом ремесленном деле, быстро научатся выполнять любую обыденную механическую работу. Русский крестьянин в своем собственном жилище является плотником, каменщиком, сапожником, портным, кузнецом и гончаром. Но, поскольку он, безусловно, самый опытный в обращении с топором, тот чаще всего служит ему молотком, пилой и рубанком; и только с помощью этого инструмента он может строить деревянные дома, экипажи и, по сути, создавать большинство предметов первой необходимости из дерева»¹³.

Завершающая содержательная часть дневника посвящена путешествию автора из России в Пруссию и Швецию. Здесь читатель найдет скорее больше информации по особенностям дороги, нежели типичное для путешественников восхищение местными достопримечательностями. Весьма показательным, что количественно достойные для того, чтобы их лицезреть или посещать местные объекты в Пруссии и Швеции едва ли превышают таковые в аналогичных главах по отдельным районам Санкт-Петербурга. Наибольшее внимание автора в этих северных странах привлекли такие города как Берлин, Потсдам и Стокгольм, в то время как другим уделяется едва ли больше места, чем какому-нибудь дворцу Санкт-Петербурга. Отсутствует в этой части и описание жизни местного населения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что «Оригинальный дневник» Дж. Грина действительно является уникальным примером издания материалов путешественника в Россию, сочетающим в себе справочный характер обычного путеводителя, описательную направленность этнографических заметок, легкую глубину психологического очерка очевидца событий и полноту рекламного каталога в сфере гостиничного дела и сферы дорожных услуг. Автор сумел вкратце описать достопримечательности Санкт-Петербурга и пригородов, раскрыть интересные особенности повседневной жизни верхних и низших слоев общества в России, сопровождая все это вниманием к практическим мелочам, о которых необходимо знать каждому путешественнику. И хотя этот дневник, в силу своего малого объема, не может стать исчерпывающим трудом для получения информации о жизни в России и ее столице в начале XIX в., его ценность для историков того периода несомненна.

¹² Ibid. P. 114.

¹³ Ibid. P. 106–107.

Список литературы:

1. Green, G. An Original Journal From London to St. Petersburg, by Way of Sweden; and Proceeding from Thence, to Moscow, Riga, Mittau, and Berlin: with a Description of the Post Towns, and Every Thing Interesting, in the Russian and Prussian Capitals, &C. To which are Added, the Names, Distances, and Price, of Each Post; and a Vocabulary of the Most Useful Terms, in English and Russian. London: T. Boosey – J. Hatchard, 1813. – 224 p.

Смирнов Владимир Николаевич

кандидат философских наук, инженер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков», грант № 21-18-00153.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА И Н. И. ТУРГЕНЕВА

Аннотация: Рассматриваются внешнеполитические воззрения Ф. И. Тютчева и декабриста Н. И. Тургенева как представителей консервативного и либерального направления русской общественной мысли. В начале показана связь Тургенева и Тютчева с немецкой романтической культурой, а также их опыт дипломатической работы. Особое внимание уделено вопросу объединения славянских народов. Показано сходство взглядов Тургенева и Тютчева о ведущей роли России в восточно-европейской политике и деле объединения славянских народов.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, Н. И. Тургенев, русский либерализм, русский консерватизм, Восточная Европа.

EASTERN EUROPE IN THE POLITICAL OUTLOOK OF F. I. TYUTCHEV AND N. I. TURGENEV

Summary: The foreign policy views of F. I. Tyutchev and the Decembrist N. I. Turgenev are interpreted as a representative of the conservative and liberal direction of the Russian public. First of all, the connection of Turgenev and Tyutchev with German romantic culture, as well as their work experience, is disclosed. The issue of the unification of Slavic people is especially attentively analysed. The similarity of the views of Turgenev and Tyutchev on the leading roles of Russia in Eastern European politics and the unification of Slavic people is demonstrated.

Keywords: F. I. Tyutchev, N. I. Turgenev, Russian liberalism, russian conservatism, Eastern Europe.

Для русской общественной мысли XIX века характерно не только множество противонаправленных течений, но и порой более глубокое внутреннее единство или, по крайней мере, неожиданное созвучие. Желание блага своему отечеству и в то же время универсалистские представления о единстве человечества, которые могли основываться как на христианской религиозности, так и общегуманистическом мировоззрении давали возможность к таким сближениям. Едва ли не общим местом стало предчувствие великой исторической роли, которую предстоит сыграть России в

судьбах Европы и человечества как с точки зрения христианской историософии, так и с точки зрения представлений о будущем.

Помимо этого русского консерватора Ф. И. Тютчева и приговоренного к смертной казни декабриста Н. И. Тургенева объединяет некоторая схожесть судеб в тех аспектах, которые могут стать ключевыми для формирования политического мировоззрения. Дело в том, что и Тютчев и Тургенев значительную часть жизни провели за границей, что конечно же в значительной мере определило ту оптику, через которую они воспринимали положение отечества среди европейских держав. Важно отметить при этом, что оба находились на дипломатической службе и изнутри видели становление системы международных отношений эпохи Священного союза. Оба затем увидели распад этой системы и новые условия европейской политики. Наконец еще одним важным условием, сближающим мировоззрение Тютчева и Тургенева была вовлеченность в культуру немецкого романтизма как в сфере искусства и философии, так и на уровне политических идей. Оба долгое время пребывали в Германии и, став собеседниками своих великих старших современников, не могли не испытать немецких романтических историософских концепций. Надо сказать, что политический романтизм всегда был внутренне неоднороден и содержал как консервативное, так и революционное начало, чем объясняются сближения и конфронтации многих представителей русской общественной мысли по разным вопросам.

Николай Тургенев учился в Геттингенском университете и глубоко воспринял немецкую интеллектуальную культуру того времени. В 1808 году он был свидетелем Эрфуртского конгресса. После недолгого возвращения на родину в 1812 году, уже в период заграничных походов, он находился по поручению российского правительства при бароне фон Штейне. Надо полагать, что значительную часть своих воззрений Тургенев сформировал под влиянием Штейна. Прежде всего, это касается практических соображений относительно крестьянского вопроса, поскольку именно Штейн считается архитектором крестьянской реформы в Пруссии, упразднившей крепостное право: «Заметно, что справедливые правила народного хозяйства нигде так не распространены, как в Германии. Нигде сочинители об этом так здраво не рассуждают, как в Германии»¹ – пишет Тургенев.

Любопытно, что от Штейна, на период войны, Тургенев перенял также и своеобразный культурный пуризм, характерный для немецкого романтического национализма, но совсем не свойственный дальнейшим воззрениям Тургенева: «Stein весьма умный человек, и я с любопытством слышал, как такой человек рассуждает о России. Он говорит, что надобно удержать или восстановить все национальное, даже русские кафтаны и бороды, и что надобно отвращать влияние иностранного (иностранной литературы) и проч.»². Вот что пишет Тургенев, как бы вторя романтическому национализму Штейна: «Как явно

¹ Тургенев Н. И. Дневники и письма за 1816–1824 годы. Петроград, 1921. С. 49.

² Тургенев Н. И. Дневники за 1811–1816 годы. СПб., 1913. С. 232.

доказывается нам истина! Чем более мы стрясываем с себя иностранное, тем в большем блеске, в большей славе являются народные свойства наши»³. В это же время другим секретарем Штейна был Э. М. Арндт – автор знаменитого стихотворения «Немецкое Отечество», в котором Тургенев тоже нашел единомышленника.

Арндта Тургенев цитирует против исторической концепции Карамзина, которая, по мысли Тургенева, ставит деспотизм в качестве единственного залога существования России. Тургенев, ссылаясь на книгу Арндта «О крестьянском сословии», пишет, что китайское спокойствие вредно для государства и не делает его человечным (*menschlichen*)⁴.

Внешнеполитический успех России после победы над Наполеоном по мысли Тургенева должен привести к внутренним изменениям. Народ, доказавший в войне свою преданность государю и отечеству, проявил достаточную зрелость, чтобы необходимые реформы прошли легко и быстро. При этом государь должен иметь некую цель, к которой направлены все его поступки и если он сделает эту цель известной своему народу – то народ непременно станет добровольным сподвижником государя⁵.

Победа в войне с Францией, по мысли Тургенева, предполагает не только ограничение ее политического влияния, но прежде всего избавляет от нравственного влияния Франции на облик Европы. Архитектура европейской безопасности требует создания сильного германского государства в противовес Франции. Надо сказать, что Тургенев сочувствовал идее германского единства, в частности, он выступал против закрытия газеты «Рейнский Меркурий», издававшейся Й. фон Герресом⁶. Немецкие патриотические сообщества вроде «Тугенбунд» он считал воплощением духа времени, объединяющем лучшие умы Германии. К слову, позже, в книге «Россия и русские», Тургенев будет писать о том, что декабристские общества возникли не без их влияния: «Находясь в Германии во время военных действий, они слышали о существовании тайных обществ; они усвоили идею этих обществ и решили объединить в союзе, организованном наподобие этих обществ, лиц, проявлявших рвение к общественному благу»⁷. Нужно отметить при этом, что все же Тургеневу претит узконациональный эгоизм: «Пруссию, как и всю Германию, нашел погруженною в прежнее ничтожество нравственное. Вся их *Deutschheit* свернулась на *Turn-Anstalt*, основанных Яном в Берлине и распространенных во всей почти Германии»⁸. Россия, по его воззрениям, конечно должна после победы неизменно влиять на европейскую политику во благо всего человечества.

³ Там же. С. 206.

⁴ Тургенев Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 30 ноября 1816. М., Ленинград, 1936. С. 203.

⁵ Тургенев Н. И. Дневники за 1811–1816 годы. СПб., 1913. С. 237–238.

⁶ Тургенев Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 13 января 1816. М., Ленинград, 1936. С. 155.

⁷ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1989. С. 279.

⁸ Тургенев Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 29 октября 1816. М., Ленинград, 1936. С. 201.

Внешнеполитические воззрения Николая Тургенева были сопряжены с представлениями о желаемом внутреннем устройстве России. В статье 1869 года «О нравственном отношении России к Европе» он говорит о ставшем традиционным неприязненным отношении к России со стороны европейских держав и народов, причиной которому была традиционно реакционная политика российских государей, начиная с участия России при Павле I в революционных войнах против Франции: «Роль защитника поколебленных порядков в Европе взял на себя Павел I. Это опрометчивое вмешательство с усилием направлять политическими судьбами Европы едва ли может быть оправдано истинными пользами России»⁹. Далее через политику Священного союза при Александре I и Николае I Россия, по его мнению, выступала против всякого освободительного движения, зачастую себе во вред: «Уже в 1815 году, в бытность его в Париже, возникла в императоре мысль о святом союзе, но возникла во всей своей чистоте, или, по крайней мере, невинности. Видны и решения политические, которые оказались в сем предприятии после и привели общее мнение Европы к заключению, что священный союз был не что иное, как союз царей против народов, эти виды и намерения были тогда, в начале, совершенно чужды императору, одушевленному и вдохновенному в этот момент единственно чувством христианским»¹⁰. Император тогда, по мысли Тургенева, руководствовался еще своими вполне либеральными воззрениями, последним проявлением которых было обещание конституции России при открытии польского сейма.

Особое значение для восприятия России в мире имеет польский вопрос и подавление польских восстаний, где симпатии европейского общества всегда были и будут на стороне поляков, что бы ни предпринимало российское правительство. При этом часть вины в изменении александровского курса, по мнению Тургенева, лежит на поляках: «Позволительно, по крайней мере, полагать, что неудачная попытка установить в Польше либеральный образ правления, могла содействовать тому печальному перевороту, который произошел в мнениях и в чувствах императора»¹¹. Польские восстания неизменно обращали европейское общество против России, поскольку людям в общем свойственно принимать сторону более слабого.

Установление представительского порядка в России, с точки зрения Тургенева, снимет как сословные и национальные противоречия внутри империи, так и позволит европейцам лучше узнать Россию. Таким образом, польский вопрос разрешится сам собой, ведь все будут иметь равные права и принимать равное участие в делах государства. Такое положение вещей скажется не только во внутренних делах империи, но будет иметь далеко идущие последствия и возможности в выстраивании отношений со странами и народами Западной Европы и обустройству Восточной.

⁹ Тургенев Н. И. О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг, 1869. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 4-5.

¹¹ Там же. С. 6.

Далее Тургенев говорит уже о том, что установление представительского порядка делает возможным воплощение идеи всеславянского единства под началом России: «Взглянем теперь на действие, которое введение представительного образа правления в России, может и должно произвести на одноплеменные народы славянские и на народы единоверные вне России. Съезд в Москве славян показал, что нравственная связь между народами славянскими и русским народом пребывает неразрывною и более сильною нежели, как, вероятно, многие предполагали. Эту связь можно назвать истинно братскою связью»¹². Установление такого представительского порядка, где каждый народ и каждое сословие будет вовлечено в общее государственное дело возможно только путем созыва Земского собора, инициировать который может только царь-освободитель. Надо сказать, что это в целом очень характерный для декабристского мировоззрения взгляд. Многие декабристы состояли в ложе «Избранного Михаила», названной так в честь Михаила Романова, избранного земским собором.

Особую роль в деле славянского единства играет русский язык как потенциально единый литературный язык славян. Тургенев отмечает, что наиболее образованные из славян чехи начали его изучать. Таким образом, славяне услышат не только голос дипломатии, не только голос российского политического руководства, но голос самого русского народа: «Настоящая мысль, настоящие чувства русского народа относительно славян и всеобщего нравственного союза славянского, окажутся тогда во всем своем свете, во всей правде»¹³. Важным условием здесь выступает свобода печати. Молодая русская литература, которая должна сказать свое слово всему славянскому миру, нуждается в этом как никогда.

Представительный порядок в России послужит, по мысли Тургенева, к переустройству всего славянского мира и пересмотру взаимоотношений России и Западной Европы: «Кто же не согласится, что такое преобразование должно увеличить не только обаяние, но и самую действительную силу России, в отношении к другим европейским народам?»¹⁴ Важно отметить, что, говоря о России, Тургенев конечно же причисляет ее к европейским странам; говоря о других странах, зачастую, как о западной Европе, имеет в виду, что есть и другая.

Другая Европа была своеобразным политическим проектом Ф. И. Тютчева. Пребывание на дипломатической службе в Германии оказало едва ли не решающее влияние на становление его взглядов. Тютчев был собеседником величайших представителей немецкой культуры, достигшей как раз своего расцвета. Мировоззрение Тютчева было проникнуто духом эпохи и вполне соответствует консервативному романтизму того времени.

Христианство (хотя и по-разному понимаемое) всегда было краеугольным камнем романтических политических концепций. Поэтому,

¹² Там же. С. 46.

¹³ Тургенев Н. И. О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг, 1869. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 62.

несмотря на свое русофильство (далекое от славянофильства), абсолютную лояльность империи и часто возникающую фигуру Запада как антагониста, Тютчев не обращался к Азии, но всегда мыслил Россию в рамках европейского человечества: «В течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что кроме него нет и не может быть другой Европы. <...> Но чтобы за этими пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда не феодальная и не иерархическая, однако тем самым внутренне более глубоко христианская...»¹⁵. В этой же статье он пишет о том, что Россия, хоть и не включенная в общеевропейские институты папства и феодализма, играла не меньшую роль в истории европейского человечества. По мысли Тютчева, образованный российским императором после победы над Наполеоном подлинно нравственный союз христианских государей, препятствует распространению революции и служит к процветанию и безопасности европейских народов.

Польский вопрос у Тютчева конечно же предполагает ликвидацию польской государственности. При этом он подчеркивает, что речь идет именно о государстве, а не о польской народности, самобытной и ценной. Надо сказать, что Тютчев, как романтик, видел в народах органическое единство и в целом был против искусственного подавления народности. Полякам же, по его мнению, была навязана чуждая цивилизация. В сущности у Польши есть два начала – славянское и латинское – и необходимо, чтобы первое вытеснило второе: «С этою Польшею никогда и никакого примирения быть не может и не будет – не потому только, что она полнейшее отрицание России, но что она точно такое же отрицание всего славянства, что мы теперь на опыте видим. Польскому же племени мы готовы сочувствовать, как всем прочим племенам славянским, лишь бы они высвободились из-под своей антиславянской истории»¹⁶. Тютчев при этом подчеркивает, что здесь вовсе не требуется от поляков обрусения, важно лишь возвращение к подлинной польской славянской народности.

До Крымской войны Тютчев много писал о том, что Россия должна поглотить Австрию, подчинить себе Германию, лишит Папу светской власти. После Крымской войны, окончательно положившей конец системе Священного союза, Тютчев увидел несбыточность многих своих внешнеполитических чаяний. Впрочем, идея славянского единства не только не исчезла, но в некотором отношении даже вышла на первый план. Для этого нужно было опять покушаться на Австрию: «Что же до Австрии, то мы должны смотреть на нее, как на выморочное имение, и, не предъявляя еще пока наших законных прав на владение, не терять их ни минуты из виду... Тут дело очень просто: восемнадцать миллионов славянского племени, над которыми австрийская опека упраздняется. Может ли Россия без самоубийства предать их всецело

¹⁵ Тютчев Ф. И. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты». М., 2011. С. 43.

¹⁶ Тютчев Ф. И. Письмо к И. С. Аксакову 20 мая 1867. М., 2004. С. 231

немцам?»¹⁷ Особенно остро стоял вопрос о присоединении Галиции, с которой, по мысли Тютчева, и начнется процесс распада Австрии и объединения славян, для которых вне России не может быть спасения, поскольку в соответствии с романтическим мировоззрением, Россия представляется органическим славянским государством.

За несколько лет до Франко-прусской войны, Тютчев пишет о том, что Россия должна склониться на сторону Пруссии и противопоставить тем самым себя Австрии, которая в ближайшее время будет главным объектом приложения усилий со стороны России. Большая война в Западной Европе означает возможность решить свои политические задачи в Восточной: «вопрос будущего России, это та область, где нам прежде всего надлежит действовать. Именно сюда должны быть направлены все наши усилия, ибо здесь у нас личный интерес, и мы бы наилучшим образом воспользовались дракой на Западе, если бы не упустили предоставляющегося нам шанса крепко и надежно обосноваться в этой области, возвратив себе Галицию с цепью Карпат»¹⁸. Грядущая война между Францией и Германией, наследниками империи Карла Великого станет прологом к разложению Западной Европы и в то же время, по мысли Тютчева, поворотным событием для славянства и Восточной Европы.

Едва ли не главным устремлением Тютчева стало возрождение Восточной Европы как органической части христианского человечества, которой еще предстоит занять свое законное место: «Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, что есть Восточная и что имя ей – все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно ненавистная всему цивилизованному миру!»¹⁹, пишет Тютчев к Ивану Аксакову. Надо сказать, что в мировоззрении Тютчева, вероятно, это был именно политический проект, а не просто романтическая христианская утопия: «Лозунг завтрашнего дня – это возрождение Восточной Европы, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово: Восточная Европа как определенный политический термин...»²⁰, пишет он в письме к Погодину.

Таким образом, можно увидеть, что некоторые внешнеполитические воззрения приговоренного к смерти декабриста Н. И. Тургенева и русского консерватора Ф. И. Тютчева совпадают. Надо полагать, что обоим в определенной степени было свойственно романтическое представление о том, что каждому народу предстоит сказать свое слово в истории, и для России это время вот-вот настанет. Как Тютчев, так и Тургенев выступают за активное участие России в делах Европы и, по сути, за ведущую роль России в делах славянства и Восточной Европы. Польский вопрос разрешается обоими не в пользу сохранения польской государственности, но при этом подчеркивается ценность польской народности, особенно как части славянского мира. Оба при

¹⁷ Тютчев Ф. И. Письмо к А. И. Георгиевскому 26 июня 1866. М., 2004. С. 156

¹⁸ Тютчев Ф. И. Письмо к А. Ф. Аксаковой 16 августа 1866. М., 2004. С. 179

¹⁹ Тютчев Ф. И. Письмо к И. С. Аксакову 22 сентября 1868. М., 2004. С. 351.

²⁰ Тютчев Ф. И. Письмо к М. П. Погодину 30 августа 1868. М., 2004. С.342.

этом исходят из универсалистской идеи, где Тургенев уповает на внедрение представительского правления, свойственного, по его мысли, всем европейским народам, а Тютчев в свою очередь основывается на христианском единстве.

Список литературы:

1. Тургенев, Н. И. О нравственном отношении России к Европе. – Лейпциг: F. A. Brockhaus, 1869. – 66 с.
2. Тургенев, Н. И. Дневники за 1811–1816 // Архив братьев Тургеневых. – Вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811–1816 г. – Т. 2. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1913. – 501 с.
3. Тургенев, Н. И. Дневники и письма за 1816–1824 // Архив братьев Тургеневых. – Вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 г. – Т. 3. – Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. – 528 с.
4. Тургенев, Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 13 января 1816 // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. – М., Ленинград: Издательство АН СССР, 1936. – 588 с.
5. Тургенев, Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 29 октября 1816 // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. – М., Ленинград: Издательство АН СССР, 1936. – 588 с.
6. Тургенев, Н. И. Письмо к С. И. Тургеневу 30 ноября 1816 // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. – М., Ленинград: Издательство АН СССР, 1936. – 588 с.
7. Тургенев, Н. И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825 гг. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
8. Тютчев, Ф. И. Письмо Ф. И. Тютчева А. И. Георгиевскому 26 июня 1866 // Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. – М.: Издательский центр «Классика», 2004. – Т. 6 – С. 155–157.
9. Тютчев, Ф. И. Письмо Ф. И. Тютчева А. Ф. Аксаковой 16 августа 1866 // Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. – М.: Издательский центр «Классика», 2004. – Т. 6 – С. 175–179.
10. Тютчев, Ф. И. Письмо Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову 20 мая 1867 // Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. – М.: Издательский центр «Классика», 2004. – Т. 6 – С. 231–232.
11. Тютчев, Ф. И. Письмо Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову 22 сентября 1868 // Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. – М.: Издательский центр «Классика», 2004. – Т. 6 – С. 351–352.
12. Тютчев, Ф. И. Письмо Ф. И. Тютчева М. П. Погодину 30 августа 1868 // Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. – М.: Издательский центр «Классика», 2004. – Т. 6 – С. 341–342.
13. Тютчев, Ф. И. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» // Тютчев, Ф. И. Россия и Запад. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 35–53.

Спиридонова Евгения Павловна

кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

БОЛЕЗНИ И ИХ ВРАЧЕВАНИЕ В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНЫ

Аннотация: В статье анализируется проблема становления врачебного дела во времена правления Петра I. В задачи исследования входит обзор спектра болезней, характерных для начала XVIII в. и врачебных практик, направленных на их диагностику и терапию. Автор выявляет комплекс причин, способствовавших формированию собственно медицинской науки, ее противопоставление существующим бытовым знахарским приемам. В статье исследуется роль Петра I в продвижении и институционализации научных медицинских знаний. В заключение делается вывод о том, что системная деятельность Петра Великого по преобразованию России положила начало формированию системы научной медицины.

Ключевые слова: болезнь, лечение, институционализация медицины, Петр I, война, бальнеологическое лечение, медицинское законодательство.

DISEASES AND THEIR HEALING IN PETER'S RUSSIA: THE FORMATION OF MEDICINE

Summary: The article analyzes the problem of the formation of medical practice during the reign of Peter I. The objectives of the study include an overview of the spectrum of diseases characteristic of the early XVIII-th century and medical practices aimed at their diagnosis and therapy. The author identifies a set of reasons that contributed to the formation of medical science proper, its opposition to the existing everyday quack techniques. The article examines the role of Peter 1 in the promotion and institutionalization of scientific medical knowledge. In conclusion, it is concluded that Peter's systematic work on the transformation of Russia marked the beginning of the formation of a system of scientific medicine.

Keywords: disease, treatment, institutionalization of medicine, Peter I, war, balneological treatment, medical legislation.

В научных исследованиях и дискуссиях тема коренных перемен, ставших следствием реформистской деятельности царя Петра Алексеевича, как правило касается преобразований, связанных с государственно-административной системой, военным делом, судостроением, законотворчеством, церковной реформой, т.е. с трансформациями, радикальным образом изменившими не только государственные, но и цивилизационные контуры России. Согласимся с В. Н. Захаровым, в том, что «новизна петровского правления отнюдь не

сводиться к явлениям в сфере социальной и политической. Еще более важен рубеж мировоззренческий, всегда знаменующий переход от одной эпохи к другой» [6, с.13]. История медицины этого периода представляет собой феномен, подобно лакмусу, проявляющий значение всего многообразия изменений, инициированных Петром I и демонстрирующий их результаты как на уровне новых социальных процессов и институций, так и в сфере культурных и мировоззренческих установок. В настоящем исследовании мы предполагаем выявить и проанализировать те факторы, которые привели к формированию и институциализации научного медицинского знания в России петровской поры.

Болезни как особые телесные состояния, человеком XVII в. воспринимались исключительно сквозь призму духовно-мировоззренческих установок. Большинство населения относилось к негативным изменениям здоровья и даже к смертельным исходам пассивно, объясняя происходящее расхожими установками «На все Божья воля!», «Бог дал, Бог взял». О наиболее распространенных болезнях этого периода мы можем судить по дошедшим до наших дней «докторским сказкам» – аналогам современных историй болезней. В источниках фигурируют такие заболевания как ангина, рожа, опухоли, «падучая», «сухотка», «водянка», «каменная», «лихорадочная», «чечуйная», «жабная». Как видно, документальной фиксации подвергались болезни, носящие системный характер, симптоматика которых делала человека неработоспособным, приносила существенные физические страдания и пугала окружающих, а нередко и докторов, неясностью этимологии. В этой связи, характерными были мифологизация и сакрализация болезней: их считали «Божьей карой», либо, напротив, «священным стигматом». Современная медицина понимает, что большинство из этих болезней – бактериальные и вирусные инфекции. Но в то время, ни теоретических знаний такого уровня, ни диагностики и адекватной терапии не существовало. Лекарства, костоправы, травники, лечившие простое население и «дипломированные» специалисты, пользовавшиеся знанием, нередко, затрудняясь с постановкой диагноза, отмечали лишь симптомы болезней: «лом в ногах», «распух», «в жару», «утроба болит», «не видит очами». Диагностика и терапия сталкивались с общими для естествознания того времени проблемами: «теоретические идеи, концепции и систематизирующие схемы накладывались на эмпирический материал как бы «сверху», они были в значительной степени импортированы и перенесены на русскую почву в готовом виде» [3, с.35], что формировало определенный «разрыв» между теорией и существующей практикой. Практики врачевания в свою очередь могли протекать как теоретически неосознанные, самым причудливым образом переплетаясь с элементами ненаучного характера. Заговоры, волхования, кровопускания, травяные примочки и настойки широко применялись в лечении самых разных заболеваний.

Отдельной серьезной проблемой были эпидемии, волнами накрывавшие Московское царство. Медицинского «ответа» на эпидемические вызовы

практически не существовало. Противостояние им заключалось в карантинах, заставах, засеках с горящими кострами для «очищения воздуха», устройство которых было прерогативой военных.

Большие потери населения, связанные с мором, вызванным эпидемиями, а также необходимость обслуживания армии для ее восполнения требовала внимания к вопросам медицины. Уже в правление царя Алексея Михайловича сформировалась тенденция приглашения на службу иностранных специалистов. Конечно, в первую очередь, такой запрос касался мастеров-оружейников, но в числе приглашенных были и доктора, лекари, аптекари. Деятельность приглашенных медиков изначально касалась лишь царской семьи, впоследствии медицинскую помощь по специальному разрешению царя могли получать знать и стрельцы. Сообщества прибывших специалистов образовывали в Московском царстве локальные поселения – «слободы», воспроизводя европейскую цеховую институциональность. Но в целом, как показала М.С. Сергеева [11], приезжие специалисты оказались заложниками российской местнической системы, препятствовавшей распространению научных знаний и квалифицированной медицинской помощи. Образовательная и просветительская миссии иностранцев также были ограничены целым рядом факторов. С течением времени специфика российского административного устройства нивелировала узкую профессиональную специализацию, принятую в Европе, примером чего является учреждение и развитие Аптекарского приказа, который объединил в себе и лекарственное производство, и лекарственное обеспечение, и врачевание, и административно-контролирующие функции [10].

Подспудно иностранные ученые все же влияли на культурное сознание элиты, формируя представления о значимости светской науки, обращая внимание на необходимость ее развития. Показательна в этой связи, классификация наук Юрия Крижанича, ученого-просветителя при дворе царя Алексея Михайловича. Крижанич не только отделил от богословия светское знание, но и показал его разветвленность и многообразие. К светскому корпусу ученый относит «ручное» (практическое) и «книжное» (теоретическое) знание [7]. Интересно, что медицина уже фигурирует как самостоятельный элемент в этой схеме, Крижанич определяет ее как «мирское» и «книжное» знание, что дает основание предполагать обязательность не столько практических навыков врачевания, сколько наличие специального (европейского) образования.

Принципиальным фактором, определяющим неразвитость медицины было отсутствие в России крупных центров образования и науки, подобных европейским университетам. Славяно-греко-латинская академия в Москве, открывшаяся в 1685г., хотя и совмещала в себе «науки гражданские и духовные», в целом давала гуманитарное образование, а созданная при Аптечном приказе лекарская школа готовила лишь полковых лекарей и костоправов. В Европе бум естественных наук, и медицины в особенности, сопровождался развитием прежде всего эмпирической методологии, опытного

знания, и нередко – его публичной демонстрацией. В сфере медицины особую популярность приобрели анатомические театры, открывшиеся в европейских научных центрах – Париже, Амстердаме, Лейдене. В них знатоки врачевания производили вскрытие трупов и их дальнейшее препарирование. Подобные мероприятия имели прежде всего научно-практические, исследовательские и образовательные цели. Публичность (театральность) анатомирования инициировалась в том числе недостаточным количеством доступных трупов – это были тела преступников или умерших в больницах для бедных, для их использования требовались разрешения или приходилось покупать тела умерших полулегально. Популярность анатомических театров обуславливалась не только наглядностью манипуляций, а также тем, что лекторы комментировали свои действия на родном языке, а не на официальной латыни, что делало медицинские знания более доступными. Основная публика подобных представлений – студенты, практикующие врачи, художники, и лишь задние ряды доставались любопытствующим.

Малый объём анатомических знаний вследствие низкой воспроизводимости анатомирования можно считать одной из причин отставания России в научной медицине. Низкий уровень научных знаний, недоверие к иностранцам, устойчивость предрассудков не позволили сложиться массовой практике предоставления трупов для опытов, что затруднило развитие анатомирования как исследовательского метода в российской медицинской практике. Мировоззренческий традиционализм и догматизм сознания стали препятствием для коммерциализации анатомирования, хотя обратной стороной выступала неразвитость эмпирической базы медицины.

Принципиальные изменения в восприятии болезней, и в особенности в формировании системы научных медицинских практик их лечения стали происходить в связи с намерениями системных преобразований России Петром I. К концу XVII в. необходимость в ознакомлении с культурными инновациями западных стран стала очевидной, и в конце 1696 г. царь Петр инициирует формирование «Великого посольства» в страны Северной Европы, в котором инкогнито участвует и сам. Миссия ставила перед собой несколько важных задач, и одна из них – привлечение на службу в России иностранных специалистов. Помимо корабелов, специалистов военного и морского дела, ученых-математиков «для службы в российском военно-морском флоте были наняты 52 лекаря с жалованием каждому в размере 12 ефимков, 13 алтын и 2 деньги в месяц» [8, с.34].

Посещение Петром I в составе Посольства Голландии не ограничивалось интересом государя к военным и судостроительным технологиям, но предполагало ознакомление со всеми инновациями передовой науки. Центром научного прогресса был знаменитый Лейденский университет, в котором в тот период работал всемирно известный доктор Г. Бургава, – энциклопедически развитый ученый, читавший лекции по всем медицинским наукам своего времени, прославившийся серьезным клиницистом, проводивший описания и

разборы трудных клинических случаев, а также вскрытия умерших пациентов. Его усилиями была сформирована крупнейшая научная школа. Существует мнение, что, в свой первый приезд в Голландию, Петр Алексеевич посещал лекции Г. Бургаве, но эти сведения не подтверждены источниками, хотя известно, что о славе лейденской знаменитости царь был наслышан.

Достоверными являются сведения о посещении Петром I другого выдающегося анатома того времени Фредерика Рюйша [2]. Получив в молодые годы образование аптекаря и имея успешный аптекарский бизнес, Рюйш продолжил обучение медицине в Лейденском университете, славившегося практической ориентированностью медицинского образования. Проблема нехватки анатомического материала, характерная для медицины того времени, ставила проблему его сохранности, – и доктор Рюйш занялся поиском методов бальзамирования, достигнув спустя время вершин мастерства. Наиболее интересные забальзамированные органы, эмбрионы и целые тела составили анатомическую коллекцию доктора Рюйша. Собираение образцов человека и животных с уродствами и патологиями получили в Европе широкое распространение. Такие коллекции безусловно привлекали любопытствующих, но их главным назначением служил научный интерес собирателей: как правило образцы не только играли роль экспонатов, но были предметом анатомических исследований. Изучение уродств действительно способствовало постановке целого ряда медицинских проблем и служило средством для их исследования. Находясь в Амстердаме, Петр Алексеевич присутствовал на лекциях Ф. Рюйша, посещал его госпиталь, анатомический театр, был впечатлен выставленной доктором коллекцией препаратов. Коллекция Рюйша целиком была куплена Петром Алексеевичем в 1717г. во время второго путешествия в Европу и вошла в собрание учрежденной царем Кунсткамеры. В 1724 г. по указу Петра I в Санкт-Петербурге была основана Академия наук, призванная производить и популяризировать научные знания и коллекции Кунсткамеры были открыты для изучения ее членам. В планы Петра входило создание академического университета в составе медицинского, юридического и философского факультетов. Эти замыслы были воплощены уже после смерти Петра Алексеевича.

А в начале XVIIIв. Россия находилась в состоянии затяжной войны, выйти из которой без достижения поставленных «экзистенциальных» целей не представлялось возможным. Условия военного времени диктовали свои требования к медицине. Бытовавшая ранее практика отпуска воинов для самостоятельного излечения с выплатой денежного довольствия «на лечбу ран, на зелье» была не совместима с введенной Петром рекрутчиной. Кроме того, формирование профессиональной рекрутской армии изменило понимание ценности (в прямом смысле этого слова) солдатской жизни и здоровья. Лечение раненых и больных солдат в районах расквартирования войск создавало неудобства в ведении военных действий и требовало принципиального решения проблемы. Таким решением стало учрежденное Указом Петра

строительство военного госпиталя в Москве. Госпиталь был построен вблизи Немецкой слободы, где жили иностранные медики и открыт в 1707г. [5]. Указом царя при госпитале была учреждена госпитальная школа для обучения 50 студентов. Бессменным директором госпиталя, а также преподавателем и руководителем первой отечественной медицинской школы стал лейб-медик царя, выпускник Лейденского университета Николай Бидлоо. Организация обучения строилась на принципе практической ориентированности образования: помимо теоретических курсов анатомии, физиологии, хирургии, изучаемых по рукописным учебникам Бидлоо, студенты были вовлечены в уход за больными, участвовали в обходах и осмотрах, наблюдали за операциями, делали перевязки. Спецификой обучения, в самом начале установленной Бидлоо, и ставшей особенностью русской медицинской школы, стала подготовка лекарей, одинаково компетентных и в хирургии, и во внутренних болезнях. Именно этого требовали условия военного времени.

В 1716-1717 гг. Петр I совершил второе путешествие в Европу, обусловленное необходимостью «принуждения к миру» в затяжной войне и поисками опального царевича Алексея, скрывавшегося за границей. Но эти объективные обстоятельства не были преданы огласке, публичная версия состояла в «поправке здоровья» и «лечении на водах» монарха. Следует отметить, что здоровье самодержца к тому времени действительно нуждалось во внимании. С молодости обладая крепким здоровьем и силой, занимаясь физическим трудом, Петр не ограничивал себя диетами, был пристрастен к алкоголю и любовным приключениям. В.О. Ключевский писал: «Привыкнув к простой водке, он требовал, чтобы ее пили и гости, не исключая дам. Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи, запах которой широко разносился по аллеям, причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада» [12]. В более зрелые годы эти пристрастия поутихли, но интенсивный ритм работы царя, его деятельное участие в важнейших государственных начинаниях, управление страной «из походной кибитки и с почтовой станции» (В.О. Ключевский) ослабляли здоровье царя. Негативную лепту в состояние его здоровья внесло и противостояние с царевичем Алексеем. Основными недомоганиями царя в этот период были расстройство функции желудка, предположительно вызванные амебной дизентерией, которая не считалась опасной болезнью и приступы мочекаменной болезни. Врачебный консилиум сошелся во мнении о пользе лечения минеральными водами. В 1711 и 1712гг. царь посещал Карлсбад, принимая минеральные воды внутрь и в виде ванн. Лечение помогло, но в конце 1715 г. приступы вновь возобновились и летом 1716г. Петр отправился в Бад Пирмонт для питья целебной воды. Но уже через год, по свидетельству лейб-медика Р. Эрскина, монарх страдал отсутствием аппетита «от ослабления желудочных фибр», имел «опухоль ног, желчные колики и бледность лица». По настоянию Эрскина в 1717г. в ходе второго заграничного путешествия Петр посетил Спа, железистые минеральные воды которого благотворно повлияли на

здоровье царя. Впечатленный воздействием бальнеологического лечения в том же 1717г. Петр издает указ «О приискании в России минеральных вод», которые действительно вскоре были найдены в г. Олонец. Помощник Эрскина доктор Л. Блюментрост был отправлен для исследования Олонецкого источника и утвердил высокое содержание в них железа, назвав их в честь Марса, облаченного в железо – «марциальными». В марте 1719 г. Петр издал второй указ, объявляющий о первом российском курорте в Олонце и содержащий докторские правила, регламентирующие порядок курортного лечения. В последствие в России были открыты и другие бальнеологические лечебницы, положив начало реабилитационной медицине.

Положительное воздействие лечения водами принципиальным образом не меняло ухудшающееся здоровье монарха. Причинами тому были как несоблюдение режимов и врачебных предписаний самим Петром, так и низкий уровень медицинской диагностики и терапевтических средств. Так лейб-медик Л. Блюментрост указывал, что от простуды царя лечили втиранием горячего гусиного сала с тертым чесноком. От «ломоты в затылке накануне непогоды» «на загривок» прикладывали пиявки, также назначали сок облепихи и шиповника. [9, с.24]. Существуют многочисленные свидетельства врачебной несостоятельности придворных медиков. Известно высказывание знаменитого доктора Бургаве, приглашенного к уже умирающему Петру, но не успевшего прибыть вовремя: «Возможно ли что такому великому человеку дали умереть, когда грошовой средства могли его исцелить» [4, с.125]. Все это красноречиво свидетельствует об как об уровне медицины того времени, так и об актуальности проводимых Петром преобразований и масштабе, необходимом для положительных результатов изменений.

Обобщая вышесказанное, мы можем остановиться на некоторых выводах, имеющих практическое значение в современной ситуации.

Прежде всего, масштаб государственного мышления Петра I, его стремление укрепить территориальную целостность страны, породило необходимость качественных, системных преобразований. Величие Петра – в понимании того, что развитая, прогрессивная Россия – это Россия, преодолевшая заскорузлые тысячелетние предрассудки, вовлеченная в процесс освоения научных знаний, могущая применить их во всех значимых сферах. Петр, сам активно осваивающий передовое знание своей эпохи, много времени и сил уделял продвижению наук в России, поощрял стремления к обучению молодого поколения, финансируя их образование, способствовал формированию отечественного потенциала научного знания, придавая этим процессам государственное значение.

Медицина стала авангардом научного знания, поставленного на службу замыслам Петра. Имперское расширение страны требовало мобилизации человеческих ресурсов, что в свою очередь означало необходимость борьбы с тяжелыми заболеваниями, эпидемиями, высоким уровнем смертности. И хотя вопрос об общественном здравоохранении только формулировался,

госпитальная медицина, гигиенические и санитарные нормы уже нашли свое законодательное подкрепление. К прогрессивным процессам следует отнести развитие аптекарского дела, медико-социальной помощи.

Понимание роли медицины в ситуации затяжных и судьбоносных войн положительно повлияло на развитие военной медицины. Важным следствием затяжной войны стало осознание необходимости подготовки отечественных врачебных кадров. Формирование госпитального дела и его финансирование, законодательное закрепление ответственности в виде наказания за ненадлежащее лечение стали ответом на вызовы военного времени.

Мы можем констатировать, что все эти меры привели к улучшению качества врачебной помощи и заложили основание для дальнейшего развития российской медицины.

Список литературы:

1. Вагеманс, Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716-1717). – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2013. – 256с.
2. Гайворонский, И. В., Горячева, И. А., Гайворонская, М. Г. Фредерик Рюйш — великий голландский анатом XVII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2018. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 106-112.
3. Громов, М. Н. Систематизация эмпирических знаний в древней Руси / Естественнонаучные знания в Древней Руси. – М.: Наука, 1980. – С.29-48.
4. Гузевич, Д. Ю., Гузевич, И. Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути:1697-1698. – СПб.: «Феникс», «Дмитрий Буланин», 2008. – 912с.
5. Дельвиг, В. С. Место и роль Московского госпиталя в реформировании российской медицины в 1707-1735гг. // Общество. Среда Развитие. – 2013. – №1 (26). – С. 65-70.
6. Захаров, В. Н. Петр I современная историография: размышления к 350-летнему юбилею великого реформатора // Российская история. – 2022. – №2. – С. 3-15
7. Крижанич, Ю. Собрание сочинений. Вып.1-2. – М.: Унив. тип., 1891-1892. – 122 с.
8. Лахтин, М. Ю. Материалы к истории медицины в России. – М.: Тип. «Русский труд», 1907. – 54 с.
9. Молин, Ю. А. Тайна гибели великих. – СПб.: НПО «Мир и семья-95»,1997. – 304 с.
10. Печникова, О. Г. Создание и функционирование аптекарского приказа //Юридические исследования. – 2013. – №3. – С. 20-22.
11. Сергеева, М. С. Проблемы интеграции иностранных аптекарей в отечественную медицинскую практику XVI-XVII вв. // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 4 (88). – С.222-230.
12. Ключевский, В. О. Курс Русской истории. Часть 2. – URL.: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii-chast-2/27 (дата обращения 26.02.2023).

Стецкевич Михаил Станиславович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв.»

ПРАВОСЛАВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РАЗВИТИИ АНГЛИКАНСТВА В XIX в.

Аннотация: Во второй половине XIX в. в России существовал не имевший аналогов в прошлом интерес к англиканству. Он был вызван надеждами на соединение православной и англиканской Церквей. Стимулированный начавшимся в 1833 г. Оксфордским (трактарианским) движением англикано-православный диалог не привел к практическим результатам, однако способствовал появлению целого ряда исследовательских работ о Церкви Англии XIX в. Увидевшие свет в 1860-е гг. труды Н. Н. Делицына, В. Я. Михайловского, М. И. Митропольского были достаточно информативными, однако содержали неточности и даже ошибки. В конце столетия появились остававшиеся в рамках конфессиональной парадигмы, но более объективные и фундированные работы А. И. Булгакова и В. В. Соколова. В центре исследовательского внимания неизменно оставалось трактарианство. Анализ трудов православных авторов позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне развития церковно-исторической науки в России XIX в.

Ключевые слова: англиканство, православие, англикано-православный диалог, Оксфордское движение, трактарианство, духовные академии.

ORTHODOX RESEARCHERS ON THE DEVELOPMENT OF ANGLICANISM IN THE XIX CENTURY

Summary: In Russia in the second half of the XIX century there was an interest to Anglicanism that had no analogues in the past. It was caused primarily by hopes for the union of the Orthodox and Anglican Churches. Stimulated by the Oxford (Tractarian) movement that began in 1833, the Anglican-Orthodox dialogue did not lead to practical results, but contributed to the emergence of a number of research papers on the Church of England of the XIX century. Published in the 1860s. the works of N.N. Delitsyn, V.Ya. Mikhailovsky, M.I. Metropolsky were quite informative, but contained inaccuracies and even errors. At the end of the century appeared the works of A.I. Bulgakov and V.V. Sokolov, which remained within the confessional paradigm, but were more objective and grounded. Tractarianism has always remained at the center of research attention. The analysis of the works of Orthodox authors allows us to conclude about a fairly high level of development of church historical science in Russia in the XIX century.

Keywords: Anglicanism, Orthodoxy, Anglican-Orthodox dialogue, Oxford Movement, Tractarianism, theological academies.

Интерес к англиканству в России имеет давнюю историю, но вплоть до XIX в. контакты православных и англикан можно назвать скорее эпизодическими. В середине – второй половине XIX столетия ситуация резко изменилась, и внимание к англиканству в России достигло такой интенсивности, которая не встречалась раньше и не обнаружится позднее – в XX – XXI вв. Причины этого интереса в середине XIX в. четко обозначил протоиерей В. Я. Михайловский. Отметив, что «с давних пор Англия составляет предмет особенного внимания и изучения русских», он подчеркнул первостепенную важность церковных вопросов: «англиканская церковь своим замечательным по силе и изумительным для протестантского мира ортодоксивным движением... заняла умы христиан всех вероисповеданий»¹. Речь шла здесь о таком явлении, которое другой православный автор, В.В. Соколов, охарактеризует как «великое Оксфордское движение»². Оно, несомненно, занимает заметное место в истории западного христианства последних столетий.

Во главе движения, начавшегося в 1833 г., стояли теологи Дж. Г. Ньюмен (1801–1890), Дж. Кибл (1792 – 1866), Р. Х. Фруд (1803–1836) и Э. Б. Пьюзи (1800–1882). В серии сочинений, наибольшую известность из которых получили «Трактаты для нынешнего времени» (отсюда другое название Оксфордского движения – трактарианство, часто использовался и термин пьюзеизм), они решительно отстаивали взгляд на Церковь Англии как на продолжение Древней неразделённой Церкви, отрицая её протестантский характер. Именно в рамках трактарианства была последовательно сформулирована «теория ветвей», согласно которой Римско – католическая церковь, православные и англиканские церкви представляют собой ветви единой Церкви Христовой. Например, Дж. Кибл использовал такие выражения, как «ветви одного дерева», «течения одного потока», «суда одной флотилии»³.

Хотя трактарианцы проявляли гораздо больший интерес к римскому католицизму, нежели к православию, сам факт опоры на авторитет Древней Церкви открывал возможность для диалога. В первой половине 1840-х гг. в России несколько раз побывал близкий к трактарианцам У. Палмер из Магдален-колледжа. Он действовал по собственной инициативе, ставя перед собой задачу добиться сближения Церквей⁴. Хотя миссия Палмера не имела успеха, она способствовала оживлению англикано-православного диалога, продолжавшегося с разной степенью интенсивности вплоть до второго десятилетия XX в. Он не привёл к каким-либо практическим результатам, хотя и породил некие надежды на соединение Церквей и способствовал возрастанию объёма знаний об англиканстве в России и о православии – в Англии.

¹ Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь и ее отношение к Православию. - СПб.: Типография В. Безобразова, 1864. – С. 1-2.

² [Соколов, В.В.] Англиканская Церковь в XIX в. // История христианской Церкви в XIX в.- Петроград: издание А.П. Лопухина, 1900. -Т. 1.- С. 569.

³ Keble, J. Sermons Academical and Occasional. – Oxford: John Henry Parker, 1847.- P. XLV-XLVI.

⁴ Подробнее см.: Сухова, Н. Ю. - У. Палмер в России // Филаретовский альманах. – 2010. – № 6. – С. 92-97.

Первые российские упоминания об Оксфордском движении относятся к рубежу 1830-х – 1840-х гг. и принадлежат, как показала Т. В. Чумакова, В.А. Жуковскому и И. С. Гагарину⁵. Подробно информировал о религиозной жизни Англии обер-прокурора Синода Н.А. Протасова протоиерей Е. И. Попов, долгое время служивший священником Посольской церкви в Лондоне⁶. Чрезвычайно интересные воспоминания о своём визите в Англию и общении с Ньюменом оставил церковный историк и путешественник А. Н. Муравьев⁷. У этих авторов можно обнаружить благоприятные оценки Оксфордского движения, время более серьёзной и детальной аналитики пришло позже.

Следует отметить, что о трактарианстве, как и об англиканстве в целом, в России писали в основном преподаватели или выпускники духовных академий. Светские историки, как правило, не проявляли особого интереса к англиканству, а в своих исследованиях английской истории XIX в. уделяли ему очень мало внимания.

Сочинения российских православных авторов об англиканстве можно разделить на две группы. Во-первых, это богословские трактаты, в которых обсуждалась законность англиканской церковной иерархии. Данный вопрос являлся чрезвычайно важным с практической стороны, поскольку без его положительного решения и заключения о наличии в Церкви Англии апостольского преемства даже самые предварительные шаги в направлении достижения единства с православием были неосуществимы. Между богословами завязалась достаточно острая дискуссия, выявились «мягкая» (В.А. Соколов, А. И. Булгаков) и «жесткая» точки зрения (А.Я. Рождественский, Н.А. Керенский), но вопрос так и остался неразрешенным⁸.

Вторая группа сочинений имела историко – аналитический характер. Все работы, в силу их многочисленности (речь можно вести о нескольких книгах и десятках статей – от объемных до коротких заметок), рассмотреть не представляется возможным, поэтому остановимся на анализе важнейших. Целый ряд статей о современном положении Церкви Англии был опубликован в начале 1860-х гг. Протоиерей Е.И. Попов ограничился повествованием о том, «каким образом держится и поддерживается здание англиканской церкви»⁹, подробно описав функции и порядок избрания епископов, их права и обязанности, он выделил различные категории священников, источники доходов духовенства¹⁰. В отличие от его писем 1840-х гг. к обер-прокурору

⁵ Чумакова, Т. В. Духовное просвещение в России и Оксфордское движение во второй половине XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. – 2018.– № 4. – С. 73 – 74.

⁶ Письма протоиерея Е.И. Попова: о религиозных движениях в Англии // Христианское чтение – 1904. – № 4. – С. 596-613.

⁷ Муравьев А. Н. Прибавления к Римским письмам. СПб.: Типография III отделения собственной Его императорского Величества канцелярии, 1847. С. 165 – 200.

⁸ Подробнее см.: Соколов, И.П. О действительности англиканской иерархии. – СПб.: Типография М. Меркутина, 1913.

⁹ Попов, Е. И. Англиканская церковь: устройство и быт ея // Православное обозрение. – 1860.– №7. –С. 428.

¹⁰ Попов, Е. И. Англиканская церковь: устройство и быт ея // Православное обозрение. – 1860.– №7. –С. 415 – 428; – №8. – С. 517 – 528; – №9.– С. 149 – 160.

Протасову, опубликованных лишь в начале XX в., какого-либо анализа умонастроений англикан статья не содержала. Видимо, появление такого рода публикации было связано с желанием дать образованной российской публике самые базовые сведения о Церкви Англии.

Значительно больший интерес представляет помещенная в двух номерах журнала «Духовная беседа» статья священника Н. Н. Делицына¹¹. Не смотря на достаточно скудную источниковую и историографическую (франкоязычные сочинения) базу, что в той или иной степени характерно для всех работ православных авторов об англиканстве, Делицын тем не менее сумел более чётко, чем многие из тех, кто пойдёт по его стопам, охарактеризовать «партии» внутри Церкви Англии. Он был единственным, кто отметил существование, наряду с упоминаемыми почти во всех сочинениях «партиями» Высокой, Низкой и иногда – Широкой Церкви, также и «партии церковно-политической» (Church-and-state party). Её особенность он справедливо видел в том, что члены её считают Церковь Англии «учреждением национальным, неразрывным с другими гражданскими учреждениями»¹², одновременно отметив постепенное ослабление «партии» к середине столетия¹³. Однако Делицын неправомерно посчитал Оксфордское движение вышедшим из её «недр»¹⁴, тогда как в реальности оно было продуктом развития прежде всего высокоцерковной традиции. Отметив «благотворное» влияние пьюзеизма, Делицын выразил надежду на то, что англиканство, избежав «обольщения» Римом, обратится в сторону православия¹⁵.

Статья преподавателя (впоследствии – профессора) Казанской духовной академии М. И. Митропольского была специально посвящена трактарианизму. К её несомненным достоинствам можно отнести подробное повествование о событиях начальных лет истории Оксфордского движения (до 1843 г.), точное определение его направленности – сближение с «древностью христианской»¹⁶, приведение развёрнутых цитат из «Трактатов для нынешнего времени». В то же время имеется немалое число фактических ошибок: например, основателем Оксфордского движения называется Пьюзи, к которому «присоединился Ньюмен»¹⁷, хотя в реальности дело обстояло совершенно наоборот.

Краткое и в целом точное сочинение священника П. А. Матвеевского, опубликованное в 1866 г. (ранее печаталось в виде отдельных статей в журнале «Странник») доводит изложение событий до 1859 г., но при этом содержит вывод об упадке трактарианизма, причина которого видится в наличии в Оксфордском движении про-римской, но не про-православной ориентации. По

¹¹ Делицын, Н.Н. Очерк истории Англиканской церкви // Духовная беседа. – 1860. – №46. – С. 284–296;– №48. – С. 350–364.

¹² Делицын, Н.Н. Очерк истории...– №48. – С. 351–352.

¹³ Делицын, Н.Н. Очерк истории...– №48. – С. 354–355.

¹⁴ Делицын, Н.Н. Очерк истории...– №48. – С. 355.

¹⁵ Делицын, Н.Н. Очерк истории...– №48. – С. 361–364.

¹⁶ [Митр польский, М. И.] Оксфордская школа, или так называемый пьюзеизм в Англии // Православный собеседник. – 1861. – Ч. 1. – С. 383.

¹⁷ [Митропольский, М. И.] Оксфордская школа...– С. 393.

мнению Матвеевского, если бы «вожди трактарианства» искали союза «с истинно апостольской Церковью восточной», то «судьба пюзеизма могла бы направиться совершенно иначе и привести в православие много заблудших овец»¹⁸.

Перу протоиерея В.Я. Михайловского принадлежит наиболее объемное во всей российской литературе XIX в. сочинение о современном англиканстве. Им представлено подробное описание истории, вероучения, богослужебных особенностей, категорий и доходов духовенства, миссионерства, внутреннего управления Церкви Англии. Дана и характеристика церковных «партий», причём, в отличие от Делицина, он обнаруживает только три группировки, именуемые им «Гай Чорч», «Лоу Чорч» и «Брод Чорч». Хотя, если судить по ссылкам, Михайловский использовал церковные и светские периодические издания, описание им «партий» выглядит достаточно фрагментарным. Видя истоки трактарианства в «партии» «Гай Чорч»¹⁹, и характеризуя его как «отрадное для православных явление на сумрачном горизонте»²⁰, Михайловский преувеличивает идейную зависимость лидеров Оксфордского движения от высокоцерковников XVII столетия, в частности – архиепископа У. Лоуда, чье богословие Ньюмен и Пьюзи якобы «положили своей задачей возобновить»²¹. Михайловский настолько увлекся идеей сближения англиканства с православием, что пытался отстоять тезис о том, что «мысль о происхождении англиканской церкви от римской ... есть ничто иное как сказка»²².

К концу XIX в. сочинения об англиканстве, по крайней мере, лучшие из них, приобрели более фактически точный, объективный, спокойный, фундированный характер. При этом конфессионализм, проявлявшийся в рассмотрении Церкви Англии с православных позиций, продолжал сохраняться, поскольку авторами являлись преподаватели духовных академий. В центре внимания по-прежнему оставалось трактарианство.

Крупнейшим российским специалистом по современной ему Церкви Англии следует считать профессора Киевской духовной академии А. И. Булгакова – отца знаменитого писателя. Его интерес к англиканству имел и практическую, и историческую направленность. Будучи убеждён в том, что необходимо соединение «всех христиан во едино стадо под управлением единого истинного Пастыря»²³, Булгаков был занят поиском точек соприкосновения православия с другими христианскими вероисповеданиями, прежде всего – англиканством и старокатолицизмом. В конечном счете он пришел к выводу о наличии «непрерывно-преемственной связи» англиканской

¹⁸Матвеевский, П. А. Трактарианское движение в Англиканской церкви в 1833–1862 гг.. – СПб.: «Странник», 1866. С. 30.

¹⁹ Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь – С.187.

²⁰ Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь.– С. 91.

²¹ Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь.– С.188.

²² Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь.– С.264.

²³Булгаков, А. И. Стремление англикан к восстановлению древневселенской церковности в Англии в последние шестьдесят лет // Труды Киевской духовной академии.– 1893.– № 11. – С. 366.

иерархии с римско-католической, подчеркнув необходимость восстановления англиканами «вероучения древневселенской церкви»²⁴.

Именно этим, по его мнению, в течение последних десятилетий и занимались трактарианцы. В 1897 г. Булгаковым был опубликован ряд статей под общим названием «Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке», объединенных впоследствии в книгу²⁵. Очерк видится последовательным и достаточно объективным изложением идей и деятельности высокоцерковной «партии» до конца 1890-х гг. Примечательно, что исследователь осуществил это фактически вопреки весьма скудной источниковой и историографической базе, состоявшей в основном из немецкоязычных энциклопедий и журналов. Тем не менее Булгакову удалось в какой-то степени даже предвосхитить некоторые выводы англоязычной историографии второй половины XX в., высоко оценив роль в становлении трактарианизма такой фигуры, как Р. Х. Фруд, и придя к заключению об ошибочности рассмотрения 1845 г. (уход Ньюмена в Римско-католическую церковь) как финальной точки Оксфордского движения²⁶. В отличие от Матвеевского и некоторых других авторов, писавших об упадке Оксфордского движения во второй половине XIX в., Булгаков делает прямо противоположный вывод: трактарианизм становится господствующим направлением в Церкви Англии²⁷.

Значительный интерес представляет собой глава, посвященная развитию англиканства, в «Истории христианской церкви». Редакция духовного журнала «Странник», по чьей инициативе было предпринято данное издание, в предисловии к нему сообщила, что автором «живо написанного» очерка об истории Англиканской церкви является В.В. Соколов – «один из членов православно-русского причта в Лондоне»²⁸. Примечательно, что раздел «Англиканская церковь» оказался лишь чуть менее объемным, чем та часть книги, где речь идет об истории всех других протестантских вероисповеданий (89 и 115 страниц соответственно).

Если сравнивать сочинения В. В. Соколова и А. И. Булгакова, то обращает на себя внимание следующее. Булгаков последовательно, в строго хронологическом порядке прослеживает процесс возвращения, благодаря трактарианцам, Церкви Англии к древнецерковным порядкам. Соколов же, не отрицая этого, подчеркивает другое обстоятельство: трактарианство «выдвинуло идею о церкви как богоучрежденном сообществе, обладающем своими собственными законами»²⁹. Если Булгаков прослеживал прежде всего *идейное развитие* Церкви Англии, а точнее – одной трактарианско-

²⁴ Булгаков, А.И. К вопросу об англиканской иерархии. – Киев: типография императорского университета, 1898. – С. 39.

²⁵ Булгаков, А. И. Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке. – Киев, 1897. – 90 с.

²⁶ Булгаков, А. И. Новые религиозные преобразования... С. 16–20, 44.

²⁷ Булгаков, А. И. Новые религиозные преобразования... С. 89.

²⁸ История христианской Церкви в XIX в.- Петроград: издание А.П. Лопухина, 1900. –Т. 1. – С. II.

²⁹ [Соколов, В. В.] Англиканская Церковь в XIX в... С. 565.

ритуалистской линии, то Соколова больше интересовала *фактическая сторона* дела, а нарисованная им картина эволюции Церкви Англии оказалась весьма многоплановой. Он повествует о развитии евангелического движения конца XVIII – первой половины XIX в., давая яркие характеристики его лидерам, в частности, У. Уилберфорсу, не забывает сказать о такой яркой и неортодоксальной фигуре, как Т. Арнольд, анализирует содержание сборника статей либеральных священников «Очерки и обзоры» (1860), в котором отстаивался тезис о том, что изложение христианского учения может корректироваться по мере появления новых научных данных. Соколову удалось хотя бы кратко упомянуть о богословской литературе и проповедях различных церковных «партий», положении и проблемах духовенства, соблюдении церковной дисциплины и многом другом.

Булгаков, как уже отмечалось, пользовался в основном немецкоязычными изданиями, Соколов же, находясь в Лондоне, имел доступ к разнообразным англоязычным текстам, в том числе новейшим. Он опирается на монографию Дж. Овертона, на считающееся классическим до сего дня сочинение Р. Черча о трактарианстве, цитирует автобиографию Ньюмена «Апология моей жизни». Однако это привело к тому, что Соколов оказался полностью во власти зародившейся в середине XIX в. и сохранявшейся вплоть до конца следующего столетия концепции, согласно которой Церковь Англии вплоть до появления трактарианства находилась в состоянии глубокого духовного упадка (по выражению Соколова – «поле сухих костей»³⁰), а Ньюмен и его соратники спасли и возродили её, и «жизнь Церкви забила ключом»³¹. Но в целом труд Соколова представляется достойным завершением и в определенной мере обобщением масштабной работы по изучению и представлению англиканства российским читателям, проделанной православными авторами XIX столетия.

В начале XX века интерес к англиканству в России продолжал сохраняться, но приближались совершенно иные времена, в которые попытки объективного анализа развития зарубежных церквей оказались ещё более трудноосуществимыми, чем раньше, а история церковных структур рассматривалась в качестве не слишком заслуживающего внимания предмета. Последствия этого подхода стали преодолеваются только в конце XX в.

Подводя итог, отметим: православные российские исследователи проявляли стойкий интерес к положению и развитию современного им англиканства. Хотя этот интерес был вызван прежде всего надеждами на его возможное сближение с православием, российские авторы, обладая очень ограниченными возможностями по части использования литературы и источников, сумели уловить и достаточно адекватно описать основные тенденции развития Церкви Англии, уделяя при этом наиболее пристальное внимание Оксфордскому движению. Полемическое начало, особенно заметное в сочинениях Матвеевского и Михайловского, постепенно уступало место

³⁰ [Соколов, В. В.] Англиканская Церковь в XIX в... С. 565.

³¹ [Соколов, В. В.] Англиканская Церковь в XIX в... С. 582.

более спокойному и объективному анализу (Булгаков, Соколов). Всё это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития церковно-исторической науки в России XIX в., центрами которой являлись православные духовные академии.

Список литературы:

1. Булгаков, А. И. Стремление англикан к восстановлению древневселенской церковности в Англии в последние шестьдесят лет // Труды Киевской духовной академии. – 1893. – № 11. – С. 366 – 404.
2. Булгаков, А. И. К вопросу об англиканской иерархии. – Киев: типография императорского университета, 1898. – 41 с.
3. Булгаков, А. И. Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке. – Киев, 1897. – 90 с.
4. Делицын, Н. Н. Очерк истории Англиканской церкви // Духовная беседа. – 1860. – №46. – С. 284–296; – №48. – С. 350–364.
5. История христианской Церкви в XIX в.- Петроград: издание А.П. Лопухина, 1900. –Т. 1. – III + 588 с.
6. Матвеевский, П. А. Трактарианское движение в Англиканской церкви в 1833–1862 гг. – СПб.: «Странник», 1866. – 30 с.
7. [Митр польский, М. И.] Оксфордская школа, или так называемый пюзеизм в Англии // Православный собеседник. – 1861. – Ч. 1. – С. 382 – 422.
8. Михайловский, В. Я. Англиканская Церковь и ее отношение к Православию. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1864. – 283 с.
9. Муравьев, А. Н. Прибавления к Римским письмам. – СПб.: Типография III отделения собственной Его императорского Величества канцелярии, 1847. – 201 с.
10. Письма протоиерея Е. И. Попова о религиозных движениях в Англии // Христианское чтение. - 1904. - № 4. - С. 596-613.
11. Попов, Е. И. Англиканская церковь: устройство и быт ее // Православное обозрение. – 1860.– №7. –С. 415 –428; – №8. – С. 517 – 528; – №9.– С. 149 – 160.
12. [Соколов, В. В.] Англиканская Церковь в XIX в. // История христианской Церкви в XIX в.– Петроград: издание А.П. Лопухина, 1900. – Т. 1. – С. 496 – 584.
13. Соколов, И.П. О действительности англиканской иерархии. - СПб.: Типография М. Меркутина, 1913.– 48 с.
14. Сухова, Н. Ю. – У. Палмер в России // Филаретовский альманах. – 2010. – № 6. – С. 92-97.
15. Чумакова, Т. В. Духовное просвещение в России и Оксфордское движение во второй половине XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. - 2018.- № 4. – С. 70 – 76.
16. Keble, J. Sermons Academical and Occasional. – Oxford: John Henry Parker, 1847. LXXVII + 421 p.

Суздальцева Ирина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Дагестанский государственный педагогический университет

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДАГЕСТАНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: В статье обращено внимание на рост общественного интереса к театральному искусству в Дагестане во второй половине XIX – начале XX века. В этот период начали создаваться самодеятельные драматические кружки и национальные любительские театры, основу которых составляла учащаяся молодежь. Часто концерты и постановки устраивались в благотворительных целях. В организацию театрально-просветительской работы были вовлечены многие общественные организации. Большую помощь становлению дагестанского театра оказали меценаты.

Ключевые слова: Кизляр, армянская община, спектакль, Темир-Хан-Шура, реальное училище, кружки, Дербент, благотворительное общество, Петровск.

THE ORIGIN OF THEATER AND EDUCATIONAL ACTIVITIES IN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Summary: The article draws attention to the growth of public interest in theatrical art in Dagestan in the second half of the 19-th - early 20-th centuries. During this period, amateur drama circles and national amateur theaters began to be created, the basis of which was young students. Often concerts and performances were arranged for charitable purposes. Many public organizations were involved in the organization of theatrical and educational work. Patrons rendered great assistance to the formation of the Dagestan theater.

Keywords: Kizlyar, Armenian community, performance, Temir-Khan-Shura, real school, circles, Derbent, charitable society, Petrovsk.

Ежегодно, с 1961 г. во всех странах 27-го марта отмечается Всемирный день театра. Этот профессиональный праздник театральных работников проходит под девизом: «Театр как средство взаимопонимания и укрепления мира между народами». Театральное искусство играет важную роль в развитии культуры каждого народа и выполняет функции (просветительская, пропагандистская, развивающая и т.д.), актуальные для всего общества. Театр способен благотворно влиять на нравственное здоровье людей. Особенно значима его роль в воспитании и социализации молодежи.

В Дагестане театральное движение начало развиваться в середине XIX в. Первый любительский театр возник в Темир-Хан-Шуре в середине 1850-х гг. Своим появлением он был обязан командиру первого Дагестанского конно-иррегулярного полка Ивану Романовичу Багратиону - родному племяннику героя Отечественной войны 1812 г. Петра Ивановича Багратиона. И.Р. Багратион отличался музыкальными и организаторскими способностями [8, с. 26]. В его доме устраивались творческие вечера и ставились любительские спектакли. По словам современников, «капитан Апшеронского полка Иван Багратион, - музыкант, певец, танцор, одним словом тип воспитанника школы гвардейских юнкеров или пажей и гвардейского кирасирского офицера 40-х годов, был избран режиссером и главным распорядителем любительского театра в Шуре; он же писал музыку для куплетного пения, он же обучал оркестр, он же направлял работы декораций, распределял роли и прочее». Постоянно проживая в Темир-Хан-Шуре и лишь временами посещая штаб полка в Дженгутае, П.И. Багратион «из своей квартиры сделал центр для всего Шурина общества» [2].

В середине XIX в. проявился интерес к театральному искусству у жителей Кизляра. Это можно объяснить тем, что в городе было недостаточно учреждений досуга, а театральные представления пробуждали мысль и разнообразили повседневную жизнь горожан. Активное участие в развитии культурной жизни Кизляра принимали представители армянской общины.

В 50-е гг. XIX века в Кизляре был создан армянский любительский театр, актерами которого стали учащиеся местных школ. В 1859 г. ими был поставлен спектакль по пьесе С. Мадинянца «Армянский язык или сватовство Софии». В декабре 1859 г. спектакль посетили 300 горожан. Кизлярский самодеятельный театр, не имевший своего здания, арендовал на средства горожан частный дом с просторным залом. На благотворительные средства для артистов были подготовлены сценические костюмы. Учитывая успех спектакля и просьбы горожан, театральное выступление повторили в январе 1860 г. В 1892 г. любители театрального искусства в Кизляре приобрели здание со сценой и специальными помещениями для актеров [1, с. 159]. Теперь горожане получили возможность развивать собственную театральную деятельность и приглашать гастролирующие труппы из других городов. В Кизляр приезжали театральные труппы из Тифлиса и Баку.

В конце 70 - начале 80 гг. XIX в. развернулась деятельность самодеятельного театра в Темир-Хан-Шурина реальном училище. Она широко освещалась в периодической печати [8, с. 27]. Участники коллектива часто устраивали концерты. Так, по свидетельству Е.И. Козубского, 25 февраля 1890 г. на вокально-музыкальном утрене, состоявшемся в зале клуба, они совместно с участием трех учениц женской прогимназии исполнили 10 музыкальных и 8 вокальных пьес. В репертуар обычно входили пьесы классиков русской литературы. Например, в 1892 г. учащиеся Темир-Хан-Шурина училища организовали театральную постановку комедии

Д. И. Фонвизина «Недоросль». В 1893 г. был устроен литературно-драматический вечер в память Н. В. Гоголя, на котором ученики читали свои сочинения о творческой деятельности писателя, и была сыграна его комедия «Женитьба». В антрактах на экраны проектировались «типы из Ревизора и Мертвых душ», а «хором и оркестром исполнено несколько пьес» [6, с. 33]. В декабре 1895 г. в здании училища состоялся танцевальный вечер, 5 мая 1897 г. - литературно-музыкальное утро, 27 декабря того же года - спектакль учеников и т.д.

Часто концерты и театральные постановки устраивались для сбора средств на благотворительные цели. Так, в 1890 г. в Темир-Хан-Шуре был устроен благотворительный спектакль, а собранные средства - 243 руб. переданы Темир-Хан-Шуриной женской прогимназии для оплаты обучения семи девочек. В 1901 г. прошел музыкально-вокальный вечер в пользу Дербентской женской прогимназии. Суммы, собираемые при организации музыкально-вокальных и танцевальных вечеров, любительских спектаклей и т.д., порой превышали затраты на них. Отчеты о проведении благотворительных концертов и спектаклей публиковались на страницах газет [6, с. 28].

В конце XIX - начале XX в. возникли музыкально-драматические кружки в Темир-Хан-Шуре (1899 г.), Дербенте (1904 г.) и Порт-Петровске (1909 г.). Кроме того, любительские драматические кружки появились и в ряде сел области: Ахты, Кумух, Хунзах, слобода Хасавюрт (1908-1916 гг.). Их коллективы ставили произведения русских и зарубежных классиков [5, с. 143].

Организацией театрально-просветительской работы в начале XX в. занимались многие общественные организации Дагестанской области. Доходы от любительских спектаклей стали одним из надежных средств пополнения кассы Российского общества Красного Креста. Так, например, в феврале 1904 г. в г. Темир-Хан-Шуре были даны спектакли в пользу больных и раненых воинов (7 февраля), в поддержку общества Красного Креста (22 февраля), на усиление военного флота (7 марта, 7 апреля и в мае). Доход от них составил 468 руб. 59 коп. В г. Петровске спектакли в пользу раненых и больных воинов, организованные 22 февраля и 7 марта 1904 г., дали значительную прибыль – 118 руб. 7 коп. – от первого и 271 руб. 61 коп. – от второго [3, с. 25].

Постановке спектаклей, проведению концертов и различного рода вечеров уделала внимание общественная организация «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», которая начала деятельность в 1905 г. в Темир-Хан-Шуре [7, с. 13]. «Общество ...» существовало благодаря частным добровольным пожертвованиям и членским взносам. Большим подспорьем в пополнении его бюджета служили благотворительные вечера, на которых давались концерты. Заметную помощь в их устройстве оказывал хор 1-го Дагестанского конного полка и Темир-Хан-Шуриной музыкально-драматический кружок, часто проводивший благотворительные концерты и ставивший спектакли в пользу «Общества ...» [4, с. 63].

В 1910 г. в Темир-Хан-Шуре появилась новая общественная инициатива – «Общество детских развлечений». Его целью была организация занятий и развлечений воспитательного и образовательного характера: различные игры, популярные чтения и экскурсии, спектакли и концерты. В 1915 г. она была переименована в «Алексеевскую Детскую Площадку» [8, с. 30].

Организацией театральных постановок, концертов, маскарадов и т.д. занималось еврейское благотворительное общество «Ахи-изир» («Братская помощь»), созданное в 1913 г. в Темир-Хан-Шуре. В соответствии уставом, его целью было содействие материальному благосостоянию Темир-Хан-Шуринского начального горско-еврейского училища, оказание разнообразной помощи неимущим евреям, обучение детей сирот и бедных за счет общества. Деятельность общества распространялась только на г. Темир-Хан-Шуру [9, л. 285-285 об.].

В 1916 г. дагестанский промышленник и меценат Хизри Гаджиев построил и передал в дар гражданам города Темир-Хан-Шуры здание театра. Проектировал его архитектор Иосиф Зильбершмидт, который специально ездил в Австрию для изучения устройства знаменитого Венского оперного театра. При строительстве дагестанского театра им были использованы элементы стиля ампира. Здание было оснащено техническими новинками, имело вращающуюся сцену и великолепную акустику. Позже, в разные годы в театре работали актерские труппы Русского, Кумыкского, Аварского и Лакского театров.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. возрос интерес к театральному искусству в Дагестане. Театрально-просветительская деятельность велась силами самодеятельных драматических кружков и любительских национальных театров. Первые из них были организованы при учебных заведениях в ряде городов: Кизляр, Темир-Хан-Шура, Дербент и Петровск. Большую помощь театральным коллективам оказывали представители интеллигенции и меценаты, которые арендовали помещения, готовили сценические костюмы и реквизит. В репертуар концертно-театральных постановок входили произведения национальных авторов и классиков русской литературы. В начале XX в. активному развитию театрального движения в Дагестане способствовали общественные организации.

Список литературы:

1. Аганесова, Д.В., Суздальцева, И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. - Махачкала, 2007. - 243 с.
2. Багратион Иван Романович. // Грузинское Генеалогическое Общество. - URL: <http://nobility.pro/ru/statya/600-bagratiion-ivan-romanovich> (дата обращения: 27.09.2017).
3. Егорова, В.П. Благотворительная деятельность комитетов Российского общества Красного Креста в Дагестанской области в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. // Научный форум: Юриспруденция, история, социология,

- политология и философия: сб. ст. по материалам IV международной научно-практической конференции. - М., 2017. - № 2 (4). - С. 22 - 35.
4. Каймаразов, Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX в. - Махачкала, 2007. - 464 с.
 5. Каймаразов, Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. - Махачкала, 1989. - 160 с.
 6. Козубский, Е. И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища 1890-1899. - Темир-Хан-Шура, 1901. – 236 с.
 7. Отчет о деятельности «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области за время открытия общества с 21 октября 1905 г. по январь 1907 г. - Темир-Хан-Шура, 1907. – 62 с.
 8. Салихова, Л.Б. Общественная жизнь в городах Дагестанской области. // Известия СОИГСИ. - 2016. - № 22 (61). - С. 23 - 35.
 9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). - Ф. 21. - Оп. 3. - Д. 94.

Тальшинский Эльвин Бахрузович (Азербайджанская Республика)
кандидат политических наук
Азербайджанский университет

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: Статья посвящена исследованию самого актуального вопроса современного времени – информационной войне. Отмечается, что изучение проблемы информационной войны имеет особо важное значение в рамках политической науки. Сегодня политика введения информационных войн является важнейшим элементом в политике каждого государства. В статье дается понятие информационной войны, информационного противоборства, информационной агрессии. А также рассматриваются составные части информационного противоборства. Исследование многочисленных средств и методов информационной войны, которая является формой информационного противостояния, становится сегодня очень важным инструментом достижения геополитического доминирования на международной арене.

Ключевые слова: информационная война, наука, исторический феномен, противоборство, агрессия.

SCIENTIFIC RESEARCH OF INFORMATION WARS AS A HISTORICAL PHENOMENON

Summary: The article is devoted to the study of the most pressing issue of modern times - the information war. It is noted that the study of the problem of information warfare is of particular importance in the framework of political science. Today, the policy of introducing information wars is an essential element in the policy of each state. The article gives the concept of information warfare, information confrontation, and information aggression. And also the components of the information confrontation are considered. The study of numerous means and methods of information warfare, which is a form of information confrontation, is becoming today a very important tool for achieving geopolitical dominance in the international arena.

Keywords: information warfare, science, historical phenomenon, confrontation, aggression.

Сегодня человечество живет в информационном обществе. Это новый тип общества, в котором владение информацией является движущей силой его преобразований и развития. Информация по праву меняет человечество и действует на ход мировых событий. Информационное пространство сегодня становится важной системой ведения политики государств. Значимость возможности и способности государства вести геостратегическое

информационное противоборство для достижения геополитического успеха неуклонно возрастает. Таким образом, главной аксиомой XXI века стала давно известная истина: «кто владеет информацией - владеет миром».

Все это обуславливает актуальность изучения проблемы информационной войны в рамках политической науки. Противоречия и конфликты между государствами в сегодняшних условиях перешли и в информационное пространство, и это ныне стало реальностью.

В свою очередь, этимология слова война определяется как организация вооруженной борьбы между государствами, общественными классами и т.п.; состояние вражды между кем-либо; спор, ссора с кем-либо; борьба. Война - общественно-политическое явление, особое состояние общества, связанная с резким изменением отношений между государствами, народами, социальными группами с переходом к применению вооруженного насилия для достижения политических, экономических, военных и других целей. Наряду с вооруженной борьбой, которая составляет главный смысл войны, в военное время и в подготовительный период могут также применяться экономические, дипломатические, идеологические, психологические, информационные и другие средства и соответствующие им формы борьбы. [1, с. 664]

Прежде чем, дать определение информационной войне следует разобраться с понятием самой информации, которая является основным ресурсом и наполнением информационной войны. Информация с перевода от латинского «*informatio*» означает разъяснение, изложение чего-либо. В общем понимании это мера распределения материи и энергии в пространстве и во времени, а также мера изменений, которыми сопровождаются все процессы, происходящие в мире.

Информация является общенаучным понятием, которая охватывает обмен сведениями и сигналами между живой и неживой природой, а также людьми и устройствами. Иными словами, информация — это сведения об объектах и явлениях окружающей среды. Параметры, свойство и состояние информации уменьшают степень неопределенности и неполноты знаний. В теории информационной войны следует различать два понятия - информация и данные. Данные в свою очередь, рассматриваются как признаки или записанные наблюдения, которые по какой-либо причине не используются, а только сохраняются. В том случае, если эти данные начинают использоваться для уменьшения неопределенности будущего, они превращаются в информацию. Поэтому можно утверждать, что информация становится данными, которые актуализируются. Информация образует рядом с существующим полем реальности, так называемое информационное поле, вместе с информационными потоками образует информационное пространство.

Информационное поле - это совокупность всего сосредоточенного в данном объеме пространства - времени информации, безотносительно к ее формам и состояниям, находящегося в отрыве, как от объекта отражения, так и от субъекта восприятия. Информационный поток представляет собой в общем

смысле совокупность информации, которая перемещается в информационном пространстве по каналу коммуникации. [5, с. 399]

В организационно-техническом аспекте структуру информационного пространства составляет совокупность баз и банков данных, технологий их использования, информационно-телекоммуникационных систем, сетей, приложений и организационных структур, функционирующих на основе определенных принципов и по установленным правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие пользователей, а также удовлетворение их информационных потребностей. То есть, информационное пространство - измерение противостояния, где оружием является информация и борьба ведется за целенаправленную смену индивидуального и общественного сознания. Сущность информационного пространства определяет известный ученый в области исследования информационных войн И. Панарин, как совокупность информационных ресурсов, систем формирования, распространения, использования и хранения информации, информационной инфраструктуры. [4, с. 275]

Информационное пространство, как база для развития информационной войны, по отдельным признакам взаимосвязан с политическим пространством, находится с ним в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Политическая жизнь общества всегда разворачивается в пространстве и времени. Социальное пространство представляет собой разветвленную систему общественных связей, в которой фиксируется сосуществование огромного разнообразия социально-предметных объектов, событий с точки зрения их упорядоченности, насыщенности и степени охвата, выражает реальный процесс жизнедеятельности общества. Будучи вписанным в пространство биосферы и космос, социальное пространство расчленяется на ряд подпространств, образующих систему, одним из структурообразующих элементов которой является политическое пространство. Он образуется всей совокупностью социальных субъектов, влияющих на систему государственного устройства. Каждый из них характеризуется наличием определенного местоположения социального субъекта, занимающегося политической деятельностью, и превращается таким образом, в субъект политики среди таких же, как и он, субъектов. Исходя из этого, политическое пространство может быть определено как одно из основных понятий философии политического сознания, его категория, обозначающая часть социального пространства, параметры которой фиксируют место, направленность, глубину и протяженность влияния социальных субъектов на сложившуюся в обществе систему государственного устройства. [2, с. 57]

Политическое пространство выступает как своеобразная матрица, согласно которой воспроизводятся устоявшиеся в обществе политические отношения, отношения к системе государственного устройства, носителей государственной власти, закрепленные в обычаях, традициях и законах нормы поведения, достигнутый уровень политической культуры, системы ценностей.

Как и социальное пространство в целом, политическое пространство имеет объективный характер. Это проявляется в том, что в любой момент существования и развития того или иного государственно организованного общества ему присуще наличие политических субъектов, которые по-разному относятся к сложившейся государственного устройства, политической власти. Политическое пространство, как и социальное пространство в целом, характеризуется одновременно непрерывностью и отрывочностью. Непрерывность находит свое выражение в том, что политическая деятельность является необходимым атрибутом каждого государственно организованного общества на всех этапах его исторического развития. А прерывистость проявляется, во-первых, в том, что политическая деятельность конкретного политического субъекта длится определенный период и вклинивается с прекращением его жизнедеятельности. Политическое пространство свойственно только государственно организованным обществам.

Структура политического пространства состоит из специализированных полей, а специфика политического пространства раскрывается динамикой борьбы, которая разворачивается в каждом из этих полей. [6, с. 421]

Синтезируя понятие информационного и политического пространств можно вывести интегративное понятие информационно-политического пространства - совокупность субъектов и объектов информационно-политического действия и взаимодействия; собственно информации, предназначенной для использования субъектами информационно-политического взаимодействия; информационной инфраструктуры, которая обеспечивает возможность реализации обмена информацией между субъектами; общественных отношений, складывающихся в связи с формированием, передачей, распространением и хранением информации, обменом информацией внутри общества. [3, с. 75]

Информационная война является формой или степенью развития информационного противоборства. Информационное противоборство - соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере за стремления влиять на те или иные сферы социальных отношений и введение контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые для дальнейшего развития, а другие их теряют. По интенсивности, масштабам и средствам выделяют следующие степени информационного противоборства: информационная экспансия, информационная агрессия, информационная война. [6, с. 213]

Впервые понятие «информационная война» было введено в 1985 году в Китае. В основу теоретических подходов китайских специалистов в области информационного противоборства положены взгляды древнекитайского военного деятеля Сунь-цзы (V в. до н.э.). Он первым аргументировал необходимость информационного воздействия на противника. В своем «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы отмечал: «Во всякой войне, как

правило, лучшая политика сводится к захвату государства целостным... Одержать сотню побед в сражениях - это не конец искусства. Покорить соперника без боя - вот венец искусства». [3, с. 94]

Учитывая современные подходы, информационную войну следует рассматривать в двух основных аспектах: как информационное противоборство и информационная борьба, т.е. новая форма геополитического соперничества сторон и сфера вооруженной борьбы.

Информационное противоборство направлено на достижение целей государственной политики страны, как в мирное, так и в военное время. Оно является закономерным, объективным процессом, который всегда был и будет актуальным в отношениях между государствами независимо от развития сотрудничества между ними.

Информационное противоборство (в политической сфере) включает три составные части:

Первая – стратегический политический анализ.

Вторая – информационное воздействие.

Третья – информационное противодействие.

Стратегический политический анализ – это комплекс мероприятий по добыванию информации о противнике (конкуренте) и условиях информационного противоборства; сбору информации о своих союзниках; обработке информации и обмену ею между членами своего политического содружества в целях организации и ведения действий. Информация должна быть актуальной, достоверной и полной.

Второй составной частью информационного противоборства является информационное воздействие. Оно включает и мероприятия по блокированию добывания, обработки и обмена информацией, внедрению дезинформации.

Третью часть составляют мероприятия информационного противодействия (защиты), включающие действия по деблокированию информации, необходимой для решения задач управления политическими процессами, блокирования дезинформации, распространяемой и внедряемой в систему формирования мирового и общественного мнения конкурентами (противниками). [2]

Информационное противоборство сегодня с уверенностью можно считать продуктом развития общества. Так как, оно является результатом научно-технического прогресса и информационной интеграции мирового сообщества, и став самостоятельным видом осуществления внешней политики возникла на определенной стадии развития общества. Мощные в информационно-техническом, военном и разведывательном планах государства сегодня получили новые возможности реализовать свои задуманные планы: навязывать собственную волю другим народам и государствам; допускать несанкционированное вмешательство в работу информационной инфраструктуры государств; анонимно поражать противостоящие электронные вооружения стороны. Поэтому не случайно, что в XX веке английские,

немецкие, русские и исследователи из других стран начали активно исследовать и формулировать определение информационной войны.

Информационная война – это комплекс действий, предпринятые для достижения информационного превосходства путем нанесения ущерба информациям, процессам, которые базируются на информационных системах противника при одновременной защите собственных информационных систем.

Особо важное своё значение информационные войны приобрели в XX веке, когда печатные издания (газеты, журналы), радио, позднее и телевидение стали средствами массовой информации. Именно в XX веке информация, распространяемая путём вышеперечисленных средств, стала массовой. Информационная война является новой областью знаний, в которой ведется активная подготовка специалистов во всем мире.

Главная цель информационной войны нарушение обменом информацией в лагере противника. Надо отметить, что информационное оружие, как правило, не используется для потери живой силы, однако в некоторых случаях и это не исключено. В этом смысле развитие технологии вывела нас, наконец-то, к бескровной войне и в то же время стала причиной создания исключительно эффективного оружия. Это оружие уничтожает не население, оно выводит из строя государственный механизм. [7, с. 385]

В настоящее время исследование информационной войны, процесса её зарождения и развития, форм проявления и методов реализации имеет очень большую актуальность. Исследование многочисленных средств и методов информационной войны, которая является формой информационного противостояния, становится сегодня очень важным инструментом достижения геополитического доминирования на международной арене и одновременно являются определенным гарантом построения эффективной системы информационной безопасности. С другой стороны, актуальность вызывает угроза появления и распространения новых форм политического экстремизма, которые будут основываться на использовании современных видов информационных войн.

Список литературы:

1. Волковский, Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. — СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2003. — Ч. 2. — 735 с.
2. Всемирная история в датах и событиях. М.: Радуга, 2002. – 315с.
3. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. П. Фролов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Горячая линия—Телеком, 2009. — 541 с.
4. Панарин, И.Н. Информационная война и дипломатия. – М.: Издательский дом «Городец», 2004. – 526 с.
5. Прокофьев, В.Ф. Тайное оружие информационной войны. - М.: СИНТЕГ, 1999 – 152 с.

6. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с.
7. Тальшинский, Э. Б. Сущность информационной войны в процессах глобализации // Університетські наукові записки. — 2012. — №. 2. — С. 385-389.

Тихонова Вера Борисовна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В РОССИИ XVII В.

Аннотация: В статье делается попытка ответить на вопросы: была ли в России XVII в. ситуация культурного конфликта, и предшествовал ли преобразованиям Петра Великого культурный конфликт? С этой целью определяется понятие культурного конфликта, выявляются основные признаки и характерные черты данного феномена, условия и факторы его возникновения, которые сопоставляются с культурной ситуацией России XVII в. Данное сопоставление с большой степенью определенности выявляет в русской культуре XVII в. черты и признаки, присущие культурному конфликту.

Ключевые слова: культурный конфликт, переходный период, европеизация, новаторство, традиционализм, церковный раскол, культурные заимствования.

ON THE PROBLEM OF CULTURAL CONFLICT IN RUSSIA IN THE 17TH CENTURY

Summary: The article attempts to answer the questions: was Russia in the 17th century the situation of cultural conflict, and did the transformations of Peter the Great precede the cultural conflict? For this purpose, the concept of cultural conflict is defined, the main features and characteristics of this phenomenon, the conditions and factors of its occurrence are identified, which are compared with the cultural situation in Russia in the 17th century. This comparison with a high degree of certainty reveals in the Russian culture of the 17th century features and characteristics inherent in cultural conflict.

Keywords: cultural conflict, transition period, Europeanization, innovation, traditionalism, church schism, cultural borrowings.

Предлагаемая работа вызвана интересом к проблеме культурного конфликта в России XVII столетия – периода, послужившего преддверием петровских преобразований. Интерес этот коренится в различии позиций по этому вопросу у наиболее авторитетных ученых, анализировавших культурную ситуацию России XVII-XVIII вв. Культурный конфликт относится исследователями то к XVII в.,¹ то к XVIII в., и связывается с последствиями петровских реформ.² Исходя из этого, основной целью данной статьи является

¹ Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века// Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С.313-345.

² Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 453-456.

прояснение вопроса о наличии ситуации культурного конфликта в допетровской России. Можно предположить, что дать сколько-нибудь определенный ответ на указанный вопрос поможет обращение к сущности феномена культурного конфликта, условиям его возникновения, основным характеристикам, и сопоставление этих параметров с культурной ситуацией русского XVII в. Эти задачи ставит перед собой автор данной статьи. Поскольку проблематика культурного конфликта рассматривается обычно в рамках междисциплинарных исследований, «на стыке» культурной антропологии, социологии, этнографии, философии, истории, семиотики, лингвистики, постольку предлагаемая статья также основывается на междисциплинарном подходе.

Прежде всего, следует хотя бы немного остановиться на обзоре основных направлений в исследовании культурного конфликта. Надо отметить, что «пионерами» в теоретическом осмыслении интересующего нас понятия выступили американские ученые, сформировавшие ряд концепций в рамках многостороннего изучения культурного конфликта, который часто затрагивается в исследованиях, посвященных проблематике межэтнических, межкультурных, межрелигиозных отношений. Особым контекстом в исследовании культурного конфликта стало изучение процессов глобализации.³ Именно в рамках этого контекста появилось наиболее известное обоснование феномена культурного конфликта. Пожалуй, самым известным представителем данного направления является С. Хантингтон, рассматривавший феномен культурного конфликта с точки зрения проблем глобального мира.⁴

В отечественном гуманитарном знании тематика культурного конфликта представлена чаще в исследованиях, посвященных межкультурным и межцивилизационным отношениям,⁵ а также проблемам конфликтов в сфере литературы и искусства.⁶ Присутствует в современной науке и особое

³ Blaser M. Ontological Conflicts and the Stories of peoples in spite of Europe. Toward a Conversation on Political Ontology//Current Anthropology. Vol. 54. № 5. October 2013. P. 547-568. URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023); Brown K. Globalization and Cultural Conflict in Developing Countries: the South African Example // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 7:225. 1999. P. 225-256. URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023); Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. 603 с.; Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations?// Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. 1993. P. 22-49. URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023); Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London. SAGE Publications. 1992. 211 p.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. С. 15,17,24-26,92, 324-326, 410-411, 412-416, 435-440, 442-443, 511-513, 525-527; Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations?// Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. 1993. P. 22-49. URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023)

⁵ Ионин С.Г. Социология культуры: учеб. Пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ 2004. С. 16-17; Черкесов Б. А. Культурные основы этнических конфликтов // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 9. – С. 110-112; Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 17-23; Тишкевич Э. В. Культурные конфликты и социокультурная глобализация // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 68 – 75. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=6641> (дата обращения: 20.02.2023); Круглова М. С. «Спор о ритуалах» как пример культурного конфликта Востока и Запада // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2018. № 5 (91). С. 34-38. URL: <https://www.gramota.net/editions/9.html/> (дата обращения: 24.02.23).

⁶ Гомес К. Дж., Круглова Т.А. Феномен конфликтов вокруг искусства в контексте устройства современной публичной сферы// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 268-280; Изюрьева

направление, связанное с изучением семиотических и лингвокультурных аспектов культурных конфликтов.⁷ Ряд работ отечественных авторов затрагивают теоретические аспекты культурного конфликта.⁸

Следует обратить внимание на некоторые особенности применения термина *культурный конфликт* в российской научной литературе. Нередко, применяя данный термин в своих исследованиях, ученые никак его не определяют. Поэтому может сложиться ложное впечатление, что данный феномен проявляется исключительно в знаковых системах или в особенностях художественного творчества. Другой вариант, связанный с использованием термина *культурный конфликт*, выражается едва ли не в избегании его употребления и в замене его синонимичными определениями.

Далее позволю себе краткий обзор работ, затрагивающих феномен культурного конфликта в контексте истории Московского царства. А. М. Панченко в своих фундаментальных исследованиях обращает пристальное внимание на природу и характер разгоревшихся в середине – второй половине XVII в. споров, полемики, «словесной войны», противоборства, конфронтации между противостоявшими друг другу новаторами и традиционалистами.⁹ Среди ученых, внесших значительный вклад в осмысление семиотической ситуации XVII в., следует назвать В. М. Живова и Б. А. Успенского, исследовавших различные языковые и знаково-символические характеристики культурного конфликта.¹⁰ Близкие, лингвокультурные аспекты культурного

И.А. Культурный конфликт в художественном творчестве и способы его преодоления: Дис. на соиск. уч. степени канд. Культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. Улан-Удэ. 2005. 175 с.; Калугин В. В. Культурный конфликт в русской литературе XVI века (Иван Грозный и Андрей Курбский)// Вестник РГНФ. 1998. № 4. С. 134-142; Нефедова Л. К. Специфика культурного конфликта средних веков и его репрезентация в жанре драмы// Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 321-328; Нефедова Л. К. Онтологические основания культурного конфликта в европейской драме XVII века// Омский научный вестник. 2014. № 1 (125). С. 224-228; Нефедова Л.К. Методологические аспекты жанра трагедии и категории трагического в репрезентации культурного конфликта в европейской драме XVII в.// Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (14). С. 32-35.

⁷Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.; Сиромеха В. Г. К вопросу о лингвокультурном конфликте в истории русского литературного языка (на материале полемической литературы второй половины XVII века) // Вестник литературного института имени А.М. Горького. 2021. № 2-3. С. 169-179; Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 480 с.; Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М.: Издательство «Гнозис» 1994. 688 с.

⁸ Богатырева Е. Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа// Известия Саратовского университета. Нов. Сер. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 130-134; Изюрьева И.А. Культурный конфликт в художественном творчестве и способы его преодоления: Дис. на соиск. уч. степени канд. Культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. Улан-Удэ. 2005. 175 с.; Нефедова Л. К. Онтологические основания культурного конфликта в европейской драме XVII века// Омский научный вестник. 2014. № 1 (125). С. 224-228.

⁹ Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 42-45, 47-52.

¹⁰Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало// Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 319-340; Сиромеха В. Г. К вопросу о лингвокультурном конфликте в истории русского литературного языка (на материале полемической литературы второй половины XVII века). С. 169-179; Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века// Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 313-360. Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка// Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М.: Издательство «Гнозис» 1994. С. 26-48.

конфликта рассматривает В. Г. Сиромеха.¹¹ В. В. Калугин рассмотрел культурный конфликт в контексте истории русской публицистики XVI в., представив явление конфликта на основе противопоставления традиционно русских средневековых и заимствованных ренессансных черт. Ученый обратил внимание на различия, обусловленные культурными ориентирами, отношением к тексту и литературной техникой.¹²

Л. А. Черная, рассматривая ситуацию переходного периода к Новому времени в России, выделяет в нем особый период противостояния между старой и новой моделями культуры, выразившегося в конфронтации и «открытой борьбе» полемизировавших сторон. Термином *конфликт* исследовательница обозначает ряд отдельных ситуаций, связанных, главным образом, с церковным расколом. Очевидно, Л. А. Черная видит в отечественной культуре XVII – начала XVIII в. целую серию конфликтов, обусловленную переходным периодом и выражавшуюся в борьбе старого с новым.¹³ Позицию М. С. Киселевой по поводу культурного конфликта можно признать более четкой: исследовательница определяет ситуацию в России второй половины XVII в. как «внутренний культурный конфликт», который охватывал все сферы жизни. Этот конфликт был связан, по мнению М. С. Киселевой, с процессами, «поляризующими» русскую культуру. В первую очередь, речь также идет о церковном расколе.¹⁴

Теперь обратимся к проблеме осмысления феномена культурного конфликта, как того требуют задачи данного исследования. К основным источникам конфликтов, действующим на протяжении всей истории человечества, С. Хантингтон относил, в числе прочих, чуждые культуру и моральные ценности, становящиеся источником конфликта при их навязывании. С позиции американского ученого, культура выступает одновременно и объединяющим фактором, и, в не меньшей мере, – разъединяющим, конфликтогенным. А в рамках анализа наиболее весомых причин культурного конфликта особо подчеркивал С. Хантингтон конфликтогенность религии, вовсе не ограничивая значение этого фактора (как, впрочем, и других) исключительно современностью и глобальным обществом.¹⁵ И в этом мнении С. Хантингтон не одинок: на роль особую религии, а также этнической и религиозной идентичности в возникновении

¹¹ Сиромеха В. Г. К вопросу о лингвокультурном конфликте в истории русского литературного языка (на материале полемической литературы второй половины XVII века). С. 169-179.

¹² Калугин В.В. Культурный конфликт в русской литературе XVI в. (Иван Грозный и Андрей Курбский) // Вестник РГНФ. № 4. 1998. С. 134-142.

¹³ Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 67-68, 69,70,71-73,77.

¹⁴ Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: «Индрик», 2000. С. 186-189.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. С. 15,17,24-26,92, 324-326, 410-411, 412-416, 435-440, 442-443, 511-513, 525-527; Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations?// Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. 1993. P. 22-49. URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023).

культурных конфликтов указывает и ряд других западных ученых.¹⁶ Достаточно актуальна в зарубежной науке проблема навязывания не-западным странам элементов «универсальной цивилизации», принципы которой разработаны на основе культурных ценностей Запада. При этом особая роль в возникновении культурных конфликтов отводится восприятию западных ценностей в не-западных обществах (оно рассматривается обычно в связи с модернизационными процессами), а также противоречию между европейским универсалистским взглядом на мир и партикуляристским, предполагающим множественность версий бытия.¹⁷

При отсутствии единого общепринятого определения культурного конфликта, современное понимание этого феномена позволяет определить его как присутствующее в культуре множество вариантов проявления взаимного неприятия и враждебности, основанных на противоречиях между культурными идентичностями, ценностями, верованиями, идеалами, мировоззрениями. Считается, что в каждой культуре заложена возможность такого конфликта, существующая в виде базовой оппозиции между традициями и инновациями. Актуализация конфликта может произойти под влиянием внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Отличая культурный конфликт от конфликта социального, некоторые ученые обращают внимание на особенную опасность первого, поскольку в нем сталкиваются часто непримиримые идеи и убеждения.¹⁸ Существует также весьма логичная точка зрения, согласно которой многогранность феномена культуры обуславливает присутствие культурного конфликта в основании любых других форм конфликта.¹⁹

Обращаясь к культурной ситуации русского XVII в., в первую очередь обратим внимание на то, что культурный конфликт может сложиться под влиянием противоречия между традициями и инновациями. Одна из сложнейших эпох в отечественной истории, которую часто называют переломной и переходной, ознаменовалась целым рядом культурных противоречий между стариной и новизной. Исходным моментом, предпосылкой для подобного конфликта могла стать ситуация начала Нового времени, аналогичная той, что лежала в основе европейского культурного конфликта XVII в. В Европе окончание эпохи Возрождения, Реформация и Контрреформация, религиозные войны актуализировали ряд культурных конфликтов, для которых было характерно наличие непримиримых

¹⁶ Brown K. Globalization and Cultural Conflict in Developing Countries: the South African Example. P. 229-244; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. P. 85-96.

¹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. С. 324-326, 24-26,35-36,74-78, 90-91,94-96,102-112; Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations? P. 26-27; Blaser M. Ontological Conflicts and the Stories of peoples in spite of Europe. Toward a Conversation on Political Ontology. P.553-554; Brown K. Globalization and Cultural Conflict in Developing Countries: the South African Example. P. 226-227,252-253; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. P. 97-114.

¹⁸ Богатырева Е. Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа// Известия Саратовского университета. Нов. Сер. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 131.

¹⁹ Изюрьева И.А. Культурный конфликт в художественном творчестве и способы его преодоления: Дис. на соиск. уч. степени канд. культурологии: 24.00.01. Теория и история культуры. Улан-Удэ. 2005. С. 6-10.

противоречий, в том числе между традициями и инновациями.²⁰ При этом переходный период в России, сравнительно с подобным в Европе, был бы сопряжен не только с инновациями, секуляризацией и разрушением средневековой картины мира, но и с постепенной европеизацией страны.

Непосредственными условиями для возникновения культурного конфликта в России могли стать трагические события Смутного времени – первой в истории России гражданской войны и иностранной интервенции. Братоубийственная война и невиданное прежде в России количество иноземцев могли стать «пусковым механизмом» для начала культурного конфликта. В таком культурном конфликте должно было особо проявиться противоречие между чужим и своим; причем чужое выступало в роли инновации. Обратим внимание на присутствие сразу двух конфликтогенных оппозиций в такой культурной ситуации.

Еще один фактор возникновения культурного конфликта в России XVII в. – господство религиозного сознания и преобладание вероисповедной оценки окружающего мира. С точки зрения А. С. Лаппо-Данилевского, эта особенность мировосприятия была присуща не только Средневековью, но и периоду XVI–XVII вв., причем в России, по мнению историка, вероисповедная позиция сохраняла силу дольше, чем на Западе. Эта вероисповедная оценка и определяла во многом отношение на Руси к иностранцам: по словам А. С. Лаппо-Данилевского, любые западные идеи традиционно воспринимались как ересь.²¹

В связи с этим, обратим внимание на то, что в русской культуре второй половины XVII в. основной и наиболее болезненной конфликтной ситуацией был церковный раскол. Однако, кроме ожесточенного противостояния между старообрядцами и никонианами, можно заметить и ряд других конфликтов, часто связанных с расколом и обусловленных религиозными проблемами. К числу таких конфликтных ситуаций можно отнести известную полемику относительно возможности изменения религиозных обрядов, споры вокруг «книжной sprawy», между «латинствующими» и «грекофилами», между сторонниками и противниками европейских наук и «просвещения», полемику вокруг «живоподобных» икон и «партесного» пения, противоречия между сторонниками традиционных форм и заимствований из европейского барокко в поэзии, архитектуре и декоративно-прикладном искусстве.

Примечательно, что Л. А. Черная, определяя вторую половину XVII в. как период «конфронтации» в культуре между старым и новым, и характеризуя основные конфликтные ситуации того времени, всякий раз справедливо отмечает внутреннюю связь всех рассмотренных ею противостояний с

²⁰ Нефедова Л. К. Онтологические основания культурного конфликта в европейской драме XVII века // Омский научный вестник. № 1 (125). 2014. С. 224-225.

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. С. 17-18.

культурными заимствованиями извне.²² При этом практически вся новизна, о которой с такой симпатией отзывается исследовательница, оказывается фактором конфликта. Ведь новое здесь – одновременно чужое для русской культуры XVII в.; налицо тесная взаимосвязь еще двух обозначенных выше конфликтогенных факторов...

Ряд исследователей указывает на то, что в церковном расколе отразилось противостояние вторжению иноземной духовной культуры.²³ Однако противостояние и противодействие начавшейся европеизации проявилось за несколько десятилетий до начала раскола. Ученые отметили реакцию русского общества на ставшее заметным после Смуты падение нравов, религиозные «шатания», увлечение привилегированного слоя и образованной части общества разнообразными заимствованиями извне. Реакцией на эти явления было зафиксированное учеными пробуждение в России второй четверти XVII в. стремления к возрождению и консервации древнерусских духовных устоев, вызвавшего среди духовенства и мирян движение за поднятие благочестия и исправление нравов.²⁴

Встречные устремления демонстрировали и власти, предпринимавшие при Михаиле Романове меры, направленные на пресечение возможных негативных влияний на русское общество извне. Опасения московских властей, судя по принимавшимся мерам, более всего вызывало именно духовное влияние со стороны западных соседей, главным образом, Речи Посполитой. Стремление «очиститься» от последствий Смуты и не допустить дальнейшего влияния на православие извне вызвало к жизни охранительную политику патриарха Филарета. При Филарете, например, проводилась своеобразная политика изоляции московского православия: была введена практика «перекрещивания» приезжавших из Речи Посполитой единоверцев, был запрещен ввоз в Россию книг «литовской печати».²⁵ При патриархе Иоасафе были сделаны дальнейшие попытки вернуть «древнее православное благочестие», которые, по мнению некоторых ученых, вызвали среди многих мирян и духовенства движение так называемого «религиозного возрождения». В рамках этого движения сформировалось духовное течение, обозначенное в научной литературе как «оцерковление жизни», которое А. М. Панченко считал

²² Чёрная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 67-68, 69,70,71-73; Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. С. 338, 339-360.

²³ Соловьёв С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 69, 89-90; Ключевский В.О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. С. 373-453; Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 148-149; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. С. 44-47; Мякотин В.А. Протопоп Аввакум. С. 182, 191-192.

²⁴ Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало. С. 324-325; Крамер А. В. Причины, начало и последствия раскола. С. 10-13; Лобачёв С. В. Патриарх Никон. С. 34-37, 48-49; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 129-130.

²⁵ АМГ. Т. 1. № 201, С. 224; № 279, С. 311; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. С. 42; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. С. 48-60; Крамер А.В. Причины, начало и последствия раскола русской церкви. С. 7-8, 17; Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. С. 220; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 129-130; Платонов С. Ф. Москва и Запад. С. 63, 81; Скрынников Р.Г. Михаил Романов. С. 295-296; 314-316.

противостоявшим процессу секуляризации.²⁶ Это духовное течение, в свою очередь, связано было с деятельностью знаменитого придворного кружка «ревнителей благочестия», включавшего в себя царского духовника С. Вонифатьева и будущих главных оппонентов раскола.²⁷

Важнейшей из предпосылок как самой «никоновской» реформы, так и одновременно раскола, часто отмечается переломный характер эпохи,²⁸ для которого закономерен был процесс обмирщения, или секуляризации культуры. Тема обмирщения являлась одной из тех, по которым невозможен был консенсус между традиционалистами и новаторами XVII в. Эта тема напрямую была связана с проблемой десакрализации церковных обрядов. Традиционно в русской Церкви обряды считались неизменяемой частью священного предания, полученными раз и навсегда. Для католиков же периодическое изменение обрядности издавна считалось совершенно нормальным явлением. Позицию, принципиально не отрицавшую возможности перемен в обрядах, занимали греки и малороссы.²⁹

По мнению целого ряда исследователей, немаловажную роль в возникновении раскола сыграло участие в проведении церковной реформы иноземцев – выходцев с православного Востока и малороссов, находившихся под значительным воздействием западной духовной культуры. Кроме того, вызвало возмущение традиционалистов использование для правки богослужебной литературы новогреческой печатной литературы, изданной в католической Европе. Противники церковной реформы были убеждены, что те оригиналы, по которым вносились исправления в русские книги, были «испорчены» латинскими ересями: переведённые с «хромых» иноземных служебников, они были изданы «в Риме, в Парыже, и в Венеции», «ревнуючи к римскому папежу» и потому полны ереси и «злых догматов».³⁰ Соответственно этому, исправления, сделанные в ходе церковной реформы в богослужебных книгах и обрядах, воспринимались традиционалистами как «папезские» ереси, принесённые «иностранными иноками», «благочестию ругателями и ересей вводителами».³¹ Обличая церковную реформу, лидеры

²⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 130-131; см. также: Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало. С. 333-334.

²⁷ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. С. 28; Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. С. 220; Крамер А.В. Причины, начало и последствия раскола русской церкви в XVII веке. С. 11-14; Никоненко В.С. Русская философия накануне петровских преобразований. С. 18.

²⁸ Соловьёв С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 68-69, 70; Мякотин, В.А. Протопоп Аввакум. М.: Захаров, 2002. С. 67; Чёрная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. С. 67; Никоненко В. С. Русская философия накануне петровских преобразований. С. 13.

²⁹ Крамер А. В. Причины, начало и последствия раскола. С. 12.

³⁰ Суздальскаго соборнаго попа Никиты Константиновича Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу Скрижаль и на новоисправленные церковные книги// Материалы для истории раскола. Т. 4. С. 15-16, 100, 124.

³¹ Второе послание Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасокаменного монастыря, от 27 февраля 1654 г.// Материалы для истории раскола. Т. 1. С. 66-67; Молебное послание старца Феоктиста к собору 1666 г.// Материалы для истории раскола. Т. 1. С. 346; Челобитная соловецких священников Никону на архимандрита Илию за воспрещение служить по новоисправленным книгам// Материалы для истории раскола. Т. 3. С. 9-10; Челобитная о вере соловецких иноков («Соловецкая челобитная»)// Материалы для истории раскола. Т. 3. С.

раскола неизменно связывали её с влиянием католицизма.³² В связи с этим есть довольно распространенное в науке мнение, что именно «книжная справа», проведенная по иноземным книгам приезжими богословами во многом спровоцировала выступление ревнителей старины против церковной реформы, и в итоге привела к открытому культурному конфликту в ходе раскола.³³

Говоря о различных проявлениях культурного конфликта в России XVII в., нельзя не остановиться на его семиотической и лингвистической интерпретации, которой посвящен целый ряд научных работ. В. М. Живов, связывавший культурный конфликт с «культурно-языковым сознанием» на уровне смешения сакрального и профанного, относил время конфликта к послепетровскому периоду. В культуре XVII в. ученый увидел противопоставление светского и духовного на фоне развития культурного сознания в сторону мировосприятия Нового времени.³⁴ Напротив, В. Г. Сиромеха обнаруживает в русской культуре второй половины XVII в. лингвокультурный конфликт, обусловленный переходным периодом и церковной реформой.³⁵

С позиции Б. А. Успенского, именно культурный конфликт лежал в основе церковного раскола, и этот конфликт был вызван семиотическими и филологическими проблемами, в XVII в. приравнивавшимися к богословским. Семиотический конфликт между старообрядцами и новообрядцами XVII в., с позиции исследователя, проявился в различии отношения к сакральным знакам: неконвенциональное у старообрядцев и конвенциональное – у их оппонентов. Причем касалось это не только языка или текста, но также визуальных знаков в иконописи и восприятия звуков в музыке.³⁶ Другим проявлением семиотического культурного конфликта XVII в. Б. А. Успенский определяет противостояние между западнорусской (малороссийской) и великорусской культурными традициями, выразившееся в языковой форме и представлявшее

225-228, 234-235, 258-259; Суздальского соборного попа Никиты Константиновича Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу Скрижаль и на новоисправленные церковные книги// Материалы для истории раскола. Т. 4. С. 3,4,6-22; 100, 109-110; Роспись вкратце нововводным церковным раздорам, их же собора Никон патриарх со Арсением чернецом от разных вер// Материалы для истории раскола. Т. 4. С. 180-181, 188, 194, 200-201, 203-206.

³² Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 149; Мякотин В.А. Протопоп Аввакум. С. 173-175; Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. С. 17; Крамер А.В. Причины, начало и последствия раскола. С. 12, 15; Карташов А.В. Очерки по истории русской Церкви. Т. 2. С. 167, 174, 200, 205.

³³ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. С. 116; Карташов А.В. Очерки по истории русской Церкви. Т. 2. С. 89-92, 164-169, 174-175, 165-167, 200, 205; Скрынников Р.Г. Михаил Романов. С. 298; Лобачёв С.В. Патриарх Никон. С.41-42; Крамер А.В. Причины, начало и последствия раскола. С. 17-18, 82-85; Киселёва М.С. Раскол и конец древнерусской книжности. С. 110-113, 124; Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: «Индрик», 2000. С. 186.

³⁴ Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало// Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 319-340; Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало. С. 339-340; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 501-502, 509.

³⁵ Сиромеха В. Г. К вопросу о лингвокультурном конфликте в истории русского литературного языка (на материале полемической литературы второй половины XVII века). С. 169-179.

³⁶ Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века// Успенский Б.А. Этюды о русской истории. С. 313, 316-318, 339-341.

собой конфликт между культурными традициями Запада и Востока. Проявился культурный конфликт и в понимании роли церковнославянского языка: традиционалисты воспринимали его в соответствии с вероисповедным принципом, как язык православия, как форму символического выражения правильной веры.³⁷

И все же, самый главный спор XVII в., вероятнее всего, шел не о языке, не о грамматике или риторике, и даже не о самих культурных заимствованиях извне. С точки зрения А. М. Панченко, это был спор о величии или ничтожестве родной духовной традиции. Ученый заметил, что у части русского общества второй половины XVII в. проявилось «европоцентристское пренебрежение» к родной средневековой духовной традиции. Эта семивековая на тот момент традиция, по мнению ученого, признавалась тогдашними новаторами непригодной и отрицалась ими почти полностью, обрекаясь на полное забвение и замену новой, соответствующей принципам европейской культуры.³⁸ Если учесть характер последовавшей в начале XVIII в. петровской модернизации, данный анализ культурной ситуации XVII столетия, вероятно, не покажется чрезмерно резким. Отечественные реформаторы как будто руководствовались гипотетическими целями новаторов-европоцентристов. В параллель с точкой зрения А. М. Панченко позволим себе напомнить о ещё одном конфликте переходного периода, который Л. А. Черная относит уже к петровской эпохе: обусловлен он был, по мнению исследовательницы, насильственностью внедрения в русское общество европейских норм и традиций.³⁹ Если это так, то перед нами еще один серьезный фактор развития культурного конфликта – навязывание неевропейскому обществу европейских моделей и ценностей.

Подводя итог, можно констатировать, что культурный конфликт в России второй половины XVII в. скорее всего, был, особенно учитывая присутствие в русской культуре того времени ряда наиболее конфликтогенных факторов. Предпосылкой конфликта, вероятнее всего, стал начавшийся переход к Новому времени, условиями развития конфликта оказались гражданская война, польско-шведская интервенция, а также многочисленные восстания и бунты. Исходная конфликтная ситуация, вероятнее всего, сложилась между сторонниками новизны, то есть заимствований извне, и сторонниками старины, то есть, традиции. Дополнился этот конфликт естественным противостоянием между своим и чужим, в том числе между своими и чужими духовными ценностями. Сразу, или несколько позже, подключились конфликтные ситуации в знаково-семиотической и художественной сферах. И самое страшное противостояние выразилось в церковном расколе.

³⁷ Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века. С. 319-330.

³⁸ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 48-49.

³⁹ Чёрная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 77.

Обратим еще раз внимание на многоплановость культурного конфликта, постигшего Россию в XVII в., тем более что перечисленными в данной статье аспектами он наверняка не ограничивался. Ведь, следуя за мыслью ряда современных ученых, культурный конфликт представляет собой явление системное. Оценивая основную конфликтную ситуацию в культуре XVII в., А. М. Панченко отмечал в ней не просто спор новаторов и традиционалистов, но и противостояние соответствовавших им ментальностей, которые ученый охарактеризовал как «радостную» ментальность новаторов и «горюющую» ментальность традиционалистов.⁴⁰ Этот конфликт, по всей видимости, имел историческое продолжение, послужив своеобразной отправной точкой для формирования двух поныне противостоящих в отечественной культуре типов ментальности. Вероятно, именно на основе этих ментальностей в XIX в. сложились два идеологических направления – западников и славянофилов, по-прежнему представляющих противоположные модели развития России и подходы к ее модернизации.

Список литературы:

1. Акты Московского государства (АМГ). Издание Императорской Академии Наук. Разрядный приказ. Московский стол. Т. 1. 1571-1634. - СПб., 1890. 767 с.
2. Богатырева, Е. Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа// Известия Саратовского университета. Нов. Сер. – Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 130-134.
3. Бороздин, А. К. Протопоп Аввакум. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 384 с.
4. Гомес, К. Дж., Круглова, Т. А. Феномен конфликтов вокруг искусства в контексте устройства современной публичной сферы // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2021. – Т. 37. – Вып. 2. – С. 268-280.
5. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. - М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.
6. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
7. Изюрьева, И.А. Культурный конфликт в художественном творчестве и способы его преодоления: Дис. на соиск. уч. степени канд. Культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Улан-Удэ. 2005. – 175 с.
8. Ионин, С.Г. Социология культуры: учеб. Пособие для вузов. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ 2004. – 427 с.
9. Калугин, В. В. Культурный конфликт в русской литературе XVI века (Иван Грозный и Андрей Курбский)// Вестник РГНФ. – 1998. – № 4. – С. 134-142.
10. Каптерев, Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. – Сергиев Посад, 1913. – 271 с.
11. Карташов, А. В. Очерки по истории русской Церкви. В 2-х тт. – Т. 2. - СПб.: Изд-во Олега Абышко; Библиополис, 2004. – 590 с.

⁴⁰ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 42-45, 47-52.

12. Киселёва, М. С. Раскол и конец древнерусской книжности // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 110-134.
13. Киселева, М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. - М.: «Индрик», 2000. – 256 с.
14. Ключевский, В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. - М.: Издательство «Правда», 1990. – 624 с.
15. Ключевский, В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. раскол в России XVII в. (Историко-психологический очерк) // Ключевский В. О. Очерки и речи. 2-й сборник статей. - Петроград, Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1918. – С. 373-453.
16. Крамер, А. В. Причины, начало и последствия раскола русской церкви в XVII веке. - СПб.: РИФ «Роза мира», 2005. – 224 с.
17. Круглова, М. С. «Спор о ритуалах» как пример культурного конфликта Востока и Запада // Манускрипт. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 5 (91). – С. 34-38 – URL.: <https://www.gramota.net/editions/9.html/> (дата обращения: 24.02.23).
18. Лаппо-Данилевский, А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII в. – Т.1. - М.: Наука, 1990. – 293 с.
19. Лобачёв, С. В. Патриарх Никон. - СПб.: «Искусство-СПб.», 2003. – 416 с.
20. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – Т.1. - М., 1875. – 492 с.
21. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – Т.3. - М., 1878. – 441 с.
22. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – Т.4. - М., 1878. – 313 с.
23. Мякотин, В. А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. - М.: Захаров, 2002. – 200 с.
24. Нефедова, Л. К. Специфика культурного конфликта средних веков и его репрезентация в жанре драмы// Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 321-328.
25. Нефедова, Л. К. Онтологические основания культурного конфликта в европейской драме XVII века // Омский научный вестник. – 2014. – № 1 (125). – С. 224-228.
26. Нефедова, Л. К. Методологические аспекты жанра трагедии и категории трагического в репрезентации культурного конфликта в европейской драме XVII в. // Вестник Омского государственного педагогического университета. – Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (14). – С. 32-35.
27. Никоненко, В. С. Русская философия накануне петровских преобразований. - СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. – 216 с.
28. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ// Панченко А. - М. Русская история и культура: Работы разных лет. - СПб.: Юна, 1999. – 520 с.
29. Платонов, С. Ф. Москва и Запад. Москва и Запад в XVI – XVII веках. Борис Годунов. - М.: Богородский печатник, 1999. – 288 с.

30. Робинсон, А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. - М.: АН СССР, 1963. – 316 с.
31. Сиромаха, В. Г. К вопросу о лингвокультурном конфликте в истории русского литературного языка (на материале полемической литературы второй половины XVII века) // Вестник литературного института имени А.М. Горького. – 2021. – № 2-3. – С. 169-179.
32. Скрынников, Р. Г. Михаил Романов. - М.: Ермак, 2005. – 334 с.
33. Соловьёв, С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. - М.: Издательство Московского университета, 1983. – 440 с.
34. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. – 147 с.
35. Тишкевич, Э. В. Культурные конфликты и социокультурная глобализация // Вестник ВГУ. – Серия: Философия. – 2019. – № 3. – С. 68-75. - URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=6641> (дата обращения: 20.02.2023).
36. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
37. Черкесов, Б. А. Культурные основы этнических конфликтов // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 9. – С. 110-112.
38. Успенский, Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка// Успенский, Б. А. Избранные труды. – Т. 2. Язык и культура. - М.: Издательство «Гнозис» 1994. – 688 с.
39. Успенский, Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века// Успенский, Б. А. Этюды о русской истории. - СПб.: Азбука, 2002. – 480 с.
40. Чёрная, Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 288 с.
41. Черная, Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. - М.: Языки славянских культур, 2008. – 464 с.
42. Blaser, M. Ontological Conflicts and the Stories of peoples in spite of Europe. Toward a Conversation on Political Ontology//Current Anthropology. – Vol. 54. – № 5. – October 2013. – P. 547-568. - URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023).
43. Brown, K. Globalization and Cultural Conflict in Developing Countries: the South African Example // Indiana Journal of Global Legal Studies. – Vol. 7:225. – 1999. – P. 225-256. - URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023).
44. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: SAGE Publications, 1992. – 211 p.
45. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations?// Foreign Affairs. – Vol. 72. – № 3. – 1993. – P. 22-49 - URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621> (дата обращения: 25.02.2023).

Тихоньких Виктор Петрович

старший преподаватель

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ГЕНЕЗИС ИДЕИ РУССКОГО МИРА

Аннотация: С переходом цивилизационных отношений России и Запада в военную стадию возрасла актуальность Русской идеи и Русского мира, выражающих культурно-цивилизационную общность людей и народов, объединенных вокруг своего исторического и культурного центра – русского народа и России. Становление и развитие Русского мира рассматривается в тесной связи с развитием и становлением русской православной цивилизации как единого исторического явления.

Ключевые слова: евразийство, евразийская цивилизация, Русский мир, русская идея, границы Русского мира.

GENESIS OF THE IDEA OF THE RUSSIAN WORLD

Summary: Russian Russian idea and the Russian World, expressing the cultural and civilizational community of people and peoples united around their historical and cultural center - the Russian people and Russia, have become more relevant with the transition of civilizational relations between Russia and the West to the military stage. Russian Russian world formation and development is considered in close connection with the development and formation of the Russian Orthodox civilization as a single historical phenomenon.

Keywords: Eurasianism, Eurasian civilization, the Russian world, the Russian idea, the borders of the Russian world.

Как цивилизационный феномен Русский мир в широком смысле начал свое развитие еще до образования русской государственности. С призывом варягов началось его государственно-цивилизационное оформление. Попытки объединить разрозненные восточнославянские племена, предпринятые князем Владимиром на основе единого понимания и психологического восприятия языческих божеств и верований не увенчались успехом. Необходима была надплеменная идеология в лице общей религии, каковой стало Православие, принятое в 988 году. После принятия Православия начинает доминировать стремление найти и обосновать свое отличие от других вер, прежде всего, от католической трактовки христианства. Особенно четко это проявилось с принятием религиозной и государственной концепции - Третьего Рима [7, с. 356-359]. Русь стала пониматься как наследница православной и императорской Византии. Меняется ментальность, которая постепенно приобретает общенациональные и общегосударственные качества. Зародившись в форме православия, идея Русского мира постепенно приобрела черты некоего

геополитического центра развития русской культуры и сохранила это качество до наших дней.

Русь унаследовала от Византии вместе с православием культурную традицию, направленную на организацию пространственной и временной плоскости окружающего пространства, которая была распространена затем на Сибирь и на Дальний Восток. Что привело к появлению евразийской цивилизации. Вбирая в себя новые культуры, Россия не уничтожала их, а организовывала, прежде всего, в государственном и цивилизационном смысле, порождая при этом новые цивилизационные составляющие. Русская цивилизация не знала политического плюрализма, но плюрализм социокультурный, этнический и конфессиональный ей был свойственен изначально. Все это формировало особый социокультурный Русский мир России и служило притягательной силой для народов живущих, как рамках евразийской цивилизации, так и для соседей.

Под влиянием России, Русского мира, шел процесс формирования периферийных зон русского геополитического пространства, где складывалась матрица однотипных политических ориентаций, мотиваций и действий населения, ментальности, культурного поля, сообщалось его поведению общий и одновременно национальный неповторимый характер. В результате возникло новое культурное качество, новые ценностные представления, носящих единый характер, о политических и хозяйственных явлениях в России в целом. То есть появился социально-психологический фундамент, на котором строилась идентичность русской нации. По сути, был осуществлен естественный цивилизационный «выбор» - создание собственной цивилизации, евразийской в законченном состоянии. Направления развития русской цивилизации как в стремлении на Запад, так и в стремлении на Восток и славянофильское возвращение к прошлому ведут к самоликвидации русской цивилизации и вместе с ней Русского мира. Существование русской цивилизации и Русского мира возможно лишь в их самобытном стремлении в будущее.

Если понятие русской цивилизации всесторонне разработано, то цельного и законченного понятия, при объективности Русского мира, не выработано. Впервые термин Русский мир появился в XIX веке в сочинениях Н. И. Костомарова и используется в значении близком к понятию славянский мир [9]. Остановимся лишь на наиболее значимых концепциях Русского мира и выбора направлений развития русской цивилизации.

Граф С.С. Уваров в 1833 г. назвал «собственными началами России» триаду – «Православие, Самодержавие, Народность». Согласно формуле С. С. Уварова, православие выполняет функцию государственной и народной основы в неразрывной связи с монархией и государством. Формула «Православие, Самодержавие, Народность» была предназначена объединить исторические, православные, культурные, социальные и экзистенциальные идентичности русского населения под эгидой самодержавия [15, с.18].

Концепция С. С. Уварова не стала идеей, объединяющей все слои русского общества, которая была у Филофея. У Филофея идея отражала глубинные общественные потребности, которые должны были обеспечить физическое существование Руси. С. С. Уваров же на первое место ставил интересы монархии, которая уже отживала свой век. Если у Филофея требуется необходимость для монарха и народа «жизнь в вере», то С. С. Уваров говорит, лишь о «любви к вере», он убежден, что: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова» [6].

Теория «официальной народности» С. С. Уварова отразила кризис национальной идентичности переходного периода от феодализма к капитализму. Россия начала входить в этап промышленной революции. Это кардинальным образом меняло общество и его идентификацию, как неотъемлемую составляющую экономической и социальной бытия человека. В это время общество уже нуждалось в других концепциях.

Формула С. С. Уварова достаточно сложная идеологическая доктрина, не смотря на простую формулировку, она охватывала социально-политические отношения в стране во всей полноте. Хотя понятие «Народность» носило характер значительной неопределённости [20, с. 344-410]. С. С. Уваров понимал отсутствие объединяющего начала в своей концепции [15, с. 18].

Одним из способов реализации объединяющего начала своей триады С. С. Уваров видит в изучении российской истории и русского языка. В декабре 1832 года в отчете о ревизии Московского университета он заявил, что его цель «внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах». Вслед за тем С. С. Уваров добавил: «Не только направление к отечественным предметам было бы полезно для лучшего объяснения оных, но оно отвлекало бы умы от таких путей, по коим шествовать им не следует; оно усмирало бы бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии» [16, с. 301,304].

Основой общенациональной и общеимперской культуры С. С. Уваров справедливо считал русский язык и русскую литературу. Кафедры учебных заведений должны были готовить специалистов для преподавания и пропаганды русской истории и литературы в национальном патриотическом духе [12, с. 7-72]. Изучение русской истории, языка и литературы впервые было поставлено на государственную основу.

Трактовку Русского мира с цивилизационных позиций дает Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» понимая его как основу славянского культурно-исторического типа. Он использует понятие русская культура и противопоставляет ее культуре Запада. Различия русского и европейского миров мыслитель выводит различия основ их существования, в противоположности национальных характеров и особенностей

жизнедеятельности [5, с. 179-193]. На первый план у него выходит геополитика. Россия исторически обязана объединить славянские государства и обеспечить полное развитие славянского культурно-исторического типа – цивилизации. Если Филофей в идее Третьего Рима на первое место ставит Православие, а С. С. Уваров – самодержавие, которые должно объединить народы с государством независимо от этнического фактора, то для Н. Я. Данилевского важна близость этнического родства.

После революции 1917 г. среди части русских эмигрантов появилось «учение» – евразийство. Программа евразийцев исходит из основной концепции русской геополитики – месторазвития России [4, с. 5-6]. Концепция «месторазвития» предложена евразийцем Г. В. Вернадским и представлена как обоснование исторического пути России в Евразии и сложившейся на этом пути особой российской, евразийской, цивилизации. Основным содержанием понятия месторазвития Г. В. Вернадского является геополитическая концепция исторического места России по отношению к Востоку и Западу. Такая постановка вопроса полагает Б. Г. Могильницкий является «весьма перспективной для понимания своеобразия исторического развития России» [10, с. 269].

Отводя основное место в политическом объединении Русской Евразии географическим условиям, их специфике, Г. В. Вернадский вводит также исторические и культурные характеристики и отводит им ключевую роль в евразийском понимании историософии и теософии России – Евразии, которые определяют самостоятельную ценность «русской национальной стихии». По Г. В. Вернадскому сам географический факт расположения России в восточной Европе и в северной части Азии превращает Россию в евразийскую державу, где происходит сложный исторический биоценоз разнообразных человеческих обществ [4, с. 5-6].

Евразийство вышло за рамки традиционного понимания русской самобытности и славянофильского варианта пути развития России, полностью отвергло «радикальное западничество», предложив еще более фантастический и даже нелепый вариант пути развития России – «радикальное стремление на Восток». По мнению евразийцев, монголы, а не русские, решили историческую задачу Евразии, положили начало единству этого континента и заложили основы его государственного устройства. Прямой наследницей империи Чингиз хана стала и Московская Русь. Получается, Московская Русь не является продолжением исторического развития Киевской Руси, трагического именно из-за монголов, а является наследницей монгольской империи созданной жестокой военной силой.

Необходимо отметить, что Евразия как географическое понятие и как понятие евразийская цивилизация не совпадают, хотя они оба входят в понятие «месторазвития русского народа». Необходимо развести понятие «евразийство» как учение, где нарративом является принцип – Россия наследник Золотой

Орды и понятие «евразийская цивилизация» - результат геополитической деятельности Российского государства и русского народа.

Месторазвитие или местообитание формируется в процессе освоения географической среды народом, проживающим на конкретной территории. Кроме того, месторазвитие задает рамки существования этнических и государственных образований и диктует определенные закономерности жизни обществ на этой территории. По словам В. Н. Побединского: «Месторазвитие» как некий пространственный фактор предполагает непосредственное влияние природных ландшафтов на историю каждой из культур, каждая из которых имеет свои внутренние циклы, свою логику исторического развития» [3, с. 7-8].

В период советской власти Русский мир как культурно-политическая концепция почти исчезает, но перед началом и во время ВОВ она вновь возрождается. В своей речи 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве И. В. Сталин обращается к нашим великим предкам, но все - таки главное у него интернационализм и знамя В. И. Ленина [13]. Но в тосте «В честь русского народа», 24 мая 1945 г. мы наблюдаем серьезное изменение его позиции в отношении к русскому народу, а значит и к Русскому миру. И. В. Сталин говорит о положительных качествах русского народа и отводит ему роль державообразующей нации [14, с. 23-28].

Концепция Русского мира как особое историческое и геополитическое состояние получает признание после распада Советского Союза, когда огромное количество русских оказалось в бывших республиках, превратившихся в независимые государства, где они зачастую воспринимались не только как чужие, но и как лишние. Необходимо было определиться в отношении к ним, выработать и обосновать специальную русскую политику на территории бывшего СССР [2, с. 26]. Руководство страны уже официально обращается к идее Русского мира и делает ее одним из направлений национальной политики.

В выступлении в 2001 году на первом Всемирном конгрессе соотечественников проживающих за рубежом, В. В. Путин употребил термин Русский мир. Говоря о том, что «понятие Русский мир испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса» [11]. Как политическая концепция Русский мир окончательно определен указом Президентом РФ В. В. Путиным «О создании фонда «Русский мир». По данному указу фонд создан для популяризации русского языка, «а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом» [17].

Автором современного понятия Русский мир чаще всего называют П. Г. Щедровицкого, утверждающего, что эта «идея возникла в период между 1993 и 1997 годами, постепенно кристаллизуясь от предпонимания, аморфного ощущения нужной формы до законченного имени. Русский мир понимается им как социально-культурная реальность, объединяющая русских людей, проживающих в России и за ее рубежами [21]. Русский мир для П. Г.

Щедровицкого экономическое, политическое и культурное пространство, заселенное носителями русского языка и русской культуры. Ученый предложил геоэкономическую трактовку Русского мира. Это сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке. Сетевая структура сообществ П. Г. Щедровицкого представлена совокупностью культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, «выразимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка» [22].

Большинство ученых в основе развития Русского мира как нечто цельного и особенного видят русскую цивилизацию. А.П. Афанасьев рассматривает Русский мир с цивилизационных позиций. Однако он полагает, что Русский мир зарубежья, формировавшийся в течение длительного времени в чужеродной среде, под влиянием идеологий нескольких волн эмиграции из России, далек от собственно России. Значительной части русской эмиграции непонятны реалии России. По мнению ученого, это позволяет сделать вывод о том, что Россия и Русский мир эмиграции из России - разные по сущности миры в составе условно единой русской цивилизации. По мнению А.П. Афанасьева, дальнейшая судьба большого Русского мира, понимаемого как тождество русской цивилизации, связана с внутренним органическим развитием России, укреплением её международного авторитета [1].

В рамках концепции Русского мира, по мнению В.Н. Иванова, необходимо уделить внимание проблеме русской общероссийской и международной этнической идентификации в сложных условиях современного мира [8]. Вне рамок русской цивилизации это сделать невозможно.

Геополитическую трактовку Русского мира разрабатывал В. Л. Цымбурский в концепции «Остров Россия», который представляется локальной цивилизацией, «особым человечеством», выстроенной на основе понятия сакральной вертикали: «религия или идеология, соотносящая культуру, социальную практику и геополитику группы народов с трансцендентной высшей реальностью» [18, с. 212].

Сакральная вертикаль - это идеологический конструкт, позволяющий цивилизационному сообществу осознать себя в качестве особого социального субъекта и выделиться среди иных человеческих сообществ. Становление сакральной вертикали России связывается с доктриной «Москва – Третий Рим». В это время Московская Русь выходит из тени Византии и обретает субъектность в качестве «особого человечества» с собственными смыслами существования. Но В. Л. Цымбурский предлагает уход в изоляцию, отделиться от глобального мира за буфером лимитрофа. Что не премлемо [19].

Каждая цивилизация занимает определенное организованное государством географическое пространство, которое формируется историческими и географическими факторами, в рамках которых существует народ или группа народов. В этом пространстве происходит становление носителей национального характера, культуры, менталитета и ментальности.

Нельзя сбрасывать со счета и природу, природные ландшафты, обширность территории. Географическим пространством реализации идеи Русского мира стало русское евразийское пространство - геополитический феномен Евразии, который определяет развитие русской евразийской цивилизации, делая ее цивилизацией мирового формата. Евразийская цивилизация способствует формированию образа русской идентичности - «мы - сообщество» и символизация ее пространства, его ритуализация устанавливает границы «свой – чужой». Символизация пространства происходит посредством принятия и тиражирования официальных символов, а также культивирования природных и культурных особенностей сообщества, его ментальности.

Русский мир состоит из троеединых частей: Русский мир метрополии – Россия и русский народ; периферийный Русский мир – русская диаспора за рубежом, которая относит себя к нему; нерусские народы, сознательно включающие себя в ареал русской культуры и цивилизации. Расширенная трактовка Русского мира как глобального цивилизационного феномена относит к нему людей, не только говорящих по-русски и являющиеся носителями русской культуры или интересующиеся ей, как в России, так и в ближнем и дальнем русском зарубежье, но и считающих этот мир своим. Общность духовных ценностей формирует духовное единство независимо от национальности, религии и культуры, всех, кто относит себя к Русскому миру. Русский мир представляет собой цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, в основу которого положены духовные и ментальные признаки русской цивилизации и место России в мировом сообществе.

Список литературы:

1. Афанасьев, А. П. Смысл и предназначение России. - М.: Звонница-МГ, 2013.- 333 с.
2. Батанова, О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук - М., 2009. - 163 с.
3. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории: С прилож. «Геополитических заметок по русской истории» П. Н. Савицкого. - Прага: Евразийское кн-издво, 1927. - 1 т.; Ч. 1. - 1927. - 263 с.
4. Вернадский, Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. - 339 с.
5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. - М.: Книга, 1991. - 574 с.
6. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.) - СПб, 1864. - 161 с.
7. Домников, С. Д. Мать – Земля и Царь – Город. Россия как традиционное общество. - М.: «Алетейя», 2002. - 671с.

- 8.Иванов, В.Н. Русский мир: концепция и реальность. Доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКП 23 мая 2007 г. - М., 2007.- 26 с.
9. Костомаров, Н. И. Русская Республика. - Москва: Фирма СТД, 2008. - 607 с.
- 10.Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли X–XX вв. - СПб.: Лань, 1998.- 432 с.
11. Президент России В.В. Путин. Выступление на конгрессе соотечественников в Москве, 2001. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21359> (дата обращения: 08.02.2023).
- 12.Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1: Государь. Государство. Государственная служба. - М., 1995. - 286 с.
- 13.Речь И. В. Сталина 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. - URL: <http://russianway.rhga.ru/> (дата обращения: 10.02.203).
- 14.Невежин, В. А. Тост Сталина за русский народ (24 мая 1945 г.): новая интерпретация// Преподавание истории в школе. - № 4. - 2005. – С. 23 - 28.
- 15.Рясенцев, К. В., Ширинянц, А. А. М. П. Погодин и поиски русской национальной идеи. // Вестник Московского университета. – Сер 12. Политические науки. - 2007.- № 12. - С. 18-31.
- 16.Уваров, С.С. Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Избранные труды. - М.: РОССПЭН, 2010. - 719 с.
- 17.Указ Президента РФ 21 июня 2007 г. №796 «О создании фонда «Русский мир». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6232379/> (дата обращения: 07.07.2018).
18. Цымбурский, В. Л. Народы между цивилизациями // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 543 с.
19. Цымбурский, В. Л. Циклы «похищения Европы» // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. - М.: РОССПЭН, 2007. - 543 с.
20. Шевченко, М.М. Сергей Семёнович Уваров // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. - Воронеж. ВГУ. 2005.- 417 с.
21. Щедровицкий, П.Г. Русский мир: восстановление контекста. - URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history01/shedrovitsky-russmir/ (дата обращения: 10.02.2023).
22. Щедровицкий, П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения. - URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?libr_ary=2015. (дата обращения: 10.02.2023).

Трусова Тамара Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

ОТ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВЫХ ЛИНИЙ ДО НАЧАЛА ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ УЗЛЕ

Аннотация: В статье показаны этапы строительства первых железных дорог Российской империи. Рассмотрен ход возведения железных дорог Петербург – Царское Село и Николаевской дороги. Отмечена роль в железнодорожном строительстве барона фон Штиглица. Оценен вклад выпускников Института Корпуса инженеров путей сообщения в строительство железнодорожных магистралей. Рассмотрены проблемы эксплуатации первой в России электрифицированной железнодорожной линии Петербурга. Показаны первые шаги электрификации Санкт-петербургского железнодорожного узла.

Ключевые слова: железная дорога, инженер, строительство, магистраль, трамвай, электропоезд.

FROM THE CONSTRUCTION OF THE FIRST LINES TO THE BEGINNING OF ELECTRIFICATION AT THE ST. PETERSBURG RAILWAY JUNCTION

Summary: The article shows the stages of construction of the first railways of the Russian Empire. The progress of the construction of the Petersburg – Tsarskoye Selo and Nikolayev railways is considered. The role of Baron von Stieglitz in railway construction is noted. The contribution of graduates of the Institute of the Corps of Railway Engineers to the construction of railway lines was evaluated. The problems of operation of the first electrified railway line of St. Petersburg in Russia are considered. The first steps of electrification of the St. Petersburg railway junction are shown.

Keywords: railway, engineer, construction, highway, tram, electric train.

Санкт-Петербургский железнодорожный узел является самым большим и важным железнодорожным узлом на Северо-Западе. Именно здесь появилась первая в России железная дорога, обеспечивавшая перевозку пассажиров и грузов.

Строительство железнодорожных линий на участках, прилегающих к Санкт-Петербургу, началось в XIX веке. Первая магистраль Санкт-Петербург-Царское Село построена в 1837 году, а в 1838 году трассу продлили до Павловска. В день торжественного открытия железной дороги по стальным рельсам пошел паровоз «Проворный», закупленный в Англии. Его вел главный

разработчик и строитель линии – барон Франц Антон фон Герстнер, убедивший Николая I в необходимости строительства дороги¹. Это была единственная в стране и шестая в мире железная дорога общего пользования.

Сделать дорогу рентабельной могло увеличение пассажиропотока. Для заинтересованности поездками горожан вдоль магистрали построили вокзалы с комнатами отдыха, ресторанами и буфетами. Вокзалы становились центрами культурного отдыха². В знаменитом вокзале Павловска даже устраивали балы и концерты. К проектированию и строительству вокзалов были привлечены лучшие архитекторы: А.И. Штакеншнейдер, К.А Тон и другие.

В 1839 году на территории, входившей в состав Российской империи, началось строительство железной дороги Варшава – Вена. Ее возведение сначала велось на деньги акционерного общества, а, после банкротства общества, было завершено за казенный счет. В руководстве строительством магистрали принимал участие инженер Э.И. Герстфельд, который после открытия дороги был назначен ее директором. Магистраль быстро доказала свою экономическую эффективность вывозя уголь в Пруссию и продукты промышленности в Центральную Россию.

Эксплуатация первых железнодорожных линий показала их целесообразность и доходность. Темпы строительства новых стальных магистралей стали нарастать.

Необходимость развития быстрой связи Петербурга с Москвой и Центральными районами России подтолкнули Николая I к возведению железной дороги, соединяющей два самых крупных города. Ответственным за сооружение линии был поставлен граф Клейнмихель. Руководством строительства занимались выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения. Один из авторов проекта - П.П. Мельников был назначен начальником Северной дирекции (Петербург – Бологое), другой - Н.О. Крафт, возглавил Южную дирекцию (Бологое – Москва). Это были опытные, талантливы инженеры-строители. Они еще до начала возведения магистрали (в 1839 году) выезжали в Северную Америку для изучения опыта железнодорожного строительства.

Сооружение железной дороги началось летом 1843 года. Параллельно с ней возводились разного рода коммуникации. Линия строилась подрядным способом. Рабочих для строительства набирали в близко расположенных губерниях: Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Псковской, Витебской и Смоленской. В 1851 году состоялось праздничное открытие дороги. После смерти Николая I в 1855 году железная дорога Петербург-Москва стала называться Николаевской, а с 1923 года – Октябрьской. Новая железнодорожная магистраль стала самой технически совершенной, самой протяженной (644 км) первой двухпутной казенной железной дорогой в России.

¹ Герстнер, Ф.А. О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское село и Павловск. – М.: Книга по Требованию, 2020. – С. 6.

² История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1936 – 1917 гг. – СПб, 1994. – С. 45.

В 1852 году началось строительство дороги от Петербурга до Варшавы. Введение в эксплуатацию магистрали проходило поэтапно. Участок линии Петербург-Гатчина стал осуществлять перевозки в ноябре 1853 года. В Гатчине в 1858 году построили Варшавский вокзал (Гатчина - Варшавская). С июля 1858 года поезда пошли дальше - в Псков. Для обслуживания пассажиров, прибывающих и отправляемых поездов в Петербурге, на территории, прилегающей к Обводному каналу, был сооружен вокзал. Он получившее название «Варшавский».

Государство нуждалась в новых железных дорогах, но их строительство тормозили финансовые трудности, связанные с Крымской войной. Помочь решить эту задачу правительству мог только частный капитал. Видя экономический эффект железных дорог ряд предпринимателей приняли участие в сооружения и эксплуатации стальных линий³. Например, барон Александр фон Штиглиц (государственный деятель, промышленник, меценат), летом 1853 года получил разрешение от Николая I на свои средства построить железную дорогу от Петербурга до Петергофа и от Гатчины до Луги. Соединение Петербурга с центрами загородной жизни предполагало получение значительного дохода.

Первые строительные работы на Петергофском направлении начались в 1853 году. Для сооружения железной дороги были необходимы чугун и железо. Штиглица обязали все это покупать в России у русских заводчиков, которым даже разрешалось ставить цену на 15% выше, чем у иностранных поставщиков⁴. Строительство магистрали совпало с Крымской войной, что затормозила темп работы, но все же летом 1857 года состоялось торжественное открытие участка железной дороги от Петербурга до Петергофа.

Петергофское направление, выполнявшее в основном пассажирские перевозки, было выбрано не случайно. Предполагалось, что магистраль соединит Петербург с императорским дворцом и множеством дач, располагавшихся вдаль железнодорожного полотна. Штиглиц имел и личный интерес: в Ивангороде у него была суконная и льнопрядильная фабрики. Он хотел провести железную дорогу до Нарвы, но тогда его проект не получил одобрения правительства. Движение по всей дороге было открыто в конце 1862 года.

В 1858 году, благодаря финансовой поддержке Штиглица, началось строительство ответвления от станции Лигово до Красного Села. Поезда по ней пошли в 1859 году, затем в 1872 году дорогу продлили до Гатчины. В 1858 году в Петербурге для этой дороги был специально построен вокзал, который в 1872 году, после открытия железнодорожного сообщения с Таллином, стал называться «Балтийским».

³ Фортунатов, В.В. Финансирование железнодорожного строительства в дореволюционной России: значение исторического опыта в контексте современных споров // Известия ПГУПС. – 2013. - № 2. – С. 227.

⁴ Лизунов, П.В. Петергофская дорога барона Штиглица // Мир транспорта. – 2013. - № 3. - С. 184.

В 1870 году началось строительство второго пути Балтийской ветки железной дороги, соединившей Красное Село с Гатчиной. В 1873 году в Гатчине построили Балтийский вокзал (Гатчина – Балтийская).

Сложилась странная ситуация: между Петербургом и Гатчиной построено две параллельно идущие железные дороги с двумя находившимися рядом вокзалами в Петербурге и двумя вокзалами в Гатчине. Одна дорога шла через Красное Село (Балтийская), а другая - через Александровскую (Петербург-Варшавская), одна дорога принадлежала частному обществу, а другая – казне.

Развитие торговли с зарубежными странами подталкивало правительство к строительству новых железнодорожных магистралей. Одна из них позволила в 1870 году Петергофской железной дороге соединиться через Красное Село и Гатчину с Нарвой, Таллином и Балтийским Портом. Активное участие в ее строительстве принял выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения С.В. Кербедз.

Амбициозный предприниматель Штиглиц в 1862 году начинает строительство за собственный счет двухпутной железной дороги от Петергофа до Ораниенбаума, по которой уже летом 1864 года пошли пассажирские поезда.

Возросшие потребности в перевозке пассажиров и грузов требовали строительства современных железнодорожных линий. Ученые и инженеры изучали возможности оснащения магистралей электрической тягой. Изобретатель Ф.А. Пироцкий, автор идеи поезда на электрической тяге, в 1876 году на Сестрорецкой железной дороге проводил эксперименты с вагоном, приводимым в движение электрическим мотором, получавшим электропитание от двух изолированных рельсов. Недостаточность материальных средств вынудила Ф.А. Пироцкого приостановить работы. Результаты исследования он использовал при создании трамвая, оснатив его электрическими моторами. В 1880 году инженер Ф.А. Пироцкий, один из первых в мире, изобрел электрический трамвай, который успешно прошел испытания, но первый трамвай в России был пущен в Киеве в 1892 году, разработанный фирмой Сименс. В Петербурге трамвай появился лишь в 1907 году благодаря Г.О. Графтио. Он, выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения, спроектировал и организовал движение электрического трамвая. В 1913 году он разработал план государственной электрификации пригородного сообщения.

По проекту инженера С.А. Бернатовича в 1913 году началось строительство первой в России железнодорожной электрической линии. Эта магистраль - Ораниенбаумская электрическая линия (с 1920 года называлась Оранэла) - должна была связать Петербург со Стрельной, Петергофом, Ораниенбаумом и Красной Горкой. Непосредственное участие в организации работы, технических предложений принимали известные инженеры А.В. Вульф, Г.О. Графтио, Г.М. Мерчинг и другие. Строительство железной дороги шло с большими трудностями, вызванными Первой мировой войной. Резко сократилось не только финансирование, но и разорвались связи с поставщиками оборудования.

В 1916 году ввели первый участок Оранэлы: от Нарвской заставы через Путиловский завод до Автово. Центральная электростанция не была введена в эксплуатацию, поэтому питание линия получала от городской сети, а это технически не позволяло пустить трамвай до Стрельны. Вместо электропоездов от Нарвских ворот до Стрельны по железнодорожной линии пошли полуоткрытые трамвайные вагончики, эвакуированные в Петроград из Риги. Это линия стала одна из самых протяженных трамвайных магистралей в Российской империи и первой железной дорогой, оборудование и составы которой поставляли отечественные предприятия.

Летом 1917 года ввели в действие железнодорожный участок вдоль Петергофского шоссе от Нарвских ворот до Привала (Развилки Нарвской и Петергофской дорог), а в 1920 году ввели участок до Стрельны. Это была самая первая электрифицированная железнодорожная линия в Петрограде и в России. Нехватка электричества сделала технически невозможным продолжение электрификации Оранэлы, так как Центральная электростанция не была введена в эксплуатацию: питание осуществлялось через городскую сеть. В 1908 году построили Ораниенбаумскую городскую электростанцию, которая просуществовала до 1932 года, пока Ораниенбаум не подключили к централизованной сети Ленинграда. В отсутствие электропитания на Оранэле трамвайные вагоны прицепляли к паровозу.

Первая мировая война остановила строительство дороги между Стрельной и Ораниенбаумом. После Великой Октябрьской социалистической революции железнодорожная линия была национализирована. Послевоенная разруха, тяжелые экономические проблемы в стране заставили разобрать рельсы и шпалы по линии от Стрельны до Ораниенбаума. Их, с двумя агрегатами и другим электрооборудованием Ораниенбаумской электростанции, отправили за Урал и в Баку.

В 1924 году трамвайное движение от Автово до Стрельны возобновили. Стальные пути Оранэлы в 1929 году преобразовали и включили в городскую трамвайную сеть. Вместо полуоткрытых электровагонов от Нарвских ворот до Стрельны начали ходить обычные трамваи. Началось регулярное трамвайное сообщение.

С возвращением к мирной жизни страна стала восстанавливать народное хозяйство. Правительство вернулось к отложенным проектам и планам. Одним из них был проект электрификации страны, в составлении которого активное участие принимал Г.О. Графтио.

В 1920 году Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), предложила перспективный план развития, одобренный на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) и утвержденный IX Всероссийским съездом Советов (декабрь 1921 г.). План представлял единую программу развития отраслей. В области железнодорожного транспорта, кроме задачи его восстановления, было принято решение по электрификации стальных магистралей.

Летом 1931 года Пленум ЦК ВКП (б) принял решение электрифицировать ряд линий с наиболее густым пассажирским и грузовым движением. За годы первой пятилетки предполагалось под пассажирское движение электрифицировать 475 км пути, из них 40 км приходилось на Ленинградский железнодорожный узел. В список дорог, подлежащих электрификации, были включены участки Балтийской линии Октябрьской железной дороги (Ленинград – Ораниенбаум и Лигово – Гатчина).

Страна уже имела опыт оснащения и организации движения электропоездов на пригородных линиях. Электрооборудование для электротранспорта поставлял московский завод «Динамо». В 1926 году на железнодорожной магистрали, соединяющей Баку с нефтяными промыслами Сабунчи и Сураханы впервые была применена электрическая тяга в пригородных поездах. Первые электрички этой линии, построенные на Мытищинском вагоностроительном заводе, напоминали трамваи. Для строительства этой магистрали разобрали и перевезли практически готовый участок железнодорожной линии от Стрельны до Ораниенбаума. Специальные электропоезда, первые в истории СССР, были построены на Мытищинском заводе с использованием австрийского оборудования, поставленного до революции для Оранэлы.

В августе 1929 года открылось движение электропоездов на первом в России электрифицированном участке пригородной линии Москва – Мытищи. Механическая часть вагонов электропоезда изготавливалась на Мытищинском вагоностроительном заводе, тяговые электродвигатели поставлял московский завод «Динамо», а электрооборудование для первой партии поездов поставляла британская компания Вилкерс.

Первой электрифицированной дорогой, работающей на отечественном оборудовании, стала Петергофская железная магистраль. Ленинградские заводы «Электросила», «Электроаппарат», «Красный Выборжец» и московский – «Динамо» произвели все необходимое для того, чтобы в январе 1933 года от Ленинград-Балтийского вокзала до станции Лигово прошла первая электричка. В августе на электричке уже можно было доехать от станции Лигово до станции Новый Петергоф.

В летний период пассажиропоток значительно увеличивался. Люди стремились выехать на природу, погулять в парках, познакомиться с памятниками дворцовой архитектуры (Петергоф, Ораниенбаум, Гатчина), поэтому именно туда и пошли первые электропоезда. В конце 1933 года электрички стали ходить от Лигово до Красного Села. После электрификации участка Новый Петергоф – Ораниенбаум электропоезда с января 1934 года пошли и в этом направлении. С окончанием работ по электрификации Гатчинского направления в декабре 1937 года завершилась электрификация Балтийского участка Октябрьской железной дороги.

Из всего сказанного выше можно предположить, что опыт эксплуатации первой электрифицированной линии (Оранэлы), показал ее широкую

востребованность для перевозки городских жителей. Электрификация пригородных линий существенно улучшила массовую доступность граждан Ленинграда и приезжающих туристов к дворцово-парковым комплексам Петергофа, Царского Села, Гатчины и Ораниенбаума.

Список литературы:

1. Герстнер, Ф.А. О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск. – М.: Книга по Требованию, 2020.– 72 с.
2. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1936 – 1917 гг. – СПб, 1994. – 336 с.
3. Лизунов, П.В. Петергофская дорога барона Штиглица // Мир транспорта. – 2013. - № 3.- С. 182-190.
4. Фортунатов, В.В. Финансирование железнодорожного строительства в дореволюционной России: значение исторического опыта в контексте современных споров // Известия ПГУПС. – 2013. - № 2.– С. 222-227.

Уколова Инна Петровна

кандидат исторических наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США В ПЕРИОД 2000-2015 ГГ.

Аннотация: В постбиполярный период политически значимой и экономически весомой для государств остается реализация продукции военного назначения на международных рынках. Эффективная модель организации военно-технического сотрудничества (ВТС) США основана на сочетании определенного порядка государственного управления этой сферой и комплекса профильных нормативно-правовых документов. Механизмы межведомственного взаимодействия Министерства обороны и Государственного департамента обеспечивают соответствие направлений ВТС внешнеполитическим и военным приоритетам США. В рамках ВТС коммерческие интересы производителей вооружения соотносятся с ограничениями, которые накладывает национальная система экспортного контроля. Продажа (передача) вооружений и военных технологий сопровождается особыми условиями, обязательными для покупателя. Военно-техническое сотрудничество США с союзниками в рамках военно-политических блоков обеспечивает военную совместимость и дополнительную политическую лояльность.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, продукция военного назначения, Министерство обороны США, Агентство по сотрудничеству в области обороны и безопасности, Программы технического сотрудничества, экспортный контроль.

ORGANIZATION OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE UNITED STATES IN THE PERIOD 2000-2015

Summary: In the post-bipolar period, the sale of military products on international markets remains politically significant and economically significant for states. An effective model of the organization of military-technical cooperation (MTC) of the United States is based on a combination of a certain order of public administration in this area and a set of relevant regulatory documents. The mechanisms of interdepartmental interaction between the Ministry of Defense and the State Department ensure that the areas of military-technical cooperation correspond to the foreign policy and military priorities of the United States. Within the framework of the military-technical cooperation, the commercial interests of arms manufacturers are correlated with the restrictions imposed by the national export control system. The sale (transfer) of weapons and military technologies is

accompanied by special conditions that are mandatory for the buyer. The US military-technical cooperation with its allies within the framework of military-political blocs ensures military compatibility and addition

Keywords: military-technical cooperation, military products, the US Department of Defense, Defense Security Cooperation Agency, Technical Cooperation Programs, export control.

Оставшись единственной сверхдержавой после распада СССР и Организации Варшавского Договора, Соединенные Штаты Америки прочно закрепились в статусе лидера на мировом рынке вооружений. Выстроенная в течение десятилетий «холодной войны», система военно-технического сотрудничества (ВТС) доказала свою эффективность. Первые 15 лет XXI столетия продемонстрировали работу этой системы в условиях борьбы с международным терроризмом, экономического кризиса 2008 г., сложных процессов формирования нового миропорядка.

Система государственного управления военно-техническим сотрудничеством в США строится на основе принципов централизации, иерархичности, государственной монополии и межведомственного взаимодействия. Определение основных направлений военно-технической политики, в том числе в сфере ВТС, принятие ключевых решений по вопросам экспортно-импортных поставок и масштабных международных военно-технических проектов происходит на высшем уровне. Предварительная подготовка решений осуществлялась в режиме совещания президента с профильными комитетами Конгресса (комитетом по международным отношениям, комитетом Палаты представителей по иностранным делам, комитетом по вооружениям, комитетом по делам вооруженных сил, бюджетным управлением Конгресса), Советом национальной безопасности и Административно-бюджетным управлением.

Межведомственное взаимодействие практиковалось на разных этапах осуществления ВТС. Наиболее весомы полномочия Государственного департамента США, который непосредственно курировал реализацию группы долгосрочных специализированных программ ВТС и работал в тесном сотрудничестве с Министерством обороны на всех этапах всех направлений военно-технического сотрудничества.

Ключевым элементом в системе государственного управления ВТС является военное ведомство. Принципы организации деятельности, номенклатура подразделений Министерства обороны и распределение полномочий по осуществлению военно-технического сотрудничества определяются, исходя из масштаба и задач ВТС государства, его внешнеполитических и военных амбиций, военно-промышленного потенциала, особенностей и традиций в сфере военного управления. Особого внимания заслуживает организация управления ВТС Министерством обороны США в сотрудничестве с Государственным Департаментом. Планирование и

реализация ВТС в Соединенных Штатах строится по принципу формирования многочисленных долгосрочных специализированных программ, каждая из которых определяет развитие какого-либо вида ВТС или механизмов его обеспечения. Программы формируются в рамках двух базовых направлений: «Сотрудничество в сфере безопасности» ('security cooperation' - SC) и «Содействие в обеспечении безопасности» ('security assistance' - SA).

«Сотрудничество в сфере безопасности» ('security cooperation' - SC) трактуется в «Словаре военных терминов» как «всевозможные отношения Министерства обороны с иностранными оборонными организациями с целью установления связей, помогающих продвигать особые интересы США в сфере безопасности, усиливать способности союзных и дружественных стран к самообороне и участию в миротворческих операциях, а также обеспечивать доступ войск США в принимающую страну, как в мирное время, так и в особых случаях». [7, с. 2] Программы SC предусматривают кооперацию и партнерство стран-участниц, уделяют серьезное внимание проектам по совместной разработке и производству Продукции военного назначения (ПВН).

«Содействие в обеспечении безопасности» ('security assistance' - SA) определяется как «группа программ, утвержденных согласно Закону об оказании помощи иностранным государствам от 1961 г. ..., Закону о контроле над экспортом оружия от 1976 г.... либо другим законодательным актам, посредством которых США могут продавать товары военного назначения, военные тренинги и прочие оборонные услуги посредством субсидий, займов, кредитов, или за наличный расчет с целью осуществления государственной политики и достижения поставленных задач». [7, с. 3] В рамках программ SA страны-партнеры выступают покупателями ПВН и сопутствующих услуг, произведенных в США.

Из 12 основных программ содействия в обеспечении безопасности 'Security Assistance' - SA контролирует Министерство обороны. Остальные пять – Государственный департамент США (в основном в рамках политики оказания экономической помощи иностранным государствам).

Осуществление военно-технического сотрудничества в режиме реализации долгосрочных специализированных программ подтвердило свою продуктивность и перспективность, позволяя США уверенно лидировать на мировом рынке вооружений и военной техники. С одной стороны, организация ВТС по такому принципу требовала серьезного дополнительного ресурсного обеспечения (финансового, научно-технического, информационно-аналитического, административного и т. д.), что под силу только государству с эффективной экономикой и благополучным бюджетом. С другой стороны, формирование развернутой системы долгосрочных программ способствовало решению амбициозных внешнеполитических и военных задач, обеспечивая национальные интересы и безопасность, как собственные, так и союзников. Кроме того, подобная диверсификация позволяла более гибко и оперативно реагировать на изменения экономических и политических условий ВТС со

странами-партнерами. В рамках каждой программы на протяжении многих лет отработывались профессиональные схемы решения возникающих проблем, совершенствовалось информационное обеспечение и необходимая инфраструктура. Дополнительным преимуществом было сотрудничество Министерства обороны и Государственного департамента, что обеспечивало систематическое и квалифицированное внешнеполитическое сопровождение ВТС.

В структуре Министерства обороны формированием стратегии развития ВТС в рассматриваемый период занимался Отдел политического планирования, работа которого курировалась лично министром. Агентство по сотрудничеству в области обороны и безопасности (Defense Security Cooperation Agency – DSCA) - подразделение министерства, контролировавшее деятельность в сфере военно-технического сотрудничества.[1] DSCA находилось в непосредственном подчинении заместителя министра обороны и реализовывало следующие функции:

- контакты на уровне военных ведомств стран-союзниц и дружественных стран в сфере ВТС;
- обеспечение продажи и доставки военной техники, вооружения, снаряжения, контроль над материально-техническим взаимодействием;
- предоставление военного обучения и сопутствующих услуг.

На территории стран-союзниц или дружественных стран реализация ВТС в рамках программ SA курировали Отделы военного сотрудничества (Security Cooperation Office – SCO). Каждый ОВС подчиняется командующему контингентом войск США в соответствующем регионе, а также отвечал перед послом и директором УВС. Основные задачи ОВС - посредничество между покупателем и продавцом ПВН в период послепродажного гарантийного обслуживания, а также помощь в установке-наладке военно-технических систем и тренировке персонала.

Аппарат военного атташе (Defense Attache Office – DAO) в подчинении Управления военной разведки США (Defense Intelligence Agency) официально не был связан с реализацией программ SA. Но зачастую из-за отсутствия в посольствах профильных специалистов военный атташе выполнял их функции.

Таким образом, профильные подразделения Министерства Обороны США и структуры, подведомственные Государственному Департаменту, обеспечивали управление системой ВТС на всех этапах – от разработки стратегии сотрудничества до контроля экспортно-импортных операций и технического обслуживания экспортированной ПВН в послепродажный период.

Анализируя специфику нормативно-правового обеспечения ВТС в США начала XXI в., следует отметить, что оно в значительной степени отражало организацию военно-технического сотрудничества в рамках специализированных программ и направлений. Программы ‘Security Cooperation’ (SC) обеспечивались действием ежегодного Закона об

ассигнованиях на национальную оборону. Кроме того, обеспечение специализированных программ определялось в рамках ежегодного Закона об ассигнованиях для зарубежных операций, экспортного финансирования и сопутствующих программ. Отдельная группа документов, регламентирующих военно-техническое сотрудничество США с иностранными государствами, - многосторонние и двусторонние международные договоры. Например, Программа технического сотрудничества (США, Великобритания, Австралия, Канада и Новая Зеландия, The Technical Cooperation Program - TCP) реализовывалась в соответствии с «Меморандумом о взаимопонимании». [4]

Как и в других государствах, центральное место в системе нормативно-правового обеспечения ВТС США занимает Закон о контроле над экспортом оружия (the Arms Export Control Act of 1976). Закон установил сложную многоступенчатую систему контроля над экспортом американской ПВН: полномочия президента, предписания для американских продавцов и производителей, ограничения для продавцов и покупателей экспортируемой продукции. В соответствии с нормами этого документа правительства, получающие от США вооружение, имеют право использовать его только в случае «легитимной самообороны». Экспорт оружия ограничивается, если он «может стать причиной гонки вооружений, развития и создания оружия массового уничтожения, поддержки международного терроризма, возможности внезапного начала войны или эскалации конфликта, замораживания двусторонних или многосторонних соглашений в области контроля над вооружениями или ядерного нераспространения, либо других соглашений». [5] Запрещается продажа некоторых стратегических технологий отдельным странам. Раздел 36(б) обязывает президента США извещать Конгресс в развернутой письменной форме о намерении продать товары военного назначения или соответствующие услуги. Предварительно сделка должна быть одобрена Государственным департаментом. Затем президент обязан опубликовать не имеющую грифа версию договора о продаже в официальном журнале правительства США «Федеральный реестр». Если президент был обеспокоен возможностью нарушения Закона о контроле над экспортом оружия, то он также обязан представить отчет Конгрессу о потенциальных угрозах. Дополнительно ВТС регулировалось Указом президента 11958 «Управление контролем над экспортом вооружений». Не имеют права покупать американское оружие страны, не подающие отчетов в Регистр обычных вооружений ООН. [6, 3]

В процессе военно-технического сотрудничества задействованы структуры управления и регулирования, заказчики ПВН, субъекты ВТС – организации, получившие право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения. В качестве субъектов ВТС могут выступать организации – разработчики и производители ПВН, а также посредники. В США рассматриваемого периода в разработке, производстве и поставках вооружений ключевую роль играют крупные

корпорации: «Локхид Мартин» и «Боинг» (специализируются на аэрокосмических оборонных исследованиях), «Нортроп Груманн» (БЛА, системы кибер-безопасности), «Дженерал дайнэмикс» (танки, корабли, системы связи), «Рэйтеон» (ракетные технологии и системы наведения) и т. д. (всего более 85 предприятий).

Последствия мирового экономического кризиса 2008 г. изменили характер отношений между производителями вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) и правительством США. Государственные органы попытались усилить прозрачность экспортных сделок в сфере ВТС и перевести финансовые риски на производителей и поставщиков вооружений, что было связано с масштабными сокращениями бюджета. С другой стороны, как заинтересованная сторона, государство зачастую оказывало весомую поддержку производителями экспортной ПВН.

В США Указом президента правительство могло упростить процедуру военно-технического сотрудничества с отдельной страной, исходя из условий внешнеполитической ситуации. Это прежде всего касается «Программы построения партнерских отношений» (Building Partner Capacity (BPC) programs), когда министру обороны вменялось в обязанность взаимодействовать с государственным секретарем, в результате чего ослабевал контроль Министерства обороны над реализацией отдельной программы.[9]

Обязательной составляющей процесса экспорта ВВСТ является контроль конечного использования ПВН. Такой контроль направлен на предотвращение использования ПВН не по назначению, в преступных целях либо для несанкционированного реэкспорта. В США после передачи покупателю товара или услуги правительство государства-покупателя обязано предоставить право Министерству обороны и Государственному департаменту США производить мониторинг использования ПВН конечным пользователем и передачи вооружений третьей стороне. Покупатель должен гарантировать, что приобретенное вооружение или информация будет использоваться строго по назначению и не будет передаваться кому-либо еще.

Важнейшим направлением ВТС является реализация совместных военно-технических проектов. Эта деятельность способствует усилению научно-технического, военного и промышленного потенциалов стран-партнеров, способствует отработке механизмов взаимодействия на уровне гражданских и военных ведомств. В реализации такого вида сотрудничества, прежде всего, заинтересованы страны, в силу объективных причин не способные полностью самостоятельно обеспечить развитие всех направлений ВВСТ. Самодостаточные в военно-техническом отношении государства, в частности, США, используют этот механизм для формирования и укрепления союзнических связей, распространения военно-политического влияния, с целью реализации беспрецедентно масштабных, ресурсоемких и затратных проектов, в крайне редких случаях – для заимствования инноваций.

Характерным примером такого взаимодействия в сфере ВВСТ является реализация США, Великобританией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией Программы технического сотрудничества - ПТС (The Technical Cooperation Program - TSP). В 1957 г. главы США и Великобритании подписали Декларацию об общих целях, в которой упоминалось, что ни одно государство не имеет достаточных ресурсов для успешных оборонных исследований и потребностей. Практически сразу к данному союзу присоединилась Канада. В рамках ПТС был создан Объединенный политический комитет, который объединил деятельность министерств иностранных дел и министерств обороны стран-участниц программы. Совместная деятельность развивалась по двум основным направлениям: в сфере атомной и неатомной энергетики. Наибольшее значение приобрел Подкомитет по неядерным военным исследованиям и развитию (Subcommittee on Non-Atomic Military Research and Development – NAMRAD), который установил тесные контакты между главами оборонных организаций, занимающихся военными исследованиями в трех государствах. Позднее именно к формату NAMRAD присоединились Австралия (1965) и Новая Зеландия (1969). После этого деятельность NAMRAD окончательно оформилась в виде Программы технического сотрудничества. К 2013 г. существовало 11 общих направлений сотрудничества, объединенных в группы (аэрокосмические исследования, радиоэлектронные системы, наземные системы и т.д.). Следует подчеркнуть, что данная программа не занималась продажей и поставками вооружений, а лишь совместными разработками в наиболее перспективных направлениях. [4]

Министерство обороны США реализовало также программу ВТС «Международное сотрудничество в области вооружений» (International Armaments Cooperation – IAC) для стран-союзниц по тематике развития военно-воздушных сил. [8]

Специфическое направление ВТС - передача (продажа) технологий для производства, разработки продукции военно-технического назначения. В сравнении с другими видами сотрудничества эта форма всегда сопряжена с серьезным риском ослабления военно-промышленного и научно-технического потенциала партнеров – продавцов технологий. Как правило, соглашения по передаче (продаже) технологий военного назначения сопровождаются обширным перечнем условий, направленных на снижение вышеназванного риска. США практикуют серьезные ограничения в передаче (продаже) технологий своим партнерам по ВТС. Учитывая, что большинство серьезных покупателей вооружений всегда выдвигали требование передачи технологий в качестве неперемного условия заключения сделки, это зачастую снижало конкурентоспособность американских фирм – производителей и экспортеров вооружений, приводило к потере выгодных контрактов.

Порядок передачи (продажи) ВВСТ и технологий военного производства регламентируется с особой тщательностью и содержит ряд дополнительных экспортных ограничений. С другой стороны, в рамках военно-политических

блоков технологическое сотрудничество снимает проблему совместимости в сфере ВВСТ и в военном производстве. Заимствование действительно современных технологий неизбежно усиливает потенциал государств-получателей (покупателей).

Список литературы:

1. Агентство по сотрудничеству в области обороны и безопасности. Официальный сайт. – URL: http://www.dsca.osd.mil/about_us.htm (дата обращения: 12.02.2023).
2. Административный указ 11958. 18.01.1978. – Управление контролем за экспортом оружия - URL: [Указы. Национальный архив \(archives.gov\)](https://www.archives.gov) (дата обращения: 14.02.2023).
3. Козюлин, В. Тиранам прописали стать гуманнее. 2013. – URL: http://nvo.ng.ru/armament/2013-04-12/12_tirany.html (дата обращения: 12.02.2023).
4. Организация и процедуры Программ технического сотрудничества / 2009. – 105 с. - URL: Веб-сайт министерства обороны: Инструкции Министерства обороны (unt.edu) (дата обращения: 12.02.2023).
5. 22 Кодекс США § 2778 - Контроль за экспортом и импортом оружия. – 1985. - URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2778> (дата обращения: 17.02.2023).
6. Федеральный реестр. - URL: [Федеральный реестр | Национальный архив \(archives.gov\)](https://www.archives.gov) (дата обращения: 17.02.2023).
7. Бартлс, Чарльз К. Понимание сотрудничества в области безопасности: сравнение американской и российской систем сотрудничества в области безопасности. 2012. – URL: <http://fmso.leavenworth.army.mil/documents/understanding-security-cooperation.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
8. Air force instruction 16-110 13 may 2013 International Armaments Cooperation – IAC. – URL: [afi16-110.pdf \(fas.org\)](https://fas.org) (accessed: 17.02.2023).
9. McInnis, Kathleen J. What Is “Building Partner Capacity?” Issues for Congress// Congressional Research Service. - December 18, 2015. – URL: [What Is "Building Partner Capacity?" Issues for Congress \(fas.org\)](https://fas.org) (accessed: 13.02.2023).

Филиппов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент

Новосибирский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию условий успеха и неудачи национальных проектов на западных окраинах Российской империи во второй половине XIX в. Анализ проводится на материале сопоставления двух контрастных случаев – относительно успешного литовского и относительно неуспешного белорусского национальных движений в контексте отношения к ним имперской администрации. Выявлено, что успех литовского национального проекта во второй половине XIX в. обусловлен наличием влиятельной социальной группы в лице католического духовенства, для которой этнические литовцы как паства были важнейшим обеспечивающим сообществом, антипольской направленностью литовского национализма, относительно низкой численностью этнических литовцев, большими лингвистические и религиозные различия между православными славянами и литовцами-католиками, что снижало интерес к этническим литовцам со стороны имперской администрации как к объекту русификации. Неудача белорусского национального движения объясняется отсутствием влиятельной социальной группы, которая была бы заинтересована в формировании белорусского национального самосознания, относительно низким престижем белорусского языка, который воспринимался как испорченный «вредоносным польским влиянием» вариант русского языка, что вызвало неприятие его представителями имперской администрации.

Ключевые слова: Западный край Российской империи, литовское и белорусское национальное движение, шляхта, католическое духовенство.

NATIONAL MOVEMENTS IN THE WESTERN KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY IN THE CONTEXT OF IMPERIAL POLICY

Summary: The article deals with investigation into the conditions of success and failure of national projects in the western part of the Russian Empire in the second half of the 19th century. The analysis is based on comparing two contrasting cases – the relatively successful Lithuanian and relatively unsuccessful Belarusian national movements considering the attitude of the imperial administration towards them. The success of the Lithuanian national project in the second half of the 19th century was determined by an influential social group – the Catholic clergy, for which ethnic Lithuanians were the most important source community, the anti-Polish

orientation of Lithuanian nationalism, the relatively low number of ethnic Lithuanians as well as the large linguistic and religious differences between Orthodox Slavs and Catholic Lithuanians, which reduced interest in ethnic Lithuanians from the side of the imperial administration as an object of Russification. The failure of the Belarusian national movement can be explained by the lack of an influential social group that would be interested in the formation of the Belarusian national identity, as well as the relatively low prestige of the Belarusian language, which was perceived as a version of the Russian language influenced by the “harmful Polish influence”, which caused sanctions against the Belarusian by representatives of the imperial administration.

Keywords: Western Krai of the Russian Empire, Lithuanian and Belarusian national movements, Polish-Belarusian gentry, Catholic clergy.

Девятнадцатое столетие в истории Европы можно по праву назвать веком многочисленных «национальных возрождений». Наибольшее оживление национальные движения переживали в эпоху Наполеоновских войн – как реакция на экспансию французской культуры – во время революций периода Весны народов (1848–49 гг.), в период объединения Италии и Германии. Не была исключением и Российская империя. Местом формирования и развития национальных движений становятся, в частности, западные окраины империи – территория Царства Польского, Западного края, Лифляндии и Эстляндии, а также Малороссии. Далеко не все проекты (ре)конструкции национально-культурной идентичности оказались успешными. Во время восстания 1863–64 гг. мятежной шляхте не удалось привлечь на свою сторону широкие народные массы Западного края, обращаясь к ним на местном (белорусском) языке, как это делал К. Калиновский. В целом, деятельность белорусских активистов, направленная на формирование белорусского национального самосознания, как в среде простого народа, так и элит северо-запада Западного края имела весьма скромные результаты (белорусские крестьяне идентифицировали себя как «русских» или «поляков» – в зависимости от принадлежности к православию или католицизму, а зачастую и вовсе не определяясь в этно-национальных терминах, называя себя «тутейшими» – «здесьними»). В то же время, усилия национальных активистов и католического духовенства в поддержку литовской культуры, создание литовского литературного языка и письменности на основе латиницы, в конце концов, национальной литовской идентичности оказались вполне успешными.

На развитие национальных движений в Западном крае существенное влияние оказывала имперская администрация как доминирующая социально-политическая и культурная сила в регионе, в особенности, после поражения польского восстания 1863–64 гг. и снижения притягательности польской культуры. Как в советской (особенно, в ранний период), так и в зарубежной науке позиция русской администрации в крае характеризовалась как русификаторская и враждебная всякому национальному движению [8; 4].

Современные исследования позволяют усомниться в этом тезисе. В частности, имперская власть, в общем, не препятствовала формированию литовского национального самосознания – образовательный проект «обрусения» этнических литовцев путем создания сети начальных школ с преподаванием предметов на русском языке быстро потерял поддержку среди администрации края и остался, в общем, бюрократическим начинанием [10, с. 127–132]. Объективно власть содействовала и становлению эстонской и латышской национальных элит как средства ослабления немецкого доминирования в Остзейском крае. Например, число эстонцев на государственной службе в Ревеле (Таллинне) в 1871 г. составляло 4 человека, а в 1897 г. – 442, т.е. более 50% всех чиновников [7, с. 63]. От чего зависела позиция русской имперской администрации по отношению к национальным движениям и чем был обусловлен их успех или неудача?

Для ответа на поставленные вопросы сопоставим два контрастных случая – литовское и белорусское национальные движения в контексте отношения к ним имперской администрации. Оба случая обладают существенным сходством, в частности, носителями и литовских, и белорусских говоров были сельские жители очень сходные друг с другом в культурно-этнографическом аспекте (зачастую литовцы и белорусы рассматривались двумя «племенами» единого народа [1, с. 2]), их объединяла общая история в рамках Великого Княжества Литовского. Элиты литовского и белорусского происхождения подверглись полонизации, были сходны друг с другом в культурном отношении (А. Мицкевича считают своим национальным поэтом и литовцы, и белорусы). Как литовские, так и белорусские национальные активисты были едины в критике польского влияния на местные элиты и идеализировали независимое Литовско-Русское государство периода средневековья (до Люблинской унии 1569 г.). Тем не менее, литовский язык кодифицируется на основании письменности на латинице уже в XIX в., растет число наименований литературы на этом языке и количество ее читателей, а литовцы приобретают постепенно статус самобытной нации, в то время, как популярность белорусского языка как литературного остается крайне низкой, количество наименований литературы на белорусском и читателей – очень небольшим [5, с. 340–359].

Согласно государственно-центрированной теории этноса Р. Коллинза, геополитическое могущество государства повышает престиж и притягательность доминирующего этноса, напротив, геополитическая слабость государства снижает престиж господствующей этнической общности [6, с. 153–149]. Теория Коллинза объясняет снижение престижа польской культуры и языка во второй половине XIX в., которые в то время ассоциировались не столько с польским этносом или нацией, а с господствующей социальной группой бывшей Речи Посполитой, сохранившей, в целом, свои доминирующие позиции и в составе Российской империи до 1864 г. Поражение восстания 1863–64 гг., отмена крепостного права, которая в Западном крае в большей

мере, чем в России была проведена пользу крестьян и снизила влияние местных помещиков, резкое ухудшение имущественного положения безземельной шляхты во второй половине XIX в. – все это существенно подорвало политические и социально-экономические позиции шляхты, снизив престиж польской культуры, а запретительные меры в отношении польского языка в Западном крае со стороны царского правительства сделали всякую связь с «польскостью» нежелательной. Совершенно не удивительно, что основной целью как литовских, так и белорусских национальных активистов стала эмансипация, прежде всего, от польской культуры, а как средство этой эмансипации – романтизация и идеализация истории Великого Княжества Литовского до Люблинской унии 1569 г. В сложившихся условиях среди местных элит северо-запада Западного края (территория Белоруссии) произошел раскол: часть их сохранила польскую культурную идентичность, часть переняла русскую, и лишь очень немногочисленные национальные активисты стали проводниками особой белорусской идентичности. Жемантейская шляхта и интеллигенция, оказавших в схожих условиях падения престижа польской культуры и экспансии русской в поисках основания своей новой идентичности повела себя по-иному – обратилась к наречиям и культурным традициям достаточно немногочисленной этнической группы, представители которой проживали в сельской местности, преимущественно, Ковенской и отчасти Виленской губернии. Этой этнической группой были литовцы или «жмудины». Почему значительная часть элит северо-восточных губерний Западного края в условиях кризиса польской цивилизации была склонна сделать свой выбор в пользу местной «крестьянской» культуры, а не русской, как это сделали многие западные соседи? Для объяснения динамики успеха национально-культурных проектов, а также престижа соответствующих идентичностей используем принцип универсальных базовых стремлений (забот) социальных акторов (индивидов и их сообществ) [9]. Престиж национально-культурной идентичности (а также успех национальных движений) высок в том случае, если та или иная этническая/национальная группа выступает в качестве сообщества, обеспечивающего социальный статус, безопасность, доступ к материальным ресурсам и символический престиж для определенной социальной группы, обладающей необходимыми ресурсами для осуществления национального проекта.

Ассоциация с польской культурой в 60-е–70-е гг. XIX в. не только больше не обеспечивала социальный престиж, политическое влияние, безопасность на территории Западного края, но и прямо вызывала репрессивные меры со стороны русской имперской администрации. В глазах последней белорусские «наречия» исторически были вариантами русского языка, испорченные польскими языковыми заимствованиями, следовательно, одним из результатов «вредоносного польского влияния». Некое промежуточное положение белорусского «наречия» между польским и русским – кодифицированными и признанными литературными языками – обусловило восприятие белорусских

говоров как к отклонение от нормы, низкий статус среди образованной публики и отсутствие читателей литературы на белорусском. Таким образом, на территории северо-западных губерний Западного края не было влиятельных социальных групп (национально-ориентированные элиты, публицисты, писатели, издатели), которые бы были заинтересованы в формировании национального сообщества, состоящего из носителей белорусского языка. Шляхтич, разговаривающий и пишущий по-белорусски, как типичный представитель немногочисленного сообщества белорусских национальных активистов выглядел в глазах своего социального окружения так же неуместно и нелепо, как и русский народник или славянофил, имитирующий простонародную речь.

В отличие от белорусского национального движения значительную часть литовских активистов (порядка 50%) составляли представители местного католического духовенства [11, р. 86–97]. Чем был вызван столь глубокий интерес к местному народному языку и культуре со стороны этой социальной группы? С точки зрения русской власти католичество в Западном крае прочно ассоциировалось с польским влиянием, поэтому католическая церковь также стала объектом дискриминационных мер со стороны имперского правительства, само ее существование в данном регионе в перспективе было под вопросом: запрещалось строить новые католические храмы и ремонтировать старые. Еще в 1841 г. была конфискована земля у обителей и высших церковных иерархов (за нее стали давать денежные выплаты [2], в кругах близких к имперской администрации обсуждались планы «обратной унии» – объединения католической и православной конфессий в Западном крае в некую единую церковь – но на этот раз под главенством православия [3, с. 34–74]. Ответом католического духовенства Западного края на эти угрозы стал собственный национальный проект, надежной социальной основой которого могла бы стать этническая группа, с одной стороны, резко отличающаяся от поляков и полонизированного населения края, с другой – от восточных славян, придерживаясь при этом католицизма и не имея опыта православия. Такой этнической группой и оказались литовцы. Католическое духовенство северо-востока Западного края дистанцируется от польского влияния, инициировав проект литовского католицизма, который предполагает использование литовского языка в религиозных практиках, печать и распространении, прежде всего, религиозной литературы, а также обучению детей на литовском языке. Был разработан специальный алфавит на основе латиницы, но отличающийся от польского алфавита (некоторые буквосочетания, характерные для последнего, были заменены заимствованными из чешского алфавита символами) [12, р. 35–37]. Грамотность быстро распространяется среди литовцев (к концу XIX в. по уровню грамотности литовцы находятся на четвертом месте среди народов империи) [10, с. 131]. Стремительно растет численность читателей литературы на литовском (на латинице), издаваемой в Пруссии и переправляемой на территорию Западного края. Благодаря

исследованиям немецких ученых, в частности, А. Шлейхера, литовский язык приобретает высокий статус среди других «наречий», его признают едва ли не самым древним из «живых» индоевропейских языков на территории Европы, ближайшим родственником санскрита. Литовский даже изучается в некоторых европейских университетах (как подготовка к изучению санскрита) [12, р. 37]. Все это отвергает любые подозрения во «вредоносном» польском (да и каком-либо еще) влиянии как на литовский язык, так и на его носителей в определенной мере предотвращая дискриминационные меры со стороны имперского правительства.

Но, очевидно, только желания, пусть и самого горячего, недостаточно, чтобы сформировать национальное сознание целого народа, создав, таким образом социальную основу собственного влияния и благополучия. Чем в этом плане состояла специфика католического духовенства – в отличие от белорусской шляхты? Последняя в культурном и языковом, а зачастую и в религиозном плане очень сильно отличалась от крестьян-носителей белорусских говоров, авторитет и власть «панов» упали также после поражения восстания 1863–64 гг. и ослабления экономических позиций шляхты Западного края. Напротив, влияние католического духовенства на «жмудинов» было велико: в докладах русских чиновников в указанный период подчеркивается «фанатизм» литовцев в отношении католической веры. Иными словами, местные крестьяне ревностно исполняли церковные обряды, посещали мессу, в повседневной жизни поддерживали достаточно интенсивные контакты с представителями духовенства, которое, видимо, пользовалось достаточно высоким авторитетом в народной среде (привлекательная стратегия социальной мобильности для разбогатевшей крестьянской семьи того времени – отправить одного из сыновей в университет обучаться теологии с перспективой занятия престижной должности в католической иерархии). Таким образом, литовское католическое духовенство в социальном и культурном отношении было ближе к народу, чем местная шляхта, пользуясь авторитетом как в народной среде, так и среди католической светской элиты.

Успех литовского национального проекта во второй половине XIX в. обусловлен следующим. 1) Наличие социальной группы в лице католического духовенства, для которой этнические литовцы как паства были едва ли не единственным обеспечивающим сообществом. 2) Высокий авторитет духовенства как в католической крестьянской, так и в шляхетской среде Западного края. 3) Антипольская направленность литовского национализма, относительно низкая численность этнических литовцев, большие лингвистические и религиозные различия между православными славянами и литовцами-католиками – все это снижало интерес к этническим литовцам со стороны имперской администрации как к объекту русификации.

В то же время, влиятельной и многочисленной социальной группы, которая была бы заинтересована в формировании белорусского национального самосознания во второй половине XIX в. в Западном крае не оказалось.

Униатская церковь, которая потенциально могла бы стать национальной белорусской церковью была упразднена в 1839 г., неопределенный статус белорусского языка между двумя кодифицированными литературными языками – русским и польским – обусловил его низкий престиж, отсутствие как читающих публики, так и авторов, пишущих по-белорусски. Белорусский язык воспринимался как испорченный «вредоносным польским влиянием» вариант русского языка, что вызвало неприятие его представителями имперской администрации.

Список литературы:

1. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – 183 с.
2. Гайосинкас, А. Римско-католическая церковь в Литве // Terra Mariana. Католический информационно-просветительский журнал. – 7 мая 2013. – URL: <http://catholic.baznica.info/archives/43> (дата обращения: 25.02.2023 г.)
3. Долбилов, М. Сталюнас Д. Обратная Уния. Из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. – Вильнюс: LII leidykla, 2010. – 274 с.
4. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. – М.: «Традиция», 2000. – 344 с.
5. Карский, Е.Ф. Белоруссы: 3 т. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. – Минск: «БелЭн», 2006. – 656 с.
6. Коллинз, Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.
7. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: НЛЮ, 2006. – 248 с.
8. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1-2: От древнейших времен до конца XIX-го столетия. – М.: Гос. изд-во, 1923. – 251 с.
9. Розов, Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. – Новосибирск: Манускрипт, 2022. – 355 с.
10. Эйдинатас, А. и др. История Литвы. – Вильнюс: Eugrimas, 2013. – 317 с.
11. Hroch, M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge University Press, 1985. – 220 p.
12. Snyder, T. The Reconstruction of Nations. – New Haven; London: Yale University Press, 2003. – xv, 367 p.

Фостийчук Виктор Викторович

кандидат политических наук, доцент

ведущий научный сотрудник

Ейский историко-краеведческий музей им. В.В. Самсонова

К СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЁ УЧАСТНИКАХ (О ЕЙЧАНАХ-УЧАСТНИКАХ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА)

Аннотация: Автор обращается к теме сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне и её участниках. Автор останавливается на необходимости глубоко продуманной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Автор считает, что забвение, изъятие, вычёркивание из истории Великой Отечественной войны тех или иных событий, повышенное внимание к одним важным датам и краткое напоминание о других не менее значимых, привело к негативным результатам в обеспечении как духовной безопасности, так и в целом национальной безопасности России. Автор отмечает важность формирования и сохранения исторической памяти о всех битвах Великой Отечественной войны, без подчёркивания значимости одной из них и умаления другой. Автор обращает внимание на неприемлемость беспамятства в отношении участников Великой Отечественной войны, сражавшихся с врагом в забытых битвах. Автор, в связи с этим вспоминает ейчан, оборонявших Ленинград в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, сохранение исторической памяти, оборона Ленинграда, ейчане-участники обороны Ленинграда, национальная безопасность.

TO THE PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ITS PARTICIPANTS (ABOUT THE YEYCHANS PARTICIPANTS IN THE DEFENSE OF LENINGRAD)

Summary: the author addresses the topic of preserving the historical memory of the Great Patriotic War and its participants. The author dwells on the need for a well-thought-out national security policy for the Russian Federation. The author believes that forgetting, removing, deleting certain events from the history of the Great Patriotic War, increased attention to some important dates and a brief reminder of other equally significant ones, led to negative results in ensuring both spiritual security and national security in general. Russia. The author notes the importance of forming and preserving the historical memory of all the battles of the Great Patriotic War, without emphasizing the significance of one of them and belittling the other. The author draws attention to the unacceptability of unconsciousness in relation to

the participants in the Great Patriotic War who fought the enemy in forgotten battles. In this regard, the author recalls the Yeychans who defended Leningrad during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, preservation of historical memory, defense of Leningrad, Yeychans participating in the defense of Leningrad, national security.

Всё дальше от нас те дни, когда весь советский народ праздновал Победу в Великой Отечественной войне. О ней написаны огромное число энциклопедий и хроник, мемуаров и воспоминаний... Но как это бывало на протяжении всей истории человечества – чем более отдаляется от нас событие, тем более оно подвержено всевозможным фальсификациям.

В современных условиях подобных фактов переписывания и искажения истории, забвение дат и событий Великой Отечественной войны становится всё больше. Учитывая невысокий уровень знаний нашей молодёжи о войне – это является угрозой духовной безопасности как составной части национальной безопасности Российской Федерации.

С целью предотвращения этой угрозы национальной безопасности России необходимо формировать и сохранять историческую память о Великой Отечественной войне, вспоминать её участников. Этим должны заниматься федеральные органы государственной власти и управления, органы государственной власти в субъектах Российской Федерации, органы местного самоуправления, многочисленные социальные институты, представители гражданского общества.

После распада СССР действие современных геополитических процессов, имеющих выраженную тенденцию к разделению, осталось без серьёзного внимания со стороны руководства нашей страны. Во внешней и внутренней политике постсоветской России не делался акцент на развитие культурных отношений в интеграционных, региональных организациях, на налаживание связей с бывшими советскими республиками и бывшими социалистическими странами. Следует подчеркнуть, что эти связи развивались на протяжении долгих лет, а развод произошёл практически мгновенно [1, с. 25].

Органы государственной власти, занимающимися вопросами обеспечения национальной безопасности страны, в частности её составной части – духовной, не обращали должного внимания на тот факт, что культурные связи между бывшими республиками СССР сокращались. На первый план в отношениях между ними вышли экономические и политические связи.

Результатом такой политики, приведшей к негативным последствиям, как в культурных, так и в экономических, политических отношениях стало современное состояние отношений со многими странами постсоветского геополитического пространства: Украиной, Латвией, Литвой, Эстонией, Грузией.

Украина стала геополитическим соперником, врагом России. Если после распада Советского Союза Украина входила в состав постсоветского геополитического пространства, будучи объектом восточнославянского геополитического субрегиона, то в настоящее время она окончательно вышла из его состава и фактически стала одним из субъектов восточноевропейского геополитического субрегиона, в который входят также бывшие прибалтийские республики – Латвия, Литва, Эстония. Уровень отношений России с этими прибалтийскими странами сейчас находится на самом низком уровне, как и с Грузией. После признания Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии в 2008 г. российско-грузинские дипломатические отношения сошли на нет, обострились и в 2019 г.

Такое состояние геополитических отношений с географическими соседями, бывшими советскими республиками, входящими в состав СССР стало возможным, в том числе в силу недальновидной государственной политики памяти об общей истории страны, о Великой Отечественной войне. Из единого пространства общей Победы изымались отдельные страницы, иногда главы. Забывалось важное – совместные дела, общие победы, вычёркивались из памяти отдельные битвы и сражения в годы самой кровопролитной войны.

В памяти о Великой Отечественной войне образовался вакуум. Органы государственной власти и управления, органы государственной власти в субъектах России, органы местного самоуправления имеют к этому непосредственное отношение. Такой вывод лежит на поверхности, его можно сделать после проведения контент-анализа планов работы органов государственной и муниципальной власти в Краснодарском крае за определённый промежуток времени. В частности, автор проанализировал планы работы министерства культуры Краснодарского края, органа государственной власти, непосредственно осуществляющего руководство культурой в крае, занимающегося организацией и проведением мероприятий, посвящённых праздничным датам. Рассматривался период времени с 2016 по 2023 г. [2]

В планах прослеживается чёткая линия на проведение комплекса мероприятий, связанных с освобождением Кубани. Остальным битвам и сражениям Великой Отечественной войны, в которых участвовали представители всех народов Советского Союза места в планах практически не нашлось. Исключение в планах сделано в отношении Сталинградской битвы. Ряд мероприятий на уровне края и муниципалитетов был запланирован к юбилейным датам – к 75-и и 80-летию победы в ней.

Как в более ранних планах министерства культуры Краснодарского края, так и в плане на 2023 г. не было запланировано ни одного мероприятия, посвящённому 80-летию Курской битвы, сражения за Днепр и освобождения левобережной Украины. Такое же положение дел с внесением в план мероприятий, касающихся героической обороны Ленинграда и полного снятия

блокады города советскими войсками 27 января 1944 г. В план было внесено одно мероприятие.

На муниципальном уровне картина несколько иная – учреждения культуры, образования, средства массовой информации в своей деятельности обращают внимание на важнейшие события Великой Отечественной войны. При этом их основное внимание сосредоточено на периоде с конца июля 1942 г. и до 9 октября 1943 г., связанном с боями на территории Краснодарского края, его районов и населённых пунктов. Отметим, что сотрудниками Ейского историко-краеведческого музея им. В.В. Самсонова проводятся мероприятия, посвящённые обороне Ленинграда. В этом году 27 января проводился мультимедийный урок «Помним блокадный Ленинград».

Ейчане воевали на всех фронтах войны, на всех флотах и флотилиях. Они не выбирали, где воевать – освобождать Кубань или оборонять Ленинград...

Нельзя изымать из истории Великой Отечественной войны её отдельные страницы. Это история нашего народа, история долгого пути к Победе над фашизмом.

Как можно забыть об обороне Брестской крепости, о Ржевской и Курской битвах, сражении за Днепр, снятии блокады Ленинграда, об освобождении Крыма? Как можно помнить о воинах, освобождавших Кубань, чествовать их, и не вспомнить тех, кто был участником вышеназванных сражений?

Формированием и сохранением исторической памяти о Великой Отечественной войне занимаются многие органы и учреждения государственной власти и местного самоуправления, многочисленные социальные институты, представители гражданского общества. Занимаются этим в том числе интернет-порталы. Среди них проект «Книга памяти блокадного Ленинграда». Отметим, что сотрудниками Ейского историко-краеведческого музея им. В.В. Самсонова были выявлены новые имена защитников Ленинграда, появилась возможность показать вклад ейчан в общее дело обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Ейчане гордятся своими защитниками Ленинграда. Среди них сотни выпускников прославленного Ейского авиационного училища (размещавшегося в городе с 1931 по 2011 г.). Некоторые из них, после выпуска из училища назначались на должности инструктора-лётчика. Во время Великой Отечественной войны они надёжно защищали небо над Ленинградом и на подступах к нему. В их числе дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Н.В. Челноков, Герои Советского Союза капитан А.К. Антоненко, генерал-майор авиации И.Ф. Балашов, гв. капитан М.А. Ефимов, гв. полковник П.В. Кондратьев, генерал-майор авиации П.И. Павлов, майор М.Н. Плоткин, полковник Э.К. Пусэп. Они внесли свой весомый вклад в оборону Ленинграда.

Николай Васильевич Челноков в октябре 1941 г. стал командиром эскадрильи 57-го штурмового авиаполка ВВС Балтийского флота (далее - БФ). К концу декабря 1941 г. выполнил 78 боевых вылетов, нанеся противнику большой урон. Его эскадрилья выполнила около 700 боевых вылетов. За

отличное выполнение боевых заданий командования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1942 г. майору Н.В. Челнокову было присвоено звание Героя Советского Союза. В апреле 1942 г. был назначен заместителем, а в августе 1942 г. – командиром 1-го гв. минно-торпедного авиаполка. Под его командованием полк летал на бомбардировки военных объектов и военно-морских баз Хельсинки, Котка, Выборг, Таллин, аэродромов Красногвардейск, Сиверский, Тосно, Луга, Нарва.

Алексей Касьянович Антоненко стал первым из ейчан, удостоенных звания Героя Советского Союза за подвиги, совершённые во время Великой Отечественной войны. Это высокое звание ему было присвоено 14 июля 1941 г. В составе 13-го истребительного авиаполка ВВС БФ заместитель командира эскадрильи капитан А.К. Антоненко совершил около 100 боевых вылетов, им было сбито 11 самолётов противника, один из них тараном. Особо отличился при обороне полуострова Ханко.

Погиб 25 июля 1941 г. в авиационной катастрофе. Похоронен на площади перед Домом флота на полуострове Ханко (Финляндия).

Иван Филиппович Балашов с сентября 1942 г. командовал 2-м гв. авиаполком дальнего действия. На самолётах Ил-4 лётчиками полка выполнялись ночные боевые вылеты, в т.ч. по аэродрому Дно (под Ленинградом). В ноябре 1943 г. гв. полковник Балашов был назначен командиром 1-й гв. авиадивизии дальнего действия. Местом базирования дивизии, участвовавшей в Ленинградско-Новгородской наступательной операции, был аэродром в районе Бологое.

Матвей Андреевич Ефимов с 22 июня 1941 г. по август 1942 г. – командир звена 5-го (с января 1942 г. – 3-го гвардейского) истребительного авиаполка ВВС БФ. Прикрывал Кронштадт, корабли флота от налётов вражеской авиации, «Дорогу жизни» по Ладожскому озеру, вылетал на штурмовку войск противника, сопровождение бомбардировщиков, на разведку. На апрель 1942 г. им было совершено 280 боевых вылетов, в 89 воздушных боях сбито лично 3 и в группе 19 самолётов противника. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, гв. капитану Ефимову 14 июня 1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Матвею Андреевичу в 1942 г. был вручён самолёт «Харрикейн» с нанесёнными 25 звёздами и надписью: «Победы гв. к-на М.А. Ефимова».

С августа 1942 г. – военный комиссар, с октября 1942 г. – заместитель командира 3-го гв. истребительного авиаполка по политической части.

Погиб гв. капитан М.А. Ефимов 7 января 1943 г. Похоронен на Русском (городском) кладбище в Кронштадте (ныне в черте Санкт-Петербурга). Рядом с ним похоронен командир полка гв. полковник П.В. Кондратьев, погибший 1 июня 1943 г. на острове Сескар.

Пётр Васильевич Кондратьев командовал полком с июня 1941 г. по июнь 1942 г., затем был повышен в должности – командир 61-й авиабригады ВВС БФ. Им лично сбито 3 и в группе 3 самолёта противника.

Павел Иванович Павлов вступил в войну в должности командира эскадрильи 5-го истребительного авиаполка ВВС БФ. За период с 22 июня по 14 сентября 1941 г. им было выполнено 120 боевых вылетов на самолёте И-16, из них: 52 – на охрану военно-морской базы Кронштадт, 25 – на перехват и преследование вражеских самолётов, 20 – на штурмовку войск и частей противника, 15 – на сопровождение ДБ-3 и Ил-2, 8 – на разведку сил противника. В августе 1941 г. им было сбито 4 самолёта противника и 3 – в составе группы.

В октябре 1941 г. он был переведён в 21-й истребительный авиаполк ВВС БФ, в составе которого в июне 1943 г. стал командиром полка.

Михаил Николаевич Плоткин неоднократно в августе-сентябре 1941 г. бомбил Берлин. В ночь на 8 августа 1941 г. участвовал в первом налёте советской авиации на столицу гитлеровской Германии – Берлин, на следующий день, 9 августа 1941 г. вторично бомбил его. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Командир авиаэскадрильи 1-го минно-торпедного авиаполка ВВС БФ капитан М.Н. Плоткин с начала войны и до конца декабря 1941 г. сделал 56 боевых вылетов. Успешно бомбил военно-морские базы противника, бомбовыми ударами громил танковые колонны врага, наносил точные бомбовые удары по железнодорожным станциям.

7 марта 1942 г., возвращаясь с боевого задания по постановке мин на рейде Хельсинки, гв. майор Плоткин погиб. Похоронен на Коммунистической площадке кладбища Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в Ленинграде (ныне – Казачье кладбище г. Санкт-Петербург).

Эндель Карлович Пусэп воевал в составе 746-го тяжелого бомбардировочного авиаполка. 10 августа 1941 г. на ТБ-7 в составе экипажа командира авиадивизии комбрига Михаила Водопьянова он вылетал на бомбардировку Берлина. С октября 1942 г. – командир 890-го авиаполка дальнего действия, принимавшего участие в успешных бомбардировках позиций тяжёлой артиллерии немецко-фашистских войск, обстреливающих Ленинград.

Наш земляк Герой Советского Союза Николай Артемьевич Шумейко с июля 1943 г. воевал в 1220-м гаубичном артиллерийском полку 58-й гаубичной артиллерийской бригады на Ленинградском фронте. Начальник штаба дивизиона 122-мм гаубиц капитан Н.А. Шумейко проявил личную храбрость, мужество, инициативу и грамотное управление огнём дивизиона как в период разрушения вражеских дзотов (14 января 1944 г.), так и в день прорыва обороны противника под Ленинградом (15 января 1944 г.). С 15 января по 1 марта 1944 г. Николай Артемьевич в составе 42-й армии участвовал в Ленинградско-Новгородской наступательной операции по полному снятию

блокады Ленинграда, в т.ч. в освобождении Красного Села (19 января), Гатчины (26 января).

Наши земляки, родившиеся в Ленинграде и Ленинградской области, с первых дней войны вступали в ряды Красной Армии, вставали в ряды защитников своего родного города. Среди них: В.А. Александров, В.И. Алисов, В.П. Горбунова, В.Г. Иванов, Я.И. Королёв, А.П. Кочетков, Л.Н. Крастелевская, М.И. Ломакина, Н.Ф. Сидоров. Самым юным защитником города Ленинграда из этого списка был Владимир Гаврилович Иванов. В январе 1942 г. он был призван в армию Первомайский РВК г. Ленинграда, в неполные 14 лет.

Уроженцы Ейска и Ейского района доблестно и мужественно защищали город Ленинград. Среди них: М.С. Брущанко, Т.Ф. Дьячков, П.И. Калиниченко, В.Т. Калюжный, К.С. Крылов, И.С. Куц, Н.М. Михайличенко, С.М. Панарин, А.М. Ракитянский, М.С. Сердюк, Д.В. Ткачёв. После войны большинство из них вернулись в родные места. Константин Семёнович Крылов был внесён в число наших земляков, защищавших Ленинград в 2022 г. Это стало возможным благодаря тому, что его сыном петербуржцем Александром Константиновичем Крыловым, посетившим родину отца, в дар нашему музею были переданы фотографии и документы своего отца, техника-лейтенанта, участника обороны Ленинграда. Константин Семёнович Крылов в сентябре 1941 г. был дежурным по связи 105-го отдельного батальона оперативной связи Управления ВВС Ленинградского фронта, затем до апреля 1942 г. начальником мастерских 206-го отделения оперативной связи Управления ВВС Ленинградского фронта, до мая 1942 г. – командиром взвода связи 1027-го стрелкового полка. С сентября 1942 г. – радиотехник 205-го отдельного батальона связи 93-го стрелкового корпуса.

Многие из наших земляков, защищавших Ленинград, пропали без вести. Один из них – это трюмный моторист подводной лодки Щ-308 «Сёмга» краснофлотец Михаил Емельянович Данильченко. На воинском мемориальном комплексе «Защитникам Отечества» в г. Сосновый Бор Ленинградской области на мемориальных досках среди имён 1424 моряков-подводников значится и его фамилия. До 2018 г. подлодка «Сёмга» и весь её экипаж числились пропавшими без вести. Разведывательно-водолазная команда в рамках экспедиции «Поклон кораблям Великой Победы» 3 мая 2018 г. обнаружила подлодку в Финском заливе на глубине около 50 м.

В свой последний боевой поход подлодка Щ-308 под командованием капитана 3-го ранга Л.Н. Костылева вышла 18 сентября 1942 г. 20 октября командир доложил по радио командованию об уничтожении 3-х транспортов противника общим водоизмещением 16000 тонн, о повреждении лодки и запросил разрешение на возвращение на базу. В двух радиограммах был отправлен приказ о возвращении, но судно так и не вернулось в Кронштадт.

После окончания Великой Отечественной войны многие участники героической обороны Ленинграда местом постоянного жительства выбрали Ейск. Среди них М.В. Астахов, А.Н. Брежнев, А.Т. Гребёнкин, П.И. Дубина,

М.И. Ерохин, Т.А. Завгорозько, Г.А. Запевалов, Г.И. Зверев, М.А. Иванов, П.Ф. Изотов, К.К. Иосифов, Х.С. Колесников, Н.К. Колодезный, И.С. Кривсун, П.Н. Крылов, М.С. Куваев, В.Л. Кудрявцев, И.К. Курносков, З.В. Маврина, В.И. Мальковский, А.Г. Матвиенко, А.К. Настасий, В.М. Новиков, Г.М. Огиенко, И.И. Пигида, В.В. Подопригора, А.Н. Прокопенко, Г.М. Рябов, В.В. Терещенко, К.И. Труба, С.С. Трубачёв, Я.Ф. Федосин, Г.Г. Хайло, В.В. Цуйко, Е.Г. Цуканов, П.Н. Шафранов.

Участник обороны Ленинграда полковник в отставке Георгий Михайлович Рябов в 1967-1970-х гг. и в 1978-1980-х гг. был сотрудником нашего музея. После окончания в 1941 г. Артиллерийской военной академии им. Дзержинского с 16 июля по 27 августа был командиром батареи 20-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона ПВО Ленинградского военного округа. Затем до февраля 1942 г. – командир дивизиона 12-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона ПВО.

Ейчане всегда с любовью и теплотой вспоминают командира 144-го отдельного батальона морской пехоты капитан-лейтенанта Александра Ивановича Вострикова. Морские пехотинцы под его руководством героически защищали наш город в начале августа 1942 г.

Капитан-лейтенант А.И. Востриков за бои на Ораниенбаумском плацдарме в сентябре 1941 г. был награждён орденом Красного Знамени. Являясь начальником связи морского курсантского батальона из состава военно-морского хозяйственного училища, после ранения его командира и начальника штаба вступил в командование подразделением. Его батальон вёл бои в районе селений Большие и Малые Илики и Гантулово. Особенно кровопролитные и упорные бои пришлось вести в сентябре 1941 г. в районе Гантулово, Туюзю. Курсантские роты под командованием Вострикова десятки раз поднимались в контратаку.

Защищая Ленинград, погибли многие из ейчан. Один из них – командир авиаэскадрильи 7-го гв. пикировочно-штурмового авиационного полка гв. капитан Валентин Алексеевич Макаров. 18 апреля 1943 г. его Ил-2, вылетевший с аэродрома «Гражданка», был сбит огнём зенитной артиллерии противника. Боевой счёт штурмовика Балтики гв. капитана В.А. Макарова составил: автомашин – 59, железнодорожных вагонов – 45, паровозов – 1, эшелонов – 5, повозок – 38; артиллерийских орудий – 16, зенитных автоматов – 4, живой силы – 915.

Для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне следует восхвалять подвиг советского народа, прославлять наших воинов, одержавших победу над немецким фашизмом в самой кровопролитной войне за всю историю человечества.

Вспоминать все битвы и сражения Великой Отечественной войны, помнить о своих земляках – их участниках. Этим должны заниматься федеральные органы государственной власти и управления, органы государственной власти в субъектах Российской Федерации, органы местного

самоуправления, многочисленные социальные институты, представители гражданского общества. От того как будет осуществляться их деятельность по формированию и сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне зависит обеспечение национальной безопасности Российской Федерации

Россия – великая страна. Великая Отечественная война – одна из самых героических книг её истории. Оборона Брестской крепости, Москвы, Ленинграда, Курская и Сталинградская битвы... героические страницы этой книги. Нашей первейшей задачей должно стать сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, о её участниках.

Список литературы:

1. Фостийчук, В.В. Государственная культурная политика современной России как отражение отношения государства к сфере культуры // Музей в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. 16-18 ноября 2016 г. - Кудымкар, 2016.
2. Сайт Министерства культуры Краснодарского края. План работы. – URL.: <https://kultura.krasnodar.ru/department/plan-raboty> (дата обращения: 10.02.2023).

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

АВТОМОБИЛЬ ПРОТИВ ТРАМВАЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассказывается о проблемах, связанных с практически одновременным появлением на дорогах Санкт-Петербурга начала XX века трамвая и автомобиля. Анализируется специфика и технические особенности этих обоих видов транспорта. Рассказывается о конкретных дорожно-транспортных происшествиях с участием трамвая и автомобиля. Освещается отношение общественности к проблемам дорожной безопасности. Выявляются причины частых столкновений трамвая и автомобиля на улицах Санкт-Петербурга начала XX века. Статья основана на газетных публикациях и опубликованных документах начала XX века.

Ключевые слова: транспорт Санкт-Петербурга, трамвай, автомобиль, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия.

CAR VERSUS TRAM: TRAFFIC PROBLEMS IN THE ST. PETERSBURG AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Summary: The article describes the problems associated with the almost simultaneous appearance of a tram and a car on the roads of the St. Petersburg at the beginning of the XX century. The specifics and technical features of these two modes of transport are analyzed. It tells about specific road accidents involving a tram and a car. The attitude of the public to the problems of road safety is highlighted. The causes of frequent collisions of a tram and a car on the streets of the St. Petersburg at the beginning of the XX century are revealed. The article is based on newspaper publications and published documents of the beginning of the XX century.

Keywords: St. Petersburg transport, tram, car, road safety, traffic accidents.

Транспортная система Санкт-Петербурга в начале XX столетия стремительно менялась. В самом конце XIX века на улицах российской столицы появились первые автомобили [10, с. 29], в 1907 году в городе началось трамвайное движение [12, с. 177]. Такое резкое изменение дорожной обстановки, понятное дело, создавало новые проблемы для горожан.

С автомобилем ещё нужно было научиться обращаться. Однако зачастую первые автомобилисты просто игнорировали советы автомехаников, забывали заливать масло и воду, а иногда удивлялись, что автомобиль отказывается двигаться при пустом бензобаке [3]. Автомобилисты любили прокатиться с ветерком, а то и во хмелю, и непривычные к таким скоростям пешеходы

нередко оказывались под колёсами [11]. Власти наказывали нарушителей штрафами и арестами [4], однако эти меры помогали лишь отчасти.

Появление трамвая нанесло очередной удар по спокойствию и безопасности горожан. Даже подготовительные работы, нацеленные на открытие трамвайного движения, приносили существенные неудобства. Пешеходы с трудом преодолевали места укладки рельсовых путей, извозчицы пролётки попадали колёсами в рытвины, куда планировалось уложить рельсы, и переворачивались [1]. Однако, когда трамваи были пущены, без них обходиться уже стало затруднительно, в них стали видеть больше пользы, чем вреда. Даже временное прекращение трамвайного движения теперь воспринималось как транспортный коллапс [5]. Обдумывались способы перевозить за один раз больше пассажиров – к примеру, существовала идея пустить двухэтажные трамвайные вагоны [2].

Получилось так, что на дорогах Санкт-Петербурга встретились и стали невольными соперниками два новых вида транспорта – автомобиль и трамвай. Приведём некоторые конкретные случаи таких встреч, проанализируем их причины, попытаемся разобраться в последствиях. В данной статье ограничим эти наши изыскания 1911 годом.

Вечером 10 января 1911 года по Загородному проспекту в направлении Варшавского вокзала на автомобиле мчался отставной лейтенант флота И.Н. Величко, в салоне удобно устроилась его жена. Встреча автомобиля с трамваем произошла на Введенском мосту. Шофёр рассчитывал проскочить, однако вагоновожатый тоже уважал скорость и гнал «с огромной быстротой». Может, всё и обошлось бы, но на дорогу выскочил пьяный пешеход, машина вынужденно затормозила, но сманеврировать уже не успела. Последовал удар, а потом трамвай несколько метров тащил по рельсам искорёженный автомобиль. Водитель и пассажирка получили незначительные раны, в Обуховской больнице им оказали медицинскую помощь, и вскоре они уже приходили в себя в домашней обстановке [8]. Как видим, здесь зловещую роль сыграла досадная помеха на дороге – пьяный пешеход. При другом раскладе дорожно-транспортного происшествия, вероятнее всего, удалось бы избежать.

Следующее дорожно-транспортное происшествие, о котором пойдёт речь, случилось 23 апреля 1911 года. Автомобиль, в котором находились Адольф и Карл, сыновья основателя нескольких автотранспортных компаний, владельца многоэтажных гаражей Карла-Людвига Крюммеля, остановился на рельсах, дабы избежать столкновения с пассажирами на трамвайной остановке. Очевидно, братья планировали лишь приостановиться, чтобы объехать толпу. Как на грех, едва остановились, мотор заглох. Тогда Адольф остался за рулём, Карл вышел, чтобы завести машину. В этот момент на горизонте появился трамвай, и вагоновожатый, который прекрасно видел дорожную ситуацию (было светло, а путь в этом месте был ровный как стрела), и не пытался затормозить своевременно. Вагоновожатому криками и жестами сигнализировала даже публика на остановке, но он не внял этим

предупреждениям. В итоге Карл Крюммель оказался прижатым к своему автомобилю и получил перелом ноги. При этом сам автомобиль поврежден не получил: травмированный сработал своего рода буфером, приняв удар на себя [6, с. 772].

Лечение и реабилитация заняли несколько месяцев. Сначала – гипс, потом – попытки ходить «с трудом и болью». Было решено требовать компенсации за упущенную выгоду: долгое время Карл Крюммель не мог полноценно работать. Поскольку трамвайное хозяйство принадлежало городу, пострадавший подал городским властям прошение на компенсацию в сумме 20 тыс. 875 руб. Город пригласил юрисконсульта. Тот, после изучения всех обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, доложил гласным (депутатам) Санкт-Петербургской городской думы, что город виноват, однако сумма затребованной компенсации великовата: ведь потерпевший утратил работоспособность лишь отчасти, а не в полной мере. Юрист предлагал не доводить дело до суда и выплатить просителю сумму от 5 до 8 тыс. руб. [6, с. 773]. Посоветовавшись, городские власти решили прислушаться к доводам юрисконсульта, пошли на мировую и, несколько урезав минимальное предложение правоведа, присудили потерпевшему компенсацию в размере 4 тыс. руб. [6, с. 774]. В этом случае очевидна вина вагонновожатого, автомобилист оказался вполне законопослушным, что и было подтверждено судом.

Третий примечательный и довольно курьёзный случай из этого ряда дорожно-транспортных происшествий произошёл 22 декабря 1911 года. Со стороны Пантелеймоновской улицы (ныне ул. Пестеля) к Литейному проспекту тяжело выехала подвода (грузовая телега), доверху гружёная чем-то, покрытым брезентом. Возница решил рискнуть – переехать Литейный проспект «под самым носом» у трамвая. Как и следовало ожидать, это решение оказалось неудачным и неразумным. Подвода на конной тяге не смогла быстро пересечь рельсовый путь, трамвай на большой скорости протаранил её, расколол на две части. Оказалось, что подвода была основательно нагружена колбасой, которая теперь усеяла округу – словно прошёл колбасный дождь. Тут же с гомоном налетели местные подростки, с лаем набежали окрестные собаки, и колбасы разом существенно убыло. Однако вскоре прибыла полиция, и место происшествия было ограждено – в том числе, и для спасения остатков ароматного сытного товара, покрывшего мостовую [7].

Подведём некоторые итоги исследования. В начале XX века на улицы Санкт-Петербурга практически одновременно принялись осваивать и автомобильный транспорт, и трамваи. При этом, однако, продолжал активно использоваться и транспорт на конной тяге. Эта гремучая смесь привела к тому, что дорожно-транспортные происшествия стали происходить особенно часто. Если раньше максимальная скорость передвижения в городе по суше определялась скоростью самого резвого рысака, то теперь скоростные характеристики безлошадного транспорта стали значительно выше. На начало

XX века как раз приходится время «притирки» всех названных видов городского транспорта друг к другу. В эти переломные годы непросто приходилось всем соперникам в транспортной сфере. Лошади долгое время пугались шума моторов и трамвайного стрекота. Упоённые скоростью вагоновожатые и автомобилисты нередко соревновались в молодецкой удали, выясняли, кто может быстрее. Должно было пройти ещё какое-то время, чтобы были выработаны необходимые регламенты поведения того или иного вида транспорта на дорогах, появилась привычка внимательно, уважительно относиться к другим участникам дорожного движения, пришло понимание необходимости пристальной заботы о безопасности на дорогах.

Однако, понятное дело, человеческий фактор продолжал действовать, не исчез он и поныне. Как тогда, так и в наши дни, на дорогах появлялись и появляются лихачи, от которых бывает трудно найти избавление. В начале XX века лихачей-автомобилистов прозвали «башибузуками», что означает по-турецки «с неисправной головой». Таким образом, отождествлялось отсутствие дисциплины в нерегулярных частях Османской империи (Турции) – тех самых «башибузуков», и среди автомобилистов-лихачей. Думается, это сравнение подходит и нашим современникам, ведущим себя за рулём сходным образом. И не устарели слова краеведа А.А. Бахтиярова из очерка вековой давности, в котором он говорил о лихачах так: «Одетый в звериную шкуру, в кепке, в перчатках, с нарукавниками, в очках носится он на автомобиле по шумным улицам столицы, давит встречную публику, не разбирая ни женщин, ни детей, налетает на фонарные столбы и даже, совершенно неожиданно, въезжает в зеркальные окна магазинов» [9].

Список литературы:

1. Жертва трамвайных неурядиц // Петербургский листок. – 1907. – № 147. – 31 мая. – С. 7.
2. Испытание 2-эт. трамвайных вагонов // Петербургский листок. – 1911. – № 114. – 28 апреля. – С. 13.
3. Нечто об автомобилях // Петербургская газета. – 1902. – № 166. – 20 июня. – С. 4.
4. Обуздание мотористов // Петербургский листок. – 1914. – № 107. – 21 апреля. – С. 3.
5. Петербург без трамвая // Петербургский листок. – 1911. – № 161. – 15 июня. – С. 3.
6. По ходатайству помощника присяжного поверенного Э.Ф. Зиверта о выдаче прусскому подданному К.К. Крюммелю в мировое окончание 4.000 руб. вознаграждения за увечье, полученное последним на линии городского трамвая 23 апреля 1911 года // Известия С.-Петербургской городской думы. – 1912. – № 16. – Апрель. – С. 769–774.
7. Рождественская катастрофа // Петербургский листок. – 1911. – № 352. – 23 декабря. – С. 3.

8. Столкновение мотора с трамваем // Петербургский листок. – 1911. – № 10. – 11 января. – С. 5.
9. Чепель, А.И. Орды башибузуков атаковали Петербург! [Электронный ресурс]. - URL: <https://открытыйгород.рф/fan-zona/statii/ordy-bashibuzukov-atakovali-peterburg/> (дата обращения: 14.02.2023).
10. Чувардин, Г.С., Гончарова, И.В. Становление автомобильного дела и особенности эксплуатации первых автомобилей в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Мир транспорта и технологических машин. – 2020. – № 4(71). – С. 29–36.
11. Шоффер-убийца // Петербургский листок. – 1910. – № 309. – 10 ноября. – С. 2.
12. Шутов, И.Н. К вопросу развития трамвайного движения в России // Транспортное планирование и моделирование. Сборник трудов V Международной научно-практической онлайн-конференции / Российский университет транспорта. – Москва, 2020. – С. 175–181.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ПРИРОДА ПРОТИВ БИЗНЕСА: ПУТИЛОВСКАЯ ПЛИТА КАК СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассказывается о путиловском известняке («путиловской плите»), который был важным строительным материалом в Санкт-Петербурге конца XIX – начала XX века. Анализируется значение этого строительного материала в домостроении Санкт-Петербурга. Приводятся сведения о специфике добычи путиловской плиты. Рассказывается о способах доставки путиловской плиты на строительный рынок Санкт-Петербурга. Анализируются проблемы, которые возникали в случае перебоев в поставках этого строительного материала на стройплощадки российской столицы.

Ключевые слова: архитектура Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века, строительный рынок дореволюционного Санкт-Петербурга, поставки строительных материалов, путиловская плита.

NATURE VS. BUSINESS: PUTILOVSKAYA PLATE AS A BUILDING MATERIAL IN THE ST. PETERSBURG OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Summary: The article it tells about putilov limestone («putilov plate»), which was an important building material in the St. Petersburg in the late XIX – early XX century. The significance of this building material in the housing construction of the St. Petersburg is analyzed. The information about the specifics of the extraction of the putilov plate is given. It tells about the methods of delivery of the putilov plate to the construction market of the St. Petersburg. The problems that arose in the event of interruptions in the supply of this building material to the construction sites of the Russian capital are analyzed.

Keywords: architecture of the St. Petersburg of the late XIX – early XX century, the construction market of pre-revolutionary St. Petersburg, supplies of building materials, putilovskaya plate.

Без путиловского известняка, который именовали также «путиловской плитой», не могла обойтись ни одна стройплощадка Санкт-Петербурга периода «строительного бума» конца XIX – начала XX века [4]. Этот известняк легко поддаётся обработке и обладает достаточной прочностью, что и обуславливает его ценность. Из путиловской плиты делали фундаменты, ею отделявали цоколи зданий, из неё вырезали лестничные ступени и подоконники, такими плитами выкладывали полы. Путиловскую плиту активно применяли в

петербургском строительстве с самых первых дней существования города на Неве. К примеру, путиловский известняк использован в цоколе Летнего дворца Петра I в Летнем саду, применён он в Меншиковском и Строгановском дворцах [7, с. 255], им выложен пол Петропавловского собора [1, с. 125].

Название материала произошло от села Путилово, находящегося на южном берегу Ладожского озера и во времена существования Российской империи входившего в состав Путиловской волости Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Ежегодно свыше 1300 местных крестьян занималось ломкой путиловской плиты. Для них заготовка плиты являлась фактически единственным источником средств существования, ибо земельные наделы не могли обеспечить их пропитанием. Добыча известняка требовала значительных физических усилий, в качестве орудий труда использовались кирки, ломы, железные клинья и стойки, молоты весом 32 кг («кулаки»), клевцы (большие свёрла) и шлифовальные камни. В работах по добыче плиты наряду с мужчинами принимали участие и женщины, возившие тачки с материалом, а также подростки, работавшие погонщиками лошадей при вывозе этого строительного камня. На месте добычи производилась первоначальная грубая обработка путиловской плиты. Затем крестьяне по зимнему пути вывозили этот строительный материал к Новоладожскому каналу, по которому плита доставлялась в Санкт-Петербург [5, с. 195–196]. В российской столице этот материал оказывался в распоряжении артелей каменщиков, которые уже изготавливали конечный продукт – плиты для фундамента, панели для отделки цоколя, ступени лестниц [3, с. 135–136].

Новоладожский канал был введён в эксплуатацию в 1866 году, и строился он потому, что со временем обмелел порытый ещё при Петре I Староладожский канал. Несмотря на наличие нового пути, поставщики путиловской плиты традиционно эксплуатировали и прежнюю трассу. Это было разумным ходом, потому что ещё в 1820-е годы в Шлиссельбурге была создана современная для того времени система шлюзов, и Петровский канал функционировал без особых проблем.

Однако 20 августа 1897 года случился транспортный коллапс, который привёл к большим волнениям на рынке путиловской плиты в Санкт-Петербурге. В этот день. Внезапно произошло полное обмеление Староладожского канала, что привело к прекращению доставки плиты в российскую столицу [2, с. 2].

Поставщики путиловской плиты и владельцы транспортных судов, доставлявших этот строительный материал в Санкт-Петербург, сначала испытали шок, затем ударились почти что в панику. Снижение допустимой осадки судов почти что в четыре раза нанесло сокрушительный удар по всем участникам цепочки, по которой путиловский известняк попадал на стройплощадки города на Неве. На берегах Староладожского канала образовались «Вавилонские башни» из готовой к отправке плиты, а новая всё поступала. Было подсчитано, что товара накопилось на 300 тысяч рублей –

значительная по тем временам сумма. Что делать? Некоторые торговцы плитой проявили упорство и попытались и в сложившихся условиях продолжить поставку ценного строительного материала. Нагруженные плитой суда обычно перемещались по каналу посредством конной тяги. Лошади исполняли роль бурлаков и тянули водный транспорт по бечевнику – сухопутной трассе, идущей вдоль берега. Однако эта затея оказалась хоть и осуществимой, но экономически совершенно нецелесообразной. Плиты можно было нагрузить в четыре раза меньше, чем обычно, а весь путь по обмелевшему каналу занимал три недели вместо обычных четырёх дней. В итоге конечная цена кубометра путиловской плиты возросла с обычных 40 рублей до 60 – на 50 %.

Некоторые купцы-поставщики решили спешно перевезти товар посуху на Новолодожский канал (канал императора Александра II), проходивший параллельно обмелевшему Старолодожскому. Однако эта затея не увенчалась успехом. Все берега Новолодожского канала оказались уставлены складами и завалены различными грузами, и места для погрузки путиловской плиты на суда там попросту не нашлось [2, с. 3].

Тем временем на берегах Невы разворачивался свой акт этой драмы. В Санкт-Петербурге невозможно было добыть необходимого количества путиловской плиты даже по возросшим ценам. В результате многие столичные подрядчики, связанные условиями контрактов, оказались на грани разорения. Столичная пресса рисовала безрадостные картины паники в этой среде, когда поставщики плиты чуть ли не со слезами на глазах объезжали дворы своих коллег, умоляя отпустить хоть кубик дефицитного стройматериала по любой цене. Ведь потребителям путиловской плиты не было дела до причин перебоев. Они мало что требовали неустойки с «неисправного» поставщика, так ещё и навсегда могли занести его в «чёрный список».

Власти делали всё возможное, чтобы как можно скорее выйти из затянувшегося «плиточного кризиса». Министерство путей сообщения спешно изыскивало возможности для оперативного поднятия уровня воды в канале. Для этой цели была применена «водокачальная машина», которая целую неделю работала на износ. Как это ни печально, но эти меры не помогли, уровень воды так и не удалось поднять на необходимую отметку.

Все искали виновного, однако эксперты уверяли, что заранее предугадать столь катастрофическое обмеление вряд ли было возможно. Журналисты опросили местных жителей, и те поведали, что даже здешние старожилы не припомнят такого масштабного обмеления канала. В итоге совокупные убытки всех, кто был задействован в поставках путиловской плиты на строительный рынок Санкт-Петербурга, составили сотни тысяч рублей – огромную по тем временам сумму [2, с. 3].

В поисках причин такой аномалии сразу же были отмечены природные факторы. Местные жители заметили, что обычно при обмелении, связанном с естественными причинами, убывала вода и в здешних колодцах, а в этом случае колодцы не обмелели. В качестве причины стали называть неудачную

конструкцию шлюзов. Зимой, предшествовавшей обмелению канала, шлюзы в Шлиссельбурге были заменены на новые, которые, по общему мнению, и дали сбой в этот раз. Как бы то ни было, это катастрофическое обмеление стимулировало к принятию мер по приведению Староладожского канала в порядок [2, с. 3].

В заключение необходимо отметить, что транспортное значение обоих каналов – Староладожского и Новолодожского – значительно снизилось в 1905 году, когда в строй вступила железная дорога, связавшая Петербург с Череповцом и Вологдой. Однако судоходство по Староладожскому каналу полностью прекратилось лишь к середине XX века. А в 1962 году «Волго-Балт» окончательно снял Староладожский канал с баланса. Ныне эта искусственная водная трасса обладает исторической ценностью как объект культурного наследия. 1 марта 2017 года в реестр памятников федерального значения был включён «Комплекс сооружений Староладожского канала в селе Дубно». А путиловская плита продолжает добываться и ныне, и в наши дни она используется в строительном деле [6].

Список литературы:

1. Антонова, В.В., Ерина, А.П. Опыт реставрации и реконструкции половых покрытий памятников архитектуры // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 29 (41). – С. 125–127.
2. И. Бл-в. Неожиданный кризис // Петербургский листок. – 1897. – № 257. – 19 сентября. – С. 2–3.
3. Лурье, Л.Я. Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX – начала XX века. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 370 с.
4. Незаменимый природный камень. 310 лет Путиловскому карьере // Вестник «Зодчий. 21 век». – 2022. – № 1(82). – С. 48–51.
5. Никулин, В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 416 с.
6. Путиловский камень в метро // Вестник «Зодчий. 21 век». – 2021. – № 1(78). – С. 60–61.
7. Тихова, Е.А. Плитчатый известняк в зданиях Петербурга XVIII века: виды камня и способы их применения // Опыт сохранения культурного наследия: проблемы реставрации камня. Сборник материалов международной научно-практической конференции. ГМЗ «Петергоф», 17–19 сентября 2014 г. / под науч. ред. Л.В. Никифоровой. - СПб., 2014. – С. 254–257.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ХРАНИТ ПАМЯТЬ ОБ ИМПЕРАТРИЦЕ: К 340-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Аннотация: В статье рассказывается о тех местах в современном Санкт-Петербурге, которые хранят память об императрице Анне Иоанновне. Анализируются градостроительные проекты периода правления этой государыни. Рассказывается о создании скульптурного памятника Анне Иоанновне. Изучается проект установки этого памятника на площади перед Зимним дворцом. Анализируется архитектура зданий, построенных в стиле «аннинского барокко». Рассказывается о топонимах, которые были связаны с именем Анны Иоанновны.

Ключевые слова: императрица Анна Иоанновна, Санкт-Петербург первой половины XVIII века, «аннинское барокко», русская скульптура первой половины XVIII века.

THE ST. PETERSBURG KEEPS THE MEMORY OF THE EMPRESS: TO THE 340TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE ANNA IOANNOVNA

Summary: The article tells about those places in the modern St. Petersburg that preserve the memory of the Empress Anna Ioannovna. The city-planning projects of the reign of this sovereign are analyzed. It tells about the creation of a sculptural monument to Anna Ioannovna. The project of installing this monument on the square in front of the Winter Palace is being studied. The architecture of buildings built in the style of «Anninsky Baroque» is analyzed. It tells about toponyms that were associated with the name of Anna Ioannovna.

Keywords: the Empress Anna Ioannovna, the St. Petersburg of the first half of the XVIII century, «Anninsky Baroque», Russian sculpture of the first half of the XVIII century.

Император-юноша Пётр II, предшественник императрицы Анны Иоанновны на троне, покинул Санкт-Петербург ради Москвы. Внезапная смерть молодого государя отдала престол Анне, которая вернула столичные функции городу на Неве, возвратившись сюда в 1732 году. Анна Иоанновна и её окружение сумели возродить поступательное развитие Санкт-Петербурга в тех традициях, которые были заложены основателем города, Петром I [6, с. 174]. Именно в годы её правления осуществился последовательный переход к каменному строению, что способствовало уменьшению вероятности пожаров. При ней были задуманы, начаты и/или осуществлены многие градостроительные решения, которые существуют по сей день [1, с. 6].

Уже само это возвращение двора в «Северный петровский парадиз» оставило в городе на Неве след, который сохраняется и поныне. Для отдыха императрицы Анны Иоанновны на стене Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, на Нарышкином бастионе, был сооружён павильон, который называют Флагшточным. Совсем не случайно этот павильон был выстроен именно на этой стене крепости. Ведь с Нарышкина бастиона открывается великолепная панорама парадного Санкт-Петербурга, вид на главную невскую акваторию. Идею создания павильона внёс в Канцелярию от строений генерал-фельдцейхмейстер Б.-Х. Миних, он же составил проект этого небольшого здания. Ещё до приезда в Санкт-Петербург императрица Анна Иоанновна наделила Б.-Х. Миниха широкими полномочиями как по руководству городом, так и по его архитектурному наполнению, развитию [2, с. 38].

Идея была признана разумной и своевременной, и была воплощена в жизнь «в немедленном времени» [7, с. 216]. Императрице понравился, что называется, «открыточный вид», открывающийся из этого павильона, она полюбила наслаждаться этой панорамой и, думается, выпила в стенах этого бельведера не одну чашечку кофе. Проект первоначального павильона не сохранился, однако предполагают, что это была бревенчатая постройка в форме восьмерика, обшитая досками и выкрашенная белилами. Все восемь граней павильона были прорезаны большими застеклёнными проёмами – что и требовалось для создания максимально выигрышного обзора невских панорам [7, с. 219]. Шли века, но павильон, изначально задуманный как временный, возобновлялся в иных материалах, он сохраняется и поныне.

На вершине павильонного флагштока, украшенного императорским вензелем, с середины XVIII века развевался так называемый «вседневный» флаг. Именно его мы видим и сегодня – это крест Андреевский на красном поле с белой окантовкой. В соответствии с Военно-морским уставом, составленным ещё при Петре I, любой русский военный корабль на стоянке считается морской крепостью, и, становясь на якорь, должен был поднимать такой флаг. Флаг на Флагшточном павильоне поднимали рано утром, с восходом солнца, а с закатом спускали. В те дни, когда Петропавловская крепость посещалась Высочайшими особами, флаг заменяли императорским штандартом, на жёлтом фоне которого изображён чёрный двуглавый орёл, держащий в лапах и клювах карты морей, подвластных Российской империи.

Годы правления императрицы Анны Иоанновны оставили в Санкт-Петербурге и более заметный и весомый след, чем эффектный, но небольшой Флагшточный павильон. При Анне были выстроены два храма, которые, вне всякого сомнения, являются жемчужинами архитектуры того времени. Они принадлежат к стилю «аннинского барокко» и украшены несколько богаче, чем здания предшествующего «петровского барокко». Эти два храма аннинского времени – Пантелеймоновская церковь и церковь Симеона и Анны [3, с. 55–56].

Пантелеймоновская церковь, официально название которой – храм Святого великомученика и целителя Пантелеймона, находится на пересечении улицы Пестеля и Соляного переулка (современный адрес: ул. Пестеля, 2-а). Этот храм посвящён святому, в день поминовения которого (27 июля по старому стилю) произошло сразу два знаменательных для петровской России морских сражения. В 1714 году состоялась битва у мыса Гангут, в 1720 – сражение у острова Гренгам. В ходе этих сражений молодой российский флот сумел нанести поражение противнику и отвоевал у Швеции господство в акватории Балтийского моря. Ещё в годы правления Петра I здесь было построено мазанковое здание, а в 1735–1739 годах, в правление его племянницы императрицы Анны Иоанновны, возвели существующий ныне каменный храм по проекту И.К. Коробова. Церковь эта построена «кораблём»; колокольня, собственно храм и соединяющая их трапезная как бы нанизаны на одну ось. Колокольня увенчана излюбленным в петровском зодчестве шпилем, а крупный гранёный купол храма покоится на основательном восьмигранном барабане. Фасады Пантелеймоновской церкви выдержаны в традициях «аннинского барокко». Этот стиль несколько более наряден, богат, чем «петровское барокко», однако тоже достаточно сдержан. На фоне выкрашенных в кирпично-красный цвет стен храма контрастно выделяются белоснежные лепные детали – пилястры, наличники, обводы фронтонов. Определённые переделки церковного здания проводились спустя почти полвека после завершения его строительства, а в 1835 году архитектор В.И. Беретти реконструировал храм, оформив интерьеры в духе господствовавшего тогда классицизма. При этом было проявлено уважение к работе предшественников и к исторической памяти, поэтому фасады церкви сохранили прежний облик. Через несколько лет после интерьерной реконструкции середины 1830-х годов всё же подвергся изменениям и фасад, однако это вмешательство не было радикальным. На фасаде установили барельефы, изображающие Св. Пантелеймона и Св. Екатерину. Барельефы были созданы скульптором А.В. Логановским [3, с. 56].

Другой храм времён Анны Иоанновны, храм Симеония и Анны, был построен по велению императрицы в 1730–1734 годах (архитектор М.Г. Земцов при участии И.Я. Бланка). Прежде на этом месте находилась деревянная церковь во имя Архангела Михаила, которая к тому времени обветшала. От названия каменной церкви аннинских времён происходят и прежние наименования здешних улицы Белинского и моста Белинского: ранее они назывались Симеоновскими. 27 января 1734 года состоялось торжественное освящение новой трёхпрдельной каменной церкви Симеония и Анны с 47-метровой колокольней. Шпиль колокольни был сооружён голландским мастером Германом ван Болесом. Основной объём храма завершён высоким световым барабаном, увенчанным гранёным куполом сложного рисунка. Четырёхъярусный резной иконостас по рисунку архитектора исполнил резчик Конрад Ган, лепку выполнил Игнатий Росси, образа написали художники

Андрей Матвеев и Василий Василевский при участии Василия Ерошевского, Александра Захарова и А.М. Пospelова, работавших в придворной конторе.

Помимо Флагшточного павильона на бастионе Петропавловской крепости и храмов, память об императрице Анне сохранилась в знаковой постройке нашего города – Зимнем дворце и памятнике государыне. Если Зимний дворец был позже (при императрице Елизавете Петровне) перестроен, то бронзовый памятник сохранился в прежнем виде. Другое дело, он не занял в городе того заметного места, которое ему отводилось первоначально.

История создания этого памятника такова. Едва императрица Анна Иоанновна вернулась в 1732 году в Санкт-Петербург, забытый её предшественником Петром II, архитектор Ф.-Б. Растрелли начал строительство «Зимнего каменного дома» для государыни, а скульптор Б.-К. Растрелли, отец архитектора, получил распоряжение начать работу над скульптурным «портретом» Анны Иоанновны [4, с. 72–76]. В своих «Путевых заметках о России» шведский ученый К.-Р. Берк, побывавший в Санкт-Петербурге как раз в период правления Анны Иоанновны, делился с читателями планами российских властей относительно монумента, над которым тогда трудился скульптор: «Площадь к югу от дворца [имеется в виду нынешняя Дворцовая площадь] будет обнесена колоннадой, а в её центре установят бронзовую статую Анны Иоанновны» [4, с. 111].

В январе 1733 года Б.-К. Растрелли затребовал «для формирования статуи Ея императорского величества персоны большой» более 16 тонн алебастра, а к 1735 году уже была изготовлена восковая модель. Ничто не мешало приступить к отливке, и для этого было выделено более 7,5 тонн меди и 250 килограммов олова. Работа предстояла ответственная, и в помощь скульптору командировали различных специалистов: «скульптурного дела мастеров», двух Андреев – Селиванова и Хрептикова, «артиллерийского ведомства пушечного дела ученика» Петра Уксусникова, печника Михаила Самсонова, других умельцев. Эти мастера обосновались на Литейном дворе и приступили к работе [4, с. 73].

Оказалось, что часть выделенной для работы меди «к отливанию помянутого портрета негодна», потому что плохо плавится и к тому же предательски крошится. Учитывая политическую значимость задания, проблему решили оперативно, изыскали безупречную шведскую медь, и работа продолжилась.

Пока искали пригодный для отливки материал, у Б.-К. Растрелли забрали некоторых учеников-литейщиков. Скульптору пришлось проявить изрядную настойчивость, чтобы вернуть их в дело. В апреле 1738 года Б.-К. Растрелли жёстко затребовал отозванных мастеров, объясняя при этом, что скульптурный портрет необходимо отливать безотлагательно. Если же затребованных опытных мастеров к сроку в его распоряжении не окажется, то отливка грозит быть испорчена [4, с. 73].

В итоге результат был достигнут. В феврале 1740 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что Б.-К. Растрелли завершил статую, сделанную «с великим прилежанием и отменным художеством», эту скульптуру в недалёком будущем можно будет установить на предназначенное ей место перед Зимним дворцом. Однако императрице Анне Иоанновне не пришлось насладиться своим «портретом» на площади перед дворцом. Получилось так, что окончательные работы по расчистке отлива и чеканке деталей и узоров финишировали в ноябре 1740 года, через месяц после смерти государыни. После ряда дворцовых переворотов на троне утвердилась Елизавета, дочь Петра I, и скульптурный портрет прежней императрицы убрали подальше от взоров «Дщери Петровой».

Однако бронзовой Анне, можно сказать, повезло. Скульптура не была переплавлена, она благополучно дожила до наших дней. Ныне мы можем оценить работу скульптора Б.-К. Растрелли, посетив Русский музей. «Анна Иоанновна с арапчонком» является редчайшим образцом парадного скульптурного портрета. Более чем двухметровая бронзовая фигура государыни держит в правой руке скипетр. Строгий взгляд монархини устремлён вдаль. Скульптура пронизана внутренней динамикой, она, можно сказать, напоминает застывший кадр киноленты. Анна Иоанновна будто замерла на миг, чтобы принять из рук слуги-арапчонка державу... «Портрет с арапчонком» был популярен в искусстве XVIII века [5, с. 101], однако ранее это были живописные полотна, Б.-К. Растрелли впервые создал скульптуру такого рода.

Портретное сходство скульптуры с оригиналом не вызывает сомнения. Сохранилось достаточно живописных портретов императрицы Анны Иоанновны, изображали её и на гравюрах, её профили чеканили на монетах. В конце концов, существуют описания современников, которые лично лицезрели государыню, а потом оставили её словесный портрет.

В заключение отметим, что так и не вышедшая на площадь, бронзовая Анна Иоанновна вынуждена была однажды спуститься под землю. Во время Великой Отечественной войны статуя была бережно укрыта в котловане, вырытом перед садовым фасадом Михайловского дворца, где находится Русский музей. В 1945 году бронзовая императрица покинула это убежище и вновь вернулась под музейные своды, где благополучно пребывает и поныне.

Список литературы:

1. Головина, С.Г. Развитие архитектурно-конструктивной системы зданий Санкт-Петербурга в эпоху правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) // Вестник гражданских инженеров. – 2021. – № 5(88). – С. 5–11.
2. Клименко, С.В. Градостроительное преобразование Санкт-Петербурга в 1730-х годах и роль в нём военного инженера Б.Х. фон Миниха // Наука, образование и экспериментальное проектирование: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Московский архитектурный институт (государственная академия), 2015. – С. 37–41.

3. Лисовский, В.Г. Архитектура Петербурга: три века истории. - СПб.: Славия, 2004. – 415 с.
4. Малиновский, К.В. Бартоломео и Франческо Растрелли. - СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2017. – 272 с.
5. Никифорова, Л., Блохина, Е. Портрет с арапчонком в русском искусстве XVIII века: культурный трансфер знаков // Искусствознание. – 2019. – № 3. – С. 100–135.
6. Семенцов, С.В. Градостроительная деятельность Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге: необходимость ликвидации последствий пожаров и развитие наследия Петра Великого. 1736–1740 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – Серия 15: Искусствоведение. – 2014. – № 1. – С. 173–195.
7. Трубинов, Ю.В. Флагшточная башня // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 6. - СПб., 1998. – С. 215–244.

Чжао Хунвэй (Китайская Народная Республика)

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Костюк Руслан Васильевич

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, «РАЗРЯДКА» И ДЕЙСТВИЯ СССР В 1970-Е ГОДЫ

Аннотация: В 1970-е годы гегемония между США и СССР вышла на новый этап, в этот период Советский Союз активно проводил дипломатическую стратегию разрядки. Предложение стратегии разрядки Советского Союза неотделимо от внутреннего экономического развития, политической стабильности и изменения международной обстановки. В статье анализируется осуществление Советским Союзом внешней политики «разрядки» в 1970-е годы, а также экономические, политические и военные действия, предпринятые Советским Союзом. Выявление и обобщение сути внешней политики «разрядки» заключается в том, что Советский Союз стремится найти способ борьбы и противостояния Западу, который гарантирует, что он не будет применять силу или прямо использовать военную силу для вмешательства, но и достигнет своей цели. В результате в 1970-х годах международный престиж и влияние Советского Союза значительно возросли.

Ключевые слова: разрядка, политика, действие, СССР.

FOREIGN OF “DETENTE” AND ACTIONS OF THE USSR IN THE 1970 S

Summary: In the 1970s, hegemony between the US and the USSR reached a new stage, during this period the Soviet Union actively pursued a diplomatic strategy of detente. The proposal of a strategy for detente by the Soviet Union is inseparable from domestic economic development, political stability and changes in the international situation. The article analyzes the implementation of the foreign policy of "detente" by the Soviet Union in the 1970s, as well as the economic, political and military actions taken by the Soviet Union. Identification and generalization of the essence of the foreign policy of "detente" lies in the fact that the Soviet Union seeks to find a way to fight and confront the West, which guarantees that it will not use force or directly use military force to interfere, but will achieve its goal. As a result, the international prestige and influence of the Soviet Union increased significantly in the 1970s.

Keywords: detente, politics, action, USSR.

Советский Союз был страной, образовавшейся после Октябрьской революции. С момента своего создания она пережила множество трудностей, особенно советско-германскую войну, которая нанесла сильный вред Советскому Союзу. Но после Второй мировой войны Советский Союз смог

быстро подняться и стать страной, способной конкурировать с Соединенными Штатами за гегемонию, что связано с советской системой и десятилетней внешней политикой «разрядки» Советского Союза.

Во время пребывания Н. С. Хрущева у власти Советский Союз и страны Запада демонстрировали признаки смягчения политики по отношению друг к другу. После кубинского ракетного кризиса Н. С. Хрущев также понял, что Советский Союз не может противостоять Соединенным Штатам, поэтому лучше было бы облегчить отношения с ними. После прихода к власти в 1964 году Л. И. Брежнева он также выступал за смягчение отношений с Западом. В 1971 году XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза для определения «программы мира». Основной внешней политикой Советского Союза была «разрядка» [2]. «Разрядка» направлена на достижение трех основных целей: укрепление своего влияния в социалистическом содружестве, объединение мировой социалистической системы, недопущение отрыва какой-либо страны от социалистической системы; улучшение отношений с западными развитыми странами, в основном с США, Западной Германией, Францией, обеспечить мирное сосуществование с ними, расширить сферу влияния в «третьем мире» и укрепить военно-техническое и экономическое сотрудничество с развивающимися странами. В результате Советский Союз начал свою внешнюю экспансию под руководством своей «разрядки» во внешнеполитической области

После прихода к власти Л. И. Брежнева он провел реформу отечественной экономики и внедрил «новую экономическую систему», укрепившую экономическую мощь Советского Союза. В конце 1960-х и начале 1970-х годов произошли серьезные изменения в силе Советского Союза и Соединенных Штатов, и разрыв в экономических показателях продолжал сокращаться [7, с. 152]. Чтобы защитить свои интересы и продолжать развивать собственную экономику, Советский Союз активно продвигал дипломатическую стратегию разрядки с США, Западной Европой и другими странами, облегчал отношения с западными странами, поглощал большое количество средств и технологий для развития отечественной экономики. Благодаря этому всего лишь за одно десятилетие СССР сумел увеличить экспорт в страны с твердой валютой в 10 раз (с 2,4 млрд долл. в 1970 г. до 23,6 млрд долл. в 1980 г.) [1, с. 336]. Кроме того, Советский Союз получил большое количество запатентованных технологий из западных стран, более 900 патентов. И получил более 30 миллиардов долларов США в виде кредитов и 180 миллионов тонн зерна. Согласно официальной советской статистике, в 1950 году национальный доход Советского Союза составлял лишь 31% от дохода США, а в 1975 году вырос до 67%. Промышленное производство выросло с 30% до более чем 80%, а сельскохозяйственное производство выросло с 55% до 85% [10, с. 22].

Военный бюджет Советского Союза возрастал в 1965—1977 годах ежегодно не менее чем на 4,5%, составляя примерно 11%—13% валового национального продукта. В 1967 году у Советского Союза было 570

межконтинентальных баллистических ракет, а у США — 1054. В 1979 году США сохранили это количество ракет неизменным, а Советский Союз увеличил их число до 1409 [6, с. 252]. Видно, что военная мощь Советского Союза быстро возрастала. В то время обычные вооружения были сильнее, чем у Соединенных Штатов, а его стратегические ядерные силы были равны силам Соединенных Штатов, даже превзошли Соединенные Штаты по количеству ядерных боеголовок [11, с. 93]. Сокращается и разрыв с США в военно-морской и воздушной мощи. Преимущество военного строительства Советского Союза заключается в советской системе того времени, Советский Союз мог использовать мощь всей страны для развития вооруженных сил, и народ также поддерживал это. С другой стороны, у Советского Союза было много энергии, и в рамках стратегии «разрядки» он имел частые торговые обмены с Соединенными Штатами и Западом, экспортировал энергию для получения высоких прибылей и инвестировал в военную технику для реализации модернизация и развитие военной техники. Вообще говоря, в ходе стратегии разрядки Советского Союза с помощью западного капитала и технологий экономическая и военная мощь Советского Союза была значительно увеличена.

Внешняя политика «разрядки» Советского Союза является всесторонней дипломатической стратегией. В рамках стратегии разрядки Советский Союз подписал с США 29 мая 1972 г. «Декларацию об основных принципах советско-американских отношений», страны выпустили совместное коммюнике [12, с. 178-190]. Советский Союз широко освещал визит Президента США Р. Никсона в Советский Союз. Визит Р. Никсона отметил, что Соединенные Штаты признали статус Советского Союза как одной из двух сверхдержав в мире и согласились принять «разрядку» в качестве руководящего принципа отношений между двумя странами. В то же время, Советский Союз также активно улучшал свои отношения с Западной Европой, шел на уступки в вопросе о Федеративная Республика Германии (именуемая в дальнейшем ФРГ), достиг четырехстороннего Берлинского соглашения с США, Великобританией и Францией, в это время был подписан базовый договор об отношениях между двумя Германиями и осуществлена нормализация отношений между ФРГ и Восточной Европой. В 1975 году Советский Союз выдвинул «Европейскую систему коллективной безопасности» [9], утверждающую принцип неизменности европейских территориальных границ после войны, что сильно изменило впечатление о Советском Союзе среди западноевропейских стран.

В 1970-х годах стратегия разрядки Советского Союза дала большие результаты, получив равный статус с Соединенными Штатами, а также значительно улучшился международный статус и национальная мощь Советского Союза. Под прикрытием стратегии разрядки Советский Союз активно продвигал наступательную стратегию и участвовал в конфликтах в третьем мире с целью поставить под угрозу мировую гегемонию США и расширить свои позиции и влияние в третьем мире [4, с. 212-230].

В 1975 году, когда в Анголе вспыхнула гражданская война,

революционное движение МПЛА обратилось за помощью к Советскому Союзу. Так уж вышло, что Советский Союз тоже намеревался в это время поддержать социалистическую страну в Африке, но почему-то Советский Союз не ввел войска напрямую, а объединил силы с Кубой, которая в то время активно экспортировала революции за границу, Советский Союз увеличил свою помощь Кубе деньгами и оборудованием и вместе с Кубой в поддержку МПЛА (МПЛА то есть Народно-освободительное движение Анголы во главе с Агостиньо Нэ Ту) [3]. В 1978 году с помощью Советского Союза Вьетнам вторгся и оккупировал Камбоджу, подверг остракизму Китай и продолжал создавать трения на китайско-вьетнамской границе. В начале основания Республики Афганистан в 1973 году Советский Союз в значительной степени финансировал Народно-Демократическую партию Афганистана. Одновременно Советский Союз увидел превосходство Афганистана в географическом плане, ведь через него можно было контролировать Индийский океан с юга, контролировать нефтедобывающие районы Ближнего Востока с запада и угрожать Китаю с востока [8]. Однако, политическая ситуация в Афганистане была нестабильной, особенно после прихода к власти в сентябре 1979 года Хафизоллы Амина, который намеревался проводить политику избавления от советского контроля. Советский Союз был обеспокоен тем, что потеряет контроль над Афганистаном, поэтому 27 декабря 1979 года вторгся в Афганистан. Обладая превосходящими силами и передовым вооружением и техникой, СССР быстро занял крупные города, транспортные узлы и приграничные районы Афганистана [5].

В 1970-х годах «разрядка» Советского Союза во внешней политике заключалась в том, чтобы воспользоваться благоприятной возможностью экономического, политического и военного смягчения отношений с западными странами, стремиться к всестороннему развитию своей национальной мощи. И искать возможности для полной реализации глобальной стратегии Советского Союза с его сильной военной мощью. Объективно говоря, стратегия "разрядки" хотя и не смогла коренным образом изменить модель биполярного противостояния "холодной войны", но облегчила состояние конфронтации между Востоком и Западом, уменьшила опасность войны, поэтому она носила прогрессивное историческое значение и оказала глубокое влияние на дальнейшее развитие мировой истории.

Список литературы:

1. Бокарёв, Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-1980-е годы. – М.: Наука, 2007. – 381 с.
2. Внешняя политика СССР в 60-70-80 гг. Политика разрядки. 26.07.2019. [Электронный ресурс]. – URL: [https:// www.grandars.ru/ shkola/istoriya-rossii /vneshnyaya-politika-sssr-v-70-e.html](https://www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/vneshnyaya-politika-sssr-v-70-e.html) (дата обращения: 03.02.2023).

3. Войны и военные конфликты XX века. 20.01.2000. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/sobyty/1900war/197_war.php (дата обращения: 03.02.2023).
4. Лавренов, С. Я., Попов, И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. - М.: АСТ, Астрель, 2003. – 446 с.
5. Основные проблемы внешней политики СССР в 1964—1985 годах. 12.11.2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.prostudenta.ru/article-4141.html> (дата обращения: 02.02.2023).
6. Севастьянов, М. А. Социально-экономические аспекты отечественной истории. - М.: НОУ МЭЛИ, 2009. – 321 с.
7. 代可. 浅谈七十年代苏联缓和外交战略[J]. 山东省农业管理干部学院学报, 2008, (5): 150-160. (Дэй Кэ. Говоря о дипломатической стратегии разрядки Советского Союза в 1970-е гг. // Журнал Шаньдунского колледжа управления сельским хозяйством. 2008. № 5. – С. 150 – 160.)
8. 解开苏联解体的秘密，七十年代的三场战争成功的拖垮了红色帝国？ 2022年5月19日。(Разгадать тайну распада Советского Союза и трех войн 1970-х, успешно погубивших Красную Империю? 2022 г.) [Электронный ресурс] – URL: [解开苏联解体的秘密，七十年代的三场战争成功的拖垮了红色帝国？ \(qq.com\)](http://qq.com) (дата обращения: 02.02.2023)
9. 上世纪70年代，苏联迎来“盛世”，为何说隐藏着危机？ 2021年2月9日。(В 1970-е годы в Советском Союзе наступила «эпоха процветания». Почему же было сказано, что был скрытый кризис? 2021г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://view.inews.qq.com/k/20210209A03ER900?web_channel=wap&openApp=false (дата обращения: 02.02.2023)
10. 盛昊云. 评勃列日涅夫时期的缓和外交战略[J]. 今日东欧中亚, 1996, (6) : 22-25. (Шэн Хаюнь. Комментарии к дипломатической стратегии разрядки в брежневский период // Восточная Европа и Центральная Азия сегодня. 1996. № 6. – С. 22 – 25.)
11. 王红雨. 苏联20世纪70年代外交政策的失误— 兼评入侵阿富汗事件. [J]. 江西社会科学, 2003 (6) : 94-96. (Ван Хуньюй. Ошибки внешней политики Советского Союза в 1970-е годы — комментарии о вторжении в Афганистан // Общественные науки Цзянси, 2003. № 6. – С. 92 – 94.)
12. 邢广程.
苏联高层决策70年：从列宁到戈尔巴乔夫[M]. 北京：世界知识出版社，1998 . (Син Гуанчэн. 70 лет принятия решений на высшем уровне в Советском Союзе — от Ленина до Горбачева: Пекин, издательство Мировых Знаний, 1998. – 238 с.)

Чумакова Татьяна Витаутасовна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда грант № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — нач. XX вв.»

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЦЕРКОВНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: Статья посвящена трансформации образа императора Петра I в российской церковной панегирической и церковно-исторической науке XVIII – XIX вв. В работе отмечается влияние идеи патронализма и патрократии на генезис представлений о верховной светской власти в России в допетровский период и развитие титула «Отец Отечества», который был присвоен царю Петру Алексеевичу вместе с императорским титулом, и часто использовался в панегирической литературе XVIII – XIX вв. При этом отмечается, что патронализм и связанная с ним титулатура были инструментами, необходимыми для совершения дисциплинарной революции.

Ключевые слова: образ Петра I, российское государство, дисциплинарная революция, реформы, церковный дискурс.

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE CHURCH DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Summary: The article is devoted to the transformation of the image of Emperor Peter I in the Russian church panegyric literature and church history of the XVIII – XIX centuries. The paper notes the influence of the idea of patronalism and patronage on the genesis of ideas about the supreme secular power in Russia in the pre-Petrine period and the development of the title «Pater Patrium» (Father of the Fatherland), which was assigned to Tsar Peter Alekseevich along with the imperial title, and was often used in the panegyric literature of the XVIII - XIX centuries. At the same time, it is noted that paternalism and the associated titlature were the tools necessary to carry out a disciplinary revolution.

Keywords: the image of Peter I, the Russian state, disciplinary revolution, reforms, church discourse.

В последние несколько десятилетия историография церковно-государственных отношений в Российской империи пополнилась множеством работ, посвященных проблеме отношения церкви и государства. Благодаря скрупулезным исследованиям историков был окончательно развеян давний миф о том, что церковь в империи была лишь винтиком государственной машины,

безропотной служанкой¹. Отношение церкви к деяниям императора Петра Великого в XVIII – нач. XX вв. отражает всю реальную сложность церковно-государственных отношений в Синодальный период, который некоторым кажется едва ли не временем «симфонии» церкви и власти. Идея о таких «симфонических» отношениях вполне логично следует из теоретических построений, который пронизывали культуру византийского макрорегиона, но при этом редко соответствовали реальным отношениям церкви и светской власти (за исключением тех немногих случаев, когда власть фактически оказывалась в руках князей церкви, как это было, например, в начале правления царя Михаила Федоровича, который правил совместно со своим отцом патриархом Филаретом). Но в реальности все было несколько иначе, и несогласные были, это хорошо известно по материалам следственных дел, но чаще это вплоть до второй половины XIX в. в церковном дискурсе не обсуждалось.

Церковная реформа императора Петра Первого неоднозначно была воспринята клириками, но та часть епископата, которая фактически вместе с императором занималась строительством Российской империи, внесла едва ли не основной вклад в сакрализацию его образа, а также способствовала развитию патерналистского дискурса, который оказывал существенное влияние на церковно-государственные отношения. Роль этого дискурса стала возрастать в культуре России еще в XVI в. появляясь не только в текстах (тут достаточно вспомнить послания царя Ивана Грозного), но и в визуальных образах, и прежде всего в новых для России иконографических типах Св. Троицы. Иконографический тип "Отечество" (на иконах этого типа мы видим изображение Бога Отца в виде старца «ветхого днями», восседающего на престоле, рядом с ним, иногда на коленях, восседает второе лицо – Бог Сын Иисус Христос, а над их головами в образе птицы парит Св. Дух) получает распространение в правление Ивана Грозного. Этот тип повсеместно встречается в соборах и дворцовых помещениях Московского Кремля, отделка которых производилась во времена Ивана Грозного. Он же украшает Свяжский собор Успения Пресвятой Богородицы (1561), в котором полностью сохранились фрески XVI в. Очевидно именно такой тип Троицы, выражающий идею патронализма, и даже патрократии, был близок царю. И когда дьяк Иван Висковатый выступил на церковном соборе 1553 г. против подобных изображений, он сам был обвинен в ереси². Несмотря на неоднократные попытки объявить этот образ «неканоническим», в частности, на Большом Московском Соборе, «Отечество» становится едва ли не самым часто

¹ Rogoznyy, P.G. Российская церковь имперского периода в новейших трудах отечественных историков. Историографический комментарий к статье Грегори Фриза «Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России» // Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. статей / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Rogoznyy. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге – 2019. – С. 45–54.

² Сарабянов, В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Федеральное гос. учреждение "Гос. ист.-культурный музей-заповедник "Московский Кремль" – 1999. – С. 164 – 217.

изображаемым в храмах России, особенно часто встречаясь в тех, что строились при поддержке верховной власти (хотя, возможно, это совпадение является случайным). В 1666 г. была окончена роспись Архангельского собора Московского Кремля, в центральном своде которого можно видеть «Отечество», двадцатью годами позже по царскому заказу был расписан Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме (1684). Эта традиция продолжилась и в Синодальный период. Одним из прекрасных образов «Отечества» является мозаика, созданная по эскизу В.М. Васнецова для собора Александра Невского в Варшаве. Этот кафедральный собор, освященный в 1912 году, должен был стать свидетельством мощи государственной церкви и господства Российской империи в Польше. Именно так его воспринимали и поляки, и поэтому, несмотря на несомненные выдающиеся эстетические достоинства собора и сопротивление польских православных, он был снесен как символ империи. Выше уже было сказано, что этот иконописный тип является воплощением идеи патрократии. О патрократии как характерной черте русской религиозно-философской мысли (и даже православной традиции в целом) писал в своей работе «Превращения смысла» известный славист И.П. Смирнов. Он отмечает, что «Патрократия была устойчивой чертой философии православия, поставившего во главу угла догмат об исхождении Святого Духа только от Отца»³. Смирнов еще более заостряет этот вопрос, утверждая, что патрократия, преобладавшая в православном умозрении, толкала его к фундаментализму и экспансионизму. Официальным признанием патроналистской роли государя стало принятие царем Петром Алексеевичем в 1721 году титулов императора и «Отца Отечества» (*Patria Patriae*). Титулатура «Отец Отечества» активно использовалась как в панегирической церковной литературе, посвященной Петру Великому, так и позже, этот титул упоминался в связи со всеми последующими российскими императорами, включая императора Александра II. Надо отметить, что этот титул присваивали и европейским правителям, так после смерти Козимо Медичи (1389 – 1464) он был официально прославлен как *Patria Patriae*, что вполне соответствовало литературной традиции раннего поколения гуманистов Флоренции, которые были вдохновлены республиканским патриотизмом. И помня о том, что это был титул римских императоров, они восхваляли Козимо как ученого и мудреца⁴. Столетием позже в английской панегирической литературе эпитет «*Patria Patriae*» присваивается королю Англии Якову Первому (1566 – 1625)⁵. Служение такому государю представлялась не только как акт гражданского послушания, сколько проявление христианской добродетели, поскольку он не только представляет, но и отчасти олицетворяет Бога на земле, и служащие ему

³ Смирнов, И. Превращения смысла. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. С. 121.

⁴ Brown, A. M. The Humanist Portrait of Cosimo de' Medici, *Pater Patriae* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – 1961. – Т. 24. – №. 3-4. – С. 186-221.

⁵ Marchitello, H. *Pater patriae: James I and the Imprint of Prerogative* // *Printing and Parenting in Early Modern England*. – Routledge, 2017. – С. 303-324.

через это возвышаются, а те, кто противодействуют царской власти, неизбежно воспринимаются как вероотступники.

Необходимо уточнить, что все приведенные нами примеры проявления патроналистского дискурса полностью вписываются в контекст дисциплинарной революции, которая и в России, и в Европе началась в XVI в. Ф. Горски, который первым предложил концепцию дисциплинарной революции применительно к трансформациям культуры Раннего Нового времени, писал, что формирование национальных государств в Европе раннего Нового времени (1517-1789) не было исключительно продуктом административных преобразований правителей. Это также было результатом той дисциплинарной революции, которая возникла в рамках различных религиозных движений (в Европе таким движением, по его мнению, был кальвинизм). Дисциплинарная революция происходила на трех уровнях: первый, это привитие моральной самодисциплины; второй, это поддержания коллективной дисциплины в сообществе верующих с помощью различных институциональных стратегий; в третьих, это различные реформы, влияющие на жизнь социума, целью которой является повышение народной дисциплины. Эти движения были связаны во многом с новыми политическими элитами (бюргерами), а также с монархиями, которые стремились к созданию централизованных государств. Результатом была глубокая трансформация социальной и институциональной жизни, дисциплинарная революция с далеко идущими последствиями для государственного строительства⁶. Император Петр I, опираясь на лояльное ему священство, продолжил ту дисциплинарную революцию, которая была начата его предшественниками, и предполагала полную трансформацию религиозной жизни и воспитание идеальных подданных. Основным проводником этих идей была церковь, которая официально однозначно поддерживала политику императора. Образ Петра Первого в церковной литературе XIX в. был однозначно идеальным. Можно привести множество примеров, где он предстает как «подражатель Христа», как просветитель России и конечно же «Отец Отечества» (проповеди и другие произведения Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и др.). И это при том, что, как показывают следственные дела XVIII в., мнение священства об императоре и его церковных реформах было далеко от идеала.

Тема реформ в церковной литературе в послепетровское время стала фигурой умолчания. О ней просто не говорили. Можно предположить, что церковные авторы проявляли то, что называется «ложным смирением», и ясно помнили о необходимости самоцензуры. Так законоучитель царственных особ, наиболее влиятельный церковный иерарх конца XVIII – начала XIX вв., митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин) (1737-1812) в своей работе «Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании» писал: «Какие были

⁶ Gorski, P. S. The Protestant ethic revisited: disciplinary revolution and state formation in Holland and Prussia //American Journal of Sociology. – 1993. – Т. 99. – №. 2. – С. 265-316.

причины упразднения патриаршества, оныя объяснены в духовном Регламенте, в испытание которых входит не должно»⁷, либо в лучших традициях панегиристики прославляли все деяния императора, заявляя, что и все церковные реформы были «к благу». В частности, можно указать «Историю русской Церкви» Филарета (Гумилевского) (СПб., 1848). И эта ситуация сохранялась практически до конца правления императора Николая Первого. В конце XIX столетия ситуация меняется, появляются статьи в религиозной периодике: в «Христианском чтении», и в «Православном собеседнике», а также в трудах Казанской Духовной академии, но наиболее активная полемика разворачивается в начале столетия в «Богословском вестнике». Выходит множество работ, содержащих достаточно много критики различных аспектов церковных реформ императора Петра I (работы Н. Заозерского, П. Тихомирова, Е. Голубинского, Н. Каптерева, П. Верховского и др.).

Изменение оценок петровских церковных реформ в церковной периодической печати и научных трудах, их открытая критика в церковном дискурсе конца XIX – нач. XX вв. связана не только с уменьшением цензурного гнета, но и с тем, что священнослужители и преподаватели духовных учебных заведений, стремясь к реформированию внутренней жизни церкви, желали реформировать и ее отношения с властью, и начали открыто выражать недовольство церковно-государственными отношениями в Российской империи. Церковь стала «эмансипироваться», не желая быть лишь «служанкой государства»⁸, она требовала больше свободы от светской власти, независимости, и даже возрождения патриаршества. Нежелание государства прислушаться к голосу клириков стало одной из причин того, что значительная часть епископата поддержала в 1917 г. Февральскую революцию.

Список литературы:

1. Brown, A. M. The Humanist Portrait of Cosimo de'Medici, Pater Patriae //Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – 1961. – Т. 24. – №. 3-4. – С. 186-221.
2. Freeze, G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered //The Journal of Ecclesiastical History. – 1985. – Т. 36. – №. 1. – С. 82-102.
3. Gorski, P. S. The Protestant ethic revisited: disciplinary revolution and state formation in Holland and Prussia //American Journal of Sociology. – 1993. – Т. 99. – №. 2. – С. 265-316.
4. Marchitello, H. Pater patriae: James I and the Imprint of Prerogative //Printing and Parenting in Early Modern England. – Routledge, 2017. – С. 303-324.
5. Платон (Левшин) Краткая церковная российская история. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Синодальная типография, 1805. – 352 с.

⁷ Платон (Левшин). Краткая церковная российская история. В 2-х томах. Т. 2. . – М.: Синодальная типография, 1805. – 352 с. с. 275

⁸ Freeze G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered //The Journal of Ecclesiastical History. – 1985. – Т. 36. – №. 1. – С. 82-102.

6. Рогозный, П.Г. Российская церковь имперского периода в новейших трудах отечественных историков. Историографический комментарий к статье Грегори Фриза «Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России» // Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. статей / пер. с англ. А. Глебовской, М.Долбилова; под ред. П. Рогозного. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге – 2019. – С. 45–54.
7. Сарабьянов, В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. – М.: Федеральное гос. учреждение "Гос. ист.-культурный музей-заповедник "Московский Кремль" – 1999. – С. 164 – 217.
8. Смирнов, И. Превращения смысла. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 300 с.

Шапиро Светлана Викторовна

кандидат философских наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов культурной политики советской страны в 20-е годы 20-го века. Описываются задачи формирования новых социокультурных кодов. Выделяются основные цели культурной политики для молодого государства. Среди них ликвидация безграмотности, образование, коммунистическое воспитание населения. Характеризуется противоречивость культурной жизни: идеологизированность, изоляционизм, сильная цензура совмещаются с новаторством и свободой самовыражения. Одновременно отмечается расцвет новаторских поисков в революционном искусстве (русский авангард).

Ключевые слова: культура, искусство, культурная политика, идеология, новая экономическая политика.

FORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF RUSSIA IN THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD

Summary: The article is devoted to the consideration of some aspects of the cultural policy of the Soviet country in the 20s of the 20th century. The tasks of forming new socio-cultural codes are described. The main goals of cultural policy for the young state are highlighted. Among them, the elimination of illiteracy, education, communist education of the population. The inconsistency of cultural life is characterized: ideologization, isolationism, strong censorship are combined with innovation and freedom of expression. At the same time, the flourishing of innovative searches in revolutionary art (Russian avant-garde) is noted.

Keywords: culture, art, cultural policy, ideology, new economic policy.

Культурное общественное пространство – многогранный феномен, диалектически связанный с остальными социальными подсистемами. Новые идеи, развиваемые представителями духовной сферы, стимулируют прогресс в других областях (инженерия, техника, экономика, политика, образование), а новое качество жизни общества вдохновляет мыслителей на дальнейшие поиски. Любое государство, даже самое демократическое, формирует культурную политику, поощряя одни формы духовной жизни и ограничивая проявления неодобряемых ценностей.

К приоритетному социокультурному направлению относится поддержание базовой системы ценностей общества и государственной

идеологии в интересах правящих элит. Также важна рекреационная функция искусства – обеспечение возможности отдыха и эмоционального восстановления для рядовых граждан. В разные исторические периоды эти задачи решаются различными способами. Могут использоваться экономические стимулы, а возможно применение репрессивных мер.

Советская власть революционной России сформулировала грандиозную миссию – создание нового мира и нового человека, живущего в этом обществе нового типа. Подобные амбициозные стремления требовали соответствующего мощного инструментария, включающего не только силовые методы, но, в первую очередь, воздействие на умы и души, чтобы население не только из страха, но искренне и с энтузиазмом жило по новым установлениям. Все системы массовых коммуникаций обновлялись под эту цель.

Основные ожидания возлагались на сферу культуры. Именно социокультурные коммуникации рассматривались как канал распространения новых культурных кодов и ценностей. От искусства требовалось внедрить в сознание народных масс систему революционных взглядов и безусловную лояльность к правительству и его курсу. Для этого и сами деятели культуры должны были быть абсолютно преданными властям. «Вектор культурных изменений задавался «сверху», было положено начало административному вмешательству партии в сферу духовной культуры» [4, с. 83]. Диссиденты немарксистского направления, развивающие идеи не в логике партийных требований, подвергались жесточайшей критике и остракизму, вплоть до высылки (например, акция, позже получившая название «Философский пароход») и физического устранения.

Однако, подобный репрессивный подход сложился не сразу, молодому государству потребовалось время для выработки механизмов контроля. В первое время руководству страны приходилось опираться на «старые», проверенные, ангажированные кадры, которые еще в предреволюционный период были сторонниками новой культуры и подготавливали ее (Есенин, Маяковский, Горький, А. Толстой, Татлин и другие). За время Первой мировой войны, революционных потрясений, разрухи Гражданской войны деятели искусства привыкли к свободе мысли, к «вольнице». И от «власти народа» ждали права на открытое творчество.

В периоды трансформаций жизни общества культурное пространство становится чрезвычайно разнообразным, снижается не только нормативность поведения в целом, но и в духовной сфере идет осмысление происходящих изменений при помощи новаторских художественных приемов. Во многом этот процесс идет стихийно, результаты творческих экспериментов могут быть непредсказуемыми и неожиданными для самих авторов. А руководство страны вынуждено лавировать между интересами различных групп общественности.

Необходимость стабилизации экономики молодого советского государства привела к повороту к НЭПу в финансовой жизни. Эти реформы не ограничивались только народным хозяйством. Многие формы культурной

жизни пережили настоящий расцвет. Достижения этого времени обладают яркой самобытностью, и до сих пор являются образцовыми в своих жанрах. Русский авангард в живописи, абстракционизм в живописи и скульптуре, конструктивизм в архитектуре, роспись фарфора, достижения кинематографа – общепризнанные вершины мировой культуры.

Перед руководством молодой советской страны стояло множество задач, требующих оперативного решения. В условиях дефицита квалифицированных кадров невозможно было полностью контролировать все сферы общественной и частной жизни. Часть процессов оказалась на «самоуправлении». Но этот допуск в ряды избранных, кому было позволено многое, заслуживались по не четким, не очевидным критериям. Даже абсолютная преданность официальной идеологии не гарантировали личной и творческой безопасности.

«Официальная» часть культурной жизни подвергалась строгой цензуре, удовлетворение же эстетических потребностей общественных групп, от которых зависело экономическая мощь строящегося государства, не подвергалось столь пристальному контролю. Свои позиции сохраняли великие художественные достижения дореволюционного времени (русский балет, поэзия). НЭП вводился как вынужденная временная мера для подъема народного хозяйства после тяжелейшей разрухи. В упадок пришла не только экономика, общественная атмосфера в целом нуждалась в эмоциональном подъеме.

Отказ от суровой политики «военного коммунизма» был воспринят народными массами с большим воодушевлением как душевное раскрепощение. Население искало возможность эмоциональной разрядки после крайне трудного десятилетия. Этому способствовали экономические достижения, когда после многих лет нехватки товаров первой необходимости восстанавливалась торговля, появился ассортимент продукции разного ценового диапазона, развивалась сфера услуг (пошив одежды, парикмахерские, общепит, частная торговля, частные детские сады, аптеки).

Оживление распространилось из области денежных отношений и на общее состояние населения. Трудящиеся массы переживали душевный подъем, стали интересоваться не только вопросами физического выживания, но и отвлеченными темами. Возродилась тяга к чтению, допускалась даже продажа эмигрантской и частной периодической печати. Эти годы были революционными более в социальном и культурном плане, чем в политическом. Это было время невиданной свободы слова и самовыражения. Социально-экономическая и культурная политика были относительно автономными от партийного руководства. Достижения культурной политики того периода можно охарактеризовать как демократические и гуманистические: ликвидирована безграмотность, в культурный процесс вовлечена значительная часть общества, расширено количества субъектов, участвующих в культурном созидании.

Однако магистральные тематические направления твердо обозначены. Необходимо целенаправленно внедрять основные политические и социальные идеологемы через художественные произведения. Официальное искусство проникнуто пафосом революционной романтики. Население страны еще малограмотно, общий культурный уровень достаточно низок, не все могут воспринимать новое содержание через литературу и печатное слово, поэтому особая ставка делается на «наглядность», «большие формы». Особенно востребованы масштабные, визуально воспринимаемые форматы: архитектура, скульптура, изобразительное искусство, массовые мероприятия (марши, физкультурные парады, шествия).

Кинематограф оказывается «на острие» культурной политики. Это пока еще молодой вид искусства, который только проходит период становления, разработки своих возможностей. Идеологический потенциал доступного широким массам средства массовой информации оценен властями и поставлен на службу политическим задачам («из всех искусств для нас важнейшим является кино»). Хотя кинопромышленность была передана в руки трудящихся, киностудий и кинопродукции было мало, они легко контролировались. Кинематограф стал средством коммунистического просвещения и использовался для пропаганды. «Первые советские фильмы отражали революционную борьбу масс, великие события эпохи, главным участником которых был народ» [4, с. 86].

Во времена стремительных социальных изменений было необходимо оперативно выработать и наглядно предложить образцы поведения, соответствующего изменившимся условиям жизни [3]. Советское кино было некоммерческим и предназначалось для идейного воспитания народных масс. Кино стало не развлечением, но самостоятельным серьезным искусством. Велся поиск новаторских выразительных средств для образно-художественного воплощения революционных тем, сюжетов, характеров. Для постнеклассического мировидения было характерно разрушение «объяснительных систем», организующих капиталистическое общество» [2, с. 189].

Под разные задачи развивались и различные жанры: кинохроника для информирования об актуальных событиях, агитационные фильмы для популяризации действий партии и Советской власти, научно-популярные и культурно-обучающие фильмы для народного просвещения, художественные фильмы как синтетический жанр, обслуживающий множественные потребности и властей и аудитории. Просветительские и образовательные функции искусства были особенно актуальны в обществе с низким уровнем образования и безграмотными народными массами. От деятелей литературы и искусства требовалось обеспечить духовное обогащение рабочего класса, укрепление его нравственности и коммунистических убеждений. Формулировка «инженеры человеческих душ» признавала значение искусства для общественной атмосферы.

При экранизации классики в первую очередь отбирались социально ориентированные произведения, показывавшие классовое неравенство и бесправие трудящихся в дореволюционной России («Поликушка» по Л. Толстому, «Герасим и Муму» по И. Тургеневу, «Сорока-воровка» по А. Герцену). Новые формы работы с населением позволяли властным структурам не только формировать политические предпочтения граждан, но и держать их под постоянным контролем, следуя курсом формирования «нового человека». Идеологическая составляющая в контроле за процессами в сфере искусства усиливалась. Вплоть до парадоксов, когда потом «в контексте сталинского классицизма любая необычность воспринималась как новация, которую задавил деспотизм» [1, с. 104], даже если не обладала реальными художественными достоинствами.

Когда задачи новой экономической политики были достигнуты, ее же достижения были использованы против нее. Одним из предназначений произведений искусства, созданных благодаря успехам НЭПа, было его разоблачение. Когда на смену НЭПу пришли индустриализация и коллективизация, потребовалось очернить коммерсантов, торговцев и фермеров, чтобы в дальнейшем их ликвидация представлялась морально оправданной.

Особенной противоречивостью отличались культурные связи с другими странами: изоляционизм относительно внешних влияний и горделивая демонстрация собственных культурных достижений. Рядовых граждан государства бдительно охраняли от «тлетворного» упаднического буржуазного искусства. Как автаркия в экономическом укладе, так и в культурной жизни предлагался переход на самообеспечение.

Но на международной арене отчаянно нуждавшаяся в поддержке обескровленная страна с разрушенной экономикой немного могла предложить на экспорт, поэтому успехи в сфере культуры и науки имели особую имиджевую и идеологическую нагрузку, выдающиеся деятели культуры, облеченные доверием со стороны властей, имели возможность контактировать с международным сообществом коллег.

Список литературы:

1. Иванов, М.В. Метатекст эпохи взрыва // Современные СМИ в контексте информационных технологий. Сборник трудов Первой Всероссийской научно-практической конференции. – 2015. – С. 103-108.
2. Самылов, О.В. Историческое сознание и историзм в XX веке // Россия и мир в новое и новейшее время - из прошлого в будущее. Материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции. В 4 томах / Под редакцией В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. – 2019. – С. 186-190.
3. Синельникова, Е.С. Творческая личность в культуре и социуме // Творчество в современном мире: человек, общество, технологии. Материалы

Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я.А. Пономарева. – Москва, 2020. – С. 88 – 89.

4. Тетерина, Е.А., Розенберг, Н.В. Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура) // В сборнике: Сборник статей всероссийской научно-практической конференции к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Под редакцией О.В. Милаевой, О.В. Черновой. – Прага: Издательство Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. – С. 82 – 87.

Шахисмаил Намаз оглы Исмаилов (Азербайджанская Республика)
кандидат исторических наук
Азербайджанский университет

КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Аннотация: Культура – это широкое понятие, отражающее многие сферы. В целом культура представляет собой совокупность компонентов, отражающих личность и творчество народов. Каждая нация, культура которой формируется и развивается изо дня в день, формируется в результате этих процессов. К сожалению, турецкие народы, исторически имеющие безграничную географию, прошли бурные пути истории. Однако, несмотря на все эти трудности и препятствия, великий турецкий народ не растерял своих верований, традиций, религии, государственных традиций, а главное, своего языка, он даже ценой своей крови завладел всеми этими сокровищами и передал их следующим поколениям и доверил их им. Всем нам известно из исторических источников, что, как и другие народы мира, гуннские племена тюркского происхождения сначала занимались охотой, а со временем и скотоводством. Древние племена хуннов поселились вплоть до регионов Шэньси и Ганьсу в Китае и имели обширные равнины и луга.

Ключевые слова: турецкая культура, архитектура, вязание, литература, градостроительство, театр.

CULTURAL SAMPLES OF THE TURKIC PEOPLES

Summary: Culture is a broad concept that reflects many areas. In general, culture is a set of components that reflect the personality and creativity of peoples. Each nation, whose culture is formed and develops day by day, is formed as a result of these processes. Unfortunately, the Turkish peoples, historically having a limitless geography, have gone through the turbulent paths of history. However, despite all these difficulties and obstacles, the great Turkish people did not lose their beliefs, traditions, religion, state traditions, and most importantly, their language, even at the cost of their blood, they took possession of all these treasures and passed them on to the next generations and entrusted them to them. We all know from historical sources that, like other peoples of the world, the Hunnic tribes of Turkic origin were first engaged in hunting, and eventually cattle breeding. The ancient Xiongnu tribes settled as far as the Shaanxi and Gansu regions of China and had vast plains and grasslands.

Keywords: Turkish culture, architecture, knitting, literature, urban planning, theater.

Хотя термин «цивилизация» на латыни означает «улучшение», он происходит от арабского слова «Медина» и переводится как «урбанизация».

Исторические пути, пути культуры и развития интересны всем народам мира. Не было периода или эпохи в этапах развития истории, когда бы культуры не было или она не отражала себя. Потому что культура формировалась с момента появления в истории человечества первого человеческого типа и прошла различные этапы развития до сих пор и постоянно развивается в соответствии с требованиями современной эпохи. Многие формы культуры появлялись в соответствии с этапами развития общества. К таким формам относятся художественная культура, речевая культура, политическая культура и др. принадлежит. У каждого народа и государства есть своя культура и культурные центры. Одним из древнейших очагов культуры являются тюркские земли, территории проживания тюркских народов, тюркские земли. [1]

Всем нам известно из исторических источников, что, как и другие народы мира, гуннские племена тюркского происхождения сначала занимались охотой, а со временем и скотоводством. Древние племена хуннов поселились вплоть до регионов Шэньси и Ганьсу в Китае и имели обширные равнины и луга. Позднее эти кочевые племена, осевшие в тибетских горах, жили компактно вместе с племенами в этих районах и привили и этим племенам свои культурные особенности. В китайских источниках упоминается, что первых хуннов называли хиэньюнь и хуньюй, и они считаются предками хуннских племен. Как и другие древние племена, гунны также предпочитали выращивание пшеницы и проса в земледелии. Кузнечное дело было одним из других искусств, которыми занимались гуннские племена. Добычей и обработкой железа издревле занимались ашинские жужаны, древние предки гуннов. Жужан-каган Анахуна высказал такое мнение о головах, изготовленных тюрками: «Мой железоплавильный раб». Высказанные мнения еще раз доказывают, что кузнечное дело было одним из основных занятий тюрков. В результате археологических раскопок археологи доказали, что добыча железной руды началась на Алтае с глубокой древности. Алтайские кузнецы изготавливали качественные топоры, ножи, стремена, горшки и т. д. Особенно они выделяются в производстве предметов быта. Местными племенами изготавливались и использовались не только изделия из железа, но и изделия из золота, серебра, меди и олова. Среди тюркских племен, наряду с кузнечным делом, скульптура была одной из самых распространенных профессий. Обнаружение небольших статуй на кладбище недалеко от Турфана в Китае является одним из очевидных примеров тюркской скульптуры. Однотипные фигурки из села Астара близ Турфана были обнаружены археологами в ходе археологических работ. В Сулеке также были найдены наскальные рисунки, изображающие турецкую государственность. На этих петроглифах изображены батальные сцены, в которых всадники вооружены рогатыми луками, облачены в доспехи, закрывающие все их тела, и имеют на груди круглые щиты. Все эти исторические источники, надписи на скалах, письменные источники лишней раз доказывают, что тюркские народы помимо высокой боеспособности имели

сильную армию и богатую амуницию. Все эти изображения показывают людям мира, как турецкий народ одержал победу, какие у него есть навыки, бесстрашные и смелые люди. Скотоводство было одним из основных занятий тюркских племен. У них были бесчисленные стада овец, молниеносные лошади и стада крупного рогатого скота. У каждой семьи были свои особые зимовки и пастбища, поэтому семьи переселялись на зимовки и пастбища со своими стадами и вели кочевой образ жизни. Гобу Алтай состоял из обширных равнин, где племена не селились, что создавало благоприятные условия для охоты племен. Искусные охотники тюрков часто выезжали на охоту на эти равнины и охотились на различных диких животных. С другой стороны, тюрки, занимавшиеся скотоводством и овцеводством, дали широкий толчок развитию таких профессий, как ткачество, ковроткачество, валяние шерсти среди трудолюбивых женщин тюркских племен. Ковры и шелковые изделия ручной работы, сотканные турецкими женщинами, вызвали большой интерес в сфере торговли.

Одним из древних тюркских народов являются тюрки-уйгуры. Тюрки-уйгуры, обладающие очень древней, загадочной, красочной и уникальной культурой, пришли со своими культурными образцами в Центральную Азию и оказали положительное влияние на культуру народов Средней Азии. «Дивани-лугат-ит-тюрк», «Кутадгу-билик», «Атабетул хагайык» и другие произведения, входящие в число редких жемчужин древнетюркской литературы, написаны на уйгурском языке, принадлежащем к алтайской языковой группе. Тюрки-уйгуры сначала пользовались орханским алфавитом, а позже перешли на согдийский алфавит из-за влияния религии мани, а позже, приняв ислам, переняли арабский алфавит. В 15 веке эта форма речи, называемая «джигатайским диалектом», использовалась в качестве государственного языка по всей стране во времена правления Чингисхана, его сыновей и Амира Теймура. В результате археологических раскопок, проведенных близ Турфана, было найдено множество надписей с надписями на уйгурском языке. Помимо каменных надписей, тюрки-уйгуры рисовали на шелковой ткани, холсте, сукне и дереве. Красные и синие цвета были наиболее часто используемыми цветами на этих картинах. В результате археологических раскопок были обнаружены крупные города, загадочные строения и величественные памятники, принадлежавшие тюркам-уйгурам. Туфан, Гарабаласагун, Беш-Балыг, Карашар и др. является ярким примером этих построенных городов. После принятия тюрками-уйгурами ислама широкое развитие получило театральное искусство. У уйгуров также были свои национальные музыкальные инструменты, и среди этих музыкальных инструментов самым распространенным музыкальным инструментом был гопуз. Конечно, свадьбы и праздники уйгурских тюрков невозможно было представить без гопузов. У уйгурских тюрков даже были свои праздники под названием «Гопуз байрида», где менестрели играли разную музыку на инструменте гопуз. В земледельческом секторе тюрков-уйгуров особенно развито скотоводство. Уйгуры занимались скотоводством и

овцеводством, а также верблюдоводством. Уйгуры производили бумагу задолго до европейцев и основали печатный станок. Во-первых, арабы, а через них и европейцы, научились производить бумагу и использовать ее у уйгуров. Во времена гойтюрков писали на дереве, а во времена уйгуров писали на бумаге деревянными перьями.

В Казахстане в XV-XVII веках существовал феодализм. Население вело почти кочевой образ жизни. В результате археологических раскопок стало ясно, что Сырдарьинские долины Кара-Тая издревле были ремесленными и торговыми центрами. У казахов есть свои национальные традиции, музыкальные инструменты, стиль одежды. Свадебные обычаи казахов в основном совпадают с обычаями среднеазиатских, поволжских и сибирских тюрков. По обычаю семьи, которые должны были быть родственниками, часто посещали дома друг друга и вели тайные переговоры. После этого приходил посыльный и спрашивал разрешения у известных, уважаемых и близких людей обеих семей, а затем обсуждались свадебные расходы. Согласно казахским свадебным обычаям, юноша отдает молочные деньги матери девушки, а свадебные расходы ее отцу. Казахи, как и другие тюркские народы, занимались земледелием и скотоводством, издревле верили и поклонялись небу, которое по своим религиозным воззрениям называли «тенгири». Представления казахов о чистоте и непорочности соответствовали законам шариата. И все это были основные факторы, ускорившие принятие казахами ислама. Харазм, Бухара, Самарканд и др., входящие в число крупнейших городов Средней Азии. подобные города сыграли большую роль в распространении ислама в Казахстане. Хотя ислам был ведущей религией в Казахстане в XV-XVI веках, определенная часть населения все же продолжала верить в «тенгири». Опираясь на исторические источники, можно сказать, что ювелирное, ткацкое, кузнечное ремесла были широко распространены у казахов в VI-VII веках. Ювелирным делом особенно занимались кочевые казахи. Серьги, кольца, ожерелья, декоративные пуговицы на мужской и женской одежде были одними из наиболее часто изготавливаемых ювелирами украшений. Среди продуктов питания казахи особенно отдавали предпочтение молоку и молочным продуктам. Вяленое мясо также используется населением. В зимние месяцы в основном предпочитали сушеные продукты. [2]

Хотя историки выдвинули ряд представлений об аварских племенах, наиболее распространено мнение, что предками авар были племена аба. Эти племена основали в VI веке на территории от Аральского моря до реки Дунай свои государства, существовавшие в этих районах двести лет. В результате археологических раскопок историки высказали мнение о полуоседлом образе жизни аварских племен. Найденные во многих могилах косы, оросительные каналы, давшие большой толчок развитию земледелия, наглядно доказывают, что эти племена в дальнейшем перешли к оседлому образу жизни. Расселенные в юго-западных районах Приаралья аварские племена изготавливали небольшие кувшины с широким горлышком, украшенные наклеенными узорами, саханги с

ручками, круглые кувшины. Позднее эти орнаменты были усовершенствованы на основе славянских, германских и римских орнаментов. Сначала информацию готовили вручную, а позже заготовили в медных мастерских. Во время археологических раскопок в Тольнинском районе были обнаружены медные печи. Существующее в археологической науке понятие «кестхейская культура» принадлежит аварским народам. Серебрянолитые пояса, крупные серьги в виде корзин относятся к «кешейской культуре» аварских племен. В ряде исторических источников сообщается о поклонении аварцев идолам. Пока аварских храмов не обнаружено. Но принадлежащие аварцам могилы и способы их захоронения ясно доказывают, что они верили в тот мир. Особое значение в развитии народов Северного и Южного Кавказа имели аварцы. По словам академика Алисебат Сумбатзаде, среди первых тюркоязычных племенных объединений, пришедших в Азербайджан, наряду с оногорами, огорами, булгарами, кутугурами, аварами существовали и тюркоязычные племенные объединения.

В 14-15 веках большое значение придавалось развитию культуры в Османском государстве. Султаны продвигали науку, широко преподавались турецкий язык, история, философия и литература. Султан Ильдريم Баязид писал газели, а Баязид II писал стихи под псевдонимом «Адилль», а также занимался композицией и каллиграфией. Баязид II вошел в историю как первый султан, отдавший приказ написать историю Османской империи. Ильдريم Баязид отдавал предпочтение религиозным наукам, философии и астрономии. Уже в 15 веке турецкий язык получил широкое распространение и вытеснил арабский и персидский языки. Поэты и писатели уже начали писать свои произведения на турецком языке. Период от основания Османского государства до 1478 года нашел отражение в труде османского историка XV века Ашика Пашазаде «Таварихи Али Осман». Другим историческим произведением, относящимся к XV веку, является «Таварихи ас-Салджук» Язичи оглы Али. В работе представлена обширная информация об огузских племенах и Османском государстве. В 15 веке Гюльшахри, Ашик-паша, Ходжа Масуд, Маддах Юсиф, Шейхоглу Мустафа, Ахмади, Саид Имре, Небрежный Абдал были поэтами, привлекавшими внимание своими произведениями. Произведение «Варга и Гульша», написанное Маддой Юсифом, было одним из самых действенных произведений о любви своего времени. Наряду с литературой в 14—15 вв. в Османском государстве развивалась архитектура. Мечети, медресе, гробницы, дворцы, мосты и замки были среди ряда архитектурных памятников, которые были построены больше всего в этот период. Четырехугольное двуглавое здание мавзолея было построено в Бурсе султаном Орханом в 1339 году. Привлекательный архитектурный памятник «Зеленая камера» в Бурсе был построен султаном Мухаммадом Челеби в 1420-1421 годах. В период правления Фатеха Мехмета в Стамбуле велись масштабные строительные работы. После завоевания Константинополя по его приказу был построен комплекс Фатех Каме. Комплекс состоял из медресе, столовой, библиотеки,

караван-сарая и дома прослушивания, называемого кожевенным заводом. Одним из архитектурных памятников, которому в Османском государстве придавалось особое значение, было строительство торговых домов. Одним из самых загадочных примеров таких торговых домов является Крытый базар. Крытый базар был построен во времена Фатеха Мехмеда. А в то время было более 1800 магазинов, где продавались ценные вещи. Обработка металлов, строительство, гончарное дело, ткачество, обработка кожи и ковроткачество получили дальнейшее развитие в Османской империи в 16 веке. Мощь Османской империи уже день ото дня развивалась в области культуры. [3]

Азербайджан является одним из первых поселений человеческой культуры. Наши исторические земли два миллиона лет назад имели благоприятные условия для заселения человеком. Каждому из нас с золотых страниц истории известно, что формирование местных племен на территории Азербайджана началось в IX-IV веках до нашей эры. В этот период впервые было создано государство Манна, столица которого располагалась в южном районе озера Урмия. Государство Манна положительно влияло на экономическую и политико-культурную жизнь древних племен. В целом культурное богатство, созданное народами с древнейших времен в истории человечества, отражало более содержательное содержание в успехах, достигнутых на более поздних этапах его развития. Если обратиться к истории, то можно четко разделить этапы развития азербайджанской культуры на два периода. 1. Период до ислама. 2. Принятие ислама и период после него. Когда мы обзираем доисламский период, то отчетливо наблюдаем, что особенности религиозных верований и собраний нашего народа можно найти в тех или иных каменных надписях, надгробных надписях, памятниках, обнаруженных в результате археологических раскопок, различных видах предметов быта, найденных в могилы, связанные с погребальными обычаями, и ряд фольклорных произведений отражены в его примерах. Церемония жертвоприношения, отраженная на скалах Гобустана, танец яллов, различные сцены охоты и т.д. наскальные рисунки, орхонские и енисейские надписи и образцы древней культуры, сохранившиеся в огузнамах, являются нашим незаменимым культурным наследием. С начала новой эры до VII века культура в Азербайджане прошла разные этапы развития. Крепости и ряд построек, построенных азербайджанским народом в борьбе с врагами в период Сасанидов, заложили основу архитектуры. Церкви, построенные в связи с принятием в Азербайджане христианства, не остались незатронутыми развитием архитектуры. После вторжения в нашу страну арабов государственным языком стал арабский, на нем велась учебно-воспитательная работа в учебных заведениях. Арабы широко распространяли ислам в медресе. Аль-Фараби, Бируни, Ибн Сина, Хагани, Машати, Фирдоуси и др. были в культуре азербайджанского народа в средние века. Работы таких выдающихся мыслителей, как Каждому из нас из истории ясно, что XVIII век был периодом ханств в Азербайджане. Именно в этот период географ Зейналабдин Ширвани

путешествовал по странам Востока и зафиксировал увиденное в своих географических трудах. Молла Вели Видади и Молла Панах Вагиф входят в число ценных поэтов Азербайджана XVIII века и оставили свой след в ряду великих писателей славного тюркского мира. Ханский дворец в Шеки, Шуша, крепости Аскеран и Баят в Карабахе, Шушинская мечеть и др. Они являются яркими образцами архитектурных памятников ханского периода XVIII века. В результате работы Х. Зардаби и Н. Вазирова постановка комедии М. Ф. Ахундова «Хаджи Кара» в 1873 году стала одним из важнейших событий в развитии художественной области. Через десять лет после этого спектакля Г. З. Тагиевым было построено здание театра. В 1875-1877 годах Гасан-бек Зардаби основал азербайджанскую печать, издав в Баку газету «Акинчи» на нашем родном языке. Газета «Акинчи» отражала национально-нравственные ценности и просветительские идеи. Незаменимую роль в развитии науки и образования и внесли свой вклад первая публичная библиотека, открытая Н. Наримановым, женская семинария, открытая в Баку в 1896 году меценатом Г. З. Тагиевым. Бесспорны незаменимые заслуги АДР и одного из ее ведущих руководителей М.А.Расулзаде в области культуры, науки и образования. Культурные образцы, подаренные мировому культурному наследию азербайджанским народом, обладающим славной историей и особым творческим потенциалом, безусловно, незаменимы для мировой культуры. [4]

По мере того как страницы истории сгущаются, мы вновь ясно понимаем мудрость личности Гейдара Алиева. 31 декабря 1997 года великий лидер Гейдар Алиев выразил эти мысли, поздравляя всех азербайджанцев с «Днем солидарности азербайджанцев мира»: «Азербайджанский народ – это нация, которая выделяется в мировой культуре своими особенностями. Его культурные и литературные образцы, созданные на протяжении веков, проникнуты жизнелюбием, свободой и независимостью. Великолепные памятники искусства нашего народа, такие как эпос «Китаби-Деде Горгуд» и «Кероглу», оставили неизгладимый след в истории мировой цивилизации, творчество таких корифеев, как Низами Гянджеви, Афзаледдин Хагани, Хатиб Тебризи, Мухаммад Физули служил прославлению человеческих идей, утверждению прав, справедливости и гуманистических идеалов. Наш народ вправе гордиться своим вкладом в мировую науку. Имена Насиреддина Туси, Абулхасана Бахманяра, Мирзы Фатали Ахундова, Аббасгулу Аги Бакиханова и других мыслителей хорошо известны миру науки...» Для нас является предметом гордости, что сегодня традиции Гейдара Алиева должным образом продолжают наш глава государства, главнокомандующий Ильхам Алиев. В 2007 году указ г-на Ильхама Алиева «О мерах по улучшению творческих условий членов Союза композиторов Азербайджана» дал значительный импульс развитию музыкальной сферы. В этом постановлении в качестве примера продолжения традиций Великий лидер. Проекты, осуществляемые в сфере культуры под руководством Первого вице-президента Азербайджанской Республики, президента Фонда Гейдара Алиева и Фонда культуры

Азербайджана Мехрибан Алиевой, являются продолжением национальной политики культурного наследия. нам великий вождь. Реализованы проекты «Мугам-наследие», «Мугам-Дастгях», «Мугам-Энциклопедия», «Мугам-Интернет», «Мугам-Антология», «Мир мугама», «Центр мугама» по развитию культурного поля под руководством госпожи Мехрибан. И вся эта замечательная деятельность является одним из ярких примеров продолжения традиций Гейдара Алиева. [5]

Список литературы:

1. Мədəniyyət – URL.:
<https://az.m.wikipedia.org/wiki/M%C9%99d%C9%99niyy%C9%99t>. (дата обращения: 25.02.2023).
2. Гудратов, Д. История тюркских народов. – Баку, 2000. – С. 15-30, 99-126, 447-451.
3. Амрахов, М., Сафаров, П. История тюркских народов. - Баку, 2017. – С. 138-146, 344-353.
4. Мамедова, С. Культурология. - Баку, 2001. – С. 56-77.
5. Эфендиев, Т. Гейдар Алиев и наши национально-нравственные ценности. – Баку, 2011. – С. 267-269.

Шестаков Александр Анатольевич

аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Среднерусский институт управления (филиал)

БОЕВОЙ ПУТЬ 6-Й ОРЛОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматривается участие 6-й Орловской стрелковой дивизии на начальном этапе Великой Отечественной войны летом - зимой 1941 года. Отмечается, что главным событием, определившим дальнейшую судьбу Орловской стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне, являются бои в районе Брест-Литовска и Брестской крепости в июне 1941 года. Анализируются конкретная боевая деятельность дивизии в приграничных сражениях, Смоленском сражении, Елецко-Ливенской наступательной операции. Устанавливается взаимосвязь между высоким уровнем боевой готовности дивизии и качеством ее командного состава на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 6-я Орловская стрелковая дивизия, Брестская крепость, Смоленское сражение, Елецко-Ливенская наступательная операция.

THE BATTLE PATH OF THE 6th OREL RED BANNER RIFLE DIVISION IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article deals with the participation of the 6th Oryol Rifle Division at the initial stage of the Great Patriotic War in the summer - winter of 1941. It is noted that the main event that determined the further fate of the Oryol Rifle Division in the Great Patriotic War was the battles in the area of Brest-Litovsk and the Brest Fortress in June 1941. The specific combat activity of the division in the border battles, the battle of Smolensk, the Yelets-Liven offensive operation is analyzed. The relationship between the high level of combat readiness of the division and the quality of its command staff at the initial stage of the Great Patriotic War is established.

Keywords: the Great Patriotic War, the 6th Oryol Rifle Division, the Brest Fortress, the Battle of Smolensk, the Yelets-Livenskaya offensive operation.

Нападение фашистской Германии на СССР положило начало Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Планы подготовки будущей войны начали разрабатывать в Германии еще в июле 1940 г. В соответствии с планом «Барбаросса» предполагалось

разгромить войска Красной Армии в кратчайшие сроки. Одновременно с разработкой и уточнениями этого плана командование вермахта приступило к развертыванию своих войск на границах с Советским Союзом. Возросло количество разведывательных полетов люфтваффе (324 случая), засылок на территорию СССР диверсантов и шпионов (только пограничниками задержано порядка 5 тыс. лазутчиков).

Перед началом войны, в марте 1941 г. выступая на совещании перед руководством страны, Гитлер прямо отмечал, что перед Германией стоит задача по разгрому вооруженных сил России и уничтожению государства [5, с. 179 – 180]. Окончательно дата нападения была озвучена главнокомандующим сухопутными войсками Германии Браухичем 18 июня на совещании с командующими войсками. На этом же совещании был озвучен приказ по физическому уничтожению политработников Красной Армии и Флота, захваченных в плен в ходе военных действий, отправленный в этот же день в действующую армию.

К войне против СССР фашистская Германия (вместе с союзниками) подготовила 190 дивизий, насчитывающих в своих рядах более 5 миллионов военнослужащих. СССР смог противопоставить врагу 170 дивизий с 2,9 миллионов бойцов. Стоит учитывать, что немецкие дивизии комплектовались по штатам военного времени, а советские дивизии – по штатам мирного времени.

Перед началом Великой Отечественной войны (19 июня 1941 г.) было вынесено решение о создании Северо-Западного (на базе Прибалтийского военного округа), Западного (на базе Западного военного округа), Юго-Западного (на базе Киевского военного округа), чуть позднее – Северного (на базе Ленинградского военного округа) фронтов. Непосредственно перед самым началом войны был образован Южный фронт и под единое командование перевели все армии второй линии (они составили резерв Главного Командования). Вечером 21 июня 1941 г. в приграничные округа (фронты) направили директиву о возможном внезапном нападении немцев 22 или 23 июня. Однако эта директива не успела дойти до многих воинских формирований до начала войны.

Начальный период военных действий сложился крайне неблагоприятно для Красной Армии. Не закончив развертывание воинских подразделений и не переведя многие из них на военное положение, советские войска оказались рассредоточенными на фронте протяженностью в 4,5 тысяч километров, глубиной порядка 400 километров. На направлении своих главных ударов противнику удалось добиться многократного превосходства в живой силе и технике. Войска приграничных фронтов вступили в неравную схватку с врагом разрозненно, не получая необходимой поддержки со стороны авиации и артиллерии.

В первый день войны, решением Политбюро ЦК партии большевиков, было введено военное положение в приграничных республиках и в ряде

центральных областей СССР. Одновременно было принято решение о начале мобилизации военнообязанных на территории страны.

Первыми встретили удар врага воины-пограничники. Они оказывали упорное сопротивление атаковавшим их позиции немецким воинским формированиям. Подвиги советских пограничников нашли свое отражение во многих документальных публикациях [4].

В истории Великой Отечественной войны навеки останется подвиг защитников Брестской крепости. В самой крепости находились разрозненные соединения Красной Армии. Враг рассчитывал захватить ее в первые часы войны, бросив в атаку основные пехотные подразделения 4 немецкой армии. Штурм крепости поддерживали авиация, тяжелая артиллерия и огнеметы. Но справиться с героическими защитниками крепости им сразу не удалось. Оборона крепости продолжалась до середины июля 1941 г. В обороне Брестской крепости непосредственное участие принимала 6 Орловская стрелковая дивизия (командир дивизии полковник М. А. Попсуй-Шапко). Это было кадровое соединение Красной Армии, имевшее хорошую подготовку. В крепости квартировали стрелковые полки дивизии (84-й, 125-й, 333-й), а также вспомогательные части и соединения.

План захвата Брестской крепости немецкое командование начало разрабатывать в конце 1940 г., с момента принятия принципиального решения по плану «Барбаросса». Брест-Литовск и его цитадель оказались на острие главного удара. Основной удар должна была нанести 4 армия в составе пяти армейских корпусов (7-й, 9-й, 12-й, 13-й и 43-й) под командованием генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге. Первоначально 4 армии, вместе с временно подчиненной ей 2 танковой группой Гейнца Гудериана, ставилась задача после сосредоточению основных сил с обеих сторон Бреста захватить переправу через реку Западный Буг. В начале 1941 года (31 января) задача армии была скорректирована. На основании директивы верховного командования Германии, она должна была нанести главный удар по Брест-Литовску, форсировать водную преграду (река Западный Буг) и обеспечить дальнейшее продвижение на Минск. Непосредственный удар по Бресту должна была наносить три пехотные дивизии (45-я генерал-майора Герхарда Кернера (после его смерти командиром дивизии 1 мая 1941 года стал генерал-майор Фриц Шлипер), 34-я генерал-лейтенанта Ганса Белендорфа и 31-я генерала артиллерии Рудольфа Кемпфа).

В центре наступающих войск должна была действовать 45 дивизия, обладавшая опытом форсирования водных преград, преодоления расположенных за ними полос долговременных укреплений. Наряду с этим в дивизии было много «земляков фюрера». В этом виделся определенный мистический смысл. Пропагандистское обеспечение действий дивизии обеспечивали корреспонденты ведущих СМИ Германии («Die Wehrmacht» и «Signal», и операторы «Deutsche Wochenschau») [1, с. 19]. Дивизия

предписывалось нанести свой удар до начала войны (до артподготовки) и захватить важнейший объект – железнодорожный мост у Тересполя.

Брестская крепость, построенная в 19 веке (1833 год), считалась командованием Красной Армии не совсем пригодной к боевым действиям в условиях современной маневренной войны. Это нашло свое отражение в последних учениях, проведенных перед самым началом Великой отечественной войны. Командованием 4-й армии ставился вопрос по выводу всех воинских формирований, в том числе 6-й и 42-й дивизий из Брестской крепости. Однако окончательное решение по этому вопросу так и не было принято. По мнению командования, в случае начала военных действий, необходимо было вывести основные силы двух дивизий из крепости, оставив для ее обороны только один батальон. Эта двойственность сыграла негативную роль в самом начале войны. Воинские формирования, размещенные в Брестской крепости, не смогли организованно противостоять наступающим немецким войскам. В соответствии с ранее полученными боевыми предписаниями они стремились как можно быстрее покинуть крепость и прибыть в указанные районы сосредоточения.

Ситуация складывалась для 6-й дивизии самым неблагоприятным образом. В первые часы войны части дивизии были фактически рассеяны и большей частью уничтожены вражескими подразделениями. Боевые действия, в этих условиях, пришлось вести тремя разрозненными группами, возглавляемых М. Попсуй-Шапко, Ф. Остащенко и Д. Матвеевым.

К утру 22 июня в назначенные места для сбора дивизии смогла прибыть только небольшая часть дивизии. Единственным положительным моментом можно назвать тот факт, что в места сосредоточения смогли выйти большинство командиров дивизии (среднего и высшего уровня). Здесь же оказались и три командира полков – Дородных, Ковтуненко и Матвеев. Это объяснялось тем, что они находились на своих квартирах в Брест-Литовске, а не в крепости. К тому же, это был выходной день. От разгрома удалось спастись и нескольким батальонам дивизии, которые были выведены с места постоянного базирования, для участия в проводимых накануне войны учениях и в возведении заградительных сооружений в приграничной полосе.

Однако вся техника была практически полностью уничтожена в крепости в результате бомбежек и артиллерийских обстрелов. Стоит отметить, что проблемы с техникой преследовали дивизию на протяжении всего 1941 года.

Артиллеристы 6-й дивизии приняли самое активное участие в защите крепости, но были уничтожены врагом. Из крепости смогли вывести только 8 орудий 131-го легкого артиллерийского полка и потрепанные в результате авианалетов немецкой авиации батареи 204-го гаубичного полка. 23 июня все они приняли участие в боях под Кобрином.

В обороне крепости отличились бойцы 76-го разведывательного батальона во главе с батальонным комсоргом А. Шугуровым, а также комиссар 75-го разведывательного батальона А. Венедиктов (ставшим одним из

последних, кто защищал крепость), командир взвода А. Базунов (оборонявший штаб 125-го полка и спасший боевое знамя полка) [6, с. 15].

Воинские подразделения, оказавшиеся в распоряжении командира дивизии М. Попсуй-Шапко, пытались занять оборону у Кобрина, но были сбиты с оборонительных позиций и вынуждены были отходить двумя разрозненными частями на Пинск и вдоль Варшавского шоссе.

Две другие группы, ведя ожесточенные бои, также отступали, при этом они смешивались с другими отступающими частями Красной Армии. Боевые действия они вели в районе Бобруйска, Косова, Довска, Пинска и других городов Белоруссии, неся при этом большие потери. Однако дивизия смогла сохранить костяк командного состава. После двухнедельных изнурительных боев дивизия была выведена из боев и ее отправили на переформирование. В кратчайшие сроки состав дивизии был увеличен с полутора тысяч до шести тысяч красноармейцев.

Учитывая сложную ситуацию на фронте, дивизия, не закончив до конца процесс переформирования, вновь была брошена на поля сражений. 14 июля она уже участвовала в сражении под Мстиславлем. Одна часть дивизии обороняла позиции вдоль реки Сож, а вторая – под Пропойском. В последующие дни воины дивизии участвовали в обороне Кричева (совместно с корпусом десантников генерала А. С. Жадова). После всех этих изнурительных оборонительных сражений дивизию вновь отправили на переформирование (село Климовичи). Позднее ее передали в состав 13-ой армии, действовавшей на Центральном фронте.

В ходе непрерывных кровопролитных боев пропал без вести командир дивизии М. Попсуй-Шапко. Командование дивизии возглавил сначала Ф. Остащенко, а затем – М. Гришин.

В течение августа 1941 года дивизия сражалась с немецкими войсками в районе Рославля, а затем на берегах Десны. Эти позиции она удерживала до начала октября. В начале октября, после неудачных попыток 13-ой армии захватить Суземки, 6-я дивизия оказалась в окружении. Выйти из этого окружения она смогла только 18 октября, форсировав реку Свапа. В ходе этих изнурительных боев личный состав дивизии был практически полностью уничтожен (остались в строю около 500 бойцов и два орудия).

В ноябре дивизия пополнила свой состав в районе г. Ливны до трех тысяч бойцов. Однако, не имея боевой техники, артиллерии, дивизия не смогла сдержать натиск противника, и вынуждена была отойти к Ельцу. В последующем дивизия приняла участие в контрнаступлении Юго-Западного фронта в районе Ельца, отличившись в боях за освобождение этого старинного русского города. К концу 1941 года подошла к реке Тим, где заняла оборонительные позиции и где началось новое пополнение воинских частей.

В течение 1941 года 6-й Орловской стрелковой дивизии выпали суровые испытания, которые во многом объяснялись неблагоприятным ходом военных действий на начальном этапе Великой Отечественной войны. Дивизия

несколько раз оказывалась на направлении главного вражеского удара, прорывалась из окружений. С июня по декабрь дивизия трижды отправлялась на переформирование, пополняя свой кадровый состав. Несмотря на все эти трудности дивизия не была уничтожена. Воины дивизии не только отражали удары немецко-фашистских войск, но и предпринимали попытки нанесения небезуспешных контрударов по войскам неприятеля.

Залогом боевой устойчивости дивизии явился, прежде всего, высокий уровень командного состава соединения, который удалось сберечь в самые трудные месяцы войны. Это позволяло в дальнейшем развертывать на основе сохранившихся кадров дивизии новые формирующиеся соединения.

Список литературы:

1. Алиев, Р. Штурм Брестской крепости. - М.: Яуза-каталог, 2021. - 438 с.
2. Боевой путь 6-й краснознаменной дивизии. Ответственный ред. М.Н. Бутин. - Брест: Краснознаменец. 1941. - 54 с.
3. На земле Беларуси. Канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории МО РФ, М-во обороны Республики Беларусь, Военно-науч. упр. ВС РБ; [Абатуров В. В. и др.]. - М.: Кучково поле, 2006. - 573 с.
4. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Сборник документов. М. Наука. 1968. - 707 с.
5. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. - М.: Наука. 1967. – 751 с.
6. Шестаков, А.А. Боевой путь 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне: события 1941 года // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – № 1 (43). – С. 11 - 18.

Шмелева Марина Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ КУРСА ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Аннотация: В представленной статье рассматривается опыт кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного Морского технического университета по использованию краеведческого материала в условиях увеличения количества учебных часов курса отечественной истории в техническом вузе. На конкретных примерах автор показывает, как программные темы курса соединяются с интересными фактами краеведения. Отмечается, что опыт подобной работы вызывает живой интерес студенческой аудитории и помогает формировать гражданскую мышление молодого поколения.

Ключевые слова: Краеведение, учебный курс, федеральный закон, студенты, гражданская ответственность.

LOCAL HISTORY AS AN INTEGRAL PART OF THE COURSE OF THE HISTORY OF THE FATHERLAND

Summary: The presented article discusses the experience of the Department of History and Cultural Studies of St. Petersburg State Maritime Technical University on the use of local history material in terms of increasing the number of academic hours of the course of national history in a technical university. Using specific examples, the author shows how the program topics of the course are combined with interesting facts of local history. It is noted that the experience of such work raises the keen interest of the student audience and helps to form civil thinking of the younger generation.

Keywords: Local history, academic course, federal law, students, civic responsibility.

События последнего времени со всей очевидностью поставили проблему знания гражданами страны отечественной истории и воспитания патриотизма в ряд важных государственных задач. Оппоненты могут возразить и отметить, что задача эта всегда декларировалась, а ее решение в рамках системы образования России обеспечивалось обязательным курсом истории, включенным в российский образовательный стандарт как в средней, так и высшей школе независимо от профиля вуза [6]. Действительно, курс существовал, но как многие мировоззренческие дисциплины в постсоветское время, он методично и даже цинично урезался в объеме, пока его не довели, например, в технических вузах, до одного семестра еженедельных лекций (36

часов) и семинаров (18 час.). Любой опытный преподаватель отметит, что знание учебного материала всегда закрепляется на практических занятиях и предлагаемый режим обучения с редкими аудиторными обсуждениями проблем тысячелетней истории Отечества выхолащивал смысл познания предмета. Ситуация осложняется и тем, что с утвердившейся в стране системой ЕГЭ практика подготовки абитуриентов фактически исключает полноценные учебные занятия по гуманитарным дисциплинам в старших классах школы для абитуриентов естественно-научного направления, сосредотачивая все силы на получение достойного балла по профильным предметам. В зависимости от субъективной реальной ситуации, сложившейся у выпускников школы, на первом курсе инженерного вуза в одном учебном коллективе собираются как выпускник престижного лицея с широким «столичным» кругозором, так и целеустремленный «технар», забивший на всякие там истории с литературой уже в 8-м классе, а рядом с ними деревенский парнишка, у которого просто не было в старших классах истории, так как учитель уехал, а сдавать историю все равно не нужно. Преподаватель технического университета в ситуации 18 рабочих недель семестра, отведенных для занятий в таком коллективе вынужден был, исходя из усредненного запроса, по сути, давать общий обзор исторического пути России, чтобы сформировать у молодых граждан страны последовательно целостное представление о ее развитии. Очевидно, что такой курс, который стал сродни ликбезу, противоречит принципам высшей школы и может восприниматься как «профессионально лишней». Ситуацию обострило присоединение России к Болонской системе образования и введение так называемых уровней высшего профессионального образования – бакалавриата и магистратуры. Отныне на гуманитариев в технических вузах стали смотреть ещё и как на опасных конкурентов, отнимающих от и без того урезанной профессиональной подготовки драгоценные часы.

Как известно, идеологическая перестройка происходит не в одночасье. Если в начале 2000 годов россияне и представить не могли, что молодые граждане страны с трудом будут объяснять, к примеру, в память о каких событиях отечественной истории празднуется День народного единства, кто такие декабристы и что такое блокада Ленинграда, то сегодня преподаватели истории ВУСШИХ учебных заведений, подводя итоги сессии, обнаруживают уверенное невежество массы своих подопечных. Постепенно уходят веселые заметки преподавателей, в которых отмечалась парадоксальность и артистичность студенческого мышления, а агрессивное наступление серости, цинизма и ограниченности в молодежной среде очень тревожат.

Горько отмечать, что для того, чтобы в чиновничьих верхах заметили, а главное приняли во внимание катастрофическую ситуацию в обществе в сфере гуманитарного мышления понадобилась такая «черная метка» как Специальная

Военная Операция. В приказе Минобрнауки от 19 июля 2022 №662 «О внесении изменений в Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» [5] предусматривается долгожданное

увеличение аудиторных часов по курсу История в непрофильных вузах уже в текущем учебном году. Такие изменения - шаги к избавлению от нынешнего положения вещей, когда учебный курс на самом деле представлял сухое оглавление тысячелетней истории страны. В содержательном построении расширенного курса появляется возможность ухода от простого повторения школьных тем, и обучения молодых граждан России замечать и понимать в окружающей действительности связь времен, традиции и опыт прошедшего.

Отметим, что и в стесненных условиях, многие гуманитарные кафедры непрофильных вузов накопили бесценный опыт учебной и воспитательной работы, который можно было бы использовать сегодня. Такие наработки есть и у кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургского Морского технического университета (СПбГМТУ).

Как и во многих петербургских вузах, учебные здания СПбГМТУ разбросаны по всему городу, при этом они располагаются в районах, насыщенных не просто петербургской историей, но неразрывно связаны с историей всей страны. Заметим, что интерес к краеведческим темам всегда проявлялся в студенческой среде Корабелки, тем более что традиционно почти половину студентов, как правило, составляют приехавшие на учебу ребята. Разнообразные формы внеучебной работы всегда поддерживали и развивали этот интерес. А в 2010-х годах краеведческая тематика стала вводиться в читаемые курсы истории и культурологии. Так родилась идея разработки спецкурса и написания учебного пособия, первая часть которого вышла в 2017 году, а вторая в 2021-м. [3, 7]. Уже из названий пособий видно, что авторы сосредоточили свое внимание на учебных корпусах университета и окружающей городской исторической среде. Большой удачей можно считать то, что краеведение районов локации СПбГМТУ предоставило интереснейший и обширный материал, органично вплетающийся в изучение истории России. Опыт работы кафедры убедил нас в том, человеческое проникновение в понимание сущности исторического процесса обусловлено восприятием большого и глобального через частное и конкретное. Ученическое запоминание и зубрежка остаются без надобности, когда история страны перекликается с судьбами людей, историей предприятий, на которых работали родители, застройкой жилого района, в котором ты живешь и т.д. В данной публикации хотелось бы привести примеры возможного использования краеведческого материала в курсе истории России, который читается в СПбГМТУ.

Сюжеты античной и средневековой истории России на первый взгляд трудно соединяются с петербургским краеведческим материалом. Но это лишь поверхностное суждение. Даже такой пример, как объяснение возвышения одной стороны проспекта Стачек над противоположной в районе учебного корпуса «У» Корабелки, которое в геологии называется глинт или литориновый уступ, формирует у молодых людей образ древней земли, на которой стоит Петербург. Рассказ о стратегическом значении дороги, которая была проложена вдоль южного побережья Финского залива в далекие допетровские времена для

соединения через Прибалтику с Западом заставляет задуматься молодых людей о месте и роли традиции в истории, а не воспринимать на веру легковесные утверждения о том, что новая столица России с ее роскошными царскими резиденциями возникла на безлюдных, диких, топких берегах и только при Петре сюда пришла русская культура. Неизменный интерес студентов вызывает сюжет с топонимом Ульянка, ведь новый корпус Корабелки, расположенный на Ленинском проспекте так и называется корпусом «У», хотя сегодня он находится в муниципальном образовании не Ульянка, а Красненькая речка. Волонтаристские действия современных чиновников привели к «перекройке» исторической территории Ульянки на административной карте района. Пытаясь разобраться в этой курьезной и глупой ситуации, студенты задумываются об ответственности воинственного гуманитарного невежества перед обществом.

Туристы, приехавшие в Петербург, как и коренные петербуржцы или студенты, обитающие здесь и разлетающиеся после учебы по свету, свои впечатления о городе всегда начинают с утверждения о его бесспорной красоте. Менялись стили, менялись вкусы публики, хватало или не хватало средств на воплощение задуманного, но на протяжении своей истории образ Петербурга, сохраняя свою строгость и стройность, отражал имперский характер страны. Именно эти принципы позволили до нынешних времен сохранить уникальную ансамблевость города. Старые корпуса Корабелки – на Лоцманской улице и на Петроградской стороне соседствуют с уникальными петербургскими памятниками архитектуры. Петербург, порой называли четвертым Римом, делая при этом акцент не столько на религиозную преемственность, сколько на величие имперского художественного образа. Заметим, что и храмовое строительство в новой российской столице играло серьезную роль в подтверждении этого величия города. Петропавловский собор, Никольский морской собор. Мусульманская мечеть, Синагога – городские храмы, с которыми студенты Корабелки знакомы «по-родственному», часто проходя и любуясь ими. А вот новое храмовое строительство на юго-западе города в окрестностях корпуса «У» вызывает недоумение и вопросы. Неоправданно большое количество храмового новодела странного провинциального вида заставляет задуматься не просто о талантливых и бесталанных проектах, но и о месте гражданина, без согласия с которым формируется среда его обитания. Формированию собственного отношения к навязываемым архитектурным решениям очевидно может помочь знание ландшафта города в исторической ретроспективе, и умелое сравнение с традициями русского православного творчества.

Знакомство студентов с учебными корпусами СПбГМТУ невольно концентрирует интерес на теме морского величия державы. Так случилось, что главное здание нашего университета расположилось в бывшей лоцманской слободе по соседству с судостроительным гигантом страны – Адмиралтейскими верфями. Обсуждение на занятиях истории становления морского образования в России, строительства военного и гражданского флота,

исторических реконструкций, которыми увлечена часть молодежи, оживляет формальное историческое знание. И фильм о гардемаринах, и весенний фестиваль ледоколов в Петербурге, и участие воссозданного русского парусного корабля «Полтава» в праздновании школьного выпуска связываются в единую линию преемственности и продолжения жизни морского города. К слову сказать, благодаря обсуждению названных тем, команды энтузиастов, которые строили и спускали на воду новую «Полтаву», а ещё ранее действующую копию фрегата петровского времени «Штандарт», регулярно пополняются студентами Корабелки. Морская тема характерна и для тех районов Петербурга, в которых расположены и другие корпуса университета. Приборостроительный факультет на Кронверкском проспекте соседствует с первым портом города. Именно здесь команды первых заморских судов фактом своего прибытия признали за Россией утверждение на Балтике. Казалось бы, спальный район юго-запада города, где расположился новый корпус СПбГМТУ, кроме как территориально (он выходит к южному берегу Финского залива) никак не связан с военно-морской тематикой. Но и здесь каким-то мистическим образом имена людей, посвятивших себя становлению России как морской державы, «подступили» к самому зданию Корабелки. Известно, что Петр I наделял своих приближенных землями вдоль Петергофской дороги. Некогда здесь обосновывались друг и сподвижник царя еще по временам Великого посольства Иван Михайлович Головин; герой Полтавской битвы – Василий Владимирович Долгоруков, француз, находящийся на русской службе адмирал Франц Вильбоа, отличившийся в сражениях на Балтике, дипломаты Петр Андреевич Толстой и Василий Лукич Долгоруков. Их усадьбы не сохранились до наших дней, а вот на дачу Ивана Григорьевича Чернышева, члена Адмиралтейств-коллегии, возглавлявшего галерный флот России во времена Екатерины Великой, студенты Корабелки ежедневно смотрят из окон общежития.

История не только хранит имена выдающихся людей, но и подводит молодых граждан России к размышлениям о соотношении судьбы человека и Отечества. Краеведческий материал, связанный с районами размещения корпусов СПбГМТУ бесконечно богат такими примерами. Тексты учебников оживают, когда на занятиях мы отмечаем, что здесь, на нашей земле жили, трудились, видели такое же петербургское небо Е.Р. Дашкова, А.Д. Шереметев, Г.И. Путилов, В. Алексеев, А.И. Маринеско, П. Г. Семенов и др.

Замечено, что занятия, на которых студенты знакомятся с жизнью и деятельностью Николая Ивановича Путилова, приобретают особо проникновенный характер, поднимая крайне современные в наше время проблемы гражданского общества, роли образования, менеджмента, соотношения личного и общественного. Нас, живущих в XXI веке, в судьбе Н.И. Путилова поражает как один человек, пробивая застылую бюрократическую машину России, в полном смысле спасал страну от интервенции в Крымской войне, от импортозависимости в производстве стали,

задумал и осуществлял превращение Петербурга в полноценный, мощный морской порт. Чуждый буржуазного чванства, образованный, уважающий людей не за нажитые барыши, а за талант, Николай Иванович не отступил от своего высокого понимания гражданина России даже будучи оклеветанным и разоренным. Размышления о судьбе Путилова при жизни и после его смерти подводят молодежь к новому для них отношению к истории не как книги для чтения с рассказами о прошлом, а как живой памяти по передаче и освоению опыта.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что тема Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. ближе всего молодежи в изучении курса истории. К счастью, еще живы те, кто напрямую может рассказать, как все это было. Городская среда пронизана памятью о войне, и по пути на занятия студенты Корабелки видят и блокадный трамвай, и ДОТ, и мемориальные доски студентам, преподавателям и сотрудникам ЛКИ, павшим за Родину. Однако, надо признать, что в последнее время официальная пропаганда подняла градус пафоса темы войны до такой высоты, что официоз, порой, начал вытеснять человеческое горе восприятия катастрофы потери мира.

В изучении тем курса, посвященных Великой Отечественной войне коллектив кафедры истории и культурологии СПбГМТУ имеет возможность использовать обширный краеведческий материал, собранный в том числе и самими студентами вуза [1].

Под окнами учебного корпуса в Ульяновке проходит знаменитая Петергофская дорога, по которой 450 добровольцев - преподавателей, сотрудников и студентов института в составе 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (264-й ОПАБ) ушли на фронт в июле 1941 года. Бойцам предстояла задача создания укрепленной линии обороны в окрестностях Петергофа - деревнях Марьино, Олино, Сашино, Костино, Низино. Из-за прорыва фашистских войск на Лужском направлении уже в конце августа 1941 года 264-й ОПАБ оказался отрезан от Ленинграда и в течении почти месяца сдерживал наступление немецких войск, рвущихся к Кронштадту и пытавшихся сорвать спешное укрепление Ораниенбаумского плацдарма. 25 сентября по приказу армейского руководства бойцы вынуждены были отступить в сторону Ораниенбаума. К этому дню в строю осталось всего 5% первоначальной численности героического батальона! 264-й ОПАБ прекратил свое существование.

Благодарная память о подвиге 264-го ОПАБ от поколения к поколению передавалась корабелами. Мемориальная доска в главном корпусе университета на Лоцманской улице и памятник бойцам в деревне Низино оберегают трагические события от забвения. Надо признать, что объективно с течением времени масштаб истории отдаляет молодых людей от глубинного понимания происходившего. Чувственное восприятие приходит не из учебников, а через возможность личной причастности к событиям. Поэтому в последние годы среди молодежи становится популярной поисковая

деятельность, а акция «Бессмертный полк» из частной инициативы превратилась в общероссийское патриотическое движение. Большую работу по сохранению истории СПбГМТУ проводит коллектив нашего ведомственного музея, при котором создана группа «Память Корабелки». Нужно отметить, что материалы по военному периоду жизни института, опубликованные в интернете, захватывают своей эмоциональной правдивостью и формируют у современного поколения студентов осознанную сопричастность к истории [4]. На сайте, что очень ценно, много фотографий и воспоминаний, собранных самими студентами. Вглядываясь в лица таких же, как и сегодня, 18-летних мальчиков 1941 года, горечь наполняет душу. Как рано и жестоко их дворовые игры в «войнушку» обернулись грязью и ужасом реальной битвы. Сегодняшние ребята замирают, читая воспоминания студентов той поры: «Метрах в 300 танк заметил нашу пушку и открыл по ней огонь. Мы продолжали вести огонь, но танк спокойно двигался по дороге. Не доходя до нас метров 50, он спустился с дороги и, подойдя к пушке, буквально скovyрнул ее, переехал через лафет и пошел дальше, а мы лежали метрах в двух от его гусениц.» [1, с. 79]

Курс истории в инженерном вузе включает и темы непосредственно связанные с организацией производства, технологическими решениями проблем, соотношением финансирования и направлений развития народного хозяйства и т.д. Помимо истории возникновения путиловского промышленного гиганта, Кировский район Петербурга предоставляет нам замечательный материал, иллюстрирующий развитие СССР как в первые годы существования, так и в послевоенный период. Знакомство студентов с историей формирования за Нарвской заставой нового образа социалистического города в годы первых пятилеток открывает новое человеческое лицо этих преобразований, где победные марши «веселых ребят» соседствовали с тревогой ожидания ночных визитов «черных воронок». Даже обсуждение вопросов художественной стилистики – конструктивизма или сталинского ампира в инженерном вузе может увести в сторону от искусствоведческого анализа. Будущим инженерам интересен опыт, например, строительства Тракторной улицы или Кировского райсовета, где талант архитектора-художника соединился с социальным и технологическим решением в условиях строжайшей экономии и отсутствия полного спектра строительных материалов. Обсуждение этих тем со студентами иногда приобретает и личностный характер, так как кто-то живет в этом же районе и не в описаниях, а реально может оценить качество исторического строительства.

Такой же актуальный технологический интерес будущих инженеров вызывает историческая тема организации транспортной системы дореволюционного Петербурга - речь идет об ОРАНЭЛ – первой в России электрической железнодорожной линии, на базе которой в дальнейшем возникла идея скоростного трамвая в нашем городе.

Обсуждая работу кафедры истории и культурологии в условиях расширения учебного курса, История Отечества, преподавательский коллектив

убежден, что широкое использование краеведческого материала поможет избавить занятия от официоза и лишнего пафоса, превращая знание истории своей страны в неотъемлемую черту гражданина России и, помогая очертить по выражению Д.С. Лихачева, круг собственной «нравственной оседлости».

Список литературы:

1. Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. Битва за Ленинград. - СПб.: СПбГМТУ, 2020. - 103 с.
2. Лихачев, Д.С. Письма о добром. - М.-СПб.: Наука-Logos, 2006.- 315 с.
3. Ростовцева, И.Н., Шмелева, М.Ю. Путешествие корабела от Лоцманской до Ульянки через историю страны и города. - СПб.: СПбГМТУ, 2021.- 162 с.
4. Память Корабелки – В Контакте. Электронный ресурс. - URL: https://vk.com/memory_smtu (дата обращения: 21.02.2023).
5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 "О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования" // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 21.02.2023).
6. Федеральный закон от 24.10.2007 г. №232-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования) - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26361> (дата обращения: 13.02.2023).
7. Шмелева М.Ю., Ростовцева И.Н. Дом, в котором мы живем. СПбГМТУ в историко-культурном ландшафте Петербурга. - СПб.: СПбГМТУ, 2017.- 180 с.

Шумилов Евгений Николаевич

кандидат исторических наук

независимый исследователь

О КОЗАРСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ АШКЕНАЗОВ-ЛЕВИТОВ

Аннотация: в статье рассматривается проблема происхождения евреев-левитов. На основании письменных источников и материалов археологии автор показывает сложность данного процесса. В восточных источниках одни из предков левитов были известны как мирваты – жители Хазарского каганата. В русских летописях – это козары. Часть козар осела на землях Руси в X в., принеся с собой несторианство. В последующем эта группа слилась с еврейским населением Руси, во многом определив различия между евреями-левитами и другими группами ашкеназов.

Ключевые слова: Хазарский каганат, козары, происхождение, торговля, Русь.

ABOUT THE KOZAR COMPONENT OF THE ASHENAZI- LEVITES

Summary: the article deals with the problem of the origin of the Levitical Jews. Based on written sources and materials of archeology, the author shows the complexity of this process. In eastern sources, some of the ancestors of the Levites were known as Mirvats – residents of the Khazar khaganate. In the Russian chronicles, this is kozars. Part of the Kozars settled on the lands of Russia in the 10 th century, bringing Nestorianism with them. Subsequently, this group merged with the Jewish population of Russia, largely determining the differences between Levitical Jews and other Ashkenazi groups.

Keywords: Khazar khaganate, kozars, origin, trade, Rus.

В последнее время в научных и около научных кругах ведется оживленная дискуссия о происхождении ашкеназов-левитов от хазар. Сторонники хазарской концепции ссылаются на немногочисленные письменные источники, прямо или косвенно свидетельствующие о существовании в средневековом Хазарском каганате иудейской веры и евреев [33, с. 94–09; 38, с. 94–107]. Мы не будем повторять общеизвестные факты, а сосредоточим свое внимание на торговцах в хазарское и постхазарское время, поскольку именно они, по нашему мнению, явились катализатором образования ашкеназов-левитов Восточной Европы.

Благодаря письменным источникам и работам археологов мы знаем, что пришедшие в середине VII в. из Азии кочевники хазары вытеснили проживавших в бассейне Дона тюрков-болгар. Пришельцы – обладатели монголоидных черт – строили курганы с ровиками и вели сезонные меридиональные кочевки юг – север по Придону, а зимовали в низовьях реки

[10]. С момента своего появления хазары совершали набеги на соседние племена и государства, включая Закавказье. В начале VIII в. они столкнулись там со встречной экспансией в лице арабов и в конечном итоге им проиграли. Теперь арабы совершали набеги на подвластные хазарам земли [34, с. 35–42].

Это обстоятельство привело к тому, что часть населения Северного Кавказа устремилась на север в более безопасные места. Так, в 740-е годы жители западного Кавказа из числа ираноязычного населения, касогов (адыгов) и тюрков-болгар ушли в верховья Дона [3, с. 75–83]. Другой группой беженцев являлись представители северного Дагестана, страдавшие от ига арабов, требовавших дань в виде «живого товара» [28, с. 68]. Дагестанская группа обосновалась в близкой для нее среде обитания – в горах Донецкого края [34, с. 50]. Жители северного Дагестана еще в конце VII в. приняли христианство в форме несторианства от закавказских миссионеров [1, с. 188–189]. На свою новую родину они принесли виноградарство, также занимались скотоводством, включая разведение свиней [20, с. 242–276]. Археологи объединяют эти группы в Салтово-Маяцкую культуру, выделяя при этом верхнедонскую (Маяцкую) и донецкую (Салтовскую) группы [3, с. 75–83].

Наиболее развитой областью Хазарии VIII – IX вв. являлся Маяцкий регион. Основой его хозяйства были земледелие и домашнее скотоводство. Наблюдался высокий уровень металлургии и металлообработки, процветало ювелирное искусство, изготавливались изделия из кости и дерева. Впечатляют захоронения воинов с оружием и экипировкой, самыми совершенными для того времени. В то же время здесь многочисленны импортные вещи, в частности, амулеты и бусы из янтаря, датируемые концом VIII – первой третью IX в., фрагменты шелковых тканей, каменные и стеклянные бусы из Ближнего Востока, монеты Арабского халифата и Византии. Отмечена попытка создать собственный монетный двор с чеканкой подражаний аббасидским дирхемам [30, с. 25–96]. Всё это говорит о развитой международной торговле, в которой население Маяцкого региона являлось связующим звеном [8, ч. 2, гл. 3].

Кем осуществлялись торговые связи? Здесь надо отметить, что уже в VII – начале VIII вв. через южные земли Хазарии пролегал Шелковый путь из Средней Азии в Византию [11, с. 19–23]. Международной торговлей, охватывавшей пространство от Китая до Западной Европы, занимались ираноязычные согдийцы – жители Средней Азии, религию которых принято называть несторианством. Сами согдийцы именовали себя как насрани, т. е. назореи [4, с. 264]. Назореи являлись первой христианской церковью, возникшей в I в. н. э. Своим предпочтением Ветхого завета Новому они близки к несторианам. Арабы были настроены более благожелательно к назореям, чем к другим христианам. Это способствовало тому, что их вера получила широкое распространение на Востоке, в частности, в Средней Азии, где ее приверженцами стали согдийцы, в руках которых находилась торговля с Китаем [29]. Поскольку в научной среде их принято называть несторианами, этого термина будем придерживаться и мы.

Вооруженный конфликт между арабами и китайцами за господство в Средней Азии, разразившийся в начале VIII в., привел к разрыву торговых связей с Китаем. Средняя Азия оказалась тупиковым местом для торговцев-согдийцев. Им надо было найти новый эпицентр для своей международной торговли. И он был найден на территории Хазарского каганата во второй половине VIII в. Сами хазары не занимались торговлей, но были заинтересованы в заморских товарах. Вскоре после возникновения в верховьях Дона Маяцкой области каганата в ней появляются среднеазиатские торговцы. Правда, верховья Дона не совсем подходили для эпицентра новой торговой экспансии. Этим центром стало поселение на реке Днепр, созданное в последней четверти VIII в. и известное ныне археологам как Гнёздово [14, с. 189–297]. Археологи выявили в Гнёздово и его округе предметы салтово-маяцкого типа: поясную гарнитуру воинов, детали украшения костюма, изделия из железа, керамику. В Гнёздово и его окрестностях найдены восточные монеты и клады из них 786–833 гг. периода обращения. Это свидетельство того, что проживавшее здесь пришлое население участвовало до 833 г. в международной торговле, которая охватывала обширный регион и связывала Гнёздово с северной Европой (скандинавами), арабским Востоком, Ираном, Африкой и Испанией [26, с. 227, 478, 545].

Используя речные пути, маяцкие торговцы определили три основные направления своей экспансии: западное, северное и восточное. В западном направлении они достигли юго-восточного побережья Балтийского моря – Янтарного берега – территории пруссов, которых скандинавы-готландцы называли русами. Маяцких торговцев интересовал янтарь: его они приобретали в обмен на серебряные монеты и слитки. В результате сезонной торговли с ними здесь на рубеже VIII – IX вв. возникают торгово-ремесленные поселения Трусо и Кауп, в которых проживало пруссо-скандинавское население, ориентированное на добычу янтаря и торговлю им [24, с. 143–145]. В северном направлении маяцкие торговцы добрались до незадолго до этого обустроенной в 753 г. скандинавскими торговцами Ладоги. От скандинавских конкурентов удалось избавиться около 780 г. с помощью силы: об этом говорит пожар в Ладоге [23]. В Ладожской земле торговцев интересовали меха. Для местного населения они организовали в Ладоге мастерскую по производству бисера и дешевых бус. Изделия широко расходились в Приладожье, в южных областях Швеции, в междуречье Оки и Волги, в Среднем Поволжье, в бассейнах рек Камы и Белой, в других регионах. По рекам Оке и Волге торговцы добирались до уже формирующейся Волжской Булгарии. И здесь их тоже интересовали меха. На обширной территории Волго-Камского региона ныне выявлены салтово-маяцкие артефакты – свидетельства их торговли: пояса, кольца, подвески, серьги, пуговицы и прочее [27, с. 19–20].

Однако расцвет международной торговли продолжался недолго. В начале 30-х годов IX в. Хазарский каганат поразил голод, видимо, связанный с засухой и бескормицей скота [2, с. 376], что привело к междоусобице, в которой, скорее

всего, активное участие приняло население Маяцкой области, стремившееся избавиться от диктата хазар [18, с. 163].

Население Прибалтики, участвовавшее в торговле с хазарскими торговцами (оно было представлено в первую очередь готландцами), узнало о кризисе в землях каганата, несомненно, от самих же торговцев. По пути, проложенному маяцкими торговцами, пришли русы. Они подчинили себе Волынцевскую культуру славян-северян [2, с. 199–209]. Так появился новый каганат – Русский, известный в среде археологов как роменская культура [16, с. 115–117].

Русы вступили в открытое противостояние с хазарами, которые не смогли устоять. Под контроль русов перешли салтово-маяцкие земли, а северо-западная граница Хазарского каганата стала проходить по среднему течению Дона. На ее границе при участии византийцев была сооружена хазарская крепость Саркел [19, с. 39–40; 9, с. 124]. Теперь русы, заплатив таможенный сбор хазарам, отправлялись с товарами, среди которого важную роль, как товар, играли славяне-северяне, на южное побережье Черного моря и далее в Багдад, где переводчиками им служили славянские рабы, уже в статусе евнухов [9, с. 124].

860 г. стал переломным в истории Русского каганата. Русы потерпели сокрушительное поражение в ходе своего похода на Константинополь, что существенно ослабило их боеспособность [22, с. 8–9]. Поэтому, когда в 880-е годы на Верхнедону обрушились печенеги, двигавшиеся от берегов Волги в поисках новых мест для кочевий, они серьезно пострадали от них [37, с. 72–73]. Маяцкая область же прекратила свое существование. Какая-то часть населения осталась: она была известна в русских летописях как ясы. От этой трагедии выиграли жители Салтовской области: теперь международная торговля перешла в их руки (видимо, уцелевшие торговцы из Маяцкой области перебрались на Донецкую землю). Они успешно торговали с Византией и арабами. Восточные авторы называли их как моровват («группа из русов», поскольку они были под контролем русов), мирват («Худуд ал-алам») или мардат (Гардизи): возможна связь с городом Мервом – несторианским центром Средней Азии, откуда могли быть родом торговцы. По Гардизи, они – «христиане, одеваются как арабы и ведут торговлю в основном с ними же (арабами)» [5, с. 58–59]. Христианскую принадлежность салтовцев подтверждают и многочисленные пещерные храмы Среднего Дона, сделанные в меловых горах, столь характерные для несториан Малой Азии и Крыма [25].

К этому времени центр каганата, точнее зимняя резиденция хазарского кагана, был обустроен в низовьях Волги. Кочевая верхушка вела сезонные переходы в уже горизонтальном направлении: от Волги до среднего течения Дона и в обратном направлении [34, с. 27]. Каганат ослабел, элита пыталась сохранить свою власть, приняв иудаизм. Всё большую роль в жизни страны играли мусульмане, из числа которых формировалась гвардия кагана. Одновременно росла неприязнь к христианам [15].

Тогда же как нельзя кстати в Хазарии появился талантливый военачальник Песах. Ему удалось нанести поражение русам, пытавшимся закрепиться на Керченском полуострове. Еще страшнее оказалась участь христиан-румийцев полуострова: они были уничтожены хазарами. Затем последовал разгром поселений мирватов-салтовцев Донецкого края и исход их [21, с. 290]. Песах дошел до земли Русского каганата и победил русов [15, с. 117–120].

Куда же ушли мирваты? Из русских летописей мы знаем о существовании группы населения козары и жидове козарьстии: так их звали, помня о том, что некогда они были жителями Хазарского каганата [35, с. 104, 132]. Часть козар обосновалась в Крыму, другая ушла в западную часть Русского каганата, где с 880-х годов проживали выходцы с севера – русы Рюрика [13, с. 159–174]. Уже в 945 г. летопись фиксирует наличие на Руси храма Святого Ильи, который был общим для козар и варягов [35, с. 103, 105], пришедших чуть позже, после того как их призвал в 942 г. князь Игорь (в 941 г. русы потерпели сокрушительное поражение от византийцев в ходе морского похода на южное побережье Черного моря) [35, с. 95]. Среди варягов также были христиане, но западного обряда. Об этом говорят камерные погребения с крестиками, оставленные ими в районе Чернигова и в Киеве [32, с. 222–225]. Летописец утверждает, что храм Святого Ильи находился в Киеве. Но в реальности церковь с таким названием имела в Чернигове, а в Киеве храм Святого Ильи появился только в XVII в. Не случайно и название храма: оно было дано в честь ветхозаветного пророка Ильи. Позднее пещерные храмы появляются в Киеве и Любече [12; 17, с. 35–45].

В ходе синтеза элементов несторианства и христианства западного толка на Руси с 940-х годов формируется русская вера. От несториан были заимствованы двоеперстие, посолонь, сугубая аллилуйя, предпочтение ветхозаветных имен. От западных христиан – десятина, культ папы Римского Климента, святого Николая, колокольный звон, термины романо-германского происхождения и так далее [6]. Князь Владимир принял крещение не от греков (в этом случае он бы признал зависимость от них), а от местных христиан с русской верой. Это подтверждает и его заявление, приведенное летописцем «...Сын же подобосущен и собезначален Отцу...» [35, с. 156]. Подобосущен, т. е. не равен Богу, а сотворен им. Это один из главных догматов несториан.

Первое время торговля Киевской Руси с Византией находилась в руках варягов, которые собирали в ходе полюдья дань, включая и людей в качестве «живого товара», и совершали с товаром длительный и опасный путь через речные пороги Днепра и Черное море в Константинополь [39, с. 161–163]. Но затем они решили, что проще собрать «живой товар», а затем продать его на месте козарам. Так, торговля перешла в руки козар, имевших уже опыт предпринимательской деятельности. С конца X в. они постепенно сближаются с иудеями Руси. В Киеве в первой половине XII в. имелись кварталы Жидове и Козары. Видимо, тогда и начался переход козар-несториан в иудаизм. С этого

времени основным их занятием становится торговля людьми, в первую очередь славянами, которых они через западную Европу доставляли в Кордовский халифат и Северную Африку [31].

После отмены полюдья основным источником пополнения «живого товара» становится ростовщичество. Не сумевшие расплатиться за взятые в долг деньги становились холопами – рабами, которых можно было продавать. Этому способствовало и то обстоятельство, что земледельческое население Руси всё еще оставалось языческим. Ростовщическая деятельность евреев и обращение в холопство привели к восстанию в Киеве в 1113 г. и изгнанию их [36, с. 128–130]. С этого времени основная масса восточных евреев концентрируется на территории современной Восточной Польши и Западной Украины.

Список литературы:

1. Артамонов, М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
2. Артамонов, М.И. История хазар. – 2-е изд. – СПб.: Омега, 2001. – 688 с.
3. Афанасьев, Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII – X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – М., 1987. – 200 с.
4. Бартольд, В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1964. – Т. II. – 658 с.
5. Бартольд, В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1966. – Т. IV. – 784 с.
6. Валянский, С.И., Калужный, Д.В. Другая история Руси. От Европы до Монголии. – М.: Вече, 2001. – 493 с.
7. Воронятов, С.В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 199–210.
8. Галкина, Е.С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002. – 428 с.
9. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку: Элм, 1986. – 427 с.
10. Ивик, О., Ключников, В. Хазары. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 336 с.
11. Исамитдинов, Ж.Б. Согдийцы – колонизаторы на трассе Великого шелкового пути // Ученые записки Худжандского гос. ун-та им. акад. Б. Г. Гафурова. – 2019. – № 3 (60). – С. 19–24.
12. Каманин, И.М. Зверинецкие пещеры в Киеве. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1914. – 166 с.
13. Кирпичников, А.Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. – Таллин, 1977. – № 22. – С. 159–173.
14. Кирпичников, А.Н., Дубов, И.В., Лебедев, Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 50–69, 189–297.
15. Коковцов, П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – XXXVIII + 134 с.
16. Комар, А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Альманах історії та археології Східної Європи RUTHENICA. – 2005. – № 4. – С. 115–117.

17. Кондратьев, И.В. Любеч (материалы к справочно-энциклопедическим изданиям) // Северянская летопись. – 2008. – № 2. – С. 35–45 (на укр. яз.).
18. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 493 с.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – 496 с.
20. Кравченко, Э. Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 242–276.
21. Кравченко, Э.Е. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье) // Археологический альманах. – Донецк, 2013. – № 30. – С. 278–302.
22. Кузенков, П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 3–172.
23. Кузьмин, С.Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII – X вв. // STRATUM plus. – 2000. – № 5. – С. 50–69.
24. Кулаков, В.И. Пруссy эпохи викингов: жизнь и быт общины Каупа. – М.: Неформат, Книжный мир, 2016. – 260 с.
25. Культовые пещеры Среднего Дона. – М.: РОСИ, 2004. – 356 с.
26. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 639 с.
27. Львова, З.А. Торговые пути завоза стеклянных бус в Ладугу по материалам бус салтовской культуры и данным болгарской летописи // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 143–146.
28. Магомедов, Р.М. История Дагестана. – 3-е изд. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1983. – 131 с.
29. Мирбобоева, Т.Х. Вклад Согда и согдийцев в Великом шелковом пути: ВШП: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Худжанд, 2005. – 22 с.
30. Михеев, В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: Вища школа, 1985. – 148 с.
31. Мишин, Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М.: Издательство «Крафт+», 2002. – 368 с.
32. Недошивина, Н.Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // Советская археология. – 1983. – № 4. – С. 222–225.
33. Нейман, А.Я. Евреи в Хазарском каганате // Хазарский каганат. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–109.
34. Плетнева, С.А. Хазары. – М.: Наука, 1976. – 106 с.

35. Повесть временных лет // Библиотека Древней Руси. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 62–315.
36. Татищев, В.Н. История Российская. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 352 с.
37. Тельнов, Н.П. К вопросу об этнокультурной контактной зоне в Днестровско-Прутском междуречье в X – XII вв. н. э. // Материалы X международной научной конференции, 29 мая – 3 июня 2001 г. «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 72–73.
38. Хазары. Евреи и славяне. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. – Т. 16. – 568 с.
39. Шумилов, Е.Н. Торговля «живым товаром» при князе Игоре Рюриковиче // Вопросы истории. – 2012. – № 3. – С. 161–163.

Юрьева Алла Васильевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ДОБУЖИНСКОГО

Аннотация: Пространство города на Неве для многих его жителей и почитателей остается загадкой. Город наделяли особым духом, говоря о метафизике Петербурга. М. Добужинский одним из первых в своем творчестве описал непарадный Петербург с его эстетикой брандмауэров, дровяных дворов, фонарей и облупившейся краской домов. Живя на переломе эпох, художник видел все изменения, которые происходили в революционные годы. Пространство города в работах Добужинского, даже в современном историческом центре Петербурга, отчетливо узнаваемо своей характерной строгостью, меланхолией и загадкой.

Ключевые слова: город, Петербург, М. Добужинский, гений места, революция, пространство.

THE SPACE OF THE CITY IN THE WORKS OF M. DOBUZHINSKY

Summary: The space of the city on the Neva River remains a mystery for many of its residents and admirers. The city was endowed with a special spirit, speaking about the metaphysics of St. Petersburg. M. Dobuzhinsky was one of the first in his work to describe the non-paraded Petersburg with its aesthetics of firewalls, wood yards, lanterns and peeling paint of houses. Living at the turning point of the epochs, the artist saw all the changes that took place during the revolutionary years. The space of the city in Dobuzhinsky's works, even in the modern historical center of St. Petersburg, is clearly recognizable by its characteristic austerity, melancholy and mystery.

Keywords: city, St. Petersburg, M. Dobuzhinsky, genius of place, revolution, space.

Исторический слом, случившийся на пороге XX века в России, изменил жизнь большого количества людей, но, помимо этого преобразил пространство всей страны. Революционный Петербург был предметом значительной художественной рефлексии, где огромный вклад внесли поэты и публицисты, художники и музыканты, живо отреагировавшие, порой и с полярными акцентами, на произошедшие события.

Пространство города всегда понималось как противоположное природному, по своей структуре и смыслу, ведь искусственное пространство архитектурных форм проектирует бытование в нем человека особым образом. Во второй половине XX века, исследователь городского пространства

К. Норнберг-Шульц описал понятие экзистенциального пространства, понимая его как проявления Духа места в конкретно взятой городской среде. Эта категория связывается автором с еще одной - пространством жизненного опыта, где каждый житель обретает смысл собственного существования через пространственные координаты города. Эта теория интересна в отношении любого урбанистического уклада, а в отношении города на Неве вдвойне любопытна, так как разгадать метафизику города пытались многие мыслители, художники и писатели.

М. Добужинский вошел в историю живописи как мастер городского пейзажа, впервые описавшего Петербург с точностью истинного документалиста. Поиск собственного стиля дался ему с трудом, он искал тот типический образ города, который выбивается из открыточных видов и показывает характерное бытование горожан. Петербург на переломе времен, умирающий и возрождающийся. Город во все времена столь любимый художником, в начале XX века приобрел новую грань своего образа, которую и пытался отразить Добужинский в творчестве. Огромные кирпичные брандмауэры, обилие водосточных труб, дровяные дворы, узоры на облупившихся стенах домов, все это с удивительным вниманием выписывает он на своих полотнах.

Впечатления о городе сохранились в памяти художника с ранних лет, когда няня водила его гулять от Финляндского вокзала к Невскому проспекту через Литейный мост. Он внимательно осматривал русалок на решетке моста, которые держали в руках герб города. Маленькому Мстиславу запомнилась парикмахерская в доме А.Д. Мурузи, где впервые мальчик был острижен профессиональным парикмахером, так он описывал свои впечатления: «Мне нравился и громадный черный полосатый дом Мурузи в мавританском стиле, и его чугунные навесы у подъездов с удивительными узорами и арабскими надписями. Дом был замечателен для меня тем, что там была большая парикмахерская, где меня впервые остригли (раньше это делали домашним способом), и я попросил парикмахера: Пожалуйста, сделайте мне такую же плешку, как у моего папы — могу представить, как я умилил и развеселил отца» [2, с. 14].

Первое обращение к городскому пейзажу обнаружилось у художника после возвращения в Санкт-Петербург из Европы и поступления в художественную школу офорта В.В. Матэ, где он достиг значительных успехов. Работа «Крыши» (1901) построена с заметным стремлением использовать возможности материала и техники офорта. Более того, она была одной из первых, где проявилась индивидуальность художника в восприятии современного города.

Добужинский пробовал писать Петербург и в его традиционном, парадном виде. Толчком к подобным работам послужило предложение художественного отдела издательства общины св. Евгении И.М. Степанова выполнить петербургские пейзажи Александринского театра, Фонтанку у

Летнего сада, Чернышев мост и Банковский мост, для воспроизведения на художественных открытках. В этих работах мы еще видим привычный взору «открыточный» Петербург. Однако уже в 1902 году художник пишет «Обводный канал в Санкт-Петербурге», место даже по нынешним временам обладающее особенной пространственной атмосферой – отнюдь не живописные мостики, пейзаж промышленных построек, полуразрушенные здания. Добужинский это место наделяет атмосферой обыденного, привычного пространства окраин города: тихая размеренная жизнь теплится в небольших окошках домов. Сегодня, места, так точно описанные художником, мало отличаются от прошлых лет, в Обводном канале та же мутная вода, желтые стены домов вдоль набережной плотным рядом смыкаются в цепочку, трубы заводов, хоть уже и не дымят, но по прежнему формируют городской ландшафт.

Можно сказать, что с этой работы начинается большая любовь Добужинского к городским пейзажам Петербурга, именно город становится главным источником вдохновения художника на долгие годы. В 1902 году он выполняет ряд рисунков, на которых изображены заводы с трубами, булыжные мостовые, заборы, но здесь ощущается еще несмелая попытка найти наиболее типическое пространство города. Художник словно подбирается к нему в своих пастельных работах «Город» и «Двор», где пытается передать всю неизъяснимую метафизику Петербурга через контраст белого и темного, теплого и холодного, далекого и близкого.

Пространство города Добужинского очень литературно, если, конечно, так можно выразиться. В картинах художника мы «слышим» ужасающе пророческий голос Блока, «видим», как на фоне городского пейзажа могли бы разворачиваться трагические сценарии судеб персонажей Ф.М. Достоевского. Добужинский, так же, как и они, увидел эту изнанку города, его недра, особый мир. Его записные книжки хранили тексты объявлений, зарисовки причудливых деревьев, сучьев, труб, ворот и дворишек, но все эти элементы он преображал с помощью линии, цвета, света и ритма. На первый план могут выступать прозаические деревянные строения, а где-то незаметно притаился памятник архитектуры, словно князь Мышкин идет в гости к генералу Епанчину.

Добужинский первым показывает непарадный Петербург, вне дворцов и пышных залов, где все стены домов, облупленных и затекших от петербургской сырости, сохраняют память о времени, людях и событиях. В этом откровенном взгляде на город художника рождается особенная метафизика пространства. Исследуя таинственную душу Петербурга, художник будто открывает новое видение, взгляд на мир, собственную оптику, которой он делится со зрителем. Занимаясь подобной нелегкой работой, из раза в раз создавая унылые городские пейзажи, зритель, тем не менее, ощущает светлое и очень теплое отношение автора к пространству, в котором он живет. Этого еще не удавалось никому.

Город в работах Добужинского почти асоциален, люди появляются в нем лишь намеком, как незначительная деталь, но в то же время дающая жизненные силы всему пространству. В работе 1904 года «В ротах. Зима в городе» одинокая странница сидит у подножия верстового столба, ее фигура еле различима в общей композиции, можно сказать, что ее почти нет. Но если изучить ее с точки зрения излюбленного Добужинским символизма, можно сказать, что присела она здесь не случайно. На фоне сурового зимнего Петербурга и зданий классического охристого оттенка, идет беспрестанный отсчет пространства и времени, где маленькому человеку отводится скромное место. Художник обладал способностью подмечать в примелькавшемся, будничном, нечто необычное, даже фантастическое.

Изменившаяся действительность после революции сильно изменяет и жизнь самого художника. В своих воспоминаниях он пишет: «Я пережил в Петербурге все революционные годы. С революцией 1917 года Петербург кончился. На моих глазах город умирал смертью необычайной красоты, и я постарался посылить запечатлеть его страшный, безлюдный и израненный облик» [2, с. 367]. В голодном и холодном Петербурге, он, как и все, пытается выжить: колет дрова, дежурит у ворот, таскает воду. А ночью пишет картины, на которых запечатлевает израненный облик города, безлюдный и истощенный. В этих работах пространство города, и прежде лишенное в работах Добужинского парадности и горделивости, не теряет своей стати и мощи. Но в картинах этого периода чувствуется вопрос: а что же дальше? Художник часто гуляет по городу, делает наброски, пытается найти жизнь там, где на первый взгляд следов ее не осталось. Изменения в жизни города были вызваны не только бытовыми трудностями, связанные с хозяйственной разрухой, черты нового быта стали появляться в значительной степени под влиянием идеологии. Город рядился в пестрый костюм из транспарантов, листовок, афиш, прославлявших советский строй.

Знаменитый писатель В. Набоков когда-то брал уроки живописи у Добужинского, а в 1921 году он написал такие строки, чем-то очень схожие с настроением самого художника:

«...Дома скосились, почернели,
прохожих мало, и они
при встрече смотрят друг на друга
глазами, полными испуга,
в какой-то жалобной тоске,
и все потухли, исхудали:
кто в бабьем выцветшем платке,
кто просто в ветхом одеяле,
а кто в тулупе, но босой.
Повсюду выросла и сгнила
рава. Среди улицы пустой
ияет яма, как могила;

в могиле этой - Петербург...» [3]

Вскоре после написания этих строк в 1924 году М. Добужинский навсегда покинет горячо любимый Петербург. Даже не живя в этом городе, художник ощущал сильнейшее воздействие его метафизики, которая для него слагалась из многоэтажных домов, фабрик, башен, труб, кранов, заполнявших пространство. Человек на фоне его города выглядит крошечным, в чем-то беспомощным, но не сломленным, под стать самому пространству – вечно горделивым.

Список литературы:

1. Гусарова, А. М. Добужинский. – М.: Белый город, 2001. – 48 с.
2. Добужинский, М.В. Воспоминания. – М.: Наука, 1987. - 477 с.
3. Набоков, В. Так вот он, прежний чародей... - URL: <http://lib.ru/NAVOKOW/p3spb1.txt> (дата обращения: 21.02.2023).
4. Норберг-Шульц, Х. Значение в западной архитектуре. – URL: https://art-life.biz/rus/files/kniga_vtoraya_hristian_norberg.PDF (дата обращения: 21.02.2023).
5. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны / под ред. С. Яров. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – 349 с.
6. Чугунов, Г.И. М.В. Добужинский. – Л.: Художник РСФСР, 1984. – 300 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Демидов Алексей Вячеславович ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ 320-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА..	3
Абакумова Екатерина Александровна РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА	4
Акимов Юрий Германович «НАШ ВЕК ДАЕТ МАЛО ПРИМЕРОВ СТОЛЬ ДОСТОЙНЫХ РАЗУМНОГО ЛЮБОПЫТСТВА»: ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РАБОТЕ АББАТА МИЙО	10
Анжельская Ирина Вадимовна «МОРАЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ» АРМИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ И БОЕГОТОВНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ	14
Барынина Ольга Александровна ИЗУЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА	20
Боева Галина Николаевна ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ О БЛОКАДНЫХ ТЕКСТАХ	29
Бугашев Сергей Иванович ПЕТР I В СОЧИНЕНИИ ДЖОНА БЕЛЛА «ДЖ. БЕЛЕВЫ ПУТЕШЕСТВИЯ ЧРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АСИЯТСКИЕ ЗЕМЛИ, А ИМЕННО: В ИСПАГАН, В ПЕКИН, В ДЕРБЕНТ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ»	34
Бугашев Сергей Иванович ПЕТР I И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТОМАСА КОНСЕТТА «НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ В РОССИИ»	38
Бычков Максим Алексеевич ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРЛАНДИИ: ОТ ИЗОЛЯЦИИ К ЕВРОПЕИЗМУ	42
Васильева Галина Михайловна ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ	51
Ватолина Юлия Владимировна ИСКУССТВО КАК ФЕНОМЕН	55
Вахромеева Оксана Борисовна БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Е. Н. ВЕРЕЙСКОЙ (1886–1966)	61

Вахромеева Оксана Борисовна ИЛЛЮСТРАТОРЫ РАБОТ ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Е. Н. ВЕРЕЙСКОЙ	75
Вахромеева Оксана Борисовна ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОЙ РУКОПИСИ ОБ О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ	84
Викторин Виктор Михайлович ИНГРИЯ НА БАЛТИКЕ И АСТРАХАНЬ В ПРИКАСПИИ: СОЗДАНИЕ ПЕТРОВСКИХ ГУБЕРНИЙ, ИХ СВЯЗИ И РАЗВИТИЕ С НАЧ. XVIII В.	99
Гринёв Андрей Вальтерович ТЕМА РУССКОЙ АМЕРИКИ В СТАТЬЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ	105
Гуркина Нина Константиновна НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР В.П. ПОТЕМКИН ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ	115
Гуркина Нина Константиновна ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (О КНИГАХ А.В. ПЫЖИКОВА)	122
Гусев Владимир Евгеньевич «ЕВРЕЙ И ФРАНЦИЯ» АНТИСЕМИТСКАЯ ВЫСТАВКА В ПАРИЖЕ 1941-1942 ГГ.	128
Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь) БЕЛОРУССКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 1914–1918 гг. О КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ)	132
Димитренко Нина Васильевна КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1960-е ГОДЫ	140
Дружинкина Наталья Гавриловна ФОНД 789 АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА, БИОГРАФИЙ ХУДОЖНИКОВ И АРХИТЕКТОРОВ XVIII-XX В.	147
Елисеев Анатолий Леонидович ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1941 ГОДУ	155
Жолудов Михаил Валентинович РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 ГГ. И ЗАРОЖДЕНИЕ БРИТАНСКОГО ДЖИНГОИЗМА	163

Жукова Вероника Сергеевна ПИТАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е ГОДЫ	169
Земцова Ирина Валерьевна САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I В ИНОСТРАННЫХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ	175
Казарина Марина Евгеньевна ШИФР ЯПОНСКОЙ МАНГИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ	181
Карандашов Владимир Дмитриевич ВОЕННЫЙ ВКЛАД ТВЕРСКОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ (1941-1945)	187
Костюк Руслан Васильевич МААСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР: ДИСКУССИИ В ЛЕВОМ ДВИЖЕНИИ ФРАНЦИИ	196
Кузнецов Владимир Дмитриевич ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ РОССИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.	203
Кузнецова Ольга Николаевна РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ «САХАРНОГО ГОЛОДА» В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.	211
Ланцов Сергей Алексеевич СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	218
Логинова Диана Васильевна ЛОМОВОЙ ИЗВОЗ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	225
Малахов Родион Александрович ВЛИЯНИЕ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА НА ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ СФЕРУ В 1930-Е - НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)	234
Массов Александр Яковлевич ЗАХОД В АДЕЛАИДУ И СИДНЕЙ КРЕЙСЕРА РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА «ДЖИГИТ» В 1903 Г.	241
Минин Александр Сергеевич МИНИСТЕРСКИЕ ОСОБНЯКИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИКОЛАЕВСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	249
Мичурин Алексей Николаевич «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ ВО ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1916 ГОДА	257
Наймарк Елена Александровна СИМВОЛИКА ФЕЙЕРВЕРКА ПРИДВОРНОГО ВЕЛЬМОЖИ 1747 ГОДА ПО СЛУЧАЮ ОФИЦИАЛЬНЫХ ТОРЖЕСТВ	264

Налётова Наталья Юрьевна ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ (КЛИМЕНТ СМОЛЯТИЧ)	268
Налётова Наталья Юрьевна ПОДВИГ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ (СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ)	273
Налётова Наталья Юрьевна СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	277
Нефедьева Елена Владимировна ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ СИМВОЛОВ ГЛАВНЫХ ФУНКЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	284
Никитин Евгений Валентинович К ВОПРОСУ О РОЛИ ТАНКОВЫХ ВОЙСК В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	291
Оплаканская Рената Валерьевна 5-я ПОЛЬСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)	299
Паневин Кирилл Васильевич ДОПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ КАК ВАЖНАЯ ФОРМА ВВОДА В СТРОЙ МОЛОДОГО ПОПОЛНЕНИЯ	306
Пантелеева Екатерина Валерьевна СОВЕТСКАЯ ОНЕЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	312
Пацкевич Юрий Иосифович РУССКАЯ ИДЕЯ: АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА	317
Печурин Ольга Алексеевна ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ВЫБОР И ЛИЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО	326
Платова Екатерина Эдуардовна ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ-ИНЖЕНЕРОВ Я.М. ГАККЕЛЯ И Е.Я. ГАККЕЛЬ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА НА НЕВЕ	336
Полякова Наталья Валерьевна ИДЕЯ ОТЕЧЕСТВА В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.А. ТИХОМИРОВА	344
Портнягина Мария Дмитриевна РОЛЬ «МЕСТ ПАМЯТИ» В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	350

Пригодич Никита Дмитриевич ИНОСТРАННЫЕ ЗАКУПКИ АВТОМОБИЛЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	358
Рабуш Таисия Владимировна АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1979–1989 ГГ.) И КОНЦЕПЦИЯ «СТРЕМЛЕНИЯ СССР К ТЕПЛЫМ МОРЯМ»	363
Рубис Людмила Григорьевна КУЛЬТУРНО-МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	368
Рябушкин Дмитрий Сергеевич ОТНОШЕНИЕ К ПЛЕНУ В РОССИИ	372
Самылов Олег Валерьевич ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ ИОГАННА ГЕРДЕРА И НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ	380
Сиволап Татьяна Евгеньевна ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВРАЧ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ	386
Сидоренко Леонид Владимирович ОБРАЗ РОССИИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДНЕВНИКЕ ДЖОРДЖА ГРИНА	393
Смирнов Владимир Николаевич ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА И Н. И. ТУРГЕНЕВА	400
Спиридонова Евгения Павловна БОЛЕЗНИ И ИХ ВРАЧЕВАНИЕ В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНЫ	408
Стецкевич Михаил Станиславович ПРАВОСЛАВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РАЗВИТИИ АНГЛИКАНСТВА В XIX В.	416
Суздальцева Ирина Анатольевна ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДАГЕСТАНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	424
Тальшинский Эльвин Бахрузович (Азербайджанская Республика) НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	429
Тихонова Вера Борисовна К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В РОССИИ XVII В.	436
Тихоньких Виктор Петрович ГЕНЕЗИС ИДЕИ РУССКОГО МИРА	449
Трусова Тамара Николаевна ОТ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВЫХ ЛИНИЙ ДО НАЧАЛА ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ УЗЛЕ	457

Уколова Инна Петровна ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США В ПЕРИОД 2000-2015 ГГ.	464
Филиппов Сергей Иванович НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ	472
Фостийчук Виктор Викторович К СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЁ УЧАСТНИКАХ (О ЕЙЧАНАХ-УЧАСТНИКАХ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА)	479
Чепель Александр Иванович АВТОМОБИЛЬ ПРОТИВ ТРАМВАЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	488
Чепель Александр Иванович ПРИРОДА ПРОТИВ БИЗНЕСА: ПУТИЛОВСКАЯ ПЛИТА КАК СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	493
Чепель Александр Иванович САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ХРАНИТ ПАМЯТЬ ОБ ИМПЕРАТРИЦЕ: К 340-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ	497
Чжао Хунвэй (Китайская Народная Республика) ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, «РАЗРЯДКА» И ДЕЙСТВИЯ СССР В 1970-Е ГОДЫ	503
Чумакова Татьяна Витаутасовна ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЦЕРКОВНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	508
Шапиро Светлана Викторовна ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	514
Шахисмаил Намаз оглы Исмаилов (Азербайджанская Республика) КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	520
Шестаков Александр Анатольевич БОЕВОЙ ПУТЬ 6-Й ОРЛОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	528
Шмелева Марина Юрьевна КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ КУРСА ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА	534
Шумилов Евгений Николаевич О КОЗАРСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ АШКЕНАЗОВ-ЛЕВИТОВ	542

Юрьева Алла Васильевна	
ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ДОБУЖИНСКОГО	550
СОДЕРЖАНИЕ	555

Научное издание

**«РОССИЯ И МИР
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»**

к 320-летию основания Санкт-Петербурга.

Том I

Материалы XXIX международной научной конференции

Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.

Под редакцией С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина

Электронное издание сетевого распространения

Системные требования:

электронное устройство с программным обеспечением
для воспроизведения файлов формата PDF

Режим доступа: http://publish.sutd.ru/tp_get_file.php?id=2023109, по паролю. –
Загл. с экрана.

Дата подписания к использованию 06.04.2023 г. Рег. № 109/23

ФГБОУВО «СПбГУПТД»

Юридический и почтовый адрес:

191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18.

<http://sutd.ru/>